СТИВЕН

КИНГ

ДОКТОР СОН

СТИВЕН

КИНГ

СТИВЕН

КИНГ

ДОКТОР СОН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Сое)-44
К41

Серия «Король на все времена»

Stephen King
DOCTOR SLEEP

Перевод с английского *И.Л. Моничева*
Компьютерный дизайн *А.И. Смирнова*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

К41 Доктор Сон: [роман] / Стивен Кинг; [пер. с англ. И.Л. Моничева]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 575, [1] с. — (Король на все времена).

ISBN 978-5-17-099557-8

Дэнни Торранс, сын писателя, уничтоженного темными силами отеля «Оверлук», до сих пор тяготится своим необычайным даром. Ведь способность «сиять» вновь и вновь напоминает ему о трагических событиях, пережитых в детстве и едва не сломавших ему жизнь.

На плаву Дэнни поддерживает лишь работа в хосписе, где его способности помогают облегчить пациентам мучительную боль. Но однажды к Дэну приходит двенадцатилетняя девочка Абра, которая излучает «сияние» невероятной, немыслимой силы. И девочке этой угрожает смертельная опасность — на нее объявлена настоящая охота.

Дэн Торранс — единственный, кто может ее спасти...

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Сое)-44

© Stephen King, 2013
© Перевод. И.Л. Моничев, 2014
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Когда я играл, пусть и на достаточно примитивном уровне, на ритм-гитаре в группе под названием «Рок боттом римейндерз», Уоррен Зивон часто работал с нами. Уоррен любил серые футболки и фильмы вроде «Королевства пауков». Он настаивал, чтобы именно я солировал в его хите «Лондонские оборотни», которым мы всегда завершали наше шоу. Я отнекивался, говорил, что мне это не потянуть, но он упорствовал. «Потянешь, — говорил мне Уоррен. — Держись самых простых аккордов и завывай поискреннее. Но самое главное — *играй, как Кит*».

Мне никогда было не научиться играть, как Кит Ричардс, но я старался, а если рядом был Уоррен, подпевавший мне нота в ноту и смеявшийся до потери пульса, я неожиданно чувствовал вдохновение.

Уоррен! Этот вой — для тебя, где бы ты сейчас ни был. Мне очень не хватает тебя, дружище.

Мы достигли критической точки. Полумеры ни к чему не привели.

Из «Большой книги общества "Анонимные алкоголики"»

Если мы хотели остаться в живых, нам необходимо было избавиться от гнева. [Эта] сомнительная роскошь доступна только нормальным мужчинам и женщинам.

Из «Большой книги общества "Анонимные алкоголики"»

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Если СТРАШНО, клади на все и сматывайся.

Старая поговорка анонимных алкоголиков

СЕЙФ

1

Во второй день декабря того года, когда в Белом доме заправлял «арахисовый фермер» из штата Джорджия*, один из лучших курортных отелей в штате Колорадо сгорел дотла. «Оверлук» не подлежал восстановлению. После расследования главный пожарный инспектор округа Хикарилья пришел к выводу, что причиной несчастья послужила неисправность отопительного котла. Когда произошла катастрофа, отель был закрыт на зиму и на месте происшествия находились только четыре человека. Трое выжили. Зимний смотритель отеля Джек Торранс погиб во время безуспешной (хотя, безусловно, героической) попытки сбросить в котле давление, которое достигло чрезмерной величины по причине дефекта в предохранительном клапане.

В живых остались жена смотрителя и их малолетний сын. Третьим свидетелем оказался шеф-повар «Оверлука» Ричард Холлоран, который временно оставил свою сезонную работу в штате Флорида и вернулся, чтобы проведать Торрансов, поскольку, по его собственным словам, имел «веские основания» подозревать, что у семьи возникли проблемы. Оба выживших взрослых при взрыве были серьезно травмированы. Ребенок не пострадал.

По крайней мере физически.

---

* Имеется в виду Джеймс Картер, 39-й президент США (с 1977 по 1981 гг.) — *Здесь и далее примеч. пер.*

2

Уэнди Торранс и ее сын получили денежную компенсацию от корпорации, которой принадлежал «Оверлук». Не бог весть какую, но достаточную, чтобы продержаться три года, пока травма позвоночника не позволяла Уэнди работать. Адвокат, с которым она консультировалась, уверял, что при желании это дело можно было раздуть, поставить жесткие условия и, вероятно, получить значительно более солидную сумму. Но она, как и сама корпорация, больше всего хотела как можно скорее забыть о страшных событиях той зимы в Колорадо. Она поправится, заявила Уэнди, и так и произошло, хотя боли в спине продолжали мучить ее до самой смерти. Изувеченные позвонки и сломанные ребра срастаются, но продолжают напоминать о себе.

Уиннифред и Дэниел Торранс некоторое время жили на среднем юге, а потом перебрались в Тампу. Иногда Дик Холлоран (тот самый, у которого ни с того ни с сего возникли «веские основания» для подозрений) приезжал навестить их из Ки-Уэста. Главным образом он стремился повидаться с Дэнни. Между ними установилась некая прочная связь.

Однажды рано утром в марте 1981 года Уэнди сама позвонила Дику и попросила срочно приехать. Дэнни, сообщила она, разбудил ее среди ночи и попросил ни в коем случае не заходить в ванную.

После чего вообще отказался разговаривать.

3

Он проснулся, потому что ему захотелось по-маленькому. На улице поднялся сильный ветер. Теплый ветер — во Флориде не бывало других, — но ему не нравился его шум и, как он предполагал, уже никогда не понравится. Шум ветра напоминал об «Оверлуке», где неисправный бойлер оказался наименьшей из грозивших им опасностей.

Они с матерью жили в тесной съемной квартирке на третьем этаже. Дэнни вышел из своей крохотной спальни, расположенной рядом с маминой комнатой, и пересек коридор. Ветер сви-

репствовал и стучал листьями засыхающей пальмы, росшей рядом с домом. Словно гремел костями скелета. Они всегда оставляли дверь ванной открытой, если только кто-то не пользовался душем или туалетом, потому что замок в ней был сломан. Но этой ночью дверь оказалась закрыта, хотя мамы там не было. Из-за повреждений лица и горла, полученных в «Оверлуке», она начала храпеть, и сейчас он мог слышать негромкое повторяющееся *ухр-ухр-ухр*, доносившееся из ее спальни.

Что ж, наверное, она случайно закрыла дверь, только и всего.

Впрочем, он сразу понял, что это не так (Дэнни и сам обладал обостренным чувством предвидения и интуицией), но бывают случаи, когда необходимо во всем убедиться самому. Порой нужно пойти и *увидеть*. Это было одно из открытий, сделанных им в номере на третьем этаже отеля «Оверлук».

Протянув руку, которая вдруг стала слишком длинной, медлительной и вялой, словно лишившейся костей, он повернул ручку и открыл дверь.

Как он и ожидал, там была женщина из номера 217. Обнаженная, она сидела на унитазе, расставив ноги с отвратительно бледными, распухшими бедрами. Ее позеленевшие груди свисали как два проколотых воздушных шарика. Пучок волос ниже живота был седым. И глаза ее были серыми, как два стальных зеркала. Она увидела его, и ее губы растянулись в усмешке.

Сразу же закрой глаза, учил его Дик Холлоран когда-то давным-давно. *Если увидишь что-то плохое, закрой глаза и скажи себе, что этого нет, и когда ты их откроешь, все пропадет.*

Но это не сработало в номере 217, когда ему было пять лет, и не сработает сейчас. Он был в этом уверен. Он чувствовал ее запах. Она разлагалась.

Женщина, чье имя было ему известно — ее звали миссис Масси, — поднялась, опершись на фиолетовые ступни, и протянула к нему руки. Плоть на ее руках не просто обвисла, а почти что капала на пол. Женщина улыбалась так, как улыбаются при встрече со старым другом. Или когда видят аппетитную пищу.

С почти спокойным лицом Дэнни тихо закрыл дверь и отошел от нее. Он видел, как ручка повернулась вправо... влево... снова вправо... и замерла.

Ему уже исполнилось восемь лет, и теперь он мог мыслить рационально, даже охваченный паническим страхом. Отчасти ясность мышления не покинула его еще и потому, что в глубине души он давно ожидал чего-то подобного. Хотя ему почему-то всегда казалось, что первым явится Хорас Дервент. Или, возможно, тот бармен, которого отец называл Ллойдом. Потом Дэнни понял, что ему следовало готовиться именно к встрече с миссис Масси, по той простой причине, что из всей не желавшей окончательно умирать нечисти «Оверлука» она была самой жуткой.

Так вот, рациональная часть сознания подсказывала: это видение было всего лишь фрагментом не запомнившегося ему целиком кошмарного сна, который он продолжал видеть, уже встав с постели и пройдя через коридор к ванной. Эта часть настаивала, что, если он снова откроет дверь, там уже ничего не будет. Зато другой отдел его мозга, а именно тот, что давал ему способность *сиять*, не сомневался: «Оверлук» с ним еще не закончил и по крайней мере один из тамошних духов, одержимый местью, последовал за ним во Флориду. Однажды он уже обнаружил эту женщину в ванне. Она выбралась из нее и своими скользкими (но удивительно сильными) пальцами попыталась задушить его. И если сейчас он вернется в ванную, она завершит начатое.

А потому он решился лишь приложить к двери ухо. Поначалу ничего не услышал. Затем различил едва уловимый звук.

Ногти мертвой женщины скребли по дереву.

Не чуя под собой ног, Дэнни дошел до кухни, встал на стул и пописал в раковину. Потом он разбудил маму и сказал ей не заходить в ванную, потому что там она могла увидеть нечто страшное. Когда с этим было покончено, он вернулся в постель и зарылся как можно глубже под одеяло. Ему хотелось остаться здесь навсегда и вылезать лишь для того, чтобы справить малую нужду в раковину. Он предупредил маму, и дальнейшие разговоры с ней его не интересовали.

Его мать такое уже видела. Впервые подобный ступор случился с Дэнни после того, как он зашел в номер 217 отеля «Оверлук».

— А с Диком ты будешь разговаривать?

Глядя на нее из постели, он кивнул. И мама позвонила, хотя было всего четыре часа утра.

Дик приехал позже в тот же день. Он кое-что привез с собой. Подарок.

4

После того как Уэнди позвонила Дику — а она позаботилась о том, чтобы сын все слышал, — Дэнни снова погрузился в сон. Хотя ему было уже восемь и он ходил в третий класс, во сне Дэнни сосал палец. У Уэнди защемило сердце. Затем она подошла к двери ванной и остановилась, глядя на нее. Ей было страшно — Дэнни напугал ее, — но хотелось в туалет, и она, уж конечно, не собиралась использовать для этой цели кухонную раковину. Представив себе, как пристраивается задницей над высокой фаянсовой емкостью (пусть никто этого не увидит), Уэнди с отвращением наморщила нос.

Она достала молоток из небольшого ящика с инструментами и крепко сжала его. Повернув ручку и открыв дверь, занесла молоток для удара. В ванной, разумеется, никого не было, но сиденье на унитазе оказалось опущено. Она никогда не оставляла его на ночь в таком положении, потому что знала: Дэнни непременно встанет ночью, а не проснувшись окончательно, даже не подумает поднять стульчак и пустит струйку прямо на него. Кроме того, в ванной стояла вонь. Тошнотворная вонь. Словно где-то в углу валялась давно сдохшая крыса.

Уэнди сделала шаг внутрь, потом другой. Краем глаза заметила какое-то движение и резко развернулась, готовая ударить молотком того,

(*или то*)

кто притаился за дверью. Но увидела лишь собственную тень. У людей вошло в привычку смеяться над теми, кто пугается собственной тени, однако Уэнди Торранс имела на испуг полное право. После всего, через что ей пришлось пройти, она лучше, чем кто-либо другой, знала, насколько опасными могут быть тени. У теней часто оказывались очень острые зубы.

Да, здесь никого не было, но на сиденье она заметила пятно неопределенного цвета и еще одно — на шторке ванны. Сначала подумала, что это экскременты, но дерьмо редко имело подобный желто-пурпурный оттенок. Она присмотрелась к пятну ближе и разглядела в нем куски разлагавшейся плоти и кожи. Потом ей бросились в глаза такие же пятна на коврике, имевшие форму человеческих ступней. Для мужских они выглядели слишком маленькими и, если угодно, изящными.

— О Господи, — прошептала она.

Кончилось тем, что ей тоже пришлось воспользоваться кухонной раковиной.

5

Около полудня Уэнди удалось вытащить сына из постели. Она сумела влить в него немного супа и впихнуть половину бутерброда с арахисовым маслом, но после этого он сразу же снова улегся в кровать. Он по-прежнему с ней не разговаривал. Холлоран прибыл вскоре после пяти часов вечера за рулем своего совсем уже древнего (но содержавшегося в образцовом порядке и до блеска отполированного) красного «кадиллака». Уэнди стояла у окна, высматривая его, как когда-то высматривала своего мужа, надеясь, что Джек приедет домой в добром расположении духа. И трезвый.

Она бросилась вниз по лестнице и открыла дверь в тот самый момент, когда он собирался нажать кнопку звонка рядом с табличкой «Торранс, кв. 2А». Он распахнул объятия, и она тут же прижалась к нему, желая только одного — простоять вот так час. А лучше — два.

Но он почти сразу отпустил Уэнди — отстранил, удерживая за плечи.

— Выглядишь прекрасно, Уэнди. А как наш молодой человек? Начал разговаривать?

— Нет, но с тобой он заговорит. Ведь даже если он не станет сразу общаться вслух, ты можешь... — Она изобразила из пальцев пистолет и нацелила ему в лоб.

— Вовсе не обязательно, — возразил Дик. Его улыбка обнажила сверкающий набор новых вставных зубов. Прежние искусственные челюсти он оставил в «Оверлуке» в ту ночь, когда взорвался бойлер. Джек Торранс ударами тяжелого деревянного молотка раздробил Дику зубы, а Уэнди навсегда лишил возможности ходить не прихрамывая, но они оба знали, что на самом деле за всем этим стоял отель.

— Дэнни очень силен, Уэнди. И если захочет блокировать меня, то легко сможет сделать это. Уже не раз проверено на практике. И вообще будет лучше, если мы поговорим обычным способом. Лучше для него самого. А теперь расскажи мне, что тут у вас стряслось.

Уэнди посвятила его в детали, а потом провела в ванную. Пятна она специально оставила на прежних местах, чтобы он мог их увидеть, как патрульный полицейский бережет улики на месте преступления до прибытия команды криминалистов. Она считала, что здесь произошло именно преступление. Преступление против ее мальчика.

Дик долго все рассматривал, ни к чему не прикасаясь. Потом кивнул:

— Теперь пойдем глянем, не сменил ли наш милый Дэнни гнев на милость.

Не сменил, но Уэнди стало легче, когда она заметила радость на лице сына при виде гостя, который присел на край его кровати и слегка потряс за плечо.

(*привет Дэнни я привез тебе подарок*)

(*у меня день рождения еще не скоро*)

Уэнди наблюдала за ними, догадываясь, что они уже беседуют, не зная только о чем.

— Поднимайся, милейший. Нам нужно пойти прогуляться по пляжу, — произнес вслух Дик.

(*Дик она вернулась миссис Масси из номера двести семнадцать вернулась*)

Дик снова хлопнул его по плечу:

— Говори по-человечески, Дэн. Ты пугаешь маму.

— А что за подарок? — спросил Дэнни.

Дик улыбнулся:

— Вот так-то лучше. Мне нравится слышать твой голос, и Уэнди тоже.

— Конечно. — Она не осмелилась больше ничего добавить. В противном случае они заметили бы волнение в ее голосе и начали беспокоиться за нее. Этого ей сейчас хотелось меньше всего.

— Пока нас не будет, можешь навести чистоту в ванной, — сказал ей Дик. — У тебя есть резиновые перчатки?

Она кивнула.

— Отлично. Не забудь их надеть.

6

Пляж находился в двух милях от дома. Парковку со всех сторон окружали дешевые забегаловки, кондитерские, палатки с хот-догами и сувенирные лавки, но сейчас, когда сезон почти закончился, дела у торговцев шли вяло. Да и сам пляж почти пустовал. По пути в машине Дэнни держал на коленях свой подарок — тяжелый прямоугольный предмет, завернутый в серебристую бумагу.

— Скоро сможешь вскрыть упаковку, но только сначала нам надо немного поговорить, — сказал Дик.

Они побрели вдоль самой кромки прибоя, где песок был плотным и влажно поблескивал. Дэнни шел медленно, потому что Дик был уже старым. Однажды он умрет. Быть может, уже скоро.

— Я еще несколько лет протяну, — сказал Дик. — Пока не слишком беспокойся об этом. Расскажи лучше о прошлой ночи. И не упускай ни малейших деталей.

На это не потребовалось много времени. Тяжелее всего оказалось подобрать нужные слова, чтобы объяснить, почему его охватил такой ужас, смешанный с безнадежной уверенностью: теперь, отыскав его, она уже не отстанет. Впрочем, для беседы с Диком слова не требовались, хотя ему все-таки удалось их найти:

— Она вернется. Я в этом уверен. А потом будет приходить снова и снова, пока не добьется своего.

— Помнишь день нашей первой встречи?

Немного удивившись, Дэнни кивнул. Холлоран устроил ему и его родителям экскурсию по кухне «Оверлука», когда они только туда приехали. Казалось, это было очень давно.

— А помнишь первую фразу, которую я произнес внутри твоей головы?

— Конечно.

— Что я сказал?

— Ты спросил, не хотел бы я отправиться с тобой во Флориду.

— Точно. И что ты почувствовал, когда понял, что не единственный в своем роде? Что ты не один такой?

— Это было замечательное чувство, — ответил Дэнни. — Невероятное чувство.

— Еще бы! — сказал Холлоран. — И это естественно.

Некоторое время они шли молча. Мелкие пташки, которых мать Дэнни называла песочниками, сновали между полосой песка и пеной, оставленной волнами.

— А тебе не показалось странным, что я появился как раз в тот момент, когда ты больше всего нуждался во мне? — Дик посмотрел на Дэнни и улыбнулся. — Вижу, что нет. Да и с чего бы? Ты был лишь пятилетним ребенком. Но сейчас ты стал старше. В каком-то смысле — *намного* старше. А потому послушай меня, Дэнни. Вселенная умеет сохранять равновесие. Я верю в это. Есть старая пословица: когда ученик будет готов, у него непременно появится учитель. Я стал для тебя таким учителем.

— Ты не просто учитель, — возразил Дэнни, взяв Дика за руку. — Ты — мой друг. И ты спас нас с мамой.

Дик не обратил на его слова внимания... Или сделал вид, что не обратил.

— Моя бабушка тоже сияла. Я ведь рассказывал тебе об этом?

— Да. Ты вспоминал, как вы с ней могли подолгу разговаривать, не раскрывая рта.

— Верно. Она научила меня этому. А ее научила *пра*бабушка еще во времена рабства. Наступит день, Дэнни, когда учителем придется стать и тебе. У тебя появится ученик.

— Если миссис Масси не успеет прежде прикончить меня, — мрачно заметил Дэнни.

Им попалась скамейка, и Дик опустился на нее.

— Начинаю побаиваться уходить слишком далеко. Вдруг не хватит сил на обратный путь? Сядь рядом. Хочу рассказать тебе одну историю.

— Но мне не нужны истории! — воскликнул Дэнни. — Она вернется, разве ты не понял? А потом будет приходить *снова*, и *снова*, и *снова*.

— Закрой рот и оттопырь уши. Послушай то, что может тебе пригодиться. — Дик снова расплылся в улыбке, сверкнув новыми зубами. — Мне кажется, ты поймешь, в чем здесь смысл. Ты очень неглупый мальчик, дорогой мой.

7

Мать матери Дика — та, что умела сиять, — жила в Клируотере. Она была Белой Бабушкой. Не потому, что принадлежала к европеоидной расе, а просто потому, что была *хорошим* человеком. Отец отца Дика жил в Данбри, штат Миссисипи, — небольшой сельской общине близ Оксфорда. Его жена умерла задолго до того, как появился на свет Дик. Для человека с его цветом кожи в то время и в том месте он считался весьма состоятельным. Ему принадлежала контора похоронных услуг. Маленький Дик Холлоран вместе с родителями навещал его четыре раза за год — и ненавидел эти визиты. Энди Холлоран наводил на мальчика ужас, и он называл его — только про себя, разумеется, потому что сказать такое вслух значило тут же получить смачную затрещину — Черным Дедушкой.

— Ты слышал про педофилов? — спросил Дик у Дэнни. — Про мужчин, которые хотят секса с малолетними детьми?

— Так, кое-что, — осторожно ответил Дэнни. Его, конечно, предупреждали никогда не разговаривать с незнакомцами и ни в коем случае не садиться к ним в машину, потому что они могли начать приставать и все такое.

— Так вот, старик Энди был не просто педофилом, а еще и треклятым садистом.

— А это что такое?

— Садист — это тот, кому нравится причинять другим людям боль.

Дэнни сразу понял, о чем речь.

— Это как Фрэнки Листрон у нас в школе. Он обожает выкручивать ребятам помладше руки и прижигать кожу. Если ты терпишь и не плачешь, он от тебя отстает, но стоит только заплакать, и он от тебя уже *никогда* не отвяжется.

— Скверно, но мне пришлось гораздо хуже.

Стороннему прохожему могло показаться, что Дик погрузился в молчание, однако на самом деле он продолжил свой рассказ, мысленно посылая Дэнни серию образов и пояснявших их слов. Дэнни увидел Черного Дедушку — высокого мужчину в черном костюме и особой

(*федоре*)

шляпе поверх головы. Он разглядел сгустки слюны, постоянно скапливавшейся в углах его рта, и красноту глаз, словно тот сильно устал или совсем недавно плакал. Он видел, как старик сажал Дика — который был еще меньше, чем Дэнни сейчас: вероятно, такого же возраста, как Дэнни страшной зимой в «Оверлуке», — себе на колени. Если они были не одни, все сводилось к обычной щекотке, но стоило им остаться вдвоем, как дед совал Дику руку между ног и сжимал яички с такой силой, что мальчик почти терял сознание от боли.

«Тебе нравится? — пыхтел дедушка Энди ему прямо в ухо. От него пахло сигаретами и виски «Уайт хорс». — Небось еще как нравится! Любому мальчишке хочется этого. Но даже если нет, не смей никому рассказывать. Откроешь рот, и я тебе сделаю по-настоящему больно. Я тебя сожгу».

— Ни фига себе! — сказал Дэнни. — Это действительно страшно.

— Было еще много всего, — продолжал Дик, — но я хочу рассказать тебе вот о чем. После смерти жены дед нанял женщину помощницей по дому. Она стала уборщицей и поварихой. К ужину она выставляла на стол все блюда одновременно — от салата до десерта, — потому что так хотелось Черному Дедушке. На сладкое всегда подавали торт или пудинг. Твой кусочек ставили на маленькой тарелочке или блюдце рядом с большой та-

релкой, чтобы ты мог предвкушать его и любоваться им, пока расправлялся с основной едой. Причем дед придерживался жесткого и строгого правила: ты мог *смотреть* на десерт, но не смел начинать *есть* его, пока не доедал до последнего кусочка жареное мясо, овощи и картофельное пюре. Ты обязан был даже подобрать всю подливку, хотя она всегда получалась комковатая и почти безвкусная. Если у меня на тарелке оставалась подливка, Черный Дедушка протягивал мне ломоть хлеба со словами: «А ну-ка промокни все дочиста, Пташка Дики. Пусть твоя тарелка сияет, будто ее вылизала собака». Так он меня звал — Пташкой Дики. Иногда я не в силах был справиться с едой без остатка, как ни старался, и тогда меня лишали куска торта или пудинга. Дед забирал его и съедал сам. А бывало, когда я не мог одолеть ужин полностью, то находил в своем куске торта или ванильного пудинга погашенный окурок. «Вот беда: промахнулся мимо пепельницы», — говорил дед. Мои папа и мама ни разу не попытались одернуть его, хотя прекрасно понимали, что эта шутка не из тех, что допустимы с маленьким ребенком. Делали вид, что им тоже очень смешно.

— А вот это уже никуда не годится, — сказал Дэнни. — Твои *родители должны* были заступаться за тебя. Моя мама всегда меня защищает. И папа защитил бы тоже.

— Они его побаивались. И не без причины. Энди Холлоран был злым и грубым человеком. Он мог сказать: «Давай, Дики, *подъешь с краев. Авось не отравишься*». И если я откусывал кусочек, он разрешал Нонни — так звали домработницу — принести мне другой десерт. Но если я к нему не притрагивался, он оставался стоять на столе с окурком внутри. Скоро стало получаться так, что я никогда не мог закончить ужин, потому что у меня начиналось расстройство желудка.

— Тебе надо было сразу переставлять блюдце с десертом на другую сторону, — заметил Дэнни.

— Ты думаешь, я не пробовал? Я, знаешь, тоже не дурачком родился. Но он возвращал блюдце на прежнее место, приговаривая, что десерт всегда должен стоять справа от едока.

Дик сделал паузу, глядя на воду, где белый баркас медленно двигался вдоль линии горизонта, разделявшей небо и волны Мексиканского залива.

— Иногда, оставшись со мной наедине, он кусал меня. А однажды, когда я сказал, что если он не оставит меня в покое, я пожалуюсь папе, погасил сигарету прямо о мою голую ногу. «Что ж, — говорит, — попробуй, пожалуйся. И увидишь, что из этого выйдет. Твой папаша знает все мои привычки, но никогда слова мне поперек не скажет, потому что он трус и хочет получить денежки, что лежат у меня в банке, когда я умру. Но только ждать ему придется еще долго».

Дэнни слушал Дика с широко раскрытыми от удивления глазами. Он всегда считал историю Синей Бороды самой страшной из всех, но эта казалась даже страшнее, потому что не была выдумкой, а случилась на самом деле.

— Порой он напоминал мне, что знает очень плохого человека по имени Чарли Мэнкс, и если я не буду слушаться, он позвонит этому Чарли в другой город, и тот приедет на своей огромной машине, чтобы забрать меня в специальное место для непослушных детей. Потом дед совал мне между ног пальцы и начинал их сжимать. «Поэтому ты никому ничего не скажешь, Пташка Дики. А проговоришься, старина Чарли увезет тебя туда, где у него сидит уже много украденных детишек, и продержит там до самой твоей смерти. А когда ты умрешь, то отправишься в ад, где твое тело будет гореть в вечном пламени. Потому что ты наябедничал. И плевать, поверят тебе или нет. Ябеда — он и есть ябеда». И очень долго я верил каждому слову старого мерзавца. Я даже Белой Бабушке, той, что умела сиять, ни о чем не рассказывал. Боялся, что она тоже решит, что во всем виноват я сам. Будь я постарше, поступил бы иначе, но тогда я был совсем еще несмышленым малышом.

Он снова помолчал.

— А потом произошло еще кое-что. Догадываешься, что именно, Дэнни?

Дэнни какое-то время вглядывался в лицо Дика, пытаясь увидеть образы и услышать слова, таившиеся в глубине его сознания, потом сказал:

— Ты хотел, чтобы твоему папе достались деньги. Но он их так и не получил.

— И впрямь! Черный Дедушка все отписал сиротскому приюту для негров в Алабаме, и держу пари, что знаю причину. Но это уже не имеет значения.

— И твоя хорошая бабушка ничего не знала? Ни о чем не догадывалась?

— Она *чувствовала что-то*, но я блокировал эту тему, и она оставила меня в покое. Лишь предупредила, что, как только я буду готов ей рассказать, она будет готова выслушать. Так что, Дэнни, когда Энди Холлоран умер — с ним случился удар, — я был счастливейшим мальчишкой на всем белом свете. Мама сказала, что мне не обязательно присутствовать на похоронах, что, если я не хочу там быть, могу остаться дома с бабушкой Роуз — моей Белой Бабушкой, — но я как раз отчаянно рвался туда. Сам понимаешь зачем. Мне необходимо было лично убедиться, что старый Черный Дедушка действительно мертв.

В тот день лил дождь. Все, кто собрался у могилы, раскрыли над собой черные зонты. Я наблюдал за гробом — несомненно, самым большим и лучшим в его собственной конторе, — опускавшимся в землю, и вспоминал, сколько раз он до боли сжимал мне яйца, сколько раз тушил сигарету в моем куске десерта или о мою ногу. Как он властвовал за нашим столом подобно безумному королю из шекспировской трагедии. Но больше всего я думал о Чарли Мэнксе, которого дед наверняка попросту выдумал. Я тихо радовался, что Черный Дедушка уже никогда не сможет позвонить ему, чтобы тот приехал среди ночи на своем огромном автомобиле и увез меня туда, где прятал других украденных мальчиков и девочек.

Я пытался заглянуть в могилу. «Пусть парень посмотрит», — поддержал меня отец, когда мама попыталась возражать. И я увидел гроб в мокрой яме и подумал: «Теперь ты на шесть футов *ближе к аду, черная твоя душонка*, а скоро попадешь туда насовсем, и, надеюсь, сам дьявол встретит тебя у входа и подаст тебе свою пылающую руку для приветствия».

Дик достал из брючного кармана пачку «Мальборо» со спичками под целлофановой оберткой. Зажав сигарету во рту, не сразу смог раскурить ее, потому что у него тряслись пальцы и дрожали губы. Дэнни был поражен, заметив стоявшие в глазах Дика слезы.

Уже зная, к чему все идет, мальчик спросил:

— И когда он вернулся?

Дик сделал глубокую затяжку и выдохнул дым, улыбаясь.

— Тебе даже не понадобилось залезать мне в мозги, чтобы все понять, верно?

— Верно.

— Через шесть месяцев. Однажды я пришел домой из школы, а он лежал голый на моей кровати, причем его полусгнивший член стоял. «Иди сюда и сядь на него, Пташка Дики, — сказал он. — Доставишь мне удовольствие, и я отплачу тебе сторицей». Я заорал, но меня никто не мог слышать. Мои родители работали. Мама в ресторане, а отец в типографии. Я выбежал из комнаты и захлопнул дверь. Но мне было слышно, как Черный Дедушка поднялся с постели... *тумп*... Пересек мою спальню... *тумп-тумп-тумп*... А потом я услышал...

— Звук ногтей, — тихо закончил за него Дэнни. — Он скребся ногтями в дверь.

— Так и было. Я не возвращался в свою комнату до самого вечера, когда мама и папа вернулись домой. Он исчез, но... кое-что оставил на память.

— Само собой. То же случилось у нас в ванной. Потому что они разлагаются.

— Точно. Я сам сменил белье на своей кровати, благо мама научила меня этому в раннем детстве. Сказала, что я уже достаточно взрослый. Прислуга, говорит, нужна избалованным белым мальчикам и девочкам вроде тех, за которыми она ухаживала сама, пока не подвернулась работа официантки в ресторане «Беркинс». А примерно через неделю я снова увидел старого черта. Он сидел на качелях в парке. В тот раз на нем был костюм, но весь покрытый какой-то серой гадостью. Наверное, плесенью, которой он обрастал, лежа в гробу.

— Да, — ответил Дэнни все тем же хрупким шепотом. На большее его голос был сейчас не способен.

— Но ширинка у него все равно оказалась расстегнута, и его причиндалы торчали наружу. Прости, что упоминаю такие подробности, Дэнни. Ты еще слишком мал для этого, но тебе необходимо знать обо всем.

— И тогда ты наконец пошел к Белой Бабушке?

— Больше ничего не оставалось. Потому что я, как и ты сейчас, думал: он будет постоянно возвращаться ко мне. Не как... Скажи мне, Дэнни, ты когда-нибудь видел мертвецов? Я имею в виду *обычных* мертвецов. Призраков.

Он рассмеялся, потому что это действительно звучало смешно. Дэнни тоже невольно улыбнулся:

— Да, видел несколько раз. Однажды сразу трое стояли у железнодорожного переезда. Два парня и девушка. Подростки. Мне показалось, что... Они, должно быть, там и погибли.

Дик кивнул:

— Вот-вот. Они какое-то время продолжают обретаться рядом с тем местом, где их настигла смерть, а потом привыкают быть мертвыми и уходят. Некоторые из привидений «Оверлука» принадлежали к их числу.

— Знаю. — Возможность обсуждать подобное *с понимающим человеком* приносила ему неописуемое облегчение. — И была еще женщина в ресторане. Там, где столики выставляют на тротуар.

Дик снова кивнул.

— Я не мог видеть сквозь нее, но ее никто не замечал, а потом официантка толкнула стул, на котором она сидела, и привидение пропало. А ты их тоже встречаешь?

— Не видел уже несколько лет, но твое сияние сильнее моего. К тому же с годами оно ослабевает...

— И это хорошо! — с жаром сказал Дэнни.

— Однако ты будешь продолжать сиять, даже когда станешь совсем взрослым, потому что буквально полыхал еще с младенчества. Обычные призраки совсем не такие, как та женщина, что ты встретил в номере двести семнадцать и у себя дома. Верно?

— Да. Миссис Масси *реальна*. Она даже может оставлять за собой следы — то есть куски самой себя. Ты их видел. Но главное — их видела даже моя мама, а она не сияет вообще.

— Давай возвращаться, — предложил Дик. — Пора тебе увидеть то, что я привез.

8

Возвращение на стоянку заняло значительно больше времени, потому что Дик задыхался.

— Проклятые сигареты, — сказал он. — Не вздумай даже начинать курить.

— Мама курит. Она думает, я не знаю, но мне все известно. Но расскажи, Дик, что же сделала твоя Белая Бабушка? Она наверняка сумела что-то предпринять, потому что Черный Дедушка оставил тебя в покое, если я правильно понял.

— Она преподнесла мне подарок. Такой же, какой я теперь припас для тебя. Это как раз то, что должен сделать учитель, когда ученик готов. Полезный навык — сам по себе большой подарок. Лучшее из того, что мы можем получить или дать сами. Бабушка не называла Энди по имени, а только этим словом... — Дик улыбнулся. — *Извращенец*. Я сказал ей то же самое, что и ты: он не призрак, он — настоящий. И она отвечала: «Да, он реален, но только *ты сам* делаешь его таким. Своим сиянием». По ее словам, некоторые духи — а особенно злые духи — не желают окончательно покидать наш мир, потому что знают, что потом им станет гораздо хуже, чем теперь. Большинство, конечно, просто уходят в небытие с голодухи, но некоторым удается найти пищу. «И такой подкормкой для них становится сияние, Дик, — объяснила она. — Заменителем еды. Ты сейчас кормишь этого извращенца. И не хочешь, а кормишь. Он как москит: все время кружит над тобой, а потом садится и пьет кровь. С этим ты ничего поделать не сможешь. Зато в твоей власти обернуть то, зачем он к тебе приходит, против него самого».

Они вернулись к «кадиллаку». Дик отпер двери и со вздохом облегчения опустился на водительское сиденье.

— Было время, я мог пройти десять миль быстрым шагом, а потом еще пять пробежать. А сейчас после небольшой прогулки чувство такое, словно меня лягнула в бок кобыла. Давай же, Дэнни. Посмотри на свой подарок.

Дэнни сорвал серебристую бумагу и увидел зеленую металлическую коробку с кодовым замком.

— Здорово!

— Тебе нравится? Хорошо. Я купил этот ларчик в «Вестерн ауто». Качественная американская сталь. Тот, что подарила мне Белая Бабушка Роуз, запирался на навесной замочек, и ключ мне приходилось носить на шее, ну так это когда было-то. Сейчас уже восьмидесятые, век передовых технологий. Видишь эти циферки на панели? Тебе нужно только ввести код — число, которое ты ни за что не забудешь, — и нажать кнопку «Устано-

вить». Тогда, как только понадобится открыть коробку, нужно будет набрать код.

Дэнни был искренне рад подарку.

— Спасибо, Дик! Я буду хранить в ней свои самые ценные вещи!

А среди них он числил свои лучшие бейсбольные карточки, значок следопыта-бойскаута, «счастливый» зеленый камушек и фотографию с отцом на лужайке перед домом в Боулдере, еще до «Оверлука». До того как все стало плохо.

— Это прекрасно, Дэнни. Непременно так и поступи, но мне нужно, чтобы ты сделал кое-что еще.

— Что именно?

— Я хочу, чтобы ты изучил эту металлическую коробку как следует снаружи и изнутри. Не просто осмотри ее. Потрогай. Почувствуй ее. Потом засунь нос внутрь и хорошенько запомни, как там пахнет. Она должна стать твоим лучшим другом. По крайней мере на какое-то время.

— Почему?

— Потому что тебе нужно будет воссоздать точную копию этого ларца у себя в сознании. Однако эта копия будет особенной. И в следующий раз, когда появится эта Масси, ты будешь готов к встрече. Я расскажу тебе, что нужно сделать, как мне рассказала когда-то бабушка.

На обратном пути Дэнни почти не разговаривал. Ему многое нужно было обдумать. Свой подарок — сейф из крепчайшей стали — он по-прежнему держал на коленях.

9

Миссис Масси вернулась через неделю. Она снова расположилась в ванной комнате, но на этот раз заняла непосредственно ванну. Дэнни она не удивила. В конце концов, именно в ванне она и умерла. Только теперь он и не думал бежать от нее. Наоборот, зашел внутрь и запер дверь. Она манила его к себе улыбаясь. И Дэнни тоже улыбался. Из гостиной доносились звуки телевизора. Мама смотрела очередную серию «Трое — это компания».

— Добрый вечер, миссис Масси, — сказал Дэнни. — А я кое-что для вас приготовил.

Лишь в последний момент она поняла, что происходит, и разразилась истошными криками.

10

Почти сразу в дверь ванной начали стучать.

— Дэнни, с тобой все в порядке?

— Все отлично, мамуля.

Ванна была пуста. В ней оставались следы липкой слизи, но Дэнни посчитал, что сам все очистит. Собственно, достаточно было пустить воду, и грязь смыло в сливное отверстие.

— Тебе нужно в туалет? Я скоро освобожу его.

— Нет. Мне просто... Мне показалось, я слышала твой голос.

Дэнни на всякий случай взял с полки зубную щетку и открыл дверь.

— Я в полном порядке, видишь?

Он широко улыбнулся. Теперь, когда миссис Масси ушла, улыбаться было легко.

Выражение озабоченности сразу исчезло с лица Уэнди.

— Старайся тщательнее чистить те зубы, что растут дальше всех. Именно там прячутся остатки пищи.

— Я постараюсь, мам.

Внутри его головы, где теперь на отдельной полке хранилась точная копия зеленого сейфа, слышались сдавленные вопли. Ему они не мешали. Он надеялся, что скоро все стихнет, и оказался прав.

11

Через два года накануне Дня благодарения на пустой лестничной площадке средней школы «Алафия» Дэнни Торрансу явился Хорас Дервент. Плечи его костюма были усыпаны конфетти. Небольшая черная маска свисала с полуразложившейся руки. От него пахло могилой.

— Отличная вечеринка, не так ли? — спросил он.

Дэнни развернулся и поспешил удалиться.

После уроков он позвонил по межгороду в Ки-Уэст, где в одном из ресторанов работал Дик.

— Еще один из призраков «Оверлука» нашел меня. Сколько коробок я могу завести, Дик? В своей голове, конечно же?

Дик усмехнулся:

— Сколько угодно, мой милый. В этом вся прелесть сияния. Неужели ты думал, что мне на своем веку пришлось посадить под замок только Черного Дедушку?

— И они там умирают?

На этот раз усмешки не последовало. Голос Дика звучал холодно, как никогда:

— А тебе не все равно?

Дэнни действительно было все равно.

Когда вскоре после начала нового года бывший владелец «Оверлука» объявился вновь — на этот раз в стенном шкафу комнаты Дэнни, — хозяин оказался готов встретить гостя. Он смело вошел в шкаф и плотно закрыл дверь. Вскоре второй воображаемый сейф встал на полке в его сознании рядом с ларцом миссис Масси. Оттуда слышались стуки и такая изощренная ругань, что Дэнни даже постарался запомнить ее, чтобы позже при случае пустить в ход самому. Но достаточно скоро все стихло. Больше из железной темницы Дервента, равно как и из камеры миссис Масси, не доносилось ни звука. А были они «живы» или нет, не имело значения.

Самое главное, что они уже никогда не выберутся наружу. Дэнни был в безопасности.

По крайней мере так он думал тогда. А еще он, разумеется, полагал, что никогда не притронется к спиртному, повидав, к чему это привело отца.

Что ж, людям свойственно заблуждаться.

ГРЕМУЧАЯ ЗМЕЯ

1

Ее звали Андреа Штайнер. Она любила кино и не любила мужчин, чему едва ли следовало удивляться, поскольку родной отец впервые изнасиловал ее в восьмилетнем возрасте, а потом продолжал насиловать еще ровно восемь лет. После чего она покончила с этим, сначала проколов ему по очереди оба яйца вязальной спицей своей матери, а потом вонзив ту же спицу, покрытую кровью и слизью, в левый глаз насильника. С яйцами она разделалась сравнительно легко, потому что он еще спал, но боль, должно быть, оказалась невыносимой, раз он проснулся, несмотря на ее особые способности. Впрочем, так или иначе, она уже стала взрослой и крепкой девушкой, а он был пьян. Поэтому ей хватило сил, чтобы придавить его собственным телом и нанести coup de grâce*.

Теперь ее возраст составлял четыре раза по восемь лет, и она скиталась по Америке, где в Белом доме «арахисового фермера» успел сменить бывший актер**. Новый лидер обладал смоляной шевелюрой, в которой, как и положено истинному актеру, не проглядывало ни волоска седины, и очаровательной, но неискренней актерской улыбкой. Энди видела по телевизору один из фильмов с его участием. В нем герою, которого играл будущий президент, поезд отрезал обе ноги. Идея безногих мужчин ей понравилась: такой не погонится за тобой в темном переулке и не изнасилует.

---

* Смертельный удар (*фр.*).

** Имеется в виду Рональд Рейган, 40-й президент США (с 1981 по 1989 гг.).

Кино стало ее страстью. Только кино увлекало по-настоящему и заставляло забыться. В кино всегда можно было рассчитывать на большой стакан попкорна и счастливый финал. Нужно только найти мужчину, чтобы пошел с тобой, приняв это за начало свидания, и заплатил за билеты. Вот и сегодня картина оказалась классная: с драками, поцелуями и громкой музыкой. Называлась она «В поисках утраченного ковчега». Сегодняшний спутник уже запустил руку ей под юбку и залез высоко по обнаженному бедру, но она не возражала: рука — это еще не член. Они познакомились в баре. Именно там она знакомилась с большинством ему подобных мужчин. Для начала он заплатил за ее выпивку, но бесплатная выпивка — это не свидание. Так, всего лишь случайное знакомство.

— *А это что значит?* — спросил он, проводя кончиком пальца по ее левому плечу. На ней была блузка без рукавов, и татуировка оказалась на виду. Ей нравилось демонстрировать ее, когда она выходила на поиски временного спутника. Она хотела, чтобы мужчины видели татуировку, которую ей накололи в Сан-Диего через год после убийства отца, и большинство считали, что она очень сексуальна.

Это змея, ответила она. *Гремучая змея. Видишь ее ядовитые зубы?*

Конечно, он их видел. Это были огромные, непропорционально большие для такой маленькой головки зубы. С одного стекал яд.

На этот раз ей попался типичный бизнесмен в дорогом костюме, с пышной, почти президентской шевелюрой, решивший отдохнуть после обеда от бумажной работы, которую ему наверняка приходилось делать в конторе. На вид лет шестидесяти, он в отличие от президента седину не скрывал. Почти вдвое старше ее. Но мужчины не придавали этому никакого значения. Он вел бы себя с ней так же, будь ей не тридцать два, а шестнадцать. Или всего восемь. Она помнила, как пошутил однажды ее папаша: *Если щелка может ссать, в самый раз ее...*

Понятное дело, вижу, ответил сидевший рядом мужчина, — но я спросил, в чем ее смысл?

Быть может, ты вскоре сам все поймешь, ответила Энди и провела языком по своей верхней губе. *У меня есть еще татуировка. Совсем в другом месте.*

А мне можно посмотреть?

Кто знает. Ты любишь кино?

Он непонимающе нахмурился.

В каком смысле?

Ты же хочешь пойти со мной на свидание, верно?

Он знал, в каком смысле упоминалось слово «свидание» в подобных заведениях. Тут околачивалось много девиц, и для них свидание означало одну вполне конкретную вещь. Но Энди имела в виду кое-что другое.

Конечно, хочу. Ты хорошенькая.

Тогда пригласи меня на свидание. Но только на настоящее. В «Риальто» как раз идет «В поисках утраченного ковчега».

Но я скорее думал об уютном номере в небольшом отеле. Всего в двух кварталах отсюда. Там отличный мини-бар, и даже есть балкон. Как насчет этого?

Она приникла губами к его уху и прижалась грудью к руке.

Отправимся туда потом. Своди меня сначала в кино. Заплати за билеты и купи мне попкорн. Меня возбуждает темнота.

Вот так и получилось, что они сидели и смотрели на Харрисона Форда, здорового как бык, щелкавшего на экране пастушьим кнутом по пустынной пылище. Пожилой мужчина с президентской шевелюрой держал руку у нее под юбкой, но она крепко зажала между ног картонный стакан с попкорном, чтобы ее спутник мог только крутить пальцами рядом со своей целью, не в силах добраться до нее. Он старательно лез все выше и выше, что раздражало. Она хотела досмотреть фильм до конца и узнать, что же таилось в загадочном ковчеге. И тогда...

2

В два часа дня в кинотеатре почти никого не было, но в двух рядах позади Энди Штайнер и ее ухажера все же расположилась троица. Двое мужчин, один совсем старик, второй тоже не первой молодости (впрочем, внешность бывает так обманчива), сидели с обеих сторон от поразительно красивой женщины: высокие скулы, серые глаза, нежная сливочная кожа лица, пышные черные волосы стянуты широкой бархатной лентой. Обычно она носила шляпу — старый потрепанный цилиндр, — но сегодня

решила оставить ее в кемпере. Ведь высокие шляпы не предназначены для кинотеатров. Ее имя было Роуз О'Хара, но кочевая семья, с которой она путешествовала, звала ее Роза-в-Шляпе.

Мужчина, который выглядел немного моложе своего товарища, носил имя Барри Смит. И хотя он был стопроцентно белым, та же семейка прозвала его Барри Китайцем из-за слегка восточного разреза глаз.

— Смотрите, что сейчас будет, — сказал он. — Это занятно.

— Лично меня больше занимает *кино*, — проворчал старикан, Дедушка Флик, что было вполне в его характере. На самом деле он тоже не сводил глаз с сидевшей чуть впереди парочки.

— Надеюсь, ты не ошибся, — сказала Роуз, — потому что женщина не из тех, кто дает много пара. Разве что самую малость, хотя...

— Вот, начала, начала, — зашептал Барри, когда Энди склонилась и губами почти коснулась уха своего спутника. Он широко ухмылялся, забыв про открытую коробку с мармеладными мишками, которую держал в руке. — Я наблюдал это уже три раза, но мне не надоело.

3

В ухе мистера Бизнесмена рос куст колючих седых волосков, и из него противно несло серой, но Энди это не могло остановить: она хотела убраться из этого городишки, а между тем с деньгами у нее сейчас было туго.

— Разве ты не чувствуешь, как устал? — прошептала она в это омерзительное ухо. — Разве тебе не хочется спать?

Подбородок мужчины мгновенно упал на грудь, и он захрапел. Энди залезла под свою юбку, убрала его обмякшую руку и пристроила на подлокотник кресла. Потом принялась шарить по карманам дорогого с виду пиджака мистера Бизнесмена. Бумажник оказался в левом внутреннем кармане. Это хорошо. Не придется заставлять мистера поднимать с сиденья жирную задницу. Когда они погружались в сон, двигать их было непросто.

Она открыла бумажник, высыпала на пол кредитные карты, просмотрела фотографии: мистер Бизнесмен на поле для гольфа

в окружении таких же толстомордых мистеров Бизнесменов; мистер Бизнесмен с женой; гораздо более молодой мистер Бизнесмен перед рождественской елкой с сыном и двумя дочками. На девочках были шапочки Санта-Клауса и платьица им в тон. Едва ли он насиловал их, но кто знает. Мужчины насилуют кого угодно, если уверены, что останутся безнаказанными, — факт, проверенный на практике. Жизненный урок, преподанный отцом, если угодно.

В отделении для наличности лежало чуть больше двухсот долларов. Не так уж много — в баре, где он ее снял, водились гораздо более дорогие проститутки, чем в забегаловках рядом с аэропортом, — но для дневного сеанса в четверг все равно неплохая выручка. И всегда можно было найти другого мужчину, который согласится сводить симпатичную молодую женщину в кино, где начнет лапать ее для разогрева. Надеясь на большее.

4

— Хорошо, — пробормотала Роуз и начала подниматься с места. — Ты меня убедил. Давайте попытаемся.

Но Барри жестом остановил ее.

— Нет, погоди немного. Смотри дальше. Сейчас начнется самое интересное.

5

Энди снова склонилась к отвратительному уху и прошептала:

— Спи крепче. Боль, которую ты почувствуешь, будет всего лишь сном.

Она открыла сумочку и достала ножик с перламутровой ручкой. Маленький, но с острым как бритва лезвием.

— Так чем будет боль?

— Всего лишь сном, — промямлил мистер Бизнесмен в узел своего галстука.

— Именно так, дорогуша.

Придерживая его свободной рукой за шею, она быстро нанесла порезы в виде двух букв V на правую щеку — толстую,

переходящую в двойной подбородок. Потом не удержалась и несколько секунд полюбовалась делом своих рук в неверном, пульсирующем свете кинопроектора. Хлынула кровь. Он проснется со щекой, охваченной огнем, с правым рукавом своего роскошного пиджака, пропитанным кровью, и ему понадобится срочная медицинская помощь.

И как ты объяснишь это своей женушке? Впрочем, уверена, ты найдешь, что ей наплести. Но если тебе не помогут пластические хирурги, ты будешь видеть оставленный мной автограф при каждом взгляде в зеркало. И когда тебе приспичит отправиться искать приключений в какой-нибудь темный бар, ты вспомнишь, как однажды тебя укусила гремучая змея. Змея в синей юбке и белой блузке-безрукавке.

Она переложила две бумажки по пятьдесят долларов и пять двадцаток в свою сумочку, щелкнула замком и уже собралась уходить, когда ей на плечо опустилась рука и женский голос прошептал:

— Привет, дорогая. Тебе придется досмотреть этот фильм в другой раз. А сейчас ты поедешь с нами.

Энди попыталась повернуться, но ее голову стиснули руки. *Изнутри.*

А потом наступила темнота, и очнулась она уже в принадлежавшем Роуз «эрскрузере», который направлялся к одному из кемпингов на окраине обычного городка американского Среднего Запада.

6

Когда она пришла в себя, Роуз дала ей чашку чаю и долго говорила с ней. Энди все прекрасно слышала, но не могла оторвать глаз от своей похитительницы. Это была незаурядная личность, если не прибегать к более громким эпитетам. Рост Розы-в-Шляпе составлял шесть футов. Ее длинные ноги были обтянуты слаксами, а высокая грудь — футболкой с эмблемой ЮНИСЕФ и девизом «Мы готовы на все, чтобы спасти жизнь ребенка». Ее лицо казалось лицом королевы, величавой и уверенной в себе. Распущенные волосы ниспадали до середины

спины. Глаз резал только потертый цилиндр, криво сидевший на голове, но в целом это была самая красивая из женщин, которых Энди Штайнер когда-либо встречала.

— Ты хорошо понимаешь, о чем я тебе говорю? Я даю тебе редкостный шанс, Энди, и не следует относиться к этому легкомысленно. Уже лет двадцать, если не больше, мы никому не предлагали то, что я предлагаю тебе сейчас.

— А если я откажусь? Что тогда? Вы меня убьете? И заберете... — Как она это назвала? — Мой пар?

Роуз улыбнулась. У нее были пухлые коралловые губы. И Энди, всегда считавшая себя асексуальной, вдруг с интересом подумала, каковы они на вкус.

— В тебе слишком мало пара, чтобы возиться с тобой, милая, а тот, что *все-таки есть*, нам не по вкусу. Как старая говядина для лохов.

— Для кого?

— Не важно. Просто слушай. Мы не убьем тебя. Но если ты откажешься, мы полностью сотрем этот разговор из твоей памяти. Ты очнешься у обочины дороги на окраине какого-нибудь глухого провинциального города — Топеки или, быть может, Фарго, — без денег, без документов. И даже не будешь помнить, как ты там оказалась. Последним твоим воспоминанием останется посещение кинотеатра с тем мужчиной, которого ты сначала ограбила, а потом изуродовала.

— Он получил по заслугам! — выпалила Энди.

Роуз поднялась на цыпочки и потянулась, коснувшись пальцами крыши кемпера.

— Это твое личное дело, куколка. Я не твой психиатр.

Она не носила бюстгальтера; Энди видела под футболкой темные точки ее сосков.

— Но тебе есть о чем задуматься. Мы отберем у тебя твой дар вместе с деньгами и, как я не сомневаюсь, фальшивым удостоверением личности. В следующий раз, когда ты попытаешься усыпить очередного мужчину в темном кинозале, он повернется к тебе и спросит, что за херню ты несешь.

У Энди мороз пробежал по коже.

— Вы не сможете сделать этого.

Но потом она вспомнила ужасающе сильные руки, которые проникли ей прямо в мозг, и отчетливо поняла: эта женщина

справится. Возможно, с помощью своих друзей, людей из других кемперов, что собрались вокруг машины Роуз, как поросята вокруг свиноматки, но справится.

Однако Роуз уже думала о другом.

— Сколько тебе лет, милая?

— Двадцать восемь. — Она отвечала так с тех пор, как ей пошел четвертый десяток.

Роуз посмотрела на нее с улыбкой, но ничего не сказала. А Энди, пять секунд выдержав взгляд этих прекрасных серых глаз, потупилась. И вновь увидела перед собой очертания прелестных грудей, которые отменно держали форму без помощи лифчика. А чуть выше уперлась взглядом в губы этой женщины. В эти манящие коралловые губы.

— На самом деле тебе тридцать два, — сказала Роуз. — О, это нисколько тебя не портит. Все понятно, ведь жилось тебе нелегко. Вечно в бегах. Но ты все еще очень хорошенькая. Оставайся с нами, живи среди нас, и через десять лет тебе действительно будет двадцать восемь.

— Это невозможно.

Роуз опять улыбнулась:

— Пройдет сто лет, а ты будешь выглядеть на тридцать пять и чувствовать себя соответственно. Но только в том случае, если начнешь поглощать пар. Тогда тебе действительно снова будет двадцать восемь, а внутри ты станешь совсем девчонкой. Пар ты получишь. Долгая жизнь, молодость и хорошее питание — вот что я предлагаю. Как тебе такая перспектива?

— Звучит слишком заманчиво, чтобы оказаться правдой, — ответила Энди. — Как та реклама, где тебе предлагают застраховать свою жизнь всего за десять долларов.

И она не так уж ошиблась. Роуз не лгала (по крайней мере пока), но кое о чем умалчивала. Например, о том, что пара иногда не хватало на всех. О том, что не всем было суждено пережить Трансформацию. Роуз решила, что эта молодая женщина имеет хорошие шансы, и Грецкий Орех, их доктор-самоучка, сдержанно с ней согласился, хотя предосторожности ради не дал никаких гарантий.

— И как же вы и ваши друзья себя называете?

— Они мне не друзья. Они — моя семья. А все вместе мы — Истинный Узел. — Роуз переплела пальцы и поднесла к лицу

Энди. — То, что связано, не может быть развязано. Тебе следует сразу это понять.

Энди, давно проникшаяся мыслью, что однажды изнасилованная девочка уже никогда не станет неизнасилованной, понимала ее великолепно.

— У меня есть возможность выбора?

Роуз пожала плечами:

— Альтернатива выглядит не слишком заманчиво, правда? Да и лучше будет, если ты сама этого захочешь. Тогда Трансформация пройдет легче.

— А она причиняет боль? Эта ваша Трансформация?

Роуз улыбнулась и впервые нагло соврала:

— Ни малейшей.

7

Летний вечер на окраине небольшого городка на Среднем Западе.

Кто-то в это время смотрел, как Харрисон Форд щелкал своим кнутом, где-то президент-актер улыбался своей неискренней улыбкой, а здесь, во временном полевом лагере, Энди Штайнер распласталась на купленном на распродаже лежаке, подсвеченном фарами «эрскрузера» Роуз и чьего-то «виннебаго». Роуз уже объяснила ей, что хотя Истинный Узел владел несколькими кемпингами, этот к ним не относился, но их главный экономист всегда находил средства, чтобы арендовать такие времянки целиком. Деловая активность падала, Америка стояла на грани кризиса, однако Истинные не испытывали проблем с деньгами.

— И кто же этот гениальный финансист? — спросила Энди.

— О, это действительно человек из породы победителей, — заверила Роуз с улыбкой. — Сумеет уговорить птичку слететь с дерева на ладонь. Ты с ним скоро познакомишься.

— У вас с ним особые отношения?

В ответ Роуз рассмеялась и нежно погладила Энди по щеке. От прикосновения ее пальцев Энди вдруг почувствовала жаркое волнение в животе. Безумие, но так оно и было.

— Немного прихватило? Думаю, ты справишься.

Дай-то Бог, но теперь Энди испытывала уже не волнение, а страх. В ее памяти всплыли новости о трупах, найденных в канавах, о мертвых телах на лесных полянах или на дне высохших колодцев. Почти всегда это оказывались тела девушек. Роуз ее почти не пугала — рядом были другие женщины, — но ее пугали мужчины.

Роуз опустилась рядом с ней на колени. Яркий свет автомобильных фар должен был бы превратить ее лицо в неприятную маску из белой кожи, исполосованной черными тенями, но на самом деле она стала еще красивее. Она снова погладила щеку Энди.

— Не надо страха. Ничего не бойся.

Затем Роуз повернулась к одной из женщин — неброскому созданию, которое звали Тихоня Сари, — и кивнула ей. Та кивнула в ответ и скрылась внутри огромного кемпера Роуз. Тем временем остальные начали выстраиваться вокруг лежака. Энди стало жутковато. Происходящее напоминало *жертвоприношение*.

— Ничего не бойся. Скоро ты станешь одной из нас. Войдешь в нашу *семью*.

Так и будет, думала Роуз, *если только ты не выпадешь из цикла. Иначе нам останется только сжечь твою одежду в бочке позади общественной уборной, а завтра двинуться дальше. Попытка не пытка.*

Но она от души надеялась, что ничего плохого не произойдет. Ей нравилась Энди, а ее талант усыплять мог им очень пригодиться.

Сари вернулась с металлическим сосудом, напоминавшим термос. Она передала его Роуз, которая отвинтила красную крышку. Под ней были распылитель и клапан. Этот баллон напомнил Энди средство от тараканов. Ей отчаянно захотелось вскочить с лежака и пуститься в бегство, но воспоминание о кинотеатре подействовало отрезвляюще. Руки, проникшие в голову, не дававшие вырваться.

— Дедушка Флик? — позвала Роуз. — Не согласитесь ли возглавить церемонию?

— С превеликим удовольствием, — отозвался старик из кинотеатра. На нем были просторные розовые шорты в бермудском стиле, белые гольфы, скрывавшие костлявые ноги почти

до колен, и сандалии, в каких обычно изображают Иисуса. Энди он напомнил дедушку Уолтона* после пары лет в концлагере. Он поднял руки, и остальные последовали его примеру. Темные силуэты в ярком свете фар походили на странную цепочку бумажных кукол.

— Мы Истинный Узел, — провозгласил Дедушка Флик. Голос, исходивший из его впалой груди, больше не дрожал: это был густой, сочный бас гораздо более молодого и сильного мужчины.

— *Мы Истинный Узел*, — повторили они. — *То, что связано по-настоящему крепко, развязать невозможно.*

— Перед нами женщина, — продолжал Дедушка Флик. — Присоединится ли она к нам? Свяжет ли свою жизнь с нашими, будет ли одной из нас?

— Скажи «да», — велела Роуз.

— Д-да, — выдавила Энди. Ее сердце уже не билось, а вибрировало как струна.

Роуз открыла клапан сосуда. Раздался чуть слышный печальный вздох, и появилось облачко серебристого тумана. Казалось, его должен был немедленно развеять легкий вечерний бриз, но оно висело над сосудом до тех пор, пока Роуз не наклонилась чуть вперед и не подула своими бесподобными коралловыми губами. Облачко — немного похожее на выноски в комиксах, но без слов — поплыло и остановилось в точности над поднятой к небу головой Энди. Ее глаза были широко распахнуты.

— Мы Истинный Узел, и мы выстоим, — возвестил Дедушка Флик.

— *Sabbatha hanti*, — хором произнесли остальные.

Туман начал опускаться. Очень медленно.

— Мы Избранные.

— *Lodsam hanti*, — отозвались другие.

— Дыши глубоко, — сказала Роуз и мягко поцеловала Энди в щеку. — Увидимся на той стороне.

Может быть.

— Мы счастливейшие из счастливых.

— *Cahanna risone hanti.*

А потом подхватили все вместе:

— Мы Истинный Узел, и мы...

---

* Персонаж популярного телесериала «Уолтоны».

Но Энди уже ничего не слышала и не видела. Серебристое вещество легло ей на лицо, и стало холодно, очень холодно. Когда она вдохнула его, оно зажило своей собственной мрачной жизнью и подняло внутри ее громкий крик. Ребенок, сотканный из этого тумана — она не могла разобрать, мальчик или девочка, — старался спастись бегством, но кто-то резал его. *Роуз* резала, а остальные окружили ее (тесным узлом) и включили десятки фонариков, освещая долгое и медленное убийство.

Энди попыталась вскочить со своего ложа, но обнаружила, что у нее больше нет тела, которым можно управлять. Ее тела уже не существовало. Осталась только боль в образе человеческого существа. Боль умирающего ребенка и ее собственная боль.

Прими это. Мысль стала подобием холодной целительной повязки, наложенной на открытую рану, в которую превратилось ее тело. *Это единственный способ перейти на другую сторону.*

Я не могу. Я ведь всю свою жизнь бежала именно от этой боли.

Возможно. Но сейчас тебе бежать некуда. Прими это. Проглоти. Впитай в себя пар или умри.

8

Истинные стояли, воздев руки и нараспев повторяя древние слова: *sabbatha hanti, lodsam hanti, cahanna risone hanti.* Они наблюдали, как блузка Энди Штайнер вдруг стала плоской там, где только что обрисовывались очертания груди, как ее юбка легла складками, похожими на поджатые губы. Они следили за ее лицом, приобретшим цвет разбавленного водой молока. Только ее глаза оставались прежними, хотя вращались, словно два надувных шарика, на ниточках нервных окончаний.

Но и они сейчас исчезнут, подумал Грецкий Орех. *Она недостаточно сильна. Я думал, ей хватит энергии, но ошибался. Вероятно, она еще вернется пару раз собственной тенью, а потом окончательно выпадет из цикла. Ничего не останется, кроме груды тряпок.*

Он попробовал вспомнить собственное Превращение, но в памяти всплывала только полная луна над головой, а еще большой костер вместо света фар. Костер, ржание лошадей... и боль.

Можно ли на самом деле по-настоящему вспомнить ту боль? Едва ли. Ты помнишь только, что было больно, но никогда не сможешь пережить это ощущение снова.

Лицо Энди возникло подобно привидению над столом медиума. Ее блузка натянулась, приняв очертания плоти, под юбкой обрисовались бедра, тоже вернувшиеся в этот мир. И она издала крик предсмертной агонии.

— *Мы Истинный Узел, и мы выстоим*, — пропели остальные, стоя в перекрестных лучах фар. — Sabbatha hanti. *Мы Избранные*, lodsam hanti. *Мы счастливейшие из счастливых*, cahanna risone hanti.

Они не замолчат, пока все не закончится. Так или иначе, оставалось уже недолго.

Энди снова начала исчезать. Ее тело сделалось похожим на почти прозрачное, лишь слегка затемненное стекло, сквозь которое Избранные могли видеть скелет и жутковатую усмешку черепа с мерцающими в зубах серебряными пломбами. Глаза закатились в глазницах, которых, по сути, уже не существовало. Энди продолжала кричать, но звук стал слабым эхом, как будто истинный его источник находился где-то в конце длинного коридора.

9

Роуз решила было, что она сдалась, как делали все они, когда боль становилась непереносимой, но эта крошка оказалась крепкой. Она вновь и вновь возникала из небытия, не переставая кричать. Ее вновь материализовавшиеся руки вцепились в Роуз и с отчаянной силой притянули к себе. Роуз не сопротивлялась и почти не замечала боли.

— Я знаю, чего тебе хочется, куколка. Возвращайся и получишь это.

Она склонилась совсем низко, лаская верхнюю губу Энди языком, пока та не превратилась в туман. Но глаза Энди продолжали смотреть на Роуз.

— *Sabbatha hanti*, — пели они. — *Lodsam hanti. Cahanna risone hanti.*

И лицо Энди вернулось, постепенно возникло вокруг ее выпученных, исполненных мучительной боли глаз. За лицом

последовало все тело. Лишь мгновение Роуз видела кости державшей ее руки, а потом они обросли плотью.

Роуз еще раз поцеловала Энди. Превозмогая боль, та ответила на поцелуй, и Роуз вдохнула частичку самой себя прямо ей в горло.

Я ее хочу. И я всегда получаю то, чего хочу.

Энди начала пропадать, но Роуз уже видела, что она побеждает, больше не выталкивая из себя, а втягивая с криками в легкие новую жизненную силу.

Ее организм принял первую дозу пара.

10

Новый член Истинного Узла провела эту ночь в постели с Роуз О'Хара и впервые в жизни осознала, что секс — это не только страдания и страх. От криков на лужайке у нее воспалилось горло, но она снова закричала, когда это чувство — наслаждение, сравнимое по остроте только с болью Трансформации, — овладело ею и будто сделало ее тело опять прозрачным.

— Не сдерживайся, ори во всю мощь, — сказала Роуз, чья голова покоилась где-то между ног Энди. — Здесь все привыкли к крикам — как мучительным, так и радостным.

— Неужели все получают от секса такое удовольствие?

И если да, чего же она лишилась! Какое подлинное богатство украл у нее мерзавец отец! А люди считали воровкой ее *саму*. Какая злая ирония судьбы!

— Мы получаем, когда принимаем пар, — ответила Роуз. — Это все, что тебе нужно знать.

Она опустила голову ниже, и наслаждение вернулось.

11

Незадолго до полуночи Чарли Жетон и Русская Баба сидели на нижней ступеньке кемпера Чарли, курили один косяк на двоих и любовались луной. Из «эрскрузера» Роуз доносились стоны и крики.

Чарли и Баба многозначительно переглянулись.

— Кому-то определенно нравится это дело, — сказала она.

— А есть такие, кому не нравится? — ухмыльнулся он.

12

Энди проснулась с первыми лучами солнца. Ее голова покоилась на груди Роуз. Она чувствовала себя совершенно другой; она чувствовала себя прежней. Энди приподняла голову и увидела, что Роуз смотрит на нее своими изумительными серыми глазами.

— Ты спасла меня, — сказала Энди. — Ты вернула меня из небытия.

— Тебе по силам было сделать это самой. Ты слишком хотела жить.

Причем во всех смыслах этого слова, куколка.

— А то, чем мы занимались потом... Мы ведь не сможем заняться этим снова, верно?

Роуз с улыбкой помотала головой:

— Нет. И в этом наше счастье. Бывают ощущения, лучше которых ничего нет. Кроме того, сегодня возвращается мой мужчина.

— Как его зовут?

— Он отзывается на Генри Ротмана, но это для лохов. Его Истинное имя — Папаша Ворон.

— Ты любишь его? Да, любишь. Я чувствую это.

Роуз снова улыбнулась, привлекла Энди к себе и поцеловала. Но на ее вопрос не ответила.

— Роуз?

— Да?

— А я все еще... человек?

На это Роуз дала такой же ответ, какой Дик Холлоран дал однажды Дэнни Торрансу, причем столь же холодным и бесстрастным тоном:

— А тебе не все равно?

Энди решила, что ей действительно без разницы. Ей было хорошо, как будто она вернулась домой.

Мама

1

Его преследовала цепочка кошмарных снов — кто-то размахивал молотком и гонялся за ним по бесконечным коридорам, лифт то спускался, то поднимался сам по себе, звери из подстриженной живой изгороди начинали двигаться и набрасывались на него, — которая оборвалась одной предельно ясной мыслью: *Лучше бы я умер.*

Дэн Торранс приоткрыл глаза. Сквозь них лучи солнца ударили прямо в его больную голову, угрожая спалить в огне мозг. Вот это похмелье так похмелье! Все его лицо пульсировало. Ноздри были забиты. Оставалась лишь крохотная дырочка в левой, через которую он мог втянуть немного воздуха. В левой? Нет, это была правая ноздря. Он, конечно, мог дышать через рот, но в нем стоял отвратительный привкус виски и сигарет. В желудке словно лежал свинцовый шар, настолько он был забит всякой дрянью. *Похмельное брюхо*, как называл это отвратительное ощущение какой-то из его собутыльников.

Где-то рядом раздавался громкий храп. Дэн повернул на звук голову, хотя шея протестующе заскрипела, а виски пронзил новый приступ боли. Он снова приоткрыл глаза, но лишь на самую малость: спасибо, но солнца с него хватит. По крайней мере пока. Он лежал на голом матрасе, который, в свою очередь, лежал на голом полу. Здесь же разметалась на спине голая женщина. Дэн бросил взгляд вниз и обнаружил, что и сам не обременен ни одним предметом одежды.

Ее имя... Долорес? Нет. Дебби? Уже теплее, но все еще не то...

Дини. Ее звали Дини. Он познакомился с ней в баре «Млечный Путь», и они весело проводили время, пока...

Он не мог вспомнить, а осмотрев свои руки, распухшие, с ободранными и окровавленными костяшками, решил, что, пожалуй, не хочет ни о чем вспоминать. Да и какой от этого прок? Сценарий был один. Он напивался, кто-то говорил ему гадость, и далее следовали хаос и мордобой. У него в голове словно обитала злобная собака. Трезвый, он умел держать ее на подводке. Но стоило перебрать, и поводок обрывался. *Кончится тем, что я однажды кого-нибудь убью.* Он подозревал, что вполне мог сделать это прошлой ночью.

Эй, Дини, приласкай мои мудини...

Неужели он это сказал? Ужасно, но в том состоянии он мог ляпнуть что угодно. Кое-какие подробности начали вспоминаться, и их оказалось больше чем достаточно. Он играл в бильярд. Изначально хотел лишь немного подкрутить шар, но сильно царапнул его кием, и перепачканный мелом сукин сын вылетел со стола и, подпрыгивая, подкатился к музыкальному автомату, из которого звучала — что же еще? — музыка в стиле кантри. По крайней мере ему вспомнился голос Джо Диффи. С чего это его так понесло? А с того, что он был сильно пьян, позади стояла Дини и под столом ласкала его именно там, где он просил. Он же играл эффектно, чтобы произвести на нее впечатление. Все бы ничего, но тут мелкий идиот в бейсболке и модной шелковой ковбойской рубашке решил посмеяться над ними, и это было его большой ошибкой.

Хаос и мордобой.

Дэн коснулся рта и обнаружил пухлые сосиски на том месте, где еще вчера находились губы. Вчера, когда он вышел из банка, обналичив чек на пятьсот с лишним долларов. Деньги, как помнилось, он положил в передний карман джинсов.

По крайней мере у меня, кажется, все зубы...

В его желудке заурчало. Кислая жидкость с привкусом виски заполнила рот, но он сумел вовремя сглотнуть. Обжигая пищевод, отрава стекла вниз. Дэн перевалился с матраса на пол, встал на колени, потом, пошатываясь, поднялся на ноги, но его тут же качнуло, словно стены комнаты танцевали медленное танго. Он страдал от жутчайшего похмелья, голова раскалыва-

лась, а в кишках крутились остатки той дешевой пищи, которой он пытался закусывать пойло... и он все еще был изрядно пьян.

Подцепив с пола трусы, он направился с ними в ванную, не то чтобы прихрамывая, однако явно щадя левую ногу. Ему смутно вспомнилось — и он уж точно мог обойтись без подробностей, — как ковбой в бейсболке метнул в него стул. В тот момент они с Дини уже спешили сбежать из бара, нисколько не напуганные, а, наоборот, смеясь как два малолетних идиота.

Еще один позыв из протестующего желудка. На этот раз чувство было такое, словно кто-то запустил ему внутрь руку в резиновой перчатке. Рвота поднималась к горлу: уксусный привкус крутых яиц из большой стеклянной банки, шкварок под соусом барбекю, картофеля фри, утопающего в кровавом озерце кетчупа, — всего того, что он запихивал в себя вчера между порциями виски. Он понял, что его сейчас вырвет, а в голову продолжали назойливо лезть тошнотворные образы, сменяя друг друга, как на игровом барабане в каком-то кошмарном шоу.

И что же выиграл наш очередной счастливчик, Джонни? Ты себе даже не представляешь, Боб! Это огромное, просто гигантское, блюдо ЖИРНЫХ САРДИН!

К счастью, ванную отделял от спальни только короткий коридор. Дверь стояла открытой, сиденье на унитазе было поднято. Дэн рванулся к нему, упал на колени и выпустил из себя желто-коричневый поток поверх уже плававшего в унитазе дерьма. Он немедленно отвернулся, стал нашаривать кнопку смыва, нашел и надавил на нее. Хлынул поток воды, но звука уходящей в трубу жидкости не последовало. Он повернулся к унитазу и увидел более чем тревожное зрелище: говно (возможно, его собственное) вместе с рвотной массой стремительно поднималось к верхней кромке. И лишь за мгновение до того, как все это выплеснулось на пол, превратив банально ужасное утро в нечто неправдоподобно отвратительное, из трубы донесся хрип, затор прорвало, и гадкую массу утянуло в недра канализации. Дэна вырвало еще раз, а потом он, сидя на корточках, оперся спиной о стену ванной и дождался, пока бачок наполнится вновь для повторного смыва.

Все, больше это не повторится, клянусь. Никакой выпивки, никаких баров, никаких драк. Это обещание он давал себе в сотый раз. Если не в тысячный.

В одном он не сомневался: нужно как можно скорее выбираться из этого города, чтобы избежать неприятностей. Не исключено, что *серьезных.*

Джонни, какой приз ты приготовил для победителя этого раунда? Поразительно, Боб! ДВА ГОДА ТЮРЬМЫ ОБЩЕГО РЕЖИМА ЗА ДРАКУ С НАНЕСЕНИЕМ ТЕЛЕСНЫХ ПОВРЕЖДЕНИЙ!

Приз — в студию! Аудитория с ума сходит от восторга.

Бачок наполнился, и вода перестала журчать. Он дотянулся до кнопки, чтобы продолжить вторую часть представления под названием «Наутро после», но вдруг его рука замерла. Ему почудилось, что он начисто потерял память. Помнит ли он, как его зовут? Да! Дэниел Энтони Торранс. Помнит ли он, как зовут девицу, которая спит на матрасе в гостиной? Да! Дини. Фамилия? Но она едва ли называла ему вчера свою фамилию. Помнит ли он, кто у нас сейчас президент?

К своему ужасу, Дэн не помнил. Такой моложавый тип с прической под Элвиса Пресли, который еще играет на саксофоне, довольно паршиво. Но как его зовут?..

А ты хотя бы знаешь, где находишься?

В Кливленде? В Чарлстоне? В одном из этих двух городов, точно.

Стоило ему спустить воду, как в памяти мгновенно всплыла фамилия президента вместе с тем фактом, что он сейчас не в Кливленде и не в Чарлстоне, а в Уилмингтоне, штат Северная Каролина. Он работает санитаром в больнице Пресвятой Девы Марии. Или, вернее, работал. Настало время двигаться дальше. Если бы ему удалось найти подходящее место, *действительно хорошее* место, он, возможно, сумел бы завязать и начать новую жизнь.

Он поднялся и посмотрел на себя в зеркало. Урон оказался не так велик, как он опасался. Нос распух, но не был сломан. Он бы это почувствовал. Полоски крови запеклись над раздутой верхней губой. По правой скуле растекся синяк (должно быть, тот ковбой оказался левшой), причем прямо по центру красовался отпечаток перстня, откуда сочилась сукровица. Еще один

синяк, и немаленький, виднелся на левом плече. Туда вроде пришелся удар бильярдного кия.

Дэн заглянул в шкафчик над раковиной, где обычно хранят лекарства. Среди обычного набора косметики и таблеток он обнаружил три рецептурных медикамента. Первым попался дефлюкан от грибковых инфекций. Оставалось только порадоваться, что ему в свое время сделали обрезание. Затем он нашел дарвон, обнаружил в нем несколько капсул и сунул три себе в карман на будущее. Потом, к счастью, отыскался и фиорицет — почти полная пачка. Он принял сразу три таблетки и запил водой из-под крана. От манипуляций над унитазом голова у него разболелась еще сильнее, но теперь он мог рассчитывать на скорое облегчение. Как правило, применяющийся против мигреней фиорицет был также проверенным убийцей похмелья. Впрочем, никаких гарантий никто, конечно же, не давал.

Уже закрывая дверцу, он решил проверить кое-что еще, но, порывшись в содержимом шкафчика, никаких противозачаточных средств не обнаружил. Возможно, она носила пилюли в сумочке. Лучше бы так, потому что Дэн презервативами не пользовался. И если он ее трахнул — а это было более чем вероятно, хотя в памяти ничего не осталось, — у девушки могли возникнуть проблемы.

Облачившись наконец в трусы, он вернулся в комнату и на минуту задержался на пороге, рассматривая молодую женщину, которая притащила его прошлой ночью к себе домой. Дини раскинула руки и ноги, вся нараспашку. Вчера вечером она казалась ему богиней Западного полушария в кожаной мини-юбке и сандалиях на пробковой подошве, с короткой стрижкой и огромными кольцами в ушах. Утром же перед ним предстала груда несколько расплывшейся алкоголической плоти, у которой намечался второй подбородок.

Но он разглядел и кое-что похуже. Это была не взрослая женщина. Вероятно, тюрьма ему все-таки не грозит (Господи, только не это!), но двадцати ей еще нет. У него мороз пробежал по коже, когда на одной из стен он увидел плакат с портретом девичьего кумира — изрыгающего огонь Джина Симмонса из группы «КИСС». С другой стены удивленными глазенками

смотрел на мир милый котенок, свисавший с ветки дерева. «ДЕРЖИСЬ, КРОШКА!» — призывал плакат.

Необходимо было срочно уносить отсюда ноги.

Их одежда валялась на матрасе одним комком. Он отделил от ее трусиков свою футболку, натянул и влез в джинсы. Потом застыл на месте, не застегнув до конца «молнию» ширинки, чувствуя, что передний левый карман больше не оттопыривается так, как вчера, после дневного посещения банка.

Нет. Не может быть.

Его голова, которая только-только стала отходить от боли, снова начала пульсировать, а сердцебиение заметно участилось. Сунув руку глубже в карман, он нашарил в нем смятую десятку и две зубочистки, одна из которых вонзилась под ноготь указательного пальца. Но он едва ли заметил это.

Мы не могли пропить пять сотен долларов. Никак не могли. От такого количества спиртного можно концы отдать.

Бумажник по-прежнему лежал в заднем кармане. Он достал его, все еще на что-то надеясь, но испытал лишь разочарование. Должно быть, он сам в какой-то момент переложил десятку из бумажника в передний карман, куда было труднее добраться орудовавшим в барах мелким воришкам, хотя сейчас это выглядело просто глупо.

Он посмотрел на распластанное храпящее существо, на эту полуженщину-полудевочку, и захотел наброситься на нее, встряхнуть, разбудить, спросить, куда она дела такую хренову кучу денег. Слегка придушить, если понадобится. Но потом задумался. Если она его обокрала, то зачем привела к себе домой? И не могло ли существовать другого объяснения пропажи пятисот баксов? Не продолжили ли они искать на свои задницы приключений, уже покинув «Млечный Путь»? Теперь, когда в голове немного прояснилось, в ней мелькнуло смутное, но вполне продуктивное воспоминание, как они брали такси до железнодорожного вокзала.

Я знаю одного парня, который там приторговывает.

Это действительно ее слова, или всего лишь игра его воображения?

Нет, она это говорила. Я в Уилмингтоне, Билл Клинтон — президент США, а мы с ней на самом деле ездили на вокзал. И

там был тип из тех, что предпочитают делать свой бизнес в мужском сортире, особенно если лицо клиента выглядит, скажем прямо, непрезентабельно. А когда он спросил, кто это меня так, я сказал ему...

— Я посоветовал ему заняться своим дерьмом, — пробормотал Дэн.

Когда они вошли внутрь, Дэн собирался купить всего грамм, чтобы осчастливить свою случайную подружку, и это при условии, что в порошке не будет маннита. Дини, может, и обожала кокаин, но Дэн его недолюбливал. Этот анацин для богатых был ему не по карману. А затем из кабинки вышел некто. С виду бизнесмен с чемоданчиком-«дипломатом». И когда мистер Бизнесмен принялся мыть руки в одной из раковин, Дэн вдруг увидел, что по его лицу ползают мухи.

Трупные мухи. Мистер Бизнесмен был ходячим мертвецом, но не подозревал об этом.

И тогда вместо мелкой дозы наркотика он купил крупную. А может, передумал в последний момент. Все равно он ничего не запомнил. Почти ничего.

Но ведь я запомнил мух.

Да, это четко врезалось в память. Спиртное притупляло сияние, почти полностью отключало его, но он даже не был уверен, что сияние и мухи связаны между собой. Мухи появлялись, когда выпадал случай, независимо от того, был ты пьян или трезв.

Он снова подумал: *Надо поскорее уносить отсюда ноги.*

Он снова подумал: *Лучше бы я умер.*

2

Дини негромко фыркнула во сне и отвернулась от немилосердно жарких лучей солнца. Матрас был единственным предметом мебели в спальне — отсутствовала даже самая захудалая прикроватная тумбочка. Дверца стенного шкафа стояла открытой, и Дэн мог видеть почти весь скудный гардероб Дини, который был поделен на части и кучами свален в две большие пластмассовые бельевые корзины. Несколько вещей на вешал-

ках явно предназначались для походов по барам. Он видел красную футболку с надписью «КРУТАЯ ДЕВЧОНКА», вышитой блестками на груди, и джинсовую юбку с разлохмаченным по последней моде подолом. Из обуви наличествовали две пары кроссовок, две пары «лодочек» на плоской подошве и туфли на высоченных шпильках из серии «трахни меня». Но ни следа пробковых сандалий, как и, если задуматься, его собственных сильно поношенных «рибоков».

Дэн не помнил, как они скинули обувь, когда вошли, но если они это сделали, то в гостиной, которую он смутно припоминал. Кстати, там же могла обнаружиться и ее сумочка. Существовала вероятность, что он сам отдал ей на хранение остатки наличности. Вероятность ничтожная, но ее нельзя было так просто сбрасывать со счетов.

И он поташил свою больную голову по короткому коридору туда, где, как он предполагал, могла находиться вторая — и последняя — комната в этой квартирке. В дальнем углу располагалась крошечная кухонька, оборудованная только электрической плитой и холодильником типа гостиничных мини-баров, задвинутым под заменявшую стол стойку. В гостиной главенствовал старый диван с вылезшей местами обивкой, подпертый с одного края кирпичами. Перед ним стоял большой телевизор с трещиной по центру экрана. Трещина была залеплена куском упаковочной ленты, успевшей с одной стороны отклеиться. К ленте прилипли две мухи, одна из которых еще предпринимала вялые попытки вырваться на свободу. Дэн наблюдал за ней с мрачным удовлетворением, отмечая (уже далеко не впервые), что с похмелья его взгляд обладал поразительной способностью находить самое гадкое в любой обстановке.

Перед диваном располагался журнальный столик. На нем Дэн увидел пепельницу, полную окурков, пакет с белым порошком и старый номер журнала «Пипл», засыпанный тем же порошком. Рядом, довершая картину, валялся бумажный доллар, все еще свернутый в трубочку. Дэн понятия не имел, как сильно они вчера нанюхались, но, судя по оставшемуся в пакете количеству порошка, он мог сразу распрощаться со своими пятьюстами долларами.

Дерьмо. Я ведь не люблю *кокаин! И кстати, как я его нюхал с таким забитым носом?*

Только он его не нюхал. Это делала *она*. Он втирал кокаин себе в десны. Воспоминания возвращались. Дэн предпочел бы ничего не вспоминать, но было слишком поздно.

Трупные мухи в туалете, выползавшие изо рта мистера Бизнесмена и разгуливавшие по увлажненной поверхности его глаз. Мистер Наркоторговец, спрашивающий, на что так пристально пялится Дэн. Он ответил: ни на что, какая разница? Попросил сказать, какой есть товар и сколько. Как выяснилось, порошка у мистера Наркоторговца было больше чем достаточно. Чего, впрочем, следовало ожидать. Потом они снова взяли такси, чтобы добраться до квартиры Дини, причем она начала нюхать с руки прямо в автомобиле — настолько ей хотелось порошка, настолько он был ей необходим. Она не могла подождать даже самую малость. Еще они, помнится, попытались спеть дуэтом «Мистера Робото».

Ее сандалии и его кроссовки лежали почти у самого порога, и это пробудило еще порцию «бесценных» воспоминаний. Она не скинула сандалии, а дала им упасть, потому что к тому моменту его руки уже плотно лежали на ее ягодицах, а она сама обвилась ногами вокруг его талии. От ее шеи исходил аромат духов, но изо рта несло шкварками под соусом барбекю. Они заказали огромную порцию на двоих, после чего и решили сыграть в бильярд.

Дэн сунул ноги в кроссовки и отправился в кухню, прикидывая, не найдется ли в одиноком шкафчике растворимого кофе. Его там не оказалось, зато в коридоре на полу действительно валялась ее сумочка. Вроде бы он вспомнил, как она нетвердой рукой попыталась швырнуть ее на диван, но, промахнувшись, залилась смехом. Половина содержимого вывалилась на пол, и в том числе красный бумажник из искусственной кожи. Он запихнул все внутрь и захватил сумочку на кухню. Хотя он прекрасно знал, что его деньги теперь мирно почивали в одном из карманов дизайнерских джинсов мистера Наркоторговца, в нем жила надежда, что *хоть что-то* осталось, основанная лишь на его желании, чтобы *хоть что-то* осталось. Десятки хватит

на три порции виски или две упаковки пива, но сегодня ему явно потребуется больше.

Он снова выудил из сумочки бумажник и открыл его. В нем обнаружилось несколько фотографий — Дини с каким-то парнем, слишком на нее похожим, чтобы не быть родственником, Дини с младенцем на руках, и еще был снимок, где она стояла в вечернем платье рядом с мальчишкой с торчащими передними зубами, одетым в жуткий голубой смокинг. Отделение для денег на ощупь оказалось весьма пухлым. Но радость продлилась недолго. Раскрыв его, он нашел лишь толстую пачку продовольственных талонов. Хотя было и немного наличных: две двадцатки и три десятки.

Это мои деньги. По крайней мере то, что от них осталось.

Но в глубине души он знал правду. На самом деле он бы никогда не отдал на хранение случайно снятой размалеванной девице даже остатки своей недельной зарплаты. Деньги принадлежали ей.

Да, но разве покупка кокаина не была ее идеей? Не из-за нее ли он этим утром стал похмельным банкротом?

Нет. Ты страдаешь с бодуна, потому что ты пьянь. А без денег ты остался, когда увидел трупных мух.

В этом была доля правды, но ведь если бы она не настояла на поездке к вокзалу, чтобы добавить к выпивке порошка, он бы и не увидел тех трупных мух.

Ей нужны эти семьдесят долларов на продукты.

Верно. Банка арахисового масла и банка клубничного джема. Еще буханка хлеба, чтобы сделать бутерброды. На остальное ей хватит продовольственных талонов.

Или на оплату квартиры. Ей понадобятся деньги для этого.

Если ей нужны деньги на жилье, пусть толкнет кому-нибудь свой огромный телевизор. Быть может, тот наркоторговец возьмет его, несмотря на трещину в экране. И потом, семидесяти долларов явно недостаточно, чтобы рассчитаться за месяц аренды даже такой халупы, как эта.

Они не твои, док. Это был голос его матушки. Последнее, что он хотел услышать с похмелья, борясь с отчаянным желанием выпить.

— Отцепись, мам, — сказал он чуть слышно, но очень искренне. Потом взял деньги, сунул себе в карман, закрыл бумажник, снова убрал его в сумочку и оглянулся.

Там стоял ребенок.

На вид ему было годика полтора. В футболке с надписью «Атланта брейвз», которая доходила ему до колен, но внизу все равно торчал подгузник. Он был так полон, что свисал к самым лодыжкам. Сердце Дэна подпрыгнуло в груди, а в голове застучало с такой силой, словно внутри ее размахивал своим молотом Тор. Несколько секунд он пребывал в абсолютной уверенности, что его хватит либо инфаркт, либо инсульт, либо то и другое одновременно.

Он набрал в легкие побольше воздуха и медленно выдохнул.

— А ты откуда взялся, маленький герой?

— Мама, — сказал малыш.

Что в каком-то смысле было абсолютно верным ответом на вопрос — Дэн тоже когда-то взялся именно из лона своей матери. Только сейчас его интересовало другое. Как он ни противился, в недрах воспаленного мозга начало формироваться неприятное умозаключение.

Он видел, как ты взял деньги.

Что ж, пусть так. Тоже мне открытие! Если даже малец видел, как он перекладывал доллары к себе в карман, что с того? Ему еще и двух лет нет. Дети в таком возрасте считают правильным все, что делают взрослые. Даже если бы он увидел, как его мама ходит по потолку и мечет из кончиков пальцев молнии, воспринял бы это как должное.

— Как тебя зовут, герой? — Голос Дэна подрагивал в такт с ударами сердца, которое до сих пор не могло успокоиться.

— Мама.

В самом деле? Представляю, как подняли бы тебя на смех другие мальчишки, ляпни ты такое в школе.

— Ты живешь в соседней квартире? Дальше по коридору?

Пожалуйста, ответь «да». Потому что гораздо более мрачное умозаключение состояло вот в чем: если это был сынишка Дини, то она вчера отправилась шляться по барам, заперев его в этой дерьмовой дыре. Совершенно одного.

— Мама!

Но потом малыш заметил на журнальном столике кокаин и потопал в ту сторону с набрякшим влагой подгузником между ног.

— Саха!

— Нет, это не сахар, — поспешил сказать Дэн, хотя для многих носов не было ничего слаще.

Не обращая на гостя никакого внимания, дитя протянуло руку к белому порошку. И Дэну бросились в глаза синяки на тощем предплечье. Какие обычно оставляет взрослая рука.

Он ухватил ребенка за пояс и за ноги. И когда оттаскивал мальчика от стола (из насквозь промокшего подгузника устремился на пол ручеек мочи), в его голове возникла краткая, но мучительно четкая картина: тот парень с фото, так похожий на Дини, грубо вцепляется в малыша и начинает трясти его. Оставляя отпечатки своих пальцев.

(*Эй Томми какую часть* пошел на хер *тебе растолковать?*)

(*Рэнди перестань он же еще совсем маленький*)

А потом образ исчез. Второй голос, слабый и не слишком настойчивый, принадлежал Дини, и Дэн понял, что Рэнди — ее старший брат. В таком случае все сходилось. Не всегда над маленькими детьми издевались любовники матерей. Иногда это были братья. Иногда дяди. Иногда

(*выходи жалкий щенок выходи и получи по заслугам*)

даже старые добрые папаши.

Он отнес мальчика — Томми, его звали Томми — в спальню. Увидев мать, тот сразу начал извиваться в руках Дэна.

— Мама! Мама! Мама!

Когда Дэн опустил его на пол, Томми бросился к матрасу и пристроился рядом с Дини. Она так и не проснулась, но обняла сына и прижала к себе. Футболка задралась, и Дэн увидел, что бедра ребенка тоже покрыты синяками.

Ее брата зовут Рэнди. Мне не составит труда найти его.

Мысль была холодной и прозрачной, как январский лед на озере. Он действительно мог взять фото из бумажника, сосредоточиться, забыв про стук в голове, и с большой долей вероятности найти ее старшего братца.

Я бы тоже поставил ему несколько синяков. И предупредил, что в следующий раз просто убью.

Вот только никакого следующего раза не предвиделось. Он покончил с Уилмингтоном. Он никогда больше не увидит Дини и не вернется в эту дыру. Постарается не вспоминать ни о вчерашнем вечере, ни о сегодняшнем утре.

На этот раз до него донесся голос Дика Холлорана: *Нет, милый. Ты можешь запирать в железные ящики гадости из «Оверлука», но от воспоминаний так просто не отделаться. Особенно от таких. Это и есть* подлинные *призраки.*

Он стоял в дверях и смотрел на Дини с ее несчастным малышом. Мальчик почти мгновенно уснул, и в лучах утреннего света мать с сыном напоминали ангелов.

Она далеко не ангел. Пусть она не била своего сына, но отправилась развлекаться, бросив его на произвол судьбы совсем одного. И если бы тебя не было здесь, когда он проснулся и вошел в гостиную...

Саха, так назвал наркоту этот малыш. Ужасно. Необходимо что-то делать.

Да, но только я сам ничего не могу сделать. Хорош я буду, если явлюсь в таком виде в полицию и пожалуюсь на жестокое обращение с ребенком. С разукрашенной физиономией, благоухая алкоголем и блевотой. Просто идеал образцового гражданина, выполняющего свой долг.

Но ты можешь вернуть ей деньги, сказала Уэнди. *Ничто тебе не мешает.*

И он почти это сделал. Достал наличные из кармана, взял в правую руку, а потом пошел за ее сумочкой. Несколько шагов стали для него весьма полезной прогулкой, потому что ему в голову пришла идея.

Если уж тебе нужно что-то забрать, забирай кокаин. Ты сможешь продать остаток за сотню баксов. Может быть, даже за две сотни при условии, что там еще осталось достаточно много.

Вот только если потенциальный покупатель окажется полицейским под прикрытием — а ему всегда везло как утопленнику, — он попадет за решетку. И к торговле порошком присовокупят все, что он успел вчера по глупости натворить в «Млечном

Пути». Забрать наличные было куда безопаснее. Пусть всего семьдесят баксов.

Надо поделить деньги, решил он. *Сорок ей, тридцать мне.*

Нет, тридцатка его не спасет. А у нее пухлая пачка талонов, которой подавилась бы любая лошадь. На них можно кормить ребенка очень долго.

Он взял пакет с кокаином и журнал «Пипл» и положил на кухонную стойку, где малышу до них было не добраться. Нашел в раковине губку и использовал ее, чтобы тщательно стереть остатки кокаина с журнального столика. При этом он твердил себе, что, если она сейчас проснется и войдет на нетвердых ногах в гостиную, застав его за этим занятием, он вернет ей чертовы деньги. А если останется храпеть, значит, заслужила свою участь.

Дини не появилась. Она продолжала храпеть.

Дэн закончил с очисткой столика, кинул губку в раковину и задумался, не оставить ли прощальную записку. Да, но что он в ней напишет? *Присматривай лучше за своим ребенком. И между прочим, я забрал у тебя последние деньги.* Так, что ли?

Ладно, обойдемся без записки.

Он ушел с деньгами в левом переднем кармане джинсов, аккуратно придержав дверь, чтобы не хлопнула. Ему удалось внушить себе, что он поступает разумно.

3

Около полудня, когда похмелье почти отступило под воздействием одолженных у Дини фиорицета и дарвона, он набрел на заведение под вывеской «Золотая скидка», где продавали дешевое пойло и импортное пиво. Располагалось оно в старой части города, где все дома были кирпичными, тротуары пустовали, а на каждом углу попадались ломбарды (витрина каждого щеголяла прекрасной выставкой опасных бритв). Он намеревался купить очень большую бутылку самого дешевого виски, но увиденное перед входом в магазин заставило его изменить планы. Это была украденная из супермаркета тележка, доверху набитая безумными пожитками какого-то бездомного бродяги.

Хозяин тележки в этот момент находился внутри магазина, где скандалил с продавцом. Поверх всего остального в тележке лежало одеяло, свернутое в рулон и обвязанное кусками бечевки. Дэн заметил на одеяле пару грязных пятен, но в целом оно выглядело очень прилично. Он схватил его, сунул под мышку и быстро удалился. После кражи семидесяти долларов у матери-одиночки с болезненным пристрастием к наркоте кража ковра-самолета у какого-то бомжа не имела особого значения. Может, именно поэтому он и ощущал себя совсем незначительным.

Я невероятно уменьшающийся человек, подумал он, сворачивая со своей добычей за угол. *Стоит мне украсть еще пару вещиц, и меня уже нельзя будет различить невооруженным глазом.*

Он прислушивался, не донесется ли вслед ругань бездомного — а ругаться бездомные умели отменно, — но все было тихо. Еще один угол — и можно поздравить себя с успешным бегством.

Дэн повернул.

4

Тем вечером он пристроился рядом с ливневым водостоком под мемориальным мостом на реке Кейп-Фир. Вообще-то у него была комната, но возникла проблема с накопившимся долгом домовладельцу, который он клятвенно обещал погасить позавчера. И еще кое-что. Вернись он сейчас домой, его тут же могли пригласить в некое муниципальное здание с крепкими стенами, расположенное на Бесс-стрит, чтобы задать неприятные вопросы по поводу происшествия в баре «Млечный Путь». Словом, гораздо спокойнее и безопаснее было держаться оттуда подальше.

В центре города имелся приют «Дом надежды» (который местные алкаши, естественно, переименовали в «Дом безнадеги»), но Дэна туда не тянуло. Тебе разрешали бесплатно переночевать, однако принесенное с собой спиртное отбирали. И вообще в Уилмингтоне не было недостатка в дешевых гостиницах и мотелях, где никого не волновало, что и в каких количествах ты пьешь, нюхаешь или колешь, но какого черта тратить

и без того скудные гроши на крышу над головой, если стоит такая приятная сухая погода? Койка в теплой комнате понадобится, когда он переберется на север. А сейчас главной заботой был поиск способа забрать свое имущество из комнаты на Берни-стрит так, чтобы не столкнуться нос к носу с домовладельцем.

Над рекой поднималась луна. Дэн аккуратно расстелил одеяло позади себя. Скоро он завернется в него и заснет. Он выпил ровно столько, сколько требовалось для счастья. Отрыв от земли и набор высоты прошли не без проблем, но сейчас вся турбулентность нижних слоев атмосферы осталась позади. Он понимал, что ведет образ жизни, который мало кто из американских граждан назвал бы образцовым, однако на данный момент все было тип-топ. У него есть бутылка «Олд сан» (купленная в магазине, расположенном на почтительном удалении от «Золотой скидки») и половина аппетитного сандвича на завтрак. Пусть будущее окутывал туман, но этой ночью ему ярко светила луна. И на душе царил покой.

(*Саха*)

Вдруг малыш оказался рядом с ним. Томми. Прямо напротив него. Покрытая синяками ручонка тянется к порошку. Голубые глаза широко распахнуты.

(*Саха*)

Он увидел это с пронзительной ясностью, которая не имела никакого отношения к сиянию. И еще. Дини, храпящая, развалившись на спине. Красный бумажник из фальшивой кожи. Пачка продовольственных талонов с надписью «МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА США». Семьдесят долларов. Которые он забрал с собой.

Думай о луне. Восхищайся ее величавым видом, когда она поднимается, отражаясь в водах реки.

Какое-то время ему это удавалось, но затем он снова увидел Дини, лежащую на спине, красный бумажник из кожзаменителя, пачку талонов на еду и несколько жалких купюр (большую часть из которых он уже потратил). И мальчика, тянущего к порошку ручонку, похожую на морскую звезду. Голубые глаза. Синяки.

Саха, сказал он.

Мама, сказал он.

Дэн умел дозировать спиртное; так выпивки хватало на более долгий срок, блаженное состояние доставляло подлинное наслаждение, а утром меньше болела голова. Но иногда в расчеты вкрадывались ошибки. И на старуху бывает проруха. Как в «Млечном Пути». Тогда это произошло скорее по недоразумению, однако нынешней ночью он совершенно сознательно прикончил бутылку в четыре больших глотка. Мозг был школьной доской. Выпивка — влажной тряпкой.

Он лег и завернулся в краденое одеяло. Ждал, когда разум помутится, и это произошло, но Томми пришел раньше. Футболка «Атланта брейвз». Обвисший подгузник. Голубые глаза, рука в синяках, пальчики, растопыренные лучами морской звезды.

Саха. Мама.

Я никогда и никому не расскажу об этом, пообещал он себе. *Ни за что на свете. Ни одной живой душе.*

Луна всходила над Уилмингтоном в штате Северная Каролина, а Дэн Торранс проваливался в забытье. Ему снилось что-то об «Оверлуке», но, проснувшись, он не вспомнит, что именно. Зато, придя в себя; вновь увидит голубые глаза, синяки, тянущуюся ручонку.

Ему удалось украдкой забрать из квартиры свой скудный скарб, и он двинулся на север, сначала в штат Нью-Йорк, потом в Массачусетс. Прошло два года. Иногда он помогал людям. В основном — старикам. Он умел делать это. Бесчисленными пьяными ночами тот малыш почти никогда не приходил ему на ум, зато был первым, что вспоминалось утром с похмелья. Именно о нем он думал, когда давал себе очередной зарок бросить пить. Может быть, уже со следующей недели; в следующем месяце — наверняка. Маленький мальчик. Глаза. Рука. Пальцы как морская звездочка.

Саха.

Мама.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

АБРА

Глава 1

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ИГРУШЕЧНЫЙ ГОРОДОК

1

После Уилмингтона ежедневные попойки прекратились.

Порой выдавалась неделя, а то и две кряду, когда он не потреблял ничего крепче диетической содовой. Он просыпался, не испытывая похмелья, и это было хорошо. Но он просыпался несчастный, *желая* приложиться к бутылке, а это было плохо. Затем однажды наступал вечер. Обычно выходного дня. Иногда он мог завестись от телевизионной рекламы «Будвайзера»: группа молодых людей без намека на пивные животы наслаждается холодным пивом после яростной баталии на волейбольной площадке. Бывало, он срывался, увидев пару миловидных женщин, присевших после работы выпить по бокалу на открытой террасе какого-нибудь приятного кафе с французским названием и множеством цветов в висячих кашпо. В бокалах почти неизменно оказывались коктейли, к которым полагались игрушечные зонтики. Бывало, спусковым крючком служила песня по радио — например, «Мистер Робото» группы «Стикс». Когда он не пил, то не пил совсем ничего. Начиная пить, напивался вдрызг. И если просыпался утром рядом с женщиной, то сразу вспоминал Дини и малыша в футболке «Брейвз». Вспоминал о семидесяти долларах. Вспоминал даже краденое одеяло, которое так и бросил у водостока на берегу реки. Быть может, оно все еще там валялось. Покрытое плесенью.

Бывало, что он напивался и не выходил на работу. Какое-то время его не трогали — со своими обязанностями он справлялся очень хорошо, — но однажды все-таки наступал тот день. Тогда он всех благодарил, прощался и садился в междугородный

автобус. Уилмингтон сменился Олбани, а Олбани перетек в Ютику. Ютика стала Нью-Полтцем. Затем Нью-Полтц уступил место Стербриджу, где он надрался во время концерта фолк-музыки под открытым небом и на следующий день проснулся в тюрьме со сломанным запястьем. Потом был Уэстон, потом дом для престарелых в Мартас-Винъярде, где он продержался рекордно короткий срок. Уже на третий день старшая медсестра учуяла спиртное и распрощалась с ним. Однажды он пересекся с Истинным Узлом, сам того не сознавая. Однако на глубинном, подсознательном уровне — там, где угнездилось его *сияние,* — он что-то почувствовал. Запах, едва уловимый и неприятный, как вонь паленой резины на шоссе, где недавно произошла крупная авария.

Из Мартас-Винъярда он автобусом перебрался в Ньюберипорт. Там ему удалось найти работу в захудалом доме для ветеранов, где старых солдат иногда забывали в инвалидном кресле в коридоре, пока моча из переполненного мочеприемника не начинала стекать на пол. Дерьмовое местечко для пациентов, зато рай для раздолбаев вроде Дэна, хотя на самом деле он вместе с прочим немногочисленным персоналом делал для стариков все возможное. Он даже помог двоим тихо отправиться в последний путь, когда пришло их время. Там он проработал достаточно долго. За это время президент-саксофонист успел передать ключи от Белого дома президенту-ковбою.

В Ньюберипорте Дэн тоже частенько напивался в хлам, но только накануне выходного, и потому проблем не возникало. После одного из таких кратких запоев он проснулся с мыслью: *По крайней мере я оставил ей продуктовые талоны.* А это разбудило дремавших в его голове ведущих-психопатов.

Простите, Дини, но на этот раз вы проиграли. Однако никто не уходит от нас с пустыми руками! Что мы приготовили для нее, Джонни?

Что ж, Боб, ты прав. Дини не удалось выиграть деньги, но мы вручаем ей нашу новую игру для всей семьи, в комплект которой входят несколько граммов кокаина и огромная пачка ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ ТАЛОНОВ!

А «призом» для Дэна был целый месяц без спиртного. Своего рода епитимья, наложенная на самого себя. За это время его

неоднократно посещала мысль, что, знай он адрес Дини, давно бы отправил ей треклятые семьдесят долларов. Он послал бы ей вдвое больше, если бы это помогло навсегда покончить с воспоминаниями о мальчишке в футболке «Брейвз» и растопыренной тянущейся ручонке. Но адреса не было, и тогда он решил наказать себя трезвостью. Выпороть себя плетьми. *Сухими.*

Потом он однажды проходил мимо питейного заведения под названием «Приют рыбака» и сквозь стекло увидел хорошенькую блондинку, в одиночестве сидевшую у стойки бара. На ней была клетчатая юбчонка до середины бедра, и блондинка выглядела очень печальной. Он решил заглянуть на огонек. Как выяснилось, она только что развелась, вот ведь беда, и ей бы не помешало перед кем-то излить душу, да только очнулся он лишь через три дня со знакомой черной дырой вместо памяти. Конечно, он поспешил вернуться в центр для ветеранов, к мытью полов и замене перегоревших лампочек, надеясь на лучшее, но напрасно. Всему были пределы. Забирая из своего шкафчика вещи, он вспомнил избитую шутку Бобкэта Голдтуэйта: «Моя работа никуда не делась. Вот только выполнял ее уже кто-то другой». Он сел в очередной автобус, который направлялся в Нью-Гэмпшир, но прежде чем взойти на борт, приобрел стеклянную емкость с хмельной жидкостью.

Всю дорогу он занимал так называемое сиденье для пьяниц возле туалета. Накопленный опыт подсказывал, что, если в пути ты собирался основательно надраться, сидеть следовало именно там. Он запустил руку в коричневый бумажный пакет, открутил крышку бутылки и понюхал бурую жидкость. Ее запах умел разговаривать, но произносил только одну фразу: *Привет, старина, давно не виделись!*

Он подумал: *Саха.*

Он подумал: *Мама.*

Он подумал о Томми, который должен был уже пойти в школу. Ему всегда хотелось надеяться, что милый дядюшка Рэнди все-таки не прикончил его.

Он подумал: *Остановить это можешь только ты сам.*

Эта мысль не раз посещала его прежде, но теперь за ней последовала другая: *Ты не обязан так жить, если сам этого не хочешь. Ты, разумеется,* можешь... *но не обязан.*

Этот голос прозвучал так странно, был настолько не похож на его обычные внутренние диалоги, что он даже решил сначала, что подцепил кусок чужих мыслей — он по-прежнему мог читать в головах других людей, но непрошеные передачи теперь редко проникали в его сознание. Он научился блокировать их. Тем не менее он вскинул глаза, почти не сомневаясь, что встретит чей-то взгляд. Но никто не смотрел в его сторону. Пассажиры спали, беседовали между собой или глазели в окно на серенький денек в Новой Англии.

Ты не обязан так жить, если сам этого не хочешь.

Если бы это было правдой. Тем не менее он закрыл бутылку и положил на пустое сиденье рядом с собой. Дважды снова взял ее в руки. В первый раз сразу же вернул на место. Во второй все-таки сунул руку в пакет и отвинтил крышку, но как раз в этот момент автобус пересек границу штата Нью-Гэмпшир и остановился в зоне отдыха. Вместе с остальными пассажирами Дэн отправился подкрепиться в «Бургер-кинг», задержавшись лишь на секунду у мусорного контейнера, чтобы швырнуть туда коричневый пакет с пойлом. На боку высокого зеленого бака красовалась надпись: «ВСЕ, ЧТО ВАМ БОЛЬШЕ НЕ НУЖНО, ВЫ МОЖЕТЕ ОСТАВИТЬ ЗДЕСЬ».

Как бы это было здорово, подумал Дэн, услышав грохот упавшей в бак бутылки. *О Боже, как бы это было славно!*

2

Полтора часа спустя автобус миновал большой плакат, гласивший: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ВО ФРЕЙЗЕР! ПРЕКРАСНАЯ ПОГОДА В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ ГОДА!»

А внизу было приписано: «ПОСЕТИТЕ НАШ ИГРУШЕЧНЫЙ ГОРОДОК!»

Автобус остановился у Общественного центра Фрейзера, чтобы подобрать пассажиров, а с пустого сиденья рядом с Дэном, где прежде лежала бутылка, вдруг заговорил Тони. Этот голос Дэн не мог не узнать, пусть Тони молчал уже много лет.

(это место для тебя)

Почему бы и нет, подумал Дэн.

Он снял с верхней полки свою дорожную сумку и вышел. Стоя на тротуаре, проводил глазами уехавший автобус. К западу на горизонте маячили Белые горы. Во время всех своих бесконечных странствий он сознательно избегал гор, особенно тех скалистых монстров, цепочка которых делила страну на две части. Теперь он подумал: *В конце концов я все-таки забрался наверх. Мог бы давно догадаться, что этим все и закончится.* Однако здешние горы были низкими и пологими в сравнении с теми, что до сих пор преследовали его в ночных кошмарах. Он решил, что сможет, пожалуй, смириться с ними, по крайней мере на какое-то время. Но только в том случае, если ему удастся забыть про малыша в футболке «Брейвз». И если он прекратит накачиваться алкоголем. Рано или поздно понимаешь, что двигаться дальше совершенно бессмысленно. Что, куда бы ты ни поехал, от себя не убежишь.

Легкие снежинки, нежные, как фата невесты, кружились в воздухе. Он заметил, что выстроившиеся вдоль Мейн-стрит магазины были рассчитаны в основном на лыжников, начинавших приезжать сюда в декабре, и пеших туристов, время которых приходило в июне. В сентябре-октябре, вероятно, наступал сезон для любителей прогулок среди осенних листьев, но сейчас был тот период, который на севере Новой Англии считался весной, — неприкаянные восемь недель наледи и сырости. Едва ли в это время года погоду во Фрейзере можно было считать хорошей, а потому Мейн-стрит городка — Кранмор-авеню — пустовала.

Дэн перебросил ремень сумки через плечо и неспешно двинулся на север. Остановился у кованой ограды, чтобы взглянуть на несколько причудливый особняк Викторианской эпохи, по обе стороны от которого виднелись современные кирпичные корпуса. С викторианским центральным зданием их соединяли крытые переходы. Вершину левого угла особняка в отличие от правого венчала башенка, безусловно нарушая композицию, но Дэну это неожиданно даже понравилось. Эта древняя, много повидавшая на своем веку старушка словно говорила: «Да, от меня уже отвалился кусок. И наплевать! Рано или поздно с вами произойдет то же самое». Дэн уже начал улыбаться, но потом его лицо вновь стало серьезным.

В башенке находилась комната с окном, из которого на него смотрел Тони. Перехватив взгляд Дэна, он помахал ему рукой. В своей серьезной манере, которую Дэн помнил с детства, когда Тони навещал его гораздо чаще. Дэн закрыл глаза, потом открыл. Тони пропал. Да и откуда он мог вообще там взяться? Окно было заколочено досками.

На лужайке стоял знак. Золотые буквы на зеленом фоне под цвет стен особняка гласили: «ДОМ ХЕЛЕН РИВИНГТОН».

А здесь держат кошку, подумал Дэн. *Серую кошку по кличке Одри.*

Отчасти он оказался прав, отчасти ошибся. Здешнего кастрированного серого кота звали иначе.

Дэн долго рассматривал знак — достаточно долго, чтобы облака поредели, а небеса ниспослали на землю почти библейский солнечный луч. Только тогда он пошел дальше. И хотя солнце вдруг засияло вовсю, отражаясь от капотов автомобилей, небрежно припаркованных у спортивно-оздоровительного комплекса «Олимпия», снег продолжал кружиться, заставив Дэна вспомнить, как давным-давно, когда они еще жили в Вермонте, отзывалась о такой погоде его мама: *Должно быть, дьявол бьет свою жену.*

3

В паре кварталов от хосписа Дэн снова задержался. Через дорогу от здания муниципального совета находился Общественный центр Фрейзера: несколько акров свободной земли, где лишь местами начала пробиваться зеленая трава, эстрада для оркестра, поле для игры в софтбол, заасфальтированная площадка для баскетбола с одним кольцом, столы для пикников и даже небольшой участок газона для любителей гольфа. Все это выглядело чудесно, но внимание Дэна больше привлекла вывеска:

ПОСЕТИТЕ НАШ ИГРУШЕЧНЫЙ ГОРОДОК,
МАЛЕНЬКОЕ ЧУДО И ГОРДОСТЬ ФРЕЙЗЕРА,
И ПРОКАТИТЕСЬ НА ИГРУШЕЧНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ!

Не требовалось особой наблюдательности, чтобы сразу заметить: игрушечный городок в миниатюре повторял Крамор-авеню. Здесь была копия методистской церкви, мимо которой недавно прошел Дэн, со шпилем высотой семь футов; присутствовало здание театра «Музыкальная шкатулка», кафе-мороженое, книжный магазин «Наши горы», бутик «Рубашки и аксессуары», фотогалерея с девизом «Отличные фотографии — наша работа». Был здесь и однобашенный дом Хелен Ривингтон, высотой по пояс, выполненный в мельчайших подробностях, только без кирпичных пристроек. Дэн не возражал: на фоне старинного особняка они выглядели особенно уродливо.

В самом дальнем конце городка он увидел миниатюрный поезд. На каждом вагоне, куда едва ли мог поместиться даже первоклассник, красовалась надпись «ИГРУШЕЧНАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА». Над трубой ярко-красного локомотива размером чуть больше мотоцикла «хонда голд уинг» вился дымок. Негромко шумел дизельный двигатель. На борту локомотива тоже была надпись, сделанная старомодными золотыми буквами: «ХЕЛЕН РИВИНГТОН». Явная покровительница города, сообразил Дэн. Где-то в центре Фрейзера наверняка найдется улица, названная в ее честь.

Дэн задержался, хотя солнце скрылось и он снова видел парок собственного дыхания в воздухе. В детстве он всегда мечтал иметь электрическую железную дорогу, но ему ее так и не купили. А эта являла собой увеличенную версию игрушки, которая пришлась бы по душе мальчишке любого возраста.

Он перебросил сумку на другое плечо и пересек улицу. Услышав голос Тони — и увидев его, — он слегка разволновался, но сейчас был рад, что сошел с автобуса именно здесь. Быть может, это и было то место, которое он так долго искал? Место, где ему наконец представится возможность выправить свою опасно накренившуюся жизнь.

Куда бы ты ни поехал, от себя не убежишь.

Эту мысль он тут же запихнул в свой воображаемый стенной шкаф. Такие трюки ему всегда хорошо удавались. И в стенном шкафу накопилось уже немало всякой всячины.

4

Двигатель локомотива был закрыт капотом с обеих сторон, но под навесом приземистого вокзала «Игрушечный городок» Дэн обнаружил скамейку для ног, поднес поближе и взобрался на нее. В кабине машиниста он увидел два покрытых овчиной сиденья. Дэну показалось, что их сняли со старого детройтского спортивного автомобиля. Кабина и приборная панель, по всей видимости, имели то же происхождение за исключением торчавшей из пола старомодной рукоятки переключения передач в форме буквы Z. Впрочем, схема переключения отсутствовала, а на месте старого набалдашника красовался смеющийся череп в красной бандане, вытертой до бледно-розового оттенка. Верхняя часть руля была отпилена, и оставшаяся нижняя напоминала штурвал небольшого самолета. На приборной панели виднелись черные буквы, выцветшие, но еще читаемые: «МАКСИМАЛЬНАЯ СКОРОСТЬ — 40. НЕ ПРЕВЫШАТЬ!»

— Нравится? — спросил кто-то прямо у него за спиной.

Дэн повернулся так резко, что чуть не упал. Большая мозолистая рука ухватила его под локоть и помогла сохранить равновесие. Он увидел мужчину лет шестидесяти, в утепленной джинсовой куртке и охотничьей шапочке в красную клетку, с опущенными ушами. Мужчина держал ящик с инструментами, на котором была наклеена лента с надписью «СОБСТВЕННОСТЬ МУНИЦИПАЛЬНОГО СОВЕТА ФРЕЙЗЕРА».

— Прошу прощения, — сказал Дэн, спускаясь со скамейки. — Я вовсе не собирался...

— Все нормально. Люди часто останавливаются посмотреть. В основном, конечно, любители моделей железных дорог. Для них это все равно что сбывшаяся детская мечта. Летом мы стараемся не подпускать их слишком близко, потому что жизнь бурлит, а «Рив» отправляется в рейс каждый час. Но в это время года здесь никого. Только я. — Он протянул руку. — Билли Фриман. Техник. А «Рив» — моя любимица.

Дэн пожал руку и тоже представился:

— Дэн Торранс.

Билли заметил сумку.

— Ты только что с автобуса, как я погляжу. Или путешествуешь автостопом?

— С автобуса, — ответил Дэн. — А что за движок у вашего паровоза?

— Интересный вопрос ты задал. Держу пари, никогда и не слыхал о «шевроле-веранейо»?

Дэн действительно никогда о нем не слышал, но все знал. Потому что *знал Фриман*. У Дэна давно не было таких ярких вспышек сияния, как сейчас. Он даже почувствовал отголосок того удовольствия, которое получал в совсем раннем детстве, прежде чем понял, какую угрозу может таить в себе его дар.

— Бразильский «сабербан», верно? Турбодизель.

Кустистые брови Фримана взлетели вверх от изумления, и он заулыбался:

— А ведь в самую точку, черт побери! Кейси Кингсли, наш шеф, купил его с аукциона в прошлом году. Отличный агрегат. Тащит как слон. Приборная панель тоже с «сабербана». А сиденья поставил я сам.

Сияние постепенно угасало, но Дэн успел уловить последнюю деталь:

— Они явно с «понтиак-джаджа».

Фриман просиял.

— Опять угадал. Я нашел их на свалке рядом с Санапи-уэй. А коробка передач с «мака» шестьдесят первого года выпуска. Девять ступеней. Хороша, ничего не скажешь! Ты ищешь работу или просто гуляешь?

Дэн даже вздрогнул от столь внезапной смены темы. *Искал* ли он работу? Наверное, да. Логичнее всего было бы обратиться в хоспис Хелен Ривингтон, зданием которого он любовался на Кранмор-авеню, и Дэн пребывал в уверенности — хотя не знал, сияние это или обычная интуиция, — что там нужны рабочие руки. Однако он не был уверен, что готов отправиться туда прямо сейчас. Его насторожило видение Тони в окне башенки.

И есть еще одна причина, Дэнни. Тебе нужно подольше потерпеть без спиртного, прежде чем ты явишься в хоспис и напишешь заявление о приеме на работу. Даже на место ночного полотера.

Голос Дика Холлорана. Боже милостивый! Дэн не вспоминал о Дике уже очень давно. Пожалуй, с самого Уилмингтона.

С наступлением лета Фрейзер, безусловно, становился привлекательным городом для туристов. Здесь каждый мог найти себе развлечение по душе. И дополнительный персонал будут нанимать повсюду. Но если выбирать между работой в мексиканском ресторане торгового центра или в Игрушечном городке, Дэн определенно предпочитал второй вариант. Он уже почти открыл рот, чтобы ответить Фриману, когда вновь заговорил Холлоран:

Тебе скоро тридцать, мой милый. Выбор у тебя невелик.

Между тем Билли Фриман разглядывал его с откровенным и бесхитростным любопытством.

— Да, — сказал Дэн. — Мне нужна работа.

— Но учти, что в Игрушечном городке вся работа временная. Как только наступит лето и у студентов начнутся каникулы, мистер Кингсли будет брать по большей части местную молодежь. От восемнадцати до двадцати двух. От него этого требуют местные власти. К тому же юнцам можно платить по минимуму. — Он усмехнулся, обнажив пустоты на месте нескольких зубов. — Однако сама по себе работа неплоха. Сегодня целый день на свежем воздухе не выглядит столь уж заманчиво, но ведь холода скоро пройдут.

Верно, скоро потеплеет. Многие точки Общественного центра были еще закрыты, но вскоре они заработают, включившись в индустрию летнего курортного городка: появятся палатки с хот-догами и мороженым, откроется нечто круглое, заколоченное досками, в чем угадывалась большая карусель. И конечно, будет поезд — с крошечными вагончиками и мощным турбодизельным двигателем. Если Дэн сумеет удержаться от выпивки и покажет себя человеком надежным, Фриман и его босс, мистер Кингсли, могут, пожалуй, пару раз пустить его поуправлять локомотивом. Ему бы этого хотелось. А когда муниципальные власти заставят заменить его каким-нибудь выпускником школы из местных, он всегда сможет отправиться в хоспис.

То есть если он вообще решит здесь задержаться.

Лучше бы ты задержался хоть где-нибудь, заметил Холлоран (похоже, у Дэна сегодня выдался денек голосов и призраков старых знакомых). *Пора остановиться сейчас, или ты уже не остановишься никогда.*

И, удивляясь самому себе, он вдруг рассмеялся:

— Меня такой вариант устраивает, мистер Фриман. Вполне устраивает.

5

— Занимался благоустройством? — спросил Билли Фриман. Они вдвоем медленно шли вдоль поезда. Крыши вагонов доходили Дэну до груди, и он чувствовал себя великаном.

— Умею полоть, сажать и красить. Умею управляться с аппаратом для сдувания листьев и бензопилой. Починю простой двигатель, если поломка не слишком серьезная. Вожу газонокосилку, не наезжая на людей. Поезд... пока даже не знаю.

— Для этого понадобится разрешение мистера Кингсли. Страховка и прочая фигня. И кстати, у тебя есть рекомендации? Без них мистер Кингсли на работу не берет.

— Есть немного. В основном из больниц, где я работал уборщиком и санитаром. Мистер Фриман...

— Сойдет и просто «Билли».

— Билли, непохоже, чтобы ваш поезд мог перевозить пассажиров. Куда им сесть?

Билли усмехнулся:

— Жди здесь. Интересно, покажется ли тебе это таким же забавным, как мне самому? Мне этот трюк так нравится, что я могу повторять его бесконечно.

Фриман вернулся к локомотиву и склонился внутрь кабины. Двигатель, который прежде чуть слышно шумел, стал пофыркивать и посылать в небо более плотные сизые кольца. По всей длине «Хелен Ривингтон» зашипела гидравлика. Внезапно крыши всех девяти вагонов — восьми пассажирских и одного служебного, окрашенного в желтый цвет, — начали подниматься. Со стороны казалось, что откидывается верх сразу у девяти выстроившихся в цепочку кабриолетов. Дэн наклонился, чтобы посмотреть в окошко, и увидел, что по центру каждого вагона протянулся ряд жестких пластмассовых сидений — по шесть в пассажирских вагонах и два в служебном. Всего пятьдесят.

Когда Билли вернулся, Дэн улыбался во весь рот:

— Странный же должен быть вид у вашего поезда, когда его заполняют пассажиры.

— Еще какой! Народ веселится от души и без конца фотографируется. Только глянь!

В конце каждого вагона располагалась стальная подножка. Билли воспользовался одной из них, пробрался внутрь и уселся. Получился забавный оптический обман: Билли казался намного крупнее, чем был на самом деле. Он величественно помахал Дэну рукой, а тот представил, как крошечные с виду вагончики отъезжают от платформы, увозя от вокзала сразу пятьдесят таких же бробдингнегцев*.

Когда Билли Фриман поднялся и вышел из вагона, Дэн встретил его аплодисментами.

— Бьюсь об заклад, между Мемориальным днем и Днем труда вы продаете добрый миллиард открыток.

— Так и есть, можешь не сомневаться. — Билли порылся в карманах куртки, достал чуть помятую пачку сигарет «Дьюк» — хорошо известную Дэну дешевую марку, продававшуюся на автостанциях и в круглосуточных продуктовых лавках по всей Америке, — и протянул Дэну.

Тот взял сигарету. Билли дал ему прикурить и закурил сам.

— Наслаждаюсь дымком, пока это еще возможно, — пояснил он, разглядывая свою сигарету. — Курить здесь скоро запретят, как и везде. В женском клубе Фрейзера уже вовсю обсуждают эту идею. Если разобраться — сборище безмозглых куриц, но сам знаешь, как устроен современный мир: рука, качающая чертову колыбель, лезет управлять чертовой планетой. — Он выпустил дым через ноздри. — Хотя большинство из *них* колыбели в глаза не видело со времен Никсона. Да и тампаксы им давно ни к чему.

— Быть может, это не так уж плохо, — заметил Дэн. — Дети легко перенимают дурные привычки у взрослых.

Он сразу вспомнил отца. Однажды, незадолго до своей смерти, мама мрачно пошутила, что единственная в мире вещь, которая нравилась Джеку Торрансу больше, чем стакан виски, —

* Великаны, персонажи романа Дж. Свифта «Путешествия Гулливера».

это двенадцать стаканов виски. Конечно, и у самой Уэнди была слабость — сигареты, которые свели ее в могилу. И было время, когда Дэн клялся, что никогда не поддастся еще и этой пагубной привычке, но с годами обнаружил, что человек обычно попадается во все капканы, которые расставляет жизнь.

Тем временем Билли Фриман рассматривал его, прищурившись.

— Я иногда вроде как умею чувствовать людей, вот и с тобой так получилось. — У него был заметный акцент уроженца Новой Англии. — Что-то такое зашевелилось в голове еще до того, как ты повернулся и я увидел твое лицо. Думаю, ты сгодишься мне в помощники на весенний период, то есть, считай, до конца мая. Вот какое у меня чувство, а я привык доверять чутью. Пусть это и звучит глупо.

Дэн вовсе не считал, что это глупо. Теперь он понял, почему мог с такой легкостью читать мысли Билли Фримана. Дик Холлоран — его первый взрослый друг — говорил ему: *В большинстве случаев в людях присутствует лишь едва уловимое сияние. Они сами не подозревают о нем. Им дано, например, угадывать, какую следующую песню передадут по радио, или предвидеть, что скоро у них зазвонит телефон.*

Вот и Билли Фриман оказался наделен таким даром. Но едва уловимым.

— Как я понял, мне надо сразу обратиться к этому Кэри Кингсли, так?

— Кейси, а не Кэри. Но все верно. Он здесь ключевая фигура. Заведует городским хозяйством уже двадцать пять лет.

— И когда это лучше сделать?

— Да прямо сейчас. — Билли ткнул пальцем. — Груда кирпичей на той стороне улицы — это наш муниципальный совет. К мистеру Кингсли попадешь, спустившись в подвал в дальнем конце коридора. Поймешь, что на месте, когда услышишь сверху звуки диско. На первом этаже находится зал, где по вторникам и четвергам наши дамочки в это время как раз забавляются аэробикой.

— Хорошо, — сказал Дэн, — тогда я направлюсь прямо к нему.

— Рекомендации при тебе?

— Да. — Дэн похлопал по своей сумке, которую прислонил к стене игрушечного вокзала.

— И, надеюсь, ты не сам их написал? У нас такие штучки не проходят.

Дэнни улыбнулся:

— Нет, с ними полный порядок.

— Тогда иди и пусти их в ход. Покажи себя молодцом.

— Непременно.

— Да, и вот еще что, — сказал Билли уже в спину удалявшемуся Дэну. — Он на дух не выносит спиртного. Если ты выпиваешь и он тебя об этом спросит, мой тебе совет... соври.

Дэн кивнул и поднял руку, показывая, что все понял. Врать на этот счет он умел.

6

Судя по испещренному кровеносными сосудами носу Кейси Кингсли, тот отнюдь не всегда ненавидел спиртное. Это был крупный мужчина, который не столько занимал свой небольшой кабинет, сколько носил его на себе. Сейчас он откинул свой стул за письменным столом на задние ножки и просматривал рекомендации Дэна, аккуратно сложенные в голубую папку. Затылком он почти касался нижнего конца простого деревянного креста, висевшего на стене рядом с фотографией его семьи. На снимке более молодой и стройный Кингсли позировал вместе с женой и тремя детьми в купальных костюмах где-то на пляже. С потолка, лишь слегка приглушенные, грохотали «Виллидж пипл» в сопровождении дружного топота многочисленных ступней. Воображение нарисовало Дэну гигантскую сороконожку, которая недавно побывала у местного парикмахера-стилиста и носила ярко-красное трико ярдов девять длиной.

— Ага, ага... — бормотал Кингсли. — Угу... Так-так... Так...

На углу стола стояла стеклянная банка с леденцами. Не отрывая взгляда от тонкой папки с рекомендациями Дэна, Кингсли снял с банки крышку, выудил конфету и сунул в рот.

— Угощайтесь, — предложил он гостю.

— Нет, спасибо, — ответил Дэн.

В этот момент его посетила странная мысль. По всей вероятности, когда-то давно его отец сидел в подобном кабинете и проходил собеседование, чтобы получить работу смотрителя «Оверлука». Интересно, о чем он тогда думал? О том, что ему позарез нужно это место? Что это его последний шанс? Вполне вероятно. Потому что Джек Торранс решал не только свою судьбу. У него имелись жена и сын. Дэн же был свободен. Если здесь не выгорит, он может какое-то время бездельничать дальше. Или попытать счастья в хосписе. Хотя... Ему понравился Общественный центр Фрейзера. Ему понравился поезд, в котором обычные мужчины выглядели голиафами. Ему приглянулся Игрушечный городок, такой бесшабашно-абсурдный, но радостный и немного самоуверенный, как и многие другие маленькие американские городки. И ему пришелся по душе Билли Фриман, обладавший отблесками сияния, но скорее всего даже не подозревавший об этом.

Сверху раздались звуки «Я выживу». Словно только и дожидался смены мелодии, Кингсли сложил листочки обратно в папку и передал через стол Дэну.

Сейчас он мне откажет.

Но после целого дня точных попаданий на этот раз интуиция его подвела.

— Все это очень хорошо, вот только мне показалось, вам гораздо больше подошла бы работа в центральной больнице Нью-Гэмпшира или в хосписе, который расположен в нашем городе. Вы могли бы даже заняться домашним уходом — как я вижу, вы обладаете многими медицинскими навыками и умеете оказывать первую помощь. Не думали об этом?

— Думал. И в первую очередь о хосписе. Но потом я увидел ваш Общественный центр, Игрушечный городок и поезд.

Кингсли широко улыбнулся:

— Должно быть, страсть как хочется самому сесть на место машиниста, угадал?

Дэн без колебания солгал:

— Нет, сэр, меня привлекает совсем не это.

Признание, что его действительно манит кресло машиниста, почти наверняка повлекло бы вопрос о наличии у него водительского удостоверения и обстоятельствах, при которых Дэн

оного лишился. А конец у такого разговора мог быть только один: предложение покинуть кабинет мистера Кейси Кингсли навсегда.

— Я больше люблю ухаживать за механизмами, стричь травку и все такое.

— И нигде не любите задерживаться надолго, насколько я могу судить по вашему послужному списку.

— Планирую остепениться в ближайшем будущем. Кажется, свою охоту к перемене мест я уже полностью удовлетворил.

Интересно, Кингсли тоже показалось, что это полное вранье?

— Впрочем, только временную работу я и могу вам предложить, — сказал Кингсли. — Закончится учебный год и...

— Билли предупредил меня. Если я решу остаться здесь на лето, то попробую устроиться в хоспис. Я даже мог бы заблаговременно подать туда заявление, если вы не возражаете.

— Как угодно. — Кингсли с любопытством посмотрел на него. — Вы чувствуете себя комфортно в обществе умирающих людей?

Твоя мать умерла там, подумал Дэнни. Сияние, оказывается, и не собиралось затухать. *И ты держал ее за руку, когда она скончалась. Ее звали Эллен.*

— Вполне, — ответил он. А потом без особых на то причин добавил: — В конце концов все мы умираем. Что такое мир, если не огромный хоспис под открытым небом?

— Да вы у нас еще и философ! Что ж, мистер Торранс, думаю, вы нам подходите. К тому же я доверяю мнению Билли — он редко ошибается в людях. Только на работу не опаздывать, не являться пьяным или с красными глазами и пропахшим травой. Если случится нечто подобное, вам придется распрощаться с этим городом. В Доме Ривингтон с вами даже разговаривать не станут — об этом я позабочусь. Надеюсь, мои требования вам понятны?

Дэн почувствовал приступ неприязни,

(*надутый хлыщ*)

но сумел подавить его. Они играли на поле Кингсли, и он же владел мячом.

— Предельно понятны.

— Приступайте прямо с завтрашнего дня, если ничто не мешает. В городе сдается множество комнат. Я сделаю пару звонков, если хотите. Вы сможете заплатить девяносто долларов за первую неделю, пока не получите зарплату?

— Да, смогу. Спасибо, мистер Кингсли.

Кингсли отмахнулся.

— А на первую ночь могу порекомендовать гостиницу «Ред руф». Ею управляет мой бывший зять. Он даст вам хорошую скидку. Договорились?

— Договорились.

Все произошло как-то невероятно быстро. Так бывает с последними фрагментами огромной головоломки, когда несколько последних кусочков вдруг сразу встают на свои места. Дэн велел себе не поддаваться эйфории.

Кингсли поднялся. Он был крупным мужчиной и двигался не слишком стремительно. Дэн тоже встал со стула, и когда Кингсли протянул ему похожую на небольшой окорок руку через заваленный бумагами стол, пожал ее. Теперь сверху «Саншайн бэнд» рассказывали миру, как им это нравится, ох-хо, ах-ха...

— Ненавижу это танцевальное дерьмо, — пробормотал Кингсли.

Врешь, подумал Дэн. *Тебе эта музыка по сердцу. Потому что напоминает о дочери, с которой ты редко видишься. Она все еще не простила тебя.*

— Вы здоровы? — спросил Кингсли. — Что-то вы побледнели.

— Просто устал. Долгая поездка на автобусе.

Сияние вернулось к нему во всей своей мощи. Но почему именно сейчас?

7

Через три дня на новой работе, которые Дэн провел за покраской эстрады и уборкой оставшихся прошлогодних листьев с лужайки Общественного центра, Кингсли пересек Кранмор-авеню и сообщил, что при желании он может снять квартиру на Элиот-стрит. Причем у него будет своя туалетная комната с

ванной и душем. Восемьдесят пять долларов в неделю. Дэн сразу же согласился.

— Тогда сходите туда в обеденный перерыв, — посоветовал Кингсли. — Найдите миссис Робертсон. — Он погрозил Дэну пальцем, искривленным надвигающимся артритом. — И постарайтесь не наломать дров, друг мой, потому что она моя старая приятельница. Помните, что я за вас поручился на основе всего лишь хлипких рекомендаций и интуиции Билли Фримана.

Дэн клятвенно заверил, что не наломает никаких дров, хотя горячность, с которой он произносил заверения, показалась несколько напускной даже ему самому. Он опять подумал об отце, которому пришлось униженно просить состоятельного друга пристроить его на любую работу после увольнения из школы в Вермонте. Странно было испытывать сочувствие к человеку, который чуть тебя не убил, но Дэн его испытывал. Неужели отца тоже предупреждали, чтобы он не наломал дров и не облажался? Скорее всего. Вот только Джек Торранс все же наломал дров. По полной программе. Облажался на все сто. Несомненно, отчасти причиной его неудач было пьянство, но и люди, которые в тяжкие времена норовят поставить ногу тебе на горло, вместо того чтобы помочь подняться, тоже сыграли свою роль. Скверно, но такова человеческая натура. А упав до уровня бродячего пса, ты видишь только клыки, когти и грязь.

— И попросите Билли подобрать вам рабочие башмаки потеплее. У него в сарае их накопилось несколько десятков, хотя когда я проверял в последний раз, лишь половина имели пару.

День стоял солнечный, в воздухе пахло весной. Дэн, который работал в джинсах и футболке с эмблемой «Ютика блу сокс», посмотрел сначала на почти безоблачное небо, а потом снова на Кейси Кингсли.

— Да, я знаю, как это выглядит сейчас, но мы с вами все-таки в предгорьях, дружище. Метеорологи обещают нам крепкий северо-восточный ветер и с фут снега. Долго не продержится, фермеры еще называют апрельский снег удобрением для бедняков. Зато ветер может наделать бед. Надеюсь, вы и со снегоуборочной машиной сумеете управиться. — Он помолчал. —

А еще, надеюсь, у вас крепкая спина, потому что завтра вам с Билли придется собирать множество обломанных веток. Быть может, нужно будет пилить поваленные деревья. Умеете обращаться с бензопилой?

— Да, сэр.

— Хорошо.

8

С миссис Робертсон Дэн сумел сразу установить добрые отношения — она даже предложила ему сандвич с яичным салатом и чашку кофе в общей кухне. Он согласился, ожидая неизбежных расспросов о том, что привело его во Фрейзер, из каких краев он родом и тому подобных вещах. Но был приятно удивлен, когда ошибся. Она лишь попросила, если есть время, помочь ей закрыть ставни на окнах нижнего этажа, опасаясь, что сбудется прогноз по поводу ветра. Дэн с радостью оказал ей эту небольшую услугу. В своей жизни он придерживался не слишком многих принципов, но один из них гласил: всегда дружи с квартирной хозяйкой, ибо трудно предсказать, не придется ли однажды просить об отсрочке платы.

Затем он вернулся в Общественный центр, где его ждал Билли с целым списком дел. Не прошло и двух дней, как они сняли зимние чехлы со всех детских аттракционов, а теперь пришлось снова все закрывать, заколачивать витрины нескольких киосков и магазинчиков. Последней их миссией стало загнать «Рив» в специально построенное для поезда депо. Потом они уселись на складные стулья рядом с вокзалом Игрушечного городка, чтобы перекурить.

— Знаешь, Дэнни, — сказал Билл, — если начистоту, я сейчас чувствую себя очень усталым пролетарием.

— И не вы один. — Хотя на самом деле Дэн ощущал себя превосходно, мышцы приятно покалывало. Он уже забыл, как это прекрасно — работать на свежем воздухе не с похмелья.

В небе над ними сгущались тучи. Билли посмотрел на них и вздохнул.

— Я молю Бога, чтобы нас миновали снег и ветер, которые обещают по радио, но, похоже, они правы. Кстати, я нашел тебе башмаки. На вид они не очень, но хотя бы парные.

Отправляясь в свое новое жилище, Дэн прихватил ботинки с собой. К тому времени ветер уже начал набирать силу и солнце скрылось. Еще утром во Фрейзере готово было наступить лето. К вечеру лицо обжигал сырой холод надвигавшегося снегопада. Городские улочки опустели, окна домов укрылись за ставнями.

Дэн свернул с Морхед-стрит на Элиот и замер. Вдоль тротуара вместе с остатками прошлогодней листвы ветер катил поношенный цилиндр — шляпу фокусника. *Или, быть может, актера из старой музыкальной комедии*, подумал он. При виде цилиндра Дэн почувствовал, как мороз пробрал его до костей, потому что на самом деле никакой шляпы там не было.

Он зажмурился, медленно сосчитал до пяти, чувствуя, как усилившийся ветер полощет джинсы вокруг икр, а потом снова открыл глаза. Листья остались, но шляпа пропала. Это снова было сияние, порождавшее живые, тревожные, но, как правило, невразумительные образы. Сияние всегда усиливалось, если он какое-то время не пил, но никогда прежде не проявлялось так ярко, как с момента его прибытия во Фрейзер. Словно здесь царила особая атмосфера. Словно воздух лучше проводил странные передачи с Неизвестной Планеты. Это место было особенным.

Как «Оверлук».

— Нет, — сказал он. — Нет, я в это не верю.

Пара стаканчиков, и все придет в норму, Дэнни. В это *ты веришь?*

К сожалению, он верил.

9

Дом миссис Робертсон был построен в хаотичном колониальном стиле, и из окна комнаты Дэна на четвертом этаже открывался вид на запад, на горы. Это была панорама, без которой он бы охотно обошелся. За долгие годы его воспоминания об

«Оверлуке» сильно поблекли, но когда он распаковывал кое-что из своих пожитков, в памяти всплыло... Короче, всплыло то, чему лучше не всплывать, как и всякой прочей гадости (вроде разложившегося трупика мелкого грызуна).

Первый снег выпал тогда ближе к закату. Мы стояли на террасе перед входом в тот огромный пустой отель: отец — в центре, мама — по одну сторону от него, а я сам — по другую. Он обнимал нас. Тогда все, казалось, было хорошо. Он не пил. Первые снежинки падали медленно и вертикально, но потом поднялся ветер и принялся сдувать их в сторону, наметая сугроб на террасу и укутывая тех...

Дэн попытался блокировать образ, но тот пробился сквозь его защиту.

...тех зверей из живой изгороди. Тех самых, что могли двигаться, когда никто на них не смотрел.

Он отвернулся от окна, чувствуя, как руки покрылись гусиной кожей. Достал купленный в магазине «Ред эпл» сандвич, который собирался съесть, читая приобретенный там же роман Джона Сэнфорда в мягкой обложке, но, откусив лишь пару раз, снова завернул бутерброд в бумагу и положил на подоконник, где было прохладно. Он мог поесть и позже, хотя думал, что вряд ли ляжет спать позже девяти и едва ли успеет одолеть даже первые сто страниц романа.

Ветер снаружи продолжал усиливаться. Время от времени он завывал под скатом крыши так громко, что Дэн невольно отрывал взгляд от книги. А примерно в половине девятого начался снегопад. Снег шел густой и сырой. Налипая на окно, он скоро скрыл вид на горы. В какой-то степени так стало еще хуже. Снегом заметало окна и в «Оверлуке». Сначала на втором этаже... на третьем... и, наконец, на четвертом.

А потом они оказались в братской могиле с живыми мертвецами.

Мой отец рассчитывал, что они сделают его управляющим отелем. Все, что от него требовалось взамен, — это показать свою преданность. Выдав им своего сына.

— Своего единственного сына, — пробормотал Дэн, а потом огляделся по сторонам с таким видом, словно это произнес кто-то другой. Ему и в самом деле казалось, что он здесь не один.

Вернее, не совсем один. За окном снова резко взвыл ветер, и Дэн вздрогнул.

Еще не поздно вернуться в «Ред эпл». Купить бутылочку. Прогнать из головы все неприятные мысли.

Нет. Он должен читать. Следствие вел Лукас Девенпорт, и ему было интересно, что там дальше.

В четверть десятого он закрыл книгу и улегся в очередную постель в очередной съемной квартире. *Я не смогу заснуть*, подумал он. *Ни за что не смогу под такие завывания ветра.*

Но он заснул.

10

Он сидел рядом с ливневым стоком, глядя на поросший жесткой травой берег реки Кейп-Фир и на переброшенный через нее мост. Стояла ясная ночь полнолуния. Никакого тебе ветра, никакого снега. И «Оверлук» тоже пропал. Если бы даже он не сгорел, когда страной правил «арахисовый фермер», все равно до него было больше тысячи миль. Тогда почему же Дэн так напуган?

Потому что он был не один. Вот почему. Кто-то расположился у него за спиной.

— Хочешь, дам тебе совет, Медвежонок?

Голос казался текущим и дрожащим. Дэн почувствовал, как мурашки поползли по спине. Но еще сильнее у него замерзли ноги, покрывшиеся пупырышками, которые он мог видеть, потому что сидел в шортах. Да, на нем действительно были шортики. Его взрослые мозги оказались в голове пятилетнего ребенка.

Медвежонок. Догадайся кто...

Но он знал наверняка. Он представился Дини по имени, но она упорно звала его Медвежонком.

Ты этого не помнишь, и кроме того, тебе все это снится.

Естественно, так оно и было. Он находился во Фрейзере, штат Нью-Гэмпшир, и спал, пока за окном комнаты в доме миссис Робертсон бушевал весенний снегопад. И все же ему показалось разумным не оборачиваться. Так было безопаснее.

— Не надо никаких советов, — сказал он, продолжая смотреть на реку и полную луну над ней. — Мне давали советы настоящие эксперты. В барах и парикмахерских их хоть пруд пруди.

— Держись подальше от женщины в цилиндре, Медвежонок.

В каком еще цилиндре? — мог бы спросить он, но к чему утруждаться? Он знал, о какой шляпе речь, потому что видел, как ветер гнал ее вдоль тротуара. Снаружи черную как смертный грех, но с белой шелковой подкладкой внутри.

— Она Королева-сучка из Адского замка. Встанешь у нее на пути, и она сожрет тебя живьем.

Теперь он повернул голову. Просто не смог удержаться. Дини сидела позади него прямо в водосточном желобе, набросив украденное им у бомжа одеяло на голые плечи. Ее волосы прилипли к щекам. Лицо сильно раздулось и набухло. Глаза помутнели. Она была мертва. И возможно, уже не один год пролежала в могиле.

«Ты не настоящая», — хотел сказать Дэн, но слова не шли из него. Ему снова было пять. Дэнни было пять, «Оверлук» обратился в пепел и кости, а рядом с ним сидела мертвая женщина. Та, которую он обокрал.

— Ничего страшного, — сказала она. Голос был клокочущим из-за распухшего горла. — Я продала кокс. Подмешала к нему немного сахара и толкнула за две сотни.

Она усмехнулась, и сквозь ее зубы просочилась вода.

— Ты мне понравился, Медвежонок. Вот почему я пришла, чтобы предупредить тебя. *Держись подальше от женщины в цилиндре.*

— Маска, — сказал Дэн... голосом Дэнни, тонким, почти писклявым детским голоском. — Маска, ты не настоящая, тебя здесь нет.

Он закрыл глаза, как часто делал в «Оверлуке», если видел что-то ужасное. Женщина начала кричать, но он не открывал глаз. Крики продолжались, то нарастая, то ослабевая, и он понял, что это ветер. Он был не в Колорадо и не в Северной Каролине. Он был в Нью-Гэмпшире. Ему приснился плохой сон, но теперь он проснулся.

11

Часы показывали два часа ночи. В комнате стоял холод, но его ладони и грудь были липкими от пота.

Хочешь, дам тебе совет, Медвежонок?

— Нет, — ответил он. — Никаких советов от тебя.

Она же мертва.

Он никак не мог этого знать, но знал. Дини, королева Западного полушария в своей кожаной мини-юбке и сандалиях на пробковой подошве, была мертва. Он даже знал, как она это сделала. Наглоталась таблеток, заколола волосы, забралась в ванну, наполненную теплой водой, заснула, соскользнула вниз и утонула.

Рев ветра казался устрашающе знакомым, полным неосуществимой угрозы. Ветер дул повсюду, но звучал так только на высокогорье. Словно какое-то разгневанное божество размахивало над миром огромным деревянным молотком.

Помнится, я называл его спиртное Скверной Жидкостью, подумал Дэн. *Но бывают случаи, когда оно превращается в Хорошую Жидкость. А когда ты очнулся после кошмара, который, как ты понимаешь, наполовину навеян сиянием, — даже в Очень Хорошую Жидкость.*

Один стаканчик виски дал бы ему возможность снова заснуть. Он стал бы гарантией не просто сна, а сна без кошмаров. Сон был природным лекарем, а сейчас Дэн Торранс чувствовал себя настолько больным, что нуждался в сильном лекарстве.

Но в такое время все закрыто. Не повезло.

Что ж, так тому и быть.

Он повернулся на бок и уперся во что-то спиной. Нет, не во что-то. В *кого-то*. Кто-то проник к нему в постель. *Дини* залезла вместе с ним под одеяло. Только это существо было маловато для Дини. Он почувствовал, что...

Дэн выскочил из кровати, неуклюже приземлился на пол и обернулся. Это был Томми — маленький сынишка Дини. Справа на его черепе виднелась глубокая вмятина. Обломки кости торчали сквозь окровавленные волосы. Какая-то серая чешуйчатая мерзость налипла на одну щеку. Мозг. Он не мог выжить после такого удара по голове — но продолжал жить. Он протянул к Дэну похожую на морскую звезду ручонку.

— Саха, — сказал он.

Снова раздался крик, только на этот раз кричала не Дини и не ветер.

Кричал он сам.

12

Проснувшись во второй раз — уже по-настоящему, — он вовсе не кричал, а лишь издавал какой-то шедший из груди клекот. Он сел, жадно глотая воздух, с одеялом, обмотанным вокруг пояса. В постели с ним никого не было, но сон рассеялся не окончательно, и простого взгляда оказалось недостаточно. Дэн сбросил с кровати одеяло, но не удовлетворился этим. Он стал ощупывать ладонями простыню, пытаясь ощутить остатки чужого тепла, почувствовать вмятину, оставленную маленьким тельцем. Ничего. Разумеется, ничего. Он даже заглянул под кровать, но увидел там лишь свои рабочие башмаки.

Ветер слегка поумерил свой пыл. Буран не прекратился, но заметно ослабел.

Он зашел в ванную, а затем резко обернулся, словно ожидая застать кого-то врасплох, но увидел только кровать и сброшенное на пол одеяло. Он включил свет над раковиной, ополоснул лицо холодной водой, а потом опустил крышку унитаза и сел, делая глубокие вдохи. Ему захотелось взять сигарету из пачки, лежавшей рядом с книгой на небольшом столике в комнате, но ноги были как ватные, и он сомневался в их надежности, поэтому остался сидеть. Он видел постель, и постель была пуста. Вся комната была пуста. Проблемы не существовало.

Но... она не *казалась* пустой. По крайней мере пока. Как только это произойдет, он, вероятно, вернется в кровать. Но заснуть ему вряд ли удастся. Этой ночью он свое уже отоспал.

13

Семью годами ранее, работая санитаром хосписа в Талсе, Дэн подружился с престарелым психиатром, страдавшим раком печени на конечной стадии. Однажды, когда Эмиль Кеммер в

очередной раз предавался воспоминаниям (не слишком стесняясь пикантных подробностей) о наиболее интересных случаях из своей врачебной практики, Дэн признался, что с самого детства страдает от «двойных снов». Знаком ли доктору Кеммеру подобный феномен? Есть ли у него научное определение?

В расцвете лет Кеммер был крупным мужчиной — о чем свидетельствовала старая черно-белая свадебная фотография на прикроватной тумбочке, — но рак — самая эффективная диета, и в день их разговора вес доктора примерно равнялся его возрасту, а ему стукнуло девяносто один. Однако он не утратил проницательности ума, и сейчас, сидя на крышке унитаза и вслушиваясь в затихающие звуки ветра за стенами дома, Дэн вспомнил лукавую улыбку старика.

— Вообще-то, Дэниел, — сказал тот с сильным немецким акцентом, — я привык, чтобы мне за диагнозы платили.

— Вот черт, не повезло, — отозвался Дэн ухмыляясь.

— Кто знает. — Кеммер изучающе посмотрел на Дэна. У старика были ярко-синие глаза. И хотя Дэн знал, что это предельно несправедливо, часто воображал эти глаза под черной эсэсовской каской. — В этом доме для смертников ходят слухи, что ты, мой мальчик, наделен особым талантом помогать людям умереть достойно. Это так?

— Иногда, — осторожно ответил Дэн. — Но не всегда.

На самом деле он делал это *почти* всегда.

— Когда придет мой час, ты мне поможешь?

— Если это будет в моих силах.

— Вот и хорошо. — Кеммер с трудом сел в постели, жестом велев Дэну оставаться на месте. — То, что ты называешь двойными снами, — хорошо знакомое психиатрам явление. Им особо интересовались последователи Юнга, именовавшие его *ложным пробуждением*. Первый сон обычно легкий и поверхностный. Человек осознает, что спит...

— Да! — воскликнул Дэн. — Но во втором сне...

— Во втором сне человек считает, что он бодрствует, — продолжал Кеммер. — Юнг вывел из этого целую теорию, приписав таким снам даже своего рода прекогнитивную силу... Но мы-то с тобой знаем правду, не так ли, Дэн?

— Разумеется, — кивнул тот.

— Поэт Эдгар Аллан По упоминал о феномене ложного пробуждения задолго до того, как Юнг появился на свет. Вот его строки: «Все, что в мире зримо мне или мнится, — сон во сне»*. Я ответил на твой вопрос?

— Думаю, что да. Спасибо.

— Не за что. А теперь я бы выпил немного сока. Принеси яблочного, будь любезен.

14

Прекогнитивная сила... Но мы-то с тобой знаем правду.

Даже если бы не привык держать свою способность в секрете от всех, Дэн не осмелился бы возражать умирающему... особенно человеку с таким холодным и проницательным взглядом. Истина, однако, заключалась в том, что обычно одно или оба из его двойных сновидений оказывались пророческими, но он лишь наполовину понимал суть предвидений или не понимал вовсе. Но этой ночью, сидя на крышке унитаза в одних трусах и дрожа всем телом (и не только от холода), он понял даже больше, чем хотелось.

Томми был мертв. По всей вероятности, убит своим агрессивным дядей. А вскоре после этого его мать покончила с собой. Что же до другой части сна... призрачного цилиндра, который еще раньше привиделся ему катящимся по тротуару...

Держись подальше от женщины в цилиндре. Она Королева-сучка из Адского замка.

— Мне нет до нее дела, — сказал Дэн.

Встанешь у нее на пути, и она сожрет тебя живьем.

В его намерения не входило даже встречаться с ней, не говоря уже о том, чтобы вставать на пути. А что до Дини, то он не нес ответственности за необузданный темперамент ее братца и заброшенного ребенка. Теперь он мог перестать мучиться угрызениями совести по поводу взятых у нее семидесяти долларов: она продала кокаин — он был убежден в достоверности этой части сна, — и они в расчете. И если уж на то пошло, ей досталось даже больше.

---

* Э.А. По. Сон во сне. *Пер. В. Брюсова.*

Сейчас ему хотелось одного — выпить. То есть напиться, если называть вещи своими именами. Надраться в дымину, вдрабадан, до поросячьего визга. Теплое утреннее солнышко, приятная ломота в мышцах от работы на свежем воздухе, пробуждение без малейшего намека на похмелье — все это прекрасно. Но какой ценой? Слишком высокой. Он расплачивался за благостную жизнь всеми этими безумными снами и видениями, не говоря уже о мыслях случайных прохожих, которые порой непостижимым образом пробивали его защитную стену.

Нет. Цена оказалась непомерно высокой.

15

Он сидел на стуле в своей комнате, читая роман Джона Сэнфорда при свете единственной лампы, пока колокола городских церквей не пробили семь утра. Затем он обул новые (по крайней мере для него самого) башмаки, надел шерстяную куртку и вышел в мир, который за ночь изменился и смягчил свой нрав. Все острые углы сгладились. Снег по-прежнему шел, но теперь падал невесомыми хлопьями.

Мне надо убираться отсюда. Возвращаться во Флориду. Пошел он на хрен, этот Нью-Гэмпшир, где снег валит, наверное, даже на Четвертое июля в честь праздничка.

Ему ответил голос Холлорана, добрый, каким его запомнил маленький Дэнни, но под мягкостью крылась сталь: *Пора остановиться сейчас, мой милый, или ты уже не остановишься никогда.*

— Да пошел ты... Несносный старик, — пробормотал Дэн.

Он сразу отправился в «Ред эпл», потому что магазины, где торговали крепким алкоголем, открывались только через час. Медленно бродил туда-сюда между холодильниками с вином и пивом, размышляя, пока не решил наконец, что если уж напиваться, то быстро и мерзко. Взял две бутылки «Тандерберд» (восемнадцать градусов, сгодится, раз уж виски пока не достать) и пошел к кассе, но вдруг остановился.

Повремени еще денек. Дай себе последний шанс.

Что ж, он вполне мог это сделать, но только зачем? Чтобы снова проснуться в одной постели с Томми? С Томми, у которо-

го череп продавлен внутрь? Или в следующий раз это будет Дини, пролежавшая в ванне два дня, пока домовладелец не устал стучать в дверь и не воспользовался своим ключом? Он не мог ничего знать наверняка, и будь с ним сейчас Эмиль Кеммер, старик бы с этим согласился, но тем не менее Дэн знал. Он знал все. Так чего ждать?

Быть может, эта твоя сверхчувствительность скоро пройдет? Вдруг это нечто вроде экстрасенсорной белой горячки, и если ты потерпишь еще немного...

Но время менялось. Это прекрасно понимали алкаши и законченные наркоманы. Когда ты не мог спать, когда боялся лишний раз оглянуться, опасаясь того, что можешь увидеть, время удлинялось и отращивало себе острые зубы.

— Вам помочь? — спросил продавец, и Дэн понял,

(*проклятое сияние, проклятая хреновина*)

что своим видом нервирует его. И не без причины. Всклокоченные волосы, темные круги под глазами и дерганые, неуверенные движения. Он, вероятно, походил сейчас на любителя метамфетамина, который никак не мог решиться достать свой верный револьвер и потребовать выложить на стойку все, что есть в кассе.

— Нет, спасибо, — ответил Дэн. — До меня только что дошло, что я забыл дома бумажник.

Он вернул зеленые бутылки в холодильник. Когда закрывал дверцу, они мягко сказали ему как старому приятелю: «До скорого, Дэнни».

16

Билли Фриман дожидался его, закутанный до бровей. Билли протянул Дэну старомодную лыжную шапочку с вышитой спереди надписью «Эннистон сайклонс».

— Кто такие эти чертовы «Эннистон сайклонс»? — спросил Дэн.

— Эннистон — городок в двадцати милях отсюда. Когда дело доходит до футбола, баскетбола или бейсбола, это наши самые заклятые противники. Если кто-нибудь увидит на тебе эту шапку, ты рискуешь получить снежком по башке, но другой у меня нет.

Дэн напялил шапку на голову.

— Тогда вперед, «Сайклонс»! К победе!

— Правильно. И пошли к дьяволу все, кто против нас. — Билли оглядел его. — Ты как? В норме?

— Плохо спал этой ночью.

— Это понятно. Ветер поднялся бешеный, верно? Завывал, как моя бывшая, когда я предлагал заняться любовью в понедельник. Работать-то готов?

— Как всегда.

— Вот и хорошо. Давай за дело. У нас сегодня хлопот полон рот.

17

Хлопот действительно хватало, но уже к полудню показалось солнце и температура снова перевалила за пятьдесят градусов*. Снег быстро таял, и по всему Игрушечному городку зажурчали десятки ручейков. Настроение Дэна поднималось вместе со столбиком термометра, и он даже поймал себя на том, что поет («Эй, юнец! Я тоже был когда-то молод!»), разъезжая на снегоочистителе по двору небольшого универмага, примыкавшего к Общественному центру. Над головой легкий бриз, не сравнимый по силе с ночным бураном, трепал транспарант: «НЕВЕРОЯТНАЯ ВЕСЕННЯЯ РАСПРОДАЖА! ВСЕ ПО ИГРУШЕЧНЫМ ЦЕНАМ!»

И никаких видений.

Когда рабочий день закончился, он пригласил Билли в ресторан «Вагончик Чака» и заказал бифштексы. Билли заявил, что тогда с него пиво, но Дэн покачал головой:

— Я не прикасаюсь к алкоголю. Если начну, не смогу остановиться.

— Тебе стоит поговорить на эту тему с Кингсли, — сказал Билл. — Он пережил развод с пойлом лет пятнадцать назад. С ним давно все в порядке. Вот только дочка до сих пор знать его не хочет.

* По Фаренгейту; примерно 10 °С.

Поэтому они пили кофе. Много кофе.

Дэн вернулся в свою комнату на Элиот-стрит усталый, но сытый и довольный, что сумел остаться трезвым. Телевизора у него не было, зато оставался изрядный кусок романа, и на пару часов он погрузился в чтение. Все это время он прислушивался, не поднимется ли ветер, но стояла тишина. Ему даже подумалось, что вчерашний налет стал последним отголоском ушедшей зимы. Дэн не возражал. Около десяти он лег и заснул почти мгновенно. Утреннее посещение «Ред эпл» почти забылось, словно привиделось в лихорадке, которая теперь прошла.

18

Он проснулся посреди ночи, но не от новых криков ветра, а потому что хотел ссать, как скаковая лошадь. Поднялся, прошлепал босыми ногами до ванной и включил свет, нажав кнопку рядом с дверью.

В ванне стоял цилиндр, до краев наполненный кровью.

— Нет, не может быть, — сказал Дэн. — Я просто все еще сплю.

Наверное, снова двойное сновидение. Или тройное. Даже четверное. Он утаил кое-что от Эмиля Кеммера: свои опасения, что однажды окончательно заплутает в лабиринте фантомной ночной жизни и уже не сможет вернуться.

Все, что в мире зримо мне или мнится, — сон во сне.

Но только это была реальность. Цилиндр был настоящим. Никто больше не видел его, но это ничего не меняло. Шляпа была частью действительности. Она существовала где-то в этом мире. Он знал это.

Краем глаза он заметил надпись на зеркале над раковиной. Сделанную губной помадой.

Я не должен смотреть туда.

Но поздно. Его голова уже поворачивалась в ту сторону; он даже мог слышать, как сухожилия шеи скрипят, словно несмазанные дверные петли. И какая, собственно, разница? Он и так знал, что там такое. Миссис Масси больше не было, Хораса Дервента больше не было. Оба сидели взаперти в стальных ящи-

ках на задворках его сознания, но «Оверлук» с ним еще не закончил. И потому на зеркале, кровью, а не помадой, было выведено слово:

РОМ

А в раковине лежала пропитанная кровью футболка «Атланта брейвз».

Это не прекратится никогда, подумал Дэнни. *«Оверлук» сгорел, а его самые жуткие обитатели отправились под замок, но я не могу запереть в железный ящик сияние, потому что оно не просто внутри меня. Оно и есть я. Без выпивки, которая хотя бы притупляет его, эти видения будут продолжаться бесконечно, пока я не лишусь рассудка.*

Он мог видеть в зеркале свое лицо со словом РОМ на переднем плане, как будто напечатанным поперек лба. Как клеймо. Это ему не снилось. В раковине лежала футболка убитого ребенка, а в ванне стоял цилиндр, наполненный кровью. Безумие подступало вплотную. Он мог видеть его приближение в собственных выпученных глазах.

А затем лучом фонарика во мраке прорезался голос Холлорана: *Сынок, ты можешь видеть разные вещи, но они подобны страшным картинкам в книжке. Ты не был беспомощен в «Оверлуке», будучи совсем малышом, и ты не беспомощен сейчас. Далеко не беспомощен. Закрой глаза, и когда ты их вновь откроешь, вся эта гадость исчезнет.*

Дэн зажмурился и немного подождал. Пытался считать секунды, но на четырнадцати сбился из-за царившего в голове хаоса. Он был почти готов почувствовать, как руки — вероятно, руки хозяина цилиндра — смыкаются у него шее. Но продолжал стоять неподвижно. Бежать было некуда.

Потом, мобилизовав всю свою отвагу, Дэн открыл глаза. Ванна оказалась пуста. В раковине тоже ничего не лежало. И на зеркале он не увидел ни буквы.

Но это вернется. В следующий раз, вероятно, появится ее обувь — те самые сандалии на пробковой подошве. Или я увижу в ванне ее саму. А почему бы и нет? Так я впервые увидел миссис Масси, а они умерли одинаково. Разница лишь в том, что я не крал у миссис Масси деньги и не сбегал из ее квартиры.

— Я выждал день, — сообщил он пустой комнате. — Я сделал что мог.

Да, день выдался хлопотный, но хороший — это он готов был признать. *Дни* вообще не представляли проблемы. А вот ночи...

Его сознание было школьной доской. Алкоголь — мокрой тряпкой.

19

Дэн пролежал без сна до шести. Потом оделся и уже знакомым путем дошел до «Ред эпл». На этот раз он не колебался, только вместо двух бутылок «Тандерберд» достал три. Как там говорят? Если берешься за дело, берись основательно или не начинай вообще. Продавец уложил бутылки в пакет, не проронив ни слова. Он привык к таким вот ранним любителям поддать. Дэн отправился к общественному центру, сел на лавочку в Игрушечном городке, достал из пакета одну бутылку и стал разглядывать ее, как Гамлет — череп Йорика. Сквозь зеленое стекло жидкость внутри больше напоминала крысиную отраву, чем вино.

— Как будто это плохо, — сказал Дэн и повернул крышку.

Теперь вдруг заговорила его мама, Уэнди Торранс, которая докурилась до смерти. Если самоубийство было единственным выходом, ты по крайней мере мог выбрать способ.

Так вот, значит, к чему все пришло, Дэнни? И зачем тогда было так долго мучить себя?

Он открутил пробку. Потом снова завернул. Снова открутил и на этот раз снял. От вина несло кислятиной, музыкальными автоматами и грязью дешевых баров с бессмысленными ссорами и драками на стоянках. В конце концов, вся жизнь состояла из таких же глупостей, как эти драки. Мир не был огромным хосписом под открытым небом, мир представлял собой один сплошной отель «Оверлук», где вечеринка никогда не заканчивалась. Где мертвецы оставались вечно живыми. Он поднес горлышко бутылки к губам.

И ради этого мы так отчаянно боролись — чтобы выбраться из того проклятого отеля, Дэнни? Стоило ли тогда так страдать, пытаясь построить для себя новую жизнь?

В ее голосе не слышалось ни нотки упрека. Только грусть.

Дэнни снова закрутил пробку. Потом открутил. Закрутил. Открутил.

Он подумал: *Если выпью, «Оверлук» победит. Он одержит верх, хоть и сгорел дотла после взрыва бойлера. Но если не выпью, сойду с ума.*

Еще он подумал: *Все, что в мире зримо мне или мнится, — сон во сне.*

Дэн так и продолжал крутить пробку, когда его нашел Билли Фриман, поднявшийся в то утро раньше обычного с тревожным предчувствием.

— Ты собираешься пить, Дэн, или будешь и дальше дрочить ее?

— Наверное, все-таки выпью. Я просто не знаю, что еще делать.

Пришлось Билли подсказать ему что.

20

Нельзя сказать, чтобы Кейси Кингсли был очень удивлен, увидев нового работника сидящим у двери своего кабинета, когда приехал на работу в четверть девятого утра. Не стала для него сюрпризом и бутылка в руках Торранса, пробку которой он то откручивал, то снова плотно затягивал. Взгляд у Кейси был наметанный, и он с самого начала понял, что этот человек из тех, кто за тысячу ярдов чует магазин спиртного.

Конечно, Билли Фриман не обладал сиянием, хотя бы отчасти сравнимым с даром самого Дэна, но и его способностей в данном случае оказалось достаточно. В первый же день, когда Дэн уже направился в сторону здания муниципального совета, Билли позвонил Кингсли с аппарата в сарае для оборудования. Тут один парень ищет работу, сказал Билл. С рекомендациями у него слабовато, но Билл думает, что он подойдет им как помощник до Дня поминовения. Кингсли, который по опыту знал, что интуиции Билли можно полностью доверять, сразу с ним согласился. *Да я и сам подумывал нанять тебе помощника*, сказал он.

Реакция Билли оказалась странной, однако он и *сам* был странным. К примеру, пару лет назад вызвал «скорую помощь» за пять минут *до того*, как маленький мальчик упал с качелей и разбил голову.

Мы нужны ему больше, чем он нам, вот что ответил Билли.

И вот Дэн сидел, чуть склонившись вперед и сгорбившись, будто уже ехал в очередном междугородном автобусе или пристроился за стойкой бара, а запах вина ударил в нос Кингсли еще в самом начале коридора. Будучи подлинным знатоком, он с легкостью различал подобные сорта спиртного. Сейчас несло «Тандерберд», как в старой кабацкой песне: *Мозг пробьет «Тандерберд»! Цена — пустяк, четвертак!* Но когда молодой человек поднял глаза, Кингсли заметил, что его взгляд не замутнен ничем, кроме отчаяния.

— Меня прислал Билли.

Кингсли промолчал. Он видел, что парню нужно собраться, что-то в себе преодолеть. Это читалось не только в его глазах, но и в опущенных уголках губ, а главное, в том, как он держал бутылку. Он и любил ее, и ненавидел, и нуждался в ней.

И настал момент, когда Дэн произнес фразу, от которой бежал всю свою сознательную жизнь:

— Мне нужна помощь.

Он провел ладонью по глазам. Воспользовавшись моментом, Кингсли наклонился и схватил бутылку. Дэн мгновение сопротивлялся, а потом выпустил ее из пальцев.

— Ты болен и очень устал, — сказал Кингсли. — По крайней мере это я вижу сразу. Вопрос в том, надоело ли тебе быть больным и усталым.

Дэн поднял на него глаза и сглотнул. После секундной внутренней борьбы признался:

— Вы даже себе не представляете, насколько надоело.

— Быть может, и представляю. — Кингсли выудил из просторного кармана своих необъятных брюк огромную связку ключей. Открыв одним из них дверь с надписью «КОММУНАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО ГОРОДА ФРЕЙЗЕР», нанесенной на матовое стекло, он сказал: — Заходи. Давай об этом поговорим.

Глава 2
ПЛОХИЕ ЧИСЛА

1

Престарелая поэтесса с итальянским именем и стопроцентно американской фамилией сидела, держа на коленях свою спящую правнучку, и смотрела видеозапись, сделанную мужем ее внучки в родильном отделении больницы тремя неделями ранее. Любительский фильм начинался словами «АБРА ВХОДИТ В НАШ МИР!». Изображение дергалось, и Дэвид избегал излишне откровенных медицинских деталей (слава Богу!), но Кончетта Рейнолдс увидела прилипшие ко лбу Люсии пропитанные потом волосы, услышала ее крик: *А я что делаю?* — когда одна из медсестер начала уговаривать ее тужиться, заметила несколько капелек крови на простыне — не много, но достаточно для, как бы выразилась собственная бабушка Четты, «хорошего зрелища». Не по-английски, конечно.

Камера рванулась, чтобы показать наконец появившегося младенца, и у Кончетты побежали мурашки по рукам и по спине, когда Люси закричала: *У нее нет лица!*

Дэвид, сидевший сейчас рядом с Люси, захихикал. Потому что лицо у Абры, конечно же, было, и прелестное. Четта бросила взгляд вниз, словно хотела еще раз в этом удостовериться. Когда она вновь посмотрела на экран, новорожденную как раз клали на руки ее измученной матери. Через тридцать или сорок дерганых секунд съемки в кадре появились слова: «С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, АБРА РАФАЭЛЛА СТОУН!»

Потом Дэвид нажал кнопку «Стоп» на пульте.

— Ты станешь одной из немногих, кто когда-либо вообще это увидит, — провозгласила Люси непререкаемым тоном. — Позорище!

— Наоборот, это восхитительно, — возразил Дэвид. — И есть еще один человек, кто посмотрит мое видео: сама Абра. — Он бросил взгляд на сидевшую рядом с ним на диване жену. — Когда достигнет определенного возраста, разумеется. И только если сама захочет.

Он потрепал Люси по бедру, а потом посмотрел на ее бабушку и улыбнулся — эту престарелую женщину он очень уважал, но особой любви к ней не испытывал.

— А до тех пор запись будет заперта в банковском сейфе вместе со страховками, купчей на наш дом и теми миллионами, которые я заработал на продаже наркотиков.

Кончетта скупо улыбнулась, показывая, что оценила шутку, но не находит ее особенно забавной. Абра продолжала спать у нее на коленях. В некотором смысле, подумала Четта, все дети рождаются в сорочке, поскольку их лица в младенчестве окутаны тайнами будущего и дальнейшей судьбы. Возможно, ей стоит что-то написать об этом. А впрочем, едва ли.

Кончетта, которую привезли в Америку двенадцатилетней, говорила на превосходном английском языке. И неудивительно: она не только закончила Вассар, но и была профессором (теперь уже почетным) именно этой дисциплины. Но никакое образование не мешало ей хранить в голове старинные приметы и суеверия. Порой они отдавали ей приказы, всегда по-итальянски. Вот почему Кончетта придерживалась убеждения, что все, кто принадлежал к миру искусства и поэзии, были скрытыми деятельными шизофрениками, включая и ее саму. Она прекрасно понимала, что суеверия — это вздор, но неизменно сплевывала между пальцами, если ворона или черная кошка пересекала ей путь.

Значительной частью своей собственной шизофрении она была обязана сестрам из ордена Божьего Милосердия. Они не просто верили в Бога и в божественное происхождение Иисуса — они считали зеркала дьявольскими стеклами и предрекали, что девочка, которая будет слишком часто смотреться в зеркало, непременно обрастет уродливыми бородавками. Именно эти монашки имели на Кончетту большое влияние в возрасте от семи до двенадцати лет. За поясом каждая из них носила линейку, но не для снятия размеров, а чтобы бить девочек по рукам за

малейшую провинность, и они не могли пройти мимо ребенка, не выкрутив ухо в назидание.

Люси протянула руки за младенцем. Четта осторожно и с неохотой передала ей драгоценный сверток.

2

В двадцати милях к северо-востоку от того места, где Абра спала на руках Кончетты Рейнолдс, Дэн Торранс принимал участие во встрече группы «Анонимные алкоголики», слушая монотонный рассказ какой-то девицы о превратностях ее сексуальной жизни с бывшим мужем. Кейси Кингсли строго предписал ему посетить девяносто таких встреч за девяносто дней, и это полуденное собрание в подвале методистской церкви Фрейзера стало для него восьмым. Он сидел в первом ряду, потому что Кейси — до сих пор известный здесь как Большой Кейси — настоял и на этом.

— Больные, которые действительно хотят излечиться, сидят впереди, Дэнни. Задние ряды на собраниях АА мы называем местами для сомневающихся.

Кейси вручил ему небольшой блокнот с фотографией на обложке: океанские волны разбиваются о скалистый мыс. Над картинкой был напечатан девиз, который Дэн прекрасно понимал, но не принимал слишком всерьез: «ВЕЛИКОЕ СВЕРШЕНИЕ ТРЕБУЕТ ВЕЛИКИХ ПОДВИГОВ».

— Записывай каждую встречу в этот блокнот. И всякий раз, когда я попрошу, ты должен быть готов вытащить его из заднего кармана и продемонстрировать, что ничего не пропускаешь.

— Я что, уже и заболеть не могу?

Кейси рассмеялся.

— Ты *уже* болен, приятель. Ты — законченный пропойца, алкоголик. Хочешь знать, что сказал мне мой личный куратор в АА?

— Мне кажется, я уже знаю. Соленому огурцу никогда не стать свежим, так?

— Не строй из себя умника, а слушай меня.

— Слушаю, — вздохнул Дэн.

— Обязательно притаскивай свою задницу на каждую встречу, — вещал Кейси. — Если задница отвалится, положи ее в мешок, но притащи все равно.

— Очаровательно! А если я попросту забуду?

Кейси пожал плечами:

— Тогда ищи себе другого куратора, который поверит в твою забывчивость. Со мной это не прокатит.

Дэн, ощущавший себя неким хрупким предметом, который подкатился к краю высокой полки, но пока с нее не упал, не хотел не только другого куратора, но и никаких перемен вообще. В целом все обстояло неплохо, но он чувствовал себя уязвимым. Очень уязвимым. Почти как человек без кожи. Видения, преследовавшие его после переезда во Фрейзер, прекратились, и хотя он по-прежнему часто вспоминал о Дини и ее маленьком сыночке, эти воспоминания не причиняли уже такой боли. Под конец почти каждой встречи группы анонимных алкоголиков кто-то вставал и зачитывал вслух так называемые Обещания. Одно из них гласило: *Мы не будем жалеть о прошлом или желать отгородиться от него.* Дэн думал при этом, что *всегда будет сожалеть* о прошлом, но он действительно оставил все попытки отгородиться от него. К чему тратить время, если оно все равно вернется? Для него не существовало засовов или замков.

Сейчас он вдруг начал писать на очередной страничке в блокноте Кейси одно слово. Каждая буква получалась крупной и аккуратной. Причем он понятия не имел, зачем это делает и что означает написанное. Слово было **АБРА**.

Тем временем рассказчица добралась до конца своей долгой истории и разразилась слезами, признаваясь сквозь всхлипы, что хотя ее бывший муж — редкостная сволочь, она по-прежнему любит его, а закончила словами о том, до какой степени она рада оказаться на пути к трезвости. Дэн поаплодировал ей вместе с остальными членами дневной группы, затем принялся раскрашивать буквы. Делая их все более броскими.

Знакомо ли мне это имя? Думаю, что да.

Но только когда следующий рассказчик начал свое повествование, а Дэн встал, чтобы налить себе чашку свежего кофе, до него дошло. Аброй звали девушку из романа Джона Стейнбека «К востоку от Эдема». Он читал его... где-то. Вероятно, во время

одной из остановок в своих долгих скитаниях. Где-то, когда-то. Это не имело значения.

Потом другая мысль

(*сохранила ли ты ее?*)

всплыла в мозгу мыльным пузырем и лопнула.

Сохранила что?

В этот момент Фрэнки П. — ветеран дневной группы, который председательствовал во время встреч, — спросил, не возьмется ли кто-нибудь за раздачу жетонов. Поскольку добровольцев не нашлось, Фрэнки обратился к Дэну:

— Как насчет вас, любитель кофе?

Слегка смущаясь, Дэн вышел в середину комнаты, надеясь, что запомнил порядок раздачи. Сначала белые для новичков. И когда он обходил присутствующих с потертой жестянкой, в которой гремели жетоны и медальоны, мысль вернулась.

Сохранила ли ты ее?

3

В тот же день Истинный Узел, перезимовавший на территории одного из кемпингов Америки в Аризоне, собрал свои пожитки и тронулся в восточном направлении. Они выдвинулись по шоссе 77 в сторону Шоу-Лоу своим традиционным караваном: четырнадцать кемперов и несколько трейлеров, к которым сзади крепились шезлонги и велосипеды. Здесь были «саутвинды» и «виннебаго», «монако» и «баундеры». Возглавлял этот парад «эрскрузер» Роуз — семьсот тысяч долларов на импортных колесах, лучший передвижной дом, какой только можно себе вообразить. Но двигались они медленно и никогда не превышали скорость.

Спешить незачем. Времени у них было предостаточно. До настоящего пира еще оставалось несколько месяцев.

4

— Ты сохранила ее? — спросила Кончетта, когда Люси расстегнула блузку и дала Абре грудь. Абра сонно поморгала, пососала немного, а потом потеряла к материнской груди всякий

интерес. *Вот начнут болеть соски, будешь совать их ей, только если она очень попросит. Когда начнет вопить от голода*, подумала Четта.

— Сохранила что? — спросил Дэвид.

Но Люси знала, о чем речь.

— Я отключилась сразу после того, как мне дали ее. Дэйв говорит, я чуть не выронила ребенка. У нас просто не было ни на что времени, Момо.

— Ах, вы о той пленке, что покрывала ей лицо, — сообразил Дэвид, который не придавал таким вещам значения. — Они просто сняли ее и выбросили. Что, с моей точки зрения, чертовски разумно.

Он улыбался, но в его глазах горел вызов. *Ты же не станешь поднимать из-за этого шум?* — спрашивал его взгляд. *Так что давай закроем тему.*

Она *в самом деле* понимала, что не станет устраивать скандал по такому поводу... И промолчала. Всегда ли она испытывала подобную раздвоенность? Сомневалась ли, когда была моложе? Детали стерлись из памяти, хотя она, кажется, запомнила все лекции о Божественных Таинствах и адских муках, ожидавших грешников в аду, которые читали им сестры из ордена — эти настоящие бандитки в черных сутанах. Например, историю девушки, ослепленной Господом, потому что она подглядывала, как ее обнаженный брат моется в ванне, или легенду о мужчине, который пал мертвым, потому что хулил папу.

Отдайте их в наши руки совсем юными, и не будет иметь значения, какое образование они получат потом, сколько сборников стихов напишут и даже скольких литературных наград удостоятся. Отдайте их нам юными... И они останутся нашими навсегда.

— Тебе следовало сохранить il amnio. Это приносит удачу.

Она обращалась напрямую к внучке, как бы исключая Дэвида из разговора. Он хороший человек, надежный муж для Люси, но этот его презрительный тон... Да еще откровенная насмешка в глазах.

— Я бы так и сделала. Но у меня не было возможности, Момо. А Дэйв ничего не знает об этом. — Она снова застегнула блузку.

Четта склонилась и провела кончиком пальца по нежной щечке Абры. Старая плоть соприкоснулась с новорожденной.

— Считается, что те, кто рожден с il amnio, обладают двойным зрением.

— Вы же не можете всерьез этому верить? — спросил Дэвид. — Сорочка — это всего-навсего кусок плодной оболочки. С ней...

Он продолжал, но Четта уже не слушала. Абра открыла глазки. Вот где заключалась целая поэтическая вселенная, строки, слишком великие, чтобы когда-либо перенести их на бумагу. Их невозможно даже запечатлеть в памяти.

— Ладно, забыли об этом, — сказала Кончетта. Она подняла младенца и поцеловала в головку рядом с пульсировавшим родничком, ощущая необычайную близость магии человеческого разума. — Что сделано, то сделано.

5

Однажды ночью, примерно через пять месяцев после так и не разразившегося скандала по поводу утраченной сорочки, Люси приснилось, что ее дочь плачет, рыдает так, словно у нее от горя разрывается сердце. В этом сне Абра почему-то находилась не в родительской спальне в их доме на Ричлэнд-Корт, а где-то в конце длинного коридора. Люси бежала на звуки плача. Сначала по обе стороны коридора она видела двери, а потом потянулись кресла. Синие кресла с высокими спинками. Она была в самолете или, быть может, в вагоне поезда «Амтрек». Пробежав, как ей показалось, несколько миль, она уперлась в дверь туалета. Ее дочь плакала по другую сторону. И это был не плач голодного ребенка, а крики страха. А возможно,

(*о Боже, о Пресвятая Дева Мария*)

и боли.

Люси больше всего опасалась, что дверь будет заперта и ей придется выломать ее — не так ли всегда происходило в кошмарных снах? — но ручка легко поддалась, и дверь открылась. Люси сразу овладел новый приступ ужаса: а если Абра провалилась в унитаз? Она читала об этом. Как младенцев засасывало в канализацию, как они проваливались в выгребные ямы. А если ее малышка сейчас тонула в одной из этих уродливых

стальных емкостей, наглотавшись голубой дезинфицирующей жидкости?

Но Абра просто лежала на полу. Она была совсем голенькая. Ее полные слез глаза смотрели на маму. А на ее груди чем-то очень похожим на кровь было выведено число 11.

6

Дэвиду Стоуну снилось, что он бежит на звуки плача своей дочери по бесконечному эскалатору, который — медленно, но неумолимо — двигался в противоположном направлении. Хуже того, эскалатор находился в каком-то торговом центре, где вспыхнул пожар. Казалось бы, он должен был задохнуться от дыма и лишиться дыхания, прежде чем доберется до верха, но почему-то этот пожар совсем не давал дыма, хотя кругом полыхало пламя. И еще: он не слышал ни единого другого звука, кроме плача Абры, хотя мог видеть, как внизу мечутся люди, пылавшие, словно пропитанные керосином факелы. Когда же он добрался до вершины эскалатора, то увидел, что Абра лежит на полу, словно кем-то брошенный мусор. Мужчины и женщины пробегали мимо нее, ничего не замечая, и хотя пламя бушевало вовсю, никто почему-то не пытался воспользоваться эскалатором, который спускался вниз. Люди попросту бесцельно метались, как муравьи, чей муравейник разворошила борона фермера. Одна женщина на высоких шпильках чуть не наступила на его дочь, что наверняка убило бы ее.

Абра лежала совсем без одежды. На ее груди было написано число 175.

7

Супруги Стоун проснулись одновременно, и оба поначалу были уверены, что крики, которые они слышат, — это отголоски их снов. Но нет. Плач доносился из их комнаты. Абби лежала в колыбельке под крутящимся мобилем с героями «Шрека».

Глаза ее были широко открыты, щечки раскраснелись, и, сжав кулачки, она буквально исходила криком.

Смена подгузника не помогла, как и грудь матери, как и целые мили, которые они отшагали, баюкая девочку и в тысячный раз напевая ее любимую песенку «Колеса автобуса». Наконец, уже предельно испуганная — все-таки Абра ее первенец, — Люси позвонила в Бостон Кончетте. И хотя было уже два часа ночи, Момо сняла трубку после второго гудка. Ей исполнилось восемьдесят пять, и ее сон был хрупок, как старческая кожа. Она сначала послушала крики своей правнучки, затем чуть более связный рассказ Люси о тех всем известных средствах, которые они уже испробовали, и задала несколько вполне уместных вопросов:

— Нет ли у нее жара? Не теребит ли она ушко? Быть может, дрыгает ножками, словно ей хочется по-большому?

— Нет, — ответила Люси, — ничего подобного. Она слегка раскраснелась от долгого плача, но температура в норме. Что мне делать, Момо?

Четта, которая уже сидела за своим рабочим столом, не колебалась с ответом:

— Дай ей еще пятнадцать минут. Если она не успокоится и не возьмет грудь, вези ее в больницу.

— Что? В женскую больницу Бригэма? — Взволнованной Люси ничего другого не пришло в голову. — Но до них же сто пятьдесят миль!

— Нет, конечно. В Брайтон. Это прямо на границе со штатом Мэн. Она немного ближе, чем центральная клиническая больница Нью-Гэмпшира.

— Ты уверена?

— Я как раз сейчас проверяю все на своем компьютере.

Абра не хотела успокаиваться. Ее монотонный плач сводил с ума. Без четверти четыре они приехали в брайтонскую больницу, но крики девочки все никак не смолкали. Поездки на «акуре» обычно действовали лучше всякого снотворного, но только не этим утром. Дэвиду пришло в голову, что у дочки может быть аневризма, но он поспешил сказать себе, что выжил из ума. Ведь у младенцев не бывает инсультов... Или бывают?

— Дэви? — чуть слышно спросила Люси, когда они остановились под вывеской «ТОЛЬКО ДЛЯ ОТДЕЛЕНИЯ РЕАНИ-

МАЦИИ». — Ведь у младенцев не бывает инсультов или инфарктов?.. Или это случается?

— Нет. Я уверен, что не бывает.

Но ему в голову пришла новая мысль. Вдруг дочка случайно проглотила английскую булавку, а та раскрылась у нее в животике? Но это же глупость! Они использовали только подгузники «Хаггиз». Откуда взяться булавке?

Тогда что-нибудь другое? Заколку из прически Люси. Любой посторонний предмет, случайно упавший в кроватку. Или, не дай Бог, обломок пластмассы от фигурок Шрека, осла, принцессы Фионы.

— Дэви? О чем ты думаешь?

— Ни о чем.

Нет, игрушка была совершенно безопасна. Он в этом не сомневался.

Почти не сомневался.

Абра продолжала истошно кричать.

8

Дэвид надеялся, что дежурный врач сразу же даст его дочери успокоительное, но оказалось, что правила строго запрещали применять их на детях, которым еще не поставлен диагноз. Между тем у Абры Рафаэллы Стоун не удавалось выявить никаких заболеваний. У нее не поднялась температура, на теле не было сыпи, а ультразвук не выявил пилоростеноза. Рентген не показал наличия инородных тел в горле, желудке или кишечнике. Выходило, что она плакала без всякой на то причины. В столь ранний час вторника дочь Стоунов оказалась единственной пациенткой в реанимации, и каждая из трех дежурных медсестер сделала попытку угомонить ее. Но ничего не получилось.

— Разве вы не должны попытаться чем-нибудь накормить ее? — спросила Люси очередного доктора, явившегося для осмотра малышки. У нее в голове крутились слова «лактат Рингера». Она слышала их в одном из сериалов про медиков, которые обожала со времен юношеской влюбленности в актера Джорджа Клуни. Но поскольку она ничего об этом лактате не помнила,

он с таким же успехом мог оказаться лосьоном для ног, слабительным или лекарством для язвенников. — Она не берет у меня грудь и отказывается пить из бутылочки.

— Когда она проголодается, то поест непременно, — заверил врач, но ни Люси, ни Дэвиду не стало от этого легче. Во-первых, доктор на вид казался моложе их обоих. А во-вторых (что было гораздо хуже), в его голосе не слышалось твердой уверенности.

— Вы звонили вашему педиатру? — Врач сверился с бумагами. — Доктору Долтону?

— Я оставил сообщение на его автоответчике, — сказал Дэвид. — Но он, вероятно, перезвонит только утром, а к тому времени все закончится.

Закончится так или иначе, и его воспаленный мозг, уже совершенно неуправляемый от недосыпа и чрезмерных переживаний, услужливо нарисовал ужасающую картину: сборище скорбящих родственников у маленькой могилки. И совсем маленький гробик.

9

В половине восьмого Четта Рейнолдс ворвалась в смотровую комнату приемного покоя реанимации, где расположились Стоуны и их все еще надрывавшийся от крика младенец. Поэтесса, которую прочили в кандидаты на президентскую медаль Свободы, натянула на себя узкие прямые джинсы и свитер с эмблемой Бостонского университета и прорехой на локте. Сразу бросалось в глаза, как сильно она похудела за последние три-четыре года. «У меня нет рака, если вы об этом подумали, — говорила она всем, кто отпускал замечания по поводу ее модельной худобы, которую она обычно старалась прятать под просторными платьями и туниками. — Я просто много тренируюсь для предстоящего круга почета».

Ее волосы, как правило, заплетенные в косу или уложенные сложными узлами на голове, чтобы продемонстрировать обширную коллекцию старинных гребней и заколок, колыхались вокруг головы хаотичным облаком в духе Эйнштейна. Она не успе-

ла накраситься, и даже в своем полубезумном состоянии Люси поразилась, насколько же Кончетта постарела. Впрочем, она и была старухой. Восемьдесят пять — более чем почтенный возраст, но до нынешнего утра ухитрялась выглядеть пожилой женщиной, которой чуть перевалило за шестьдесят.

— Я бы приехала на час раньше, если бы сумела найти кого-то, чтобы присмотреть за Бетти. — Это был ее дряхлый боксер.

Она тут же перехватила исполненный упрека взгляд Дэвида и ответила на него:

— Да будет тебе известно, что Бетти при смерти. А после разговора с тобой по телефону у меня не было чрезмерных причин волноваться за Абру.

— Быть может, теперь они появились? — спросил Дэвид.

Люси бросила на него предостерегающий взгляд, но Четта оказалась готова к упреку.

— Да, появились. — Она протянула руки. — Дайте ее мне. Проверим, не успокоится ли она ради Момо.

Но и на руках у Момо Абра не затихла, как бы та ни укачивала ее. Не помогла и тихая, но удивительно мелодичная колыбельная (насколько понял Дэвид, итальянская версия «Колес автобуса»). Потом они по очереди снова попытались расхаживать с плачущей девочкой на руках: кругами по смотровой комнате, вдоль коридора и обратно. Крики не смолкали. В какой-то момент у входа возникла суета, и в приемный покой на каталке ввезли действительно серьезно раненного человека — по крайней мере так показалось Дэвиду, — однако в смотровом кабинете номер четыре больше никто не обратил на это внимания.

Без пяти девять дверь комнаты открылась, и вошел семейный педиатр Стоунов. Доктора Джона Долтона Дэн Торранс отлично знал в лицо, хотя и не по фамилии. Для Дэна он был просто доктором Джоном, отвечавшим за приготовление кофе на всех вечерних встречах группы АА по четвергам в Норс-Конвее, которые посвящались изучению «Большой книги».

— Ну, слава Богу! — воскликнула Люси, тут же сунув плачущую дочь в руки педиатра. — Мы *несколько часов* дожидались помощи от вас!

— Когда вы позвонили, я как раз был в пути. — Долтон прижал Абру к плечу. — У меня было несколько местных вызовов,

а потом еще пациент в Касл-Роке. Вы ведь слышали, что произошло?

— Слышали о чем? — спросил Дэвид. Когда дверь открылась, он впервые заметил, что в коридорах больницы стало многолюдно, причем разговоры велись на возбужденных, повышенных тонах. Кое-кто даже плакал. Принимавшая их медсестра прошла мимо с красным лицом, опухшим от слез, все еще стекавших по щекам. На орущего ребенка она даже не взглянула.

— Пассажирский самолет врезался в здание Всемирного торгового центра, — объяснил Долтон. — И вряд ли случайно.

Это был рейс номер 11 компании «Американ эйрлайнз». Рейс 175 авиакомпании «Юнайтед эйрлайнз» протаранил южную башню Всемирного торгового центра семнадцать минут спустя, в 9.03. И ровно в 9.03 Абра внезапно перестала кричать. В 9.04 она уже крепко спала.

По пути обратно в Эннистон Дэвид и Люси слушали радио, в то время как Абра преспокойно спала в детском креслице на заднем сиденье. Слышать новости было невыносимо, но и выключить... немыслимо. По крайней мере пока ведущий перечислял названия авиакомпаний и номера рейсов разбившихся лайнеров: двух в Нью-Йорке, одного в Вашингтоне и еще одного в сельской Пенсильвании. Потом Дэвид протянул наконец руку и выключил магнитолу, прервав поток леденящих душу сообщений.

— Люси, мне надо тебе кое о чем рассказать. Мне приснилось...

— Я знаю, — прервала она его бесстрастным тоном человека, находящегося в глубоком шоке. — Я тоже видела сон.

К тому времени когда они пересекли границу Нью-Гэмпшира, Дэвид начал подозревать, что мог ошибиться насчет той сорочки.

10

В городке штата Нью-Джерси на западном берегу реки Гудзон расположен парк, названный в честь самого знаменитого из местных жителей. В ясный день оттуда открывается превосходный вид на Нижний Манхэттен. Истинный Узел в полном со-

ставе прибыл в Хобокен восьмого сентября, расположившись на частной парковке, которую они арендовали на десять дней. Папаша Ворон все устроил. Красивый и представительный мужчина примерно сорока лет, Ворон предпочитал футболку с надписью «ДУША КОМПАНИИ». Хотя, разумеется, официальными делами от имени Узла он занимался в строгих костюмах с галстуком. Этого ожидали от него лохи. По документам он значился как Генри Ротман. Юрист, получивший образование в Гарварде (выпуск 1938 года), он всегда носил при себе только наличные. Истинные располагали состоянием, превышавшим миллиард долларов и хранившимся на разных счетах по всему миру, вложенным в золото, бриллианты, редкие книги, марки и дорогие произведения искусства, но при этом они никогда не расплачивались чеками или кредитными карточками. Каждый, даже Горошинка и Стручок, которые вообще выглядели детьми, носили при себе пачки десяток и двадцаток.

Как однажды выразился Джимми Счетовод: «Мы живем по принципу «плати и неси». Платим наличными, и лохи нас несут». Сейчас Джимми заменял Истинным бухгалтера, но в бытность свою лохом он когда-то принадлежал к банде Куонтрильских рейдеров (так их назвали через много лет после окончания войны), отличался буйным нравом, носил пальто из буйволовой кожи и не расставался с карабином Шарпса. За прошедшие десятилетия нрав его заметно смягчился, и он даже вывесил у себя в передвижном домике портрет Рональда Рейгана с личным автографом.

Утром 11 сентября Истинные наблюдали за разрушением башен-близнецов со своей стоянки, передавая друг другу четыре бинокля. Из парка имени Синатры вид был бы гораздо лучше, но Роуз не пришлось никому объяснять, что собраться там заранее значило навлечь на себя подозрения... а в ближайшие месяцы и годы Америка станет нацией очень подозрительных людей: увидел — сообщи.

Только около десяти утра, когда толпы людей уже заполнили набережную и им ничто не угрожало, они тоже перебрались в парк. Юные близнецы Горошинка и Стручок толкали инвалидную коляску, в которой сидел Дедушка Флик. Дедушка носил бейсболку с надписью «Я ВЕТЕРАН». Его длинные, по-детски

тонкие волосы торчали из-под краев, как пучки ковыля. Было время, он называл себя ветераном испано-американской войны. Потом Первой мировой. Сейчас это была Вторая мировая, а лет через двадцать он планировал переключиться на Вьетнам. С подробностями и деталями боевых походов проблем не возникало: старикан обожал читать военные мемуары.

Парк имени Синатры был буквально забит народом. Большинство собравшихся мрачно молчали, но многие плакали. Энни Фартук и Черноглазка Сью пришлись как нельзя кстати — обе умели рыдать на заказ. Остальные нацепили соответствовавшие случаю маски скорби, ужаса и недоумения.

Словом, члены Истинного Узла полностью слились с толпой. Как и всегда.

Зеваки приезжали и уезжали, но Истинные не трогались с места почти весь день, который выдался безоблачным и красивым (если не считать клубов черного дыма, окутавших почти весь Нижний Манхэттен). Они выстроились вдоль металлического ограждения набережной и не общались между собой, а лишь смотрели. И дышали полной грудью, как туристы из прерий Среднего Запада, спешащие в штате Мэн надышаться свежим морским воздухом. В знак траура Роуз сняла свой цилиндр и держала его в руке.

Только после четырех часов они направились обратно к своему лагерю на стоянке, исполненные новых сил. Они вернутся на следующий день, и на следующий, и через два. Они будут возвращаться, пока не исчезнут последние витавшие над этими местами остатки пара, а потом тронутся в путь.

К тому времени совершенно белые волосы Дедушки Флика приобретут стальной оттенок, а инвалидная коляска станет не нужна.

Глава 3
ЛОЖКИ

1

От Фрейзера до Норс-Конвея было двадцать миль, но Дэн Торранс проделывал это путешествие вечером каждого четверга. Отчасти потому, что мог теперь себе это позволить. Он работал в Доме имени Хелен Ривингтон, получал приличное жалованье и даже вернул права. По такому случаю он обзавелся автомобилем. Не бог весть чем — всего-навсего трехлетним «шевроле-каприс» с дешевыми покрышками и плохой магнитолой, — но двигатель был в полном порядке, и каждый раз, заводя его, Дэн чувствовал себя самым везучим человеком во всем Нью-Гэмпшире. Он думал, что, если ему никогда больше не придется ездить на автобусе, он сможет умереть счастливым. Был январь 2004 года. Если не считать нескольких случайно перехваченных чужих мыслей и образов (и некоторых специфических обязанностей, которые ему порой приходилось выполнять в хосписе), сияние практически не давало о себе знать. Он бы в любом случае не отказался от этих обязанностей в хосписе, но теперь, проведя некоторое время с АА, начал видеть в них своего рода способ возместить ущерб, что бросившие пить люди считали почти столь же важным, как и полное воздержание от алкоголя. Через три месяца он сможет отметить три года трезвости.

Очередная поездка считалась важной составляющей ежедневных благодарственных медитаций, на отправлении которых настаивал Кейси К. (потому что, объяснял он с несокрушимой уверенностью заслуженного ветерана Программы, благодарный алкоголик никогда не притронется к спиртному), но Дэну и

самому полюбились эти вечера по четвергам с «Большой книгой». Они оказывали умиротворяющее воздействие и часто были интересными. На некоторые встречи, где члены группы открыто обсуждали свои проблемы, собиралось слишком много народу, и получалось шумно и бестолково, но этого никогда не происходило по четвергам в Норс-Конвее. Не зря среди членов АА давно гуляла поговорка: *Если хочешь что-то надежно спрятать от бывшего алкаша, сунь это в «Большую книгу».* Почти пустая комната по четвергам в Норс-Конвее подтверждала эти слова. Даже в те несколько недель в разгар туристического сезона, что приходились на промежуток между Четвертым июля и Днем труда, в помещении, предоставляемом «Анонимным алкоголикам» организацией военных ветеранов, едва ли набиралась дюжина человек. В результате Дэн мог услышать истории, которые, как он справедливо подозревал, никогда не подверглись бы огласке в присутствии семидесяти с лишним излечившихся пьяниц и наркоманов. Во время крупных сборищ выступавшие имели склонность сбиваться на банальные, общие фразы (которых были тысячи), а не делиться своим личным жизненным опытом. Ты мог услышать: *Серьезное отношение к проблеме всегда приносит пользу.* Или: *Предлагаю всем желающим изучить мой подход к методике изменения образа жизни,* но никогда: *Я однажды трахнул жену брата, потому что мы оба были пьяны.*

А на занятиях под названием «Мы учимся трезвости» узкий круг собравшихся вновь и вновь перечитывал большую синюю книжку Билла Уилсона от корки до корки, каждый раз начиная с того места, на котором остановились в прошлый четверг. Добравшись до конца, они возвращались к «Рассказу доктора Билла» и начинали все с начала. Обычно за одну встречу одолевали страниц десять. На это уходило примерно полчаса. Остававшееся время полагалось отводить обсуждению прочитанного. Иногда у них это получалось, но частенько разговор уезжал куда-то в сторону, как спиритическая доска под пальцами нервного подростка.

Дэн вспомнил об одном таком вечере четверга, на котором он присутствовал после уже почти восьми месяцев воздержания. Обсуждалась глава «Обращение к женам», содержавшая много

давно устаревших предрассудков, которые почти всегда вызывали бурные протесты у молодых женщин. Они неизменно вопрошали, почему за все шестьдесят пять лет со времени первой публикации «Книги» никому не пришло в голову добавить главу «Обращение к мужьям».

Когда в тот вечер руку подняла Джемма Т. — дама лет тридцати, которая неизменно выглядела либо злой, либо недовольной, — Дэн ожидал услышать очередную феминистскую тираду. Однако она заговорила гораздо более спокойно, чем обычно:

— Мне необходимо с вами этим поделиться. Я все держала в себе с тех пор, как мне исполнилось семнадцать, и если я не выговорюсь, то никогда не смогу надолго завязать с коксом и выпивкой.

Группа ждала.

— Я сбила на машине человека, когда возвращалась домой пьяная после одной вечеринки, — начала Джемма. — Мы тогда еще жили в Сомервилле. Я так и оставила его лежать на обочине дороги, не зная, жив он или погиб. Мне это до сих пор неизвестно. Я все ждала, что придут копы и арестуют меня, но они не пришли. Мне все сошло с рук.

Она вдруг расхохоталась, словно услышала особенно веселую шутку, а потом уронила голову на стол и разрыдалась так, что сотрясалось все ее костлявое тело. Для Дэна это стало первым наглядным уроком, насколько ужасным может быть принцип «правдивости во всем» на практике. Он сразу подумал (как и всегда) о деньгах, украденных им из кошелька Дини, и о мальчике, тянувшем руку к остаткам кокаина. Он даже немного позавидовал смелости Джеммы, но понял, что сам на такую предельную откровенность не способен. Если бы перед ним встал выбор: рассказать эту историю всем или выпить...

Я бы лучше выпил. Это точно.

2

Нынешним вечером они читали «Уличную браваду» из оптимистичного раздела «Они потеряли почти все». Сюжет Дэн уже выучил наизусть: хорошая семья, воскресные походы в цер-

ковь, первая рюмка, первый запой, пьянство губит бизнес, необходимость все время лгать, первый арест, нарушение обещания исправиться, вступление в АА и счастливый конец. Все «житейские» истории в «Большой книге» заканчивались благополучно. В этом заключалась ее притягательная сила.

Погода стояла холодная, но в комнате было слишком тепло, и Дэна начал смаривать сон, когда вдруг доктор Джон поднял руку и сказал:

— Мне приходится врать своей жене, и я не знаю, как положить этому конец.

Дэн мгновенно очнулся от дремы. Доктор всегда вызывал у него симпатию.

Как выяснилось, жена подарила Джону на Рождество часы, причем очень дорогие, а когда пару дней назад спросила, почему он их не носит, Джону пришлось сказать, что он забыл их у себя в кабинете.

— Но только их там нет. Я уже все перерыл. Как сквозь землю провалились. Вообще-то мне часто приходится консультировать по разным больницам, и там я переодеваюсь, пользуясь шкафчиками во врачебной раздевалке. На них есть цифровые замки, но я почти никогда не запираю их, потому что стараюсь не носить при себе много наличных или ценных вещей. Часы были, наверное, единственным исключением. Только их и стоило красть. Не помню, чтобы когда-либо снимал их с руки в таких случаях, но другого объяснения не вижу. И дело ведь даже не в их стоимости. Просто эта пропажа всколыхнула столько неприятных воспоминаний о тех днях, когда я упивался до одури каждый вечер, а утром курил травку, чтобы быстрее привести себя в чувство.

Выслушав рассказ, присутствующие сочувственно покивали головами, а потом посыпались их собственные истории о том, как им приходилось обманывать близких. Никто не смог ничего посоветовать доктору. Общение продолжалось в привычном ключе. Товарищи по несчастью считали своим долгом лишь поделиться личным опытом. Джон слушал их, понурив голову и зажав ладони между коленями. Потом он пустил по кругу традиционную корзинку («Мы финансируем себя сами за счет добровольных пожертвований членов»), поблагодарив каждого

за вклад, хотя по его виду было заметно, что особого толку от этих вкладов не было.

Встреча закончилась, как всегда, общей молитвой. Дэн убрал остатки печенья и потрепанные тома «Большой книги» в шкафчик, помеченный буквами АА. Несколько человек задержались перед входом, чтобы выкурить по сигарете — иногда это в шутку называлось «беседой после беседы», — а Дэн и доктор остались в комнате одни.

Дэн не слишком внимательно слушал других рассказчиков — после истории доктора Джона в нем происходила нешуточная внутренняя борьба. Сияние не проявлялось в последнее время особенно ярко, но оно никуда не делось. Более того, выполняя свои добровольные функции в хосписе, Дэн чувствовал, что сияние стало сильнее, чем когда-либо со времен раннего детства, хотя сейчас он вроде бы научился контролировать его. В итоге оно перестало пугать и приобрело полезные свойства. Коллеги Дэна по Ривингтону догадывались, что он наделен каким-то особенным свойством, но списывали все на его умение искренне сочувствовать умирающим людям. Последнее, чего он хотел сейчас, когда его жизнь постепенно вошла в нормальную колею, — это прослыть доморощенным экстрасенсом. Лучше было держать все в тайне.

С другой стороны, ему нравился доктор Джон, которого действительно мучила возникшая проблема.

Доктор помыл кофеварку и поставил вверх дном на полку для сушки, а потом вытер руки обрывком бумажного полотенца. Он повернулся к Дэну и улыбнулся, но улыбка была такой же настоящей, как кофеин в порошковом напитке, пачку которого Дэн убрал в шкаф вместе с печеньем и сахарницей.

— Что ж, мне пора. Увидимся через неделю.

В итоге решение созрело само; Дэн просто не мог отпустить этого доброго человека в таком подавленном состоянии. Он протянул руки.

— Бросаем!

Знаменитое мужское объятие АА. Дэн не раз наблюдал этот обряд со стороны, но никогда и ни с кем не обнимался сам. После некоторого колебания Джон шагнул к нему. Дэн привлек его к себе, думая: *Едва ли из этого хоть что-нибудь получится.*

Но все получилось. Ответ пришел быстро, как в детстве, когда он помогал маме или папе найти потерявшуюся вещь.

— Послушайте, док, — сказал он, размыкая объятия. — Вы тревожились по поводу мальчика с болезнью Гушера.

Джон отшатнулся.

— О чем вы?

— Я наверняка неправильно произношу название болезни. Гушер? Глатчер? Это что-то связанное с костями.

У доктора от удивления отвисла челюсть.

— Вы имеете в виду случай Нормана Ллойда?

— Вам виднее.

— Норми страдает болезнью Гоше. Это липидное расстройство. Заболевание наследственное и очень редкое. Вызывает увеличение селезенки, неврологические проблемы и, как правило, приводит к ранней и мучительной смерти. У бедного мальчика скелет уже сейчас почти стеклянный, и он, вероятно, не доживет даже до десяти лет. Вот только откуда об этом известно вам? Родители рассказали? Но ведь Ллойды живут у черта на куличиках, в Нашуа.

— Вы были очень взволнованы перед разговором с ним. Вас всегда сводят с ума ситуации, когда вы ничем не можете помочь пациенту. Именно поэтому вы зашли в туалет с Тигрой на двери, чтобы помыть руки, хотя в этом не было никакой необходимости. Сняв часы, вы положили их на полку, где обычно хранят эту темно-красную дезинфицирующую жидкость в пластиковых бутылках. Названия я не знаю.

Доктор смотрел на Дэна как на умалишенного.

— В какой больнице лежит ребенок? — спросил Дэн, ничуть не смутившись.

— В Элиоте. Время вроде бы совпадает, и я действительно заходил в туалет педиатрического отделения рядом с комнатой медсестер, чтобы помыть руки.

Он сделал паузу и задумался.

— Хотя знаете, там ведь действительно везде встречаются наклейки с персонажами Милна. Но только если бы снял часы, то я бы запом...

Доктор снова замолк.

— Вы только что *действительно* об этом вспомнили, верно? — спросил Дэн с улыбкой. — Вижу, что вспомнили. Признайтесь.

Джон кивнул.

— Но ведь я обошел столы находок в Элиоте и других больницах, в которых бывал, — и ничего.

— Что ж, вполне вероятно, кто-то нашел ваши часы и присвоил. Это, конечно, печально... Но теперь вы по крайней мере сможете честно рассказать жене о том, что случилось. И она наверняка поймет, *почему* это произошло. Вы думали о больном мальчике, *переживали* за него и только поэтому забыли надеть часы, помыв руки. Это же так естественно! И к тому же они все еще могут быть там. Полка расположена высоко, а тем средством едва ли вообще пользуются. Рядом с краном есть жидкое мыло.

— На той полке стоит бетадин, — сказал Джон. — Ее специально разместили повыше, чтобы дети не могли дотянуться. Я как-то не обращал раньше на это внимания. Но... Дэн, вы вообще когда-нибудь *бывали* в Элиоте?

А вот это был вопрос, на который ему не хотелось отвечать.

— Просто проверьте полку, док. Может статься, вам повезет.

3

На следующую встречу «Мы учимся трезвости» в четверг вечером Дэн приехал пораньше. Если доктор Джон все-таки решил развалить свою супружескую жизнь заодно с профессиональной карьерой из-за часов за семьсот долларов (а пьяницы часто теряли семью и работу по гораздо менее значительным поводам), кому-то придется готовить кофе вместо него. Но Джон был уже там. И его часы тоже.

На этот раз доктор сам заключил Дэна в объятия. Причем вложил в них всю душу. Дэн даже ожидал, что Джон расцелует его в обе щеки.

— Они лежали на том самом месте, которое вы указали. Прошло десять дней, а они просто лежали там. Это похоже на чудо.

— Ничего необычного, — отмахнулся Дэн. — Большинство людей редко смотрит вверх. Достоверно подтвержденный научный факт.

— Но откуда *вы узнали* об этом?

Дэн покачал головой:

— Не могу объяснить. Просто иногда я знаю, вот и все.

— Как я могу отблагодарить вас?

Этого вопроса Дэн не просто ждал. Он надеялся услышать его.

— Соблюдая Двенадцатый принцип «Анонимных алкоголиков», как же еще?

Джон удивленно вскинул брови.

— Анонимность. Проще говоря, держите язык за зубами.

Теперь до доктора дошло, и он усмехнулся:

— Это не сложно.

— Вот и отлично. А теперь беритесь за кофе. Я достану и разложу книги.

4

Большинство групп «Анонимных алкоголиков» в Новой Англии традиционно отмечает годовщины, называя их днями рождения и празднуя чаепитием с тортом. Незадолго до того как Дэн собирался подобным образом отметить третью годовщину своей трезвости, Дэвид Стоун и прабабушка Абры навестили Джона Долтона — известного в некоторых кругах как доктор Джон, или, как его называли, Ди-Джей, — чтобы пригласить его на другое трехлетие. Стоуны устраивали праздник в честь третьего дня рождения Абры.

— Это очень мило, — сказал Джон, — и я буду счастлив заехать к вам, если работа не помешает. Однако сдается мне, что за вашим приглашением кроется что-то еще.

— Так и есть, — ответила Четта. — И присутствующий здесь мистер Упрямец решил, что настало наконец время поговорить об этом с вами.

— У Абры проблемы со здоровьем? В таком случае рассказывайте. Но последнее обследование показало, что с ней все в

полном порядке. Она пугающе умна для своего возраста. И обладает потрясающей способностью к общению. Уровень развития речи зашкаливает. Умение читать тоже. В прошлый раз на приеме она прочла мне «Аллигаторы повсюду». Возможно, наизусть, но это все равно изумительно для ребенка, которому еще нет и трех лет от роду. А Люси знает, что вы здесь?

— Собственно, это Люси и Четта подбили меня на визит к вам, — признался Дэвид. — Люси осталась дома с Аброй — готовят пирожные к празднику. Когда я уезжал, кухня напоминала ад кромешный.

— Так о чем, собственно, речь? Похоже, вы хотите, чтобы я поучаствовал в детском торжестве в качестве наблюдателя?

— В самую точку, — кивнула Кончетта. — Никто из нас не может предсказать заранее, произойдет ли что-нибудь, но вероятность заметно повышается, когда она находится в некотором эмоциональном возбуждении, а свой день рождения она ждет *с огромным волнением*. Соберутся все ее друзья из детского садика, а еще мы пригласили фокусника.

Джон выдвинул ящик стола и достал блокнот с желтыми страницами.

— Чего конкретно вы ожидаете?

Дэвид замялся.

— Это... Это трудно предугадать.

Четта резко повернулась к нему.

— Давай, саго*. Слишком поздно отступать. — Она говорила легко, почти весело, но Джону показалось, что в ее голосе он улавливает некоторую тревогу. Впрочем, они оба выглядели немного встревоженными. — Расскажи все и начни с той ночи, когда она начала плакать и никак не могла остановиться.

5

Дэвид Стоун уже десять лет преподавал на старших курсах университета историю США и европейскую историю XX века, а потому прекрасно умел построить свой рассказ в соответствии с четкой внутренней логикой. Свое повествование он начал с

* Дорогой *(ит.)*.

того факта, что небывалый по продолжительности плач их тогда совсем крошечной дочурки прекратился практически в тот самый момент, когда второй самолет врезался в башню Всемирного торгового центра. Затем он посвятил собеседника в детали их сновидений, когда Люси видела на груди Абры номер рейса «Американ эйрлайнз», а он — номер рейса «Юнайтед эйрлайнз».

— В своем сне Люси нашла Абру на полу туалета в самолете. Я же обнаружил ее в охваченном огнем торговом центре. Это само по себе может привести вас к определенным выводам. Или нет. Лично мне эти номера рейсов кажутся весьма убедительными. Однако о чем они свидетельствуют, я понятия не имею. — Он невесело рассмеялся и всплеснул руками. — Возможно, я просто боюсь узнать правду.

Джон Долтон прекрасно помнил утро 11 сентября и нескончаемый крик Абры.

— Давайте говорить прямо. Вы полагаете, что ваша дочь, которой тогда едва исполнилось пять месяцев, предчувствовала трагедию и при помощи телепатии — условно назовем это так — посылала вам предупреждения?

— Да, — сказала Четта. — Изложено очень четко. Браво.

— Я понимаю, как это звучит, — продолжал Дэвид, — и потому мы с Люси никому ни о чем не рассказывали. Не считая Четты, разумеется. Люси с ней всем поделилась в ту же ночь. У нее от Момо нет тайн.

Он вздохнул. Кончетта в ответ окинула его ледяным взглядом.

— А у вас самой не было схожего сновидения? — обратился к ней Джон.

Она покачала головой.

— Я была в Бостоне. Вероятно, за пределами... Даже не знаю, как это назвать. За пределами ее зоны вещания, что ли?

— С той ночи минуло почти три года, — заметил Джон. — Как я догадываюсь, с тех пор произошло что-то еще?

Произошло много чего, но теперь, после того как он сумел рассказать о первом (и самом невероятном) случае, говорить Дэвиду стало гораздо легче.

— Следующим был случай с пианино. Вы знаете, что Люси музицирует?

Джон помотал головой.

— Ну так вот, она играет на пианино. Еще со школьных лет. Она, конечно, не великий пианист, но владеет инструментом вполне прилично. У нас «Фогель» — свадебный подарок моих родителей. И стоит пианино в гостиной, куда мы обычно помещали манеж Абры. Короче, одним из моих подарков Люси на Рождество две тысячи первого года были ноты песен «Битлз» в переложении для фортепиано. Абра любила лежать в манеже, крутить в руках игрушки и слушать. Она так улыбалась и дергала в такт ножками, что становилось ясно — музыка ей нравилась.

Джон не был пока особенно заинтригован. Многие совсем маленькие дети любили музыку и умели найти способ показать это.

— В тот сборник были включены все хиты — «Эй, Джуд», «Леди Мадонна», «Пусть будет так», — но Абра почему-то особенно полюбила гораздо менее известную, «Второго шанса не будет». Вы ее знаете?

— Так сразу и не вспомню, — признался Джон, — но смогу, если услышу мелодию.

— Это довольно быстрая вещица, но в отличие от других быстрых песен «Битлз» построена скорее на аккордах пианино, чем на гитаре. Не буги-вуги, но что-то близкое по духу. Абра обожала ее. Когда Люси исполняла песню, она не просто дергала ножками, а крутила ими, как на велосипеде. — Дэйв улыбнулся, вспомнив, как Абра в малиновом комбинезоне лежала на спине, изображая королеву дискотеки. — Простенькая инструментальная часть исполняется почти исключительно на пианино. Можно сыграть одной левой рукой. Всего двадцать девять нот — я позже специально подсчитал. Справится и ребенок. Наш справился.

У Джона от удивления брови взлетели чуть ли не к самой линии волос.

— Это началось весной две тысячи второго года. Мы с Люси однажды читали, лежа в постели. По телевизору передавали прогноз погоды на завтра, а его обычно дают ближе к середине одиннадцатичасового выпуска новостей. Мы полагали, что Абра давно спит в своей комнате. Люси попросила меня выключить

телевизор, потому что тоже уже хотела спать. Я щелкнул кнопкой на пульте, и тогда мы услышали. Инструментальный проигрыш из «Второго шанса не будет». Все двадцать девять нот. В превосходном исполнении. Ни единой ошибки. Причем звуки доносились снизу.

Как же мы перепугались, док! Сначала подумали, что в дом влез грабитель, но только какой бандит задержится, чтобы сыграть немного «Битлз», прежде чем взяться за столовое серебро? Пистолета я не держу, клюшки для гольфа хранятся в гараже, а потому я снял с полки самую тяжелую книгу, какая попалась под руку, и спустился вниз, чтобы врезать незваному гостю, кем бы он ни оказался. Глупый поступок, понимаю. Но я велел Люси держать телефон в руке и сразу набрать «девять-один-один», если услышит мой крик. Однако внизу никого не оказалось, все двери были надежно заперты. А крышка пианино опущена.

Я вернулся наверх и сообщил Люси, что не нашел ничего и никого. Тогда мы вышли в коридор, чтобы проверить малышку. Мы даже не говорили ни о чем, а просто пошли к ней в спальню. Уверен, мы оба уже догадывались, что это проделки Абры, но не хотели произносить такие вещи вслух. Она не спала. Просто лежала в колыбельке и смотрела на нас. Знаете, тем мудрым младенческим взглядом.

Джон знал. Порой казалось, что дитя способно поделиться с тобой всеми тайнами Вселенной, но только пока не умеет говорить. Джону даже приходило в голову, что Создатель зачем-то специально все устроил именно так, чтобы к тому времени, когда младенческий лепет превращался в связную речь, дети обо всем забывали. Как мы забываем подробности самых ярких снов уже через пару часов после пробуждения.

— Она нам улыбнулась, закрыла глазки и мгновенно заснула. Но следующим вечером все повторилось. В то же самое время. Двадцать девять нот из гостиной... потом тишина... потом мы спешим в комнату Абры. Она не плакала и даже не сосала пальчик. Просто смотрела на нас сквозь решетку своей кроватки, а затем быстро засыпала.

— Это действительно правда? — спросил Джон, желая внести полную ясность. — Вы не вешаете мне лапшу на уши?

Дэвид ответил без улыбки:

— Ни единой лапшинки.

Джон обратился к Четте:

— А вы сами это слышали?

— Нет. Но дайте Дэвиду закончить.

— Потом у нас выдалась пара спокойных ночей и... Ну, вы знаете секрет успешного воспитания — всегда и все планировать.

— Разумеется.

Джон Долтон сам не уставал читать подобные проповеди молодым родителям. Как вы будете справляться с ночными кормлениями? Составьте график, чтобы сменять друг друга, и тогда ни один из вас не доведет себя до переутомления. Как организовать мытье, прием пищи, одевание и игровое время, чтобы ребенок привык к регулярному (а значит — удобному) распорядку дня? Разработайте расписание. Спланируйте это. Вы знаете, как справляться с неожиданными ситуациями? С любым мелким несчастьем, от сломанной кроватки до попавшего не в то горло кусочка пищи? Продумайте это, и тогда все и всегда будет заканчиваться благополучно.

— Так мы и поступили. Следующие три ночи подряд я укладывался спать на диван рядом с пианино. И на третью ночь звуки музыки раздались как раз в тот момент, когда я ложился. Крышка была закрыта, и я тут же поспешил открыть ее. Но клавиши оставались неподвижными. Меня это не удивило, потому что я уже понял, что музыка доносится не изнутри инструмента.

— Простите, а откуда же?

— Откуда-то *сверху*. Попросту из воздуха. К тому времени Люси уже вошла в комнату Абры. Прежде мы ничего не говорили, настолько были поражены, но на этот раз жена была готова. Она попросила Абру сделать это еще раз. Последовала пауза... А потом она выполнила просьбу мамы. Я стоял так близко, что, казалось, мог хватать проносившиеся мимо ноты голыми руками.

В кабинете доктора Долтона воцарилось молчание. Он перестал делать записи в блокноте. Четта с мрачным видом смотрела на него. Потом он спросил:

— И это продолжается до сих пор?

— Нет. Люси усадила Абру на колени и попросила ее больше не играть так поздно вечером, потому что она мешает нам спать. И на этом музыка закончилась. — Он помолчал. — То есть *почти* закончилась. Однажды, примерно три недели спустя, я услышал мелодию снова, но звуки были очень тихими и на этот раз доносились сверху. Из ее комнаты.

— Она играла только для себя, — сказала Кончетта. — Видимо, проснулась, не смогла сразу заснуть... И исполнила сама себе коротенькую колыбельную.

6

В один из понедельников, примерно через год после катастрофы во Всемирном торговом центре, Абра — она уже умела ходить, а в ее почти нескончаемом лепете стали отчетливо слышны отдельные слова — притопала к входной двери и уселась перед ней, обнимая свою любимую куклу.

— Чего ты хочешь, моя сладкая? — спросила Люси. Она сидела за пианино, наигрывая одну из джазовых композиций Скотта Джоплина.

— Папа! — громко объявила Абра.

— Солнышко, папа вернется домой только к ужину, — сказала Люси, но ровно через пятнадцать минут к дому подъехала «акура» и из нее вышел Дэйв со своим портфелем. Оказалось, что в здании, где он читал лекции по понедельникам, средам и пятницам, прорвало водопроводную трубу и занятия пришлось отменить.

— Люси, конечно, рассказала мне об этом, — вмешалась Кончетта. — И естественно, я уже знала про одиннадцатое сентября и фантомную музыку. Тогда я решила устроить ей свою проверку. Собралась к ним в гости и попросила Люси ничего не говорить девочке. Но Абра знала. Она опять уселась у входной двери ровно за десять минут до моего появления. И когда Люси спросила, кто приедет, ответила: «Момо».

— Она это часто проделывает, — сказал Дэвид. — Конечно, не всякий раз, но если в гости едет человек, которого она знает и любит... практически всегда.

Поздней весной 2003 года Люси как-то застала дочку в их с мужем спальне, когда та пыталась вытащить один из ящиков комода.

— Деги! — сказала она Люси. — Деги, деги!

— Не понимаю тебя, лапушка, — отозвалась Люси, — но если очень хочешь, можешь заглянуть в мамин ящик. Только там ничего нет, кроме нижнего белья и старой косметики.

Но, как выяснилось, Абру вовсе не интересовало содержимое комода — она едва взглянула на него, когда Люси помогла ей открыть ящик.

— Зад! Деги! — Потом, глубоко вздохнув, повторила: — Деги зад, мама!

Родители никогда не в состоянии полностью овладеть языком маленьких детей: у них попросту не хватает на это времени, — но многие усваивают его до некоторой степени, и Люси поняла наконец, что дочку взволновал не сам по себе комод, а нечто позади него.

Охваченная любопытством, она начала отодвигать комод от стены. Абра метнулась в образовавшуюся щель. Люси испугалась за нее. Там могло быть очень пыльно, могла лежать какая-нибудь гадость вроде тараканов или дохлой мыши. Она попыталась ухватить дочку за край платья, но промахнулась. К тому времени когда она отодвинула комод полностью, чтобы заглянуть туда самой, Абра уже держала в руке купюру достоинством двадцать долларов, которая, по всей вероятности, провалилась в щель между поверхностью стола и зеркалом.

— Моти! — сказала она радостно. — Деги! *Мои* деги!

— Нет, — пришлось объяснить ей Люси, забрав бумажку из маленькой ручки. — «Деги» не для детишек, потому что детишкам «деги» не нужны. Но ты только что заработала себе мороженое.

— Молосено! — тут же подхватила Абра. — Мое молосено!

— А теперь расскажите доктору Джону о миссис Джадкинз, — обратился Дэвид к Четте. — Вы тогда гостили у нас.

— Да, верно, — кивнула Кончетта. — Потому что это произошло в выходные Дня независимости.

К лету 2003 года Абра уже говорила более-менее связными фразами. Кончетта приехала к Стоунам на все праздники. В

воскресенье, шестого июля, Дэйв поехал в «Сэвен-элевен» за новым баллоном с газом для барбекю, которое они устраивали на заднем дворе. Абра играла с кубиками в гостиной. Люси и Четта расположились в кухне, периодически проверяя ребенка, чтобы девочка не вздумала вытащить шнур от телевизора из розетки и пососать его или затеять восхождение на высокие подушки Диванной горы. Но Абра не проявляла нежелательной активности и трудолюбиво строила из пластмассовых кубиков нечто вроде Стонхенджа.

Люси и Четта только что приступили к разгрузке посудомоечной машины, когда Абра вдруг начала кричать.

— Она голосила так, словно умирала, — сказала Четта. — Вы ведь знаете, как это страшно.

Джон кивнул. Он и в самом деле знал.

— Бегать в моем возрасте весьма затруднительно, но в тот день я неслась быстрее чемпионки Вильмы Рудольф и оказалась на пороге гостиной раньше Люси. Причем я уже успела убедить себя, что дитя поранилось, и мне даже померещилось, будто я вижу кровь. Но с девочкой все было в полном порядке — по крайней мере физически. Она кинулась ко мне и обняла меня за ноги. Люси тоже оказалась рядом, и вместе мы сумели немного успокоить ее. После чего она воскликнула: «Ванни! Помоги Ванни, Момо! Ванни падает!» Я не знала никого по имени Ванни, зато знала Люси. Это была Ванда Джадкинз — соседка, жившая на другой стороне улицы.

— Она любимая соседка Абры, — сказал Дэвид, — потому что печет вкусное печенье и обычно приносит Абре парочку с ее именем сверху. Иногда выкладывает изюмом, иногда выводит кремом. Она вдова. Живет одиноко.

— И мы пошли к ней, — продолжала Четта. — Я — впереди, а Люси с Аброй на руках — следом за мной. Я постучала. Никто не ответил. «Ванни там, где стол! — заявила Абра. — Помоги Ванни, Момо! Помоги Ванни, мама! Она ударилась, у нее кровь!»

Дверь оказалась не заперта. Мы вошли. Я сразу же почуяла запах горелого теста. Миссис Джадкинз лежала в столовой рядом со стремянкой, сжимая в руке тряпку, которой вытирала пыль, а вокруг ее головы растеклась лужа крови, похожая на нимб. Я

было подумала, что с ней все кончено и она не дышит, но Люси нащупала пульс. При падении Ванда повредила череп, произошло небольшое кровоизлияние в мозг, но уже на следующий день она пришла в сознание. Она будет на дне рождения Абры, и вы сможете с ней познакомиться, если приедете. — Она решительно посмотрела на врача Абры Стоун. — Ваш коллега в реанимации сказал, что если бы Ванда пролежала без помощи еще немного, то умерла бы либо на всю жизнь превратилась в овощ... Что, на мой взгляд, гораздо хуже смерти. Так или иначе, малышка спасла ее.

Джон кинул авторучку поверх блокнота.

— У меня слов нет.

— Можно продолжать, — сказал Дэвид, — но это самые яркие случаи. Мне иногда кажется, что мы с Люси просто привыкли и многое перестали замечать. Как, должно быть, привыкают жить с ребенком, который от рождения слеп. Только в нашем случае все наоборот. Сейчас я думаю, что мы догадывались о ее способностях еще до одиннадцатого сентября. Понимали, насколько она особенная, практически с того дня, когда привезли ее из родильного отделения домой. Это такое ощущение...

Он задохнулся от волнения и уставился в потолок. Кончетта погладила его по руке.

— Продолжай. Ты же видишь, доктор Джон пока не звонит санитарам, чтобы нас увезли в сумасшедший дом.

— Хорошо. Понимаете, это такое ощущение, как если бы по твоему дому вечно гулял ветер, а ты не всегда понимал, куда он дует и к каким последствиям это может привести. Я постоянно жду, что сейчас вдруг начнут колыхаться шторы или картины попадают со стен, но ничего такого не происходит. Зато случаются другие вещи. У нас, например, два или три раза в неделю перегорают пробки — а порой и три раза на дню. Мы специально приглашали двух разных электриков, которые все проверили и заявили, что с проводкой нет никаких проблем. Бывает, утром спускаешься в гостиную и видишь, что чехлы с кресел и дивана сорваны и валяются на полу. Мы давно приучили Абру убирать за собой игрушки перед сном, и обычно она очень послушна, если не переутомилась или не заболела. Но иногда по утрам мы видим коробку с игрушками открытой, а

часть игрушек лежит на полу. Обычно это ее любимые пластмассовые кубики.

Он снова сделал паузу, глядя на висевшую на стене оптометрическую таблицу. Джон ожидал, что Кончетта попросит его продолжать, но она промолчала.

— Я понимаю, насколько дико и странно это звучит, но клянусь, так все и было на самом деле. Однажды вечером мы включили телевизор и обнаружили, что по всем каналам идут «Симпсоны». Абра захохотала так, словно это была самая смешная в мире шутка. И Люси не сдержалась. «Абра Рафаэлла Стоун, — сказала она очень строго и громко, — если это твои проделки, то прекрати немедленно!» А надо сказать, что Люси почти никогда не повышает на дочь голос. Зато стоит ей сделать это, и Абра становится как шелковая. Так и получилось. Я выключил телевизор, а когда включил снова, все пришло в норму. Я мог бы привести десятки других примеров, но только... на мелочи мы уже почти не обращаем внимания.

Он пожал плечами.

— Я же говорю: мы просто привыкли так жить.

Джон сказал:

— Я обязательно приеду на торжество. Вы так меня заинтриговали, что невозможно побороть искушение.

— Быть может, в этот раз ничего и не произойдет, — предупредил Дэвид. — Вы же знаете бородатую шутку о том, как быстрее всего починить подтекающий кран? Просто вызвать водопроводчика.

Кончетта фыркнула:

— Если ты действительно так думаешь, мой милый, тебя может ожидать сюрприз. — А потом добавила, обращаясь к Долтону: — Его и к вам пришлось тащить, словно к дантисту.

— Не надо, Момо. — На щеках Дэвида показался легкий румянец.

Джон вздохнул. Он и прежде чувствовал неприязнь между ними. Не знал, в чем ее причина — вероятно, в ревности к Люси, — но ему не хотелось, чтобы они вернулись к вражде именно сейчас. Необычная миссия сделала их временными союзниками, и лучше бы они ими и остались.

— Эти препирательства ни к чему, — произнес он достаточно резко, чтобы они замолчали и посмотрели на него в некотором замешательстве. — Я вам верю. Хотя мне никогда прежде не доводилось сталкиваться ни с чем подобным...

Или доводилось? Он вспомнил о своих часах и призадумался.

— Док? — окликнул его Дэвид через некоторое время.

— Извините. Задумался.

Они оба улыбнулись. Снова по одну сторону баррикад. Вот и прекрасно.

— По крайней мере за санитарами никто посылать не собирается. У меня нет сомнений, что вы здравомыслящие люди, не склонные к галлюцинациям или истерии на пустом месте. Я бы мог заподозрить, что имею дело с так называемым синдромом Мюнхгаузена, если бы кто-то один рассказывал об этих... назовем их экстрасенсорными проявлениями. Но свидетелей трое, и это все меняет, хотя возникает вопрос: чего вы хотите конкретно от меня?

Дэйв заметно растерялся в отличие от своей престарелой «тещи».

— Чтобы вы понаблюдали за ней, как наблюдали бы за любым ребенком с необычным заболеванием...

Щеки Дэвида Стоуна, уже начавшие приобретать обычную окраску, снова стремительно *побагровели*.

— Абра ничем не больна, — решительно возразил он.

Четта повернулась к нему.

— Я и сама это знаю! Christo! Ты дашь мне закончить?

Дэйв всем своим видом изобразил готовность к долготерпению и поднял руки.

— Простите, простите, простите.

— Не надо стараться каждый раз заткнуть мне рот, Дэвид.

Пришлось снова вмешаться Джону:

— Если вы будете продолжать ссориться, *милые дети*, мне придется поставить вас в угол.

Кончетта глубоко вздохнула.

— Поймите, доктор. Все это — источник тяжелейшего стресса для каждого из нас. Извини, Дэвид, если была груба с тобой.

— Не надо извинений, сага. Нас связывает общее дело.

Она чуть заметно улыбнулась:

— Вот именно. Общее дело. Поэтому, пожалуйста, доктор Долтон, понаблюдайте за ней, как за любым ребенком с неизвестным заболеванием. Это все, о чем мы просим, и на сегодняшний день, мне кажется, больше ничего не требуется. У вас могут появиться какие-то свои соображения. По крайней мере мне хотелось бы надеяться. Поймите...

Она повернулась к Дэвиду Стоуну с выражением абсолютной беспомощности, которое, видимо, редко появлялось на ее лице.

— Поймите, нам страшно, — продолжил Дэвид. — Я сам, Люси, Четта — мы до смерти напуганы. И боимся мы не ее, а *за нее*. Потому что она еще *такая маленькая*. Что, если эта сила... Даже не знаю, как по-другому ее назвать... Что, если она еще не достигла своего истинного размаха? Что, если она только начинает расти? Как нам быть тогда? Она ведь может... Даже не представляю, какими словами это выразить...

— Он все отлично представляет, — вмешалась Четта. — Она может потерять контроль над своей силой и причинить вред себе либо кому-то другому. Не знаю, какова вероятность такого развития событий, но от одной только мысли, что это *может* случиться... — Она коснулась руки Джона. — От одной мысли становится жутко.

7

Дэн Торранс знал, что однажды поселится в башенке Дома Хелен Ривингтон, с того момента как увидел своего старого друга Тони, который махал ему из заколоченного окна. Он спросил о комнате в башне у миссис Клаузен, главной экономки Ривингтона, примерно через шесть месяцев после того, как был принят на работу в хоспис в качестве санитара, уборщика... и (сугубо неофициально) врача.

— Это не кабинет, а кладовка для хлама, — заявила миссис Клаузен, шестидесятилетняя дама с пронзительно-рыжей шевелюрой. Она часто отпускала саркастические, не всегда при-

стойные замечания, однако администратор из нее получился толковый и сочувствующий. Хотя совет директоров особенно ценил ее за исключительное умение выбивать на нужды хосписа «добровольные пожертвования», Дэн не мог сказать, чтобы она вызывала у него симпатию, но уважение — безусловно.

— Я все вычищу. Разумеется, в свободное от работы время. Мне бы следовало поселиться прямо здесь. Чтобы всегда быть наготове.

— Скажи мне лучше вот что, Дэнни. Как выходит, что ты так хорошо справляешься с некоторыми своими обязанностями?

— Сам не знаю. — И это было наполовину правдой. Даже на семьдесят процентов. Он прожил с сиянием всю жизнь, но до сих пор не понимал до конца, что же это такое.

— Ладно, хлам хламом, но в башне летом жарко, как у дьявола на сковородке, а зимой так холодно, что отморозит яйца даже бронзовой обезьяне.

— Это тоже устранимо, — сказал Дэн.

— Вот только не надо мне тут ничего устранять. — Миссис Клаузен строго посмотрела на него поверх узких очков. — Если бы совет узнал, что я тут порой тебе позволяю, я бы, наверное, уже давно плела корзинки вместе с другими старушками из дома для престарелых в Нашуа, где стены розовые и все время крутят музыку Мантовани.

Она усмехнулась:

— Тоже мне, Доктор Сон выискался.

— Но я вовсе не доктор, — смиренно ответил Дэн, уже зная, что добьется своего. — Настоящий врач — Аззи. Я только ассистент.

— Азрил всего лишь *драный помоечный кот*, — сказала она. — Беспородный бродяга, случайно попавший к нам с улицы и пригретый гостями, большинство которых уже успели отправиться в мир, который по непонятным мне причинам называют лучшим. Эту животину интересует исключительно регулярная кормежка.

Дэн не стал реагировать на ее слова. К чему? Они оба знали, что это не так.

— Мне казалось, у тебя вполне сносная комнатенка на Элиот-стрит. Паулина Робертсон вообще считает, что у тебя из задницы

бьет луч солнечного света. Души в тебе не чает. Уж я-то знаю. Мы с ней вместе поем в церковном хоре.

— И какой же из псалмов ваш любимый? «До чего же охренительный чувак Иисус Христос»? — поинтересовался Дэн.

В ответ он удостоился того, что у Ребекки Клаузен сходило за улыбку.

— Ладно, черт с тобой. Разгребай грязь в засранной башне, если охота, и перебирайся туда. Проведи кабельное, поставь квадрофонию с усилителями и обзаведись мини-баром. Разве я могу возражать? Я же всего-навсего твой босс.

— Спасибо, миссис Кей!

— Да, и не забудь про обогреватель. Мой тебе совет: найди на дешевой распродаже какое-нибудь старье с хорошенько потрепанным шнуром и однажды в февральские морозы спали нашу богадельню к чертовой матери. Пусть построят в центре такую же жертву архитектурного аборта, какие стоят по бокам.

Дэн вытянулся по стойке «смирно» и приложил ладонь ко лбу.

— Будет исполнено, босс!

Она только махнула рукой.

— Выметайся отсюда, док, пока я не передумала.

8

Он и *в самом деле* поставил себе обогреватель, но с нормальным шнуром и даже с предохранителем, который отключал электрическую печку при перегрузке. Разумеется, ни о каком кондиционере в башне, считавшейся четвертым этажом, нельзя было даже мечтать, но пара вентиляторов из «Уолмарта», установленных перед распахнутыми окнами, создавали превосходный сквознячок. И хотя летом в его комнате все равно бывало жарковато, Дэн почти не заходил туда днем. А летние вечера в Нью-Гэмпшире душными не бывают.

Большинство из хранившихся там вещей действительно оказалось никому не нужным мусором, но школьную доску, которая стояла у одной из стен, он сохранил. Она, вероятно, пробыла здесь лет пятьдесят, если не больше, скрытая завалом

из древних и уже не подлежащих ремонту инвалидных колясок. Доска оказалась ему весьма полезна. Дэн писал на ней имена пациентов хосписа и номера комнат, стирая тех, кто отдавал Богу душу, и прибавляя новоприбывших. Весной 2004 года на доске значилось тридцать две фамилии. Десять человек обитали в Ривингтоне-1, двенадцать — в Ривингтоне-2, тех самых уродливых кирпичных постройках, возведенных по обеим сторонам викторианского особняка знаменитой Хелен Ривингтон, которая когда-то жила здесь и сочиняла романы о бурной любви под экзотическим псевдонимом Жанетт Монпарс. Остальные пациенты разместились в комнатах на двух этажах под тесной, но удобной башенной обителью Дэна.

«А была ли миссис Ривингтон знаменита хоть чем-то еще помимо того, что кропала плохие романы?» — спросил как-то Дэн у Клодетты Албертсон, вскоре после того как его приняли на работу в хоспис. Они как раз сидели в курилке и предавались своей дурной привычке. Клодетта, жизнерадостная чернокожая медсестра с плечами как у левого защитника Национальной футбольной лиги, откинула голову и расхохоталась.

«Еще бы! Хотя бы тем, что оставила этому городишке обалденную кучу денег, милый! И свой дом в придачу. Она считала, что у стариков обязательно должно быть место, где они могут умереть достойно».

И в Ривингтоне большинство из них в самом деле имели такую возможность. Причем Дэн и его верный Аззи стали частью этого неумолимого процесса. Дэн даже решил, что нашел наконец свое призвание. Хоспис стал для него родным домом.

9

В то утро, когда у Абры был день рождения, Дэн встал с постели и увидел, что кто-то стер с его доски все фамилии. В самом центре крупными, но неровными печатными буквами было выведено всего одно слово:

ПРИВЕТ!☺

Дэн в одних трусах долго сидел на краю кровати и просто смотрел. Потом поднялся, протянул руку и дотронулся до букв, слегка смазав их, надеясь на сияние. Хотя бы на его проблеск. В итоге просто убрал руку и вытер мел с ладони о бедро.

— И тебе привет, — сказал он и добавил: — Тебя, случайно, не Аброй зовут?

Ничего. Дэн надел халат, взял полотенце, мыло и спустился вниз, в служебный душ. Вернувшись, он взял влажную губку и начал стирать слово. Но, не закончив, замер, потому что в голове вдруг

(*папа обещал много воздушных шариков*)

мелькнула чья-то мысль, и ему захотелось дождаться продолжения. Однако он его не дождался и закончил очищать доску, чтобы восстановить список фамилий и номеров комнат, сверяясь с полученной в понедельник справкой. Когда ближе к полудню он снова заглянул к себе, то был готов увидеть на доске еще один *пРИВЕТ!*☺, но там ничего не изменилось.

10

Праздник в честь дня рождения дочери Стоуны устроили у себя на заднем дворе — просторной зеленой лужайке с цветущими яблонями и кизилом. Вдоль дальней стороны лужайки тянулась высокая ограда из проволочной сетки с калиткой, запертой на кодовый замок. Она определенно портила вид, но ни Дэвиду, ни Люси не было до этого дела, потому что за ней текла на юго-восток река Сако, извивавшаяся через Фрейзер и Норс-Конвей и пересекавшая границу штата Мэн. Стоуны придерживались четкого принципа, что река не для малолетних детей, особенно весной, когда Сако становилась полноводной, бурной и несла комья слежавшегося снега вперемешку со льдом. Местная пресса каждый год сообщала по крайней мере об одном утопленнике в неделю.

У детишек хватало развлечений и на лужайке. Они осилили лишь одну организованную игру, недолго побегав цепочкой за лидером, но им доставляло удовольствие просто носиться (или даже кататься) по траве, карабкаться по игровой площадке

Абры, ползать по «забавным туннелям», сооруженным Дэвидом с помощью еще двоих папаш, и гоняться за воздушными шариками, которые, казалось, заполонили собой двор. Все шары были желтыми (любимый цвет Абры), и их насчитывалось ровно шестьдесят. Подтвердить это мог Джон Долтон, надувавший их вместе с Люси и ее бабушкой. Для женщины, которой перевалило за восемьдесят, Четта обладала поистине могучими легкими.

Считая саму Абру, на праздник собралось девять малышей, а поскольку каждый прибыл в сопровождении хотя бы одного из родителей, взрослого присмотра за ними оказалось с лихвой. На заднем крыльце дома выставили шезлонги, и Джон наблюдал за детскими развлечениями, сидя рядом с Кончеттой, которая по такому случаю облачилась в дизайнерские джинсы и свою любимую толстовку с надписью «ЛУЧШАЯ ПРАБАБУШКА В МИРЕ». При этом она с аппетитом уплетала огромный кусок праздничного торта, тогда как сам Джон, за зиму слегка располневший, ограничил себя небольшой порцией клубничного мороженого.

— Не представляю, как вы справляетесь с таким количеством, — заметил он, кивая на быстро пустеющую бумажную тарелку с тортом. — И сохраняете такую фигуру.

— Вы правы, саго, я действительно превратилась в бездонную бочку. — Она посмотрела на резвящихся детей и глубоко вздохнула. — Как жаль, что эту радость не может разделить моя дочь. Мне мало о чем приходится сожалеть в этой жизни, но она — моя незаживающая рана.

Джон сразу решил, что не стоит продолжать этот разговор. Мать Люси погибла в автокатастрофе, когда сама Люси была младше, чем Абра сейчас. Ему это стало известно из фрагментов семейной истории, которой по крупицам делились с ним члены семьи Стоун.

Но Четта сама сменила тему:

— Знаете, что мне особенно нравится, когда они в таком возрасте?

— Нет. — Самому Джону нравились дети всех возрастов... пока им не исполнялось четырнадцать. После этого гипер-

активные железы превращали их на следующие пять лет в совершенно невыносимые создания.

— Вы только посмотрите на них, Джонни. Это же детская версия «Мирного царства» Эдварда Хикса. Здесь шестеро белых ребятишек — оно и понятно, если учесть, что мы находимся в Нью-Гэмпшире, — но есть и двое чернокожих, а еще эта корейская красавица, которой впору уже сейчас начинать карьеру фотомодели в каталогах детской одежды Ханны Андерсон. Знаете песенку, которую исполняют в воскресных школах? «Черный и белый, желтый и красный — все они в Божьих глазах прекрасны»? Эта картина перед нами. Прошло уже два часа, но не было ни малейшего намека на ссору или тем более драку.

Джону на своем веку не раз доводилось видеть малышей, которые били и толкали друг друга, щипали и даже кусали, и потому он улыбнулся, цинично и грустно.

— Трудно было бы ожидать иного. Они все ходят в «Круг маленьких друзей» — лучший детский сад города, за который платят весьма приличные деньги. А это означает, что их родители принадлежат к верхнему слою среднего класса, имеют высшее образование и в жизни всегда следуют принципу «живи и дай жить другим». Эти детишки — что домашние социальные животные.

На этом Джон остановился, поскольку его собеседница нахмурилась. А ведь он мог бы добавить, что примерно до семи лет, когда наступает так называемый разумный возраст, дети, подобно губкам, впитывают все, что их окружает. Если они растут в окружении благоразумных взрослых, которые со всеми ладят и никогда не повышают друг на друга голос, то становятся такими же. Но в более грубой среде... Увы!

Нет, двадцать лет врачевания малолетних (не говоря уже о воспитании двух собственных чад, которые теперь ходили в хорошую начальную школу) не разрушили полностью тех романтических настроений, которые подвигли его выбрать специальность педиатра, но, несомненно, умерили их. Возможно, каждый ребенок действительно являлся в наш мир, окруженный облаком славы, как писал Вордсворт, но при этом пачкал себе штанишки, пока не начинал немного соображать.

11

В полуденном воздухе раздался серебристый перезвон, похожий на тот, что сопровождает машины мороженщиков. Дети завертели головами, пытаясь увидеть, что происходит.

На дорожке со стороны фасада дома Стоунов появился совершенно необычный молодой человек на огромном трехколесном велосипеде. Он был в белых перчатках и костюме с комично широкими плечами и мешковатыми брюками. В петлице торчал цветок размером с тепличную орхидею. Чересчур широкие штанины молодой человек закатал до колен, чтобы можно было крутить педали. Руль украшало множество велосипедных звонков, в которые он звонил одним пальцем. Его «машину» потешно раскачивало из стороны в сторону, она норовила опрокинуться, но всегда в последний момент удерживала равновесие. Под огромной коричневой шляпой виднелся синий парик. Следом за молодым человеком шел Дэвид Стоун и нес в одной руке большой чемодан, а в другой — раскладной столик. При этом он загадочно улыбался.

— Эй, мальчики! Эй, девочки! — воскликнул молодой человек. — Собирайтесь скорее в круг, потому что *представление* сейчас начнется!

Приглашать дважды не пришлось: они моментально побежали к велосипеду, смеясь и крича.

К Джону и Четте присоединилась Люси, которая села рядом и забавно сдула в сторону упавшие на глаза волосы. На ее подбородке виднелось пятнышко шоколадной глазури.

— Внимание, у нас фокусник! Летом он устраивает уличные шоу во Фрейзере и в Норс-Конвее. Дэйв заметил рекламу в одной из бесплатных газет, устроил просмотр и решил пригласить его. Его зовут Реджи Пельтье, но он работает под сценическим псевдонимом Великий Мистерио. Интересно, долго ли ему удастся удерживать внимание детворы, после того как они вдоволь насмотрятся на его забавный велосипед? Думаю, минут десять, не больше.

Джону же сразу показалось, что Люси ошибается. Появление артиста было точно рассчитано, чтобы захватить воображение

малышей, а его синий парик казался скорее смешным, чем пугающим. Он не стал накладывать грим на свое озорное лицо, что тоже было правильным ходом. Размалеванные клоуны никогда не нравились Джону. У совсем маленьких детей они вызывали ужас. Что же до ребят постарше, то им клоуны казались слишком скучными.

Что это со мной? Похоже, я в каком-то желчном настроении.

Возможно, дело было в том, что он приехал увидеть нечто необычное, но пока ничего необычного не происходило. Сейчас Абра казалась вполне заурядным для своего возраста ребенком. Она, возможно, веселилась немного больше остальных, но умение радоваться было свойственно всем членам ее семьи. За исключением, разумеется, тех случаев, когда Четта начинала пикировку с Дэвидом.

— Не будем недооценивать терпение малышей. — Он перегнулся через Четту и носовым платком стер шоколадное пятнышко с лица Люси. — Если этот парень хоть чего-то стоит, то займет их минут на пятнадцать. А быть может, и двадцать.

— Сомневаюсь, — скептически ответила Люси.

Но вскоре выяснилось, что Реджи Пельтье — он же Великий Мистерио — был в своем деле настоящим умельцем. Пока его послушный ассистент — Не-Очень-Великий Дэйв — раскладывал столик, фокусник подозвал к себе виновницу торжества и ее гостей, приглашая полюбоваться на свой цветок. Но стоило им приблизиться, как из орхидеи брызнули струйки воды: сначала красные, потом зеленые и голубые. Детвора завизжала от восторга.

— А теперь, девочки и мальчики, смотрите-ка... *Ой, уй, ах!* Щекотно же!

Он снял шляпу и достал из нее белого кролика. Малышня затаила дыхание. Великий Мистерио отдал кролика Абре, которая погладила зверька, а потом передала своим гостям, не нуждаясь в напоминаниях. Кролик покорно сносил повышенное внимание. Вероятно, подумал Джон, ему в корм подмешали перед представлением немного валиума. Мальчик, державший зверька последним, вернул кролика Мистерио, тот сунул его обратно в шляпу, взмахнул над ней рукой, а потом продемонс-

трировал всем ее содержимое. Если не считать подкладки в виде американского флага, внутри ничего не оказалось.

— А где же теперь кролик? — спросила маленькая Сьюзи Сунг-Бартлетт.

— В твоих снах, солнышко, — ответил Мистерио. — Он заглянет к тебе сегодня. А теперь скажите: кто из вас хочет получить волшебный платок?

В ответ послышался целый хор голосов:

— *Я! Я! Я хочу!*

Великий Мистерио достал платки из рукавов. Потом быстро показал еще несколько фокусов. Долтон засек время и отметил, что дети уже двадцать пять минут ни на шаг не отходили от артиста. Как только фокусник почувствовал, что внимание малышей начинает рассеиваться, он приготовился закончить свое шоу. Из пустого вроде бы чемодана он вытащил пять тарелок и начал жонглировать ими, напевая: «С днем рожденья тебя!» Все гости подхватили песенку, а Абра, казалось, была готова взлететь от счастья.

Тарелки перекочевали обратно в чемодан, который после этого волшебным образом вновь оказался пустым. В руках фокусника появилось несколько ложек. Он подвесил их себе на лицо, а последнюю поставил на кончик носа. Героине дня особенно понравился этот трюк: с веселым смехом она уселась на траву.

— Абра тоже так может, — сообщила она. У нее с недавних пор появилась привычка говорить о себе в третьем лице, что Дэвид называл фазой Рики Хендерсона*. — Абра может делать ложки.

— Молодец, милая, — отозвался Великий Мистерио. Он не обратил на ее слова особого внимания, и Джону трудно было винить его. Парень только что устроил для детей чудесное представление. Он раскраснелся и взмок, несмотря на прохладный ветер, дувший со стороны реки. А теперь ему предстояло так же потешно удалиться, крутя педали вверх по склону холма.

Он склонился и погладил Абру по голове рукой в белой перчатке.

---

* Этот знаменитый бейсболист говорил о себе в третьем лице.

— С днем рождения еще раз. А вам всем, ребята, большое спасибо. Мне доставило истинное удовольствие выступать перед такой...

Внезапно из дома донесся громкий мелодичный звук, немного похожий за трель звонков гигантского велосипеда фокусника. Малыши лишь на секунду отвлеклись, а потом снова уставились на уезжающего волшебника. Зато Люси тут же отправилась проверить, что происходит на кухне.

Через две минуты она вернулась.

— Джон, — произнесла Люси, — идемте со мной. Думаю, это то, ради чего вы приехали.

12

Джон, Люси и Кончетта стояли в кухне, смотрели в потолок и молчали. Они были настолько поражены, что никто даже не заметил появления Дэйва.

— Что у вас тут?.. — начал он, но сразу все увидел сам. — Чертовщина какая-то!

Никто не проронил ни слова. Дэвид еще немного посмотрел, стараясь, видимо, понять, насколько реально это зрелище, а потом вышел. Пару минут спустя он появился в кухне, ведя за руку дочь. Та держала воздушный шарик. Вокруг талии был обмотан платок, полученный от Великого Мистерио.

Джон Долтон опустился перед ней на одно колено.

— Это сделала ты, солнышко?

Он задал вопрос, ответ на который знал, но ему хотелось услышать, что скажет она сама. Казалось важным выяснить, насколько девочка отдавала себе отчет в своих действиях.

Абра сначала оглядела пол, посреди которого валялся ящик для столового серебра. Ножи и вилки беспорядочно перемешались, когда он выпал из своего гнезда в буфете, но по крайней мере остались на месте. В отличие от ложек. Ложки свисали с потолка, словно притянутые к нему мощным магнитом, а две даже болтались на люстре. Самая большая сервировочная ложка прилипла к вытяжке над плитой.

У каждого ребенка есть свой способ успокоиться. По опыту Джон знал, что большинству детей помогает большой палец, засунутый в рот. У Абры была другая реакция. Она прикрыла правой ладошкой нижнюю часть лица и принялась тереть губы. Затем пробормотала что-то неразборчивое. Джон мягко убрал ее руку.

— Что ты говоришь, милая?

Очень тихо она спросила:

— Меня теперь накажут? Я... Я...

Ее маленькая грудь задрожала. Она попыталась снова прикрыть лицо рукой, но Джон удержал ее.

— Я только хотела быть как тот дяденька-фокусник. — И Абра заплакала. Джон отпустил ее руку, и девочка тут же прижала ладонь к губам, яростно растирая их.

Дэвид взял ее на руки и поцеловал в щеку. Люси обняла их обоих и чмокнула дочь в макушку.

— Нет, дорогая. Никто не станет тебя наказывать. Все хорошо.

Абра зарылась лицом в плечо матери. И как только она это сделала, ложки градом посыпались на пол. Неожиданный шум заставил всех вздрогнуть.

13

Два месяца спустя, когда в Белых горах Нью-Гэмпшира только воцарилось настоящее лето, Дэвид и Люси Стоун сидели в кабинете доктора Долтона, где стены сплошь покрывали фотографии улыбающихся детишек, которых он лечил на протяжении многих лет, — некоторые из них уже выросли и обзавелись собственными детьми.

Джон сказал:

— Я нанял своего племянника, знатока компьютеров. За свой счет, да и берет он недорого, так что пусть эта сторона дела вас не волнует. Ему было поручено проверить, описаны ли документально случаи, подобные вашему, и если да, провести их анализ. Он ограничился последними тридцатью годами и обнаружил более девятисот.

— Так много! — Дэвид даже присвистнул от удивления.

Джон покачал головой:

— Совсем *не так уж и много*. Скажем, если бы это было заболеванием — а нам нет нужды возвращаться к подобной теме, поскольку мы давно решили, что имеем дело не с болезнью, — оно попало бы в разряд таких редкостей, как элефантиаз. Или линии Блашко, которые превращают человека в подобие зебры. Таких случаев насчитывается примерно один на семь миллионов. Явление Абры из этой же категории.

— Но *в чем именно* заключается явление Абры? — Люси взяла мужа за руку и стиснула ее. — Это телепатия? Телекинез? Или какое-то другое теле-?

— Безусловно, все признаки в наличии. Обладает ли она телепатическими способностями? Если учесть, что она предвидела приезд людей к вам домой и узнала о падении миссис Джадкинз, то ответ будет положительным. Доступен ли ей телекинез? Основываясь на том, что произошло в вашей кухне в день ее рождения, — однозначно. Экстрасенс ли она? Имеет ли дар предугадывать будущее и видеть то, что невидимо другим? Здесь мы не можем быть столь категоричны в суждениях, хотя случай одиннадцатого сентября и деньги, найденные за комодом, весьма красноречивы. Но что тогда сказать о вечере, когда у вас по всем каналам вдруг стали показывать «Симпсонов»? Как нам охарактеризовать нечто подобное? Или фантомную мелодию «Битлз»? Это можно было бы отнести к проявлению телекинеза, если бы звуки исходили из пианино... Но вы сами знаете, что это не так.

— Так что же теперь будет? — спросила Люси. — К чему нам готовиться?

— Я не знаю. И никто не знает. Проблема с наукой об экстрасенсорных феноменах заключается в том, что такой науки попросту не существует. Слишком много шарлатанов греет на этом руки, слишком много попросту свихнувшихся людей претендует на особые способности.

— Значит, вы ничего не можете нам посоветовать, — сказала Люси. — Вывод таков.

Джон улыбнулся:

— Напротив, могу: продолжайте любить ее. Если мой племянник пришел к правильным выводам — а следует помнить, что он, во-первых, молод и не слишком опытен, а во-вторых, проводил свой анализ на не слишком достоверных данных, — то вам, вероятно, предстоит еще не раз столкнуться со странными явлениями, пока Абра немного не повзрослеет. Будут еще *не слишком приятные* происшествия. Но годам к тринадцати-четырнадцати все начнет успокаиваться и пойдет на спад. А после двадцати ее так называемые особые способности могут исчезнуть вовсе.

Он снова улыбнулся:

— Вот только подозреваю, что она до глубокой старости будет блестяще играть в покер.

— А если она начнет видеть мертвецов, как маленький мальчик в том фильме? — снова заволновалась Люси. — Что тогда?

— Тогда вы получите реальные доказательства существования загробной жизни. Не надо лишний раз себя накручивать. И держите язык за зубами.

— О, вот за это я могу поручиться, — сказала Люси. Она не слишком убедительно улыбнулась обкусанными губами. — Последнее, чего мы хотим, — это увидеть портрет нашей дочери на обложке какого-нибудь бульварного журнала.

— Хвала Всевышнему, никто из других родителей не видел этого ее трюка с ложками, — вздохнул Дэвид.

— Но главный вопрос для меня пока остался без ответа, — заметил Джон. — Как вы считаете, она сама понимает, насколько отличается от других?

Стоуны переглянулись.

— Я... Нет, мне так не кажется, — сказала Люси после паузы. — Хотя после случая с ложками... Мы сами слишком бурно отреагировали на это.

— Вы бурно отреагировали в своих мыслях, — возразил доктор. — Она могла ничего не понять. Немного поплакала, а потом пошла веселиться со всеми как ни в чем не бывало. Улыбалась во весь рот. Не было ни шума, ни скандала, ни наказания, ни упреков. Так что мой вам совет: пусть все идет своим чередом. Когда она станет чуть постарше, можно будет предостеречь ее, чтобы воздерживалась от демонстрации своего дара, например,

в школе. А в целом следует обращаться с ней как с нормальным ребенком, каковым она по большей части и является. Верно?

— Верно, — кивнул Дэвид. — У нее же нет никаких внешних проявлений вроде пятен, опухолей или третьего глаза.

— Третий глаз у нее как раз есть, — возразила Люси, вспомнив рубашку, в которой родилась Абра. — Пусть он и невидим.

Джон поднялся.

— Я попрошу племянника распечатать все материалы и пришлю их вам, если это интересно.

— Да, мне, например, очень интересно, — сказал Дэвид. — И, как мне кажется, наша любопытная старушка Момо тоже заинтересуется.

Он чуть наморщил нос, что не укрылось от Люси, которая нахмурилась.

— А пока наслаждайтесь обществом своей дочурки, — напутствовал их Джон. — Судя по тому, что я видел, она совершенно очаровательная девчушка. Все образуется.

И какое-то время казалось, что он был прав.

Глава 4
ДОКТОР СОН НА ВЫЗОВЕ

1

Наступил январь 2007 года. Обогреватель работал на полную мощь, но в башенке Дома Хелен Ривингтон все равно было холодно. Северо-восточный ветер, порывы которого со стороны гор достигали пятидесяти миль в час, нес на сонный город Фрейзер обильный снегопад. Назавтра к полудню, когда буран почти прекратится, сугробы у некоторых зданий на Кранмор-авеню достигнут в высоту двенадцати футов.

Холод не слишком досаждал Дэну: он спал под двумя плотными одеялами, и ему было тепло, как ломтю хлеба в тостере. Но ветер проникал в его голову, как ухитрялся проникать в щели дверей и окон старого викторианского особняка, который Дэн считал теперь своим настоящим домом. Во сне он как будто снова слышал завывания ветра под скатом крыши отеля, где ему в детстве довелось провести зиму. Во сне он и *был* все тем же маленьким мальчиком.

Он на третьем этаже «Оверлука». Мама спит, а папа сидит в подвале, просматривая старые бумаги. Это называется ИССЛЕДОВАНИЕМ. А МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ необходимы для книги, которую папа собирается написать. Дэнни не разрешалось находиться здесь, как не разрешалось притрагиваться к универсальному ключу, который он сжимал в руке, вот только он не смог побороть искушение. А сейчас он стоит и пристально смотрит на закрепленный на стене пожарный шланг. Он свернут и напоминает змею с латунной головой. Спящую змею. Конечно, никакая это не змея — он видит брезент, а не чешуйки, — но все равно очень *похоже.*

Иногда это *и есть* змея.

— Давай! — шепчет он в своем сне. Его трясет от страха, но он не может остановиться. А почему? Потому что он проводит свое ИССЛЕДОВАНИЕ, вот в чем причина. — Давай же! Укуси меня! Ага, не можешь? Потому что ты всего лишь тупой пожарный ШЛАНГ!

Но наконечник тупого шланга поворачивается, и совершенно неожиданно Дэнни смотрит прямо ему в отверстие. Или, быть может, прямо в пасть. Единственная прозрачная капля свисает из черной дыры, постепенно вытягиваясь. И из нее на Дэнни глядят его собственные расширенные от ужаса глаза.

Капля воды или капля яда?

Это змея или шланг?

Кто знает, мой дорогой Ром? Кто знает?

Оно шипит на него, и страх подскакивает к самому горлу из учащенно бьющегося сердца. Так шипят гремучие змеи.

А потом наконечник шланга-змеи скатывается с брезентовых колец и с глухим стуком падает на устланный ковром пол. Снова шипение, и Дэнни понимает, что должен отступить назад, прежде чем латунная голова рванется к нему и укусит, но он словно примерз к месту, а шипение продолжается...

— Проснись, Дэнни! — доносится откуда-то голос Тони. — Проснись, проснись!

Но только он не может проснуться, как не в силах пошевелиться, ведь это «Оверлук», они заперты в снежном плену, и все изменилось. Шланги превращаются в змей, мертвые женщины открывают глаза, а его отец... о Боже милосердный, МЫ ДОЛЖНЫ ВЫБРАТЬСЯ ОТСЮДА, ПОТОМУ ЧТО МОЙ ОТЕЦ СХОДИТ С УМА.

А гремучая змея шипит. Шипит. Ши...

2

Дэн действительно слышал завывание ветра, но не из «Оверлука». Нет, этот звук доносился из-за стен башенки Ривингтона. Он слышал, как снег хлестал в северное окно, словно в него кидали мелкие горсти песка. И слышал хрипы и шипение, исходившие из старого домофона.

Отбросив оба одеяла, Дэн спустил ноги на пол и поморщился, когда они коснулись холодных досок. Стараясь ступать только на кончики пальцев, он пересек комнату. Включил лампу на письменном столе, выдохнул. Пара не было, но даже при работавшем обогревателе, чья спираль мерцала тусклым красным светом, температура в его жилище не превышала сорока пяти градусов*.

Снова хрипы и шипение домофона.

Он нажал кнопку «Ответ» и сказал:

— Я вас слушаю. Кто там?

— Клодетта. Похоже, для тебя есть работа, док.

— Миссис Винник? — Он почти не сомневался, что речь идет о ней, и, значит, придется надевать куртку, потому что Вера Винник обитала во втором корпусе хосписа, а в крытом переходе между главным зданием и Ривингтоном-2 было холодно, как у ведьмы за поясом. Или за пазухой. Или где там еще. Уже почти неделю жизнь Веры висела на волоске. Она впала в кому, дыхание то учащалось, то становилось едва заметным, а сейчас выдалась одна из тех ночей, которые самые слабые выбирали для того, чтобы тихо уйти. Обычно часа в четыре утра. Он посмотрел на будильник — только 3.20. Достаточно близко.

Но Клодетта Албертсон удивила его:

— Нет, это мистер Хейес. Прямо под тобой. На втором этаже.

— Ты уверена? — Только вчера после обеда Дэн играл с Чарли Хейесом в шашки, и для человека, страдающего острой миелоидной лейкемией, он был как огурчик.

— Я — нет. Но у него Аззи. А ты сам говоришь...

Да, он сам говорил, что Аззи никогда не ошибается, и к подобному заключению его привел шестилетний опыт. Азрил свободно разгуливал по всем трем корпусам, составлявшим комплекс Дома Хелен Ривингтон, проводя большую часть послеполуденного времени свернувшись на диване в комнате отдыха, хотя часто любил разлечься на одном из игровых столов поверх чьей-нибудь не собранной до конца головоломки, издали напоминая небрежно брошенный меховой воротник. Все обитатели дома любили кота (и если кто-то и проявлял неудо-

* По Фаренгейту; примерно 7,2 °С.

вольствие от присутствия в доме животного, сам Дэн никогда подобных жалоб не слышал), и Аззи отвечал им такой же любовью, порой принимавшей, правда, весьма необычные формы. Иногда он запрыгивал на колени полумертвого старца... но делал это легко, чтобы не причинить беспокойства или не поцарапать. А это само по себе было удивительно, ведь весил Аззи добрых двенадцать фунтов.

Если не считать послеобеденного сна, Аз редко задерживался надолго в одном месте: ему всегда было куда пойти, кого навестить, всегда находились дела, которые требовали его участия. («Этот котяра та еще штучка», — говорила Клодетта.) Его часто видели в спа, где он вылизывал себе лапки и грелся. Или он растягивался на неподвижном беговом тренажере в оздоровительном спортзале, или сидел на брошенной каталке, уставившись куда-то в пространство, глядя то, что доступно только кошачьему зрению. Иногда его замечали крадущимся по задней лужайке с прижатыми к голове ушами — олицетворение кошачьего хищника. Но если ему удавалось поймать птичку или бурундука, он неизменно уносил их в соседние дворы или к городскому общественному центру и только там расправлялся с добычей.

Комната отдыха оставалась открытой круглые сутки, но Аззи почти не заглядывал туда после выключения телевизора и ухода людей. Зато стоило вечеру смениться ночью, когда пульс жизни в Ривингтоне заметно замедлялся, как Аззи проявлял активность и начинал патрулировать коридоры подобно часовому. В приглушенном свете вы могли вообще не заметить его, пока он вдруг не возникал рядом, — неброская мышиная окраска помогала ему полностью растворяться в тени.

Он никогда не заходил в комнаты постояльцев, если только один из них не должен был умереть.

В таком случае он либо проскальзывал внутрь (если дверь была открыта), либо садился у порога, обернув хвостом задние лапы, и ненавязчиво, вежливо мяукал, чтобы его впустили. И когда его впускали, он запрыгивал на постель гостя (все обитатели хосписа неизменно именовались постояльцами или гостями, но никогда — пациентами), устраивался поудобнее и мурлыкал. Если избранный человек не спал, то обычно начинал поглаживать кота. На памяти Дэна не было ни одного случая, чтобы хоть кто-

то потребовал убрать животное из комнаты. Кажется, все понимали, что он пришел с важной и дружественной миссией.

— Кто у нас сегодня дежурный врач для срочных вызовов? — спросил Дэн.

— Ты, — молниеносно ответила Клодетта.

— Не дури. Ты отлично знаешь, что я имею в виду настоящего врача.

— Эмерсон, но только когда я позвонила ему в приемную, секретарша велела мне не дурить. Все от Берлина до Манчестера занесено снегом. Она сказала, что даже снегоуборочные машины дожидаются наступления утра.

— Ладно, — ответил Дэн. — Я спущусь через минуту.

3

Проработав в хосписе какое-то время, Дэн понял, что система деления общества на классы существовала даже для умирающих. Помещения для гостей в основном корпусе были просторнее и стоили дороже, чем палаты в Ривингтоне-1 и Ривингтоне-2. В викторианском особняке, где когда-то жила и писала свою романтическую чушь Хелен Ривингтон, комнаты называли апартаментами, которые носили имена знаменитых людей, прославивших Нью-Гэмпшир. Апартаменты Чарли Хейеса назвали в честь Алана Шепарда. Чтобы попасть туда, Дэн должен был миновать небольшой альков у подножия лестницы, где стояли торговые автоматы и несколько пластмассовых стульев. В одном из них сейчас сидел Фред Карлинг, который жевал крекеры с арахисовым маслом и мусолил старый номер журнала «Популярная механика». Карлинг был одним из трех санитаров ночной смены, длившейся с полуночи до восьми утра. Двое других дважды в месяц переходили на дневную смену. В отличие от Карлинга. Этот мускулистый бездельник говорил, что он «сова», и избегал лишних движений. Судя по татуировкам на могучих предплечьях, в прошлом он был байкером.

— Вы только гляньте, кто к нам пришел, — затянул Карлинг обычную песню. — Наш маленький умник Дэнни. Или ты на секретном задании?

Дэн еще не совсем проснулся и не был расположен выслушивать дурацкие шуточки.

— Что с Хейесом?

— Не знаю. Только у него сидит кот, а это обычно означает, что постоялец скоро откинется.

— Никаких кровотечений?

Здоровяк пожал плечами:

— Покапало немного из носа. Я потом бросил окровавленные полотенца в чумной мешок, как и положено. Он в прачечной «А», если захочешь взглянуть.

Дэна так и подмывало спросить, как кровотечение, для остановки которого потребовалось больше одного полотенца, можно охарактеризовать словом «покапало», но он решил не тратить время и нервы. Карлинг был бесчувственным чурбаном, и как ему удалось устроиться на работу в хоспис — пусть даже в ночную смену, когда гости в основном спали или старались никого не беспокоить, — оставалось для Дэна загадкой. Он подозревал, что здесь не обошлось без чьей-то протекции. Но так уж устроен этот мир. Его отец воспользовался тем же способом, чтобы устроиться зимним смотрителем в отель «Оверлук». Быть может, это и не доказывало напрямую, что трудоустройство по знакомству всегда вредит делу, но косвенно подтверждало сей тезис.

— Желаю приятно провести время, Доктор *Со-о-н*! — крикнул Карлинг ему вслед, даже не попытавшись хотя бы немного понизить голос.

В дежурке медсестер Клодетта раскладывала таблетки, а Джанис Бейкер смотрела портативный телевизор, приглушив звук. Показывали одну из бесконечных рекламных передач, пропагандировавших средства для очистки кишечника и пищеварительной системы, но Джан уставилась на экран округлившимися глазами. У нее даже немного отвисла челюсть. Когда Дэн забарабанил пальцами по стойке, она вздрогнула, и он понял, что она просто задремала.

— Может кто-то из вас сообщить мне новости о Чарли Хейесе? Карлинг ни черта не знает.

Клодетта посмотрела в конец коридора, убедилась, что Фред Карлинг ее не слышит, и сказала:

— От этого мужлана проку что от быка с выменем. Я все жду, когда же его наконец уволят.

Дэн придерживался того же мнения, но оставил его при себе. Он обнаружил, что трезвый образ жизни чудесным образом учит не распускать лишний раз язык.

— Я проверяла его пятнадцать минут назад, — сказала Джан. — Мы стараемся почаще заглядывать к тем, кому наносит визит мистер Кот.

— И давно у него в палате Аззи?

— Он мяукал под его дверью, когда я еще заступала на дежурство в полночь, — отозвалась Клодетта. — И я его впустила. Он сразу вскочил на кровать. Ты знаешь эту его манеру. Я хотела разбудить тебя, но Чарли не спал и чувствовал себя хорошо. Когда я поздоровалась, он сразу же ответил на приветствие, а потом стал ласкать Аззи. Вот я и решила повременить. А через полчаса у него пошла носом кровь. Фред умыл его, но мне пришлось напомнить, что грязные полотенца следует убрать в чумной мешок.

Чумными мешками работники хосписа называли одноразовые пластиковые пакеты, куда надлежало выбрасывать одежду, постельное белье и полотенца, испачканные любыми выделениями больных. Это было предписание министерства здравоохранения, которое стремилось таким образом уменьшить опасность распространения патогенов, содержавшихся в крови.

— Когда я проверяла его минут сорок или пятьдесят назад, — сказала Джан, — он спал. Мне пришлось разбудить его. Он открыл глаза, и они были очень красные.

— Тогда я позвонила в приемную Эмерсона, — продолжила Клодетта, — и, получив гневную отповедь, подняла с постели тебя. Ты спустишься к нему прямо сейчас?

— Да.

— Удачи тебе, — сказала Джан. — Звони, если понадобится помощь.

— Непременно. Но скажи мне, Джанни, почему ты увлеченно смотришь рекламу этого средства для очистки пищеварительного тракта? Или это слишком личное?

Она зевнула.

— Ничего личного. Просто в такое время показывают только это и еще рекламу корректирующих бюстгальтеров. А я его себе уже купила.

4

Дверь апартаментов имени Алана Шепарда стояла наполовину открытой, но Дэн все равно постучался и, не дождавшись ответа, распахнул ее. Кто-то (вероятно, одна из медсестер, потому что Фреду Карлингу наверняка было бы лень это сделать) слегка приподнял верхнюю часть кровати и натянул простыню на грудь Чарли Хейесу. В девяносто один год он был таким бледным и болезненно тощим, что с порога казалось, будто в постели никого нет. Дэн замер секунд на тридцать, чтобы точно удостовериться, что грудь старика под пижамой чуть заметно вздымалась и опадала. Аззи свернулся калачиком рядом с небольшим утолщением под одеялом, где, видимо, располагалось бедро. Когда Дэн вошел, кот поднял на него пристальный немигающий взгляд.

— Мистер Хейес? Чарли?

Но тот не открыл глаз. Веки посинели, а кожа под глазницами приобрела темный, почти пурпурно-черный оттенок. Приблизившись, Дэн заметил еще пятна: полоски запекшейся крови под каждой из ноздрей и в одном уголке рта с плотно сжатыми губами.

Дэн зашел в ванную, взял полотенце для лица, смочил теплой водой и отжал. Когда он вернулся к постели Чарли, Аззи поднялся и перебрался на другую сторону кровати, деликатно уступая Дэну место, чтобы тот мог присесть. Простыня все еще оставалась теплой. Дэн осторожно стер остатки крови из-под носа Чарли. Но стоило ему приложить полотенце ко рту, как Чарли проснулся.

— Дэн? Это ты, верно? У меня перед глазами все расплывается.

И неудивительно.

— Как вы себя чувствуете, Чарли? Где-нибудь болит? Если вам больно, я попрошу Клодетту принести таблетку.

— Нет, ничего не болит, — ответил Чарли. Он посмотрел в сторону Аззи, потом снова на Дэна. — Я знаю, почему он здесь. И понимаю, для чего пришел *ты*.

— Я пришел, потому что ветер не давал мне спать. А Аззи, вероятно, нуждался в компании. Коты, как известно, ночные животные.

Дэн приподнял рукав пижамы Чарли, чтобы проверить пульс, и заметил четыре свежих синяка на тонкой как палочка руке. На поздней стадии лейкемии синяки оставались, стоило лишь вздохнуть, но это были отпечатки пальцев, и Дэн прекрасно знал, откуда они взялись. Трезвость научила его почти полностью контролировать свой гнев, но он никуда не делся, как и возникавшее время от времени желание приложиться к бутылке.

Карлинг! Сволочь ты мерзкая! Он недостаточно быстро шевелился, верно? Или ты просто обозлился, что приходится смывать чью-то там кровь, вместо того чтобы, развалившись в кресле, листать журнал и запихивать в себя отвратные желтые крекеры?

Он постарался ничем не выдать своих чувств, однако Аззи явно уловил их и тихо, но отчетливо мяукнул. При других обстоятельствах Дэн задал бы старику пару вопросов, однако сейчас перед ним стояли более насущные задачи. Аззи снова оказался прав. Дэн понял это с первого прикосновения к старику.

— Мне очень страшно, — сказал Чарли. Его голос перешел в едва различимый шепот. Даже шум ветра за двойными рамами окон звучал громче. — Я не думал, что испугаюсь, но это все-таки произошло.

— Вам не нужно ничего бояться.

И вместо того чтобы прощупать пульс Чарли — вряд ли это теперь имело смысл, — он взял руку старика и зажал в ладонях. Он увидел сыновей-близнецов Чарли, которых тот сажал на качели, когда им было по четыре годика. Увидел, как жена Чарли закрывает плотнее жалюзи на окнах в их спальне, одетая в бельгийское кружевное нижнее белье, подаренное ей на годовщину свадьбы; увидел, как хлестнули по плечам ее волосы, когда она повернулась и посмотрела на него с улыбкой, в которой

читалось только одно слово: «да!». Он увидел трактор с полосатым матерчатым навесом над сиденьем. Почувствовал запах бекона и услышал песню Фрэнка Синатры «Летим со мной», доносившуюся из треснувшего транзистора, стоявшего на верстаке среди столярных инструментов. Он увидел валявшийся на земле колпак от автомобильного колеса, заполненный водой, в которой отражались красные стены амбара. Он ощутил вкус черники и оленьего мяса, а потом рыбачил на каком-то глухом озере, по поверхности которого гуляли мелкие капли затяжного осеннего дождя. А потом ему уже исполнилось шестьдесят, и он танцевал с женой в зале Американского легиона. В тридцать лет он колол дрова. В пять лет он в шортиках тянул за собой на веревочке красную машинку. Затем все образы слились вместе, как складывается колода карт в руках опытного игрока, и за окном ветер снова нес с гор белые хлопья снега, а Дэна окружала почти полная тишина, только Аззи смотрел на него своим загадочным серьезным взглядом. В такие минуты Дэн осознавал свое предназначение. В такие минуты в нем не оставалось ни капли сожаления о боли и печали, о гневе и страхе, которые ему пришлось пережить, потому что в итоге он оказался здесь, в этой комнате, где под вой вечного ветра подошел к своей последней черте Чарли Хейес.

— Меня не страшит ад. Я прожил жизнь достойно и вообще не верю, что преисподняя существует. Меня ужасает мысль, что дальше не будет *вообще ничего*. — Он задыхался. Кровавая слеза набухала в уголке его правого глаза. — Ведь если ничего не было *прежде*, а мы все знаем это, то не резонно ли предположить, что ничего не будет и потом?

— Но это не так. — Дэн протер лицо Чарли влажным полотенцем. — Мы никогда не кончаемся совсем, Чарли. Я не знаю, как такое возможно, не знаю, что это значит, знаю лишь, что так оно и есть.

— Ты поможешь мне перейти на другую сторону? Говорят, ты помогаешь людям.

— Да. Я помогу. — Он взял руки Чарли в свои. — Нужно просто уснуть. И когда вы проснетесь, а проснетесь вы непременно, все будет гораздо лучше, чем сейчас.

— На небесах? Ты имеешь в виду рай?

— Я не знаю, Чарли.

Этой ночью он ощущал в себе огромную силу. Он чувствовал, как она течет сквозь их соединенные руки подобно электрическому току, и заставил себя проявить осторожность и сдержанность. Какая-то часть его существа вошла в тело умирающего, органы которого отказывались служить, а чувства

(*поторопись пожалуйста*)

отключались. Он проник в сознание,

(*поторопись пожалуйста время истекает*)

которое было ясным, как и прежде, но понимал, что перед ним проходят самые последние мысли... по крайней мере самые последние для Чарли Хейеса.

Налитые кровью глаза закрылись, потом открылись вновь. Очень медленно.

— Все в порядке, — сказал Дэн. — Вам нужно лишь заснуть. Сон принесет вам облегчение.

— Значит, ты так это называешь?

— Да. Я называю это сном, и только сон приносит покой и умиротворение.

— Не уходи.

— Я никуда не уйду. Я буду с вами.

И он остался с ним до конца. Это было его пугающей привилегией.

Веки Чарли снова сомкнулись. Дэн тоже закрыл глаза и увидел в темноте медленную голубую пульсацию. Один раз... дважды... стоп. Один раз... дважды... стоп. Снаружи стонал ветер.

— Спите, Чарли. Вы все делаете правильно, но вы устали, и вам необходим сон.

— Я вижу свою жену. — Едва различимым шепотом.

— Правда?

— Она говорит...

Он не закончил, только последний голубой всполох мелькнул за закрытыми веками Дэна, только последний выдох вышел из груди лежавшего рядом с ним человека. Дэн открыл глаза, прислушиваясь к звукам ветра и дожидаясь финала. Через несколько секунд тускло-красный туман поднялся из носа Чарли, изо рта и глаз. Это было то, что старая больничная сиделка в

Тампе — обладавшая зачатками сияния подобно Билли Фриману — назвала испусканием духа. Она говорила, что ей часто доводилось видеть его.

Дэн видел его *всегда*.

Туман приподнялся, ненадолго завис над телом покойного. А потом растворился.

Дэн поднял правый рукав пижамы Чарли и проверил пульс. Но это была уже пустая формальность.

5

Аззи обычно уходил еще до того, как все кончалось, но не этой ночью. Сейчас он стоял на покрывале рядом с Чарли и смотрел на дверь. Дэн повернулся, ожидая увидеть Клодетту или Джан, но там никого не было.

Хотя все же кто-то там был.

— Эй! Кто там?

Молчание.

— Уж не та ли маленькая девочка, которая любит писать на моей школьной доске?

Нет ответа. Но там точно кто-то был.

— Ты Абра?

Чуть слышный за шумом ветра аккорд пианино. Дэн мог бы списать его на игру воображения (он не всегда отличал ее от причуд сияния), если бы не Аззи, который подергивал ушами и не сводил глаз с дверного проема. Там кто-то стоял и наблюдал за ними.

— Так ты все-таки Абра?

Снова несколько нот, а потом — тишина. Но только теперь наступила настоящая тишина. Все. Кто бы это ни был, сейчас дверной проем пустовал. Аззи потянулся, спрыгнул с кровати и удалился, ни разу не оглянувшись.

Дэн посидел еще немного, вслушиваясь в завывания ветра. Потом опустил верхний край кровати, закрыл простыней лицо Чарли и пошел в комнату дежурных медсестер, чтобы официально сообщить о смерти еще одного постояльца хосписа.

6

Закончив заполнять необходимые бумаги, Дэн отправился к торговым автоматам. Было время, когда он устремился бы туда бегом с заранее сжатыми кулаками, но те дни остались в прошлом. Сейчас он просто шел, делая глубокие вдохи и выдохи, чтобы унять бурю эмоций. «Трижды подумай, прежде чем выпить» — самая расхожая поговорка у анонимных алкоголиков, но Кейси К. во время еженедельных встреч с глазу на глаз внушил Дэну, что трижды подумать надо перед любым своим поступком. *Ты стал трезвенником, но не идиотом, Дэнни. Помни об этом, когда в следующий раз в твоей башке возникнет намерение сделать какую-нибудь глупость.*

Да, но эти треклятые синяки на руке умирающего старика!

Карлинг откинулся назад на стуле, поглощая мятные подушечки. «Популярную механику» он сменил на иллюстрированный журнал с фотографией последней звезды телесериалов на обложке.

— Мистер Хейес скончался, — тихо сказал Дэн.

— Печально. — Карлинг не отрывался от журнала. — Но ведь *потому* их сюда и привозят.

Дэн поднял ногу, зацепил переднюю ножку стула, на котором сидел Карлинг, и с силой дернул. Стул вылетел, и здоровяк приземлился на пол. Коробка с мятными подушечками выпала из его руки. Он с недоумением уставился на Дэна.

— Ну что, теперь ты уделишь мне внимание?

— Ах ты, сукин... — Карлинг начал вставать, но Дэн уперся подошвой ботинка ему в грудь и прижал его к стене.

— Вижу, уделишь. Отлично. Прежде всего тебе же будет лучше какое-то время не пытаться встать. Просто сиди и слушай меня. — Дэн склонился вперед, зажав ладони между коленями. Очень крепко. Уж слишком сильно они чесались. Он хотел бить, бить, бить. В висках с шумом пульсировала кровь. *Успокойся*, сказал он себе. *Не теряй контроля над ситуацией.*

Но как же это оказалось тяжело!

— В следующий раз, когда увижу отметины твоих пальцев на руке пациента, я их сфотографирую, чтобы показать миссис Клаузен, и ты вылетишь отсюда как пробка, несмотря на все

твои связи. А как только ты перестанешь быть моим коллегой по работе, я тебя найду и вышибу остатки мозгов.

Карлинг все-таки поднялся, опираясь на стену и не сводя глаз с Дэна. Он был выше ростом и фунтов на сто тяжелее. Его руки сжались в кулаки.

— А ну-ка попробуй! Чего откладывать? Давай прямо сейчас!

— Конечно, но только не здесь, — согласился Дэн. — Люди спят, и в доме покойный. С отметинами от твоих пальцев.

— Я ничего такого ему не сделал. Только замерил пульс. Ты же знаешь, как легко поставить синяк больному лейкемией.

— Знаю, — кивнул Дэн, — но ты сделал это намеренно. Не понимаю почему, но сделал.

В мутных глаза Карлинга что-то промелькнуло. Не проблеск вины — Дэн сомневался в его способности чувствовать себя виноватым в чем бы то ни было. Это была тревога, когда он понял, что его видят насквозь. И страх, что его поймают.

— Тоже мне, начальник! Доктор *Со-о-о-н*. Думаешь, твое дерьмо не пахнет?

— Хватит трепать языком, Фред. Пошли на улицу. Я с удовольствием с тобой разберусь.

И он говорил правду. Внутри его таился другой, никому здесь не известный Дэн. Он теперь держался в тени, но никуда не делся и оставался все тем же отвратительным, не знающим удержу задиристым психопатом, каким был когда-то в пьяные дни. Краем глаза Дэн видел Клодетту и Джан, испуганно жавшихся друг к другу в дальнем конце коридора.

Карлинг ворочал мозгами, оценивая положение. Да, он превосходил противника по габаритам и длине рук, однако был далеко не в лучшей форме — спасибо нездоровой пище и пиву — и страдал одышкой. Но наибольшие опасения вызывало у него выражение лица этого тощего парня. Он уже видел такое, когда был байкером из «Дорожных святых». У некоторых ребят легко летели предохранители в башке. И тогда они крушили все вокруг, пока не кончался запал. Он по ошибке принимал Торранса за безвредного чудика, который слова поперек не скажет, даже если плюнуть ему в лицо. Но теперь понял, что парня следовало прозвать не «Доктор Сон», а «Доктор Псих».

Все тщательно взвесив, Фред пошел на попятную.

— Не хочу время тратить!

Дэн только кивнул:

— Хорошо. По крайней мере ничего себе не отморозим. Но только запомни мои слова. Если не хочешь сам оказаться на больничной койке, перестань распускать руки.

— Какого черта? Кто дал тебе право командовать?

— Понятия не имею, — ответил Дэн. — Ни малейшего.

7

Дэн вернулся к себе и лег в постель, но заснуть не смог. За время работы в Ривингтоне он уже нанес около пятидесяти подобных предсмертных визитов, но обычно сохранял спокойствие. Однако не нынешней ночью. Его все еще трясло от злости. Умом он презирал себя за вспышку с трудом обузданной звериной ярости, но какая-то потаенная часть его существа радовалась новообретенному ощущению. Возможно, все сводилось к генетике: природа брала свое, одерживала верх над разумом. Чем дольше он не притрагивался к спиртному, тем чаще всплывали давние воспоминания. Особенно отчетливо — отцовские неистовые приступы ярости. В глубине души ему очень хотелось, чтобы Карлинг поддался на провокацию. Они вышли бы под снег и ветер, и Дэн Торранс, истинный сын Джека, наказал бы этого жалкого щенка за все провинности. Прописал бы ему по первое число.

При этом, Бог свидетель, он не хотел уподобляться отцу, чьи периоды трезвости были крайне болезненными. Предполагалось, что АА помогает справляться со злобой, и по большей части это работало, но порой наступали моменты, когда Дэн понимал, насколько непрочны воздвигнутые внутренние барьеры. Моменты, когда собственная жизнь в его глазах теряла всякую ценность и алкоголь снова начинал казаться единственным, чего он заслуживал. Вот тогда он ощущал родство с покойным отцом.

Он подумал: *Мама.*

Он подумал: *Саха.*

Он подумал: ***Жалкие щенки должны получать по заслугам. Ты заслужил свое лекарство. И прекрасно знаешь, где оно продается. На каждом углу.***

Стены башни застонали от особенно сильного порыва ветра. А когда стон затих, девочка, писавшая на его доске, оказалась рядом. Он почти слышал ее дыхание.

Он вынул руку из-под одеяла. Несколько секунд он ощущал только холод, а потом вдруг почувствовал прикосновение ее ладошки — маленькой и теплой.

— Абра, — сказал он. — Тебя зовут Абра, но для некоторых ты — Абби. Верно?

Ответа он не получил, однако не особенно в нем нуждался. Ему было достаточно ощущения ее тепла в своей руке. Контакт длился всего несколько мгновений, но он успокоился. Закрыл глаза и заснул.

8

В двадцати милях от него, в маленьком городке Эннистон, Абра Стоун еще не спала. Чужая рука держала ее руку всего несколько секунд. А потом превратилась в туман и исчезла. Но она была. *Он* был здесь. Она нашла его во сне, а проснувшись, поняла, что сон стал реальностью. Она стояла в дверях той комнаты. Увиденное показалось ей пугающим и чудесным одновременно. Там витала смерть, а смерть вызывает страх, но помощь пришла. Оказавший ее человек не мог видеть Абру, зато Абру видел кот. И кота звали почти так же, как ее, хотя и не совсем.

Он не видел меня, но почувствовал мое присутствие. А только что мы были вместе. И мне показалось, что я тоже ему помогла, как он помог тому человеку, который умер.

Это была очень приятная мысль. Держась за нее (как за его призрачную руку), Абра повернулась на бок, прижала к груди своего пушистого кролика и тоже заснула.

Глава 5
ИСТИННЫЙ УЗЕЛ

1

Истинный Узел не был зарегистрированной корпорацией, но если был бы, некоторые небольшие поселки, стоявшие вдоль дорог в штатах Мэн, Флорида, Колорадо и Нью-Мексико, следовало отнести к их собственности. Потому что через сложную и нарочно запутанную сеть подставных компаний именно Узел владел некоторыми предприятиями и крупными участками земли. Эти городки с порой весьма экзотическими названиями вроде Сухой Излучины, Иерусалимова Удела, Ори или Сайду-айндера могли служить Узлу надежными пристанищами, но его члены никогда не задерживались там надолго — они были кочевниками. Возможно, вы встречали их на магистралях и шоссе Америки. На I-95 в Южной Каролине где-нибудь к югу от Диллона и к северу от Санти. Или на I-80 в Неваде, в гористой местности к западу от Дрейпера. Или же это могло случиться в Джорджии, пока вы медленно ползли по прославленному участку шоссе 41, где полиция всегда меряет скорость на выезде из Тифтона.

Вспомните, сколько раз вам доводилось тащиться за массивным домом на колесах, задыхаясь от выхлопных газов и нетерпеливо дожидаясь возможности обогнать его? Поневоле придерживаясь сорока миль в час там, где вы вполне законно могли разогнаться до шестидесяти пяти или даже семидесяти? Но стоило вам наконец перестроиться в левый ряд и... Боже милосердный! Вы видели впереди далеко растянувшуюся цепочку таких же проклятых кемперов, двигавшихся на десять миль медленнее разрешенной скорости, а управляли ими очкастые

пенсионеры, вцепившиеся в руль так, словно опасались, что их может унести из кабины встречный ветер.

Или же они попадались вам в придорожных зонах отдыха, где вы останавливались, чтобы слегка размять ноги и скормить несколько четвертаков торговым автоматам. По счастью, парковочные площадки в таких местах всегда разделены, не правда ли? У легковых машин своя стоянка, а у грузовиков и кемперов — своя. Обычно парковка для последних находится чуть дальше. Вы вполне могли видеть ряд кемперов Истинного Узла, тесно сгрудившихся на такой стоянке. А может, видели их владельцев, идущих к главному зданию. Медленно, потому что многим из них на вид уже немало лет, а другие слишком тучны, — но всегда группой, всегда общаясь только между собой.

Иногда вы замечали, как их кавалькада съезжает с шоссе в сторону заправочных станций, отелей или закусочных, и тогда понимали: лучше проскочить мимо этого «Макдоналдса» или «Бургер-кинга». Наверняка они уже выстроились там в огромную очередь — мужчины в кепках для гольфа или рыбацких шапочках с длинными козырьками, а женщины — в эластичных брюках (как правило, почему-то зеленовато-голубых) и футболках с надписями типа «СПРОСИТЕ МЕНЯ О МОИХ ВНУКАХ!», или «ИИСУС — НАШ ЦАРЬ», или «СЧАСТЛИВАЯ СТРАННИЦА». В таком случае вы не поленитесь проехать еще полмили, чтобы найти другое место для обеда, так ведь? Потому что каждый из них будет делать заказ мучительно долго, сначала внимательно вчитываясь в меню, а потом высказывая пожелания, чтобы в гамбургер не клали маринованный огурчик, а хот-дог не поливали кетчупом. Они непременно начнут расспрашивать персонал о местных достопримечательностях, хотя прекрасно понимают, что оказались в очередной американской сельской дыре, откуда молодежь спешит сбежать, едва закончив среднюю школу.

И все же вы не обращали на них особого внимания. Да и с чего бы? Они всего лишь кучка любителей странствий, в большинстве своем пенсионеры, хотя среди них попадаются сравнительно молодые люди, которым нравится такой образ жизни. На ночь они останавливаются в кемпингах, где рассаживаются на раскладных шезлонгах, готовят ужин на газовых плитках и

беседуют об инвестициях, о рыбалке, о рецептах новых блюд и бог знает о чем еще. Они неизменно тормозят, стоит им увидеть блошиный рынок или гаражную распродажу, и тогда их проклятые дома встают так, что занимают не только всю обочину, но и половину проезжей части, а вам приходится совсем сбрасывать скорость, чтобы кое-как миновать это скопление. Их можно считать антиподами байкеров, которые встречаются на американских дорогах не менее часто, и величать «Тихими ангелами» вместо «Ангелов ада».

Да, они предельно раздражают, когда в больших количествах оккупируют зоны отдыха и туалеты, но как только их массивные коробки на колесах скрываются из виду и больше никто не заслоняет место у писсуара, вы сразу же забываете об их существовании. В них не больше примечательного, чем в стайке птичек на телефонных проводах или стаде коров на придорожном лужке. Конечно, вас может заинтересовать, откуда у них деньги, чтобы заполнять необъятные баки своих дорожных чудовищ, поглощающих тонны бензина (вероятно, у них приличные счета в банках, раз они могут позволить себе непрерывно колесить по дорогам страны), или вы можете задаться вопросом, какому здравомыслящему человеку придет в голову тратить золотые закатные дни своей жизни, разъезжая по Америке из одного захолустья в другое. Но помимо этого они мало чем еще могут возбудить ваше любопытство.

И если вам выпало стать одним из тех несчастных родителей, у которых пропал ребенок — бесследно, только велосипед, брошенный на тротуаре, или шапочка, оставленная на берегу ручья, — вам никогда и в голову не придет заподозрить в чем-то *этих людей*. С какой, собственно, стати? Нет, скорее это дело рук какого-нибудь бродячего преступника. Или (ужасно, но вполне вероятно) тайного сексуального маньяка из вашего же городка, быть может, даже живущего совсем рядом, *на одной с вами улице*. Больного извращенца и убийцы, который умело притворяется нормальным, пока полиция не обнаружит у него на заднем дворе или под полом подвала скелеты пропавших детей. Но вы никогда не свяжете пропажу с этими жизнерадостными пожилыми вечными странниками в шапочках и бейсболках с цветочками на козырьках.

И главное, большая их часть действительно ни при чем. Таких людей несчетное количество, но к 2011 году в Америке остался только один Узел: *Истинный* Узел. Его членам нравился кочевой образ жизни, что было важно, потому что жить иначе они попросту не могли. Задержавшись слишком надолго в одном месте, они неизбежно привлекли бы к себе нежелательное внимание, потому что их возраст менялся совсем не так, как у нормальных людей. Энни Фартук и Грязный Фил (для лохов — Энн Ламонт и Фил Капуто) могли состариться лет на двадцать за одну ночь. Маленькие близнецы (Горошинка и Стручок) из двадцатидвухлетних снова превращались в двенадцатилетних (или около того), возвращаясь к возрасту своей Трансформации, которая была много лет назад. Единственным действительно молодым человеком среди всех Истинных являлась Андреа Штайнер, которую теперь звали Змеючкой Энди... но и она выглядела моложе своих лет.

Дряхлая сварливая восьмидесятилетняя старуха могла снова стать шестидесятилетней пожилой матроной. Семидесятилетний тощий старикан ни с того ни с сего бросал свою трость, а пигментные пятна на его лице и руках бесследно исчезали.

Черноглазка Сью переставала прихрамывать.

Дизель Дуг, почти ослепший от катаракты, обретал орлиное зрение, а его плешь магическим образом зарастала. Внезапно ему снова никто не мог дать больше сорока пяти.

У Пароголового Стива пропадал горб. Его жена, Русская Баба, забывала о своих подгузниках, натягивала сапоги со стразами и заявляла, что ей хочется на танцы.

Если бы все это происходило на глазах у простых обывателей, их удивлению не было бы предела, и пошли бы разговоры. Рано или поздно появились бы репортеры, а члены Истинного Узла боялись огласки, как вампиры — солнечного света.

Но поскольку они *нигде* не задерживались (а поселившись на некоторое время в одном из «своих» городов, не подпускали к себе посторонних), то никто ничего не замечал. И неудивительно. Они носили такую же одежду, как другие любители жизни на колесах, прикрывали глаза такими же дешевыми солнцезащитными очками, покупали те же сувениры и сверяли свой маршрут по тем же картам. Они клеили на борта кемперов те же

наклейки, сообщавшие о необычных местах, где им довелось побывать («Я ПОМОГАЛ НАРЯЖАТЬ САМУЮ БОЛЬШУЮ ЕЛКУ В СТРАНЕ РОЖДЕСТВА!»), а тащась вслед за ними, дожидаясь шанса обогнать, вы видели на их бамперах знакомые надписи («СТАРЫЙ НЕ ЗНАЧИТ МЕРТВЫЙ!», «СПАСИТЕ СТРАХОВАНИЕ ЗДОРОВЬЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ», «Я КОНСЕРВАТОР, И *Я ГОЛОСУЮ*!»). Они ели жареных цыплят и покупали лотерейные билеты в универсамах, где продают пиво, наживку для ловли рыбы, охотничьи патроны, журналы «Мотор тренд» и десять тысяч видов шоколадных батончиков. Если в городке, где они остановились, попадался бинго-холл, они большой группой отправлялись туда, занимали столы и играли до самого закрытия. Однажды Жадина Джи (в миру — Грета Мур) выиграла пятьсот долларов. Она потом *месяцами* хвасталась этим, и хотя у всех членов Узла денег было больше чем достаточно, некоторых дам ее бахвальство безумно раздражало. Недоволен остался и Чарли Жетон. Он жаловался, что пять ходов просидел, дожидаясь нужного числа, а первой закрыла карточку все-таки Джи.

— Везучая ты сучка, Жадина, как я погляжу, — сказал он.

— А ты невезучий ублюдок, — не осталась в долгу та. — Невезучий *черномазый* ублюдок. — И фыркнула.

Если одного из них останавливали за превышение скорости или за другое мелкое нарушение на дороге — это случалось крайне редко, но бывало, — полисмен неизменно обнаруживал, что права, страховка и прочие документы находятся в образцовом порядке. Если коп все-таки выписывал штраф, ему никто не перечил, даже когда имела место явная подстава. Суммы штрафов никогда не оспаривались и выплачивались в указанные сроки. Америка — живой организм, а дороги — его кровеносная система, и Истинный Узел плавал по ним как латентный вирус.

Вот только собак они не держали.

Обычные странники на колесах путешествуют, как правило, в компании четвероногих любимцев — этих крошечных машин по производству дерьма, с белой шерстью, ярким ошейником и гнусным характером. Вам наверняка знакомы эти создания: они всегда готовы разразиться пронзительным лаем и таращатся на вас крошечными крысиными глазками, в которых светится злобный ум. Вы постоянно видите их обнюхивающими каждый

куст на площадке для отдыха и тянущими за собой на поводке хозяев, у которых наготове совок и пакет. В дополнение к обычным наклейкам на кемперах владельцев этих животных присутствуют желтые ромбы с надписями «ШПИЦ НА БОРТУ» или «Я ♥ МОЕГО ПУДЕЛЯ».

Но к членам Истинного Узла все это не относилось. Они не любили собак, а собаки не любили их. Собаки, можно сказать, *видели их насквозь*. Видели внимательные, зоркие глаза за дешевыми темными очками; видели сильные, мускулистые ноги охотника под полиэстровыми брюками; видели острые зубы, скрытые под вставными челюстями.

Истинные не любили собак, но любили некоторых детей.

О да! Некоторых детей они просто обожали.

2

В мае 2011 года, вскоре после того как Абра Стоун отпраздновала свой десятый день рождения, а Дэн Торранс — десятую годовщину трезвости, Папаша Ворон постучал в дверь «эрскрузера», принадлежавшего Розе-в-Шляпе. Истинные остановились в кемпинге «Придорожный уют» на выезде из Лексингтона в штате Кентукки. А направлялись они в Колорадо, где планировали провести большую часть лета в одном из своих незаметных городков, том самом, в который Дэн не раз возвращался в сновидениях. Обычно они никуда не торопились, однако нынешним летом возникла особого рода срочность. Все были в курсе, но предпочитали помалкивать.

Роуз обо всем позаботится. Ей всегда это удавалось.

— Заходи, — сказала она, и Папаша Ворон поднялся к ней.

Отправляясь по делам, он неизменно надевал безупречный костюм и дорогие ботинки, отполированные до зеркального блеска. Иногда, под настроение, мог вооружиться еще и тростью. Но этим утром он щеголял в мешковатых брюках на подтяжках, полосатой футболке с изображением рыбы и надписью «ПОЦЕЛУЙ МЕНЯ В ОКУНЯ» и плоской кепке. Последнюю Папаша Ворон сдернул с головы, закрыв за собой дверь. Он был любовником и главным помощником Роуз, но не упускал случая про-

демонстрировать почтительное уважение. И Роуз это нравилось, как и многие другие черты его характера. Она не сомневалась, что в случае ее гибели Истинные продержатся под его руководством. По крайней мере какое-то время. Но еще сто лет? *Едва ли.* Он был красноречив и легко манипулировал лохами, но Ворону не хватало навыков стратегического планирования и видения перспективы.

Сейчас вид у него был до крайности озабоченный.

Роуз сидела на диване в брюках капри и простом белом бюстгальтере, курила сигарету и смотрела третий час информационной программы «Сегодня» на большом настенном телевизоре. Это был «легкий» час, когда на экране появлялись знаменитые повара, а также актеры, рекламировавшие свои новые фильмы. На затылке Роуз красовался цилиндр. Папаша Ворон знал ее дольше, чем живут лохи, но до сих пор не мог постичь, какая магическая сила удерживает на месте шляпу, которая по всем законам тяготения должна упасть.

Она взяла пульт и приглушила звук.

— Ба, да это сам Генри Ротман! Выглядишь очень аппетитно, хотя сомневаюсь, чтобы ты пришел на дегустацию. Только не без четверти десять утра и не с таким лицом. У нас кто-то умер?

Это была шутка, но лоб Папаши нахмурился еще сильнее, и Роуз поняла, что случайно попала в цель. Она выключила телевизор и тщательно затушила сигарету, выигрывая время, чтобы он не заметил, насколько она встревожена. Когда-то Истинных насчитывалось более двухсот. Вчера в их рядах был сорок один человек. Если она не ошиблась, сегодня стало на одного меньше.

— Томми Грузовик, — сказал Ворон. — Во сне. Вышел из цикла всего раз, и конец. Почти не мучился. А это происходит чертовски редко, как ты прекрасно знаешь.

— Орех успел посмотреть его?

Пока еще было на что смотреть, мысленно добавила она. Грецкий Орех, который по водительским правам и кредитным карточкам официально именовался Питером Уоллисом из Литл-Рока в Арканзасе, был штатным лекарем Истинного Узла.

— Нет, все произошло слишком быстро. С ним была Толстуха Мэри. Томми разбудил ее, когда начал трястись. Она подумала, что ему опять приснился дурной сон, и саданула в бок

локтем... Но только ее локоть угодил в пустую пижаму. Вероятно, это был сердечный приступ. Томми недавно подцепил сильную простуду, и Орех считает, что она дала осложнение. К тому же, ты знаешь, этот придурок все время дымил как паровоз.

— Но у нас *не бывает* сердечных приступов, — возразила она, а потом с неохотой добавила: — Хотя и простуды нас тоже обычно не берут. Однако в последние дни он действительно чихал и кашлял. Бедный старый ТГ.

— Да, лучше не скажешь: бедный старый ТГ. Орех говорит, что не сможет сделать никаких определенных выводов без вскрытия.

Которого не будет. Потому что от тела вообще ничего не осталось.

— Как Мэри отнеслась к случившемуся?

— А как ты думаешь? Ее сердце разбито на хрен. Они ведь жили вместе с тех самых пор, когда Томми Грузовика еще звали Томми Телегой. Почти девяносто лет. Это она выхаживала его после Трансформации. Дала ему первую порцию пара на следующее утро. А сейчас говорит, что хочет покончить с собой.

Роуз мало что могло шокировать, но эта новость пробила даже ее броню. В Узле еще никто и никогда не совершал самоубийства. Ведь жизнь и составляла, так сказать, главный смысл их жизней.

— Скорее всего это просто женский треп, — попытался успокоить ее Папаша Ворон. — Вот только...

— Что?

— Ты права, простуды нас обычно не берут, но за последние недели их случилось сразу несколько. В основном ограничивалось легким насморком, который быстро проходил. Орех говорит, что это может быть связано с недоеданием. Хотя это только предположения.

Роуз сидела, в задумчивости постукивая пальцами по своей обнаженной грудной клетке и глядя на темный прямоугольник телевизора. После паузы она сказала:

— Вынуждена согласиться, что пища в последнее время стала несколько скудной, но мы взяли изрядное количество пара в Делавэре всего месяц назад, и Томми тогда чувствовал себя превосходно. Выглядел молодцом.

— Все верно, Роузи, но только парень из Делавэра дал не так уж много. У него был скорее не пар, а интуиция.

Она не рассматривала вопрос с подобной точки зрения, но Ворон был прав. Если верить водительским правам того юноши, ему уже исполнилось девятнадцать. Пик выработки пара он давно миновал — обычно этот период приходится на половое созревание. Лет через десять он превратился бы в совершенно обычного лоха. Или даже через пять. Да, попировать им не довелось. Но ведь нельзя все время питаться только отборными кусками мяса. Порой приходится довольствоваться бобами и тофу. Они помогают укрепить тело и душу, чтобы дождаться следующей тучной коровы.

Вот только для Томми Грузовика бобов и тофу оказалось маловато.

— В прежние времена пара было куда больше, — с грустью заметил Ворон.

— Не городи чепухи. Послушать лохов, так пятьдесят лет назад люди были добрее. Это миф, и я не хочу, чтобы ты его распространял. Наши и без того уже на нервах.

— Уж ты-то знаешь меня достаточно хорошо, чтобы понимать: я не собираюсь сеять панику. Но только, извини, я не считаю это мифом. Сама подумай. Пятьдесят лет назад *всего было больше* — нефти, зверей в лесах, пахотной земли, чистого воздуха. Встречались даже честные политики.

— И еще какие честные! — воскликнула Роуз. — Помнишь Ричарда Никсона? Короля лохов?

Но ей не удалось сбить его. Ворону могло не хватать стратегического мышления, однако упрямства и упорства ему было не занимать. Потому он и стал ее помощником. К тому же он мог оказаться прав. Кто посмел бы авторитетно утверждать, что число людей, способных производить питательное вещество, насущно необходимое Истинным, не снизилось, как поголовье тунца в Тихом океане?

— Самое время открыть одну из канистр, Роузи. — Он заметил, как округлились ее глаза, и поднял руку, чтобы пресечь возражения. — Все молчат, но только об этом и думают.

Роуз не имела оснований не доверять его словам. Да и сама по себе мысль, что Томми умер от осложнений, вызванных не-

достатком питания, представлялась ужасающе правдоподобной. Когда пара становилось мало, жизнь усложнялась и теряла вкус. Они не были теми вампирами из старых фильмов ужасов, но столь же остро нуждались в пище.

— Ты помнишь, как давно у нас не было девятого вала? — спросил Ворон.

Они оба прекрасно знали ответ на этот вопрос. Члены Истинного Узла обладали весьма ограниченными способностями предвидеть будущее, но когда в мире лохов назревала действительно крупная катастрофа — девятый вал, — они предчувствовали ее. К примеру, они не владели никакой информацией о деталях нападения на Всемирный торговый центр до самого конца лета 2001 года, но за несколько месяцев уже знали о трагедии, которая должна была произойти в Нью-Йорке. Роуз до сих пор помнила овладевшее всеми тогда радостное ожидание и предвкушение. Вероятно, точно такие же чувства испытывали голодные лохи, почуяв аппетитные ароматы с кухни.

В тот день, как и в последующие, пищи хватило всем. Вряд ли при обрушении башен-близнецов погибло больше одного-двух человек, вырабатывавших действительно много пара, но когда масштабы бедствия были велики и множество людей умирало мучительно и трагически, это оказывало на пар мощное обогащающее воздействие. Вот почему Истинных тянуло в такие места как мотыльков на свет лампы. Выявлять отдельных «парилок» было куда сложнее, а в семье теперь осталось только три члена, в головах которых присутствовало нечто вроде локатора: Дедушка Флик, Барри Китаец и сама Роуз.

Она поднялась, взяла со стойки аккуратно сложенную кофту с вырезом-«лодочкой» и натянула ее на себя. Как всегда, она была необыкновенно хороша какой-то почти неземной красотой (быть может, благодаря высоким скулам и немного узкому разрезу глаз), но чрезвычайно сексуальна. Потом она снова надела цилиндр и хлопнула по нему ладонью на удачу.

— Как ты думаешь, сколько полных канистр у нас в запасе, Ворон?

Он передернул плечами.

— Дюжина? Штук пятнадцать?

— Да, примерно столько, — кивнула она. Лучше, чтобы правды не знал никто из них. Даже ее преданный помощник. Ей меньше всего хотелось, чтобы некоторая напряженность и тревога среди Истинных переросли в настоящую панику. Когда люди начинали паниковать, они порой разбегались кто куда. Случись такое, Истинный Узел мог распасться.

Ворон пристально всматривался в ее лицо, и потому она быстро спросила:

— Ты можешь выкупить это место на сегодняшнюю ночь?

— Шутишь? Да при нынешних ценах на топливо кемпинг не заполняется и наполовину даже по выходным. Хозяин будет в восторге.

— Тогда поговори с ним. Мы возьмем пар из канистры. Сообщи нашим.

— Будет сделано. — Он поцеловал Роуз, поглаживая ее грудь. — Это моя любимая кофта.

Она рассмеялась и оттолкнула его.

— Любая кофта с сиськами — твоя любимая. Иди займись делами.

Но он помедлил, криво ухмыляясь:

— А что наша новенькая, Змеючка? По-прежнему ползает у тебя под дверью, красавица?

Она протянула руку и быстрым движением сжала его пониже ремня.

— Ого! Вот это да! Это твоя кость ревности?

— Предположим.

Она в этом сомневалась, но все равно почувствовала себя польщенной.

— Не волнуйся. Она теперь живет с Сари, и они мне кажутся очень счастливой парочкой. Но раз уж мы вспомнили об Энди, нам может понадобиться ее помощь. Ты сам знаешь, для чего. Пусти слух, но сначала поговори с ней.

Когда он наконец ушел, Роуз заперла дверь «эрскрузера», подошла к водительскому месту и опустилась на колени. Взялась пальцами за коврик между сиденьем и педалями и сняла полосу. Под ней открылся металлический квадрат с кодовым замком. Роуз ввела код, и крышка приподнялась. Она полностью открыла ее и заглянула внутрь.

Пятнадцать полных канистр или дюжина? Так думал Ворон, и хотя Роуз не могла читать мысли членов Узла с той же легкостью, с какой копалась в головах лохов, она догадывалась, что он специально занизил оценку, чтобы приободрить ее.

Если бы он только знал, подумала она.

Сейф был выложен пенопластом, чтобы предохранить канистры на случай аварии, и делился на сорок ячеек. Этим солнечным майским утром в Кентукки тридцать семь канистр пустовали.

Роуз достала одну из полных и приподняла ее. Она казалась слишком легкой; можно было подумать, что в ней тоже пусто. Роуз отвинтила крышку, проверила клапан и целостность пломбы. Все оказалось в порядке. Потом она закрыла сейф, а сосуд осторожно — почти трепетно — положила на стойку, где прежде лежала кофта.

После этой ночи останется всего две.

Им необходимо отыскать обильный источник пара и наполнить хотя бы несколько пустых канистр, причем как можно скорее. Истинный Узел был под угрозой. Их еще не окончательно загнали в угол, но положение становилось критическим.

3

Владелец «Придорожного уюта» и его жена тоже жили в трейлере, снятом с колес и установленном на бетонные блоки. Апрельские ливни дали влагу для буйного цветения в мае, и дворик перед домом мистера и миссис Уют превратился в сплошной цветник. Андреа Штайнер даже чуть помедлила, любуясь тюльпанами и анютиными глазками, прежде чем подняться по трем ступенькам к двери большого «редмана» и постучать в нее.

Через некоторое время ей открыл сам мистер Уют. Это был низкорослый мужчина с приличным пузом, обтянутым майкой в ярко-красную полоску. В одной руке он держал банку с пивом «Пабст блу риббон», в другой сжимал смазанную горчицей сосиску, зажатую между ломтями рыхлого белого хлеба. Посколь-

ку жена сейчас сидела в комнате, он позволил себе некоторое время оценивающе разглядывать представшую перед ним молодую женщину, от конского хвоста на голове до кроссовок.

— Да?

Несколько членов Узла обладали скромными гипнотическими способностями, но до таланта Энди им было далеко, и потому она стала ценным приобретением. Она до сих пор порой использовала свой талант, чтобы обчищать бумажники пожилых лохов. Роуз считала это опасной глупостью, но по опыту знала, что со временем одержимость Энди «мужским вопросом» постепенно пройдет. Для Истинного Узла единственным действительно важным вопросом было выживание.

— Я только хотела спросить, — сказала Энди.

— Если вы по поводу туалета, то говновозка приедет в четверг.

— Нет, я не об этом.

— Тогда о чем же?

— Разве ты не устал? Разве тебе не хочется спать?

Мистер Уют мгновенно закрыл глаза. Пиво и сосиска выпали из его рук, испачкав ковер. *Да и хрен с ним*, подумала Энди. *Ворон отстегнул ему двенадцать сотен. С лихвой хватит на пару флаконов чистящего средства.*

Энди взяла хозяина за руку и повела в комнату. Там стояли два кресла в пестрых чехлах, а перед ними — переносные столики.

— Садись, — сказала она.

Не открывая глаз, мистер Уют сел в кресло.

— Тебе ведь нравится забавляться с молоденькими девочками, верно? — спросила Энди. — Ты бы не прочь, появись у тебя такая возможность. Но только ты уже не можешь угнаться за ними.

Она посмотрела на его руки, безвольно лежавшие на бедрах.

— Ты отвратителен. А теперь скажи это сам.

— Я отвратителен, — покорно повторил мистер Уют и захрапел.

В этот момент из кухни вернулась миссис Уют. Она на ходу лизала мороженое в вафельном стаканчике.

— А ты кто такая? Что ты с ним сделала? Чего тебе надо?

— Мне надо, чтобы ты заснула.

Миссис Уют выронила мороженое. У нее подогнулись колени, и она опустилась на них.

— Нет, черт тебя побери! Я имела в виду не прямо здесь. Вставай.

Миссис Уют поднялась. Раздавленное мороженое прилипло к ее платью сзади. Змеючка Энди обхватила женщину за несуществующую талию, подвела ко второму креслу и толкнула в него, успев снять размазанное мороженое с ее зада. Теперь муж и жена сидели рядом с закрытыми глазами.

— Вы оба крепко проспите всю ночь, — сообщила им Энди. — Мистер может во сне баловаться с девочками, если догонит. А вы, мадам... Пусть вам приснится, что он сдох от сердечной недостаточности и вам выплатили по страховке миллион баксов. Как вам такая идея? По-моему, неплохо.

Она включила телевизор и сделала звук погромче. На экране возник Пэт Саджак, которого обнимала женщина с поистине необъятной грудью. Она только что выиграла, правильно назвав загаданную цитату: «НЕ СТОИТ ПОЧИВАТЬ НА ЛАВРАХ». Энди поневоле залюбовалась шикарным бюстом, потом вновь повернулась к хозяевам кемпинга.

— После одиннадцатичасовых новостей можете выключить ящик и отправляться в постель. Проснувшись утром, вы даже не вспомните, что я вообще сюда заходила. Вопросы есть?

Никаких вопросов, естественно, не возникло. Энди оставила их и поспешила вернуться к кемперам. Она была голодна, страдала от голода уже много недель, но сегодня вечером пищи хватит на всех. А что будет завтра? О завтрашнем дне должна заботиться Роуз, и Змеючку Энди такое положение дел вполне устраивало.

4

К восьми часам полностью стемнело. А к девяти Истинные собрались в зоне для пикников. Последней пришла Роза-в-Шляпе и принесла канистру. При виде нее начались тихие, но

алчные перешептывания. Роуз понимала их чувства. Она и сама изрядно проголодалась.

Роуз взобралась на стол, покрытый инициалами бывших гостей кемпинга, и по очереди оглядела собравшихся.

— Мы — Истинный Узел.

— *Мы — Истинный Узел*, — эхом отозвались они. Лица приобрели торжественное выражение, хотя глаза продолжали гореть жадным огнем. — *То, что связано, не может быть развязано.*

— Мы — Истинный Узел, и мы выстоим.

— *Мы выстоим.*

— Мы избранные. Мы — счастливейшие из счастливых.

— *Мы избранные, счастливейшие из счастливых.*

— Они создают, мы забираем.

— *Мы забираем то, что они создают.*

— Так берите же это и используйте как надлежит.

— *Мы используем это надлежащим образом.*

В начале последнего десятилетия XX века в городе Энид, штат Оклахома, жил мальчик по имени Ричард Гэйлсуорси. «Клянусь, этот парень знает все, о чем я думаю», — говорила иногда соседкам его мать. Соседки только хихикали у нее за спиной, а ведь она была права и он знал *не только* то, о чем думала она. Ричард получал исключительно отличные оценки за все школьные контрольные, к которым не готовился вообще. Он всегда знал, когда отец придет домой в хорошем настроении, а когда вернется злой из-за проблем в принадлежавшей ему сантехнической компании. Однажды мальчишка просто умолял мать купить лотерейный билет, уверяя, что знает все выигрышные номера. Миссис Гэйлсуорси отказалась — она считала себя добропорядочной баптисткой, — но позже пожалела об этом. Совпали не все шесть цифр, записанных Ричардом на кухонной доске для памяток, но он угадал пять. Религиозные убеждения мамаши обошлись семье в семьдесят тысяч долларов. Ей пришлось умолять Ричарда ни о чем не рассказывать отцу, и он дал ей твердое обещание. Он вообще был послушным и на редкость милым мальчуганом.

Примерно через два месяца после несостоявшегося выигрыша в лотерею миссис Гэйлсуорси была застрелена в собственной кухне, а послушный и милый мальчик пропал. Тело его

давно сгнило в могиле, выкопанной на поросшем сорняками поле безвестной заброшенной фермы, но когда Роза-в-Шляпе нажала клапан металлического сосуда, его духовная сущность — его *пар* — вырвалась на волю облаком сверкающего серебристого тумана. Облачко поднялось фута на три над канистрой и приобрело плоскую форму. Истинные смотрели на него с вожделением и ожиданием. Большинство дрожали от нетерпения. Некоторые даже плакали.

— Примите пищу, чтобы выстоять, — произнесла Роуз, приподняв руки так, что ее растопыренные пальцы оказались под плоским облаком. Она поманила. Туман сразу же стал опускаться, приобретая очертания, похожие на зонт, и устремляясь к тем, кто ждал внизу. Когда он окутал их головы, все начали глубоко его втягивать. Это длилось около пяти минут. Некоторые надышались так, что не выдержали напряжения и повалились на землю.

Роуз сама чувствовала, как крепнет ее тело, как ускоряется работа ума. Все ароматы весенней ночи обострились. Она знала, что едва заметные морщинки в уголках ее глаз и рта разглаживаются. Седые пряди в волосах чернеют. Позже ночью к ней в постель придет Ворон, и они оба вспыхнут как факелы.

Они вдыхали пар Ричарда Гэйлсуорси, пока от него не осталось ничего — действительно ничего. Светлый туман постепенно редел, а потом его не стало. Потерявшие сознание быстро пришли в себя и теперь сидели, с улыбкой глядя по сторонам. Дедушка Флик ухватил Петти Китаянку, жену Барри, и стал отплясывать с ней лихую джигу.

— Отвяжись от меня, старый козел! — крикнула она смеясь.

Змеючка Энди и Тихоня Сари целовались взасос, пальцы Энди ерошили тусклые волосы подруги.

Роуз спрыгнула со стола и повернулась к Ворону. Усмехнувшись, тот сложил большой и указательный пальцы в кольцо.

Все путем, читалось в этой усмешке, и так оно и было. По крайней мере сейчас. Но, несмотря на эйфорию, Роуз не могла избавиться от мысли о канистрах в своем сейфе. К тридцати семи пустым теперь прибавится еще одна. Они сделали еще один шаг к стене.

5

Истинные уехали с первыми лучами солнца. Четырнадцать кемперов двигались плотным караваном по шоссе 12 до I-64. Однако стоило им выбраться на магистраль, как они рассредоточились, чтобы их большая группа не слишком бросалась в глаза, держа связь по рациям на случай непредвиденных неприятностей.

Или же, наоборот, возникновения неожиданных благоприятных возможностей.

Эрни и Морин Салкович (мистер и миссис Уют), освеженные долгим ночным сном, в один голос согласились, что едва ли у них когда-либо гостила более приятная группа. Они не только расплатились наличными и тщательно прибрались за собой. Кто-то оставил на пороге хозяйского кемпера свежий яблочный пудинг с милейшей благодарственной запиской. Если повезет, решили они, уплетая пудинг на завтрак, эта теплая компания заглянет и в будущем году.

— А знаешь, что любопытно? — сказала Морин. — Этой ночью мне приснилось, что знаменитая Фло из рекламы той страховой компании продала тебе полис на огромную сумму. Правда же, странный сон?

Эрни крякнул и добавил к своему пудингу еще взбитых сливок.

— А тебе что-нибудь снилось, дорогой?

— Не-а.

Но при этом он поспешно отвел взгляд в сторону.

6

Удача вновь улыбнулась Истинному Узлу жарким июльским днем в штате Айова. По своему обыкновению, Роуз ехала во главе каравана, и у западной окраины городка под названием Эдейр в ее голове сработал радар. Не такой мощный, как хотелось бы, но вполне громкий и отчетливый. Она сразу вызвала по радио Барри Китайца, который был так же похож на азиата, как Том Круз.

— Ты почувствовал что-нибудь, Барри? Прием.

— Да, — ответил Барри, не отличавшийся словоохотливостью.

— С кем сегодня едет Дедушка Флик?

Прежде чем он смог ответить, в разговор вмешалась третья сторона, и Энни Фартук сказала:

— Он со мной и Долговязым Полом, дорогая. Это что-то... что-то хорошее?

Голос Энни звучал взволнованно, и Роуз ее понимала. Ричард Гэйлсуорси дал им отличную подзарядку, но с тех пор прошло шесть недель и пар начал выветриваться.

— Наш старичок *не дремлет*, Энни?

Ей ответил хриплый голос Флика:

— Я в порядке, женщина. — Для развалины, не всегда помнившей собственное имя, голос Дедушки звучал достаточно бодро. Немного брюзгливо, но пусть лучше брюзжит, чем впадает в маразм.

В голове Роуз снова прозвучал сигнал, но уже слабее. И снова раздался голос Флика, который имел привычку объяснять Роуз то, что она и сама прекрасно понимала:

— Мы едем не в ту сторону, мать вашу!

Не удостоив его ответом, она вновь нажала кнопку передачи.

— Ворон, Ворон! Ответь мне, мой милый.

— Слушаю, — мгновенно отозвался он, словно ждал ее вызова.

— Сделай привал на следующей площадке для отдыха. С тобой останутся все, кроме меня, Барри и Флика. Мы разворачиваемся и возвращаемся немного назад.

— Тебе понадобится поддержка?

— Узнаю, только когда получу более подробную информацию, но... думаю, что обойдусь.

— О'кей, — сказал он, а потом не удержался и добавил: — Дерьмо.

Роуз повесила микрофон и посмотрела на бесконечные поля кукурузы, протянувшиеся по обе стороны четырехполосного шоссе. Ворон, конечно, был расстроен. На его месте любой испытал бы разочарование. Мощные «парилки» порой создавали

проблемы, потому что плохо поддавались внушению. Таких приходилось брать силой. Часто вмешивались родители или друзья. Некоторых удавалось усыпить, но не всегда: подросток с мощным паром мог блокировать даже такого эксперта, как Змеючка Энди. Иногда приходилось убивать. Плохо, конечно, но добыча того стоила: жизненная сила, упакованная в стальные канистры и отложенная на черный день. К тому же убийства нередко приносили побочные дивиденды. Умение давать пар передавалось по наследству, и каждый из членов семьи потенциальной жертвы обладал хотя бы незначительным его количеством.

7

Пока большинство членов Истинного Узла наслаждалось отдыхом в приятной тени деревьев в сорока милях к востоку от Каунсил-Блаффса, кемперы с тремя разведчиками съехали с автострады у Эдейра и направились на север. Отдалившись на некоторое расстояние от шоссе, они разъехались в разные стороны и начали прочесывать аккуратные гравийные проселки, делившие эту часть Айовы на крупные квадраты. Уловив сигнал, сворачивали, пеленговали, сужали зону поиска.

Сигнал стал сильнее... Потом еще сильнее... И наконец установился на одном уровне. Хороший пар, но не бог весть какой. Что ж. Нищим не приходится привередничать.

8

На сегодня Брэдли Тревора освободили от обычной работы на ферме, чтобы он смог принять участие в тренировке местной команды малой бейсбольной лиги. Тренер пригрозил, что если отец заупрямится и не отпустит сына, то он приведет с собой всю команду и линчует его, потому что Брэд был их лучшим отбивающим. По внешнему виду и не скажешь — тощему как грабли Брэду исполнилось всего одиннадцать, — но он умел брать подачи даже самых маститых местных питчеров. Мощные

броски его не пугали. В чем-то это, конечно, объяснялось обычной сноровкой сельского мальчишки, но лишь отчасти. Непостижимым образом Брэд всегда знал, какой будет следующая подача. И он вовсе не подглядывал за знаками, которые игроки противника подавали друг другу (в чем его подозревали тренеры других команд). Он *просто знал*, и все. Как знал наилучшее место для нового колодца. Или где найти отбившуюся от стада корову. Или где лежит мамино потерянное обручальное кольцо. *Посмотри под ковриком в машине,* посоветовал он. И точно, там оно и оказалось.

В тот день тренировка прошла особенно удачно, но на разборе после нее Брэд выглядел немного рассеянным и даже отказался от обычного стакана содовой со льдом. А потом сказал, что ему лучше пораньше вернуться домой и помочь маме убрать в дом белье.

— А что, будет дождь? — спросил тренер Мика Джонсон. Они все уже научились доверять ему в таких мелочах.

— Точно не знаю, — ответил Брэд без обычного энтузиазма.

— Ты как себя чувствуешь, сынок? Что-то выглядишь неважно.

Брэд и *в самом деле* чувствовал себя плохо. У него с утра побаливала голова и как будто немного поднялась температура. Но он не поэтому решил срочно отправиться домой: совершенно внезапно у него появилось ощущение, что ему больше не хочется оставаться на бейсбольном поле. И вообще его сознание... Оно словно теперь не принадлежало ему. Он даже не знал, действительно ли здесь находится или ему все только снится. Ерунда какая-то.

— Завтра в то же время? — спросил он, почесывая красное пятнышко на руке.

Тренер ответил утвердительно, и Брэд пошел домой, помахивая бейсбольной перчаткой. Обычно он бежал трусцой — они все так делали, — но сегодня у него не было никакого желания бегать. По-прежнему ныла голова, а теперь еще и появилась боль в ногах. Он скрылся в кукурузе за трибуной, потому что это был кратчайший путь до их фермы, располагавшейся в двух милях от стадиона. Когда же он вышел на проселок, вялыми движениями смахивая с головы налипшие кукурузные соцветия, то уви-

дел средних размеров «уандеркинг». Рядом с кемпером стоял улыбавшийся Барри Китаец.

— Ну вот и ты, — сказал Барри.

— Простите, а вы кто?

— Твой друг. Запрыгивай ко мне. Я подброшу тебя до дома.

— Хорошо, — сказал Брэд. При таком самочувствии предложение пришлось как нельзя кстати. Он снова почесал пятно на руке. — Вас зовут Барри Смит. Вы мой друг. Я сяду к вам в кемпер, и вы подвезете меня до дома.

Он сел в машину. Дверь закрылась. «Уандеркинг» тронулся с места.

К концу следующего дня все силы округа будут мобилизованы на поиски центрового и лучшего отбивающего команды «всех звезд» Эдейра. Полиция обратится к населению с просьбой информировать о любых подозрительных автомобилях или микроавтобусах. Информации поступит много, но она ничего не даст. И хотя три кемпера с разведчиками Истинных были значительно крупнее любого микроавтобуса (а транспортное средство Розы-в-Шляпе вообще казалось чудовищной громадой), ни одна живая душа о них не сообщила. Они ведь были странниками на колесах. Кто обращает на них внимание? А Брэд... Он словно... испарился.

Подобно тысячам других невезучих детей, его без следа поглотила мрачная бездна.

9

Они отвезли его на заброшенный завод по переработке этанола, располагавшийся в стороне от фермерских хозяйств. Ворон на руках вынес мальчика из «эрскрузера» Роуз и мягко уложил на землю. Брэд, крепко связанный клейкой упаковочной лентой, плакал навзрыд. Когда члены Истинного Узла встали вокруг него (как родственники вокруг могилы усопшего), он взмолился:

— Пожалуйста, отпустите меня домой. Я никому ничего не скажу.

Роуз опустилась рядом с ним на колено и вздохнула.

— Я бы с радостью, но не могу.

Брэд нашел глазами Барри.

— Вы сказали, что вы друг! Что вы хороший! Я же слышал! Вы *сказали это*!

— Сожалею, приятель. — На его лице не читалось ни намека на сожаление, только голод. — Ничего личного.

Брэд снова посмотрел на Роуз.

— Вы сделаете мне больно? Прошу вас, только не причиняйте мне боль!

Разумеется, она собиралась причинить ему боль. Как ни прискорбно, но боль очищала и обогащала пар, а Истинные были голодны. Омары тоже испытывают боль, когда их живьем бросают в кипящую воду, однако это не останавливает лохов. Пища есть пища. От нее зависит твое выживание в этом мире.

Роуз завела руки за спину, и Жадина Джи вложила в одну нож. Он был короткий, но очень острый. Роуз улыбнулась, посмотрев на мальчика сверху вниз, и сказала:

— Я постараюсь, чтобы ты страдал как можно меньше.

Парень продержался на удивление долго. Он отчаянно кричал, пока голосовые связки не лопнули и крики не превратились в подобие хриплого лая. В какой-то момент Роуз вдруг остановилась и настороженно осмотрелась по сторонам. Ее сильные изящные руки были покрыты кровью как красными перчатками.

— Что-то не так? — спросил Ворон.

— Поговорим об этом позже, — ответила Роуз и вернулась к своему занятию.

Свет десятка фонариков превратил участок земли за бывшим спиртзаводом в подобие операционной.

— Пожалуйста, убейте меня, — чуть слышно прошептал Брэд Тревор.

Роза-в-Шляпе успокаивающе улыбнулась:

— Теперь уже скоро.

Но скоро не получилось. Жуткий хриплый лай возобновился и только через какое-то время обратился в пар.

На рассвете, похоронив мальчика, они двинулись дальше.

Глава 6
СТРАННОЕ РАДИО

1

Этого не случалось уже три года, но есть вещи, о которых не можешь забыть никогда. Например, если твой ребенок посреди ночи вдруг начинает кричать. Люси осталась одна, потому что Дэвид уехал на двухдневную конференцию в Бостон, но она не сомневалась: будь он дома, прибежал бы в спальню Абры еще быстрее. Он тоже ничего не забыл.

Их дочь сидела на постели, ее лицо было бледным, волосы — всклокоченными, широко распахнутые глаза смотрели в пустоту. Простыня — на улице стояла теплая погода — свилась вокруг нее в сумасшедший кокон.

Люси присела рядом и положила руку на плечо Абры. Никакой реакции. Это было самое ужасное. Страшно, когда родная дочь поднимает тебя криками с постели, но еще страшнее видеть, как она ни на что не реагирует. В возрасте пяти — семи лет у Абры часто бывали подобные ночные кошмары, и Люси всегда опасалась, что рассудок дочери однажды не выдержит напряжения. Она будет дышать, но ее взгляд уже никогда не вернется из пустоты видимого только ей мира.

Этого не случится, уверял ее Дэвид, и Джон Долтон вторил ему: *Дети на редкость выносливы. И если у нее не проявляется никаких устойчивых психических расстройств — отстраненности, стремления к уединению, одержимости какой-то одной идеей, ночного недержания мочи, — то скорее всего с ней все будет хорошо.*

Но не было ничего хорошего в том, что ребенок просыпался от собственного крика, вызванного кошмаром. В том, что

после этого снизу доносились аккорды пианино или из всех кранов в ванной в конце коридора сама по себе начинала литься вода, а лампочки в комнате Абры лопались, как только Люси или Дэвид нажимали выключатель.

Но потом у нее появился «невидимый друг» и интервалы между кошмарами заметно удлинились, а постепенно плохие сны прекратились вообще. До нынешней ночи. Хотя это даже уже нельзя было назвать ночью: Люси видела, что горизонт на востоке заметно посветлел, и слава Богу.

— Абби? Это мама. Поговори со мной.

Еще пять или десять секунд ничего не происходило. Но потом наконец мраморная статуя, которую обнимала Люси, обмякла и снова стала маленькой девочкой. Абра сделала глубокий, всхлипывающий вдох.

— У меня снова был плохой сон. Как раньше.

— Я это поняла, детка.

Обычно Абра очень мало помнила из того, что ей приснилось. Иногда это были люди, которые злобно ругались друг с другом или пускали в ход кулаки. *Он опрокинул кухонный стол, гоняясь за ней*, могла сказать Абра. Как-то она видела старую одноглазую Тряпичную Энн, валявшуюся посреди шоссе. В четыре года ей приснились люди-призраки, катавшиеся на поезде «Хелен Ривингтон» — популярном аттракционе для туристов во Фрейзере. Он отправлялся из Игрушечного городка на Клауд-Гэп, описывал петлю и возвращался обратно. *Я смогла разглядеть их, потому что светила луна*, объяснила тогда Абра. Люси и Дэвид сидели по обе стороны от дочери, обнимая ее. Люси до сих пор помнила ощущение влажной пижамы, которая насквозь промокла от пота. *Я знала, что они призраки, потому что у них были сморщенные лица, как кожура у старых яблок, и луна просвечивала сквозь них насквозь.*

Уже на следующий день Абра резвилась, играла и смеялась с подружками как ни в чем не бывало, но в памяти Люси образ запечатлелся навсегда: мертвецы едут на маленьком поезде через лес, а их лица в лунном свете похожи на сморщенные яблоки. Она спросила Кончетту, катала ли она Абру на том поезде во время их «девичников». Нет, ответила Четта. Сами

они бывали в Игрушечном городке лишь однажды, и поезд в тот день стоял на ремонте, поэтому им пришлось довольствоваться каруселью.

Сейчас Абра посмотрела на мать и спросила:

— А когда возвращается папа?

— Послезавтра. Он обещал быть к обеду.

— Это слишком долго, — сказала Абра. Слеза скатилась по ее щеке и упала на пижаму.

— Слишком долго для чего? Что ты запомнила, Абба-Ду?

— Они делали больно мальчику.

Люси совсем не хотелось продолжать этот разговор, но она чувствовала, что должна. Слишком часто увиденное Аброй во сне происходило на самом деле. Дэвид заметил снимок лежавшей на асфальте тряпичной одноглазой куклы, опубликованный в издававшейся в Норс-Конвее газете «Сан», рядом со статьей под заголовком «АВТОКАТАСТРОФА В ОССИПИ: ТРОЕ ПОГИБШИХ». А сама Люси отслеживала по полицейской хронике случаи арестов по обвинению в насилии над членами своих семей, после того как Абре снилось, что *они кричали и били друг друга кулаками*. Даже Джону Долтону пришлось признать, что Абра непонятным образом ловит такие происшествия при помощи того, что он назвал «странным радио в ее голове».

И потому теперь она спросила:

— Какому мальчику? Он живет где-то близко от нас? Ты его знаешь?

Абра помотала головой:

— Нет. Очень далеко. Не могу вспомнить, где именно.

Но ее лицо сразу же прояснилось. Быстрота, с которой она порой выходила из своих сумеречных состояний, иногда поражала Люси не меньше, чем сами эти состояния.

— Но, думаю, я сумела обо всем сообщить Тони. А он сможет рассказать *своему* папе.

Тони и был ее «невидимым другом». Она не упоминала о нем уже года два, и Люси оставалось только надеяться, что это не регресс. Все-таки десять лет уже не тот возраст, чтобы общаться с «невидимыми друзьями».

— Отец Тони может остановить их. — Ее лицо опять помрачнело. — Хотя, боюсь, он не успеет.

— Давненько Тони не появлялся, правда? — Люси поднялась и попыталась расправить смятую простыню. Абра захихикала, когда ткань коснулся ее лица. Для Люси не было звука прекраснее. Смех дочери. Понятный и *естественный* звук. А в комнате становилось все светлее. Скоро запоют первые птицы.

— Щекотно же, мамочка!

— А мамочкам нравится щекотать своих дочек. Они получают от этого удовольствие. И все-таки что там по поводу Тони?

— Он раньше говорил, что придет, как только будет мне нужен, — ответила Абра, залезая под простыню. Она похлопала по матрасу рядом с собой, и Люси прилегла, положив голову на одну с дочкой подушку. — Мне приснился плохой сон, и он был мне нужен. Мне кажется, он приходил, хотя точно я не помню. Его папа работает в котспасе.

Это было что-то новенькое.

— В организации, которая спасает бездомных животных?

— Нет, глупая, это такой дом для людей, которые скоро умрут. — Абра говорила снисходительным, почти учительским голосом, но у Люси все равно мороз пробежал по коже. — Тони объяснял, что когда люди становятся совсем больными и уже не могут выздороветь, они переезжают в котспас, а его папа старается помочь им почувствовать себя лучше. А еще у папы Тони есть кот с именем, похожим на мое. Меня зовут Абра, а кота — Аззи. Правда, забавное совпадение?

— Да. Необычное, но забавное.

Основываясь на сходстве имен, Дэвид и Джон, вероятно, пришли бы к выводу, что история с котом — это всего лишь невинная выдумка очень умной десятилетней девочки. Но они сами бы себе не поверили. Люси же это даже в голову не пришло. Многие ли десятилетние дети знали, что такое «хоспис», пусть и не умели правильно произносить это слово?

— Расскажи мне о мальчике из твоего сна. — Теперь, когда Абра полностью успокоилась, эта тема не казалась столь опасной. — Кто делал ему больно, Абба-Ду?

— Не помню. Он только думал, что Барни его друг. Или Барри. Мамочка, дай мне Попрыгунчика, пожалуйста.

Ее старый плюшевый кролик давно находился в ссылке на самой верхней полке. Абра уже года два не брала его с собой в постель перед сном. Люси встала, сняла Попрыгунчика с полки и подала дочери. Абра прижала игрушку к своей розовой пижаме и почти моментально уснула. Если повезет, она проспит еще час, а может, и два. Присев рядом, Люси смотрела на дочь.

Пусть это прекратится в ближайшую пару лет, как предсказывал Джон. Или даже прямо с завтрашнего дня, то есть с уже наступившего утра. Хватит, пожалуйста. Хватит просматривать местные газеты в поисках заметки о том, как неизвестного маленького мальчика убил его отчим, или замучили насмерть хулиганы, нанюхавшиеся клея, или еще о чем-то подобном. Пусть это наконец закончится.

— Господи! — очень тихо взмолилась она. — Если ты слышишь меня сейчас, не мог бы ты кое-что сделать? Ведь тебе ничего не стоит сломать странное радио в голове моей маленькой дочурки, правда?

2

Когда Истинные вновь направились по I-80 на запад, в сторону городка в предгорьях Колорадо, где собирались провести лето (разумеется, при том условии, что не подвернется возможности запастись где-то большим количеством пара), Папаша Ворон сидел на пассажирском сиденье «эрскрузера», которым управляла Роуз. А Джимми Счетовод, опытнейший бухгалтер «Узла», вел тем временем «эффинити кантри коуч», принадлежавший самому Ворону. Спутниковый радиоприемник Роуз был настроен на волну станции «Аутло кантри», которая как раз передавала хит Хэнка-младшего «Виски сводит меня с ума». Он знал, что Роуз эта песня нравится, и потому выключил звук, только когда она отзвучала.

— Ты сказала, что мы поговорим позже. Сейчас самое время. Что стряслось?

— На заводе за нами кто-то подсматривал.

— В самом деле? — Брови Ворона удивленно приподнялись. Он принял столько же пара этого паренька по фамилии Тревор, сколько и все остальные, но не стал выглядеть моложе. Впрочем, пища редко оказывала на него подобный эффект. Зато он и не менялся сколько-нибудь заметно в перерывах, если только они не слишком затягивались. Роуз считала это завидным свойством организма. Вероятно, что-то такое было заложено в генах Ворона. Если, конечно, у них вообще *еще оставались* гены. Грецкий Орех настаивал, что оставались. — Ты имеешь в виду «парилку»?

Она кивнула. Перед ними под бледно-голубым небом, местами усеянным кучевыми облаками, протянулась лентой трасса I-80.

— Хорошая «парилка»?

— О да! Отменная.

— Далеко?

— Полагаю, что где-то на восточном побережье.

— Ты хочешь сказать, что кто-то мог видеть нас с расстояния... что, неужели почти полутора тысяч миль?

— Вероятно, даже с большего. Чуть ли не из Канады, будь она трижды неладна.

— Парень или девчонка?

— Похоже на девочку, но это был лишь проблеск. Секунды три. А какая разница?

Разумеется, никакой.

— Сколько же канистр мы смогли бы заполнить от ребенка с таким количеством пара?

— Сложно сказать. Но никак не меньше трех.

На этот раз цифру намеренно занижала сама Роуз. По ее приблизительной оценке, неведомый соглядатай мог дать им пара на десять емкостей, а то и на добрую дюжину. Присутствие было кратким, но мощным. Наблюдательница (а это все-таки была *именно девочка*) видела, чем они занимались, и пришла в такой ужас, что руки Роуз ненадолго замерли и даже она сама почувствовала моментальное отвращение к тому, что творила. Само собой, отвращение не было ее собственным. Это можно

было бы охарактеризовать как некий психический рикошет. Для самой Роуз резать ножом лоха было все равно что свежевать оленя.

— Тогда, быть может, нам стоит повернуть оглобли, — предположил Ворон. — И взять добычу, пока идет в руки.

— Нет. Мне кажется, что источник только набирает подлинную силу. Мы дадим ей еще немного созреть.

— Ты это знаешь наверняка или это интуиция?

Роуз ответила неопределенным взмахом руки.

— Стало быть, интуиция. Достаточно ли она сильна, чтобы рисковать «парилкой»? А вдруг ее собьет машина? Или она станет жертвой какого-нибудь сексуального маньяка-убийцы? — Ворон говорил совершенно серьезно. — А как насчет лейкемии или другого рака? Ты же знаешь, они легко цепляют эту пакость.

— Спроси у Джимми Счетовода, и он тебе скажет, что статистика на нашей стороне. — Роуз улыбнулась и нежно погладила Ворона по бедру. — Ты принимаешь все слишком близко к сердцу, Папаша. Мы направимся в Сайдуайндер, как и планировали, а через пару месяцев переберемся во Флориду. Барри и Дедушка Флик в один голос твердят, что в этом году там надо ждать целой серии ураганов.

Ворон скорчил гримасу.

— Это как рыться на помойке в поисках объедков.

— Допустим, но иногда в помойных баках попадаются настоящие деликатесы. Весьма питательные. Я никак не могу себе простить, что мы упустили тот торнадо в Джоплине. Хотя, конечно, такие внезапные бури мы предугадываем реже.

— Но та девочка. Она же *видела* нас.

— Видела.

— И знает, что мы делали.

— Что конкретно тебя беспокоит, Ворон?

— Она может нам навредить?

— Милый, если она старше одиннадцати лет, я готова съесть свою шляпу. — Роуз выразительно постучала пальцем по цилиндру. — Ее родители едва ли вообще знают, кто она и на что способна. А если знают, изо всех сил стараются не придавать

этому большого значения, чтобы не сходить с ума от беспокойства.

— А еще они могут послать ее на прием к психиатру, который пропишет ей гору таблеток, — едко заметил Ворон. — Они заглушат ее и затруднят нам поиски.

Роуз улыбнулась:

— Если я все правильно понимаю — а я уверена, что не ошиблась, — дать такому ребенку паксил — все равно что пытаться закрыть луч прожектора куском прозрачной пленки. Мы найдем ее, когда настанет срок. Не волнуйся об этом.

— Как скажешь. Ты у нас босс.

— Вот именно, мой сладенький. — На этот раз она не ограничилась ногой, а стиснула ему яйца. — Сегодня Омаха?

— Да. «Ла Кинта инн». Я забронировал всю заднюю часть второго этажа.

— Отлично. Потому что я собираюсь прокатиться на тебе, как на «американских горках».

— Кто на ком прокатится, мы еще посмотрим, — сказал Ворон.

После Тревора ему хотелось шалить. Роуз тоже. Как, наверное, и всем прочим. Он снова включил радио. Какая-то канадская группа распевала про парней из Оклахомы, которые не умеют даже толком свернуть косяк.

Истинные продолжали свой путь на запад.

3

Кураторы анонимных алкоголиков бывали мягкие или жесткие, но существовал еще один тип, к которому принадлежал Кейси Кингсли: те, кто не давал своим подопечным ни малейших поблажек. С самого начала Кейси строго приказал Дэну посетить все девяносто первых встреч группы без исключения и настоял, чтобы каждое утро в семь часов он непременно звонил ему по телефону. Когда Дэн исправно побывал на всех девяноста встречах, ему разрешили не звонить по утрам. Вместо этого они стали трижды в неделю встречаться за чашкой кофе в кафе «Санспот».

Когда июльским днем 2011 года Дэн вошел в кафе, Кейси, как всегда, сидел в отдельной кабинке. И хотя он вроде бы пока не собирался уходить на покой, Дэну его — теперь уже давний — наставник по АА (и первый работодатель в Нью-Гэмпшире) казался очень старым. Он почти полностью облысел и ходил, заметно прихрамывая. Ему требовалась операция на тазобедренном суставе, но он все время откладывал ее.

Дэн поздоровался, сел напротив, сложил на груди руки и дожидался того, что Кейси окрестил Ритуалом.

— Ты сегодня трезв, Дэнни?

— Да.

— Чему же ты обязан чудом своего воздержания?

— Специальной программе «Анонимных алкоголиков» и Богу, каким я его понимаю. Скромную роль также мог сыграть и мой куратор, — продекламировал Дэн.

— Милый комплимент. Обойдемся без подхалимства.

В этот момент к их столику подошла официантка Патти Нойес с кофейником в руках и, не спрашивая, налила Дэну полную чашку.

— Как поживаешь, красавчик?

— Хорошо, — с улыбкой ответил Дэн.

Она поправила прическу и удалилась в сторону кассы, пожалуй, чересчур энергично покачивая бедрами. Как и положено, мужчины проводили ее взглядом, а потом Кейси вновь целиком переключил внимание на Дэна.

— Продвинулся хоть немного в вопросе о Боге, каким ты его понимаешь?

— Не слишком, — признался Дэн. — Похоже, это задачка на всю оставшуюся жизнь.

— Но ты молил его о помощи утром, чтобы удержаться от спиртного?

— Да.

— На коленях?

— Да.

— А на ночь благодарил?

— Да. И тоже на коленях.

— И зачем ты это делал?

— Затем, что я всегда должен помнить, до чего довел меня алкоголь, — ответил Дэн. И не покривил душой.

Кейси кивнул.

— Это первые три шага. Изложи вкратце.

— Я не могу, а Бог может, поэтому я предоставлю это ему. — И поспешно добавил: — Богу в моем понимании.

— Которого ты *не понимаешь*.

— Не понимаю.

— Хорошо, тогда объясни мне, почему ты пил.

— Потому что я алкоголик.

— А не потому, что мамочка недостаточно сильно любила тебя?

— Нет.

У Уэнди, конечно, были свои недостатки, но ее любовь к нему, как и его к ней, оставалась непоколебимой.

— Тогда, наверное, потому, что тебя не любил отец, так?

— Нет.

Хотя однажды он сломал мне руку, а в итоге чуть не убил.

— Значит, это наследственное заболевание?

— Нет. — Дэн отхлебнул немного кофе. — Хотя алкоголизм действительно передается по наследству. Вам ведь это известно, не так ли?

— Конечно. Но мне также известно, что это не имеет значения. Мы пили, потому что мы алкоголики. И это неизлечимо. Мы лишь получили краткую отсрочку на основании духовного настроя, вот в чем дело. Понимаешь?

— Да, босс. Ну, мы закончили с официальной частью?

— Почти. Тебя сегодня посещало желание выпить?

— Меня нет. А вас?

— Нет. — Кейси усмехнулся. Улыбка осветила его лицо, и он словно помолодел. — И это чудо. Ты назовешь это чудом, Дэнни?

— Да.

Патти вернулась с большой тарелкой ванильного пудинга, поверх которого красовалось сразу две вишенки, и со стуком поставила ее перед Дэнни.

— Съешь это. За счет заведения. Ты слишком тощий.

— А как же я, милочка? — возмутился Кейси.

Патти фыркнула.

— Вы и так жирный. Хотите, принесу вам сосновый коктейль? Это стакан воды, а в нем плавает зубочистка.

И, оставив последнее слово за собой, она величественно удалилась.

— Ты все еще кувыркаешься с ней? — спросил Кейси, когда Дэн взялся за пудинг.

— Очаровательный вопрос, — заметил Дэн. — Очень тактичный и вполне современный.

— Спасибо. Так да или нет?

— У нас с ней был роман три года назад, который продлился, наверное, месяца четыре. И все, Кейси. Патти теперь обручена с одним приятным молодым человеком из Графтона.

— Графтон... — презрительно повторил Кейси. — Красивые виды, а городок дерьмовый. И по ней не скажешь, что она обручена, когда ты сидишь в ее забегаловке.

— Кейси!

— Нет, не пойми меня неправильно. Я бы никогда не посоветовал своему подопечному совать свой нос — не говоря уже о члене — в отношения другой пары. Это прямой путь к тому, чтобы снова запить. Но я хотел спросить... Ты сейчас *с кем-нибудь* встречаешься?

— А вам и это нужно знать?

— Мне нужно знать о тебе все.

— Как раз сейчас у меня никого нет. Была та медсестра в Ривингтоне. Я вам о ней рассказывал...

— Сара... Как ее там?

— Олсон. Мы уже начали подумывать о том, чтобы съехаться, но ей предложили отличную работу в центральной больнице Массачусетса. Мы иногда переписываемся по электронной почте.

— Никаких отношений в первый год завязки. Это одно из важнейших правил, — сказал Кейси. — Очень немногие бросившие пить алкоголики относятся к нему серьезно. В отличие от тебя. Но сейчас, Дэнни... Настало время завести себе постоянную подругу.

— Ничего себе! Мой наставник на глазах превратился в доктора Фила*! — воскликнул Дэн.

— Разве твоя жизнь не стала лучше? Разве не улучшилась она по сравнению с тем днем, когда ты сошел с автобуса, трясущийся, с налитыми кровью глазами?

— Вы сами знаете, что улучшилась. Она лучше, чем я мог себе представить.

— Тогда подумай, не пора ли с кем-то разделить ее. Вот и все, что я хотел сказать.

— Я запомню это. А теперь давайте поговорим о чем-нибудь другом. О «Ред сокс», например.

— Сначала я должен спросить тебя кое о чем еще как твой куратор. А потом мы снова сможем стать друзьями, болтающими за чашкой кофе.

— Валяйте... — Дэн настороженно посмотрел на него.

— Мы почти никогда не обсуждали твою работу в хосписе. То, как ты помогаешь людям.

— Не обсуждали, — подтвердил Дэн, — и я предпочел бы не поднимать эту тему и в дальнейшем. Вы же знаете, что нам внушают под конец каждой встречи АА, верно? «Когда вы сейчас выйдете отсюда, то все, что вы здесь видели, все, что вы здесь слышали, должно остаться в этих стенах». Именно так я отношусь и к прочим составляющим моей жизни.

— На какую конкретно составляющую твоей жизни оказывал влияние алкоголь?

Дэн вздохнул.

— Вам известен ответ и на этот вопрос. Пьянство влияло на все аспекты моей жизни.

— Вот видишь? И ты по-прежнему ничего не хочешь мне рассказать?

Когда Дэн промолчал, Кейси продолжил:

— В Ривингтоне тебя уже прозвали «Доктор Сон». Слухами земля полнится, Дэнни.

Дэн по-прежнему хранил молчание. Часть пудинга так и осталась на тарелке, и Патти будет ворчать, если он его не доест, но аппетит у него пропал. Он предвидел, что однажды они

* Американский психолог и писатель.

затронут эту тему, и знал, что теперь, после десяти лет воздержания (и после того как у него самого появилась пара подопечных, которых он курировал в АА), Кейси будет держаться в определенных рамках, но все равно хотел избежать этого разговора.

— Ты помогаешь людям умирать. Конечно, ты никого не душишь подушками и не делаешь ничего в этом роде. Никто и мыслей таких не допускает, но все-таки ты как-то им помогаешь. А как? Об этом никому ничего *не известно*.

— Я просто сижу рядом с ними, вот и все. Немного с ними беседую, если им того хочется.

— Ты работаешь над Шагами, Дэнни?

Если бы Кейси сменил тему разговора, Дэн бы только обрадовался, но он знал, что это не так.

— Как мой наставник, вы прекрасно знаете, что работаю.

— Да, ты просишь помощи утром и благодаришь на ночь. Встав на колени. Итого три шага. Четвертый касается всей этой лабуды о переоценке моральных ценностей. А как насчет пятого?

Всего программа состояла из Двенадцати шагов. Их зачитывали вслух перед началом каждой встречи, в которой Дэн принимал участие, и он знал все наизусть.

— Признать перед Богом, самим собой и людьми истинную причину своих дурных поступков и рассказать о них.

— Вот-вот. — Кейси поднял чашку с кофе, отхлебнул из нее и посмотрел на Дэна поверх кромки. — Это ты выполнил?

— Преимущественно. — Дэну внезапно захотелось оказаться сейчас где-нибудь в другом месте. Почти в любом месте, но не здесь. А еще — причем впервые за очень долгое время — ему захотелось выпить.

— Догадываюсь, как это было. Ты признался самому себе *во всех* своих дурных поступках, поведал Богу, каким ты его *не* понимаешь, *обо всех* своих скверных делишках, и рассказал одному человеку *о большинстве* своих дурных дел. Угадал?

Дэн ничего не ответил.

— Так послушай, что я об этом думаю, — продолжил Кейси, — и поправь, если ошибусь. Шаги восьмой и девятый гово-

рят о нашей обязанности исправить все зло, которое мы причинили в прошлом, когда напивались до умопомрачения двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю. И я считаю, что часть твоей работы в хосписе, *ее важнейшая часть* как раз и является попыткой загладить свою прежнюю вину перед людьми. Но я также предполагаю, что остался по меньшей мере один прескверный поступок, который тяжким грузом лежит у тебя на душе, потому что тебе чертовски стыдно рассказывать о нем. И уж поверь мне, ты в этом не одинок.

Дэн подумал: *Мама.*

Дэн подумал: *Саха.*

Он увидел красный бумажник и жалкую пачку продуктовых талонов, а еще — немного денег. Семьдесят долларов: достаточно, чтобы не просыхать дня четыре. Пять дней, если правильно распределять дозы, а закуску свести к минимуму. Он увидел деньги в своей руке, а потом — как эта рука кладет их в карман. Он увидел малыша в футболке «Брейвз», с отвисшим подгузником.

Он подумал: *Того мальчугана звали Томми.*

Он подумал (не в первый и не в последний раз): *Я никогда и никому об этом не расскажу.*

— Дэнни? Ты и теперь не хочешь ничем со мной поделиться? Мне кажется, тебе есть чем. Я не знаю, как давно ты таскаешь на себе это треклятое бремя, но ты можешь сейчас разделить его со мной и выйти отсюда с чувством, что стал на сто фунтов легче. У тебя получится, я уверен.

Он вспомнил, как малыш потопал к своей маме

(*Дини ее звали Дини*)

и как в пьяном забытьи она обняла его и прижала к себе. Они лежали лицом к лицу в столбе солнечного света, пробивавшегося сквозь грязное окно спальни.

— Нечего рассказывать, — сказал он.

— Облегчи душу, Дэн. Советую тебе это и как друг, и как наставник.

Дэн стойко выдержал прямой взгляд собеседника, но ничего не сказал.

Кейси вздохнул.

— Во время скольких встреч, в которых ты участвовал, кто-то открывал для себя простую истину, что нельзя исцелиться, пока остаются секреты? В сотне? В тысяче? Из всех правил, выведенных членами АА, это — старейшее.

Дэн молчал.

— Тайны есть у всех, — продолжал Кейси. — Однажды тебе придется открыть кому-то свою. А если ты этого не сделаешь, то рано или поздно окажешься за стойкой бара со стаканом в руке.

— Я вас понял, — сказал Дэн. — Теперь мы можем обсудить «Ред сокс»?

Кейси посмотрел на часы.

— В другой раз. Мне пора домой.

Ну конечно, подумал Дэн. *К собачке и золотой рыбке.*

— Хорошо. — Он успел перехватить счет. — В другой раз.

4

Вернувшись к себе в башенку, Дэн долго смотрел на доску, прежде чем медленно стереть написанное на ней:

Они убивают мальчика-бейсболиста!

Когда доска снова стала чистой, он спросил:

— О каком мальчике идет речь?

Ответа не последовало.

— Абра? Ты все еще здесь?

Нет. Но она у него побывала; вернись он со своей не слишком приятной встречи с Кейси десятью минутами раньше, смог бы, вероятно, застать ее фантом. А к нему ли она приходила? Дэн не был в этом уверен. Как ни безумно это звучало, он полагал, что она искала Тони, который в давние времена был его «невидимым другом». Тем, кто иногда приносил «видения». Тем, кто порой предупреждал об опасности. Тем, кто оказался более зрелой и мудрой версией его самого.

Для перепуганного маленького мальчика, пытавшегося выжить в отеле «Оверлук», Тони стал защитником, старшим бра-

том. Ирония заключалась в том, что теперь, избавившись от пристрастия к выпивке, Дэниел Энтони Торранс стал по-настоящему взрослым мужчиной, тогда как Тони остался маленьким мальчиком. Быть может, пресловутым «внутренним ребенком», о котором талдычили гуру нью-эйдж. Дэн не сомневался, что вся эта чушь о сидящем в каждом из нас «внутреннем ребенке» служила лишь одной цели — оправдать эгоистичный и разрушительный образ жизни (который Кейси любил называть синдромом «хочу все и сразу»). Но он не сомневался также и в том, что любой взрослый человек сохранял в своем сознании следы каждой стадии своего развития — не только внутреннего ребенка, но и внутреннего младенца, внутреннего подростка, внутреннего юноши. И если таинственная Абра приходила сюда, разве не было естественным для нее не замечать его взрослой сущности, а искать встречи со своим ровесником?

Товарищем для игр?

А теперь, вероятно, и защитником?

Если так, то Тони эта роль уже была знакома. Но действительно ли она нуждалась в защите? Оставленная ею записка содержала в себе изрядную долю тревоги,

(*они убивают мальчика-бейсболиста*)

но тревога была естественным спутником сияния, в чем сам Дэн убедился много лет назад. Обычные дети не обладали способностью видеть и знать так много. Он мог разыскать ее, выяснить, кто она такая, но только что он скажет ее родителям? *Привет, мы с вами не знакомы, но я знаю вашу дочурку, которая иногда заглядывает ко мне в комнату, и мы с ней стали добрыми друзьями?*

Дэн не думал, что они сразу же спустят на него местного шерифа, но не стал бы их винить, если бы они это сделали. А учитывая его не слишком приглядное прошлое, рисковать не хотелось. При условии, что он все правильно понял, пусть лучше Тони останется ее другом «по переписке». Может, его и не видно, но он хотя бы ближе ей по возрасту.

Позже он восстановит на доске фамилии и номера комнат постояльцев. А пока он взял с подставки кусочек мела и написал: **Мы с Тони желаем тебе, Абра, хорошего летнего дня! ЕЩЕ ОДИН твой друг Дэн.**

Он с минуту изучал написанное, потом удовлетворенно кивнул и подошел к окну. В самом деле выдался прекрасный летний денек, а у него еще не кончился выходной. Он решил отправиться на прогулку и постараться выкинуть из головы разбередивший душу разговор с Кейси. Да, вероятно, именно квартирка Дини в Уилмингтоне стала местом его окончательного падения, но если этот секрет не помешал ему уже десять лет вести трезвый образ жизни, он не видел, с чего бы этой тайне стать препятствием для еще десяти лет трезвости. Или даже двадцати. И вообще, к чему считать годы? «Живи сегодняшним днем» — вот девиз членов АА.

Уилмингтон остался в далеком прошлом. Та глава его жизни закончилась.

Уходя, Дэн запер дверь комнаты, как делал всегда, но он знал, что никакие замки не помешают загадочной гостье проникнуть к нему, если ей захочется нанести еще один визит. Вернувшись, он может обнаружить на доске новую записку от нее.

Может, мы так и останемся друзьями по переписке.

Точно. А может, девушки, рекламирующие нижнее белье «Виктория сикрет», разгадают тайну синтеза водорода.

Усмехнувшись, Дэн вышел из дома.

5

Публичная библиотека Эннистона проводила ежегодную летнюю распродажу книг, и когда Абра попросила сводить ее туда, Люси была только рада отвлечься от повседневных дел и прогуляться с дочкой по Мейн-стрит. На лужайке перед зданием библиотеки стояли карточные столы, на которых кипами громоздились пожертвованные читателями книги, и пока Люси рылась среди томиков в мягких обложках («ОДНА ЗА ДОЛЛАР, ШЕСТЬ ЗА ПЯТЕРКУ, ВЫБИРАЙТЕ!»), выискивая романы Джоди Пиколт, которые еще не успела прочитать, Абра изучала подборку на столах с «ЛИТЕРАТУРОЙ ДЛЯ ПОДРОСТКОВ». Хотя ей было еще далеко до подростка, Абра была жадным (и развитым) читателем с особой склонностью к фэнтези

и научной фантастике. На ее любимой футболке была изображена замысловатая машина над словами «СТИМПАНК ПРЕВЫШЕ ВСЕГО».

Когда Люси уже решила удовлетвориться старым романом Дина Кунца и чуть более поздним Лизы Гарднер, Абра подбежала к ней с широкой улыбкой на лице.

— Мама! Мамочка! Его зовут Дэн!

— Кого зовут Дэн, солнышко?

— Отца Тони! Он пожелал мне хорошего летнего дня!

Люси осмотрелась вокруг, ожидая увидеть незнакомого мужчину, держащего за руку мальчика примерно одного с Аброй возраста. Незнакомцев кругом оказалось достаточно: в конце концов, был разгар летнего туристического сезона, — но ни одной пары, которая отвечала бы ее ожиданиям.

Абра заметила растерянность матери и захихикала:

— Его здесь нет, конечно.

— Тогда где же он?

— В точности не знаю, но где-то близко.

— Что ж... Наверное, это хорошо, милая.

Люси едва успела поправить волосы на голове дочери, как та снова бросилась на поиски историй об астронавтах, путешественниках во времени и мудрых волшебниках. Люси смотрела ей вслед, совершенно забыв о книжках, которые держала в руках сама. Рассказать об этом Дэвиду, когда он позвонит из Бостона, или не стоит? Не стоит, решила она в итоге.

Странное радио, вот и все.

Забудем об этом.

6

Дэн решил забежать в кафе «Ява-экспресс», взять пару стаканов кофе и навестить Билли Фримана в Игрушечном городке. Хотя работа Дэна на муниципальное управление Фрейзера оказалась недолгой, они поддерживали дружеские отношения. Отчасти их сближал Кейси — начальник Билли и наставник Дэна, — но в основном дружба строилась на взаимной симпатии. Дэну нравилось простое отношение Билли к жизни.

А еще ему нравилось водить поезд «Хелен Ривингтон». Вероятно, снова напоминал о себе тот самый «внутренний ребенок» — Дэн был уверен, что к такому заключению пришел бы любой психоаналитик. Билли обычно охотно передавал ему управление, а в летний сезон делал это даже не без некоторого облегчения. В период между Четвертым июля и Днем труда «Рив» ежедневно проделывал десять десятимильных путешествий до Клауд-Гэпа и обратно, а Билли между тем не молодел.

Идя по газону в сторону Кранмор-авеню, Дэн заметил Фреда Карлинга, сидевшего в тени на скамейке между Ривингтоном и Ривингтоном-2. Санитар, который однажды оставил синяки на руке несчастного Чарли Хейеса, по-прежнему работал в ночную смену, будучи все тем же ленивым грубияном, но теперь старался держаться подальше от того, кого прозвали «Доктор Сон». Дэна такой расклад вполне устраивал.

Карлинг, которому скоро предстояло заступить на дежурство, держал на коленях покрытый жирными пятнами пакет из «Макдоналдса» и жевал «биг-мак». Санитар и Дэн на мгновение встретились взглядами, но даже не поздоровались. Дэн считал Фреда Карлинга ленивой сволочью с садистскими наклонностями, а Карлинг думал о Дэне не иначе как о лицемерном святоше и ханже. Пока их дорожки не пересекались, все обстояло благополучно и никому не грозили неприятности.

Дэн купил кофе навынос (с четырьмя порциями сахара для Билли) и пересек лужайку Общественного центра, где в этот предзакатный час было многолюдно. Фрисби парили в воздухе. Мамы и папы раскачивали своих чад на качелях или ловили, когда они съезжали с горок. На площадке для софтбола шел матч между командами отделения Молодежной христианской ассоциации Фрейзера и спортивного клуба Эннистона, игроки которого выделялись оранжевыми футболками. Дэн заметил Билли еще издали. Привстав на скамейку, тот полировал хромированные детали локомотива. Дэну было хорошо. Он чувствовал себя дома.

А если это не мой дом, подумал он, *то ничего более похожего на него у меня уже никогда не будет. Все, что мне теперь не-*

обходимо, — это жена Салли, сынишка Пит и собака по кличке Ровер.

Он прошел по уменьшенной копии Кранмор-авеню и свернул в тень вокзала Игрушечного городка.

— Привет, Билли! Я принес тебе тот пропитанный кофе сахар, который ты так любишь.

При звуке его голоса самый первый человек, когда-то приветствовавший Дэна во Фрейзере, повернулся.

— Вот это мило! Ты настоящий друг. Стоило мне только подумать, что я бы не отказался... Ох, черт возьми!

Картонный поднос вывалился из рук Дэна. Горячий кофе забрызгал его теннисные туфли, но Дэн этого почти не заметил.

По лицу Билли Фримана ползали мухи.

7

Билли не захотел на следующее утро встретиться с Кейси Кингсли, не пожелал взять выходной, и, *уж конечно*, ни о каком визите к врачу и речи быть не могло. Он твердил Дэну, что чувствует себя превосходно, в отличной форме и у него все тип-топ. В этом году его даже не свалила регулярная простуда, которую он, как правило, подхватывал в июне или июле.

Однако Дэн, который проворочался без сна большую часть ночи, твердо стоял на своем. Он бы не стал так упорствовать, если бы знал, что уже слишком поздно, но как раз в этом он уверен не был. Он слишком часто видел таких мух прежде и уже научился разбираться в значении того, что наблюдал. Если они облепляли лицо так густо, что почти скрывали под слоем своих отвратительно копошащихся телец, надежды не оставалось никакой. Если их насчитывалась дюжина-другая, *что-то* еще можно было предпринять. Еще меньше — и у человека был отличный шанс выкарабкаться. По лицу Билли ползало всего три или четыре насекомых.

Дэн никогда не замечал их на лицах обреченных пациентов хосписа.

Но он очень хорошо запомнил встречу со своей матерью за девять месяцев до ее кончины. В тот день она тоже хорохорилась: говорила, что чувствует себя прекрасно, находится в отменной физической форме и бодра, как никогда. *На что это ты так смотришь, Дэнни?* — спросила Уэнди Торранс. *У меня на лице кетчуп?* И она комичным движением потерла себе кончик носа, проведя рукой прямо по сотням трупных мух, покрывавших ее лицо от подбородка до лба подобием густой черной вуали.

8

Кейси привык к роли увещевателя и посредника. Не обделенный чувством юмора, он любил доверительно сообщать, что за эти способности ему и платят шестизначную годовую зарплату.

Сначала он выслушал Дэна. Затем — Билли, который громко протестовал, заявляя, что никак не может сейчас взять даже краткосрочный отпуск. Ведь люди выстраивались в очередь к кассе поезда с восьми утра, чтобы успеть на первый же рейс. Кроме того, ни один врач не примет его без предварительной записи. У них, знаете ли, тоже сейчас пик сезона.

— Когда ты в последний раз проходил обследование? — спросил Кейси, как только красноречие Фримана иссякло.

Дэн и Билли стояли перед его рабочим столом. Кейси откинулся на стуле. Его голова покоилась на привычном месте под нижним концом деревянного креста. Пальцы рук он сплел на животе.

Билли сразу принял оборонительную стойку.

— Вроде в шестом году. И тогда со мной все было отлично, Кейс. Врач еще сказал, что у меня давление ниже, чем у него самого.

Кейси перевел взгляд на Дэна. В его глазах читался немой вопрос, любопытство, тревога, но никак не недоверие. Члены АА по большей части помалкивали, не посвящая обитателей внешнего мира в детали, но внутри групп хватало разговоров,

пересудов и даже сплетен. Никто себя не ограничивал, а потому до Кейси дошли слухи, что способность Дэна Торранса помогать смертельно больным людям достойно покидать этот мир не была его *единственным* талантом. Болтали, что у Дэна Т. временами случались вспышки интуиции неустановленного характера. И порой они были весьма полезными.

— Ты же приятель Джона Долтона, верно? — спросил он Дэна сейчас. — Того педиатра?

— Да. Вижусь с ним каждый четверг в Норс-Конвее.

— У тебя, случайно, нет номера его телефона?

— Случайно есть, — ответил Дэн. Список контактных номеров АА занимал последние страницы того самого блокнота, который ему когда-то подарил Кейси.

— Тогда позвони ему. Попроси похлопотать, чтобы кто-то осмотрел этого упрямца как можно скорее. Ты, случайно, не знаешь, что за специалист ему нужен? Уж точно не педиатр, в его-то возрасте.

— Послушай, Кейси... — начал Фриман.

— Помолчи! — шикнул на него Кингсли и снова повернулся к Дэну. — Подозреваю, тебе известно, в чем у него проблема. Полагаю, легкие? Еще бы, он ведь дымит как паровоз!

Дэн решил, что зашел слишком далеко, чтобы теперь идти на попятную. Он вздохнул и сказал:

— Нет, я думаю, что-то с желудочно-кишечным трактом.

— Если не считать легкого несварения, мой желудок в полном...

— Помолчи, я сказал! — Кейси продолжил разговор с Дэном: — Значит, пусть им займется врач по кишкам. Намекни Джонни Ди, что для нас это очень важно. — И после паузы спросил: — Он тебе доверяет?

На подобный вопрос Дэну было ответить легче легкого. За годы в Нью-Гэмпшире он помог нескольким товарищам по АА, и хотя настоятельно просил их никому не рассказывать об этом, догадывался, что не все сумели удержаться. Сейчас он был только счастлив, что Джон Долтон стал одним из них.

— Думаю, что да.

— Решено. — Кейси повернулся к Билли. — Ты получаешь день оплачиваемого отпуска. Больничный.

— А как же «Рив»?

— В этом городе хватает людей, которые умеют им управлять. Мне стоит только позвонить. А в первый рейс отправлюсь сам.

— Но твое бедро...

— К чертям собачьим мое бедро! Денек вне стен этого подвала пойдет мне только на пользу.

— Но, Кейси, я же чувствую себя пре...

— Мне плевать, даже если ты чувствуешь себя способным добежать отсюда до озера Уиннипесоки. Ты идешь на прием к доктору, и точка!

Билли бросил на Дэна полный упрека взгляд.

— Видишь, во что ты меня втравил? Я даже остался без утреннего кофе.

Сегодня мух на лице Билли не было видно, но только они никуда не делись. Дэн отлично знал, что стоит ему сконцентрироваться, и он снова увидит их, если захочет. Но только кому, ради всего святого, *захотелось бы* это увидеть?

— Да, я кругом виноват, — сказал Дэн. — Жизнь — дерьмо, и она потеряла для тебя всякий смысл. Могу я воспользоваться вашим телефоном, Кейси?

— Сделай одолжение, — ответил тот. — А я пока пройдусь до вокзала и посмотрю, как продаются билеты. Билли, у тебя найдется для меня кепка машиниста?

— Нет.

— Возьмите мою, — предложил Дэн.

9

Для организации, не рекламирующей свою деятельность, ничем не торгующей и живущей исключительно на смятые долларовые бумажки, которые ее члены бросали в пускаемые по кругу корзинки или бейсбольные кепки, «Анонимные алкоголики» приобрели удивительно могущественное, пусть и тихое, влияние, распространившееся далеко за пределы арендуемых залов и церковных подвалов, где проходят их мероприятия. *Не*

сеть бывших однокашников, подумал Дэн, *а сообщество бывших пьяниц*.

Он позвонил Джону Долтону, а Джон связался со специалистом по заболеваниям внутренних органов Грегом Феллертоном. Феллертон не участвовал в Программе, но был перед Джонни Ди в долгу. Дэн не знал, в чем тут дело, и не слишком этим интересовался. Интересовало его то, что в тот же день Билли Фриман оказался на смотровом столе в кабинете Феллертона, который практиковал в Льюистоне. От Фрейзера до Льюистона было семьдесят пять миль, и Билли дулся на Дэна всю дорогу.

— Ты уверен, что тебя беспокоит только несварение? — спросил Дэн, когда они уже заезжали на небольшую стоянку перед клиникой Феллертона на Пайн-стрит.

— Уверен, — ответил Билли, но потом с неохотой добавил: — В последнее время стало немного хуже, но все равно я прекрасно сплю по ночам.

Лжец, подумал Дэн, но ничего не сказал. Он знал, с каким упертым сукиным сыном ему придется иметь дело.

Дэн сидел в приемной и листал журнал «OK!» с фотографией принца Уильяма и его очаровательной, но слишком тощей невесты на обложке, когда из-за двери кабинета в конце коридора донесся отчаянный крик боли. Через десять минут Феллертон вышел и присел рядом с Дэном. Бросив взгляд на обложку журнала, доктор сказал:

— Этот парень, может, и наследник британского престола, но к сорока годам все равно будет лысым как бильярдный шар.

— Да, похоже, вы правы.

— Разумеется, я прав. Судьбами людей правит генетика. Я отправляю вашего друга в центральную больницу штата Мэн на компьютерную томографию. Хотя заранее знаю, что она покажет. И если я прав, завтра утром мистеру Фриману предстоит встреча с хирургом и небольшая операция.

— Что с ним такое?

Билли как раз шел к ним по коридору, застегивая пряжку на ремне. Его загорелое лицо приобрело болезненный землистый оттенок и блестело от пота.

— Он говорит, что у меня пузырь в аорте, как вздутие на автомобильной шине. Только шины не орут, если ткнуть в них пальцем.

— Аневризма, — сказал Феллертон. — Конечно, нельзя исключать и опухоль, но я так не думаю. В любом случае время крайне дорого. Эта хреновина уже размером с шарик для пинг-понга. Очень хорошо, что вы привезли его на осмотр. Если бы она лопнула, а рядом не оказалось больницы...

Феллертон покачал головой.

10

Томография подтвердила диагноз, поставленный Феллертоном, и уже в шесть вечера Билли лежал на больничной койке, как-то сразу сделавшись меньше. Дэн сидел рядом.

— Умираю, как хочется курить, — с тоской сказал Билли.

— Прости, но ничем не могу помочь.

Билли вздохнул:

— Наверное, все равно пришло время бросать. А тебя не хватятся в Ривингтоне?

— Я взял выходной.

— И нашел отличный способ, чтобы провести его. Знаешь, что я тебе скажу? Если завтра здешние эскулапы не прикончат меня своими ножами и вилками, я, должно быть, буду жизнью тебе обязан. Не знаю, как ты догадался, но теперь, если тебе понадобится любая помощь — и я говорю серьезно, любая! — только попроси.

Дэн вспомнил, как десять лет назад сошел с автобуса, когда в воздухе кружили снежинки, нежные словно фата. Вспомнил свой восторг при виде локомотива, тянувшего поезд «Хелен Ривингтон». А еще о том, как этот грубоватый с виду человек спросил, нравится ли ему железная дорога, вместо того чтобы накричать на постороннего и потребовать, чтобы он и близко не приближался к поезду. Всего лишь немного доброты, но именно этот, казалась бы, пустяк открыл ему путь ко всему, что он имел сейчас.

— Билли, дружище! Это я перед тобой в долгу. Причем в таком, который никогда и ничем не смогу оплатить.

11

За годы трезвости он сделал странное наблюдение. Если в его жизни случалось что-то дурное — как, например, в 2008 году, когда ночью кто-то камнем разбил заднее стекло его машины, — ему редко хотелось выпить. Но стоило всему наладиться, как давала о себе знать застарелая тяга к спиртному. Вот и тем вечером, попрощавшись с Билли и направляясь домой из Льюистона, где все теперь обещало закончиться благополучно, он заметил придорожный бар, называвшийся «Ковбойский сапог», и почувствовал почти нестерпимое желание зайти туда. Взять большой кувшин пива и наменять четвертаков, чтобы хватило на час работы музыкального автомата. Просто посидеть там, слушая Дженнингса, Джексона, Хаггарда, ни с кем не разговаривать, не ввязываться ни в какие свары и получать удовольствие. Чувствуя, как тяжесть трезвого образа жизни, который действительно порой казался свинцовыми башмаками на ногах, постепенно уходит. А на последние монеты он бы завел «Виски сводит меня с ума» раз шесть подряд.

Проехав мимо заведения, он свернул на обширную стоянку перед располагавшимся чуть дальше «Уолмартом» и раскрыл свой сотовый телефон. Долго держал палец над номером Кейси, но потом вспомнил их последний, трудный разговор в кафе. Кейси, вероятно, захочет вернуться к нему, и в особенности к секрету, который, как он был убежден, Дэн по-прежнему держит в себе. Это сейчас было бы некстати.

Чувствуя себя раздвоившимся, он вернулся к придорожному бару и припарковался на грязной стоянке. Он был в полном порядке. Он словно только что достал заряженный пистолет и приставил себе к виску. Сквозь открытое окно машины он мог слышать живую музыку: «Любовную ложь» «Дирейлерз». Играли ребята совсем недурно, а после пары порций спиртного их музыка и вовсе покажется отличной. В баре наверняка найдутся девицы, которые не откажутся потанцевать. Леди с кудряшками, леди с жемчужными сережками, леди в коротких юбках и ковбойских рубашках. Таких можно было увидеть в любом баре. А еще интересно, какие сорта виски у них разливают. Боже,

Боже, Боже, какую жажду он сейчас испытывал! Он открыл дверь, опустил одну ногу на землю, но остался сидеть, низко склонив голову.

Десять лет. Десять *хороших* лет, которые он мог перечеркнуть в ближайшие десять минут. И сделать это легче легкого. *Как пчеле собирать мед.*

Тайны есть у всех. Однажды тебе придется открыть кому-то свою. А если ты этого не сделаешь, то рано или поздно окажешься за стойкой бара со стаканом в руке.

И я все смогу свалить на тебя, Кейси, злобно подумал он. *Я смогу смело утверждать, что именно ты натолкнула меня на эту мысль, когда мы пили кофе в «Санспоте».*

Над входом мерцала неоном завлекательная реклама: «КУВШИН «МИЛЛЕРА» ЗА ДВА ДОЛЛАРА ДО ДЕВЯТИ ВЕЧЕРА. МЫ ЖДЕМ ВАС!»

Дэн захлопнул дверцу машины, снова взялся за телефон и позвонил Джону Долтону.

— Как там твой приятель? — спросил Джон.

— Спит на больничной койке, а завтра в семь утра им займутся. Джон, мне хочется выпить.

— *О не-е-е-т!* — воскликнул Джон дрожащим фальцетом. — *Только не спиртное!*

И в одно мгновение желание выпить пропало. Дэн рассмеялся.

— Отлично! Как раз то, что мне было нужно. Но если ты еще раз попробуешь изобразить Майкла Джексона, я *точно* надерусь.

— Знал бы ты, как блестяще я пою «Билли Джин». Я гений караоке. Можно вопрос?

— Валяй. — Через лобовое стекло Дэн видел клиентов «Ковбойского сапога», обсуждавших явно не творчество Микеланджело.

— Тот твой талант... Выпивка каким-то образом... даже не знаю... заглушала его?

— Убивала наповал. Прикладывала подушку к лицу и душила.

— А что с ним сейчас?

— Сейчас я, подобно Супермену, бросаю всю свою силу на защиту правды, справедливости и американского образа жизни.

— То есть ты не хочешь говорить об этом?

— Нет, — признал Дэн. — Совершенно не хочу. Скажу только одно: сейчас стало лучше. Лучше, чем когда-либо прежде. Вот когда я был подростком...

Он замолк. Когда он был подростком, каждый день превращался в борьбу с подступавшим вплотную безумием. Голоса, звучавшие в его голове, были ужасны, но возникавшие образы зачастую оказывались гораздо хуже. Он дал обещание матери и самому себе никогда не пить так, как пил отец, но стоило ему впервые в старших классах попробовать спиртное, как пришло невероятное облегчение — поначалу — и он лишь жалел, что так долго тянул. Утреннее похмелье не шло ни в какое сравнение с ночными кошмарами. Все это вело к вопросу: до какой степени он был *сыном своего отца*? И насколько был похож на него?

— Так что же происходило, когда ты был подростком? — спросил Джон.

— Ничего. Теперь это уже не важно. Слушай, мне бы лучше уехать отсюда. Я ведь стою на парковке перед баром.

— В самом деле? — В голосе Джона появился интерес. — Перед каким?

— «Ковбойским сапогом». У них кувшин по два бакса до девяти вечера.

— Дэн.

— Слушаю тебя, Джон.

— Мне это место знакомо еще со старых времен. Если все-таки вздумаешь спустить свою жизнь в унитаз, то не начинай, пожалуйста, там. Женщины у них похожи на обдолбанных скунсов, а мужской туалет провонял заплесневелыми суспензориями. «Сапог» — это самое дно.

Опять это слово.

— Каждый из нас уже однажды побывал на самом дне, не так ли? — спросил Дэн.

— Убирайся оттуда скорее. — Теперь Джон говорил совершенно серьезно. — Уезжай сию же секунду. Не надо там и близ-

ко околачиваться. И оставайся на связи со мной, пока большой неоновый сапог у них на крыше не пропадет из твоего зеркала заднего вида.

Дэн завел двигатель и выехал со стоянки на шоссе 11.

— Он удаляется, — говорил он в трубку, — удаляется... и-и-и... Все, больше я его не вижу.

Он ощущал непонятное облегчение. И разочарование — сколько кувшинов по два доллара он успел бы заказать до девяти!

— Надеюсь, ты не собираешься купить упаковку пива или бутылку вина по пути домой во Фрейзер?

— Нет. Я теперь в порядке.

— Тогда увидимся в четверг вечером. Приезжай пораньше, я сварю нам настоящий кофе. «Фолгерс», из моего неприкосновенного запаса.

— Буду непременно, — сказал Дэн.

12

Когда он вошел в свою комнату-башню и включил свет, на доске красовалась новая надпись:

Я прекрасно провела день!
Твой друг
АБРА

— Это замечательно, детка, — сказал Дэн. — Рад за тебя.

Дзззз! Домофон. Он подошел к нему и нажал кнопку «Ответ».

— Привет, Доктор Сон, — сказала Лоретта Эймс. — Значит, ты действительно вернулся. Насколько я понимаю, у тебя формально еще выходной, но не навестишь ли ты одного из наших гостей?

— Кого? Мистера Кэмерона или мистера Маррея?

— Кэмерона. Аззи сидит у него с самого обеда.

Комната Бена Кэмерона располагалась на третьем этаже Ривингтона-1. Восемьдесят три года, бывший бухгалтер, застойная сердечная недостаточность. На редкость приятный старик. Бессменный чемпион хосписа по игре в скрэббл и бесподобный тактик в парчизи*: его блокады всегда выводили противников из себя.

— Я сейчас спущусь, — сказал Дэн. Прежде чем выйти из комнаты, он остановился, чтобы еще раз бросить взгляд на надпись. — Спокойной тебе ночи, милая.

В следующий раз Абра Стоун появится в его жизни лишь через два года.

И в течение этих двух лет в кровеносной системе членов Истинного Узла будет дремать нечто — прощальный «подарок» от Брэдли Тревора, известного также как «мальчик-бейсболист».

* Национальная индийская настольная игра. С 1990 г. стала популярной в Европе и США.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПУСТЫЕ ДЬЯВОЛЫ

Глава 7
«ВЫ МЕНЯ НЕ ВИДЕЛИ?»

1

Однажды в августе 2013 года Кончетта Рейнолдс проснулась ранним утром в своей просторной квартире в Бостоне. Как обычно, ей сразу бросилось в глаза отсутствие собаки, которая не лежала больше, свернувшись в углу возле комода. Бетти скончалась несколько лет назад, но Четта все еще тосковала по ней. Надев халат, она направилась в кухню, где собиралась приготовить себе первую чашку кофе. Она делала путь тысячи раз, и у нее не было причин ожидать каких-либо происшествий. И уж конечно, ей и в голову не приходило, что это станет первым звеном в целой цепочке весьма прискорбных событий. Как она позже расскажет своей внучке Люси, она не споткнулась и ни обо что не ударилась. Просто услышала совершенно невинный хруст, донесшийся откуда-то снизу справа, — и вдруг оказалась на полу, а ее ногу охватила пылающая боль.

Так она пролежала минуты три, глядя на свое размытое отражение в полированном паркете, отчаянно желая, чтобы боль утихла. И все это время вела внутренний разговор сама с собой. *Какой же надо быть глупой старухой, чтобы жить без компаньонки. Дэвид твердил последние пять лет, что я уже не в том возрасте, когда можно оставаться в полном одиночестве. Придется теперь признать его правоту.*

Но для компаньонки потребовалась бы постоянная комната, которую Четта берегла для Люси и Абры, ведь в их визитах заключался смысл ее жизни. Особенно теперь, когда не стало Бетти, а ее поэтический источник, кажется, полностью иссяк. И пусть ей уже было девяносто семь, она легко со всем

управлялась сама и чувствовала себя отлично. Что значит хорошие гены по материнской линии! Ведь ее собственная Момо схоронила четверых мужей и семерых детей и прожила сто два года.

Хотя если не кривить душой (особенно перед собой), этим летом ее самочувствие оставляло желать лучшего. Этим летом все стало как-то... по-другому.

Когда боль действительно унялась — самую малость, — она поползла по короткому коридору в сторону кухни, которую уже заливали первые лучи солнца. Это было красиво, хотя, лежа на полу, она едва ли могла в полной мере оценить прелести розового света. Каждый раз, когда боль снова становилась непереносимой, она останавливалась и клала голову на свою костлявую руку, чтобы отдышаться и прийти в себя. Во время этих передышек она размышляла о семи возрастах человека и о том, как они образовывали почти идеальный (в своем идиотизме) замкнутый круг. Вот так же ползком перемещалась она в четвертый год Первой мировой войны, которую словно в насмешку называли «войной за то, чтобы навсегда покончить с войнами»! Потом Кончетта Абруцци ползком кралась по двору дома своих родителей — фермеров из Даволи, — чтобы поймать одну из куриц, которые легко убегали от нее. А выбравшись из того пыльного захолустья, она начала совсем другую жизнь, деятельную, интересную, плодотворную. Она опубликовала двадцать поэтических сборников, пила чай с Грэмом Грином, ужинала в гостях у двух президентов США, но превыше всего ценила то, что Господь наградил ее красивой, умной и странным образом одаренной правнучкой. И чем же заканчивались эти славные страницы истории ее жизни?

Снова ползком, вот чем. Все вернулось к началу. Dio mi benedica*.

Она добралась до кухни, проползла через овальное пятно солнечного света и оказалась рядом с небольшим столиком, за которым, как правило, ела три раза в день. На нем лежал ее мобильный телефон. Четта ухватилась за ножку стола и трясла его до тех пор, пока телефон не свалился на пол. И при этом,

* Благослови меня, Господи (*ит.*).

meno male*, не разбился вдребезги, как она опасалась. Она набрала номер, который ей дали как раз на случай подобного дерьма, а потом пришлось ждать, проклиная весь технологический абсурд XXI века, пока механический голос предупреждал, что все разговоры записываются.

Наконец, слава Пресвятой Деве Марии, раздался голос нормального человека:

— Служба «Девять-один-один» слушает. Что у вас произошло?

Лежавшая на полу женщина, которая много десятилетий назад охотилась за курицами на юге Италии, произнесла четко и ясно, несмотря на сильную боль:

— Меня зовут Кончетта Рейнолдс. Я живу на четвертом этаже в доме номер двести девятнадцать по Мальборо-стрит. Кажется, я сломала бедро. Не могли бы вы прислать «скорую помощь»?

— С вами сейчас кто-нибудь есть, миссис Рейнолдс?

— В наказание за мои грехи никого нет. С вами говорит глупая старуха, которая считала, что прекрасно проживет одна. И между прочим, я предпочитаю называться «мисс Рейнолдс».

2

Люси она позвонила незадолго до того, как ее на больничной каталке перевезли в операционную.

— Я сломала бедро, но врачи могут все исправить, — сказала Кончетта. — По-моему, в таких случаях вставляют стальной стержень или что-то в этом роде.

— Ты упала, Момо? — спросила Люси, сразу же подумав об Абре, которой еще неделю предстояло провести в летнем лагере.

— О да, я упала, и еще как! Но перелом, вызвавший падение, произошел совершенно спонтанно. Как я понимаю, такое часто случается с людьми в моем возрасте, а поскольку в наши дни до моих лет доживают многие, докторам приходится постоянно сталкиваться с подобными проблемами. Нет никакой необхо-

* К счастью (*ит.*).

димости приезжать ко мне прямо сейчас, но, думаю, ты все равно захочешь приехать. Нужно обсудить кое-какие детали.

Люси почувствовала холод где-то внизу живота.

— Какого рода детали?

Уже накачанная валиумом, или морфием, или что там они в нее вкололи, Кончетта нисколько не волновалась.

— По всей видимости, перелом бедра — наименее серьезная из моих проблем.

Она объяснила, в чем дело, на что ушло совсем немного времени. Закончила словами:

— Только не говори ни о чем Абре, *cara*. Я получила от нее десятки электронных писем и даже одно *настоящее*, и, кажется, ей хорошо в летнем лагере. Пусть узнает как можно позже, что старушка Момо завершает свой земной путь.

Люси подумала: *И она всерьез считает, что от Абры можно что-то скрыть?*

— Для того чтобы прочитать твои мысли, не обязательно быть экстрасенсом, *amore*. Но вдруг случится так, что на этот раз плохие новости не дойдут до нее?

— Что ж, может быть, — сказала Люси.

Она едва успела положить трубку, как телефон снова зазвонил.

— Мама? Мамочка! — Это была Абра, и она плакала. — Я хочу побыстрее вернуться домой. У Момо рак, и я хочу домой.

3

Вернувшись досрочно из летнего лагеря «Тапауинго» в штате Мэн, Абра получила прекрасное представление о том, как живут ее сверстники, чьи родители развелись. Они с мамой провели две последние недели августа и первую неделю сентября в квартире Четты на Мальборо-стрит. Старушка сравнительно легко перенесла операцию на бедре и отказалась задержаться в больнице, равно как и отказалась от лечения рака поджелудочной железы, который нашли у нее медики.

— Никаких таблеток, никакой химиотерапии. Девяносто семь лет! Я достаточно пожила на этом свете. Что касается тебя,

Люси, то я запрещаю тебе проводить следующие шесть месяцев, принося мне на подносе в постель еду и лекарства. У тебя есть своя семья, а я вполне могу позволить себе нанять круглосуточную сиделку.

— Ты не проведешь последние дни своей жизни в окружении посторонних людей, — возразила на это Люси тоном, который не допускал ни малейших возражений.

Абра и ее отец знали, что спорить с ней после этого бесполезно. Не решилась ей перечить и Кончетта.

Вопрос местонахождения Абры даже не обсуждался. С девятого сентября у нее начинался учебный год в восьмом классе средней школы Эннистона. Так сложилось, что Дэвиду Стоуну как раз предоставили творческий отпуск для написания давно задуманной книги, в которой он проводил анализ «бурных двадцатых», сравнивая их с «неистовыми шестидесятыми». И получилось, что, подобно многим девочкам, с которыми познакомилась в лагере, Абра теперь курсировала между своими родителями. Всю рабочую неделю она жила в Эннистоне с отцом и ходила в школу, а выходные проводила в Бостоне с Люси и Момо. Она считала, что ничего хуже быть не может... но жизнь богата неприятными сюрпризами.

4

Дэвид Стоун, хотя теперь работал дома, никогда не ходил к почтовому ящику, чтобы достать полученную корреспонденцию. При этом он заявлял, что почта США превратилась в обслуживающую саму себя бюрократическую организацию и перестала выполнять свои функции еще на рубеже тысячелетий. Лишь временами приходила посылка с книгой, которую он выписывал для работы, или, чаще, бандероли с каталожными покупками Люси, но все остальное, как утверждал Дэвид, было сплошным рекламным мусором.

Когда дома была Люси, она открывала почтовый ящик и просматривала полученное за утренней чашкой кофе. В основном приходила действительно всякая ерунда, которая отправлялась прямиком в помойку. Но в начале сентября Люси дома

не бывала, и потому Абра — теперь номинальная хозяйка — проверяла почту на обратном пути из школы. Она же мыла посуду, дважды в неделю стирала их с отцом вещи и иногда включала пылесос, если не забывала об этом. Она взяла на себя все домашние хлопоты совершенно безропотно, потому что знала, что Люси опекает Момо, а книга отца крайне важна для него. Он подчеркивал, что пишет БЕЛЛЕТРИСТИКУ, а не НАУЧНЫЙ ТРУД. Если книга будет иметь успех, он сможет перестать преподавать и заняться профессиональным писательством, по крайней мере на какое-то время.

В тот день, 17 сентября, в почтовом ящике обнаружился рекламный буклет «Уолмарта», открытка с объявлением об открытии в городе нового зубоврачебного кабинета («ВАША УЛЫБКА — НАША ЗАБОТА!») и два глянцевых листка от местных торговцев недвижимостью, предлагавших таймшеры на горнолыжном курорте Тандер.

Но пришла и местная газетенка, которая называлась «Эннистон шопер». На первых двух страницах она печатала заметки телеграфных агентств, а в середине — несколько местных репортажей (с упором на новости спорта). Остальную площадь занимали объявления и разного рода купоны. Будь Люси дома, она непременно вырезала бы пару купонов со скидками, а потом швырнула газету в мусор. Абра никогда бы ее не увидела. Но сегодня она попалась Абре на глаза.

Она неспешно пролистала газету, идя обратно к дому, а потом обратила внимание на последнюю полосу. На ней были напечатаны сорок или пятьдесят фотографий размером с почтовую марку. Большинство в цвете, хотя попадались и черно-белые. Поверх тянулся заголовок:

«ВЫ МЕНЯ НЕ ВИДЕЛИ?»
Еженедельное приложение к «Эннистон шопер»

Сначала Абра подумала, что в городе проводился какой-то конкурс, вроде сбора макулатуры. И перед ней портреты победителей. Но потом до нее дошло, что со снимков смотрели пропавшие дети, и словно чья-то рука проникла к ней в желудок и выжала его, как мокрую тряпку. В кафетерии после обеда она

купила три печенья «Орео», чтобы съесть по дороге домой. И теперь эта рука подтолкнула съеденные сладости к самому горлу.

Не смотри на них, если это так неприятно, сказала она себе жестким, приказным внутренним голосом, который часто пускала в ход, когда сильно расстраивалась или смущалась (голосом Момо, хотя сама Абра не понимала этого). *Просто выброси в гаражный мусорный бак вместе с остальными отходами.* Но *не смотреть* на снимки оказалось выше ее сил.

Там была Синтия Абелард, д.р. 9 июня 2005 г. Абра сообразила, что «д.р.» означает «дата рождения». Стало быть, Синтии уже исполнилось восемь. При том условии, что она жива. Она значилась в списках без вести пропавших с 2009 года. *Как может у кого-то пропасть четырехлетний ребенок?* — задумалась Абра. Наверное, у нее совсем никчемные родители. Хотя, вполне возможно, родители *вовсе не теряли* дочку. Вероятно, в их районе крутился какой-нибудь преступник, заметил девочку и похитил.

Или Мертон Аскью, д.р. 4 сентября 1998 г. Он исчез в 2010 году.

Здесь же, примерно посередине газетной страницы, располагалось фото красивой маленькой латиноамериканки по имени Анхель Барбера, которая пропала из родительского дома в Канзас-Сити в возрасте семи лет, и случилось это девять лет назад. *Неужели ее родители еще надеются, что крохотная фотография поможет им вернуть дочь?* — подумала Абра. Узнают ли они ее, если найдут? Как, впрочем, и *она их*?

Немедленно избавься от этого, сказал голос Момо. *У тебя своих забот достаточно, чтобы разглядывать снимки десятков пропавших де...*

Но в этот момент ее взгляд уперся в фотографию, располагавшуюся в самом нижнем ряду, и она издала какой-то странный звук. Уж не стон ли? Поначалу Абра даже не поняла, в чем дело, хотя почти сразу догадалась. Так иногда вертится в голове предложение, которое ты хочешь использовать в сочинении по английскому, но не можешь сразу вспомнить, хотя чертова фраза буквально сидит на кончике языка.

Это был портрет белого паренька с короткой стрижкой и широченной — рот до ушей — улыбкой. Ей показалось, что она

даже разглядела веснушки на его щеках. Фото было слишком мелкое, чтобы быть уверенной, но...

(*у него веснушки ты отлично знаешь это*)

В общем, Абра знала. Да, веснушки, из-за которых его дразнили старшие братья, а мать утешала и говорила, что они скоро пройдут.

— А еще она уверяла его, что веснушки приносят удачу, — прошептала Абра.

Брэдли Тревор, д.р. 2 марта 2000 г. Пропал без вести 12 июля 2011 г. Европеоид. Место жительства: Бэнкертон, штат Айова. Возраст в настоящее время: 13 лет. И в самом низу, как и под каждой из фотографий улыбающихся детишек: *Если вы имеете основания полагать, что видели Брэдли Тревора, свяжитесь с Национальным центром по делам детей, пропавших без вести и подвергшихся эксплуатации.*

Вот только по поводу Брэдли никто с ними не свяжется, потому что его уже никто не увидит. И ему так и не исполнилось тринадцати лет. Жизнь Брэдли Тревора оборвалась в одиннадцать. Она остановилась, как разбитые часы, которые показывают одно и то же время круглые сутки. Абра поймала себя на странной мысли: пропадают ли у мертвых веснушки, когда они лежат под землей?

— Мальчик-бейсболист, — прошептала она.

Вдоль подъездной дорожки к их дому были высажены цветы. Абра наклонилась, упершись ладонями в колени, ощущая, как внезапно потяжелел рюкзак на спине, и печенье вместе с полупереваренным школьным обедом оказалось на астрах, посаженных матерью. Убедившись, что ее не стошнит еще раз, она пошла в гараж и сунула почту в бак для отходов. Всю сегодняшнюю почту.

Ее отец был прав. Сплошной мусор.

5

Дверь небольшой комнаты, превращенной отцом в кабинет, стояла открытой, и когда Абра задержалась на кухне у раковины, чтобы прополоскать рот от неприятного прогорклого привкуса

шоколадного печенья, то услышала размеренные щелчки клавиатуры его компьютера. Это был добрый знак. Когда щелчки замедлялись или прекращались вовсе, он, как правило, находился в дурном расположении духа. И начинал обращать на дочь больше внимания. А ей сегодня вовсе не хотелось, чтобы на нее обращали внимание.

— Абба-Ду, вас ли в доме я найду? — почти пропел отец.

В другое время она бы в очередной раз попросила его прекратить называть ее этим детским именем, но не сейчас.

— Ага.

— В школе все хорошо?

Череда *клик-клик-кликов* прервалась. *Пожалуйста, только не выходи*, взмолилась она мысленно. *Не выходи из кабинета, чтобы посмотреть на меня и пристать с расспросами, почему я такая бледная и все такое.*

— Все отлично. Как продвигается твоя книга?

— У меня выдался удачный денек, — ответил он. — Как раз пишу про чарльстон и блэк-боттом. Вуди-дади-да. — Абра не поняла толком, о чем он говорит. Однако кликанье возобновилось. Слава тебе Господи!

— Прекрасно, — сказала она, сполоснула стакан и поставила в сушилку. — Я пойду наверх и займусь домашним заданием.

— Умная девочка. В восемнадцать тебя ждет Гарвард.

— Конечно, папочка.

А почему бы и нет? Что угодно, лишь бы не могила в Бэнкертоне, штат Айова, в одиннадцать.

6

Но только отвлечься никак не удавалось.

Потому что.

Почему же? Почему — что? Потому что...

Потому что есть вещи, которые я могла бы сделать.

Она некоторое время переписывалась с Джессикой, но потом подруга отправилась вместе с родителями в Норс-Конвей, чтобы поужинать в «Панда гарден». Абре ничего не оставалось,

как открыть учебник обществоведения. Им задали четвертую главу — двадцать страниц скукотищи на тему «Как работает наше правительство». Однако книга сама собой раскрылась на разделе «Твои гражданские обязанности».

О Боже, если и существовало слово, которое она не хотела сегодня видеть и слышать, то это было слово *«обязанности»*. Она зашла в ванную, чтобы выпить еще воды, потому что во рту оставался противный привкус, но вдруг уставилась на себя в зеркало, разглядывая собственные веснушки. Их и насчитывалось всего-то три: одна на левой щеке и парочка на носу. Совсем не так уж плохо. По части веснушек ей повезло. Не было у нее и родимого пятна, как у Бетани Стивенс, или глаз навыкате, как у Нормана Макгинли. Она не заикалась, подобно Джинни Уитлоу, и родители не наградили ее дурацким именем, как Пенса Эффершема. Конечно, имя Абра тоже не совсем обычное, но с ним можно было смириться — большинство считало его интересным, а не глупым, как, например, у бедняги Пенса, которого мальчишки называли между собой исключительно Пенисом Пенсом (что, естественно, не укрылось от девчонок).

И что важнее всего, меня не резали на части психи, не обращавшие внимания на крики и просьбы остановиться. Мне не довелось увидеть перед смертью, как они слизывают с ладоней мою кровь. Абба-Ду, да ты просто счастливица!

Хотя, быть может, не так уж ей и повезло. По-настоящему счастливые люди не знали того, чего им знать не следовало.

Она прикрыла крышку унитаза, села на него и тихо заплакала, спрятав лицо в ладонях. Неотвязные мысли о Брэдли Треворе и о том, какой ужасной была его смерть, были очень грустными. Но помимо Брэдли оставались другие дети, другие фотографии, которых накопилось столько, что газете пришлось напечатать их мелко и тесно, как на групповом снимке класса, восставшего из потустороннего мира. Все эти щербатые улыбки и глаза, еще более наивные, чем сама Абра. А что знала о жизни Абра? Почти ничего. Она даже не ведала, как работает правительство этой страны.

Что чувствовали родители всех этих пропавших детишек? Как могли они продолжать жить после того, что случилось? Наверное, Синтия, или Мертон, или Анхель были первыми, о

ком они думали, проснувшись утром, и последними, о ком вспоминали, ложась спать. Сохраняли ли они их комнаты, рассчитывая, что дети в любую минуту могут внезапно вернуться, или уже раздали их одежду и игрушки благотворительным организациям? Абра слышала, что именно так поступили родители Ленни О'Миры, когда их дочка упала с дерева, ударилась головой о камень и умерла. Да, Ленни О'Мира. Доучилась до пятого класса, а потом раз... и ее не стало. Но, конечно же, родители Ленни определенно знали, что она мертва, у них была могила, куда они могли прийти и возложить цветы, а это, наверное, совсем меняет дело. Быть может, и нет, но Абре почему-то казалось, что это совершенно иная ситуация. Потому что тем, другим родителям оставалось лишь гадать. Например, ты завтракаешь, а сама думаешь, что твой пропавший ребенок

(*Синтия Мертон Анхель*)

тоже сейчас где-то завтракает, или запускает воздушного змея, или собирает апельсины на плантации вместе с нелегальными иммигрантами, или делает что-то там еще. В глубине души ты можешь даже не сомневаться, что он уже мертв. Ведь именно так случается с большинством пропавших детей (достаточно посмотреть несколько выпусков «Криминальной хроники», которую показывают в шесть часов вечера), но ты ни в чем не уверен окончательно.

И Абра ничего не могла поделать, чтобы развеять сомнения родителей Синтии Абелард, Мертона Аскью или Анхель Барберы, потому что ничего не знала об их судьбах, но вот с Брэдли Тревором все обстояло иначе.

А ведь она почти смогла забыть о нем, и тут эта глупая *газетенка*... эти глупые *фотографии*. И вернувшиеся к ней воспоминания. Память о том, чего она вроде бы даже не могла помнить. Словно эти снимки всколыхнули что-то в ее подсознании...

И конечно, она на многое была способна. Она обладала возможностями, о которых никогда не рассказывала родителям, чтобы не тревожить. Как не рассказала о свидании с Бобби Фланнаганом, на которое пошла однажды после занятий в школе. Свидании вполне невинном. Никаких засосов и прочего. Но это было нечто такое, о чем они *и знать* не хотели. Абра дога-

дывалась (и была близка к истине, хотя и не прибегала ни к какой телепатии), что в представлении родителей она как бы застыла в развитии после восьми лет и ничего не изменится до тех пор, пока у нее хотя бы не вырастет грудь. По крайней мере заметная.

Они до сих пор не отважились даже на РАЗГОВОР с ней. Джули Вандовер говорила, что обычно этим занимается мать. Она должна просветить дочь о некоторых интимных сторонах жизни и прочесть ей лекцию о том, как себя вести. Но единственная лекция, которую Абре прочитала Люси, касалась ее обязанностей по дому и необходимости выставлять мусорный бак на тротуар для вывоза по четвергам перед уходом в школу.

— Мы же не требуем от тебя слишком многого, — сказала тогда Люси. — А нынешней осенью очень важно, чтобы каждый вносил свой посильный вклад в дела семьи.

Только Момо однажды подошла очень близко к РАЗГОВОРУ. Весной она как-то отозвала Абру в сторонку и спросила:

— Ты знаешь, чего мальчики начинают хотеть от девочек, когда достигают примерно твоего возраста?

— Наверное, секса, — ответила Абра... однако пришибленный Пенс Эффершем хотел от нее печенья, или четвертак для торгового автомата, или чтобы она послушала, сколько раз он уже успел посмотреть «Мстителей».

Но Момо кивнула:

— Да, и тут уж ничего не поделаешь. Такова человеческая природа. Но только ты ни за что не должна им уступать. И точка. Это даже не обсуждается. Вот исполнится тебе девятнадцать, тогда можешь передумать.

Разговор слегка смутил ее, но здесь хотя бы все было ясно. А вот относительно той штуки, что таилась в ее голове, никакой ясности не существовало. Это и было ее родимым пятном, невидимым, но реальным. Родители старались никогда не вспоминать о той чертовщине, которую она творила совсем маленькой. Вероятно, они решили, что все рассосалось само собой и те способности утрачены навсегда. Конечно, она узнала о страшной болезни Момо, но это было не то же самое, что истории с музыкой и водой в кранах или происшествие на дне рождения (она помнила его лишь смутно), когда она заставила все ложки

в доме повиснуть на потолке. На самом деле ничто никуда не делось. Она лишь научилась держать эту штуку в узде, контролировать ее. Не на сто процентов, но по большей части.

И ее дар все же изменился. Теперь она очень редко предвидела грядущие события. Или заставляла вещи перемещаться. Лет в шесть или семь она могла сконцентрировать внимание на кипе своих книжек и заставить их подняться почти до потолка. Легче легкого. Не сложнее, чем связать штаны для котенка, как любила говорить Момо. Теперь даже с единственной книжкой она могла напрячься так, что, казалось, вот-вот мозги из ушей полезут, но передвинуть ее лишь на несколько дюймов вдоль стола. И это в удачный день. А случалось, она не в силах была даже страницу перевернуть без помощи рук.

Зато оставались *другие способности*, которые, напротив, даже усилились. Например, она умела проникать в чужие головы. Не со всеми этот номер проходил — попадались люди закрытые или выпускавшие лишь фрагменты своих мыслей. Но многие были для нее как окна с раздвинутыми шторами. Она могла заглянуть в них в любое время, когда ей того хотелось. Правда, хотелось ей не очень часто, потому что зачастую увиденное оказывалось слишком печальным и даже шокирующим. Например, узнать, что у миссис Морган, ее любимой учительницы в шестом классе, РОМАН, оказалось не слишком-то приятно.

Сейчас она старалась держать свою способность читать чужие мысли под замком. Научиться этому оказалось непросто, как кататься задом на коньках или писать левой рукой, но она *справилась*. Дело здесь было не только в практике, однако и в ней тоже. Она по-прежнему иногда подсматривала, но всегда робко и осторожно, готовая сбежать в любой момент, если натолкнется на нечто странное или отвратительное. И она взяла себе за правило *никогда* не влезать в головы родителей или Момо. Это было невежливо. Вероятно, по отношению к чужим людям это тоже было невежливо, но здесь на память приходили слова Момо: «такова человеческая природа». Такова человеческая природа, и любопытство — ее неотъемлемое качество.

Порой она могла заставить человека сделать что-то. Отнюдь не каждого, по правде сказать, совсем немногих, но некоторые *очень легко* поддавались внушению. (Вероятно, именно они ве-

рили, что рекламируемые по телевизору средства действительно разгладят морщины на их лицах или помогут волосам отрасти заново.) Абра знала, что может легко развить в себе этот талант, если будет наращивать его, как культурист мускулы, но не делала этого. Эта способность порой пугала ее саму.

Были и другие вещи, которым трудно даже подобрать определение, однако сейчас она размышляла о той, у которой определение было. О «дальновидении». Как и другие аспекты ее таланта, оно то усиливалось, то ослабевало, но если ей действительно хотелось — и был объект, на котором она могла сосредоточиться, — все обычно работало.

Я могла бы сделать это прямо сейчас.

— Заткнись, Абба-Ду, — прошептала она чуть слышно. — Немедленно замолчи!

Она открыла учебник алгебры на странице с домашним заданием, которую заложила листком с написанными на нем именами Бойда, Стива, Кэма и Пита, по меньшей мере двадцать раз каждое. Все вместе они составляли ее любимую подростковую поп-группу «Здесь и сейчас». Такие славные парни. Особенно Кэм. Ее лучшая подруга Эмма Дин тоже так считала. Ах эти дерзкие голубые глаза и небрежно взбитые светло-русые волосы!

Быть может, я сумею помочь. Его родители расстроятся, но хотя бы узнают правду.

— Заткнись, Абба-Ду! Где твои мозги, Абба-Ду?

Если 5x — 4 = 26, то чему равняется x?

— Шестидесяти триллионам, вот чему! — буркнула она. — Какая разница?

Ее взгляд снова упал на имена юных музыкантов, выведенные плотным курсивом, который очень нравился им с Эммой («Так романтичней», — заявила подруга Абры), и внезапно все это показалось ей очень глупым и по-детски наивным. *Они резали его ножом, слизывали его кровь, а потом сделали с ним и вовсе нечто ужасное.* В мире, где могло происходить такое, увлечение мальчишечьей группой выглядело ничтожным, неправильным и недостойным.

Абра захлопнула учебник, спустилась вниз (*клик-клик-клик* из папиного кабинета не умолкало) и зашла в гараж. Она вы-

удила из мусора номер «Шопера», вернулась к себе и разгладила смятую газету на столе.

Перед ней снова возникли все эти лица, но сейчас ее интересовало только одно из них.

7

Сердце Абры гулко стучало — *тум, тум, тум*. Ей бывало страшно и прежде, когда она сознательно использовала дальновидение или читала чужие мысли, но сейчас ею овладел особый страх. Она такого никогда не испытывала.

И что ты будешь делать, если все узнаешь?

Этот вопрос она оставила на потом, потому что вполне могло ничего не получиться. Мелкая, трусоватая часть ее личности втайне надеялась на это.

Абра положила на снимок Брэдли Тревора кончики двух пальцев левой руки, потому что ее левая рука обладала лучшим «зрением». Она бы положила все пять пальцев (а если бы это был предмет, взяла бы его в руку), но фото оказалось слишком мало. Пальцы полностью закрыли снимок, но она продолжала его видеть. И вполне отчетливо.

Голубые глаза, как у Кэма Ноулза из «Здесь и сейчас». На фотографии этого не было видно, но они оказались такого же глубокого оттенка. Теперь она *знала* это.

Правша, как и я. Но владел и левой рукой, тоже как я. Именно левая рука предвидела, какая будет подача: силовая, крученая или...

Абра чуть слышно охнула. Мальчик-бейсболист тоже *знал*.

Они с ним действительно были похожи.

Все верно. Именно поэтому они его и выбрали.

Она закрыла глаза и увидела перед собой лицо. Брэдли Тревор. Для друзей — просто Брэд. Бейсболист. Иногда он носил кепку козырьком назад, как некоторые великие игроки. Его отец — фермер. Его мама пекла пироги и продавала их через местный ресторан и со своего придорожного лотка. Когда самый старший брат уехал учиться в колледж, Брэд забрал себе все его диски с музыкой группы «Эй-си/Ди-си». Ему и его лучшему

другу Элу особенно нравился хит «Большие шары». Они любили валяться на постели Брэда, подпевать музыкантам и хохотать до колик.

Он прошел через кукурузное поле, и там его ждал мужчина. Брэд подумал, что он хороший, добрый человек, потому что...

— Барри, — чуть слышно прошептала Абра. За прикрытыми веками ее глазные яблоки метались, как у человека, который видит очень живой сон. — Его звали Барри Скиталец. И он обманул тебя, Брэд. Так ведь?

Но не один только Барри. Если бы он был там один, Брэд мог догадаться. К этому приложили усилия все Люди-с-Фонариками: они внушили ему мысль, что сесть к Барри в грузовик, или кемпер, или на чем он там еще мог приехать, будет безопасно, потому что Барри хороший и добрый. Барри — друг.

И они забрали его с собой...

Абра постаралась заглянуть дальше и глубже. Ее сейчас не интересовало, что видел Брэд, потому что видеть он мог только серый коврик. Он лежал связанным клейкой лентой, лицом в пол той машины, которую вел Барри Скиталец. Но ей это не мешало. Теперь, настроившись на нужную волну, она значительно расширила свое поле зрения. Она смогла увидеть...

Его перчатку. Бейсбольную перчатку фирмы «Уилсон». И Барри Скиталец...

Внезапно эта часть видения пропала. Она могла вернуться потом, а могла и не вернуться.

Наступил поздний вечер. Абра ощутила запах навоза. И была бывшая фабрика. Или какой-то

(*заброшенный*)

старый завод. Туда направлялась длинная кавалькада автомобилей — несколько небольших, но в основном крупных, а пара — вовсе огромных. Фары они выключили, чтобы оставаться незамеченными, но на небе сияла луна в три четверти. Достаточно света, чтобы сориентироваться. Они проехали по разбитой гудронированной дороге, миновали сначала водонапорную башню, потом амбар с провалившейся крышей, потом распахнутые ржавые ворота, потом какой-то знак. Он промелькнул так быстро, что Абра не успела его прочитать. А потом сам

завод. Заброшенный завод с обвалившимися трубами и выбитыми стеклами. Еще один знак, и на этот раз в лунном свете ей удалось разобрать слова: «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ ШЕРИФА ОКРУГА КАНТОН».

Они заехали за здание и там принялись мучить Брэда, мальчика-бейсболиста, и продолжали мучить, пока он не умер. Абра не хотела на это смотреть и заставила образы вернуться назад. Это было немного трудно, как открыть бутылку с очень плотно пригнанной пробкой, но ей удалось. Вернувшись к нужному месту, она снова стала смотреть.

Барри Скитальцу понравилась бейсбольная перчатка, напомнившая ему собственное детство. И потому он натянул ее себе на руку. Он примерил ее и принюхался к запаху масла, которым Брэд натирал кожу, чтобы не рассохлась, и несколько раз ударил кулаком по карману...

Но видение шло вперед, и она забыла о перчатке Брэда.

Водонапорная башня. Разрушенный сарай. Ржавые ворота. И первый знак. Что же все-таки на нем написано?

Нет. Слишком быстро, даже при ярком лунном свете. Абра снова перевела видение назад (к этому моменту ее лоб от напряжения покрылся бисеринками пота) и стала смотреть еще раз. Башня. Амбар с провалившейся крышей. *Будь готова, сейчас появится то, что тебе нужно.* Ржавые ворота. И — знак. На этот раз она сумела прочитать текст, хотя и не была уверена, что все поняла правильно.

Абра схватила листок, на котором с такой глупой тщательностью выводила имена музыкантов, и перевернула. Быстро, опасаясь забыть, она записала все, что увидела на знаке при въезде: «ОРГАНИК ИНДАСТРИЗ», «ЭТАНОЛОВЫЙ ЗАВОД №4», «ФРИМАН, АЙОВА» и «ЗАКРЫТ ДО ОСОБОГО РАСПОРЯЖЕНИЯ».

Хорошо. Теперь Абра знала, где убили его и где — в этом не было сомнений — закопали тело вместе с бейсбольной перчаткой. Но что дальше? Если она позвонит в Центр розыска пропавших детей, там услышат детский голос и не придадут ее словам значения... Или пришлют к ней полицию, которая арестует ее за шутку над и без того несчастными и безутешными

родителями мальчика. Затем она подумала о маме, но, учитывая состояние Момо, ее кандидатура сразу отпала. У мамы хватало забот и огорчений.

Абра поднялась, подошла к окну и посмотрела на продовольственный магазин под названием «Сломя голову» (который старшеклассники переименовали в «Дурную голову», потому что на задворках магазина среди мусорных баков очень удобно было курить травку), а потом на Белые горы, вырисовывавшиеся на фоне ясной синевы сентябрьского неба. Она начала теребить губы — нервная привычка, от которой родители старалась ее отучить. Но их сейчас не было рядом, так что плевать на это. Плевать на *все* условности.

Папа сидит внизу, совсем близко.

Но ему она тоже не хотела ни о чем рассказывать. Не потому, что боялась помешать закончить книгу. Она заранее знала, что он не захочет вмешиваться ни во что подобное, даже если поверит ей. Чтобы понять это, не стоило тратить усилия, читая его мысли.

Так кто же ей поможет?

Но прежде чем она нашла логичный ответ на этот вопрос, мир за окном вдруг начал вращаться, словно весь стоял на каком-то гигантском диске. Сдавленно вскрикнув, она вцепилась руками в шторы. Это уже происходило прежде и всегда внезапно, застигая ее врасплох и каждый раз пугая до полусмерти, потому что походило на припадок. Она больше не находилась в собственном теле, и дально*видение* превращалось в дально*странствие*. А вдруг однажды она не сумеет вернуться обратно?

Вращение сначала замедлилось, потом прекратилось. Она находилась уже не в своей спальне, а в торговом зале большого супермаркета. Абра поняла это, как только увидела перед собой длинный прилавок мясного отдела. Над ним тянулся транспарант, ярко освещенный флуоресцентными лампами: «В «СЭМСЕ» КАЖДАЯ ОТБИВНАЯ РАДУЕТ ГЛАЗ!» Еще несколько секунд мясной прилавок приближался, потому что она оказалась в теле человека, который шел к нему. Шел, чтобы *сделать покупки*. Барри Скиталец? Нет, не он, хотя Барри находился где-то поблизости — именно благодаря Барри она и *попала сюда*. Но только ее увлек в сторону некто гораздо более сильный.

Краем глаза, где-то внизу, Абра видела тележку с товарами. Затем движение вперед прекратилось, возникло это странное чувство, это

(*вторжение досмотр*)

сумасшедшее ощущение, что кто-то ПРОНИК ВНУТРЬ ЕЕ САМОЙ, и Абра поняла, что перемена коснулась не только ее. Она смотрела вдоль прохода супермаркета на располагавшийся в самом конце мясной отдел, а тот, другой человек видел Белые горы через окно ее спальни на Ричлэнд-Корт.

Панический страх полыхнул внутри, словно кто-то разлил и поджег бензин. Ее плотно, до белизны сжатые губы не издали ни звука, но мысленно, внутри своего существа, она заорала громче, чем считала возможным:

(*НЕТ! ВОН ИЗ МОЕЙ ГОЛОВЫ!*)

8

Когда Дэвид почувствовал сотрясение стен дома и заметил, как начала качаться на цепочке люстра в его кабинете, он решил, что

(*Абра*)

у его дочери один из ее экстрасенсорных всплесков, хотя ничего странного не происходило уже многие годы, а ничего подобного и вовсе никогда не было. Но когда все почти сразу вернулось в норму, его посетила другая мысль, показавшаяся куда более разумным объяснением: он решил, будто только что пережил первое в своей жизни землетрясение в Нью-Гэмпшире. Из истории он знал, что порой они случались, но почувствовать это самому... Ничего себе!

Он поднялся из-за стола (не забыв сохранить только что написанное) и выбежал в коридор. От подножия лестницы крикнул:

— Абра! Ты это почувствовала?

Она вышла из своей комнаты, побледневшая и вроде бы немного напуганная.

— Да, что-то такое было. Я... Думаю, что я...

— Это землетрясение! — объявил отец, сияя от радости. — Твое первое в жизни землетрясение! Разве это не здорово?

— Да, — кивнула Абра, явно не разделяя его восторга. — Конечно, здорово.

Он посмотрел в окно гостиной и увидел людей, стоявших на террасах и лужайках перед своими домами. В том числе своего хорошего друга Мэтта Ренфрю.

— Я пойду на ту сторону улицы поговорить с Мэттом, милая. Хочешь пойти со мной?

— Нет, думаю, мне лучше закончить задание по математике.

Дэвид шагнул к входной двери, но потом остановился и посмотрел на нее:

— Тебе ведь не страшно? Бояться нечего. Все закончилось.

Абре больше всего на свете хотелось, чтобы так и было.

9

Розе-в-Шляпе нужно было запастись продуктами на двоих, потому что Дедушка Флик снова плохо себя почувствовал. В универсаме «Сэмс» она встретила еще нескольких Истинных и кивками приветствовала их. У стеллажа с консервами она ненадолго задержалась, чтобы поболтать с Барри Китайцем, который держал в руке длинный список, составленный женой. Барри волновало состояние Флика.

— Он поправится, — сказала Роуз. — Ты же знаешь нашего дедулю.

Барри усмехнулся:

— Как вареный филин.

— Даже еще жестче, — кивнула Роуз, тронувшись со своей тележкой дальше и предоставив Барри продолжать отовариваться по списку. Поначалу она приняла случившееся за вполне заурядную проблему: быть может, сказывался пониженный уровень сахара в организме. Она порой страдала от недостатка глюкозы и потому постоянно носила в сумочке шоколадный батончик. Но потом поняла, что кто-то проник ей в голову. Кто-то *подглядывал*.

Роуз никогда не стала бы лидером Истинного Узла, если бы страдала от нерешительности. Она тут же остановилась, направив свою тележку в сторону мясного отдела (куда, собственно, и собиралась пойти), и мгновенно нырнула в канал, установленный кем-то излишне любопытным и потенциально опасным. Это не был кто-то из членов Узла — своего она бы вычислила сразу же, — но не был и обычный лох.

Нет, этот лох оказался необычным.

Зал магазина закружился перед глазами Роуз, и внезапно она уже смотрела на какую-то отдаленную горную гряду. Не Скалистые горы, которые она знала очень хорошо. Это был массив пониже. Катскилл? Адирондак? Либо они, либо что-то похожее. Что же до смотрящего... Роуз показалось, что это ребенок. Почти наверняка девочка, причем они пересекались с ней прежде.

Надо увидеть, как она выглядит, и тогда найти ее не составит труда. Нужно, чтобы она посмотрелась в зерка...

Но тут мысль, прозвучавшая громче пистолетного выстрела в небольшом замкнутом помещении,

(*НЕТ! ВОН ИЗ МОЕЙ ГОЛОВЫ!*)

начисто стерла из мозга Роуз буквально все, отбросив ее спиной к полке с консервированными супами и овощами: Банки посыпались, раскатились по всему полу. На секунду Роуз показалось, что сейчас и она упадет, грохнется в обморок, как пугливые героини любовных романов. Но она быстро пришла в себя. Девочка разорвала контакт и сделала это весьма впечатляющим образом.

Не пошла ли носом кровь? Она провела пальцем, чтобы проверить. Нет. Уже хорошо.

Один из продавцов-консультантов бросился к ней.

— С вами все в порядке, мэм?

— Да, все хорошо. Просто голова закружилась. Вероятно, после вчерашнего удаления зуба. Но уже все прошло. Я тут вам навела беспорядок, да? Прошу прощения. Слава Богу, здесь все в металлических банках, а не в стеклянных.

— Никаких проблем. Ничего страшного, уверяю вас. Быть может, проводить вас на улицу, чтобы вы подышали воздухом на скамейке у стоянки такси?

— В этом нет необходимости, — сказала Роуз. И это была чистая правда. Но с покупками на сегодня пришлось закончить. Она откатила свою тележку немного в сторону и оставила там.

10

Из кемпинга высоко в горах к западу от Сайдуайндера она приехала на «тойоте-такома» (старой, но надежной машине), и как только оказалась в кабине, достала из сумочки сотовый телефон и нажала кнопку быстрого вызова. На звонок ответили после первого же гудка.

— Как дела у крошки Роузи? — спросил Папаша Ворон.

— У меня возникла проблема.

Впрочем, не только проблема, но и, вероятно, потрясающая перспектива. Ребенок, вырабатывавший достаточно пара, чтобы выкинуть подобный трюк — а она не только засекла Роуз, но и устроила чуть ли не взрыв, едва не сбив ее с ног, — был не простой «парилкой», а находкой столетия. Она чувствовала себя капитаном Ахавом*, впервые увидевшим своего огромного белого кита.

— Рассказывай. — Шутки в сторону.

— Ребенок в Айове. Пару лет назад. Помнишь тот случай?

— Конечно.

— А помнишь, я тогда сказала, что за нами подглядывали?

— Да. С восточного побережья. По-твоему, это была девочка.

— Это действительно оказалась девочка. Она только что снова разыскала меня. Я заехала в «Сэмс» за покупками, занималась своими делами, никого не трогая, и тут внезапно возникла она.

— С чего бы? Ведь прошло столько времени.

— Не знаю и знать не хочу. Мы должны заполучить ее, Ворон. Мы просто *обязаны* завладеть ею.

— Ей известно, кто ты такая? И где *мы* находимся?

Роуз успела поразмыслить над этим, пока шла к своему пикапу. Дерзкая девчонка не видела ее лица. В этом она была уве-

* Персонаж романа Германа Мелвилла «Моби Дик, или Белый кит».

рена. Ребенок проник внутрь ее и смотрел наружу. И в таком случае что же она могла видеть? Проход между стеллажами в супермаркете, и все. А сколько таких в Америке? Вероятно, миллион.

— Не думаю, — ответила она Ворону, — да это и не так важно.

— А что важно?

— Помнишь, я говорила, что она дает много пара? *Огромное количество* пара? Так вот, я даже недооценила ее тогда. Стоило мне попытаться проникнуть к ней в голову, и она легко вышвырнула меня, сдула как одуванчик. Со мной никогда в жизни не происходило ничего подобного. Раньше я бы не поверила, что такое вообще возможно.

— Она потенциальная Истинная или потенциальная еда?

— Пока не знаю, — сказала Роуз.

Хотя все уже прекрасно знала. Им был нужен пар, *большие запасы пара*, а в новых членах семьи они пока не очень нуждались. Не говоря уже том, что Роуз совсем не хотелось, чтобы ряды Истинных пополнил некто обладавший такой мощью.

— Хорошо. Как нам ее разыскать? Есть идеи?

Роуз перебрала в памяти то, что успела увидеть глазами девочки, прежде чем ее так бесцеремонно вышвырнули обратно в супермаркет в Сайдуайндере. Немногое. Но был там магазин...

— Подростки называют его «Дурной головой».

— Что?

— Ничего. Пока это не имеет значения. Мне необходимо хорошенько обо всем подумать. Но мы ее захватим, Ворон. Она нам *очень нужна*.

Наступила пауза. Когда Ворон снова заговорил, чувствовалось, как осторожно он подбирает слова:

— Тебя послушать, так она может дать пара на дюжину канистр. При условии, что ты действительно не хочешь попытаться Трансформировать ее.

Роуз издала неприятный, тявкающий смех.

— Если я окажусь права, у нас никаких канистр *не хватит*, чтобы собрать весь пар этой девчонки. Она подобна огромной горе пара. Это целый Эверест.

Ворон молчал. Роуз не было нужды видеть его или проникать в его мысли, чтобы знать: ее слова произвели впечатление.

— А быть может, мы поступим совсем иначе.

— Не понял.

Естественно, не понял. Стратегическое мышление никогда не входило в число достоинств Ворона.

— А что, если мы не станем *ни обращать* ее, *ни убивать*? Подумай о коровах.

— При чем здесь коровы?

— Ты можешь забить скотину и получить месячный запас бифштексов и гамбургеров. Но если оставишь ее в живых и позаботишься о ней, она сможет давать тебе молоко шесть лет. А то и все восемь.

Наступило молчание. Долгое. Она позволила ему продлиться, сколько нужно.

Когда же Ворон снова подал голос, то звучал он еще более осторожно:

— Никогда ни о чем подобном не слышал. Мы их убиваем и получаем необходимый пар, а если кто-то обладает полезными для нас способностями и достаточно силен, чтобы пережить Трансформацию, обращаем его в одного из нас. Как Энди в восьмидесятых. У Дедушки Флика может быть другое мнение на этот счет, если ты веришь, что он действительно помнит те времена, когда Генрих Восьмой убивал жен одну за другой, но я не думаю, чтобы за всю свою историю Истинные когда-либо оставляли «парилку» в живых. Если она обладает такой мощью, как ты говоришь, это может быть опасно.

Скажи мне что-нибудь новое. Если бы ты испытал то же, что и я, вообще назвал бы меня сумасшедшей. И может, я действительно рехнулась. Но все же...

Но все же следовало признать, что она попросту устала от необходимости тратить столько своего времени, да и времени каждого члена семьи, на постоянные поиски пищи. Как устала и от средневекового цыганского образа жизни, который им приходилось вести, вместо того чтобы царствовать и повелевать в роли владык этой жизни, венца творения.

— Поговори с Дедушкой, когда ему станет лучше. С Толстухой Мэри — она прожила на этом свете почти столько же, сколько Флик. Со Змеючкой Энди. Она из новеньких, но голова у нее

работает хорошо. Короче, с кем угодно, кто может дать полезный совет.

— Боже праведный, Роуз! Я даже не знаю...

— Вот и я пока ничего не знаю. Меня до сих пор трясет. Все, о чем я сейчас тебя прошу, — это проделать подготовительную работу. В конце концов, ты же у нас антрепренер.

— Хорошо.

— Да, и обязательно побеседуй с Грецким Орехом. Пусть назовет снадобье или наркотик, который поможет нам держать ребенка-лоха в подчинении сравнительно долгое время.

— Мне эта девочка не кажется похожей на лоха.

— И тем не менее она всего лишь лох. А мы сделаем из нее большую, толстую корову, чтобы доить по мере надобности.

Не совсем точное определение. Гигантский большой белый кит — вот чем она станет.

Роуз закончила разговор, не дожидаясь ответа. Она босс, и, с ее точки зрения, обсуждать больше было нечего.

Девчонка — белый кит, а я хочу загарпунить ее.

Но как капитан Ахав охотился на своего кита не только ради тонн ворвани и множества баррелей масла, так и Роуз хотела заполучить девчонку вовсе не ради одной только возможности — при правильном сочетании наркотиков и необходимой психологической обработке — превратить ее в почти неиссякаемый источник пара. Теперь дело приобрело гораздо более личный характер. Обратить ее? Сделать частью Истинного Узла? Никогда! Девчонка вышибла Роуз из своей головы, прогнала, как какого-нибудь назойливого бродячего проповедника, который шатается от дома к дому, рассовывая всем свои трактаты о неизбежном конце света. Еще никто не осмеливался так унижать и оскорблять Розу-в-Шляпе. И как бы сильна девчонка ни была, следовало проучить ее, преподать ей хороший урок.

И это дело для меня.

Роза-в-Шляпе завела свой пикап, выехала со стоянки при супермаркете и направилась к принадлежавшему семье кемпингу «Колокольчик». Располагался он в живописном месте, одном из самых красивых в Скалистых горах. Ведь недаром прежде там стоял знаменитый на весь мир курортный отель.

Хотя, конечно, «Оверлук» давно сгорел дотла.

11

Семейство Ренфрю — Мэтт и Кэсси — обожало устраивать вечеринки по любому поводу и тут же организовало барбекю в ознаменование только что пережитого землетрясения. Почти все, кто жил на Ричлэнд-Корт, получили приглашения, и почти все пришли. В соседнем магазине «Сломя голову» Мэтт оперативно приобрел ящик содовой, несколько бутылок дешевого вина и бочонок пива. Было весело. Дэвид Стоун прекрасно проводил время. И насколько он мог судить, Абре все тоже нравилось. Она держалась вместе с подружками Джули и Эммой, но он настоял, чтобы дочь непременно съела гамбургер и хотя бы немного салата. Люси настойчиво внушала ему, как важно сейчас следить за питанием Абры, потому что она вступила в тот возрастной период, когда девочек начинает чрезмерно заботить лишний вес и стройность фигуры. Здесь-то их и подстерегали всевозможные нервные анорексии и булимии.

Но вот чего он не заметил (для этого нужен был наметанный материнский глаз Люси), так это того, что Абра явно не принимала участия в устроенном подружками веселье. Съев немного мороженого на десерт (совсем небольшую порцию), она попросила у отца разрешения вернуться домой и закончить приготовления к завтрашним школьным занятиям.

— Хорошо, — кивнул Дэвид. — Только не забудь поблагодарить на прощание мистера и миссис Ренфрю.

Абра сделала бы это и без отцовских напоминаний, но безропотно согласилась.

— Ты у нас всегда желанная гостья, Абра, — сказала в ответ миссис Ренфрю, глаза которой неестественно блестели от трех бокалов вина. — Ну разве не чудесный вечер? Нам бы побольше таких землетрясений. Хотя я разговаривала с Вики Фентон — ты же знаешь Фентонов с соседней Понд-стрит? И она утверждает, что они вообще ничего не почувствовали. Как *стра-а-а-нно*, правда?

— Правда, — согласилась Абра, думая про себя, что о настоящих странностях миссис Ренфрю даже не слышала.

12

Она закончила домашнюю работу и смотрела вместе с отцом телевизор в гостиной, когда позвонила мама. Поговорив с ней немного, Абра передала трубку Дэвиду. Люси ему что-то сказала, и Абра знала, какой вопрос она задала, еще до того как отец оглядел ее и ответил:

— Да, она в полном порядке, только, по-моему, немного переусердствовала с уроками. Учителя стали так много задавать детям на дом! А она рассказала тебе, что мы тут пережили легкое землетрясение?

— Я пойду наверх, пап, — сказала Абра, и он лишь рассеянно махнул ей в ответ рукой.

Она села за свой компьютер, включила его, а потом почти сразу снова выключила. У нее не было никакого желания играть во «Фруктовых ниндзя» и уж тем более вступать сейчас в электронную переписку с кем-либо. Ей необходимо было подумать, как поступить, потому что она считала себя обязанной сделать *хоть что-нибудь*.

Она сложила учебники в рюкзак, а потом подняла глаза и увидела, что та женщина из супермаркета пристально смотрит на нее через окно. Это было совершенно невозможно, потому что окно располагалось на третьем этаже, и тем не менее она там была. Безупречная молочная кожа, высокие скулы, широко посаженные темные глаза с легкими изгибами в уголках. Абра подумала, что это, вероятно, самая красивая женщина из всех, кого она когда-либо видела. А еще она сразу поняла, что женщина безумна. Густые черные волосы обрамляли ее совершенное, немного высокомерное лицо, каскадами падая на плечи. Поверх густой шевелюры каким-то чудом держался сбитый набок сильно потертый бархатный цилиндр.

На самом деле ее здесь нет, и она даже не у меня в голове. Не знаю, каким образом мне удается видеть ее, но я вижу, причем, как кажется, сама она не подозре...

В темном оконном стекле сумасшедшая леди вдруг усмехнулась, и когда ее губы приоткрылись, Абра увидела только верхний зуб — огромный, чудовищный бесцветный клык. Она поняла, что именно это зрелище стало последним для Брэдли

Тревора, и закричала, закричала так громко, как только могла... но крик не вырвался наружу, потому что ей перехватило горло, а голосовые связки словно заморозило.

Абра закрыла глаза. Когда она открыла их вновь, усмехающийся белолицый образ пропал.

Ёе здесь не было. Но она могла прийти. Она знает обо мне и может явиться сюда.

В этот момент ее наконец посетила мысль, которая должная была зародиться сразу, как только она увидела заброшенную фабрику. Существовал только один человек, к которому она могла обратиться. Только один человек способен ей помочь. Она снова закрыла глаза, но на этот раз не для того, чтобы избавиться от страшного лица, смотревшего сквозь окно ее спальни, а чтобы позвать на помощь.

(ТОНИ, МНЕ НУЖЕН ТВОЙ ОТЕЦ! ПОЖАЛУЙСТА, ТОНИ, ПОЖАЛУЙСТА!)

Она все еще не открывала глаз, но почувствовала горячие слезы на ресницах и щеках.

— Помоги, Тони. Мне очень страшно, — прошептала она.

Глава 8

ТЕОРИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ АБРЫ

1

Последний рейс поезда «Хелен Ривингтон» назывался «Предзакатным круизом», и очень часто, если Дэн был свободен от дежурства в хосписе, именно он управлял локомотивом. Билли Фриман, который, по самым скромным подсчетам, за годы работы на муниципалитет Фрейзера проделал этот круиз тысяч двадцать пять раз, был только рад посадить его в кресло машиниста.

— Как я погляжу, тебе это никогда не надоест, — заметил он как-то, глядя на Дэна.

— Тяжелое детство.

На самом деле его детство не было таким уж тяжелым, но после того как у них закончились деньги, полученные в качестве компенсации, им с матерью приходилось часто переезжать с места на место, и она все время меняла работу. Поскольку колледж она так и не закончила, все это был низкооплачиваемый труд. Им хватало на жилье и еду — но не более того.

Однажды — он учился в старших классах, и они жили в Брейдентоне неподалеку от Тампы — Дэн спросил маму, почему она ни с кем не встречается. К тому времени он достаточно повзрослел и понимал, что она все еще очень привлекательная женщина. Но Уэнди Торранс ответила ему с кривой усмешкой:

— Одного мужчины в жизни оказалось для меня более чем достаточно, Дэнни. А теперь у меня есть ты.

— Она знала о твоих проблемах с алкоголем? — спросил его Кейси К. во время одной из встреч в «Санспоте». — Ты ведь начал достаточно рано, насколько я понимаю.

Дэну пришлось задуматься над ответом на этот вопрос.

— Вероятно, она знала гораздо больше, чем я догадывался, но мы с ней никогда не обсуждали эту тему. Мне кажется, она боялась говорить об этом. Кроме того, в то время у меня ни разу не возникало проблем с полицией, да и школу я закончил с отличием. — Он невесело улыбнулся, глядя на Кейси поверх своей чашки кофе. — И разумеется, я никогда не поднимал на нее руку. Наверное, это тоже сыграло свою роль.

Ему так и не купили железную дорогу, но одна из банальных сентенций, которые не уставали повторять члены АА, звучала так: «Не пей, и жизнь станет намного лучше». И ведь устами бывших алкоголиков глаголила истина. Теперь у него была самая прекрасная игрушечная железная дорога, о какой только мог мечтать мальчишка. Причем, как верно подметил Билли, она ему не надоедала. Вероятно, он все же устанет от нее лет через десять или двадцать, но и тогда Дэн наверняка время от времени будет проситься в последний рейс, чтобы провести «Рив» под закатными лучами солнца к развороту вокруг Клауд-Гэпа. Вид оттуда открывался потрясающий, а когда течение Сако становилось плавным (то есть почти всегда после безумного весеннего половодья), ты мог видеть все чудные краски великолепного пейзажа дважды: вверху и внизу, отраженными в водах реки. В дальней точке маршрута «Рив» царила такая тишина, словно сам Бог затаил дыхание.

Больше всего Дэну нравились поездки в промежутке между Днем труда и Днем Колумба*, незадолго до того, как поезд убирали на зиму в депо. Наплыв туристов заканчивался, и все немногочисленные пассажиры были из числа местных жителей, большинство из которых Дэн знал по именам. Вот и сегодня на последний рейс билеты купили человек десять. Что Дэна вполне устраивало.

Уже почти совсем стемнело, когда он плавно подвел состав к платформе вокзала Игрушечного городка. В своей сбитой на затылок кепке («МАШИНИСТ ДЭН», — сообщали вышитые

* Праздник в честь открытия Христофором Колумбом Американского континента; традиционно отмечается в США во второй понедельник октября.

над козырьком красные буквы) облокотился о первый пассажирский вагон и пожелал горстке сошедших с поезда людей доброй ночи. Билли сидел на станционной скамейке, и красноватый кончик сигареты то и дело озарял в сумраке его лицо. Ему было уже около семидесяти, но он выглядел хорошо, полностью оправился от сделанной два года назад операции и заявлял, что на покой пока не собирается.

— А куда мне податься? — спросил он Дэна, когда тот как-то затронул эту тему. — Снять себе комнату на той фабрике смерти, где ты работаешь? Дожидаться, чтобы твой любимый котяра нанес мне визит? Благодарю покорно.

Когда последние три пассажира сошли на платформу и удалились, вероятно, в поисках места, где можно поужинать, Билли загасил окурок и присоединился к Дэну.

— Я сам загоню его в депо, если, конечно, ты не хочешь сделать и это тоже.

— Нет, давай загоняй. Ты, наверное, уже всю задницу себе отсидел на той скамейке. И когда только ты бросишь курить, Билли? Ты же помнишь, доктор сказал, что твоя проблема во многом возникла из-за этих самых сигарет.

— Я и так свел курение к минимуму, — возразил Билли, красноречиво отводя взгляд. Дэн легко мог узнать, сколько сигарет выкуривал Билли в день, причем ему не нужно было даже прикасаться к другу, чтобы получить такую информацию, но воздержался. Как-то минувшим летом он встретил паренька в футболке с рисунком в виде восьмиугольного дорожного знака. Но только вместо слова «СТОП» внутри значились буквы «СМИ». Когда Дэн спросил, что это значит, тот сочувственно улыбнулся, как, вероятно, улыбался всем сорокалетним старцам, и ответил: «Слишком много информации». Дэн поблагодарил его, подумав: *Прямо-таки история моей жизни, приятель.*

У каждого есть секреты. Это он усвоил с раннего детства. И хорошим людям не возбраняется держать их при себе, а Билли, несомненно, был хорошим человеком.

— Не хочешь выпить по чашке кофе, Дэнни, если есть время? Мне не понадобится и десяти минут, чтобы загнать этот драндулет под крышу.

Дэн с нежностью похлопал локомотив по капоту.

— Охотно, — сказал он, — но только будь повежливее. Это вовсе не драндулет, а...

В этот момент его голова взорвалась.

2

Он пришел в себя на скамейке, где прежде курил Билли. Тот сидел рядом с обеспокоенным видом. Точнее, перепуганным насмерть. В руке он держал мобильный телефон и тыкал пальцами в кнопки.

— Не надо. Убери свой сотовый, — прохрипел Дэн. Откашлялся и добавил: — Со мной уже все в порядке.

— Ты уверен? Боже правый! Я уж подумал, что с тобой случился удар. Инсульт, не иначе.

И у меня были такие же ощущения.

Впервые за многие годы Дэн вспомнил о Дике Холлоране, в свое время — непревзойденном шеф-поваре «Оверлука». Дик моментально понял, что маленький сын Джека Торранса обладает таким же даром, что и он сам. *Жив ли он еще?* — подумал Дэн. Едва ли. Ему уже в те дни было почти шестьдесят.

— Кто такой Тони? — спросил Билли.

— Что?

— Ты говорил: «Пожалуйста, Тони, пожалуйста». Кто он, этот Тони?

— Так, один старый приятель по пьяной жизни. — Не слишком изобретательно, но ничего лучшего в его все еще кружившуюся голову не пришло. — Хороший друг.

Билли еще несколько секунд разглядывал светящийся экран, потом медленно сложил телефон и убрал в карман.

— А знаешь, я тебе совершенно не верю. Наверняка у тебя случилась одна из этих твоих вспышек. Как в тот день, когда ты увидел мою болячку. — И он похлопал себя по груди.

— Понимаешь...

Но Билли поднял руку.

— Не надо ничего объяснять. Сейчас с тобой все в порядке, ну и ладно. Если, конечно, это не касается меня лично. Потому что тогда я, безусловно, хотел бы узнать подробности. Осо-

бенно дурные. Не каждому этого захочется, но таков уж я по натуре.

— Нет, ты здесь совершенно ни при чем. — Дэн поднялся, с удовлетворением отметив, что ноги не дрожат. — Но мне придется отказаться от чашки кофе, если ты не возражаешь.

— Ничуть. Тебе нужно вернуться домой и прилечь. Ты все еще очень бледный. Что бы это ни было, шарахнуло тебя изрядно. — Билли посмотрел на поезд. — Скажи спасибо, что это произошло не в тот момент, когда ты несся на сорока милях в час.

— Вот это точно, — отозвался Дэн.

3

Он пересек Кранмор-авеню, направляясь в сторону Ривингтона, поначалу решив последовать совету Билли и прилечь, но потом передумал и прошел мимо ворот, от которых усаженная цветами широкая дорожка вела к викторианскому особняку. Ему захотелось немного пройтись. Он уже чувствовал себя вполне нормально — то есть снова *стал самим собой*, — а вечерний воздух был напоен такими сладкими ароматами. Кроме того, ему хотелось разобраться в случившемся, и разобраться тщательно.

Что бы это ни было, но шарахнуло тебя изрядно.

Он снова вспомнил о Дике Холлоране и обо всем том, чем так и не поделился с Кейси Кингсли. И не собирался делиться. Смертельный удар, который он нанес Дини — и ее сыну — своим бездействием, болезненной занозой сидел глубоко внутри, словно непрорезавшийся зуб мудрости. Там он и останется. Но в пять лет он сам стал жертвой вместе со своей матерью, и не только отец был тому виной. И тогда Дик *сделал* для них все, что было в его силах. Если бы не он, Дэн и его мама навсегда остались бы в «Оверлуке». Эти старые воспоминания до сих пор причиняли боль, до сих пор полыхали детским ужасом. Он бы предпочел навсегда забыть об этом, но никак не мог. Особенно сейчас. Потому что... Почему же?

Потому что все возвращается на круги своя. Назови это фортуной или судьбой, но, так или иначе, прошлое возвращается. Что сказал мне Дик в тот день, когда подарил стальной ящик? Когда

ученик будет готов, у него непременно появится учитель. Не то чтобы я мог кого-то многому научить, если не считать простой истины: если ты не выпьешь, то и не напьешься.

Он постепенно дошел до конца квартала, развернулся и зашагал назад. Тротуар оказался в его единоличном распоряжении. Даже странно, насколько быстро пустел Фрейзер с окончанием летнего сезона, и Дэн невольно вспомнил, как стремительно опустел когда-то «Оверлук». Как почти мгновенно семья Торранс осталась в нем совершенно одна.

Если не считать призраков, конечно. *Призраки* не уходили никогда.

4

Холлоран сказал Дэнни, что едет в Денвер, а оттуда самолетом отправится на юг, во Флориду. Еще он попросил Дэнни помочь донести багаж до машины, стоявшей на парковке перед «Оверлуком», и Дэнни дотащил одну из его сумок. Совсем небольшую, размером с чемоданчик-«дипломат», но ему пришлось ухватить ее обеими руками. Когда же все вещи были уложены в багажник и они сели в кабину, Холлоран дал название тому, что находилось в голове Дэнни Торранса и во что его родители упорно отказывались верить.

Ты наделен особым даром. Лично я всегда называл это сиянием. Еще моя бабушка пользовалась этим словом. Потому что тоже обладала такой способностью. Должно быть, чувствуешь себя одиноко, думая, что ты такой один?

Верно, он чувствовал себя одиноко и полагал, что единственный в своем роде. Холлоран развеял это заблуждение. За прошедшие с тех пор годы Дэну не раз попадались люди, которые, по словам повара, «поблескивали». Взять, к примеру, того же Билли.

Но никогда в жизни не встречался ему никто подобный этой девочке, закричавшей сегодня в его голове. Казалось, этот звук чуть не разорвал его на части.

Неужели *он сам* обладал такой же мощью? Очень вероятно. Быть может, не совсем такой, но почти такой же. В день закры-

тия сезона в «Оверлуке» Холлоран попросил встревоженного маленького мальчика... О чем же?

Он попросил врезать ему как следует.

Дэн вернулся к Ривингтону и встал у ворот. С деревьев уже начали облетать листья, и вечерний ветерок гнал их по тротуару.

А когда я спросил его, о чем мне подумать, он ответил: о чем угодно. «Только думай напряженно», — сказал он. И я подчинился, но в последний момент смягчил удар, по крайней мере слегка. Если бы не это, мог бы его убить. Он отшатнулся... Нет, его буквально отбросило *назад. И он прикусил губу. Помню, у него пошла кровь. Он еще назвал меня пистолетом. А потом спросил про Тони. Про моего «невидимого друга». И я все ему рассказал.*

И вот, кажется, Тони вернулся, но он больше не был другом Дэна. Теперь он стал другом маленькой девочки по имени Абра. У нее возникли проблемы, как в свое время у Дэна, однако взрослые мужчины, пытающиеся вступать в контакт с маленькими девочками, привлекают внимание и вызывают подозрение. У него во Фрейзере наладилась нормальная жизнь, и он чувствовал, что полностью заслужил ее после стольких бесцельно потерянных лет.

И все же...

И все же, когда ему понадобилась помощь Дика — в «Оверлуке» и потом, во Флориде, с возвращением миссис Масси, — Дик приехал. Среди членов АА подобные визиты называли Двенадцатым шагом. Потому что когда ученик будет готов, у него непременно появится учитель.

Нередко Дэн вместе с Кейси Кингсли и другими парнями из Программы наносили визиты Двенадцатого шага людям, которые погрязли по самые уши в трясине выпивки или наркоты. Иногда к ним за помощью обращались друзья или начальники, но гораздо чаще — родственники, которые уже испробовали все методы убеждения и сходили с ума от того, что все оказалось бесполезно. Несколько раз за прошедшие годы такие визиты заканчивались успешно, но гораздо чаще перед их носом захлопывали дверь, а Кейси и компании предлагали засунуть свое ханжеское псевдорелигиозное дерьмо себе же в задницу. А один подсевший на метамфетамин буйный ветеран славной авантюры Джорджа Буша в Ираке вообще пригрозил им писто-

летом. Возвращаясь из нищей дыры в Чокоруа, где ветеран обитал в запущенной хибаре со своей запуганной женой, разозленный Дэн вскользь бросил:

— Вот уже поистине *пустая* трата времени!

— Это было бы пустой тратой времени, если бы мы делали это только ради них, — возразил Кейси. — Но все обстоит иначе. Мы делаем это ради себя самих. Скажи, тебе нравится твоя нынешняя жизнь, малыш Дэнни?

Он задал этот вопрос не в первый и далеко не в последний раз.

— Нравится, — ответил Дэн без колебаний. Он, конечно, не стал президентом совета директоров «Дженерал моторс» и не снимался обнаженным в любовных сценах с Кейт Уинслет, но ему хватало.

— И ты считаешь, что заслужил ее?

— Нет, — с улыбкой покачал головой Дэн. — Едва ли. Даже не знаю, чем можно такое заслужить.

— Тогда что же помогло тебе обрести то место в мире, где тебе радостно просыпаться по утрам? Удача или милость Божья?

Он знал, как хотелось Кейси услышать «милость Божья», но за годы трезвости у него выработалась весьма неудобная порой привычка всегда говорить правду.

— Я не знаю.

— Да это и не важно, потому что когда тебя загнали в угол, особой разницы нет.

5

— Абра, Абра, Абра, — повторял он, шагая по дорожке к двери Ривингтона. — В какую же беду ты умудрилась попасть, милая девочка? Во что ты пытаешься втянуть *меня*?

Он уже готовился попытаться связаться с ней при помощи сияния, что никогда не было надежным способом, но как только вошел в свою комнату в башенке, понял, что в этом нет никакой необходимости. На доске было выведено:

cadabra@nhmlx.com

Дэн с минуту удивленно смотрел на электронный адрес, а потом расхохотался:

— Здорово придумано! Умница.

Он включил свой портативный компьютер, и через минуту перед ним возникло пустое электронное письмо. Введя ее адрес, Дэн некоторое время сидел, в задумчивости глядя на мигающий курсор. Интересно, сколько ей лет? По его расчетам, основанным на нескольких предыдущих контактах, она находилась где-то в промежутке между мудростью двенадцатилетней и легкой наивностью шестнадцатилетней девушки. Вероятно, ближе к первому варианту. А на другом конце находился он — мужчина, у которого на щеках появлялась седая щетина, если он забывал побриться. И сейчас он вступит с ней в переписку. *Поймайте извращенца!* Есть желающие?

Быть может, это все пустое. Вполне вероятно. Ведь она всего лишь ребенок.

Да, ребенок. Но напуганный до смерти, это точно. К тому же она вызывала у него нешуточное любопытство. Причем давно. По той же причине, по которой Холлорана когда-то заинтересовал он сам.

Мне сейчас понадобится немного Божьей милости. И конечно, удачи.

В поле «Тема» в верхней части письма Дэн набрал: «Привет, Абра!» Потом опустил курсор вниз, глубоко вздохнул и выстучал три слова: *Рассказывай, что случилось?*

6

В следующую субботу днем Дэн сидел под яркими лучами солнца на скамейке перед увитым плющом зданием, в котором располагалась публичная библиотека Эннистона. В руках он держал газету «Юнион лидер», видел какие-то слова, но ничего не понимал. Он слишком нервничал.

Ровно в два часа подъехала девочка в джинсах. Она поставила велосипед на стоянку у лужайки, потом помахала Дэну рукой и широко улыбнулась.

Итак, вот и Абра-Кадабра.

Для своего возраста она была высокой — главным образом благодаря длинным ногам. Густые вьющиеся светлые волосы стянуты в толстый конский хвост, готовый в любой момент распуститься. День выдался солнечный, но прохладный, и на Абре была легкая спортивная куртка с надписью «Эннистон сайклонс» на спине. Девочка схватила с багажника велосипеда пару книг и подбежала к Дэну, по-прежнему улыбаясь во весь рот. Симпатичная, но не красавица. За исключением глаз. Широко посаженные голубые глаза были по-настоящему прекрасны.

— Дядя Дэн! Ох как же я рада вас видеть! — И она смачно поцеловала его в щеку. Этого в сценарии не значилось. А ее несокрушимая уверенность, что он непременно окажется хорошим человеком, просто пугала.

— Я тоже очень рад тебе, Абра. Присаживайся.

Он предупредил ее, что им следует соблюдать осторожность, и Абра — поистине дитя своего времени — мгновенно все поняла. Они единодушно согласились, что лучше всего будет встретиться в людном месте, а во всем Эннистоне едва ли нашлось бы более людное и открытое место, чем лужайка перед библиотекой, расположенной рядом с небольшим жилым кварталом в самом центре города.

Абра смотрела на Дэна с неприкрытым, даже жадным любопытством. Он чувствовал нечто похожее на легкое движение маленьких пальчиков у себя в голове.

(*а где Тони?*)

Дэн прикоснулся к своему виску.

Абра понимающе улыбнулась, и эта улыбка довершила портрет будущей красавицы, которая лет через пять разобьет не одно сердце.

(*ПРИВЕТ, ТОНИ!*)

У нее получилось достаточно громко, и он даже слегка поморщился, снова вспомнив, как откинулся в кресле своей машины Дик Холлоран, чьи глаза на мгновение будто остекленели.

(*нам лучше говорить вслух*)

(*хорошо*)

— Я двоюродный брат твоего отца, решено? То есть не настоящий дядя, но ты так привыкла меня называть.

— Да-да, вы мой дядя Дэн. У нас не будет проблем, если мы не попадемся на глаза лучшей подруге моей матери Гретхен Силверлейк. У меня такое впечатление, что она знает назубок все генеалогическое древо нашей семьи, а оно не слишком-то ветвистое.

Отлично, подумал Дэн. *Только любопытной подружки матери нам и не хватало.*

— Все обойдется, — сказала Абра. — Ее старший сын играет в городской футбольной команде, и она не пропускает ни одной игры «Сайклонс». *Почти все* сейчас на матче, так что не надо волноваться, что кто-нибудь примет вас за...

Она закончила фразу, послав ему мысленное изображение, напоминавшее картинку из комикса. Образ вспыхнул и погас, грубый и предельно четкий. Маленькую девочку в темном закоулке преследовал огромного роста мужчина в черном плаще. Девчушка отчаянно сжала колени, и Дэн успел заметить облачко со словами у нее над головой: *Помогите, извращенец!*

— Вообще-то это не так смешно, как тебе кажется.

Он создал другой образ и отправил его ей: Дэна Торранса в полосатой тюремной робе уводят двое полицейских. Он никогда не пробовал делать ничего подобного, и его рисунок получился не таким выразительным, но ему было приятно, что вышло хоть что-то. А потом, не дав ему времени опомниться, она вторглась в его картинку. Дэн вынул из-за пояса пистолет, направил его на одного из конвоиров и нажал спусковой крючок. Из дула показался флажок с надписью: «Ба-бах!»

Дэн уставился на нее с открытым ртом.

Абра прижала кулачки ко рту и захихикала.

— Простите. Не смогла удержаться. Мы могли бы заниматься этим часами. Вот было бы весело!

Он понял, какое облегчение она испытывала. Абра долгие годы владела прекрасным мячом, но ей не с кем было поиграть. Дэн ощущал то же самое. Впервые со времен своего детства — со знакомства с Холлораном — он посылал мысли, а не только перехватывал чужие.

— Ты права, но только сейчас мы встретились не за этим. Ты должна подробно все мне рассказать. В письме ты только выделила самые главные моменты.

— С чего начать?

— Назови хотя бы свою фамилию. Раз уж я стал твоим номинальным дядюшкой, мне вроде как положено ее знать.

Эти слова ее рассмешили. Дэн попытался сохранить серьезное выражение лица, но не сумел. Господи, она уже ему нравилась.

— Меня зовут Абра Рафаэлла Стоун, — сказала она, и всю ее веселость как рукой сняло. — Надеюсь, что та женщина в шляпе никогда этого не узнает.

7

Они просидели на скамейке перед библиотекой сорок пять минут, и мягкое осеннее солнце грело им лица. Впервые дар, который прежде лишь удивлял, а иногда и пугал Абру, приносил ей истинное удовольствие — даже радость. Благодаря этому человеку она знала теперь, как он называется: «сияние». Это было хорошее название, успокаивавшее и вселявшее оптимизм, ведь прежде она всегда считала свой талант некой темной силой.

Им надо было о многом поговорить, многое сравнить в своих ощущениях, но едва они начали разговор, как к ним подошла полноватая дама лет пятидесяти в твидовой юбке. На Дэна она посмотрела с любопытством, но без *подозрительности*.

— Здравствуйте, миссис Джерард. Это мой дядя Дэн. А миссис Джерард в прошлом учебном году была моей учительницей литературы.

— Рад знакомству с вами, мэм. Я Дэн Торранс.

Миссис Джерард крепко пожала ему руку. Абра почувствовала, что Дэн — *дядя* Дэн — уже расслабился. И хорошо.

— Вы живете неподалеку, мистер Торранс?

— Совсем рядом. Во Фрейзере. Я там работаю в хосписе. В Доме Хелен Ривингтон.

— Вот как. Это очень полезная работа. Абра, ты уже прочла «Мастерового»? Тот роман Маламуда, который я рекомендовала?

Абра понурилась.

— Еще нет. Он у меня на «Нуке»* — я получила подарочную карту на день рождения, — вот только пока руки не дошли. Кажется, он довольно сложный.

— Ты уже вполне готова к серьезной литературе, — заметила миссис Джерард. — И давно. Учти, у тебя не за горами выпускной класс, а потом и колледж. Начни читать сегодня же. Приятно было познакомиться с вами, мистер Торранс. У вас необычайно умная и развитая племянница. Но ты должна всегда помнить простую истину, Абра: кому многое дано, с того многое и спросится.

Чтобы подчеркнуть свою мысль, она прикоснулась пальцем к виску Абры, а потом поднялась по ступенькам библиотеки и скрылась внутри.

Абра повернулась к Дэну.

— Вроде все прошло гладко.

— Да, пока все хорошо, — согласился он. — Но если она упомянет обо мне в разговоре с твоими родителями?..

— Нет, они едва ли где-то пересекутся. Мама сейчас в Бостоне ухаживает за моей Момо. У нее обнаружили рак.

— Печально слышать. А Момо — это твоя

(*бабушка?*)

(*прабабушка*)

— И вообще, если разобраться, — продолжила Абра, — сказав, что вы мой дядя, мы не очень-то и соврали. В прошлом году на уроке биологии мистер Стейли объяснил, что все люди построены по одной генетической схеме. По его словам, разными нас делают совсем незначительные мелочи. Вы, например, знаете, что мы с *собаками* имеем девяносто девять процентов общих генов?

— Нет, — признался Дэн, — но теперь понимаю, почему собачьи консервы всегда казались мне такими аппетитными на вид.

Она рассмеялась:

— И если верить науке, вы действительно *можете* приходиться мне дядей, кузеном или любым другим родственником. Вот, собственно, и все, что я пыталась сказать.

---

* Торговая марка электронных книг издательства «Барнз энд Ноублз».

— Похоже на теорию родственной относительности Абры.

— Наверное, можно и так сказать. Не все родственники даже напоминают друг друга, не у всех одинаковый цвет глаз или волос. А у нас с вами есть нечто общее, что роднит нас гораздо больше, чем остальных людей. Мы с вами необычные родственники. Как вы думаете, это какой-то ген, вроде тех, что дают людям голубые глаза или рыжие волосы? И между прочим, вам известно, что в Шотландии наибольший процент рыжих на душу населения в мире?

— Нет, не известно, — сказал Дэн. — Ты прямо кладезь информации.

Ее улыбка чуть померкла.

— Вы иронизируете, да?

— Ничуть. Вероятно, сияние может быть генетическим явлением, но в точности я не знаю. Думаю, этот вопрос не поддается изучению.

— Вы имеете в виду, что мы непостижимы? Как Бог, Вселенная и тому подобное?

— Да, в какой-то степени.

Он вдруг обнаружил, что вспоминает Чарли Хейеса и всех остальных, до и после него, кого он в роли Доктора Сна проводил в мир иной. Некоторые люди называли смерть *уходом в лучший мир*. Дэну нравилось такое определение, потому что оно представлялось ему верным. Когда мужчины и женщины уходили у тебя на глазах — покидая Игрушечный городок реальности и отправляясь в Клауд-Гэп загробной жизни, — это в корне меняло твой образ мыслей. Для тех, кто подступал к краю, реальный мир уходил куда-то. В такие переходные моменты Дэн всегда ощущал присутствие чего-то невидимого, но огромного по ту сторону врат смерти. Они засыпали, просыпались и *уходили куда-то*. Уходили действительно в иной мир. И у него с самого детства была веская причина верить в это.

— О чем вы думаете? — спросила Абра. — Я могу это видеть, но не понимаю. А мне хотелось бы.

— Даже не знаю, как объяснить, — ответил он.

— Там у вас было что-то о призрачных людях, верно? Я однажды тоже их видела, на маленьком поезде во Фрейзере. Это

мне вроде бы приснилось, но, кажется, происходило на самом деле.

У него округлились глаза.

— В самом деле?

— Да. Не думаю, что они хотели причинить мне зло — просто смотрели на меня, — но все равно вид у них был жутковатый. Я решила, что это, должно быть, те люди, которые катались на поезде в давние времена. А вы встречались с призраками? Наверняка ведь встречались, я права?

— Да, но в последний раз очень давно.

И некоторые из них были не просто призраками. Привидения не оставляют лохмотьев своих полуразложившихся останков на стульчаках в туалете и на занавесках в душе.

— Скажи мне, Абра, что твои родители знают о сиянии?

— Папа считает, что его больше нет за исключением мелких проявлений — когда я, например, позвонила из летнего лагеря из-за болезни Момо, — и очень этому рад. Мама знает, что оно все еще при мне. Она иногда просит помочь найти потерявшуюся вещь. Месяц назад это были ключи от ее машины, которые она оставила на папином верстаке в гараже. Но и она не догадывается, как *много* во мне этого. Между собой они стараются не обсуждать эту тему. — Она сделала паузу. — Момо знает больше. Но ее это так не пугает, как отца с матерью. Она просто попросила меня проявлять осторожность. Потому что если люди узнают... — Абра скорчила смешную гримасу, закатив глаза и показав язык. — Помогите, извращенка! Понимаете?

(*о да*)

Она благодарно улыбнулась ему.

— Уж вы-то точно меня понимаете.

— Кто-нибудь еще догадывается?

— Как сказать... Момо посоветовала побеседовать с доктором Джоном, потому что ему кое-что и так уже известно. Он видел, как я... гм... сотворила один трюк с ложками, когда была еще совсем маленькой. Я зачем-то подвесила их к потолку.

— Речь идет, случайно, не о Джоне Долтоне?

У нее загорелись глаза.

— Вы его знаете?

— Признаться, я знаю его очень хорошо. Однажды я нашел то, что он потерял.

(*часы!*)

(*точно*)

— Но и ему я всего не рассказываю, — продолжила Абра. Она выглядела встревоженной. — И уж точно ему *не надо знать* про мальчика-бейсболиста, как и про женщину в шляпе. Потому что он обо всем сообщит родителям, а у них сейчас других забот хватает. Да и что они могут сделать в такой ситуации?

— Самое время перейти к сути дела. Кто такой этот мальчик-бейсболист?

— Брэдли Тревор. Брэд. Он иногда еще разворачивал свою бейсболку козырьком назад. Считал, что это приносит удачу. Вы слышали о такой примете?

Дэн кивнул.

— Он мертв. *Они* убили его. Но сначала пытали ножом. Они причинили ему *столько боли*! — Ее нижняя губа задрожала, и внезапно она стала больше похожа на девятилетнюю малышку, чем на тринадцатилетнего подростка.

(*не надо плакать Абра нам нельзя привлекать к себе*)

(*знаю, знаю*)

Она низко склонила голову, несколько раз глубоко вздохнула и снова посмотрела на него. В ее глазах по-прежнему блестели слезы, но губы дрожать перестали.

— Все в порядке, — сказала она. — Как же здорово, что больше не надо жить одной с этими мыслями в голове.

8

Он внимательно выслушал ее рассказ обо всем, что запомнилось ей после первого знакомства с Брэдли Тревором два года назад. А запомнилось не так уж много. Самый четкий образ, сохранившийся в памяти, — перекрещивающиеся лучи многочисленных фонариков, освещавших лежавшего на земле мальчика. И его крики. Их она забыть не могла.

— Им нужно было освещать его, потому что они совершали над ним какую-то операцию, — сказала Абра. — По крайней

мере так это у них называлось. Но на самом деле они лишь терзали и пытали его.

Она рассказала ему, как снова столкнулась с Брэдли Тревором, увидев его фото на последней полосе газеты «Эннистон шопер» среди снимков других пропавших детей. Как прикоснулась к его фотографии, чтобы проверить, сумеет ли хоть что-то узнать о нем.

— А вы умеете это? — спросила она. — Прикасаться к предметам, чтобы в вашей голове возникали различные образы? Узнавать о них больше?

— Порой. Но не всегда. У меня это лучше получалось, когда я был ребенком.

— Значит, вы думаете, что с возрастом у меня это тоже пройдет? Я была бы не против. — Она задумчиво помолчала. — Хотя совсем потерять этот дар я тоже не хочу. Не могу даже объяснить почему.

— Мне не нужно объяснений. Это наша с тобой особенность, верно? То, что умеем только мы.

Абра улыбнулась.

— Ты твердо уверена, что знаешь, где они убили того паренька?

— Да, и там же похоронили. Вместе с бейсбольной перчаткой.

Абра протянула ему листок из блокнота. Это была копия. Ей не хотелось показывать кому-либо тот первый листок, на котором она сначала вывела имена парней из «Здесь и сейчас», причем много раз. Даже то, *как были написаны* те имена, казалось теперь невероятной глупостью. Эти крупные жирные буквы выражали не любовь, а *любоф*.

— Не надо так уж смущаться, — рассеянно заметил Дэн, изучая листок. — Я в твоем возрасте запал на Стиви Никс. А еще на Энн Уилсон из группы «Харт». Ты, должно быть, даже не слышала о ней. А ведь я мечтал, что однажды сумею пригласить ее в пятницу на дискотеку в средней школе Пленвуда. Как тебе глупость?

Она смотрела на него, открыв рот от удивления.

— Да, это глуповато, но вполне естественно. Нет ничего естественней, а потому перестань заниматься самобичеванием.

И я не залезал к тебе в голову. Твои мысли передались мне сами по себе.

— О Боже! — У Абры запылали щеки. — Мне потребуется какое-то время, чтобы к вам привыкнуть, верно?

— А мне — к тебе, милая. — Он снова принялся рассматривать слова на листке.

ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН
ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ ШЕРИФА ОКРУГА КАНТОН

КОМПАНИЯ «ОРГАНИК ИНДАСТРИЗ»
ЭТАНОЛОВЫЙ ЗАВОД №4
ФРИМАН, АЙОВА

ЗАКРЫТ ДО ОСОБОГО РАСПОРЯЖЕНИЯ

— Как ты получила эту информацию? Просматривая картинку снова и снова? Перематывая, как фильм на видео?

— Со знаком «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН» было легко, а вот со всей этой органической чушью и этанолом пришлось повозиться. Вы так умеете?

— Никогда не пробовал. Быть может, однажды, но очень давно. Сейчас уже, наверное, не получится.

— Я нашла город Фриман в штате Айова на компьютере, — сказала она. — А потом на «Гугл-эрс» смогла увидеть завод. Это все реально существует.

Мысли Дэна вернулись к Джону Долтону. Кое-кто в Программе распускал слухи о необыкновенной способности Дэна находить потерявшиеся вещи, но только не Джон. И чему тут было удивляться? Доктора дают клятву хранить врачебную тайну, как члены АА обещают держать при себе сведения о своих товарищах. Так что Джон как бы гарантировал двойную степень конфиденциальности.

Абра размышляла вслух:

— Вы ведь можете позвонить родителям Брэдли Тревора, правда? Или в Управление шерифа округа Кантон? Меня бы они не восприняли всерьез, а взрослому должны поверить.

— Вероятно, я действительно могу это сделать.

Но только мужчина, которому известно, где закопано тело пропавшего ребенка, автоматически будет зачислен в число главных подозреваемых, а значит, если он решится связаться с властями, необходимо очень тщательно продумать, *каким образом* поставить их в известность.

Да, Абра, ну и в историю ты меня втянула.

— Простите, — прошептала она.

Он положил ладонь поверх ее руки и мягко пожал.

— Ты не должна просить прощения. Эта мысль предназначалась *не для тебя*.

Неожиданно она выпрямилась и вся подобралась.

— О Господи! Сюда идет Ивонна Страуд. Моя одноклассница.

Дэн поспешно отдернул руку. Он увидел шагающую к ним по тротуару пухленькую темно-русую девочку примерно одного с Аброй возраста. На плече она несла рюкзачок, а к груди прижимала довольно потрепанную тетрадь. Ее острые глазки с любопытством стреляли по сторонам.

— Вот уж кто точно захочет узнать о вас все, — сказала Абра. — То есть *абсолютно* все. А потом начнет *болтать* об этом на каждом углу.

Вот тебе раз!

Дэн посмотрел на девочку.

(*мы тебе совершенно неинтересны*)

— Помогай, Абра, — сказал он и тут же почувствовал, как она включилась. Когда они объединились, мысль приобрела силу и глубину.

(*МЫ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕМ НИ МАЛЕЙШЕГО ИНТЕРЕСА*)

— Вот это хорошо, — сказала Абра. — Еще немного. Вместе, словно поем дуэтом.

(*ТЫ НАС ВООБЩЕ НЕ ЗАМЕЧАЕШЬ МЫ НЕ ИНТЕРЕСНЫ ТЕБЕ И У ТЕБЯ ЕСТЬ ЧЕМ СЕЙЧАС ЗАНЯТЬСЯ*)

Ивонна Страуд ускорила шаг, небрежно махнула Абре рукой и поспешила дальше. Взбежала по ступенькам библиотеки и скрылась за дверью.

— Мать моя женщина, — сказал Дэн.

Абра серьезно посмотрела на него.

— Согласно теории родственной относительности Абры Стоун, это вовсе не исключено. Вы очень похожи...

(*пещерная леди в шкуре мамонта держит за руку маленького мальчика*)

Оба расхохотались.

9

Дэн заставил ее трижды подробно рассказать о проникновении двух личностей друг в друга, желая убедиться, что все понял правильно.

— Вы и этого никогда не проделывали? — спросила Абра. — Трюк с дальновидением?

— Астральную проекцию? Нет. А тебе часто доводилось?

— Всего пару раз. — Она задумалась. — Или трижды. Однажды я проникла в девочку, которая плавала в реке. Мне тогда было лет девять или десять, и я ее хорошо видела с нижнего края нашей лужайки на заднем дворе. Я даже не поняла, зачем так поступила. Она не тонула, с ней не случилось никакой беды. Просто пришла купаться с друзьями. Тот раз продлился дольше всего. Я находилась в ней не меньше трех минут. А что это за астральная проекция, о которой вы упомянули? Как выход в открытый космос?

— Это старый термин, им пользовались на спиритических сеансах лет сто назад. Вероятно, он не совсем точный. В целом это означает опыт, при котором покидаешь собственное тело. — Если этому вообще можно подобрать вразумительное определение. — Но я хочу быть уверенным, что понял тебя правильно. Купающаяся девочка в твое тело при этом не входила?

Абра энергично помотала головой, и ее конский хвост забавно заметался между плечами.

— Она даже не почувствовала моего присутствия. Единственный раз, когда это получилось взаимно, был с той женщиной в шляпе. Но только я тогда не видела шляпу, потому что находилась внутри.

Дэн пальцем нарисовал в воздухе круг.

— Ты вошла в нее, она вошла в тебя.

— Да. — Абра поежилась. — Это она резала Брэдли Тревора ножом, пока он не умер. Когда она улыбается, то видно, что у нее всего один огромный зуб в верхней челюсти.

Упоминание о шляпе затронуло в Дэне какую-то струну, заставило подумать о Дини из Уилмингтона. Потому что Дини носила шляпу? Нет, он бы такое запомнил. Быть может, это вообще ничего не значило? Просто какая-то фантомная ассоциация в мозгу, который испытывал стресс. И если признаться (а признаваться не очень-то хотелось), то Дини постоянно приходила ему на ум. Достаточно было увидеть пару сандалий на пробковой подошве в витрине обувного магазина.

— Кто такая Дини? — спросила Абра. Но затем вдруг часто заморгала и чуть подалась назад, словно Дэн предостерегающе поднял палец прямо перед ее лицом. — Ой, прошу прощения! Кажется, сунула нос куда не следовало.

— Ничего страшного, — сказал он. — Но давай вернемся к твоей даме в шляпе. Когда позже ты снова увидела ее — теперь уже в своем окне, — это было совсем иначе?

— Да, совершенно иначе. Собственно говоря, я даже не уверена, что сияние имело к этому отношение. Сейчас мне кажется, я просто *вспомнила* о том, как увидела ее, когда она пытала мальчика.

— Значит, она не могла тебя видеть. И вообще она ни разу не видела, как ты выглядишь.

Если женщина действительно представляла такую опасность, как считала Абра, это имело первостепенное значение.

— Нет. Я уверена, что не видела. Но очень хотела бы. — Абра посмотрела на него широко распахнутыми глазами, а ее губы опять чуть заметно задрожали. — Когда произошло наше взаимопроникновение, она думала *о зеркале*. Ей было нужно, чтобы я посмотрела на себя. Она хотела использовать мои же глаза, чтобы разглядеть мое лицо.

— А что именно она *успела увидеть* твоими глазами? Она может разыскать тебя?

Абра на некоторое время задумалась. Потом сказала:

— Когда это случилось, я смотрела в окно своей комнаты. Из него можно увидеть только часть улицы. И конечно, горы в отдалении, но ведь в Америке очень много гор, верно?

— Верно.

Могла ли женщина в шляпе опознать горы, увиденные глазами Абры, по фотографиям, если бы провела детальный компьютерный поиск? Как и о многом другом в этом деле, об этом оставалось только гадать.

— Почему они убили его, Дэн? Зачем им понадобилось убивать мальчика-бейсболиста?

Он полагал, что это ему известно, и не стал бы делиться информацией с девочкой, если бы мог... Вот только короткой встречи хватило, чтобы понять, на каких основах придется строить отношения с Аброй Рафаэллой Стоун. Бросившие пить алкоголики давали обет «быть абсолютно честными и открытыми во всем», но мало кому это удавалось; между ним и Аброй честность и открытость были данностью.

(*пища*)

Абра в ужасе уставилась на него.

— Они питались его *сиянием*?

(*да, я так думаю*)

(*значит, они ВАМПИРЫ?*)

А потом вслух:

— Как в «Сумерках»?

— Ну, не совсем такие вампиры, — сказал Дэн, — и учти, пожалуйста, что это только мое предположение.

Дверь библиотеки открылась. Дэн покосился в ту сторону, опасаясь, что это может быть чрезмерно любопытная Ивонна Страуд, но оттуда вышли юноша и девушка, которые не видели вокруг ничего, кроме друг друга. Он повернулся к Абре.

— Нам пора закругляться.

— Знаю. — Она подняла руку, потерла губы, потом поймала себя на этом и положила ладонь на колено. — Но у меня осталось столько вопросов. Мне еще так много необходимо узнать. Нам бы потребовалось на это *несколько часов*.

— Которых у нас, увы, нет. Ты уверена, что она была в «Сэмсе»?

— А?

— Уверена, что она была в супермаркете «Сэмс»?

— О да, на сто процентов.

— Я знаю эту сеть. Мне приходилось делать в ней покупки несколько раз, но не здесь.

Она усмехнулась:

— Конечно, не здесь, дядя Дэн. У нас таких нет. Они все расположены на западе. Это я тоже проверила по Интернету. — Усмешка померкла. — Но их сотни от Небраски до Калифорнии.

— Мне нужно все основательно обдумать, и тебе тоже. Связывайся со мной по электронной почте, если появится что-то важное, но лучше всего, если мы будем, — он похлопал себя по лбу, — держать особую связь. Бип-бип, понимаешь?

— Да, — сказала она и снова улыбнулась. — Пожалуй, единственный источник оптимизма для меня во всей этой истории — появление друга, который умеет бип-бип. И знает, каково это.

— Ты сможешь и дальше использовать доску?

— Разумеется. Это очень просто.

— Но только ты должна все время помнить: женщина в шляпе, вероятно, не знает, где именно ты находишься, однако теперь ей известно о твоем существовании.

Она стала очень серьезной и затихла. Он попытался прочитать ее мысли, но Абра поставила блокаду.

— Ты можешь настроить в своем сознании нечто вроде сигнализации? Чтобы, как только эта женщина появится где-то рядом, мысленно либо лично, ты сразу узнала об этом?

— Вы думаете, что она придет за мной, да?

— Она может попытаться. По двум причинам. Во-первых, ты тоже теперь знаешь о ее существовании.

— И о ее сообщниках, — прошептала Абра. — У нее много сообщников.

(*с фонариками*)

— А что за вторая причина?

И ответила сама:

— Я для них — отличная пища. Как мальчик-бейсболист. Я ведь права?

Не было никакого смысла оспаривать это утверждение — для Абры его мозг был открытой книгой.

— А ты *можешь* установить сигнализатор вторжения? Это...

— Я представляю, о чем речь. Не знаю. Попробую.

Ее следующую фразу он угадал, даже не прибегая к чтению мыслей. В конце концов, она была всего лишь ребенком. И когда она взяла его за руку, он не отпрянул.

— Обещайте, что не позволите ей схватить меня, Дэн. *Дайте мне слово.*

И он пообещал, потому что она была такой маленькой и нуждалась в утешении. Но, разумеется, существовал лишь один способ выполнить обещание: устранить возникшую угрозу.

Он снова подумал: *Да, Абра, ну и в историю же ты меня втянула.*

И она повторила, только не вслух:

(*простите*)

— Это не твоя вина, детка. Ты

(*виновата в этом не больше*),

чем я сам. Займись своими книгами. Мне надо возвращаться во Фрейзер. У меня сегодня ночное дежурство.

— Хорошо. Но ведь мы друзья, правда?

— Лучшие друзья.

— Я этому очень рада.

— И уверен, тебе понравится «Мастеровой». Это как раз для тебя. Ведь ты и сама проявила себя хорошим мастером, справляясь со своим даром, не так ли?

Очаровательные ямочки обозначились в уголках ее рта.

— Как скажете.

— Уж поверь мне.

Он смотрел, как она поднялась по ступенькам библиотеки, затем вдруг остановилась и вернулась назад.

— Я не знаю имени женщины в шляпе, зато слышала, как зовут одного из ее приятелей: Барри Скиталец или как-то в этом роде. Держу пари, где бы она ни находилась, этот Барри будет рядом с ней. Вот его я смогла бы найти, если бы у меня была перчатка мальчика-бейсболиста. — Она очень серьезно глядела на Дэна своими красивыми голубыми глазами. — Я бы его вычислила, потому что *Барри Скиталец ненадолго надевал перчатку.*

10

На полпути к Фрейзеру, все еще размышляя о женщине в шляпе, Дэн внезапно припомнил нечто, от чего его буквально пробило током. Он даже выехал через разделительную полосу навстречу грузовику, мчавшемуся на запад по шоссе 16, и водитель возмущенно загудел.

Это случилось двенадцать лет назад, когда он еще не совсем освоился во Фрейзере, а его трезвость постоянно балансировала на грани срыва. Он возвращался к миссис Робертсон, у которой снимал комнату. Надвигался буран, и Билли Фриман выдал ему пару рабочих башмаков. *На вид они не очень, но хотя бы подошли.* И, свернув с Морхед на Элиот-стрит, он заметил...

Прямо перед ним появился указатель к зоне отдыха. Дэн направил машину туда, вышел и двинулся на шум реки. Это была, конечно же, Сако; она протекала через дюжину городков Нью-Гэмпшира, от Норс-Конвея до Кроуфорд-Нотча, соединяя их как бусины на нитке.

Я заметил шляпу, которую ветер гнал вдоль водостока. Потертый цилиндр, какие любят фокусники. Или актеры из старых музыкальных комедий. Но только на самом деле шляпы там не было, потому что стоило мне закрыть глаза и досчитать до пяти, как ее не стало.

— Хорошо, допустим, это было сияние, — сказал он, обращаясь к реке. — Но ведь Абра совсем не обязательно видела ту же самую шляпу, тот же цилиндр.

Вот только он сам себе не поверил, потому что той ночью ему приснилась Дини. Она была мертва, и плоть сползала с ее черепа, как тесто со скалки. Мертва и закутана в одеяло, которое Дэн украл из тележки какого-то нищего бродяги. *Опасайся женщины в цилиндре, Медвежонок.* Так она сказала. И что-то еще... Что же?

Она Королева-сучка из Адского замка.

— Ты не можешь этого помнить, — сказал он бегущей мимо воде. — Никто не помнит снов, приснившихся двенадцать лет назад.

Но он помнил. А потом в памяти всплыли другие слова мертвой женщины из Уилмингтона: *Встанешь у нее на пути, и она сожрет тебя живьем.*

11

В свою комнату в башне он вернулся после шести часов, держа в руках поднос из кафетерия. Первым же делом бросил взгляд на доску и улыбнулся, прочитав:

Спасибо, что поверили мне.

Как будто у меня был выбор, милая.

Он стер записку от Абры и уселся за стол ужинать. Когда он выехал из зоны отдыха на шоссе, мыслями его завладел Дик Холлоран. Ему это показалось вполне естественным: когда кто-то обращался к тебе с просьбой научить чему-то, ты невольно вспоминал собственного учителя, чтобы понять, как это лучше сделать. Дэн оборвал все связи с Диком в пьяные годы (главным образом из-за стыда), но теперь подумал, что должна существовать возможность узнать о судьбе старого друга. Быть может, даже снова связаться с ним, если, конечно, Дик еще жив. А почему, собственно, и нет? Сейчас многие доживали до девяноста с лишним, если умели заботиться о себе. Та же прабабушка Абры — отличный пример.

Мне нужны ответы на многие вопросы, Дик, и ты — единственный человек из всех, кого я знаю, способный ответить хотя бы на некоторые из них. Так что уж сделай одолжение, дружище, окажись, пожалуйста, жив.

Дэн включил компьютер и открыл «Файрфокс». Он знал, что Дик имел обыкновение работать зимой поваром в различных курортных отелях Флориды, но не помнил ни их названий, ни даже мест, где они располагались. Скорее всего он чередовал побережья штата — Нейплс на один сезон, Палм-Бич на следующий, а потом Сарасота или Ки-Уэст. Для человека, чьи блюда ласкали вкусовые рецепторы самых взыскательных клиентов, недостатка в работе быть не могло. А Дик умел готовить, как никто другой. Дэна осенило, что поиск ему может облегчить не совсем обычная фамилия Дика — не Халлоран, а Холлоран. Он ввел **Ричард Холлоран** в поисковую строку, добавил **Флорида** и нажал «Ввод». На экране появились сотни ссылок, но он сразу понял, что его должна интересовать третья сверху, и разоча-

рованно вздохнул. Щелкнул курсором по ссылке и открыл заметку из газеты «Майами геральд». Сомнений не оставалось. Когда в заголовке фигурировали и имя, и возраст, ты точно понимал, на что смотришь. На некролог.

Знаменитый шеф-повар Ричард — Дик — Холлоран скончался в возрасте 81 года

Там была фотография. Совсем крошечная, но Дэн не мог не узнать этого мудрого, приветливого лица. Неужели он умер в одиночестве? Дэн сильно сомневался в этом. Дик слишком любил жизнь... и женщин. На его похороны собралось, вероятно, немало народа, но тех двоих, кого он спас от смерти однажды зимой в Колорадо, среди присутствующих не оказалось. Уэнди Торранс не явилась по уважительной причине: она ушла из жизни еще раньше. А вот ее сынок...

Неужели он пребывал в очередном запое, накачиваясь виски и гоняя на музыкальном автомате любимые песни дальнобойщиков, когда Дик уходил в мир иной? Или сидел в обезьяннике, запертый на сутки за хулиганство и драку в пьяном виде?

Причиной смерти был инфаркт. Дэн прокрутил изображение на экране чуть назад и посмотрел на дату публикации: 19 января 1999 года. Человек, который спас от смерти малыша Дэнни и его матушку, покоился в могиле уже почти пятнадцать лет. Помощи от него ждать не приходилось.

Сзади донеслось шуршание мела по доске. Он какое-то время сидел, не меняя позы, с остывающей едой и включенным компьютером на столе. Затем медленно повернулся.

Кусочек мела, как обычно, лежал в ложбинке под доской, однако рисунок продолжал появляться. Он был торопливым, но узнаваемым. Бейсбольная перчатка. Когда с перчаткой было покончено, Абра своим невидимым, но все равно издававшим чуть слышный скрип мелком вывела на ней вопросительный знак.

— Мне нужно будет подумать, — сказал он, но собраться с мыслями ему не дал зуммер домофона. Кому-то срочно понадобился Доктор Сон.

Глава 9

ГОЛОСА НАШИХ УМЕРШИХ ДРУЗЕЙ

1

В свои сто два года Элинор Оулей была старейшей обитательницей Ривингтона осенью 2013-го. Вероятно, именно в силу почтенного возраста ее фамилия так и не подверглась американизации. Не Уиллет, но намного более изящное французское Оулей. Дэн иногда в шутку звал ее мисс О-ла-ла, что неизменно вызывало у старушки улыбку. Рон Стимсон — один из четырех врачей, которые регулярно делали обходы, осматривая гостей хосписа, — как-то сказал Дэну, что Элинор может служить наглядным подтверждением того, что жизнь сильнее смерти.

— Печень у нее практически не работает, легкие убиты восьмьюдесятью годами курения; у нее колоректальный рак, крайне злокачественный, пусть и неторопливый, а стенки сердца тоньше, чем ус у кота. Но она все еще живет.

Но если Азрил был прав (а Дэн уже убедился на практике, что он не ошибался никогда), долгосрочный договор Элинор с этим миром все-таки истекал, хотя она совершенно не выглядела умирающей. Когда Дэн вошел, она сидела в кровати, поглаживая кота. Ее волосы были безукоризненно уложены — благодаря вчерашнему визиту парикмахера, — а розовая ночная сорочка, как всегда, отглажена и чиста. Ткань придавала цвет бледным щекам, а подол укрывал костлявые ноги подобием бального платья.

Дэн обхватил лицо руками, раскинув пальцы.

— О-ла-ла! Une belle femme! Je suis amoureux!*

* Красавица! Я влюблен! (*фр.*)

Она закатила глаза, но потом откинула голову чуть назад и улыбнулась ему.

— Ты, конечно, не Морис Шевалье, но нравишься мне, *cher*. Ты веселый, что важно, нахальный, что еще важнее, и у тебя чудная попка, а уж это *самое* важное. Красивая мужская задница — это то, на чем держится весь мир, а твоя совсем недурна. Будь я моложе, непременно ущипнула бы тебя, а потом съела заживо. Лучше всего у бассейна отеля «Ле Меридьен» в Монте-Карло, перед аудиторией истинных ценителей, которые наградили бы меня аплодисментами.

Странным образом ее голос, хриплый, но все еще мелодичный, ухитрился сделать эту сцену чарующей, а не вульгарной. Дэн всегда считал, что прокуренный, хрипловатый голос Элинор мог бы принадлежать певице из кабаре, которая успела многое повидать на своем веку еще до того, когда весной 1940 года немецкая армия парадным маршем прошла по Елисейским полям. Быть может, слегка износившаяся, но ни в коем случае не заношенная до дыр. И хотя Элинор напоминала смерть вопреки тщательно подобранному цвету ночной сорочки, следовало помнить, что она выглядела так еще с 2009 года, когда поселилась в комнате номер 15 корпуса Ривингтон. И только присутствие Аззи говорило о том, что нынешний вечер — особенный.

— Уверен, вы были бы неотразимы, — сказал Дэн.

— Ты встречаешься с юными дамами, cher?

— В данный момент не встречаюсь. — За одним исключением, которому было слишком мало лет для разговоров про amour.

— А вот это глупо. Так бездарно терять время. Потому что с годами *это*, — она подняла длинный и тощий указательный палец, а потом согнула его, — превращается вот в *это*. Впрочем, тебе во всем предстоит убедиться самому.

Он улыбнулся и присел на край ее кровати. Как садился на многие другие.

— Вы себя хорошо чувствуете, Элинор?

— Неплохо. — Она проследила, как Аззи спрыгнул на пол и выскользнул за дверь, посчитав свою работу на сегодня выполненной. — У меня побывало много посетителей. Они заставили

твоего кота понервничать, но он продержался до твоего прихода.

— Это не мой личный кот, Элинор. Он принадлежит всему дому.

— Нет, — возразила она, но так, словно эта тема ее уже не слишком занимала. — Он все-таки твой.

Дэн сомневался, чтобы к Элинор явился хотя бы один посетитель, если, конечно, не считать Азрила. Ни сегодня вечером, ни на прошлой неделе, ни за месяц, ни за целый год. Ее никто и никогда не навещал. Она осталась в этом мире совершенно одна. Даже тот динозавр, который служил ее поверенным, вел денежные дела и когда-то приезжал раз в квартал с чемоданом размером с багажник «сааба», уже успел отправиться на тот свет. Мисс О-ла-ла, правда, утверждала, что у нее есть родственники в Монреале, «но у меня осталось слишком мало денег, чтобы они соблазнились приехать, *cher*».

— Так кто же приходил вас проведать? — спросил Дэн, думая, что к ней могли заглянуть Джина Уимз и Андреа Ботштейн, медсестры, дежурившие в Ривингтоне-1 с трех до одиннадцати. Или же это был Пол Ларсон — медлительный, но добросовестный санитар, которого Дэн привык считать антиподом Фреда Карлинга.

— Как я уже сказала, их было много. Они и сейчас здесь. Это бесконечная вереница, целый парад. Они улыбаются, раскланиваются, а один мальчишка показал мне язык — длинный, как собачий хвостик. Некоторые из них вступают в разговоры. Ты знаешь поэта Йоргоса Сефериса?

— Нет, мэм, не знаю.

Неужели здесь был кто-то еще? Дэн не исключал этого, но не ощущал постороннего присутствия. Хотя он мог ошибаться.

— В одном из стихотворений Сеферис задает вопрос: «Мы слышим голоса умерших друзей, иль то всего лишь старый граммофон?» Детишки — вот что самое грустное. Здесь побывал мальчик, утонувший в колодце.

— Неужели?

— Да. А еще женщина, которая покончила с собой, вскрыв вены пружиной от кровати.

Но он по-прежнему не чувствовал присутствия духов. Могла ли встреча с Аброй настолько обессилить его? Такая возможность существовала, и в целом сияние накатывало волнами, которые невозможно было систематизировать. Однако Дэн не думал, что дело в этом. Скорее Элинор впала в слабоумие. Или подтрунивает над ним. Тоже не исключено. Элинор О-ла-ла та еще штучка! Говорили, что кто-то — Оскар Уайльд? — пошутил на смертном одре: *Или я, или эти мерзкие обои в цветочек.*

— Тебе нужно подождать, — сказала Элинор, и теперь в ее тоне не слышалось никакой игривости. — Огни возвестят прибытие. Быть может, случится что-то еще. Например откроется дверь. И тогда явится *твой* посетитель.

Дэн с сомнением посмотрел на дверь, которая выходила в коридор и была уже открыта. Он не закрывал двери, чтобы Аззи мог покинуть комнату в любой момент, когда захочет. Что тот обычно и делал, как только Дэн приходил ему на смену.

— Может, вам принести холодного сока, Элинор?

— Я бы с радостью выпила сока, если бы оставалось вре... — Она не закончила: все признаки жизни покинули ее лицо, как вода — прохудившийся сосуд. Ее глаза уставились в одну точку поверх его головы, рот приоткрылся. Щеки ввалились, а подбородок упал на тощую грудь. Верхняя часть зубных протезов вывалилась, скользнула по нижней губе и зависла, словно в зловещей усмешке.

Черт, как быстро это произошло!

Он осторожно подцепил ее протез и убрал. При этом губа сначала вытянулась, а потом вернулась на место с чуть слышным хлюпающим звуком. Дэн положил вставные зубы на прикроватный столик, хотел подняться на ноги, но потом снова сел. Он ждал появления красного тумана, который старая медсестра из Тампы называла испущенным духом. Но ничего не происходило.

Тебе нужно подождать.

Хорошо, это он мог себе позволить. Он попытался проникнуть в мысли Абры, но не сумел. Наверное, то был добрый признак. Возможно, она уже поставила защиту. Или же его собственная способность — его *чувствительность* — на сегодня была

полностью исчерпана. Что ж, не важно. Она вернется. По крайней мере всегда возвращалась прежде.

Он задумался (уже не в первый раз), почему никогда не видел мух на лицах обитателей Ривингтона. Быть может, потому что в этом не было необходимости? У него ведь был Аззи. А сам Аззи? Видел ли он что-нибудь своими умными зелеными глазами? Наверняка видел. Быть может, не мух, но *что-то еще*.

Мы слышим голоса умерших друзей, иль то всего лишь старый граммофон?

Нынешним вечером на этаже стояла необычайная тишина, хотя было еще сравнительно рано. Из комнаты дежурных в конце коридора не доносилось звуков разговора. Нигде не работал ни телевизор, ни радио. Он не слышал ни обычного скрипа кроссовок Пола по линолеуму, ни приглушенных голосов Джины и Андреа. Не звонил телефон. А часы...

Дэн поднял руку повыше. Неудивительно, что он не мог расслышать даже их тиканья, потому что часы встали.

Флуоресцентный светильник на потолке вдруг погас, и единственным источником света в комнате осталась настольная лампа Элинор. Потом светильник включился, а настольная лампа померкла. Затем она вспыхнула, после чего пропало все освещение. Включилось... выключилось... включилось.

— Здесь есть кто-нибудь?

Графин на прикроватном столике завибрировал, но сразу замер. Челюсть, вынутая изо рта покойной, издала неприятный клацающий стук. Странная волна пробежала по простыне на постели Элинор, словно под ней кто-то пришел в движение. Дуновение теплого воздуха быстрым поцелуем коснулось щеки Дэна и пропало.

— Кто здесь?

Его сердцебиение не участилось, но он чувствовал пульсацию крови в венах на шее и запястьях. Волоски на затылке ощетинились и встали дыбом. Теперь он понял, что именно видела Элинор перед самой смертью: шествие

(*людей-призраков*)

мертвецов, входивших в комнату через одну стену и покидавших ее через другую. Уход в другой мир? Нет, возвращение в

наш. Он не знал поэзии Сефериса, зато ему были знакомы строчки Одена: *Смерть берет богачей, и веселых людей, и красавцев, чей член всех длинней.* Она видела их всех, и они здесь до сих...

Но нет же! Он знал, что никого здесь сейчас уже не было. Явившиеся к Элинор призраки завершили свой парад, и она последней встала в их строй. А ему было велено ждать, и он ждал.

Дверь в коридор медленно захлопнулась. Зато открылась дверь ванной.

Из мертвого рта Элинор Оулей донеслось всего одно слово:

— *Дэнни.*

2

Въезжая в небольшой городок под названием Сайдуайндер, вы обязательно увидите плакат, гласящий: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА КРЫШУ МИРА!» Это, конечно, не так, но достаточно близко к истине. А в двадцати милях от той линии, где восточный склон гор переходил в западный, от основного шоссе ответвлялся проселок, змеившийся на север. Над въездом возвышалась деревянная арка с выжженной надписью: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В КЕМПИНГ "КОЛОКОЛЬЧИК"! ОСТАНЬСЯ У НАС, ПУТНИК!»

Все это выглядело очень гостеприимно, но местные жители знали, что ворота в арке гораздо чаще стояли закрытыми, чем распахнутыми, и к ним крепилась значительно менее дружелюбная вывеска: «ЗАКРЫТО ДО ДАЛЬНЕЙШЕГО УВЕДОМЛЕНИЯ». Каким образом владельцы кемпинга сводили концы с концами, оставалось для обитателей Сайдуайндера загадкой. Им самим хотелось бы, чтобы «Колокольчик» работал в течение всего сезона, пока дороги не занесет снегом. Ведь теперь не было клиентов и покупателей, приезжавших в город из «Оверлука», и поначалу у местных жителей зародилась надежда, что кемпинг вернет в Сайдуайндер хотя бы часть прежней деловой активности (хотя все прекрасно понимали, что люди в кемперах не могут

тратить столько же денег, сколько тратили постояльцы роскошного отеля). Но «Колокольчик» не оправдывал даже самых скромных ожиданий, и распространились слухи, что кемпинг служил лишь прикрытием для отмывания денег какой-то крупной корпорацией и был заведомо убыточной затеей.

Он действительно был прикрытием, но владела им не корпорация, а Истинный Узел, и когда его члены съезжались туда, никаких других туристов внутрь не пускали. В кемпинге на просторной стоянке располагались только кемперы Истинных, среди которых выделялась громада «эрскрузера» Розы-в-Шляпе.

В один из сентябрьских вечеров девять членов Узла собрались в простом, но уютном здании «Оверлук-холла» с высокими сводчатыми потолками. Когда кемпинг был открыт для широкой публики, холл превращался в ресторан, где обслуживали дважды в день, накрывая столы к завтраку и к ужину. Роль поваров взяли на себя Коротышка Эдди и Большая Мо (в миру Эд и Морин Хигтинс). Разумеется, им было очень далеко до кулинарных высот Дика Холлорана — с ним вообще мало кто мог сравниться, — но особого таланта и не требовалось. Сложно испортить ту простую пищу, которую предпочитали «странники на колесах»: мясной рулет, макароны с сыром, мясной рулет, блинчики с домашним кленовым сиропом, мясной рулет, куриное жаркое, мясной рулет, салат с тунцом и мясной рулет с грибной подливкой. После ужина столы расчищали для бинго или игры в карты. По выходным устраивали танцы. Но эти радости жизни были доступны, только пока кемпинг работал для всех. А в этот вечер — примерно в то же время, когда в трех часовых поясах к востоку Дэн Торранс сидел рядом с умершей женщиной и ждал своего таинственного гостя, — в «Оверлук-холле» решали вопрос совершенно иного рода.

Джимми Счетовод сидел во главе единственного стола, установленного в центре зала на полированном полу из клена. Его портативный компьютер был открыт и показывал картинку с пейзажем родного города Джимми, расположенного где-то в глуши Карпат. (Ему нравилось шутить, что его дед однажды

встречался с молодым лондонским юристом, которого завали Джонатан Гаркер*.)

Рядом с Джимми стояли тесным кружком, устремив взгляды на экран, Роуз, Папаша Ворон, Барри Китаец, Змеючка Энди, Чарли Жетон, Энни Фартук, Дизель Дуг и Дедушка Флик. Все по возможности сторонились Дедушки, от которого несло так, словно он наделал в штаны и забыл их сменить (что с ним в последнее время случалось все чаще и чаще), но тема встречи была слишком важна, и приходилось мириться с его присутствием.

Джимми Счетовод был неприметным мужчиной с обширными залысинами и приятной, хотя несколько обезьяньей улыбкой. Выглядел он лет на пятьдесят, что составляло треть его реального возраста.

— Я поискал в «Гугле» «дурную голову» и не обнаружил ничего путного, как и следовало ожидать. Если вам интересно, то на подростковом сленге это означает...

— Нам не интересно, — оборвал его Дизель Дуг. — И между прочим, Дедушка, от тебя мерзко воняет. Не обижайся, но когда ты в последний раз подтирал задницу?

Дедушка Флик осклабился, обнажив зубы — кривые и желтые, но до сих пор свои собственные — и бросив на Дуга вызывающий взгляд.

— Мне ее подтирала твоя женушка не далее как нынче утром. И сделала это своей мордой, если хочешь знать. Довольно мерзко, но, по-моему, ей по вкусу такие...

— Заткните пасти, вы оба! — сказала Роуз. Ее голос звучал спокойно и без тени угрозы, но Дуг и Дедушка понурили головы, как наказанные школьники. — Продолжай, Джимми. Но переходи к сути. Мне нужен конкретный план, и чем скорее, тем лучше.

— Остальных трудно будет уговорить, каким бы конкретным ни был план, — заметил Ворон. — Они скажут, что у нас выдался урожайный год. Сначала заваруха в кинотеатре, потом пожар в церкви Литл-Рока, теракт в Остине. Не говоря уже о Хуаресе. Признаться, у меня были сомнения насчет южной границы, но оно того стоило. Хорошее выдалось дело.

---

* Персонаж романа Брэма Стокера «Дракула».

Хорошее — это еще мягко сказано. Город Хуарес прославился как мировая столица убийств. Там совершалось более двух с половиной тысяч убийств в год. Многие сопровождались пытками. И витавшая в городе атмосфера оказалась для Истинных исключительно питательной. Пусть этот пар не был чистым и от него иной раз крутило желудок, но свою задачу он выполнял.

— Меня, конечно, развезло от их проклятых бобов, — сказал Чарли Жетон, — зато урожай выдался отменный.

— Год действительно *был* удачным, — признала Роуз, — но мы не можем вечно торчать в Мексике. Мы слишком бросаемся в глаза. Для мексиканцев мы богатые *americanos*. А здесь сливаемся с пейзажем. И неужели вы не устали бороться за жизнь из года в год? Все время куда-то переезжать, вечно подсчитывать, сколько осталось запасных канистр? Я же предлагаю вам нечто совершенно иное. Это просто золотая жила.

Ей никто не ответил. Она была их лидером, и в конце концов они всегда исполняли ее приказы, но пока замысел с девочкой до них не дошел. Это ничего, это нормально. Когда они увидят ее своими глазами, сразу поймут. А когда посадят под замок и заставят производить сколько угодно пара по заказу, просто упадут перед Роуз на колени и будут целовать ей ноги. А она, быть может, милостиво позволит им это.

— Продолжай, Джимми, но будь краток.

— Я на сто процентов уверен, что услышанная тобой фраза — это искаженное подростками название сети магазинов «Сломя голову». Она распространена в Новой Англии. Всего семьдесят три магазина от Провиденса до Преск-Айла. Любой ученик начальной школы с помощью айпада нарыл бы эту информацию за пару минут. Я распечатал список адресов и воспользовался «Уэрл — триста шестьдесят», чтобы получить картинки. Нашлось шесть мест с видом на горы. Два в Вермонте, два в Нью-Гэмпшире и два в Мэне.

Под стулом Джимми Счетовода стоял чехол от ноутбука. Он достал его, раскрыл, вынул папку и подал Роуз.

— Это снимки не магазинов, а гор в той местности, где они расположены. И снова благодаря «Уэрл — триста шестьдесят», который намного эффективнее «Гугл-эрс», за что ему отдельное

спасибо! Посмотри и подумай, нет ли чего знакомого. Если не опознаешь сразу, по крайней мере покажешь те, которые можно заведомо отбросить.

Роуз открыла папку и принялась неторопливо изучать фотографии. Две из них, с изображениями Зеленых гор в Вермонте, она тут же отложила в сторону. Еще один снимок из штата Мэн забраковала, потому что на нем была видна только одна гора, тогда как ей запомнилась целая гряда. Три оставшихся она разглядывала дольше. Потом вернула их Джимми Счетоводу.

— Один из этих трех.

Он посмотрел на обратную сторону фотографий.

— Фрайбург, штат Мэн... Мэдисон, Нью-Гэмпшир... Эннистон, тоже Нью-Гэмпшир. Есть какие-то особые предчувствия — какой из трех ближе к цели?

Роуз снова взялась за снимки, задержавшись на видах Белых гор из Фрайбурга и из Эннистона.

— Думаю, что-то в этом роде, но собираюсь удостовериться лично.

— Каким же образом? — спросил Ворон.

— Нанесу ей визит.

— Если все, о чем ты рассказывала, правда, это может быть опасно.

— Я приду к ней, когда она будет спать. Девочки-подростки спят крепко. Она даже не узнает, что я у нее побывала.

— Ты уверена, что это необходимо? Все три места находятся поблизости друг от друга. Мы можем проверить их по очереди.

— Ну конечно! — воскликнула Роуз. — Мы будем просто разъезжать по округе и расспрашивать всех подряд: «Извините, мы тут разыскиваем одну девочку, только вот беда, не знаем, в каком городе она живет. Не могли бы вы нам помочь? Не замечали поблизости девочку-подростка, обладающую способностью видеть будущее и читать чужие мысли?» Так, что ли?

Папаша Ворон вздохнул, сунул свои большие руки глубоко в карманы и посмотрел на нее.

— Прошу простить меня, — сказала Роуз, — но вы должны понять, что я тоже немного нервничаю. Я хочу взяться за это дело и закончить его успешно. А волноваться не надо. Я сумею постоять за себя.

3

Дэн сидел и смотрел на покойную Элинор Оулей. На ее открытые глаза, которые постепенно стекленели. На маленькие ручки, лежавшие ладонями вверх. Но в первую очередь — на ее открытый рот. Внутри его затаилась бесконечная тишина смерти.

— Кто вы такой?

А сам подумал: *Как будто сам не знаешь?* Он же хотел получить ответы на вопросы.

— *Ты вырос.* — Губы не шевелились, а слова не несли никакой эмоциональной окраски. Вероятно, смерть лишила его старого друга всех человеческих чувств, и это было так неправильно. Или, быть может, кто-то другой выдавал себя за Дика Холлорана. Точнее — *что-то* другое.

— Если вы действительно Дик, докажите это. Расскажите мне что-нибудь, о чем могли знать только мы двое.

Молчание. Но призрак оставался здесь. Дэн чувствовал это. Потом:

— *Ты спросил меня, зачем миссис Брант понадобились брюки парковщика.*

Дэн не сразу понял, что имеет в виду голос. Но затем пришло воспоминание. Оно хранилось на дальней, высокой полке его памяти вместе с другими неприятными воспоминаниями об «Оверлуке». Рядом со стальными сейфами. Миссис Брант выписывалась из отеля в тот день, когда туда приехал Дэнни с родителями, и он случайно уловил мысль, промелькнувшую у нее при виде сотрудника гостиницы, который подогнал к подъезду ее машину: *А я бы не прочь залезть в его штаны.*

— *Ты был маленьким мальчиком, но с огромным радио в голове. Мне было жаль тебя. А еще я за тебя боялся. И ведь боялся не зря, верно?*

Вот теперь Дэн уловил эхо привычной доброты и чувства юмора своего старого друга. Это на самом деле был Дик. Дэн смотрел на мертвую женщину как громом пораженный. Свет в комнате снова замигал. Графин для воды задребезжал.

— *Я не могу задерживаться надолго, сынок. Испытываю боль, находясь здесь.*

— Дик, тут есть маленькая девочка...

— *Абра.* — Словно вздох. — *Она похожа на тебя. Все идет по кругу.*

— Она считает, что одна женщина, возможно, будет преследовать ее. Женщина в шляпе. В старомодном цилиндре. Иногда у нее во рту остается всего один верхний зуб, большой и длинный. Это случается, когда она голодна. По крайней мере так об этом рассказывала Абра.

— *Задай свой вопрос, сынок. Я не могу ждать. Этот мир для меня подобен сну во сне.*

— Есть и другие. Сообщники женщины в цилиндре. Абра видела их с электрическими фонариками. Кто они такие?

Снова воцарилось молчание. Однако Дик оставался с ним. Изменившийся, но он был рядом. Дэн ощущал его присутствие всеми своими нервными окончаниями, и подобие легких электрических разрядов пробегало по влажной поверхности его глаз.

— *Это пустые дьяволы. Они больны, но не знают об этом.*

— Не понимаю.

— *Не понимаешь. И это хорошо. Если бы ты хоть однажды столкнулся с ними — если бы они сумели почуять то, что исходит от тебя, — тебя давно бы убили и вышвырнули пустую оболочку, как картонку из-под молока. Это и произошло с тем, кого Абра называет мальчиком-бейсболистом. И со многими другими. Дети, наделенные даром сияния, — вот за кем они охотятся, но об этом ты, кажется, уже догадался сам, не так ли? Голодные дьяволы на этой земле — как раковая опухоль на коже. Когда-то они странствовали на верблюдах по пустыне; когда-то водили караваны через Восточную Европу. Они питаются криками и пьют боль. Ты прошел через многие ужасы в «Оверлуке», Дэнни, но хотя бы не встретил этот народ. А теперь, когда странная женщина приняла решение об этой девочке, они не остановятся, пока не схватят ее. Они могут ее убить. А могут Обратить. Они способны сохранить ей жизнь на какое-то время и использовать все, что она в состоянии им дать. И это будет хуже всего.*

— Не понимаю.

— *Они могут исчерпать ее дар. Сделать ее такой же пустой, как они сами.* — Из мертвого рта словно донесся шелест осенних листьев.

— Дик, но как мне, черт побери, поступить сейчас?

— *Добудь для девочки то, о чем она тебя просит.*

— А где они, эти пустые дьяволы?

— *В твоем детстве, откуда приходят все дьяволы. Мне не дозволено сказать тебе больше.*

— Но как мне остановить их?

— *Их можно только убить. Отравить их собственным ядом. Сделай это, и они исчезнут.*

— А женщина в шляпе, эта странная женщина? Как ее зовут? Ты знаешь?

Из коридора донеслось звяканье ведра, и Пол Ларсон начал что-то насвистывать. Атмосфера в комнате изменилась. Нечто, сохранявшее тонкое равновесие между двумя мирами, исчезло, и реальность начала одерживать верх.

— *Обратись за помощью к друзьям. К тем, кто знает, какой ты на самом деле. Ты действительно вырос, сынок, но за тобой долг.*

Повисла пауза, а потом голос, который мог принадлежать, а мог уже и не принадлежать Дику Холлорану, произнес последние слова, прозвучавшие как требование:

— *Верни его.*

Красный туман показался из глаз, носа и рта Элинор. Он повисел над ее лицом секунд пять и растворился.

Свет в комнате теперь горел совершенно ровно, не мигая. Графин стоял неподвижно. Дик ушел. Дэн остался наедине с телом мертвой женщины.

Пустые дьяволы.

Если ему и доводилось слышать о чем-то более страшном, то он не мог вспомнить. Но в этом был смысл... если ты видел истинный «Оверлук». Там тоже роились дьяволы, однако те по крайней мере были *мертвыми*. А вот сказать того же о женщине в цилиндре и ее окружении он не мог.

За тобой долг. Верни его.

Да. Он бросил маленького мальчика в футболке «Брейвз» и грязном подгузнике на произвол судьбы. С этой девочкой он так не поступит.

4

На сестринском посту Дэн дождался прибытия сотрудника из похоронной фирмы «Джорди и сын» и проследил, как накрытую каталку вывезли через заднюю дверь корпуса Ривингтон-1. Потом поднялся к себе в комнату и сел, глядя в окно на Кранмор-авеню, которая к этому времени совершенно опустела. Ночной ветер срывал рано пожелтевшие листья с дубов и заставлял их танцевать, выделывая замысловатые па на асфальте. В дальнем конце Общественного центра виднелся Игрушечный городок, тоже совершенно пустой, но ярко подсвеченный парой оранжевых охранных прожекторов.

Обратись за помощью к друзьям. К тем, кто знает, какой ты на самом деле.

Билли Фриман знал почти с самого первого дня, потому что сам обладал зачатками того же дара. И если за Дэном числился должок, то, как он предполагал, за Билли тоже, потому что более мощное и ясное сияние Дэна спасло Билли жизнь.

Хотя я никогда даже не намекал ему об этом.

Верно, не намекал. Потому что не возникало необходимости.

И был еще Джон Долтон, который потерял часы и совершенно случайно оказался лечащим врачом Абры. Что сказал Дик посредством губ умершей Элинор О-ла-ла? *Все идет по кругу.*

Что же до того, о чем просила Абра, то никакой загадки здесь не было. Вот только... добыть то, что ей понадобилось, могло оказаться непросто.

5

Когда Абра проснулась в воскресенье утром, ее ждало письмо, пришедшее от адресата dtor36@nhmlx.com.

Абра! Я поговорил с другом при помощи нашего общего дара и убежден, что тебе грозит серьезная опасность. Я хотел бы обсудить твое положение с еще одним другом, на этот раз нашим общим, Джоном Долтоном. Но я не могу сделать этого

без твоего разрешения. Полагаю, что с помощью Джона мне удастся достать тот предмет, который ты нарисовала на моей доске.

Установила ли ты охранную сигнализацию? Некоторые люди, вероятно, уже разыскивают тебя, и очень важно, чтобы им это не удалось. Ты должна быть крайне осторожна.

Всего тебе хорошего и, пожалуйста, БУДЬ ОСТОРОЖНА. Это письмо сотри.

Твой дядя Д.

Ей показался убедительным не столько текст письма, сколько сам факт, что оно пришло. Она знала, что Дэну не нравится общаться подобным образом — он опасался родителей. Прочитав ее переписку, папа и мама могли переполошиться, решив, что она познакомилась с каким-нибудь Филом-педофилом.

Если бы они только знали, что угрожало ей *на самом деле*!

Абра, конечно, была напугана, но в то же время — теперь, когда в окно ярко светило солнце и в нем не отражались фантомные лица сумасшедших женщин, пялившихся на нее, — и несколько возбуждена тоже. Она словно чувствовала себя героиней одной из тех книг, полных романтических приключений и ужасов, которые школьная библиотекарша миссис Робинсон презрительно называла подростковой порнушкой. В таких книжках юные красавицы могли влюбляться в оборотней, вампиров — даже в зомби, — но сами *никогда не становились* такими же, как они.

Хорошо также было иметь в роли защитника взрослого мужчину, причем весьма симпатичного, пусть и неухоженного, вроде Джекса Теллера из «Сынов анархии» — сериала, который они с Эммой Дин тайком смотрели на компьютере подруги.

Она не просто отправила электронное письмо от дяди Дэна в корзину, но и очистила ее. Эмма называла это сокрытием бойфрендов. (*Можно подумать, тебе есть что прятать, Эмми*, подумала Абра не без ехидства.) Затем она выключила свой ноутбук и закрыла крышку. Она не стала отвечать на письмо. В этом не было необходимости. Ей стоило лишь закрыть глаза.

Бип-бип.

Сообщение отправлено. И Абра с легким сердцем пошла принимать душ.

6

Когда Дэн поднялся к себе с чашкой утреннего кофе, на доске появилось новое послание:

Можете сказать доктору Джону,
но ТОЛЬКО НЕ МОИМ РОДИТЕЛЯМ.

Конечно, нет. Только не родителям. По крайней мере пока. Однако Дэн не сомневался, что родители поймут: *что-то происходит* — причем очень скоро. Но он решит эту проблему (или избавится от нее), когда придет время. А сейчас у него появилось много других дел, и начать он решил с телефонного звонка.

Ответил ему ребенок. Дэн попросил к телефону Ребекку, трубку с грохотом уронили на стол, а потом откуда-то издали донесся крик:

— *Бабуля! Это тебя!*

Через несколько секунд Ребекка Клаузен оказалась на другом конце провода.

— Привет, Бекки! Это Дэн Торранс.

— Если ты хочешь сообщить о миссис Оулей, то мне уже пришел е-мейл от...

— Нет, я по другому поводу. Хотел попросить несколько выходных.

— Доктор Сон уходит отдыхать? Ушам своим не верю. Прошлой весной мне пришлось буквально силком заставить тебя взять отпуск, но ты все равно появлялся на работе почти каждый день. Какие-то семейные проблемы?

Памятуя о теории родственной относительности Абры, Дэн ответил утвердительно.

Глава 10

ХРУПКИЕ УЗОРЫ

1

Отец Абры стоял на кухне в банном халате и разбивал в миску яйца, когда зазвонил телефон. Наверху шумел душ. Если Абра будет придерживаться своей воскресной привычки, то проторчит под душем, пока в бойлере не закончится горячая вода.

Он посмотрел на экран. Код 617, бостонский, но номер незнакомый, не квартиры Момо.

— Алло!

— О, Дэвид, как я рада, что дозвонилась до тебя, — сказала Люси, и в ее голосе звучала смертельная усталость.

— Где ты? И почему не звонишь с мобильного?

— Я в центральной больнице Массачусетса. Звоню из автомата. Здесь нельзя пользоваться сотовой связью. Повсюду развешаны объявления.

— С Момо все в порядке? А с тобой?

— Со мной — да. А вот Момо... Нет, сейчас ее состояние стабилизировалось, но какое-то время ей было очень плохо. — Всхлип. — Да и сейчас тоже.

И тут Люси прорвало. Она не просто плакала. От ее рыданий могло разорваться любое сердце.

Дэвид ждал. Ему оставалось только радоваться, что Абра в душе, и надеяться на большой запас горячей воды. Дела, кажется, обстояли скверно.

Наконец Люси вновь обрела способность говорить:

— На этот раз она сломала себе руку.

— Ах вот как. И это все?

— Нет, это *не все*! — крикнула она тоном *ну-почему-мужики-такие-тупые*, который он терпеть не мог. Дэвид считал его наследством итальянских предков, никогда всерьез не допуская мысли, что временами действительно мог *быть* не очень умен.

Он сделал глубокий вдох.

— Расскажи мне, как это случилось, дорогая.

И Люси начала рассказ, который дважды прерывали слезы, и ему приходилось дожидаться, чтобы жена успокоилась. Она, конечно, была предельно утомлена, но в этом состояла лишь часть проблемы. Главное же, как начал понимать Дэвид, заключалось в том, что Люси только сейчас полностью осознала тот факт, который на самом деле могла бы принять уже давно: ее бабушка действительно умирает. Причем мучительно.

Кончетта, которая спала теперь лишь урывками, проснулась после полуночи. Ей захотелось в туалет. Но она не вызвала Люси, чтобы та принесла ей судно, а попыталась встать и добраться до ванной сама. Старушка сумела только спустить ноги с постели на пол и сесть, когда у нее случился приступ головокружения. Она упала с кровати, приземлившись на левую руку. И кость не просто сломалась, а раздробилась. Люси, вымотанная несколькими неделями ночных бдений у постели больной, к которым она была совершенно не подготовлена, проснулась от криков.

— Она не просто звала на помощь, — рассказывала Люси мужу, — и не просто кричала. Она визжала как животное. Как лисица, которой размозжил лапу жуткий стальной капкан.

— Представляю, что ты пережила, милая. Это ужасно.

Стоя в нише второго этажа, где рядом с торговыми автоматами нашлось — вот чудо из чудес! — несколько исправных платных телефонов, чувствуя, как ноет потное тело (она ощущала собственный запах, и это точно был не аромат туалетной воды «Дольче и Габбана»), а голова пульсирует от приступа мигрени, первого за последние четыре года, Люсия Стоун точно знала, что никогда не сможет описать мужу, каково ей пришлось. И каким омерзительным откровением все это для нее стало. Ты думаешь, что понимаешь и принимаешь неотвратимые реалии жизни: женщина стареет, женщина становится дряхлой, женщина умирает, — а потом вдруг до тебя доходит, насколько все

сложнее. Потому что ты находишь даму, величайшую поэтессу своего поколения, в луже ее собственной мочи, и она криком умоляет сделать так, чтобы боль *прекратилась, прекратилась, о madre de Cristo*, прекратилась.* И видишь ее прежде гладкую руку вывернутой под неестественным углом, и слышишь, как утонченная поэтесса сначала называет свою руку дебильной хреновиной, а потом заявляет, что лучше сдохнуть, чем испытывать такую боль.

Сможешь ли ты объяснить мужу, как сама, до конца еще не проснувшись, боялась даже прикоснуться к ней, опасаясь сделать еще хуже? Сможешь рассказать, как она расцарапала тебе лицо, когда ты попыталась помочь ей встать, и завывала как собачонка, которую на улице переехала машина? Сможешь передать, какие чувства испытывала, оставив любимую бабушку лежать на полу, чтобы набрать 911, а потом сидя рядом, дожидаясь приезда «скорой помощи», насильно вливая в нее через соломинку растворенный в воде оксикодон? Как «скорая помощь» все не приезжала и не приезжала, а у тебя в голове крутилась песня Гордона Лайтфута о гибели теплохода «Эдмунд Фицджералд», где спрашивается, куда девается все Божье милосердие, когда под водой минуты тянутся часами? Вот и на Момо накатывали волны, но волны боли, и она захлебывалась в них, а они неумолимо возвращались.

Когда она снова начала кричать, Люси подсунула руки под Момо и неловким рывком подняла ее с пола, сумев положить на постель и уже зная, что это физическое усилие будет отдаваться у нее в плечах и в пояснице несколько дней или даже недель. При этом ей пришлось сделать вид, будто она не слышит воплей Момо: *Не смей трогать меня, ты меня убиваешь.* Потом Люси, обессилев, села у стены, и ее волосы жесткими прядями прилипли к щекам, а Момо плакала, баюкала свою изувеченную руку и все спрашивала, за что Люси причинила ей столько боли и почему такое должно было случиться именно с ней.

После долгого ожидания прибыла «скорая», и мужчина — Люси так и не узнала его имени, но все равно благодарила в своих бессвязных молитвах — сделал Момо укол, от которого та

* О матерь Божья (*ит.*).

уснула. Смогла бы она объяснить мужу свое тайное желание, чтобы после инъекции Момо больше не проснулась?

— Да, это было действительно ужасно, — только и сказала Люси. — Я очень рада, что Абра не собралась приехать к нам в эти выходные.

— Она хотела, но накопилось много школьных заданий, а вчера ей понадобилось в библиотеку, представляешь? Вероятно, по очень важному вопросу, потому что обычно, сама знаешь, в такие дни она тащит меня на футбольный матч. — Он нес чепуху, но что еще мог ей сказать? — Люси, мне чертовски жаль, что тебе пришлось выдержать все это одной.

— Только если бы... если бы ты сам слышал ее крики, то смог бы понять. Я больше никогда в жизни не хочу слышать ничего подобного. Она ведь всю жизнь умела терпеть и сохранять спокойствие... Оставалась невозмутимой, когда все вокруг буквально сходили с ума...

— Я знаю...

— И вдруг превратилась в это ничтожество! Казалось, она забыла все слова, кроме «говно», «срань», «херня» и тому подобных!

— Не нужно это вспоминать, милая.

Наверху стало тихо. Абре потребуется лишь несколько минут, чтобы высушить волосы и натянуть свою обычную воскресную одежду; она уже скоро сбежит по лестнице вниз с развевающимся подолом рубашки и болтающимися шнурками кроссовок.

Но Люси еще не была готова успокоиться и завершить разговор:

— Помню одно из ее ранних стихотворений. Не смогу процитировать дословно, но начиналось оно примерно так: «Бог — ценитель хрупких узоров и обрамляет облака орнаментом тончайшего стекла». Мне всегда казалось, что для Кончетты Рейнолдс эти строки весьма милы, даже изящны.

Но вот появилась его Абра — *их* Абба-Ду — с раскрасневшимися от душа щеками.

— Все в порядке, папа?

Дэвид поднял руку: *Подожди минуточку.*

— А теперь, после всего, что случилось, я никогда больше не смогу перечитать эти стихи заново.

— Абби рядом со мной, дорогая, — сказал он с напускным весельем.

— Хорошо. Мне нужно будет с ней поговорить. Я не собираюсь устраивать истерик, так что не беспокойся по этому поводу, но мы не можем вечно держать ее в неведении.

— Постарайся только не посвящать ее в самые грубые подробности, — тихо попросил он.

Абра стояла рядом со столом. Стянутые в два хвостика влажные волосы делали ее похожей на десятилетнюю девчушку. Но ее лицо было серьезным.

— Да, ты прав, — согласилась Люси, — но я не могу больше тянуть это одна, Дэйв. Даже с приходящей дневной сиделкой. Я думала, что справлюсь, но сил уже нет. В соседнем городке, Фрейзере, есть хоспис. Медсестра рассказала мне о нем. Думаю, в каждой больнице есть список таких учреждений. Он называется «Дом Хелен Ривингтон». Я с ними связалась, прежде чем позвонить тебе, и, представь, у них как раз с сегодняшнего дня освободилась комната. Как я понимаю, прошлой ночью Бог случайно уронил еще какую-то хрупкую вещицу со своей каминной полки.

— Четта уже в сознании? Ты говорила с ней на эту...

— Она очнулась пару часов назад, но все еще плохо соображает. У нее в голове какой-то винегрет из прошлого и настоящего.

А я тем временем мирно спал, виновато подумал Дэвид. *И грезил о своей книжке.*

— Когда ее сознание прояснится — а я полагаю, что это все же произойдет, — мне придется как можно осторожнее дать ей понять, что она больше не распоряжается своей судьбой. Настало время, чтобы о ней позаботились в хосписе.

— Да, ты права. — Когда Люси принимала решение, действительно твердое решение, лучше всего было отстраниться и не мешать.

— Папа? С мамой все в порядке? А с Момо?

Абра уже знала, что с мамой все хорошо, а с прабабушкой не очень. Главное из того, что Люси сообщила мужу, она уловила, еще стоя под душем, и шампунь смешался со слезами на ее щеках. Но она давно научилась искусству притворяться, что ей

ничего не известно, пока кто-нибудь не сообщал дурные новости вслух. Она даже задумалась, умел ли делать то же самое ее друг Дэн, когда был ребенком. Наверняка умел.

— Кажется, Абби хочет поговорить с тобой.

Люси вздохнула и сказала:

— Тогда дай ей трубку.

Дэвид так и сделал.

2

В воскресенье в два часа дня Роза-в-Шляпе повесила снаружи на ручку двери своего огромного кемпера табличку с надписью «НЕ БЕСПОКОИТЬ БЕЗ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ». Предстоящие часы она тщательно распланировала. Она сегодня ничего не ела и пила только воду. Вместо утреннего кофе приняла рвотное. Когда придет время проникнуть в сознание девочки, она будет чиста, как пустой стакан.

Не отвлекаясь на естественные потребности организма, Роуз сумеет узнать все необходимое: имя девочки, ее точное местонахождение, что ей известно и — вероятно, самое главное — кому она успела обо всем рассказать. Роуз будет лежать на своей двуспальной кровати в «эрскрузере» с четырех до десяти вечера, глядя в потолок и медитируя. И как только ее разум станет так же чист, как и тело, она примет пар из канистры в тайнике — одного небольшого вдоха будет достаточно — и снова повернет мир так, чтобы поменяться с девочкой местами. В час ночи по времени восточного побережья противница будет погружена в глубокий сон, и Роуз сможет без помех покопаться в ее памяти и сознании. Быть может, ей даже удастся внедрить в него мысль: *К тебе придут люди. Они хотят помочь. Отправляйся вместе с ними.*

Но, как более двухсот лет назад верно подметил поэт-фермер Бобби Бернс, «и нас обманывает рок»*, и едва она начала декламировать первые строфы расслабляющей мантры, как, нарушая ее планы, раздался стук в дверь.

---

* Р. Бернс. Полевой мыши, гнездо которой разорено моим плугом. *Пер. С. Маршака.*

— Убирайтесь! — крикнула она. — Читать не умеете?

— Роуз, я привел к тебе Ореха, — донесся голос Ворона. — Думаю, он нашел то, что ты просила, но ему нужно твое разрешение, и дело не терпит отлагательства.

Она еще какое-то время лежала неподвижно, потом злобно выдохнула и встала, натянув футболку с призывом из Сайдуайндера «ПОЦЕЛУЙ МЕНЯ НА КРЫШЕ МИРА!», которая доходила ей до бедер. Открыла дверь.

— Для вас же будет лучше, если это действительно важно.

— Мы можем вернуться позже, — поспешно сказал Грецкий Орех. Это был некрупный мужчина, почти полностью облысевший — лишь над ушами кустились остатки шевелюры. В руке он держал лист бумаги.

— Нет, только давайте по-быстрому.

Они уселись за стол в отсеке, служившем одновременно гостиной и кухней. Роуз выхватила листок из рук Ореха и бегло просмотрела его. Это была с виду очень сложная химическая формула с множеством шестиугольников. Ей она ни о чем не говорила.

— Что это?

— Очень сильное успокоительное, — объяснил Орех. — Новое и вполне легальное. Джимми получил рецепт от одного из наших людей в Агентстве национальной безопасности. Оно вырубит девчонку без риска передозировки.

— Возможно, это именно то, что нам требуется, — произнесла Роуз все тем же недовольным тоном. — С этим что, никак нельзя было подождать до завтра?

— Извините, виноват, — промямлил Орех.

— Нечего извиняться, — вскинулся Ворон. — Если ты хочешь, чтобы мы взяли эту девчонку быстро и аккуратно, мне нужно время не только для того, чтобы раздобыть это снадобье. Необходимо также успеть организовать его доставку на одну из наших точек сбора корреспонденции.

Узел располагал сотнями подобных точек по всей территории США. Обычно это были ячейки в местных почтовых отделениях или филиалах Ю-пи-эс. Но их использование требовало заблаговременного планирования, потому что члены семьи пе-

ремещались только на своих кемперах. Истинные скорее вскрыли бы себе вены, чем воспользовались общественным транспортом. Существовала возможность нанять частный самолет, но перелеты причиняли огромные неудобства; они все плохо переносили высоту. Грецкий Орех предполагал, что дело в строении нервной системы, радикально отличавшей Истинных от лохов. Но Роуз в данном случае нервировала не высота, а некоторые организации, содержавшиеся за счет налогоплательщиков. После 11 сентября все службы национальной безопасности страны тщательно отслеживали любые частные рейсы, а главным правилом Истинного Узла было никогда не привлекать к себе внимания властей.

Однако благодаря разветвленной, густой сети автодорог они вполне справлялись на своих кемперах. Справятся и на этот раз. Небольшая группа, где водители будут сменять друг друга за рулем каждые шесть часов, сумеет добраться от Сайдуайндера до Новой Англии менее чем за тридцать часов.

— Хорошо, — сказала она, заметно смягчившись. — Что у нас есть вдоль Ай-девяносто на севере штата Нью-Йорк или в Массачусетсе?

Ворон ответил без запинки:

— Почтовый ящик И-зет, Стербридж, штат Массачусетс.

Роуз щелкнула пальцем по листку с непостижимой формулой, который Орех сжимал в руках.

— Организуйте доставку туда этого вещества. Используйте тройную схему, чтобы мы могли все отрицать, если что-то пойдет не так, как надо. Пересылку через несколько пунктов.

— А у нас хватит на это времени? — спросил Ворон.

— А почему нет? — сказала Роуз (в будущем ей неоднократно придется вспомнить об этих словах). — Отправьте посылку сначала на Юг, потом на Средний Запад и уже оттуда — в Новую Англию. Пусть прибудет в Стербридж к четвергу. Используйте «Экспресс мейл», но *не* «Федэкс» и *не* «Ю-пи-эс».

— Я все обеспечу, — заверил ее Ворон.

Роуз переключила внимание на доктора Узла.

— Смотри не ошибись в расчетах, Грецкий Орех. Если она не просто заснет, а *умрет от передоза*, ты у меня станешь первым

Истинным, отправленным в ссылку, со времен битвы при Литл-Бигхорне.

Грецкий Орех слегка побледнел. Хорошо. Она не собиралась никого никуда ссылать, но ненавидела, когда прерывали медитацию.

— Мы доставим медикамент в Стербридж, а Орех сумеет им правильно распорядиться, — сказал Ворон. — Никаких проблем.

— А нет ничего попроще? Какого-то зелья, доступного прямо здесь?

Ей ответил Орех:

— Нет, если ты не хочешь, чтобы она откинула копыта. Это вещество безопасно и действует очень быстро. Если она так сильна, как вы предполагаете, быстродействие может оказаться решаю...

— Ладно, ладно, поняла. Надеюсь, на этом мы закончили?

— Есть еще кое-что, — сказал Грецкий Орех. — Вероятно, это может подождать, но...

Роуз посмотрела в окно и (будь оно все проклято!) увидела, что к кемперу направляется Джимми Счетовод с какими-то своими бумагами. К чему было вешать предостережение «НЕ БЕСПОКОИТЬ» на свою дверь? С таким же успехом там мог красоваться призыв «ВСЕ СЮДА»!

Усилием воли Роуз собрала всю свою злость в комок, сунула в мешок и запихнула в самую глубину сознания, а потом отважно улыбнулась Ореху.

— Ну что там у вас еще?

— Дедушка Флик, — ответил за него Ворон. — Из него дерьмо теперь просто льется.

— Оно льется из него уже лет двадцать, — заметила Роуз. — Но он не желает носить памперсы, и даже я не могу его заставить. Никто его не переупрямит.

— Но сейчас дело совсем плохо, — сказал Орех. — Он едва ли в состоянии сам встать с постели. Баба и Черноглазка Сьюзи ухаживают за ним, как только могут, но его кемпер провонял как сортир в аду.

— Он поправится. Скормим ему немного пара. — Но она избегала смотреть Ореху в глаза. Томми Грузовик ушел всего два

года назад, что по системе времяисчисления Узла равнялось двум неделям. А теперь Дедушка Флик?

— У него мозги отказывают, — прямо сообщил Ворон. — И к тому же...

Он посмотрел на Ореха.

— Петти заходила прибрать за ним этим утром и говорит, что ей показалось, будто он начал выбиваться из цикла.

— *Показалось*, — усмехнулась Роуз, которой не хотелось в это верить. — А хоть кто-то реально видел что-нибудь? Баба? Сью?

— Нет.

Она передернула плечами, как бы говоря: *тогда это все вздор*. Но прежде чем они смогли продолжить обсуждать тему, в дверь постучал Джимми, и теперь Роуз была только рада его появлению.

— Заходи!

Джимми просунул голову в щель и спросил:

— Ты уверена, что я вовремя?

— Да чего там! Почему бы тебе не пригласить сюда кордебалет и духовой оркестр Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе? Черт вас подери, только я собралась предаться медитации после нескольких приятных часов выворачивания себя наизнанку!

Ворон посмотрел на нее с легким упреком, и она, вероятно, *заслужила* его. В конце концов, эти люди лишь выполняли порученную им работу в интересах Узла, причем порученную ею же. Но если бы Ворон хоть раз побывал в шкуре лидера, то, возможно, понял бы и ее тоже. Ни минуты покоя, если не напугать их до смерти. Хотя в некоторых случаях и это не помогало.

— У меня есть кое-что интересное для тебя, — сказал Джимми. — А поскольку я заметил, что Ворон и Орех уже здесь, то решил...

— Я поняла. С чем пришел?

— Поискал в Интернете новости о тех городках, что ты отметила, — Фрайбурге и Эннистоне. И нашел некий «Юнион лидер». Вот что они напечатали в номере за четверг. Суди сама, важно это или нет.

Она взяла у него распечатку. Основная статья была посвящена какой-то захолустной школе, где за недостатком средств пришлось ликвидировать футбольную команду. А ниже помещалась заметка, которую Джимми обвел карандашом.

«МИНИ-ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ» В ЭННИСТОНЕ

Насколько незначительным по силе может быть землетрясение? Совсем едва заметным, если верить обитателям Ричлэнд-Корт — короткой улицы в Эннистоне, которая упирается одним концом в берег реки Сако. Ближе к вечеру вторника несколько местных жителей почувствовали сотрясения, от которых задребезжали стекла в окнах, попадали книги и вазы с полок. Дэйн Борланд — пенсионер, чей дом расположен в конце улицы, — показал нам свежую трещину, появившуюся в только что уложенном асфальте на его подъездной дорожке. «Если вам требуются доказательства, то вот, полюбуйтесь», — заявил он.

И хотя Центр геологических исследований в Рентаме, штат Массачусетс, не зафиксировал в прошедший вторник никаких природных катаклизмов на всей территории Новой Англии, Мэтт и Кэсси Ренфрю воспользовались предлогом, чтобы устроить «вечеринку в честь землетрясения», в которой приняли участие почти все их соседи.

Эндрю Ситтенфелд из Центра геологических исследований считает, что сотрясения почвы, которые почувствовали жители Ричлэнд-Корт, могли быть вызваны мощным напором воды в канализационном коллекторе или, вероятно, военным истребителем, преодолевшим звуковой барьер. Когда мы поделились этими соображениями с мистером Ренфрю, он только по-доброму посмеялся. «Мы знаем, что почувствовали на самом деле, — сказал он. — Это все-таки было землетрясение. И никто не в обиде. Урон минимальный, а мы устроили себе настоящий праздник».

Эндрю Гулд

Роуз перечитала материал дважды, и глаза ее заблестели.
— Отличный улов, Джимми.
Он усмехнулся:

— Спасибо на добром слове. А теперь я вас оставлю, если позволите.

— Да, и прихвати с собой Ореха. Ему нужно проведать Дедушку. А ты, Ворон, задержись на минутку.

Когда они остались вдвоем, он закрыл дверь.

— Думаешь, это наша девчушка вызвала сотрясение в Нью-Гэмпшире?

— Да. Не уверена на все сто, но процентов на восемьдесят, не меньше. И у нас теперь есть почти точный адрес. Мы знаем не только в каком городе искать, но и на какой улице. Это сильно облегчит мою задачу нынешней ночью, когда я отправлюсь на ее поиски.

— Если тебе удастся внедрить ей в мозг червячка с мыслью, что она должна сама явиться к нам, то и снотворное не понадобится.

Роуз улыбнулась, снова подумав, что Ворон понятия не имеет, с каким необыкновенным случаем они столкнулись. Позже ей придет в голову другое: *Я тоже недооценила ее. Мне только казалось, что я все понимаю.*

— Мечтать не вредно. И не запрещено законом. Но как только мы ее получим, нам понадобится нечто посильнее, чем микки финн*. Быть может, что-то из области высоких технологий. Какой-то чудо-препарат, который сделает ее покорной и послушной, если только она сама не поймет, что помогать нам в ее же интересах.

— Ты поедешь с нами, когда мы отправимся за ней?

Роуз собиралась, но теперь ею овладели сомнения. Она задумалась о Дедушке Флике.

— Пока не знаю.

Он не стал задавать ей лишних вопросов, что она оценила, и повернулся к двери.

— Я прослежу, чтобы тебя больше никто не беспокоил.

— Спасибо. Убедись, что Грецкий Орех детально обследовал Дедушку — от головы до пят. И если он действительно начинает выпадать из цикла, немедленно доложите мне завтра утром, когда я появлюсь.

---

* Крепкий спиртной напиток, смешанный со снотворным или наркотиком.

Она открыла потайной сейф и достала канистру.

— Скормите ему то, что здесь осталось.

Ворон был потрясен.

— *Все?* Но, Роуз, если он уже циклирует, в этом нет никакого смысла!

— Пусть съест. У нас был удачный год, как вы сами не устанете повторять. Мы можем себе позволить небольшую расточительность. К тому же в Истинном Узле остался единственный настоящий дед. Он помнит времена, когда люди в Европе еще обожествляли деревья, а не ипотечные кредиты. Нам нельзя терять его. Нужно постараться сделать все возможное. Мы же не дикари.

— У лохов может сложиться другое мнение на этот счет.

— На то они и лохи. А теперь выметайся.

3

После Дня труда Игрушечный городок закрывался по воскресеньям в три часа дня. Но этим вечером без четверти шесть три великана сидели на скамеечках ближе к дальнему концу миниатюрной Кранмор-авеню, превращая в карликов аптеку и театр «Музыкальная шкатулка» (в разгар туристического сезона можно было заглянуть в окошко и посмотреть мини-кино на мини-экране). Джон Долтон пришел на эту встречу в бейсболке «Ред сокс», которую сразу же напялил на голову копии памятника Хелен Ривингтон, установленной перед копией городского Дома правосудия.

— Уверен, она за них болела, — заявил он. — Здесь все поддерживают эту команду. И никто не болеет за «Янкиз», кроме отщепенцев вроде меня. Чем могу тебе помочь, Дэн? Мне пришлось пропустить семейный ужин. Моя жена — терпеливая женщина, но всему есть предел.

— А что она скажет, если узнает, что тебе придется поехать со мной на несколько дней в Айову? — спросил Дэн. — Полностью за мой счет, разумеется. Мне нужно сделать Двенадцатый шаг — навестить дядю, который сводит себя в могилу выпивкой

и кокаином. Вся семья умоляет меня вмешаться, но я не справлюсь в одиночку.

У членов «Анонимных алкоголиков» не было законов, однако существовало множество традиций (некоторые блюлись строже любой юридической нормы). И одно из железных правил гласило, что ты не мог один выезжать на Двенадцатый шаг к активному алкоголику, если только данный индивидуум уже не был надежно заперт в стенах больницы, диспансера или психушки. Отправившись к нему сам по себе, ты рисковал вступить с ним в алкогольное состязание. Пристрастие к спиртному, по словам Кейси Кингсли, уходило тяжело, но возвращалось легко и быстро.

Дэн посмотрел на Билли Фримана и улыбнулся:

— Вижу, хочешь что-то сказать. Валяй выкладывай.

— Меня удивляет эта история с дядей, которого у тебя нет. Не уверен, что хоть кто-то из членов твоей семьи до сих пор жив.

— И это все? Ты, значит, просто не уверен?

— Как сказать... По крайней мере ты никогда ни о ком не рассказывал.

— Очень многие имеют семьи, о которых никому не докладывают, но ты ведь *совершенно точно знаешь*, что у меня никого нет, правда, Билли?

Билли промолчал, но явно занервничал.

— Я не смогу поехать с тобой в Айову, Дэнни, — сказал Джон. — У меня расписан каждый день, включая выходные.

Но внимание Дэна все еще было сосредоточено на Билли. Он полез в карман и достал что-то, зажав в кулаке.

— Что у меня здесь?

Билли занервничал еще больше. Он посмотрел на Джона, понял, что тот ему не поможет, и снова повернулся к Дэну.

— Джону известно обо мне все, — сказал Дэн. — Я однажды помог ему самому, и он в курсе, как я выручил еще нескольких парней из Программы. Так что расслабься, Билли. Здесь все свои.

Билли задумался, а потом сказал:

— Похоже на монету. Но скорее это медаль из АА. Одна из тех, которые ты получаешь за каждый год трезвости.

— За какой год?

Билли колебался, пристально глядя на сжатый кулак Дэна.

— Давай я тебе помогу, — предложил Джон. — Он не пьет с весны две тысячи первого и если и носит с собой медаль, то последнюю, за двенадцатый год.

— Логично, но неправильно. — Билли сосредоточился всерьез, и две глубокие вертикальные морщины прорезали его лоб. — Мне кажется, это за... седьмой?

Дэн разжал кулак. На медали красовалось большое число VI.

— Вот невезуха! — воскликнул Билл. — А ведь обычно я угадываю.

— Ты и так попал почти в яблочко, — сказал Дэн. — И это не гадание, а сияние.

Билли достал сигареты, но, посмотрев на сидевшего рядом доктора, снова убрал пачку в карман.

— Как скажешь. Пусть будет сияние.

— Позволь мне рассказать то немногое, что я знаю о тебе, Билли. Когда был маленьким мальчиком, ты действительно отличался *необычайной* догадливостью. Знал, когда у мамы будет хорошее настроение и ты сможешь стрельнуть пару баксов на карманные расходы. А еще предчувствовал дурное настроение отца, чтобы не попадаться ему под горячую руку.

— Да, я точно знал, когда не стоило ныть за столом из-за остатков жаркого на тарелке, — кивнул Билли.

— Ты играл в азартные игры?

— На бегах в Салеме. Зарабатывал неплохие деньги. А потом, лет в двадцать пять, ни с того ни сего потерял чутье. И наступили тяжкие времена. Однажды мне пришлось выпрашивать отсрочку по квартплате, и это тут же исцелило меня от всякого азарта.

— Да, с годами талант постепенно тускнеет, но в тебе он все еще жив.

— В тебе его гораздо больше, — сказал Билли уже без всяких колебаний.

— Вы ведь это серьезно? — спросил Джон, скорее констатируя факт.

— У тебя на будущей неделе есть только одна пациентка, которую ты действительно обязан осмотреть и не можешь пе-

репоручить никому другому, — сказал Дэн. — Это маленькая девочка по имени, кажется, Фелисити...

— Фредерика, — поправил Джон. — Фредерика Биммель в больнице Мерримак-Вэлли. Я должен встретиться с ее родителями и онкологом.

— В субботу утром.

— Да, в субботу. — Он с изумлением посмотрел на Дэна. — Господи Иисусе! Как тебе?.. Я и представления не имел, что *такое* бывает.

— Мы вернемся с тобой из Айовы в четверг. Самое позднее — в пятницу.

Если только нас не арестуют. Тогда, возможно, нам придется задержаться там надолго. Дэн поднял взгляд, чтобы понять, уловил ли Билли эту не слишком оптимистичную мысль. Похоже, что нет.

— Зачем все это?

— Ради другой твоей пациентки, Абры Стоун. Она похожа на нас с Билли, и, полагаю, тебе, Джон, уже известно об этом. Только она намного сильнее нас. У меня эта способность развита значительно больше, чем у Билли, но в сравнении с ней я выгляжу простой ярмарочной гадалкой.

— О Боже, эти ложки...

Дэну потребовалась лишь секунда, чтобы вспомнить.

— Да, она подвесила их к потолку.

Глаза Джона снова округлились от удивления.

— Ты и *это* прочитал у меня в голове?

— Увы, но здесь все гораздо проще. Она сама мне рассказала.

— Как? *Когда?*

— К этому мы еще вернемся. Но сначала давай попробуем провести сеанс настоящего чтения мыслей. — Дэн взял Джона за руку. Это помогло: физический контакт почти всегда облегчал задачу. — Ее родители пришли к тебе, когда она была еще младенцем. Или, быть может, это была ее тетя или прабабушка. Она беспокоила их еще до того, как украсила ложками потолок кухни, потому что в их доме происходили различные странные вещи. Что-то связанное с пианино... Билли, помоги мне.

Билли взял Джона и Дэна за руки, образовав замкнутую цепь. Небольшой сеанс телепатии в Игрушечном городке.

— Музыка «Битлз», — сказал Билли. — Но на пианино, а не на гитаре. Для них это было... Не знаю, как правильно выразиться. Короче, какое-то время они думали, что сами того... с ума сходят.

Джон до сих пор смотрел на них с изумлением и некоторым недоверием.

— Послушай, — сказал Дэн. — Абра разрешает все нам рассказать. Более того, настаивает на этом. Можешь нам довериться.

Но Джону Долтону понадобилось не меньше минуты, чтобы решиться. А потом он рассказал им обо всем, за одним исключением.

История с «Симпсонами» на всех каналах казалась ему слишком глупой.

4

Закончив, Джон сам задал Дэну очевидный вопрос: откуда тот знает Абру Стоун? Тогда Дэн достал из кармана небольшой потрепанный блокнот. На обложке были изображены бьющиеся о скалы океанские волны и написан девиз: «ВЕЛИКОЕ СВЕРШЕНИЕ ТРЕБУЕТ ВЕЛИКИХ ПОДВИГОВ».

— Что-то знакомое, — сказал Джон. — Помню, ты таскал это с собой на все встречи, верно?

— Да. Тебе ведь знакомо имя Кейси Кея, моего куратора?

Джон закатил глаза.

— Еще бы мне его не знать, если каждый раз, открывая на встрече рот, ты начинаешь фразу словами: «Мой куратор Кейси Кей всегда говорит...»

— Никто не любит зазнаек, Джон.

— Почему же? Моя жена, например. Она как раз любит *законченного* нахала и зазнайку.

Дэн только вздохнул:

— Лучше просмотри блокнот.

Джон пролистал его.

— Здесь записи о наших встречах. Начиная с две тысячи первого года.

— Кейси велел мне посетить все девяносто первых встреч и делать заметки. Взгляни на восьмую.

Джон нашел нужную страницу. Методистская церковь Фрейзера. На те встречи сам он ходил редко, но, конечно же, знал о них. Под записью крупными печатными буквами было выведено «АБРА».

Джон поднял на Дэна взгляд, в котором не сквозило прежнего недоверия.

— Она связалась с тобой, когда ей было всего *два месяца* от роду?

— А ты просмотри блокнот дальше, — предложил Дэн, — и поймешь, что я никак не мог задним числом вписать ее имя, чтобы произвести на тебя впечатление. Если только не сфабриковал весь блокнот, но многие люди из Программы подтвердят, что он всегда был при мне в те времена.

— Включая меня самого, — признал Джон.

— Вот именно, включая тебя самого. В те дни меня часто можно было видеть с блокнотом в одной руке и чашкой кофе в другой. Это были два моих спасательных круга. Я тогда не знал, кто она такая, и не слишком интересовался. Думал, это случайный контакт. Как младенец из колыбельки, который может протянуть руку и погладить тебя по носу.

Позже, года через два или три, она написала на доске в моей комнате одно слово. «Привет!» И в дальнейшем поддерживала время от времени связь со мной. Просто так, без особых причин. Я даже не уверен, осознавала ли она сама, зачем это делает. Но я был ее знакомым. И когда ей понадобилась помощь, она поняла, что может обратиться только ко мне.

— Какого рода помощь ей нужна? Она попала в беду? — Джон повернулся к Билли. — А *ты* что-нибудь знаешь об этом?

Билли помотал головой:

— Я вообще о ней не слышал. Мне и в Эннистоне-то приходится бывать очень редко.

— А кто тебе сказал, что она из Эннистона?

Билли ткнул большим пальцем в Дэна:

— *Он*. Разве нет?

Джон снова обратился к Дэну:

— Хорошо. Допустим, вы меня убедили. Тогда рассказывайте все как есть.

Дэн поведал ему о кошмарном сне Абры и мальчике-бейсболисте. О людях, направлявших на него лучи фонариков. О женщине с ножом, слизывавшей кровь со своих ладоней. И о том, как много позже Абра увидела фотографию мальчика в «Шопере».

— И как же ей это удалось? Или убитый мальчик тоже, как ты выражаешься, сиял?

— Почти уверен, что первоначальный контакт возник именно благодаря сиянию. Он направил сигнал во внешний мир, когда эти люди начали пытать его — а Абра не сомневается, что именно это они и делали, — и так возникла связь между ними.

— А каким образом она сохранилась после того, как этот паренек, этот Брэд Тревор, был убит?

— Предполагаю, последующий контакт осуществлялся через одну из вещей Тревора — через бейсбольную перчатку. А она смогла связать Абру с убийцами, потому что один из них в какой-то момент примерил перчатку. Абра сама не знает, как это делает, и я тоже не в курсе. Но не сомневаюсь в том, что девочка обладает огромной мощью.

— Как и ты.

— Дело вот в чем, — продолжал Дэн. — Этих людей — если только они *вообще люди* — возглавляет женщина, которая убила мальчика. В тот день, когда Абра случайно увидела фото Брэда Тревора среди снимков других пропавших детей в местной газете, она смогла проникнуть к ней в голову. А женщина проникла в Абру. Несколько секунд они смотрели на мир глазами друг друга. — Он поднял сжатые кулаки и покрутил ими. — Мир перевернулся, а потом все встало на свои места. Но Абра боится, что они могут прийти за ней, и я разделяю ее тревогу. Потому что отныне она представляет для них нешуточную угрозу.

— Но дело ведь не только в этом, верно? — вмешался Билли.

Дэн выжидающе посмотрел на него.

— У тех, кто может сиять, *есть нечто*, правильно я говорю? Нечто нужное тем людям. Но добыть это они могут только посредством убийства.

— Да, ты совершенно прав.

— Эта женщина знает, где живет Абра? — спросил Джон.

— Абра так не думает, но надо помнить, что ей всего тринадцать. Она может ошибаться.

— А самой Абре известно местонахождение той женщины?

— Ей известно только, что в момент того внезапного контакта — взаимопроникновения — женщина была в супермаркете «Сэмс». Это указывает на запад, но магазины «Сэмс» есть в девяти штатах.

— Включая Айову?

Дэн отрицательно покачал головой.

— Тогда я не понимаю, зачем нам нужно туда.

— Там мы сможем разыскать перчатку, — сказал Дэн. — Абра считает, что, если у нее будет эта перчатка, она сумеет отследить человека, который ненадолго надевал ее себе на руку. Она называет его Барри Скитальцем.

Джон сидел, опустив голову, в глубокой задумчивости. Дэн дал ему время на размышления.

— Хорошо, — сказал Джон наконец. — Это безумие, но я с вами. Мне известна история Абры, а теперь я многое узнал о вас, и отказаться просто трудно. Но если это женщина не знает, где искать Абру, не умнее ли будет оставить все как есть? Так сказать, не будить спящую собаку?

— Не думаю, что эта собака спит, — возразил Дэн. — Эти (*пустые дьяволы*) уроды хотят заполучить Абру с той же целью, с которой им был нужен Тревор. Уверен, что здесь Билли абсолютно прав. Кроме того, теперь они считают ее опасной для себя. Если использовать жаргон анонимных алкоголиков, в ее власти лишить их анонимности. А об их ресурсах мы можем только догадываться. Тебе бы понравилось, если бы один из твоих маленьких пациентов месяцами жил в постоянном страхе, что к нему в любой

день может явиться эдакая паранормальная семейка Мэнсон* и похитить его среди бела дня?

— Разумеется, нет.

— А эти мерзавцы *живут* за счет таких детей, как Абра. Таких детей, каким был я сам, то есть наделенных даром сияния. — Он угрюмо посмотрел Джону Долтону прямо в глаза. — Если это правда, их необходимо остановить.

В разговор вновь вмешался Билли:

— Если я не еду с вами в Айову, какая роль отводится мне?

— Я бы начал с того, — ответил ему Дэн, — что в ближайшую неделю детально изучил город Эннистон. А если Кейси даст тебе небольшой отпуск, то будет лучше всего поселиться там в одном из мотелей.

5

Наконец Роуз погрузилась в состояние медитации, к которому стремилась. Труднее всего оказалось отрешиться от тревоги за Дедушку Флика, но она справилась и с этими волнениями, забыв о них на время. Поднявшись *над* ними. И теперь она полностью сосредоточилась на себе самой, повторяя древние заклинания — *sabbatha hanti*, и *lodsam hanti*, и *cahanna risone hanti*, — снова и снова едва шевелившимися губами. Отправляться на поиски зловредной девчонки было еще слишком рано, но теперь, когда осталась в одиночестве, а мир воцарился и вовне, и внутри ее, она могла никуда не спешить. Медитация сама по себе являлась величайшим благом. Роуз предавалась ей с наслаждением, собирая внутри себя необходимые силы и концентрируя внимание, но делая это медленно и тщательно.

Sabbatha hanti, lodsam hanti, cahanna risone hanti: эти слова были древними уже в те времена, когда члены Истинного Узла кочевали по Европе на повозках, торгуя брикетами торфа и безделушками. Вероятно, были древними еще в эпоху расцвета

* Банда убийц во главе с Чарлзом Мэнсоном. Члены банды совершили ряд жестоких преступлений.

Вавилона. Девочка обладала немалой силой, но Истинные были *всемогущими*, и Роуз не предвидела особых проблем. Девочка будет спать. Роуз легко и незаметно войдет в нее, соберет нужную информацию и заронит мысли, подобные маленьким бомбочкам. Она запустит ей в мозг не одного червяка, а целое копошащееся сонмище. Каких-то из них девчонка обнаружит и обезвредит.

Но не всех.

6

Тем вечером, закончив домашнюю работу, Абра почти сорок пять минут проговорила с мамой по телефону. Разговор проходил на двух уровнях. На поверхности они вроде бы обсудили, как прошел день Абры, и предстоящую школьную неделю, и костюм Абры к танцам в честь Хеллоуина; они рассуждали о планах перевезти Момо на север и поселить в хосписе Фрейзера (который Абра по-прежнему называла «котспас»); Люси поделилась с дочкой последней информацией о состоянии Момо, назвав его «достаточно хорошим, если учесть все обстоятельства».

На другом уровне Абра прислушивалась к глодавшему Люси беспокойству, что она все-таки подвела свою бабушку, и к правде о самочувствии Момо — о ее страхах, смятении, постоянных болях. Абра пыталась послать маме утешающие мысли: *все не так уж плохо, мамочка*, и *мы очень любим тебя*, и *ты сделала все, что могла*. Ей хотелось верить, что хотя бы часть этих посланий нашла путь в сознание Люси, но она сомневалась в этом. При всех своих многочисленных талантах — причем некоторые казались чудесными и пугающими одновременно, — она никогда не умела влиять на общий эмоциональный настрой других людей.

Мог ли Дэн сделать это? Ей казалось, что да. У нее сложилось впечатление, что именно эту грань своего сияния он использовал, когда помогал людям в котспасе. И если так, то он, вероятно, поможет и Момо, когда она окажется там. Было бы здорово!

Она спустилась вниз в розовой фланелевой пижаме, которую Момо подарила ей на прошлое Рождество. Отец смотрел матч «Ред сокс» и потягивал пиво. Она смачно поцеловала его в нос (он всегда заявлял, что ему это не нравится, но Абра знала, что отец лукавит) и сообщила о намерении лечь спать пораньше.

— La домашнее задание est complète, mademoiselle?

— Да, папочка. Только по-французски домашняя работа называется devoirs.

— Постараюсь запомнить. Как там твоя мама? Спрашиваю потому, что ты не дала мне и полутора минут поговорить с ней, прежде чем выхватила трубку.

— Нормально. — Абра понимала, что это правда, но слово «нормально» было весьма неопределенным. Она уже пошла по коридору, но потом обернулась и добавила: — Сказала, что Момо подобна хрупкому стеклянному узору. Как и мы все.

На самом деле Люси ничего подобного не говорила, а лишь подумала об этом.

Дэйв приглушил звук телевизора.

— Что ж, вероятно, она права, хотя некоторые из нас сделаны из удивительно прочного стекла. Помни, что твоя прабабушка прожила счастливо и в добром здравии очень долгий век. А теперь подойди ко мне, Абба-Ду, и обними покрепче. Не знаю, как тебе, а мне это сейчас очень нужно.

7

Через двадцать минут она уже лежала в постели при свете ночника в виде Винни-Пуха, который служил ей верой и правдой с раннего детства. Она поискала Дэна и обнаружила его в комнате отдыха, где собирали головоломки, читали журналы и играли в настольный теннис, а на стене висел большой телевизор. Он играл в карты с парой постояльцев котспаса.

(*ты поговорил с доктором Джоном?*)

(*да и мы отправляемся в Айову послезавтра*)

Эту мысль сопровождало изображение старого биплана. Внутри сидели двое мужчин в допотопных шлемах, шарфах и защитных очках. Абра невольно улыбнулась.

(*если мы привезем тебе*)

Изображение перчатки питчера. Не совсем такой, как у Брэда, но Абра поняла, что хотел сказать Дэн.

(*ты не струсишь?*)

(*нет*)

Она не имела права струсить. Конечно, держать в руках перчатку мертвеца будет страшновато, но ей придется сделать это.

8

В комнате отдыха Ривингтона-1 мистер Брэддок смотрел на Дэна с монументально раздраженным, но озадаченным выражением, какое бывает на лицах только самых глубоких стариков.

— Ты собираешься делать ход, Дэнни, или так и будешь сидеть, пока не растают все ледники?

(*спокойной ночи Абра*)

(*спокойной ночи Дэн и пожелай от меня доброй ночи Тони*)

— Дэнни? — Мистер Брэддок постучал костлявым пальцем по столу. — Дэнни Торранс, проснитесь! Ау, мистер Торранс!

(*не забудь установить сигнализацию*)

— В самом деле, Дэнни! — не выдержала Кора Уиллингэм.

Дэн вскинул на них взгляд.

— А? Я сбросил карту, или все еще мой ход?

Мистер Брэддок выразительно посмотрел на Кору — та закатила глаза к потолку.

— И мои дочери считают, что это *я* выжила из ума, — сказала она.

9

Абра поставила будильник на своем айпаде: завтра ей нужно было в школу, а кроме того, была ее очередь готовить завтрак — омлет с грибами, перцем и сыром. Но Дэн имел в виду другую сигнализацию. Поэтому она закрыла глаза и сосредоточилась, нахмурив брови. Ее рука выскользнула из-под одеяла и приня-

лась тереть губы. Дело предстояло сложное, но, возможно, стоило таких усилий.

Сигнализация — это хорошо, но если женщина в шляпе разыщет ее, еще лучше будет расставить для нее ловушки.

Минут через пять морщинки на ее лбу разгладились, а рука оторвалась ото рта. Абра повернулась на бок и натянула одеяло до подбородка. Засыпая, она представляла себя скачущей на белом коне в полных рыцарских доспехах. Мистер Пух наблюдал за ней со своего места на столике, которое было отведено ему, когда Абре исполнилось всего четыре года, и отбрасывал тусклый свет на ее левую щеку. Только она и копна волос виднелись из-под одеяла.

Во сне Абра мчалась галопом по бескрайним полям под миллиардами звезд.

10

Роуз продолжала медитировать до половины второго ночи с воскресенья на понедельник. Остальные Истинные (исключая Энни Фартук и Большую Мо, которые сейчас дежурили у постели Дедушки Флика) уже крепко спали, когда она решила, что теперь все готово. В одной руке она держала распечатанную на принтере фотографию центра города Эннистона в штате Нью-Гэмпшир, который не отличался особой привлекательностью. Пальцы другой руки сжимали одну из канистр. И хотя внутри почти не осталось пара, Роуз не сомневалась, что ей хватит. Она взялась за клапан, приготовившись открыть его.

Мы — Истинный Узел, и мы выстоим: Sabbatha hanti.

Мы — Избранные: Lodsam hanti.

Мы — счастливейшие из счастливых: Cahanna risone hanti.

— Прими это, Роузи, и используй надлежащим образом, — сказала она себе. Нажала на клапан, и показалось облачко серебристого тумана. Она вдохнула его, откинулась на подушку и позволила пустой канистре с легким стуком упасть на ковер. Потом поднесла снимок Мейн-стрит Эннистона ближе к глазам. Её руки и пальцев как таковых уже не было, и картинка словно зависла в воздухе. Неподалеку от Мейн-стрит в переулке, кото-

рый, по всей вероятности, назывался Ричлэнд-Корт, жила маленькая девочка. Сейчас она должна была спать, но где-то в глубине ее сознания теперь жила Роза-в-Шляпе. Она исходила из того, что девочка не знала, как выглядит Роза-в-Шляпе (это было взаимно... по крайней мере пока). Но зато девочка знала, что Роза-в-Шляпе *чувствует*. Осталось у нее в памяти и то, на что Роуз смотрела вчера в универсаме «Сэмс». Это была ее примета, ее способ попытаться отыскать соперницу.

Роуз вроде бы пристально и задумчиво разглядывала снимок с пейзажем Эннистона, но на самом деле мысленно искала мясной отдел «Сэмса», где «КАЖДАЯ ОТБИВНАЯ РАДУЕТ ГЛАЗ!». Она искала саму себя. И после сравнительно недолгих поисков нашла. Сначала ее вел звук: музыкальная запись, звучавшая в магазине. Потом она увидела тележку. Но дальше все еще царила чернота. Это ничего; постепенно все восстановится. Роуз двигалась на звуки музыки, теперь далекие и гулкие.

Темнота, темнота, темнота, а потом проблеск света, и еще один — уже более яркий. Перед ней возник проход между стеллажами супермаркета, а потом и часть торгового зала. Она почти пробилась. Сердцебиение Роуз чуть заметно участилось.

Лежа в своей постели, она закрыла глаза. Если девчонка почувствует неладное — маловероятно, но не исключено, — она ничего не увидит. Роуз на несколько секунд замерла, чтобы снова перечислить свои основные задачи: узнать имя, точное место жительства, известную информацию и делилась ли девочка ею с кем-то.

(*мир, повернись*)

Она собралась с силами и оттолкнулась. На этот раз ощущение *вращения* не застало ее врасплох, а находилось под полным ее контролем. Еще мгновение она оставалась в зале супермаркета — пока устанавливалась связь между двумя сознаниями, — а затем перенеслась в просторную комнату, по которой разъезжала на велосипеде маленькая девчушка с хвостиками, распевавшая бессмысленную песенку. Это был сон, снившийся девочке, и Роуз видела его вместе с ней. Но у нее были дела поважнее. Стены в комнате сплошь состояли из выдвижных ящиков. Сейчас она могла открыть любой без труда. А девочка преспокойно спала в голове Роуз, видя себя пятилетней на своем

первом велосипеде. И это прекрасно. *Спи дальше, маленькая принцесса.*

Ребенок проехал мимо нее, распевая *ля-ля-ля* и ничего не замечая. Сзади велосипед был снабжен колесиками безопасности, которые то появлялись, то исчезали. Роуз догадалась, что девочке снился день, когда она научилась обходиться без них. Один из самых памятных дней в жизни каждого ребенка.

Наслаждайся катанием, моя дорогая, а я тем временем узнаю о тебе все.

Уверенным движением Роуз потянула один из ящиков.

Но стоило ей запустить туда руку, как оглушительно взвыла сирена и комнату заполнили вспышки ярчайшего белого света, которые не только слепили, но и обдавали жаром. Впервые за бессчетные годы Роза-в-Шляпе, когда-то Роуз О'Хара из графства Антрим в Северной Ирландии, была захвачена врасплох. Прежде чем она успела вынуть из ящика руку, он резко задвинулся. Боль оказалась нестерпимой. Она вскрикнула и рванулась, но тщетно.

Тень Роуз отплясывала высоко на стенах — и там было кое-что еще. Она обернулась и увидела, что маленькая девочка мчится прямо на нее. Вот только маленькой она больше не была. Роуз атаковала молодая женщина в кожаном камзоле с изображением дракона на пышной груди, с волосами, стянутыми синей лентой. Велосипед превратился в белого жеребца. Глаза коня, как и глаза воительницы, горели яростным огнем.

В руке эта амазонка сжимала копье.

(*Ты все-таки вернулась Дэн сказал что ты можешь прийти и ты явилась*)

И в ее голосе — невероятно для лоха, пусть и обладавшего огромным запасом пара, — звучала радость.

(*ВОТ И ОТЛИЧНО!*)

Ребенок, который оказался вовсе не ребенком, ждал ее прихода. Она не просто расставила ловушки. Ее намерением было уничтожить незваную гостью... И, учитывая уязвимость сознания Роуз в этот момент, она, вероятно, могла это сделать.

Собрав все силы, Роуз встретила атаку, но не мифическим копьем, а мощной ударной волной мысли, за которой стояли ее несгибаемая воля и многолетний опыт.

(НЕ ПРИБЛИЖАЙСЯ КО МНЕ! НАЗАД, МАТЬ ТВОЮ! КЕМ БЫ ТЫ СЕБЯ НИ ВОЗОМНИЛА, ТЫ ВСЕГО ЛИШЬ ДЕВЧОНКА!)

Образ, в котором девочка видела будущую себя — аватар, — продолжал надвигаться, но под ударом мощной мысли слегка качнулся, и копье с треском вонзилось в ящики слева от Роуз, а не в бок, куда было нацелено.

Ребенок (*она всего лишь дитя*, не уставала твердить себе Роуз) развернул коня, и Роуз сосредоточилась на ящике, который удерживал ее. Она уперлась свободной рукой в стену над ним и изо всех сил потянула, не обращая внимания на боль. Поначалу ящик не хотел поддаваться. Потом чуть выдвинулся, и она вытащила запястье, расцарапанное и кровоточащее.

Но одновременно происходило что-то еще. Внутри ее головы слышался шелест, словно туда залетела неведомая птица. Это что за дерьмо?

Ожидая, что треклятое копье может в любой момент пронзить ее спину, Роуз рванулась со всей силы. Рука совершенно неожиданно высвободилась, и Роуз вовремя успела сжать кулак, потому что ящик захлопнулся со столь чудовищной скоростью, что мог отсечь ей пальцы. Ногти пульсировали, и она знала, что, когда у нее появится шанс взглянуть на них, они будут сливового цвета от кровоподтеков.

Она повернулась. Девочки не было. Комната оказалась пуста. Но странное ощущение в голове не проходило. Напротив, оно стало более отчетливым. И внезапно боль в запястье и пальцах показалась Роуз сущим пустяком в сравнении с другой проблемой. Она не одна совершила переворот, и не имело значения, что в реальном мире ее глаза были закрыты.

Эта мелкая тварь проникла в другую комнату с множеством ящиков по стенам.

В комнату, принадлежавшую Роуз. В голову Роуз.

И та из взломщика превратилась в жертву ограбления.

(ПОШЛА ВОН ПОШЛА ВОН ПОШЛА ВОН)

Шелест не прекратился, крылышки запорхали еще быстрее. Роуз справилась с овладевшей ею паникой, постаралась вернуть себе ясность мысли и сосредоточиться, что ей отчасти удалось. Этого оказалось достаточно, чтобы повернуть колесо в обратную сторону, хотя теперь оно словно сопротивлялось.

(*мир, повернись*)

И постепенно сводившее с ума движение внутри головы стало слабеть, а потом прекратилось, когда девочка, описав свою часть круга, вернулась туда, откуда пришла.

Только это было неправильно, и дело приняло слишком серьезный оборот, чтобы позволить себе такую роскошь, как самообман. Ты *пришла к* ней *сама. И угодила в расставленный капкан. Почему? Потому что, несмотря на весь свой опыт, ты все-таки недооценила ее.*

Роуз открыла глаза, поднялась и опустила ноги на ковер. Одна наткнулась на пустую канистру из-под пара, и Роуз со злостью отшвырнула ее в сторону. Футболка из Сайдуайндера, которую она надела, прежде чем лечь, пропиталась потом. От нее воняло как от свиньи. Роуз с изумлением разглядывала свою руку, покрытую синяками, ссадинами и порезами. Ногти постепенно чернели, и она подозревала, что может лишиться некоторых из них.

— Но я же *не знала*, — сказала она. — Никак не могла знать.

Ей были ненавистны жалобные нотки в собственном голосе. Таким тоном говорят сварливые старухи.

— Я никак не могла этого предвидеть.

Ей отчаянно захотелось выбраться из проклятого кемпера. Он мог быть самым большим и роскошным в мире, но сейчас словно ужался до размеров гроба. Она подошла к двери, опираясь на стенки, чтобы сохранить равновесие. Прежде чем выйти, взглянула на часы на приборной панели. Без десяти два. Все произошло за какие-то двадцать минут. Невероятно!

Много ли ей удалось узнать, прежде чем я избавилась от нее? Что ей теперь известно?

Роуз не могла полностью оценить размеры ущерба, но любая утечка представляла опасность. С мерзавкой следовало расправиться, и как можно скорее.

Она вышла под бледный свет луны и несколько раз глубоко вдохнула свежий воздух. Ей сразу стало лучше. Самообладание возвращалось, но она никак не могла забыть того *шелеста* у себя в голове. Не могла избавиться от гадостного чувства, что кто-то — лох! — роется в ее мыслях, причем в самых сокровенных.

Боль была сильна, испуг от того, что угодила в ловушку, оказался еще сильнее, но острее всего она переживала унижение и незнакомое прежде ощущение, словно ее изнасиловали. Изнасиловали и *обокрали*.

Ты за это дорого заплатишь, принцесса. Скоро поймешь, что напрасно связалась со мной.

Кто-то двигался в ее сторону. Роуз успела присесть на верхнюю ступеньку своего кемпера, но сразу же резко поднялась — напряженная, готовая ко всему. Потом разглядела силуэт Ворона. Он был в пижамных штанах и домашних тапочках.

— Роуз, я думаю, тебе лучше... — Он осекся. — О проклятие! Что у тебя с рукой?

— К дьяволу мою руку! — рявкнула она. — Чего ради ты болтаешься здесь в такой час? Ведь знаешь, что я занята?

— Дедушка Флик, — ответил Ворон. — Энни Фартук говорит, что он умирает.

Глава 11

ТОУМИ 25

1

Вместо привычных когда-то ароматов сосны и сигар «Алькасар» кемпер Дедушки Флика пах дерьмом, болезнью и смертью. Собралось множество людей. Не меньше дюжины Истинных стояли рядом с кроватью старика и расположились в гостином отсеке, попивая кофе. Остальные столпились снаружи. Вид у них был испуганный и растерянный. Члены Узла не привыкли к смерти себе подобных.

— Всем разойтись, — скомандовала Роуз. — Пусть останутся только Ворон и Орех.

— Да вы посмотрите на него, — дрожащим голосом сказала Петти Китаянка. — На эти пятна! И он циклирует, Роуз! Ужас какой!

— Ничего, все образуется, — мягко сказала Роуз и по-дружески сжала плечо Петти, хотя больше всего ей хотелось выкинуть эту жирную кокни из кемпера под зад коленом. Ленивая сплетница, годившаяся только чтобы согревать постель Барри, да и то едва ли справлявшаяся даже с этим. Как подозревала Роуз, единственное, что Петти умела действительно хорошо, — это постоянно жаловаться на жизнь. И первой распускать панические слухи.

— Идите по домам, — поддержал ее Ворон. — Если ему *суждено* умереть, то свидетели при этом ни к чему.

— Он сдюжит, — сказал Сэм Арфа. — Жестче вареного филина наш Дедушка Флик.

Но потом он обнял Русскую Бабу, которая выглядела совершенно потерянной, и ненадолго прижал к себе.

И они стали расходиться, бросая взгляды через плечо, прежде чем спуститься по ступенькам на землю. Когда же их осталось трое, Роуз подошла к постели.

Дедушка Флик смотрел на нее, но не видел. Губы отстали от десен и обвисли. Пряди тонких седых волос выпали и разметались по наволочке подушки, придавая ему вид облезлого старого пса. Огромные влажные глаза наполняла боль. На нем не было ничего, кроме трусов, и по всему тощему телу виднелись красные точки, похожие на пупырышки или укусы насекомых.

Роуз повернулась к Грецкому Ореху:

— А это что еще такое?

— Коревая сыпь, — ответил он. — По крайней мере я так думаю. Хотя чаще она появляется в полости рта.

— Говори на нормальном языке.

Орех пробежал пальцами по остаткам шевелюры.

— Короче говоря, я думаю, у него корь.

Роуз сначала потеряла дар речи, потом разразилась лающим смехом. Ей приходилось стоять здесь и выслушивать откровенную чепуху, вместо того чтобы принять аспирин, который успокоил бы руку, пульсировавшую адской болью с каждым ударом сердца. Ей постоянно лезли в голову мысли о том, как распухали руки персонажей комиксов, то и дело попадавших себе молотками по пальцам.

— Но ведь мы не подвержены лоховским болезням!

— Ну... раньше так и было.

Она гневно посмотрела на него. Ей срочно понадобилась шляпа: без нее она чувствовала себя голой, — но цилиндр остался в кемпере.

Орех сказал:

— Я говорю только о том, что вижу. А это явная корь.

Лоховская болезнь с глупым названием. Только этого им не хватало!

— Но это же просто... *чушь собачья*!

Он вздрогнул, и немудрено. Ее слова показались резкими даже самой Роуз. Но... этого же не может быть! *Корь?* Получалось, что старейшина Истинного Узла умирал от детской болезни, которой теперь не болеют даже дети?

— На мальчишке-бейсболисте из Айовы было несколько пятнышек, но я и представить себе не мог... Именно потому, что, как ты сказала, мы не подвержены их заболеваниям.

— Но с тех пор прошло уже *несколько лет*!

— Знаю. Напрашивается единственное объяснение. Зараза проникла в кровеносную систему и дремала там до поры. Некоторые болезни протекают именно так. Порой не проявляются годами, а потом — вспышка.

— Но все это верно только для лохов! — Она продолжала цепляться за этот аргумент.

Грецкий Орех только помотал головой.

— Если Дедушка заболел корью, то почему она не затронула остальных? Ведь все эти ерундовые болячки типа кори, ветрянки, свинки не опасны даже для лоховских детей. Во всем этом нет никакого смысла. — И, опровергая собственные слова, она повернулась к Ворону с упреком: — А ты о чем думал, когда позволил чуть ли не всей семье толкаться рядом с ним и дышать этими миазмами?

Ворон только передернул плечами. Все это время он не сводил глаз с трясущегося старика на постели. Узкое красивое лицо Ворона отражало глубокую задумчивость.

— Все течет, все изменяется, — изрек Орех. — Если пятьдесят или сто лет назад у нас был иммунитет против болезней лохов, это не значит, что он остался и сейчас. Быть может, это часть естественного процесса.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что абсурд, который творится у нас на глазах, *естествен*? — осведомилась она, указывая на Дедушку Флика.

— Единичный случай еще не эпидемия, — заметил Орех, — и это *действительно* может оказаться чем-то другим. Но если будет новый случай, нам придется поместить больного в строгий карантин.

— А это поможет?

Он долго колебался с ответом.

— Не знаю. Может, мы уже все заражены. Может, это как заведенный будильник или как бомба с часовым механизмом. Согласно последним научным исследованиям именно так происходит процесс старения у лохов. Они живут себе и живут, почти не меняясь, а потом что-то в их генах щелкает. Внезапно

прорезаются старческие морщины, и не успеешь оглянуться, как уже не можешь ходить без палочки.

Ворон, продолжавший наблюдать за Дедушкой, вдруг прервал его:

— Похоже, началось. Твою мать!

Кожа Дедушки Флика приобрела молочный оттенок. Потом сделалась совсем тонкой. Когда она стала почти прозрачной, Роуз смогла отчетливо увидеть печень, сморщенные черно-серые мешочки легких, пульсирующий красный узел сердца. Вены и артерии напоминали дороги на автомобильном навигаторе. Она различала оптические нервы, связывавшие глаза с мозгом. Они выглядели как призрачные струны.

Потом он вернулся. Его глаза ожили, поймали взгляд Роуз и уперлись в нее. Он протянул руку и взялся за ее неповрежденную ладонь. Ей пришлось подавить в себе инстинктивный импульс отдернуть руку. Если Орех правильно поставил диагноз, Дедушка заразен. Впрочем, какого дьявола! Если Орех прав, они все уже заражены.

— Роуз, — прошептал он. — Не покидай меня.

— Не покину. — Она села на край его постели, их пальцы переплелись. — Ворон?

— Да, Роуз?

— Посылка, которую ты отправил в Стербридж, сможет полежать там некоторое время, не так ли?

— Конечно.

— Хорошо. Тогда сначала разберемся здесь. Но мы не можем себе позволить ждать слишком долго. Та девчонка оказалась намного опаснее, чем я предполагала. — Она вздохнула. — Ну почему беда никогда не приходит одна?

— Это она так изуродовала тебе руку? Как?

На этот вопрос ей отвечать не хотелось.

— Я теперь не смогу отправиться с вами, потому что она знает, как я выгляжу.

А кроме того, подумала она, но не сказала вслух, *если Грецкий Орех все-таки прав, я буду нужна остальным здесь в роли Мамаши Кураж*.*

---

* Имеется в виду героиня пьесы немецкого драматурга Бертольта Брехта «Мамаша Кураж и ее дети».

— Но нам необходимо захватить ее. Это становится нашей важнейшей задачей.

— Почему же?

— Потому что если она перенесла корь, то должна обладать лоховским иммунитетом. И тогда ее пар будет полезен для нас во всех смыслах.

— Сейчас детям делают прививки против всей этой муры, — сказал Ворон.

— Это может сработать, — кивнула она.

Дедушка Флик между тем снова начал выпадать из цикла. Наблюдать это было тяжело, но Роуз пересилила себя. Когда внутренние органы снова скрылись под хрупкой кожей, она посмотрела на Ворона и подняла свою покрытую синяками и ссадинами ладонь.

— И к тому же... Мы должны хорошенько проучить ее.

2

Когда в понедельник утром Дэн проснулся у себя в башне, на доске вместо списка снова красовалось сообщение от Абры. Поверх него она изобразила радостный смайлик с оскаленными зубами.

Она приходила! Я была готова и врезала ей!
В САМОМ ДЕЛЕ!!!
Она это заслужила, а потому УР-Р-Р-А!!!
Мне нужно с тобой поговорить, но не по Интернету.
На том же месте в три часа дня.

Дэн снова лег на кровать, закрыл глаза и попытался отыскать Абру. Обнаружил ее по пути в школу в обществе трех подружек, что само по себе показалось ему рискованным. Причем не только для Абры, но и для подружек. Он надеялся, что Билли уже прибыл и приступил к исполнению своих обязанностей. Причем ему тоже следовало соблюдать осторожность, чтобы какая-нибудь излишне бдительная соседка не приметила его и не сочла подозрительным.

(*я могу встретиться с тобой мы с Джоном уезжаем только завтра но все нужно сделать быстро и аккуратно*)

(*да хорошо поняла*)

3

Дэн снова сидел на скамейке перед увитым плющом зданием библиотеки Эннистона, когда появилась Абра, одетая для занятий в школе в красный джемпер и броские красные кроссовки. Через ее плечо был перекинут рюкзак. Дэну показалось, что со времени их последней встречи она подросла на добрый дюйм.

Она помахала ему рукой.

— Привет, дядя Дэн!

— Привет, Абра. Как дела в школе?

— Замечательно! Я получила пятерку за доклад по биологии!

— Тогда присядь на минутку и обо всем мне расскажи.

Она подошла к скамейке, двигаясь с изяществом и энергией, почти танцуя. Глаза блестели, щеки играли румянцем: здоровая во всех смыслах этого слова девочка-подросток. Она, безусловно, не могла не привлекать внимания. У Дэна не было особых оснований тревожиться по этому поводу, но он почему-то все-таки испытывал легкое волнение за нее. Одно хорошо: совершенно неприметный «форд»-пикап стоял у тротуара в половине квартала от них. За рулем сидел немолодой уже мужчина, который потягивал кофе из картонного стаканчика и читал журнал. Или делал вид, что читает.

(*Билли?*)

Ответа не последовало, но Билли поднял голову, и этого было вполне достаточно.

— А теперь, — сказал Дэн, понизив голос, — я бы хотел в деталях узнать обо всем, что произошло.

Она рассказала ему о поставленной ловушке и о том, как хорошо она сработала. Дэн слушал ее, не переставая поражаться, изумляться... и тревожиться. Излишняя уверенность Абры в своих способностях начинала беспокоить его. Это была уверен-

ность ребенка, а ведь люди, с которыми им предстояло столкнуться, отнюдь не были детьми.

— Но я же только просил тебя установить сигнализацию, — сказал он, когда она закончила.

— А получилось намного лучше. Даже не знаю, осмелилась бы я атаковать ее подобным образом, если бы не вообразила себя Дэйнерис из «Игры престолов», но думаю, что да. Потому что она убила мальчика-бейсболиста и многих других. А еще потому...

Улыбка впервые слетела с ее лица. Пока длился рассказ, Дэну легко было представить, какой она будет в восемнадцать лет. А сейчас он вдруг увидел перед собой девятилетнюю Абру.

— Почему же?

— Потому что она не человек. Все они нелюди. Быть может, были людьми когда-то, но теперь уже нет.

Она расправила плечи и откинула назад волосы.

— Но я сильнее их. Это я тоже точно знаю.

(*а разве она не сумела отбиться от тебя?*)

Абра нахмурилась, явно недовольная его замечанием, провела тыльной стороной ладони по губам, но потом спохватилась и положила руку себе на колено. И для верности накрыла сверху другой ладонью. В этом жесте Дэну почудилось что-то очень знакомое. Хотя почему бы и нет? Он наверняка видел, как она делала это раньше. Сейчас у него хватало других забот.

(*в следующий раз я еще лучше подготовлюсь если он* будет *этот следующий раз*)

Она, вероятно, была права. Но в следующий раз и женщина в шляпе тоже сумеет лучше подготовиться.

(*я лишь хочу чтобы ты была осторожна*)

— Буду. Обещаю. — Все подростки отвечали так на предостережения взрослых, но Дэн почувствовал себя чуть лучше. Совсем чуть-чуть. Кроме того, не следовало забывать о Билли в его выцветшем красном «F-150».

Глаза Абры снова загорелись возбужденным огнем.

— Я узнала много нового. Вот почему мне и понадобилась встреча с тобой.

— Что ты узнала?

— Не где она находится, нет, до этого я добраться не смогла, но я столько всего увидела и поняла... пока была в ее голове, а она — в моей. Мы снова как бы поменялись мозгами. Там было полно выдвижных ящичков, как в картотеке большой библиотеки, хотя, быть может, мне это представилось в таком виде только потому, что так себе *все вообразила она*. Если бы ей привиделись в моей голове компьютерные экраны, я бы, наверное, тоже увидела компьютеры.

— Сколько же ящиков ты успела просмотреть?

— Три. Или даже четыре. Они называют себя Истинным Узлом. Большинство из них старики, и они действительно похожи на вампиров. Они ищут детей вроде меня. И наверное, тебя в детстве. Но только не пьют кровь, а вдыхают вещество, которое выделяют эти особые дети, когда умирают. — Она скривилась от отвращения. — И чем больше они мучают их перед смертью, тем полезнее для них вещество. Они называют это паром.

— Он красный, верно? Красный или красновато-розовый?

Дэн был в этом уверен, но Абра нахмурилась и покачала головой:

— Нет. Белый. Это яркое белое облако. Ни намека на красноту. Но послушай, они умеют создавать запасы! То, что не потребляют сразу, помещают во что-то вроде термосов. Но им всегда не хватает. Я как-то видела телепередачу про акул. Там рассказывали, что акулы все время двигаются, потому что испытывают вечный голод. Мне кажется, с Истинным Узлом та же история. — Она скорчила гримасу. — И они такие же омерзительные.

Белое вещество. Не красное, а белое. Это должно было быть тем, что старая медсестра называла испущенным духом, только другого рода. Потому что исходило от здоровых и совсем юных существ, а не от стариков, умиравших с плотью, отягощенной целым набором недугов? Или потому что это были, по выражению Абры, «особые дети»? Или же по обеим причинам сразу?

Она закивала:

— Скорее всего по обеим.

— Допустим. Но сейчас важнее всего то, что они о тебе знают. *Она* знает.

— Они немного опасаются, что я кому-нибудь о них расскажу. Но не слишком боятся этого.

— Потому что ты еще ребенок, а детям никто не верит.

— Верно. — Она сдула со лба волосы. — Момо бы мне поверила, но она при смерти. Ее хотят перевести в твой котспас, Дэн. То есть я хотела сказать — хоспис. Ты ведь поможешь ей там? Если только не задержишься в Айове?

— Сделаю все, что смогу. Скажи мне, Абра, они собираются прийти за тобой?

— Возможно, но не из-за того, что я слишком много знаю. Они придут за тем, *что у меня есть*. — На ее лице не осталась и следа от радости. Она снова потерла рот, а когда убрала руку, на губах появилась злобная усмешка.

А у этой девочки тот еще характер, подумал Дэн. Это было знакомо. Он тоже обладал характером. И не раз по этой причине попадал в большие передряги.

— Но *она* не явится сама. Та сука. Она понимает, что теперь я знаю ее в лицо и почувствую ее приближение, потому что мы с ней сцепились, так сказать, в ближнем бою. Но есть другие. Они придут за мной и устранят любого, кто встанет у них на пути.

Абра взяла его руки в свои и стиснула. Это встревожило Дэна, но он не стал возражать. Сейчас ей требовалось прикоснуться к человеку, которому она доверяла.

— Но мы обязаны остановить их, чтобы они не смогли причинить зла папе, маме или моим друзьям. И чтобы не убили больше ни одного ребенка.

На мгновение Дэн перехватил ясный образ, возникший в ее сознании. Она не отправляла его намеренно — он просто нарисовался в ее голове сам по себе. Коллаж из множества фотографий. Дети, десятки детей под заголовком «ВЫ МЕНЯ НЕ ВИДЕЛИ?». Ее терзал вопрос, сколько из них стали жертвами Истинного Узла, убитыми из-за своего последнего издыхания — мрачного и омерзительного деликатеса, поддерживавшего жизненные силы этой банды, — и брошенными в безымянных могилах.

— *Ты должен достать ту бейсбольную перчатку*. Если я получу ее, смогу определить, где находится Барри Скиталец. Уверена, что смогу. А остальные будут там же. Если тебе не удастся

справиться с ними, ты хотя бы сможешь сообщить о них в полицию. Добудь мне перчатку, Дэн, *пожалуйста*.

— При условии, что она все еще там, где ты говоришь. Но тебе надо соблюдать осторожность, Абра.

— Буду, хотя не думаю, что она снова попытается тайком проникнуть в мое сознание. — Улыбка вернулась на лицо Абры. И это была улыбка женщины-воина, жестокой и беспощадной, на которую она так хотела походить — Дэйнерис или как там ее. — А попробует — пожалеет.

Дэн решил, что продолжать не стоит. Они просидели вдвоем на скамейке достаточно долго. Даже дольше, чем он планировал.

— Я установил для себя собственную систему сигнализации. Если ты заглянешь мне в голову, думаю, увидишь, что она собой представляет, но я не хочу, чтобы ты это делала. Если кто-то другой из Узла попытается просканировать твой мозг — не женщина в шляпе, а один из ее сообщников, — он не сможет узнать то, чего не знаешь ты сама.

— А, это хорошо.

Но он понимал: Абра считает, что любой, кто предпримет подобную попытку, потерпит крах, — и его чувство тревоги только усилилось.

— И еще... Если вдруг попадешь в неприятную ситуацию, со всех сил зови *Билли*. Запомнишь?

(*да как ты однажды позвал своего друга Дика*).

Дэн даже вздрогнул. Абра улыбнулась:

— Я не подсматривала, мне просто...

— Ладно, оставим эту тему. А теперь, прежде чем уйдешь, скажи мне одну вещь.

— Какую?

— Ты на самом деле получила пятерку по биологии?

4

Вечером в понедельник, без четверти восемь, рация Роуз пискнула. Это был Ворон.

— Тебе лучше прийти сюда, — сказал он. — Дело идет к развязке.

Истинные собрались у кемпера Дедушки в молчаливый круг. Роуз (снова надевшая свою шляпу под углом, опровергавшим закон всемирного тяготения) миновала их строй, задержавшись только чтобы обнять Энди, а потом поднялась по ступенькам, стукнула в дверь один раз и, не дожидаясь ответа, вошла. Орех стоял рядом с Большой Мо и Энни Фартук, вынужденными сиделками при умирающем. Ворон расположился в ногах постели. При появлении Роуз он вскочил на ноги. Этим вечером стало заметно, что он постарел. Морщины в уголках рта обозначились резче, а в черных волосах отчетливо проглядывала седина.

Нам нужно принять пар, подумала Роуз, *и мы это сделаем, когда здесь все будет кончено.*

Дедушка Флик теперь циклировал часто и стремительно: сначала делался прозрачным, затем возвращался в нормальное состояние, но почти тут же снова начинал исчезать. И периоды, когда его тело просвечивало насквозь, становились все продолжительнее, а участки, делавшиеся невидимыми, увеличивались. Он знал, что с ним происходит, поняла Роуз. Полные страха глаза расширились, тело дергалось от боли, которую приносил каждый переход. Она всегда позволяла себе питать иллюзию, пусть лишь в глубине сознания, что члены Истинного Узла бессмертны. Хотя примерно каждые пятьдесят или сто лет кто-то умирал. Как тот громадный тупой голландец, Ганс Автомат, убитый током, когда незадолго до конца Второй мировой войны во время бури в Арканзасе на него обрушились высоковольтные провода, или Кэти Заплатка, которая утонула, или Томми Грузовик. Однако все это можно было считать исключительными случаями. Как правило, погибавшие становились жертвами собственной неосторожности. По крайней мере так привыкла считать Роуз. Но сейчас она понимала свою глупую детскую наивность, подобную лоховской вере в Санта-Клауса и пасхального зайца.

Флик совершил новый цикл, вернувшись к жизни со стонами, плачем и дрожью во всем теле.

— Останови это, Роузи, девочка моя! Останови. Мне *так больно*...

Но прежде чем она смогла вымолвить хоть слово (да и что ей было сказать?), он опять начал растворяться, пока от него не остались лишь очертания скелета и выпяченные бессмысленные глаза. Самое ужасное, Роуз попыталась установить с ним мысленный контакт и попробовать утешить, но контактировать было уже не с чем. Там, где всегда находился Дедушка Флик — часто грубый, иногда милый, — теперь лишь с ревом вихрились обрывки каких-то образов. Потрясенная Роуз вышла из его сознания. И снова ей подумалось: *Этого просто не может быть.*

— Не лучше ли будет прекратить его страдания? — подала голос Большая Мо. Она впилась ногтями в руку Энни, но та ничего не замечала. — Сделайте же ему какой-нибудь укол или не знаю что еще. У тебя в сумке найдется что-нибудь такое, Орех? Должно найтись.

— А какой толк? — хрипло ответил Грецкий Орех. — Чуть раньше это еще имело бы смысл, но сейчас процесс пошел слишком быстро. У него не осталось системы циркуляции, чтобы разнести лекарство по организму. Если я сделаю инъекцию ему в руку, через пять секунд все растечется по простыне. Нам нужно лишь дождаться конца. Теперь уже скоро.

Но скоро не получилось. Роуз насчитала еще четыре полных цикла. На пятом исчезли даже кости. Ненадолго задержались только глазные яблоки, устремленные сначала на нее, а потом на Папашу Ворона. Они висели над подушкой, где все еще оставались вмятина от головы и пятна от жирного тонизирующего лосьона для волос, которого у Дедушки был бесконечный запас. Она вспомнила, как Жадина Джи однажды сказала, что Дедушка покупает его на «И-Бэй». Подумать только, «И-Бэй»!

А затем, очень медленно, глаза тоже растворились в воздухе. Но только Роуз знала, что непременно увидит их во сне этой же ночью. Как и все остальные, кто собрался у смертного одра Дедушки Флика. Если сегодня вообще кто-то сможет заснуть...

Они ждали, потому что ни у кого не было уверенности, что старик не появится снова, как тень отца Гамлета или Джейкоб Марли, но видели только углубление от головы на испачканной лосьоном подушке и плоские трусы в разводах мочи и кала.

Мо разразилась рыданиями, спрятав лицо в необъятной груди Энни Фартук. Это услышали стоявшие за дверью, и чей-то голос (Роуз так и не узнала, чей именно) прозвучал первым. К нему присоединился второй, третий и четвертый. Вскоре они все декламировали под звездным небом, и от этого у Роуз мороз пробежал по спине. Она протянула руку, нащупала ладонь Ворона и сжала.

Зазвучал голос Энни. Потом, неразборчиво, Мо. Орех. Потом Ворон. И Роза-в-Шляпе, глубоко втянув воздух, влилась в общий хор.

Lodsam hanti, *мы избранные.*

Cahanana risone hanti, *мы удачливые.*

Sabbatha hanti, sabbatha hanti, sabbatha hanti.

Мы — Истинный Узел, и мы выстоим.

5

Позже Ворон навестил ее в кемпере.

— Ты ведь на самом деле не собираешься отправляться на восток?

— Нет. Главным будешь ты.

— А что сейчас?

— Оплачем его, конечно же, — ответила она. — Соблюдем траур. Увы, но в подобной ситуации мы не можем отвести на это больше двух дней.

Традиционно траур продолжался семь дней: никакого секса, никакой праздной болтовни, никакого пара. Только медитации. А потом прощальный круг, где каждый должен будет выйти, рассказать что-то о Дедушке Флике и пожертвовать какой-то предмет, либо полученный от него, либо тесно с ним связанный (Роуз уже выбрала свой — кольцо с кельтским узором, которое Дедушка подарил ей в те далекие времена, когда эта часть Америки еще принадлежала индейцам, а ее саму звали Ирландской Розой). На похоронах члена Узла тело покойного, по очевидным причинам, отсутствовало, и памятные предметы служили ему заменой. Их заворачивали в белое полотно и клали в могилу.

— Так когда отправляться моей группе? В среду вечером или в четверг утром?

— В среду вечером. — Роуз хотела заполучить девчонку как можно скорее. — Поезжайте кратчайшим маршрутом. Ты уверен, что на почте в Стербридже сохранят посылку с усыпляющим веществом?

— Да. Можешь не волноваться по этому поводу.

Я перестану волноваться, только когда увижу маленькую сучку лежащей в соседнем отсеке, накачанную наркотиком, в наручниках, переполненную ароматнейшим, питательнейшим паром.

— Кого ты берешь с собой? Назови имена.

— Ореха, Джимми Счетовода, если ты сможешь его отпустить...

— Смогу. Кого еще?

— Змеючку Энди. Если нужно кого-то усыпить, она незаменима. И Китайца. Его — в первую очередь. После смерти Дедушки Флика он стал нашим лучшим радаром. Не считая тебя, разумеется.

— Ради Бога, забирай его, но вам не понадобится локатор, чтобы найти ее, — заметила Роуз. — С этим проблем не возникнет. И достаточно будет одного кемпера. Возьмите «виннебаго» Пароголового Стива.

— Я уже обо всем с ним договорился.

Она удовлетворенно кивнула:

— Да, и вот еще что. На задворках Сайдуайндера есть маленький задрипанный магазинчик под названием «Зона Икс».

Ворон удивленно вскинул брови.

— Порнодыра с надувной куклой-медсестрой в витрине?

— Вижу, ты его знаешь, — сухо сказала Роуз. — А теперь послушай меня, Папаша.

И Ворон внимательно выслушал ее инструкции.

6

Дэн и Джон Долтон вылетели из бостонского аэропорта Логан с восходом солнца во вторник. В Мемфисе они сделали пересадку и приземлились в Де-Мойне в 11.15 по местному вре-

мени. Погода в тот день напоминала скорее середину июля, чем конец сентября.

В полете между Бостоном и Мемфисом Дэн по большей части притворялся спящим, чтобы не пришлось разбираться с многочисленными вопросами и сомнениями, которые, как он чувствовал, продолжали роиться в черепе Джона. Где-то над северной частью штата Нью-Йорк он и в самом деле заснул. На пути от Мемфиса до Де-Мойна уснул Джон, и Дэна это *вполне устроило*. А стоило им оказаться в Айове и двинуться в сторону города Фриман в неприметном прокатном «форде-фокусе», как Дэн почувствовал, что Джон окончательно отрешился от всех раздумий и сомнений. По крайней мере на время. Им на смену пришло любопытство с примесью легкого возбуждения.

— Мы как мальчишки в поисках спрятанных сокровищ, — сказал Дэн.

Он лучше выспался в полете и потому сидел сейчас за рулем. Поля высокой кукурузы, уже пожелтевшей, тянулись по обе стороны шоссе.

Джон чуть вздрогнул.

— Что?

— Разве не об этом ты сейчас думал? — с улыбкой спросил Дэн. — Что мы как юнцы в поисках мифических сокровищ?

— Иногда ты меня просто пугаешь, Дэниел.

— Надо думать. Я привык. — Хотя в данном случае он говорил не совсем искренне.

— Когда ты обнаружил, что можешь читать мысли?

— Это не просто чтение мыслей. Сияние — талант многогранный. Если только это *действительно* талант. Иногда — часто — оно кажется уродливым родимым пятном. Уверен, Абра подписалась бы под каждым моим словом. А что до того, когда я об этом узнал... Я с этой способностью родился. Сияние входило в основной набор.

— И ты начал пить, чтобы заглушить его?

Толстый сурок лениво перебегал шоссе 150. Дэну пришлось вильнуть, чтобы не наехать на него, а животное, по-прежнему не торопясь, скрылось в зарослях кукурузы. Это были приятные места. Небо казалось высотой в тысячи миль, и ни одной горы не маячило на горизонте. В Нью-Гэмпшире тоже было неплохо,

и Дэн уже привык считать его своим родным краем, но при этом думал иногда, что уютнее всего чувствовал бы себя на плоской равнине. Уютнее и безопаснее.

— Но ведь ты сам все знаешь, Джонни. Почему алкоголик пьет?

— Потому что он алкоголик.

— Вот именно. Просто, как дважды два. Отвлекись от психологической трепотни и увидишь чистую и неприкрытую правду. Мы пили, потому что мы алкоголики.

Джон рассмеялся.

— Сразу видно, что Кейси Кей основательно промыл тебе мозги.

— Конечно, свою роль играет и наследственность, — заметил Дэн. — Кейси всегда старается замять эту часть, но от нее никуда не деться. Вот, например, твой отец пил?

— И он, и дражайшая мамочка. Они вдвоем могли заполнить девятнадцатую лунку* в любом гольф-клубе. Помню, однажды мама скинула с себя теннисное платье и прыгнула в бассейн к детишкам. Все мужчины ей аплодировали. Папаша пришел в дикий восторг. А вот я... Мне тогда было девять лет, и потом до самого колледжа меня дразнили сынком стриптизерши. А что твои старики?

— Мама могла иногда выпить, но немного. Сама себя называла Уэнди-Два-Пива. А вот отец — другое дело. Стоило ему принять бокал вина или жестянку «Будвайзера», и он слетал с катушек. — Дэн посмотрел на одометр и увидел, что им оставалось проехать еще около сорока миль. — Хочешь, расскажу интересную историю? Я ее никому прежде не рассказывал. Но должен предупредить: она может показаться тебе очень странной. Так вот, если ты думаешь, что сияние начинается и заканчивается такой банальщиной, как телепатия, то глубоко заблуждаешься.

Он сделал паузу.

— Существуют иные миры, кроме этого.

— И ты что же... гм... видел те миры?

---

* Стандартное поле для гольфа имеет восемнадцать лунок; девятнадцатой в шутку называют бар.

Дэн перестал следить за сознанием Джона, но тот неожиданно занервничал. Словно опасался, что сидящий рядом с ним человек внезапно запихнет пальцы под рубашку и объявит себя реинкарнацией Наполеона Бонапарта.

— Нет, не сами миры. Только людей, которые их населяют. Абра называет их призрачными людьми. Так ты хочешь меня слушать или нет?

— Не уверен, что хочу, но, наверное, придется.

Дэн понятия не имел, до какой степени этот врач-педиатр из Новой Англии будет готов поверить в истинность событий той зимы, которую семья Торранс провела в отеле «Оверлук», но потом понял, что его это не слишком заботит. Просто рассказать ее в этой заурядной машине, едущей под яркими небесами Среднего Запада, было хорошо само по себе. Существовал только один человек, который поверил бы каждому его слову, но Абра была слишком юной, а история — слишком страшной. Придется довольствоваться Джоном Долтоном. Но с чего начать? Вероятно, с личности Джека Торранса. С этого глубоко несчастного мужчины, который потерпел крах в трех ипостасях: учителя, писателя и супруга. Как бейсболисты называют три аута подряд? «Золотое сомбреро»? Отцу Дэна выпал в жизни только один подобный миг настоящей славы. Когда пришел решающий момент — тот самый, к которому «Оверлук» готовил его с первого дня пребывания в отеле, — он отказался убивать своего малолетнего сына. И если подобрать для него подходящую эпитафию, то она звучала бы...

— Дэн?

— Мой отец старался, — произнес он. — Это лучшее, что я могу сказать о нем. Самые злые духи в его жизни являлись к нему в бутылках. Если бы он попытался присоединиться к анонимным алкоголикам, все могло сложиться иначе. Но он этого не сделал. Подозреваю, что моя мама даже не знала о существовании этого общества. В противном случае она бы предложила ему этот путь. К тому времени когда приятель нашел отцу работу зимнего смотрителя в отеле «Оверлук», его вполне можно было использовать в качестве примера к словосочетанию *«в вынужденной завязке»*..

— И там были привидения?

— Да. Я их видел. Отец не видел, но ощущал их присутствие. Быть может, он тоже обладал своего рода сиянием. Это не исключено. Ведь по наследству передается очень многое, а не только склонность к алкоголизму. И они принялись обрабатывать его. Он поверил, что эти призрачные люди хотели взять его к себе, но они лгали. На самом деле им был нужен маленький мальчик с большим сиянием. Как Истинному Узлу нужна Абра.

Он замолк, вспомнив, что ответил Дик мертвыми устами Элинор Оулей, когда Дэн спросил, где находятся пустые дьяволы. *В твоем детстве, откуда приходят все дьяволы.*

— Дэн? С тобой все в порядке?

— Да, — ответил он. — Словом, я знал, что с тем треклятым отелем что-то не так, еще до того, как впервые переступил его порог. Знал, когда мы втроем еще с трудом сводили концы с концами в Боулдере, у подножия восточного склона гор. Но моему отцу понадобилась та работа, чтобы он смог закончить пьесу, которую тогда писал...

7

К тому времени когда они достигли окраины Эдейра, он рассказывал Джону о взрыве котла в «Оверлуке» и о том, как старый отель уничтожило яростное пламя. Эдейр был небольшим городком, но там имелась гостиница «Холидей инн экспресс», и Дэн отметил ее месторасположение.

— Вот где мы поселимся через пару часов, — сказал он Джону. — Мы же не можем отправиться на поиски сокровищ среди бела дня. А я к тому же хотел бы выспаться. У меня в последнее время хронический недосып.

— Неужели все это на самом деле случилось с тобой? — тихо спросил Джон.

— Да, случилось, — улыбнулся Дэн. — Как думаешь, сможешь мне поверить?

— Если мы найдем бейсбольную перчатку в том месте, которое она указала, я готов буду поверить во что угодно. Но зачем ты рассказал мне обо всем этом?

— Потому что какая-то часть твоего существа до сих пор считает безумием наш приезд сюда, несмотря на все то, что тебе известно об Абре. И кроме того, тебе пора узнать о существовании... скажем так, определенных сил. Я с ними уже сталкивался, а ты — нет. До сих пор ты видел только, как маленькая девочка проделывает немудреные экстрасенсорные фокусы: подвешивает ложки к потолку и все такое. Ты должен понять, Джон, что нам предстоит не детская игра в поиск сокровищ. Если в Истинном Узле пронюхают, чем мы занимаемся, мы станем для них такими же мишенями, как Абра Стоун. А потому если ты решишь, что лучше в эти дела не соваться, я перекрещу тебя на дорожку и скажу: ступай отсюда с Богом.

— И пойдешь дальше один?

Дэн криво усмехнулся:

— Почему один? Есть еще Билли.

— Но Билли уже семьдесят три.

— С его точки зрения, это большой плюс. Он не устает твердить о преимуществах старости. Уже не приходится тревожиться, что умрешь молодым.

— Въезжаем во Фриман, — сообщил Джон, а потом натянуто улыбнулся Дэну. — До сих пор не могу поверить, что ввязался в это. А что, если спиртзавода больше нет? Если его сровняли с землей, а поле засеяли кукурузой?

— Он стоит на том же месте, — уверенно заявил Дэн.

8

Так оно и оказалось. Несколько корпусов из темно-серого бетона с крышами из ржавого гофрированного металла. Только одна из заводских труб еще держалась; две другие упали и валялись на земле словно мертвые змеи. Все окна были выбиты, а стены покрывали пятнистые граффити, которые вызвали бы смех у городских мастеров этого жанра. Изрытая подъездная дорога, отходившая от двухполосного шоссе, упиралась в стоянку, на которой пробивались редкие побеги кукурузы. Водонапорная башня, замеченная Аброй, высилась неподалеку, напоминая на фоне неба военную машину марсиан из романа

Уэллса. «ФРИМАН, АЙОВА», — гласила надпись на боку башни. Нашелся и сарай с обвалившейся крышей.

— Удовлетворен? — спросил Дэн. Их машина еле ползла. — Завод, водонапорная башня, сарай, запрещающий знак. Все как она описала.

Джон указал на ржавые ворота в конце подъездной дороги.

— Что, если они заперты? Я с восьмого класса не лазил через заборы.

— Они не были заперты, когда убийцы привезли сюда мальчика. Абра заметила бы.

— Ты так в ней уверен?

По противоположной стороне шоссе им навстречу двигался грузовик фермера. Дэн немного прибавил скорость и, когда машины поравнялись друг с другом, приветственно вскинул руку. Мужчина за рулем грузовика — в рабочем комбинезоне, солнцезащитных очках и зеленой кепке с эмблемой «Джон Дир» — в ответ равнодушно поднял ладонь. Хороший знак.

— Я спросил...

— Я помню, о чем ты спросил, — сказал Дэн. — Если они заперты, мы с этим как-нибудь разберемся. А сейчас пора вернуться в гостиницу. Я вымотался.

9

Пока Джон снимал два смежных номера в «Холидей инн» — за наличные, — Дэн посетил магазин «Лучшие инструменты Эдейра». Там он купил лопату, грабли, две тяпки, садовый совок, две пары перчаток и сумку, чтобы уложить покупки. На самом деле ему вполне хватило бы одной лопаты, но для отвода глаз пришлось приобрести целый набор.

— Каким ветром вас занесло в Эдейр? — спросил продавец, пробивая товары.

— Просто проезжал мимо. У меня сестра в Де-Мойне, и у нее огромный сад. Вполне вероятно, все это у нее уже есть, но подарки всегда улучшают ее настроение.

— Мудрая мысль, брат. И она еще скажет вам спасибо за эти тяпки с короткими ручками. Нет ничего удобнее для работы в

саду, а большинству любителей и в голову не приходит обзавестись такой. Мы принимаем к оплате «Мастеркард», «Визу»...

— Сегодня обойдусь без пластика, — сказал Дэн, вынимая бумажник. — Только выпишите мне чек для дяди Сэма.

— Без проблем. А если оставите имя и адрес сестры, я пришлю ей наш полный каталог.

— Спасибо, но ей хватит и моих подарков, — ответил Дэн и положил на прилавок несколько двадцаток.

10

В одиннадцать вечера в дверь номера Дэна негромко постучали. Он открыл и впустил Джона. Педиатр Абры был бледен и явно нервничал.

— Ты поспал?

— Немного, — ответил Дэн. — А ты?

— Урывками. Больше бодрствовал. Меня трясет как мальчишку. Если нас остановит коп, что мы ему скажем?

— Что нам поведали про чудесный бар с музыкой во Фримане, и мы отправились его искать.

— Во Фримане нет ничего, кроме кукурузы. Кроме девяти чертовых миллиардов акров кукурузных полей.

— Но *мы-то* не обязаны об этом знать, — мягко возразил Дэн. — Мы же здесь проездом. А кроме того, никакой коп нас не остановит. Нас вообще никто не заметит. Но если ты хочешь остаться в номере...

— Я не для того пересек полстраны, чтобы сидеть в гостинице и смотреть шоу Джея Лено. Дай только сходить в туалет. Я уже сбегал у себя, но мне снова хочется. *Боже милостивый*, как же меня трясет!

Путь до Фримана показался Дэну бесконечным, зато стоило им выехать из Эдейра, как дорога словно вымерла. Фермеры рано ложились спать, а до крупных магистралей было далеко.

Когда они добрались до спиртзавода, Дэн погасил фары, свернул на подъездную дорогу и медленно подкатил к закрытым воротам. Они с Джоном вышли наружу. Джон тихо выругался, когда в салоне «форда» вспыхнула индикация открытой двери.

— Надо было вырубить свет в кабине еще перед отъездом из мотеля. Или разбить лампочку, если выключатель не предусмотрен.

— Не волнуйся, — сказал Дэн. — Здесь вокруг ни души, кроме нас, мальчиков.

Но его сердце забилось учащенно, когда они зашагали к воротам. Наверняка Абра была права. Мальчика пытали, убили и похоронили где-то здесь. И если на свете существовали проклятые места...

Джон взялся за ворота, толкнул, затем потянул на себя.

— Не получается. Что теперь? Похоже, придется лезть. Главное, не сломать при этом...

— Постой. — Дэн достал из кармана миниатюрный фонарик и направил луч на ворота, сначала высветив сломанный навесной замок, а потом толстую проволоку, которой были замотаны проушины. Вернулся к машине и, в свою очередь, поморщился, когда в багажнике зажегся свет. Черт побери! Всего не предусмотришь. Дэн достал новую сумку и захлопнул багажник. Вновь воцарилась темнота.

— Вот возьми. — Он протянул Джону пару перчаток. — Надень их.

Вторую пару он натянул сам, размотал проволоку и на всякий случай повесил на ограду.

— Отлично, можем заезжать.

— Мне снова надо отлить.

— О Боже! Потерпи немного.

11

Дэн медленно и осторожно подвел «форд» к погрузочной площадке. Дорогу испещряли рытвины, причем глубокие, и заметить их без света фар было сложно. Меньше всего он хотел угодить колесом в яму и сломать полуось. Территория за заводом представляла собой голую землю вперемежку с крошащимся асфальтом. В пятидесяти футах виднелась еще одна сетчатая ограда, за которой тянулись бесконечные лиги кукурузы. По-

грузочная площадка уступала размерами стоянке, но тоже была достаточно велика.

— Дэн, а как мы узнаем где?..

— Тихо. — Дэн наклонил голову, лбом коснувшись руля, и закрыл глаза.

(*Абра*)

Молчание. Она, конечно, спала. В Эннистоне уже наступило утро среды. Джон сидел рядом, кусая губы.

(*Абра*)

Легкое шевеление. Впрочем, это могло оказаться лишь игрой его воображения. Но Дэн все же надеялся на удачу.

(*АБРА!*)

Внутри его головы словно открылись чужие глаза. После секундной дезориентации и легкого раздвоения зрение Абры слилось со зрением Дэна. Погрузочная площадка и куски труб неожиданно стали четче, хотя пейзаж освещали только звезды.

У нее зрение стократ лучше моего.

Дэн вышел из машины. Джон последовал за ним, но Дэн едва ли заметил его. Он передал контроль над своими органами чувств девочке, только что проснувшейся в спальне дома, расположенного в тысяче ста милях отсюда. Он словно превратился в живой металлодетектор. Вот только искать ему — *им* — предстояло не металл.

(*подойди к той бетонной штуке*)

Дэн приблизился к погрузочной площадке и встал к ней спиной.

(*теперь шагай туда-сюда*)

Пауза — она пыталась сформулировать, что ей нужно.

(*как в сериале «Место преступления»*)

Он прошел примерно пятьдесят футов влево, потом развернулся и стал ходить взад-вперед, постепенно удаляясь от площадки. Джон достал из брезентовой сумки лопату и стоял рядом с машиной, наблюдая.

(*здесь они припарковали свои кемперы*)

Дэн снова развернулся и пошел очень медленно, иногда отбрасывая ногой обломок кирпича или камень.

(*ты близко*)

Дэн замер на месте. Он почувствовал неприятный запах. Запах разложения.

(*Абра... ты чувствуешь...*)

(*да о Боже Дэн*)

(*спокойно милая*)

(*ты прошел слишком далеко развернись и медленно возвращайся*)

Дэн развернулся на каблуках, как неуклюжий солдат на плацу, и пошел обратно к погрузочной площадке.

(*немного левее и еще медленнее*)

Он чуть сместился, теперь замирая после каждого шага. Снова этот запах, немного сильнее. Внезапно неестественно четкий ночной мир начал расплываться: его глаза наполнились слезами Абры.

(*вот мальчик-бейсболист ты стоишь прямо над ним*)

Дэн глубоко вздохнул и вытер щеки. Его знобило. Не от холода, а потому что озноб сотрясал Абру. Сидя на кровати, прижимая к себе старого плюшевого кролика, она тряслась как последний листок на ветке сухого дерева.

(*уходи отсюда Абра*)

(*Дэн ты*)

(*со мной все в порядке а тебе не обязательно это видеть*)

Внезапно четкость восприятия пропала. Абра прервала контакт, и это было к лучшему.

— Дэн? — окликнул его Джон. — Все в порядке?

— Да. — В его голосе все еще слышались слезы Абры. — Неси лопату.

12

Им понадобилось двадцать минут. Первые десять копал Дэн, потом он передал лопату Джону, и именно тот нашел Брэда Тревора. Джон сразу отвернулся и прикрыл рукой рот и нос. Его слова прозвучали нечетко, но разборчиво:

— Вот и труп. *Господи!*

— А ты не ощущал запаха раньше?

— Прошло два года, да еще такая глубина. Хочешь сказать, что ты ощущал?

Дэн не ответил. Джон снова склонился над могилой. Несколько секунд он стоял, согнув спину, словно собирался копать дальше, потом распрямился и отпрянул, когда Дэн направил внутрь луч маленького фонарика.

— Я больше не могу, — сказал доктор. — Думал, что справлюсь, но не могу. Только не это... Меня руки не слушаются.

Дэн отдал ему фонарик. Джон высветил то, что произвело на него такое сильное впечатление: покрытую грязью кроссовку. Работая медленно, чтобы не потревожить останки мальчика-бейсболиста Абры, Дэн разгреб землю по обеим сторонам от тела. Мало-помалу обрисовались его очертания. Это напомнило Дэну резьбу на саркофагах, фотографии которых он видел в «Нэшнл джиогрэфик».

Запах разложения сделался невыносимым.

Дэн отошел в сторону и прочистил легкие, закончив самым глубоким вдохом, на какой только был способен. Затем спрыгнул в тот конец неглубокой могилы, где кроссовки Брэда Тревора образовывали букву V. Опираясь на колени, добрался до того места, где, по его представлениям, находилась талия мальчика, потом протянул руку за фонариком. Джон подал ему фонарик и отвернулся. Он рыдал в голос.

Дэн зажал фонарик во рту и начал руками разгребать землю. Показалась детская футболка, прикрывавшая впалую грудь. Потом руки. Пальцы, превратившиеся в тонкие косточки, обтянутые пожелтевшей кожей, что-то сжимали. Легкие Дэна снова начали требовать свежего воздуха, но он пересилил себя и с максимальной осторожностью разогнул пальцы Брэда. Один из них все равно сломался с сухим треском.

Они закопали его с бейсбольной перчаткой, прижатой к груди. Натертый маслом карман кишел копошащимися червями.

Воздух с шумом вышел из легких Дэна, и он вдохнул зловонные пары. Он выпрыгнул из могилы на правую сторону, и вовремя — его стошнило на груду земли, а не на бренные останки Брэдли Тревора, чья единственная вина заключалась в том, что он родился, наделенный даром, в котором нуждалось племя монстров. Который монстры похитили у него с предсмертными криками боли.

13

Они снова закопали тело, причем на этот раз в основном трудился Джон, а потом установили нечто вроде импровизированного надгробия из обломков асфальта. Им не хотелось, чтобы лисы или бродячие псы добрались до того, что теперь трудно было назвать плотью.

Покончив с этим, они вернулись в машину и уселись на сиденья, не говоря ни слова.

Первым нарушил молчание Джон:

— Что нам теперь делать, Дэнни? Мы же не можем просто оставить его здесь. У него есть родители. Дедушки и бабушки. Возможно, братья и сестры. И все они до сих пор пребывают в неведении.

— Ничего не попишешь. Ему придется пролежать здесь еще какое-то время. Причем достаточно долго, чтобы никто не вспомнил: «Эй, а ведь этот анонимный звонок в полицию поступил чуть ли не в тот же день, когда один странный парень купил в Эдейре лопату». Вполне возможно, что ничего подобного не произойдет, но мы не можем рисковать.

— Как долго?

— Быть может, месяц.

Джон задумался, а потом вздохнул.

— Лучше уж два. Пусть его родные еще два месяца надеются, что он просто сбежал из дому. И только потом узнают трагическую правду, которая разобьет их сердца.

Он покачал головой:

— Хорошо, что я не видел его лица. Иначе меня бы до конца жизни мучили кошмары.

— Ты удивишься, узнав, что может вынести человеческий рассудок, — ответил Дэн, вспомнив о миссис Масси, которая теперь надежно сидела под замком в его голове и уже никого не могла напугать. Он завел двигатель «форда», потом опустил стекло со своей стороны и несколько раз хлопнул перчаткой по двери, чтобы стряхнуть грязь. Затем надел ее, сунув пальцы туда, куда прежде солнечными днями ложились пальцы паренька. Закрыл глаза. А секунд через тридцать снова открыл.

— Уловил что-нибудь?

— Вас зовут Барри. Вы мой друг.

— И что это значит?

— Не знаю, но подозреваю, что здесь не обошлось без некой личности, которую Абра называет Барри Скитальцем.

— Больше ничего?

— Остальное нам расскажет Абра.

— Ты в этом уверен?

Дэн подумал о том, как обострилось зрение, стоило Абре проникнуть в его сознание.

— Да, уверен. Посвети, пожалуйста, фонариком внутрь перчатки. Мне показалось, там что-то написано.

Джон направил луч, высветив надпись, сделанную детскими печатными буквами: «ТОУМИ 25».

— Что это? — спросил Джон. — Я думал, его фамилия была Тревор.

— Джим Тоуми — известный бейсболист. Играет под двадцать пятым номером. — Дэн еще какое-то время разглядывал перчатку, потом бережно положил ее между сиденьями. — Вероятно, он был для мальчишки кумиром из высшей лиги. И Брэд назвал свою перчатку в его честь. Я доберусь до этих подонков. Богом клянусь, я их разыщу и заставлю ответить за все.

14

Роза-в-Шляпе сияла — если на то пошло, сияли все члены Узла, — но совсем не так, как Дэн или Билли. Поэтому, когда Роуз и Ворон прощались, у них не возникло ни малейшего подозрения, что труп мальчика, убитого ими два года назад в Айове, как раз в этот момент обнаружили двое мужчин, которые и без того уже знали о них слишком много. Роуз еще могла бы перехватить телепатические диалоги Дэна и Абры, если бы погрузилась именно сейчас в состояние глубокой медитации, но, разумеется, в таком случае девочка немедленно почувствовала бы ее присутствие. А кроме того, прощание, происходившее той ночью в «эрскрузере» Роуз, носило особо интимный характер.

Она лежала на спине, сплетя пальцы на затылке, и смотрела, как Ворон одевается.

— Ты ведь наведался в тот секс-шоп? В «Зону Икс»?

— Не сам. Мне все же дорога моя репутация. Послал Джимми Счетовода. — Ворон застегнул пряжку ремня и усмехнулся. — Он мог купить все нужное за пятнадцать минут, но проторчал там два часа. Думаю, Джимми обрел второй дом в Сайдуайндере.

— Это даже хорошо. Надеюсь, вы, мальчики, получите удовольствие. — Она старалась говорить шутливо, но после двух дней траура по Дедушке Флику, завершившихся прощальным обрядом, шутить было нелегко.

— Там все равно не было ничего сравнимого с тобой.

Она вскинула брови.

— Значит, все-таки устроил предварительный просмотр, а, Генри?

— Не было необходимости.

Он еще раз оглядел ее, лежавшую обнаженной на постели с веером черных волос, разметавшихся по подушке. Даже так она казалась высокой, а Ворон всегда отдавал предпочтение рослым женщинам.

— Ты суперзвезда моего домашнего кинотеатра и всегда ею останешься.

Перебор — вполне в стиле Ворона, — но все равно приятно. Она встала и прижалась к нему, запустив пальцы в его волосы.

— Будь осторожен. Верни всех в целости и сохранности. И конечно, *привези ее*.

— Привезу.

— Тогда тебе самое время трогаться в путь.

— Успокойся. Мы приедем в Стербридж к открытию отделения И-зет в пятницу утром. К полудню будем в Нью-Гэмпшире. А к тому времени Барри уже определит, где она.

— Главное, чтобы она не засекла *его*.

— Меня это не слишком беспокоит.

Отлично, подумала Роуз, *значит, мне придется беспокоиться за нас обоих. А я не перестану волноваться, пока не увижу девчонку в наручниках и с кандалами на лодыжках*.

— Вся прелесть ситуации в том, — продолжал Ворон, — что если она действительно почует нас и попытается поставить защиту, это только облегчит Барри поиск.

— Если вы ее слишком перепугаете, она может побежать в полицию.

Он ухмыльнулся:

— Неужели ты в это веришь? «Да, милая девочка, — скажут ей копы. — Мы понимаем, что эти ужасные люди приехали тебя похитить. Только скажи, пожалуйста, это пришельцы из космоса или наши обыкновенные деревенские зомби? Мы хотя бы будем знать, кого искать».

— Прекрати свои шуточки, и не надо относиться ко всему так легкомысленно. Незаметно появились, бесследно исчезли — вот чего я от вас жду. Никаких посторонних. Никаких случайных свидетелей. Убейте родителей, если понадобится, убейте *любого*, кто встанет на вашем пути, но только тихо.

Ворон отдал ей шутливую честь.

— Слушаюсь, мой капитан!

— Убирайся отсюда, идиот. Но только сначала поцелуй меня еще раз. Докажи, что твой язык действительно так хорошо подвешен.

Он подчинился. Роуз крепко прижалась к нему и долго не отпускала.

15

Большую часть обратного пути в гостиницу Дэн и Джон молчали. Лопата лежала в багажнике. Бейсбольная перчатка — на заднем сиденье, завернутая в позаимствованное в «Холидей инн» полотенце. Наконец Джон сказал:

— Теперь мы должны посвятить во все родителей Абры. Ей это не понравится, а Люси и Дэвид не захотят нам верить, но это нужно сделать.

Дэн невозмутимо посмотрел на него и спросил:

— Ты что, мысли умеешь читать?

Джон, разумеется, не умел, зато умела Абра, и ее оглушительный голос, раздавшийся в голове Дэна, заставил того порадоваться, что за рулем сидел Джон. Если бы машину вел Дэн, их путь завершился бы на чьей-то кукурузной делянке.

(*НЕ-Е-Е-Т!*)

— Абра, — сказал он, чтобы Джон мог слышать хотя бы половину их разговора, — послушай меня внимательно, Абра.

(*НЕТ, ДЭН! ОНИ СЧИТАЮТ, ЧТО Я ТЕПЕРЬ В ПОРЯДКЕ! ОНИ ДУМАЮТ, Я СТАЛА ПОЧТИ НОРМАЛЬНОЙ!*)

— Милая, если этим людям придется убить твоих маму и папу, думаешь, они этого не сделают? Не сомневаюсь, что сделают. Особенно после того, что мы только что обнаружили.

Абре нечего было возразить, и она не стала спорить... но внезапно голову Дэна заполнили ее тоска и страх. Крупные слезы выступили у него на глазах и потекли по щекам.

Вот дерьмо.

Дерьмо, дерьмо, *дерьмо*.

16

Раннее утро четверга.

Принадлежавший Пароголовому Стиву «виннебаго», за рулем которого сидела Змеючка Энди, мчался на восток по I-80, пересекая Небраску на совершенно законных шестидесяти пяти милях в час. Горизонт только начали подсвечивать первые лучи восходящего солнца. В Эннистоне было на два часа позже. Дэйв Стоун в домашнем халате как раз варил кофе, когда зазвонил телефон. Звонила Люси из квартиры Кончетты на Мальборо-стрит. У нее был голос женщины, исчерпавшей свои ресурсы.

— Если не будет изменений к худшему — хотя, как я понимаю, *только таких* изменений мы теперь и можем ожидать, — Момо выпишут из больницы в самом начале следующей недели. Вчера вечером я разговаривала с двумя врачами, которые наблюдают за ней.

— Почему же ты сразу не позвонила мне, любимая?

— Слишком устала. И находилась в глубокой депрессии. Подумала, что мне станет легче после ночного сна, но выспаться не удалось. Понимаешь, дорогой, в этой квартире все напоминает о ней. О ее творчестве, ее *жизнерадостности*...

Ее голос сорвался. Дэвид ждал. Они прожили вместе пятнадцать лет, и он знал, что, когда Люси была по-настоящему расстроена, следовало выждать.

— Даже не представляю, что мы будем *делать* со всеми этими вещами. При одном только взгляде на книги мне делается тяжко. Их тысячи. И в шкафах, и по всему ее кабинету. А управляющий говорит, что еще тысячи хранятся в подвале.

— Нам не обязательно ничего решать прямо сейчас.

— Еще он сказал, что там стоит сундук, помеченный именем Алессандра. Если ты забыл, то это имя моей покойной мамы, хотя она всегда предпочитала, чтобы ее звали Сандра или Сэнди. Я даже не подозревала, что у Момо сохранились какие-то ее вещи.

— Хотя Четта и предпочитала все выплескивать через поэзию, она умела хранить секреты.

Словно не услышав, Люси продолжала тем же унылым, немного ворчливым, смертельно усталым тоном:

— Я уже обо всем договорилась, вот только, возможно, придется переназначить частную «скорую помощь», если ее решат выписать в воскресенье. Мне сказали, что такая вероятность существует. Слава Богу, у нее все в порядке с медицинской страховкой. Оказывается, она завела ее, когда еще преподавала в Тафте, представляешь? Она ведь своей поэзией и десяти центов не заработала. Кто в этой заблудшей стране потратит на книги *хотя бы* десять центов?

— Люси...

— У нее будет очень хорошее место в главном корпусе Ривингтона — небольшие апартаменты. В Интернете можно очень подробно ознакомиться с хосписом. Хотя, боюсь, ей доведется прожить там совсем недолго. Я подружилась со старшей медсестрой на ее этаже в больнице, и она говорит, что Момо уже в конце...

— Chia, я люблю тебя, дорогая моя.

И только это — старое прозвище, которое использовала Момо, — заставило Люси наконец прервать свой монолог.

— Люблю всем своим неитальянским сердцем и неитальянской душой.

— Я знаю и не устаю благодарить за это Господа. Пришлось нелегко, но все почти кончено. К понедельнику я вернусь.

— С нетерпением ждем тебя.

— Как ты там? Как Абра?

— У нас все отлично. — Пребывать в этом счастливом заблуждении Дэвиду оставалось еще секунд шестьдесят.

Он услышал, как Люси зевнула.

— Мне надо поспать пару часов. Думаю, теперь мне удастся заснуть.

— Непременно ложись. А мне пора будить Абру, чтобы не опоздала в школу.

Они попрощались, но когда Дэвид повесил трубку кухонного телефона, то увидел, что Абра уже встала. На ней все еще была пижама. Волосы взлохмачены, глаза покраснели, лицо бледнее обычного. К груди она прижимала Попрыгунчика, своего старого игрушечного кролика.

— Абба-Ду, солнышко, ты не заболела?

Да. Нет. Я не знаю. Но вот тебе точно станет плохо, когда ты услышишь то, что я собираюсь рассказать.

— Мне нужно поговорить с тобой, папочка. Я не хочу идти сегодня в школу. И завтра тоже. Может, еще некоторое время. — Немного поколебавшись, она добавила: — У меня возникли проблемы.

Первая мысль, которая пришла ему голову, была настолько ужасной, что он сразу же отмел ее, но недостаточно быстро, чтобы Абра не успела перехватить.

Она грустно улыбнулась:

— Нет, я не беременна.

Он замер на полпути к ней с отвисшей челюстью.

— Ты... Ты только что...

— Да, — кивнула Абра. — Я только что прочитала твои мысли. Хотя на моем месте любой догадался бы, о чем ты сразу подумал, папа. У тебя на лице все было написано. И мой дар называется сиянием, а не чтением мыслей. Я до сих пор сохранила способности, которые так вас пугали, когда я была маленькой. Не все, но большинство из них.

Он заговорил очень медленно:

— Я знаю, что ты и сейчас умеешь иногда предчувствовать события. Мы с мамой догадывались об этом.

— На самом деле все куда сложнее. У меня есть друг. Его зовут Дэн. Они с доктором Джоном ездили в Айову...

— С Джоном Долтоном?

— Да...

— Но кто такой Дэн? Маленький пациент Джона?

— Нет. Он взрослый. — Она взяла отца за руку и подвела к кухонному столу. Они оба сели, Абра — по-прежнему прижимая к себе Попрыгунчика. — Но в детстве он был таким же, как я.

— Абби, я пока ничего не понимаю.

— Есть очень плохие люди, папа. — Она знала, что сейчас не время объяснять, что это не простые люди или, вернее, и *не люди вовсе*, — для этого требовалась помощь Дэна и Джона. — И они хотят причинить мне зло.

— С какой стати кому-то понадобилось причинять тебе зло? Это какая-то бессмыслица. А что до тех штук, которые ты умела проделывать, то если бы ты по-прежнему была способна на это, мы бы зна...

Ящик стола, над которым висели кастрюли, выдвинулся, закрылся, снова выдвинулся. Она не могла больше подвешивать ложки к потолку, но и ящика оказалось достаточно.

— Как только поняла, что доставляю вам такое беспокойство и даже вызываю страх, я постаралась затаиться. Но больше хранить секреты нельзя. Дэн говорит, что пора вам во всем признаться.

Она прижалась лицом к потертой плюшевой шкурке Попрыгунчика и заплакала.

Глава 12

ОНИ НАЗЫВАЮТ ЭТО ПАРОМ

1

Джон включил мобильный телефон, как только в четверг после обеда они с Дэном оказались в зале прилета аэропорта Логан. Едва он успел заметить более дюжины пропущенных вызовов, как телефон зазвонил прямо у него в руке. Доктор посмотрел на экран.

— Стоун? — спросил Дэн.

— Учитывая количество прежних звонков с того же номера, почти не сомневаюсь, что это он.

— Не отвечай. Позвонишь ему сам, когда окажемся на северной магистрали, и скажешь, что мы будем в... — Дэн посмотрел на часы, которые так и не переводил с времени восточного побережья. — Примерно в шесть. А уже там расскажем ему все.

Джон неохотно убрал телефон в карман.

— Пока мы летели сюда, я только и думал, как бы мне не лишиться из-за этого лицензии на медицинскую практику. А теперь молю Бога, чтобы копы не сцапали нас, как только мы припаркуемся у дома Дэйва Стоуна.

Дэн, который по пути домой несколько раз связывался с Аброй, помотал головой.

— Она убедила его подождать, но, как ты знаешь, сейчас в их семье много чего происходит, а потому мистер Стоун в данный момент совершенно сбит с толку.

В ответ Джон уныло улыбнулся:

— Не он один.

2

Абра сидела на ступеньках террасы вместе с отцом, когда Дэн свернул на подъездную дорожку к дому Стоунов. Доехали они быстро — было только половина шестого.

Абра вскочила и, прежде чем Дэйв смог попытаться удержать ее, побежала навстречу. Ее волосы развевались. Дэн понял, что она бежит к нему, и успел передать завернутую в полотенце бейсбольную перчатку Джону. Девочка бросилась в его объятия. Она дрожала всем телом.

(*ты нашел его нашел его и перчатку давай же ее сюда*)

— Не сразу, — сказал Дэн, отпустив ее. — Сначала надо все тщательно обсудить с твоим папой.

— Тщательно обсудить? — переспросил Дэйв. Он ухватил Абру за руку и оттащил от Дэна. — Кто те плохие люди, о которых она мне твердит? И кто вы такой, черт возьми? — Он перевел отнюдь не дружелюбный взгляд на Джона. — Что вообще происходит?

— Это Дэн, папочка. Он такой же, как я. Мы же *говорили* с тобой об этом.

— Где Люси? — спросил Джон. — Она в курсе последних событий?

— Я ничего вам не скажу, пока сам не разберусь, в чем здесь дело.

За него ответила Абра:

— Она все еще в Бостоне с Момо. Папа хотел позвонить ей, но я убедила его подождать вашего приезда.

Она не сводила глаз со свертка с перчаткой.

— Дэн Торранс, — сказал Дэйв. — Ведь так вас зовут.

— Да.

— И вы работаете во фрейзерском хосписе?

— Совершенно верно.

— Как долго вы встречаетесь с моей дочерью? — Его кулаки то сжимались, то разжимались. — Вы познакомились с ней через Интернет? Держу пари, что именно так. — Он снова переключил внимание на Джона. — Если бы вы не были педиатром Абры с самого ее рождения, я бы связался с полицией еще шесть часов назад, когда вы не ответили на мои звонки.

— Я был в самолете, — сказал Джон. — И не мог ответить.

— Мистер Стоун, — вмешался Дэн. — Джон знает вашу дочь дольше, чем я, но не намного. Я впервые узнал о ней, когда она была еще младенцем. И это она первой вышла со мной на связь.

Дэйв покачал головой. Он выглядел растерянным и озлобленным и явно не собирался верить словам Дэна.

— Давайте зайдем в дом, — предложил Джон. — Думаю, мы сможем все объяснить — или *почти все*, — и тогда вы будете счастливы, что мы здесь и что мы побывали в Айове и сделали то, что сделали.

— Мне бы очень хотелось на это надеяться, Джон, но что-то я сильно в этом сомневаюсь.

Они вошли внутрь. Дэйв вел Абру, обняв за плечи — в этот момент они скорее походили на заключенного и надзирателя, чем на дочь и отца, — Джон Долтон шагал следом, а замыкал шествие Дэн.

Он бросил взгляд через улицу на припаркованный там ржавый красный пикап. Билли быстро поднял вверх оба больших пальца... а потом скрестил пальцы на удачу. Дэн ответил ему тем же и скрылся в доме.

3

Пока Дэйв сидел в гостиной дома на Ричлэнд-Корт со своей удивительной дочерью и странными гостями, «виннебаго» с группой захвата находился к юго-востоку от Толидо. Грецкий Орех вел машину. Энди Штайнер и Барри спали: Энди — крепким сном, Барри — ворочаясь с боку на бок и что-то бормоча. Ворон сидел в гостином отсеке и листал журнал «Нью-йоркер». По-настоящему ему понравились только карикатуры и крошечные рекламные объявления о продаже необычных товаров вроде свитеров из шерсти яка, шляп вьетнамских кули или фальшивых кубинских сигар.

Рядом с Вороном пристроился Джимми Счетовод со своим ноутбуком.

— Я тут прочесывал Интернет. Пришлось взломать пару сайтов, но... давай покажу.

— Как тебе удается сидеть в Интернете на федеральной трассе?

Джимми снисходительно улыбнулся:

— Мобильная связь четвертого поколения, друг мой. Пора использовать преимущества эры новых технологий.

— Ну-ну. — Ворон отложил журнал. — Что там у тебя?

— Фотографии из средней школы Эннистона. — Джимми постучал по сенсорной панели, и на экране появился снимок. Не зернистый газетный отпечаток, а высококачественный школьный портрет девочки в красном платье с рукавами-фонариками. Ее каштановые волосы были заплетены в косу, на лице сияла широкая уверенная улыбка.

— Джулианна Кросс, — сообщил Джимми. Снова стукнул по сенсорной панели, и на экране возникла рыжеволосая красотка с лукавой усмешкой. — Эмма Дин.

Щелчок — и появилась еще более симпатичная девочка. Голубые глаза, светлые волосы рассыпаны по плечам. Лицо серьезное, но на щеках видны ямочки.

— А это Абра Стоун!

— Абра?

— Да. Как их только нынче не называют! Помнишь времена, когда лохи ограничивались Джейн и Мейбл? Я где-то вычитал, что Сильвестр Сталлоне назвал сына Сейдж Мунблад. Ничего себе имечко!

— Ты считаешь, что Роуз нужна одна из этих трех девчонок?

— Если она права и мы имеем дело с девочкой-подростком, то да. Скорее всего это Дин или Стоун. Обе живут на той улице, где якобы случилось землетрясение, но и Кросс нельзя полностью сбрасывать со счетов. Ее дом прямо за углом.

Джимми провел пальцем по сенсорной панели, и три фото выстроились в ряд. Под каждым из них замысловатым шрифтом было выведено *«МОИ ШКОЛЬНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ»*.

Ворон всмотрелся в снимки.

— Кто-то может вычислить, что ты рылся на «Фейсбуке» или где там еще в поисках фото несовершеннолетних девочек? Потому что у лохов это сразу же вызовет подозрения.

Джимми явно обиделся.

— Я же не с «Фейсбука» это скачивал. Скачал прямо с компьютера средней школы Фрейзера. — Он с неприятным звуком всосал воздух. — Меня все Агентство национальной безопасности не отследит. Кто у нас эксперт?

— Ты, ты, успокойся, — кивнул Ворон.

— Так которая из трех, как думаешь?

— Если бы мне пришлось выбирать... — Ворон постучал ногтем по снимку Абры. — Есть у нее что-то такое во взгляде. *Туманное*. Какая-то дымка.

Джимми задумался над его словами, решил, что они звучат непристойно, и хихикнул.

— Ну что, помог я тебе?

— Да. Можешь распечатать эти фотографии и раздать копии всем остальным? В первую очередь — Барри. Он сейчас наш главный радар.

— Сделаю прямо сейчас. У меня с собой «Фуджицу сканснэп». Отличная портативная машинка. Я раньше пользовался S1100, но потом поменял модель, когда прочитал в «Компьютеруорлде»...

— Просто распечатай фото, ладно?

— Конечно.

Ворон снова взялся за журнал и открыл карикатуру на последней странице, где читателям предлагалось придумать подпись. На этой неделе на рисунке была пожилая дама, входившая в бар с медведем на цепи. Рот дамы был открыт, а значит, следовало сочинить ее слова. Ворон подумал и вписал: *«Ну и кто из вас, козлы, обозвал меня шлюхой?»*

Вероятно, не самая смешная шутка. И хрен с ним.

«Виннебаго» катился сквозь сгущавшиеся сумерки. Сидевший за рулем Орех включил фары. На одной из коек Барри Китаец заворочался во сне и почесал запястье в том месте, где появилось красное пятнышко.

4

Трое мужчин сидели в молчании, пока Абра ходила наверх, чтобы принести что-то из спальни. Дэйву пришло было в голову предложить кофе — оба гостя выглядели утомленными, и им

не помешало бы побриться, — но потом он решил, что сухой корки им не предложит, пока не получит исчерпывающих объяснений. Они с Люси уже не раз обсуждали, как им поступить, если Абра уже не в столь отдаленном будущем однажды явится домой и объявит, что ее пригласил на свидание мальчик, но перед ним сидели сейчас мужчины, *взрослые мужчины*, и, как теперь выяснялось, один из них встречался с его дочерью уже продолжительное время. То есть встречался в определенном смысле... И возникал вопрос: в *каком именно* смысле?

Прежде чем кто-либо из них рискнул начать неловкий (или злобный) разговор, с лестницы донеслись приглушенные шаги Абры. Она вошла в гостиную с экземпляром «Эннистон шопер».

— Посмотри на последнюю страницу.

Дэйв перевернул газету и скривился.

— А это что за коричневые разводы?

— Пятна от кофе. Я уже выбросила газету в мусор, но не смогла выкинуть мысли о ней из головы, а потому снова достала ее. Я не смогла заставить себя забыть *вот о нем*. — Она указала на фото Брэдли Тревора в нижнем ряду. — И о его родителях. О его братьях и сестрах, если они у него были. — Ее глаза наполнились слезами. — У него были веснушки, папа. Он их ненавидел, но его мама все время повторяла, что они приносят удачу.

— Ты не можешь этого знать, — сказал Дэйв без особой уверенности в голосе.

— Она знает, — вмешался Джон, — и вы тоже. Выслушайте нас, Дэйв. Пожалуйста. Это очень важно.

— Я хочу знать все о ваших отношениях с моей дочерью. — Дэйв повернулся к Дэну. — Рассказывайте.

Дэн вновь пересказал всю историю с самого начала. Как бессознательно вывел имя Абры в своем блокноте во время встречи анонимных алкоголиков. Как получил от нее первый привет мелом на доске. Как отчетливо почувствовал ее присутствие в ту ночь, когда умер Чарли Хейес.

— Я еще спросил, не та ли это девочка, которая иногда пишет мне записки на доске. Она не ответила, но раздались тихие звуки пианино. По-моему, одна из песен «Битлз».

Дэйв вскинул взгляд на Джона.

— Вы рассказали ему об этом?

Джон помотал головой.

Дэн продолжал:

— Два года назад на доске появилась запись, что кто-то убивает мальчика-бейсболиста. Я тогда не мог понять, что это значило, как, впрочем, и сама Абра. Та история могла закончиться ничем, но потом ей на глаза попалось *вот это*. — Он указал на последнюю страницу «Эннистон шопер» с крошечными снимками детей.

Абра завершила рассказ.

Когда она закончила, Дэйв скептически заметил:

— Стало быть, вы отправились в Айову, основываясь на словах тринадцатилетней девочки?

— Совершенно необыкновенной тринадцатилетней девочки, — возразил Джон. — Наделенной необычными способностями.

— А мы-то думали, что все кончилось. — Дэйв бросил на Абру полный упрека взгляд. — Что, не считая редких предчувствий, она переросла свои чудачества.

— Прости меня, папа, — едва слышно прошептала она.

— А может, ей вовсе не за что просить у вас прощения, — сказал Дэн, надеясь, что ему удалось скрыть злость. — Она спрятала свой дар только потому, что знала, как вам с женой хочется, чтобы он исчез. Только потому, что любит вас и хочет быть хорошей дочерью.

— Полагаю, она сама вам об этом сказала?

— Мы никогда не обсуждали с ней эту тему, — ответил Дэн. — Но у меня тоже была мама, которую я нежно любил и потому поступил точно так же.

Абра бросила на него взгляд, полный искренней благодарности. Затем опустила глаза и отправила ему мысленное послание. Нечто, о чем ей было неловко говорить вслух.

— Она также не хотела ни в чем признаваться подругам. Опасалась, что они перестанут ее любить. Боялась отпугнуть их своими способностями. И вероятно, не без оснований.

— Давайте вернемся к главному вопросу, — вмешался Джон. — Да, мы отправились в Айову. И в окрестностях города Фримана нашли старый этаноловый завод, как и описывала Абра. Мы обнаружили труп мальчика. И его бейсбольную пер-

чатку. Внутри он написал фамилию своего любимого игрока, но *его собственное* имя — Брэд Тревор — написано на ремешке.

— И он был убит. Вы ведь это хотите сказать? Убит бандой бродячих сумасшедших.

— Они разъезжают на кемперах и «виннебаго», — сказала Абра. Ее голос звучал приглушенно и вяло. Она не сводила глаз с завернутой в полотенце перчатки. Она и страшилась ее, и страстно хотела надеть себе на руку. Эти противоречивые эмоции Дэн улавливал с такой ясностью, что у него самого заныл желудок. — И у них смешные имена, как у пиратов.

Дэйв спросил почти жалобно:

— Вы *абсолютно уверены*, что того мальчика убили?

— Женщина в шляпе слизывала его кровь со своих рук, — сказала Абра. До этого она сидела на ступеньке лестницы. Но теперь подошла к отцу и уткнулась лицом ему в грудь. — Когда хочет, она пользуется особым зубом. Думаю, у каждого из них есть такой зуб.

— И тот парнишка был таким же, как ты?

— Да, — ответила Абра, тихо, но разборчиво. — Он мог видеть с помощью руки.

— Каким же образом?

— Он мог отбивать некоторые подачи, потому что заранее знал, как полетит мяч. А если его мама что-то теряла, стоило ему приложить ладонь к глазам и посмотреть через нее, как он узнавал, где лежит пропавшая вещь. Я так думаю. Просто иногда я точно так же использую свою руку.

— И поэтому они его убили?

— Да, я в этом уверен, — сказал Дэн.

— И ради чего? Чтобы получить какие-то экстрасенсорные витамины? Вы хоть понимаете, до чего нелепо это звучит?

Никто ему не ответил.

— И им известно, что Абра о них узнала?

— Да, известно. — Она подняла голову. У нее раскраснелись щеки, а в глазах стояли слезы. — Они не знают моего имени и где я живу, но им известно, что я *существую*.

— Тогда нам надо обратиться в полицию, — сказал Дэйв. — Или даже... Пожалуй, таким делом должно заинтересоваться ФБР. Вероятно, поначалу им трудно будет во все это поверить, но если показать труп...

— Не скажу сразу, что это плохая идея, — заметил Дэн, — пока мы не выясним, что даст Абре изучение бейсбольной перчатки. Но в любом случае следует основательно обдумать возможные последствия. Для меня, для Джона, для вас с женой, а главное — для Абры.

— Не вижу, какие сложности могут возникнуть у вас с Джоном...

Тот нетерпеливо заерзал в кресле.

— Бросьте, Дэвид. А кто обнаружил тело? Мы выкопали его, а потом перезахоронили, изъяв улику, которую криминалисты, безусловно, сочли бы одной из ключевых. И привезли ее через всю страну, чтобы какая-то восьмиклассница смогла гадать по ней, как по доске для спиритических сеансов.

Дэн не собирался вмешиваться, однако не сдержался. Они вместе навалились на Дэвида, и при других обстоятельствах Дэну бы это не понравилось, но только не в сложившейся ситуации.

— В вашей семье уже кризис, мистер Стоун. Бабушка вашей жены при смерти, жена горюет и до предела измучена. А эта история взорвет газеты и Интернет словно бомба. Странствующая банда убийц против маленькой девочки, которая предположительно является экстрасенсом. Ее захотят показать по телевидению, и ваш отказ только раздразнит репортеров. Улица превратится в огромную телестудию. Журналистка Нэнси Грейс снимет себе квартиру по соседству, а через какую-нибудь неделю отсюда будут *нести вздор* десятки комментаторов, не жалея легких. Помните родителей мальчика Фэлкона Хина, который якобы улетел на самодельном воздушном шаре? Вам будет уготована та же роль. Вы для этого идеально подойдете. А между тем *те* люди продолжат охоту на Абру.

— Тогда кто же сможет защитить мою дочь, если они придут за ней? Вы двое? Врач и санитар из хосписа? Или вы всего лишь уборщик?

И ты еще не знаешь о семидесятитрехлетнем смотрителе, который дежурит рядом с домом, подумал Дэн и невольно улыбнулся.

— Я и уборщик, и санитар. Послушайте, мистер Стоун...

— Если уж вы с моей дочкой такие большие друзья, называйте меня Дэйв.

— Хорошо, Дэйв. Как я предполагаю, ваши дальнейшие действия будут зависеть от того, сделаете ли вы ставку на то, что власти поверят словам Абры. Особенно той части истории, где она описывает этих людей как вампиров на «виннебаго».

— Боже милостивый! — воскликнул Дэйв. — Да я даже Люси не смогу рассказать об этом. У нее сразу полетят *все* предохранители.

— Кажется, вы только что сами дали ответ на вопрос, звонить нам в полицию или воздержаться, — сказал Джон.

Ненадолго воцарилось молчание. Где-то в доме тикали часы. На улице лаяла собака.

— Землетрясение! — вдруг воскликнул Дэйв. — То маленькое землетрясение. Это ты натворила, Абби?

— Думаю, да, — прошептала она.

Дэйв обнял ее, потом встал и сдернул полотенце с бейсбольной перчатки. Взял ее в руку, разглядывая.

— Значит, они похоронили его вместе с ней, — сказал он. — Они его похитили, пытали, умертвили, а потом закопали с любимой бейсбольной перчаткой.

— Так и было, — подтвердил Дэн.

Дэйв снова повернулся к дочери:

— Ты действительно хочешь прикоснуться к этой вещи, Абра?

Она протянула руку и сказала:

— Нет. Но мне придется это сделать.

5

После некоторого колебания Дэвид Стоун отдал ей перчатку. Абра взяла ее и заглянула внутрь.

— Джим Тоуми, — прочитала она, и хотя Дэн готов был поставить все свои сбережения (а после нескольких лет постоянной работы и трезвости они у него имелись) на то, что Абра никогда прежде не слышала этого имени, произнесла она его правильно. — Он входит в Клуб шестисот лучших.

— Совершенно верно, — сказал Дэйв. — Он...

— Тихо, — оборвал его Дэн.

Они наблюдали за Аброй. Девочка поднесла перчатку к лицу и понюхала. (Дэн вспомнил о червях, но подавил приступ отвращения.)

Потом она сказала:

— Его зовут не Барри Скиталец, а Барри Китаец. Но только он вовсе не китаец. Его прозвали так за разрез глаз. Он у них... Он... Даже не знаю... Секундочку...

Она прижала перчатку к груди как младенца. Потом вдруг задышала очень часто. Ее рот приоткрылся, и она застонала. Встревоженный Дэйв положил руку дочери на плечо, но она сбросила ее.

— Нет, папа, *не надо*!

Она закрыла глаза и снова прижала перчатку к себе. Мужчины ждали.

Потом ее глаза открылись, и она сказала:

— Они уже едут за мной.

Дэн встал, опустился перед ней на колени и положил ладонь на ее руки.

(*сколько их сюда едут все или только некоторые*)

— Несколько человек. Этот Барри с ними. Потому я и могу их видеть. Там еще трое. Или четверо. Дама с татуировкой змеи. Они называют нас лохами. Мы для них простые смертные.

(*а женщина в цилиндре*)

(*нет*)

— Когда они прибудут сюда? — спросил Джон. — Ты знаешь?

— Завтра. Им нужно сначала сделать остановку и забрать...

Она осеклась. Ее глаза бегали по комнате, ничего не видя. Одна рука выскользнула из-под ладони Дэна и принялась тереть губы. Другой Абра вцепилась в перчатку.

— Им надо... Я не знаю...

Слезы показались в уголках ее глаз, но не от грусти, а от напряжения.

— Им нужно... Что это? Какое-то лекарство? Или... Постойте-ка. Отпусти меня, Дэн, мне нужно... Отпусти мою руку...

Он отпустил ее. Раздался громкий треск, и проскочила синяя искра статического электричества. Пианино издало серию нестройных аккордов. На столике возле двери в коридор забрен-

чали фарфоровые статуэтки. Абра сунула руку в перчатку. Ее глаза широко округлились.

— Один из них — ворон. Другой — доктор, и это хорошо для них, потому что Барри болен! Он очень болен! — Она посмотрела вокруг дикими глазами, а потом разразилась смехом.

От этого звука волосы на затылке Дэна встали дыбом. Так смеялись умалишенные, когда им не успевали вовремя дать успокоительный препарат. Он с трудом сдержался, чтобы не сдернуть перчатку с ее руки.

— *У него корь! Он заразился от Дедушки Флика и скоро начнет выпадать из цикла! Это все гребаный мальчишка! Ему, вероятно, не сделали прививку! Нам надо сообщить Роуз! Нам надо...*

Терпение Дэна лопнуло. Он стащил перчатку с ее руки и отшвырнул в дальний угол комнаты. Звуки пианино смолкли. Фигурки звякнули в последний раз и замерли, причем одна из них зависла на самом краю столика. Дэйв смотрел на свою дочь, широко открыв рот. Джон поднялся на ноги, но, казалось, не был способен сделать больше ни одного движения.

Дэн взял Абру за плечи и с силой встряхнул.

— Абра! Отключайся!

Она смотрела на него огромными невидящими глазами.

(*вернись Абра все в порядке*)

Ее плечи, поднятые почти до ушей, постепенно расслабились. Глаза снова обрели способность видеть. Она выдохнула и откинулась на подставленную отцовскую руку. Воротник ее футболки потемнел от пота.

— Абби? Абба-Ду? С тобой все хорошо? — спросил Дэйв.

— Да, но не надо меня так называть. Я же просила. — Абра набрала в легкие воздуха и снова протяжно выдохнула. — Господи, вот это было мощно! — Она посмотрела на Дэйва. — Плохое слово произнесла не я, папочка, а один из них. По-моему, тот, кого называют Вороном. Он за старшего в их группе.

Дэн присел на диван рядом с Аброй.

— Уверена, что уже пришла в себя?

— Да. Теперь уверена. Но я больше никогда в жизни не притронусь к той перчатке. Они не похожи на нас. Они выглядят как люди и, вероятно, в прошлом были людьми, но сейчас это какие-то ящерицы. И мысли у них соответствующие.

— Ты сказала, что Барри болен корью. Помнишь?

— Да, Барри. У него прозвище Китаец. Я все помню. Но сейчас страшно хочу пить.

— Я принесу тебе воды, — вызвался Джон.

— Нет, что-нибудь с сахаром, пожалуйста.

— В холодильнике есть кола, — сказал Дэйв. Он погладил Абру по волосам, по щеке, по затылку. Словно хотел убедиться, что дочь еще с ним.

Они дождались возвращения Джона из кухни с банкой колы. Абра схватила ее, жадно отпила и рыгнула.

— Прошу прощения, — сказала она, хихикнув.

Дэн никогда прежде не был так счастлив услышать чье-то хихиканье.

— Джон. Для взрослых корь представляет реальную опасность, верно?

— Еще бы! Она может вылиться в воспаление легких и даже привести к слепоте в результате повреждения роговицы.

— А к летальному исходу?

— Возможно, но такие случаи крайне редки.

— У них все иначе, — сказала Абра. — Думаю, потому что раньше они не болели вообще ничем. Но Барри *действительно* болен. Им нужно сделать остановку и забрать какую-то посылку. Видимо, с лекарством для него. Для уколов.

— А что имелось в виду под выпадением из цикла? — спросил Дэн.

— Этого я не поняла.

— Но если Барри болен, быть может, это их остановит? — предположил Джон. — Им придется вернуться туда, откуда они приехали.

— Не думаю. Они все могли уже заразиться от Барри и догадываются об этом. Им нечего терять, а выиграть могут все, как говорит этот Ворон. — Она отпила еще колы, держа банку двумя руками, а потом по очереди оглядела троих мужчин, последним посмотрев на отца. — Они знают, на какой улице я живу. Вероятно, им даже известно мое имя. Возможно, есть и фотография. В этом я не уверена. У Барри в мозгу все перемешалось. Но они думают... Они надеются, что если у меня иммунитет против кори...

— Тогда твоя сущность поможет им исцелиться, — закончил за нее Дэн. — Или по крайней мере защитит от инфекции остальных.

— Они называют это не сущностью, — сказала Абра. — Они называют это паром.

Дэйв резко хлопнул в ладоши.

— Все! Я вызываю полицию. Мы добьемся, чтобы этих людей арестовали.

— Ничего не выйдет, — ответила Абра голосом депрессивной пятидесятилетней женщины. *Поступай как хочешь. Мое дело — тебя предупредить.*

Он достал из кармана мобильный телефон, но, так и не открыв его, спросил:

— Почему?

— У них будет правдоподобная история о том, зачем они приехали в Нью-Гэмпшир, а все документы окажутся в полном порядке. Кроме того, они богаты. *По-настоящему* богаты, как банки, или нефтяные компании, или «Уолмарт». Они могут уехать, но потом вернутся. Они всегда возвращаются, если им что-то очень нужно. Они убивают всех, кто пытается им помешать, кто сообщает о них в полицию, а если попадают в неприятности — откупаются. Вот что они делают. — Она поставила банку с колой на столик и обвила руками отца. — Поэтому, пожалуйста, папочка, *никому ни о чем* не рассказывай. Я лучше сама им сдамся, чем позволю причинить вред тебе или маме.

— Но ведь сейчас их здесь всего четверо или пятеро, — заметил Дэн.

— Да.

— Где остальные? Ты сумела это установить?

— В кемпинге под названием «Синий цветочек». Или, точнее, «Колокольчик». Он им принадлежит. А́ неподалеку находится город. Тот, где супермаркет «Сэмс». Город Сайдуайндер. Роуз там вместе с остальными Истинными. Так они себя называют... Дэн? Что-то не так?

Дэн не ответил. На мгновение он попросту лишился дара речи. Ему вспомнился голос Дика Холлорана, исходивший из мертвого рта Элинор Оулей. Дэн спросил, где находятся пустые дьяволы, и теперь ответ наконец обрел смысл.

В твоем детстве.

— Дэн? Что с тобой? — Голос Джона донесся словно издалека. — Ты белый как простыня.

Все странным и пугающим образом сходилось. Он заранее знал — еще до того как впервые увидел его, — что отель «Оверлук» был зловещим местом. Конечно, отеля больше не существовало. Он сгорел дотла, но кто сказал, что зло сгорело вместе с ним? Уж точно не Дэн. Еще в детстве к нему приходили призраки, которым удалось спастись.

Кемпинг, который им принадлежит, стоит на месте отеля. Я это точно знаю. Рано или поздно мне придется туда вернуться. И это я тоже знаю наверняка. Причем скорее рано. Но сначала...

— Со мной все в полном порядке, — ответил он.

— Хочешь колы? — спросила Абра. — Сахар — вот решение всех проблем.

— Потом. У меня возникла идея. Пока весьма неопределенная, но, возможно, вчетвером мы сможем превратить ее в хороший план.

6

Змеючка Энди припарковалась на площадке для грузовиков зоны отдыха рядом с Уэстфилдом в штате Нью-Йорк. Орех отправился в магазин при заправке, чтобы купить сока для Барри, у которого поднялась температура и мучительно болело горло. Пока они дожидались его возвращения, Ворон позвонил Роуз, оперативно ознакомил ее с ситуацией и стал ждать реакции.

— Что за странные звуки я слышу на заднем плане? — первым делом спросила она.

Ворон вздохнул и поскреб заросшую щетиной щеку.

— Это Джимми Счетовод плачет.

— Вели немедленно прекратить истерику. Скажи ему, что настоящие бейсболисты никогда не плачут.

Ворон донес до Джимми смысл ее слов, избавив от необходимости оценить своеобразное чувство юмора Роуз. Джимми, протиравший в этот момент лицо Барри влажным полотенцем,

сумел заглушить громкие и (не мог не согласиться Ворон) раздражающие рыдания.

— Так-то лучше, — сказала Роуз.

— Как прикажешь действовать дальше?

— Дай мне минуту. Я пытаюсь все обдумать.

Ворону сама по себе мысль о том, что Роуз *только пытается* все обдумать, показалась почти такой же тревожной, как и красные пятна, которыми покрылось все лицо и тело Барри, но он послушно замолчал, держа мобильный телефон возле уха. Он сильно потел. Температура, или в кемпере просто жарко? Ворон осмотрел руки в поисках красных пятен, но не нашел ни одного. Пока.

— У вас все по плану? — спросила Роуз.

— Да. Мы даже немного опережаем график.

В дверь дважды коротко стукнули. Энди выглянула наружу, потом открыла.

— Ворон? Ты меня слушаешь?

— Да. Орех только что вернулся с соком для Барри. У него сильно воспалено горло.

— Попробуй вот это, — обратился Орех к Барри, откручивая крышку с бутылки. — Яблочный. Из холодильника. Он успокоит твое горло.

Барри приподнялся на локте и сделал несколько глотков, когда Орех поднес горлышко к его губам. Ворону было тяжело смотреть на это. Он вспомнил, как на его глазах кормили из бутылочки новорожденных ягнят, таких же слабых и беспомощных.

— Он может разговаривать, Ворон? Если да, передай ему трубку.

Ворон локтем отстранил Ореха и сел рядом с Барри.

— Это Роуз. Она хочет поговорить с тобой.

Он хотел подержать телефон, но Китаец выхватил его. Либо сок, либо таблетка аспирина, которую Барри заставил принять Орех, придали ему сил.

— Роуз, — прохрипел он. — Прости, что создаю проблемы, дорогая.

Потом стал слушать, кивая:

— Да, знаю. Все сделаю. Я... — Снова пауза. — Нет еще, но... Да, смогу. Смогу. Да. Я тоже люблю тебя. Передаю трубку.

Он отдал телефон Ворону, а потом в изнеможении откинулся на подушку, исчерпав временный прилив энергии.

— Слушаю тебя, — сказал Ворон.

— Он уже начал выбиваться из цикла?

Ворон покосился на Барри.

— Нет.

— Слава Богу, хоть в чем-то нам везет. Барри говорит, что все еще способен определить, где она. Надеюсь, он себя не переоценивает. Если у него не получится, тебе придется разыскать ее самому. *Нам необходимо захватить эту девчонку.*

Ворон уже понял, что девочка — либо Джулианна, либо Эмма, либо Абра — была нужна Роуз по глубоко личным мотивам, и его это не особо тревожило, однако ставки в игре оказались слишком высоки. Вероятно, речь вообще шла о выживании Истинного Узла. Когда они перешептывались с Орехом в задней части «виннебаго», тот сказал Ворону, что даже если девчонка *никогда* не болела корью, ее пар, вероятно, все равно может послужить лекарством для Истинных благодаря прививкам, сделанным ей в раннем детстве. Стопроцентной гарантии он дать не мог, но это было намного лучше, чем ничего.

— Ворон? Не молчи. Говори со мной, милый.

— Мы найдем ее. — Он посмотрел на их компьютерного эксперта. — Джимми уже свел выбор всего до трех вариантов, и все живут в пределах одного квартала. У нас есть их снимки.

— *Превосходно!* — Потом она сделала паузу, а когда заговорила снова, в ее голосе слышалось гораздо больше теплоты и даже волнения. Ворону ненавистна была сама мысль о том, что Роуз чего-то боится, но, кажется, она боялась. Не за себя, а за Истинный Узел, защищать который давно сделалось ее долгом. — Ты же понимаешь, я бы никогда не отправила тебя на задание вместе с больным Барри, если бы не считала это жизненно необходимым?

— Конечно.

— Схвати ее, выруби к чертовой матери и привези сюда. Идет?

— Идет.

— Если заболеете все, если ты поймешь, что нужен самолет...

— Мы пойдем на это. — Хотя подобная перспектива наводила на Ворона ужас. Даже взойдя на борт самолета вполне здоровыми, они сошли бы с него больными: полуоглохшие на месяц или два, трясущиеся, с приступами рвоты и головокружением. И потом, любой перелет оставлял бумажный след. Не слишком удобно для группы, которая будет сопровождать похищенную девочку, накачанную наркотиком. Но порой обстоятельства сильнее нас.

— Вам пора двигаться дальше, — сказала Роуз. — Позаботься о моем Барри, здоровяк. И об остальных тоже.

— А у тебя там все хорошо?

— Разумеется, — ответила Роуз и дала отбой, прежде чем он смог задать хотя бы еще один вопрос. И правильно. Иногда не требовалось телепатических способностей, чтобы понять, когда тебе лгут. Даже лохи знали это.

Он швырнул телефон на стол и резко хлопнул в ладоши.

— Так, хорошо! Заправимся, и в путь. Следующая станция — Стербридж, штат Массачусетс. Орех, оставайся при Барри. Следующие шесть часов за рулем буду я. Потом твоя очередь, Джимми.

— Я хочу домой, — угрюмо ответил Джимми Счетовод. Хотел добавить что-то еще, но горячие пальцы ухватили его за запястье.

— У нас нет выбора, — сказал Барри. Его лихорадочно блестевшие глаза были осмысленными и встревоженными. В этот момент Ворон очень гордился им. — Выбора нет, компьютерный мальчик, а потому веди себя как мужчина. Интересы Узла превыше всего. Всегда.

Ворон сел за руль и включил зажигание.

— Джимми, — сказал он, — присядь рядом со мной на минутку. Надо кое-что перетереть.

Джимми Счетовод покорно перебрался на пассажирское сиденье.

— Эти три девочки... Сколько им лет? Ты знаешь?

— Знаю. Я влез в их школьные личные дела, когда искал фотографии. Отдал пенни, отдавай и фунт, так сказать. Дин и Кросс по четырнадцать. Стоун на год младше. Перепрыгнула через класс в начальной школе.

— Мне кажется, это тоже указывает на особые способности, — заметил Ворон.

— Верно.

— И все они живут рядом друг с другом?

— Да.

— А вот *это* уже указывает на вероятность того, что они подружки.

Глаза Джимми все еще были красными от слез, но он рассмеялся.

— Точно. Это же девчонки. Все трое скорее всего красятся одной и той же губной помадой и сходят с ума по парням из одной группы. К чему ты клонишь?

— Ни к чему в особенности, — ответил Ворон. — Для меня это информация. А информация дает власть. По крайней мере так говорят.

Через две минуты «виннебаго» Пароголового Стива уже влился в транспортный поток на шоссе 90. Когда спидометр добрался до шестидесяти пяти миль в час, Ворон включил круиз-контроль и расслабился.

7

Дэн в общих чертах обрисовал задуманное, а потом стал ждать реакции Дэйва Стоуна. Какое-то время тот молча сидел рядом с Аброй, склонив голову и зажав ладони между коленями.

— Папа! — не выдержала Абра. — Пожалуйста, скажи что-нибудь.

Дэйв вскинул голову и спросил:

— Кто-нибудь хочет пива?

Дэн и Джон обменялись быстрыми улыбками и отказались.

— Что ж, а мне не помешает выпить. Честно говоря, я бы не отказался от двойного бурбона, но вам, джентльмены, не надо лишний раз мне объяснять, что лакать виски сейчас не ко времени.

— Я принесу, папа.

И Абра убежала в кухню. Они услышали щелчок открывающейся банки, шипение выходящего газа, и эти звуки навеяли Дэну воспоминания, многие из которых казались предательски счастливыми. Абра вернулась с банкой пива и высоким стаканом.

— Могу я сама тебе налить?

— Сделай одолжение.

Дэн и Джон словно загипнотизированные наблюдали, как Абра наклонила стакан и, как заправский бармен, налила в него пиво по стенке, чтобы образовалось как можно меньше пены. Затем подала стакан отцу, а банку поставила рядом на подставку. Дэйв сделал большой глоток, вздохнул, закрыл глаза, но сразу же снова открыл.

— Замечательно, — сказал он.

Не сомневаюсь, подумал Дэн и поймал на себе взгляд Абры. Ее обычно такое открытое лицо сделалось непроницаемым, и он не смог прочитать ее мысли.

— Ваше предложение, конечно, совершенно безумно, — сказал Дэйв, — но у него есть определенные достоинства. Главное из них заключается в том, что я смогу увидеть этих... этих существ собственными глазами. Думаю, мне это необходимо, потому что, несмотря на все ваши рассказы, я до сих пор с трудом верю в их реальность. Хотя вы и привезли перчатку и, по вашим словам, нашли тело.

Абра хотела что-то сказать, но отец жестом остановил ее.

— Я верю, что *вы верите* в это, — продолжал он. — Все трое. И допускаю, что группа не совсем нормальных индивидуумов может — подчеркиваю, *может* — охотиться за моей дочерью. И я бы легко согласился на ваш план, мистер Торранс, если бы он не предусматривал участия в нем Абры. Я не стану использовать своего ребенка в качестве наживки.

— Вам и не придется, — возразил Дэн. Он вспомнил, как незримое присутствие Абры у погрузочной площадки химического завода превратило его в своего рода полицейскую собаку-ищейку, как обострилось зрение, стоило Абре открыть глаза в его сознании. Он даже плакал ее слезами, хотя, быть может, тест на ДНК это бы опроверг.

— То есть как это?

— Вашей дочери не нужно непосредственно находиться вместе с нами. В этом смысле она тоже уникальна. Абра, у тебя есть подруга, к которой ты смогла бы пойти в гости завтра после школы?

— Конечно. Эмма Дин. — По возбужденному блеску в ее глазах Дэн видел, что она уже поняла суть его затеи.

— Никуда не годится, — заявил Дэйв. — Я не оставлю ее без охраны.

— Абра находилась под охраной все время, что мы провели в Айове, — сказал Джон.

При этих словах брови Абры удивленно взметнулись, а рот приоткрылся. Дэн был рад. Он знал, что она может проникать в его мысли в любое время по своему усмотрению, но девочка выполнила просьбу.

Дэн достал свой мобильник и нажал кнопку быстрого вызова.

— Билли? Почему бы тебе не зайти и не присоединиться к нам?

Через три минуты Билли Фриман переступил порог дома Стоунов. На нем были джинсы, красная фланелевая рубашка, полы которой свисали почти до колен, и шапочка машиниста железной дороги Игрушечного городка, которую он сдернул с головы, обмениваясь рукопожатиями с Дэйвом и Аброй.

— Ты помог ему с желудком, — сказала Абра Дэну. — Я это запомнила.

— Значит, ты все-таки копалась у меня в мыслях, — покачал головой Дэн.

Она покраснела.

— Не нарочно. Я бы не стала. Но иногда это случается само собой.

— А то я не знаю.

— При всем уважении, мистер Фриман, — сказал Дэйв, — вы немного староваты для телохранителя. А ведь речь идет о моей дочери.

Билли приподнял полу рубашки и продемонстрировал автоматический пистолет в потертой кобуре.

— «Кольт» тысяча девятьсот одиннадцатой модели, — пояснил он. — Полный автомат. Раритет времен Второй мировой войны. Тоже немолод, но выполнит свою работу на отлично.

— Абра? — спросил Джон. — Как ты думаешь, пули берут этих тварей? Или им страшны только детские болезни?

Абра не сводила глаз с оружия.

— О да, — сказала она. — Пули подходят. Они ведь не привидения. Реальны, как и мы с вами.

Джон посмотрел на Дэна и спросил:

— У тебя, я полагаю, пушки нет?

Дэн помотал головой и покосился на Билли.

— У меня есть охотничья винтовка, которую я могу тебе одолжить, — сообщил тот.

— Этого... может оказаться недостаточно, — ответил Дэн.

После некоторого раздумья Билли сказал:

— На такой случай я знаком с одним парнем в Медисоне. Он покупает и продает оружие калибром покрупнее. Намного.

— Господи Иисусе, — промямлил Дэйв. — Так мы можем очень далеко зайти.

Но больше ему сказать было нечего.

— Билли, мы сможем зарезервировать для себя весь поезд целиком, если захотим завтра устроить вечерний пикник у Клауд-Гэпа? — спросил Дэн.

— Естественно. Клиенты так поступают очень часто. Особенно после Дня труда, когда мы снижаем тарифы.

Абра улыбнулась. Такую улыбку — злую — Дэн уже знал. Он подумал, что, увидев ее, монстры из Истинного Узла могли бы пересмотреть свои планы.

— Хорошо, — сказала она. — *Хорошо.*

— Абра? — Дэйв выглядел растерянным и слегка напуганным. — Что с тобой?

Но дочь проигнорировала его вопрос. Она обратилась к Дэну:

— Они заслужили смерть за то, что сделали с мальчиком-бейсболистом. — Девочка потерла рот ладонью, словно желая стереть улыбку, но когда опустила руку, улыбка никуда не делась. Между губами сверкали кончики зубов. Она сжала ладонь в кулак. — *Они это заслужили.*

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВОПРОСЫ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Глава 13
КЛАУД-ГЭП

1

Отделение почтовой службы И-зет располагалось в придорожном торговом центре между кафе «Старбакс» и магазином автомобильных запчастей «О'Рейлли». Ворон вошел туда вскоре после десяти утра, предъявил удостоверение личности на имя Генри Ротмана, расписался в получении посылки размером с обувную коробку и вернулся, зажав полученное под мышкой. Несмотря на работающий кондиционер, «виннебаго» пропах болезнью Барри, но они уже привыкли к этому запаху и едва ли замечали его. Отправителем посылки значилась компания, производившая сантехническое оборудование, из Флашинга в штате Нью-Йорк. Компания действительно существовала, хотя к посылке не имела ни малейшего отношения. Ворон, Змеючка и Джимми Счетовод смотрели, как Орех с помощью швейцарского армейского ножа срезает упаковочную ленту и открывает коробку. Изнутри он вытащил защитную полиэтиленовую упаковку и двойной слой ваты. Внизу, в пенопластовом гнезде, покоилась большая безымянная бутыль с соломенного оттенка жидкостью, восемь шприцев, восемь дротиков и пневматический пистолет для них.

— Мать твою за ногу! Этого хватит, чтобы уложить целый класс, — восхищенно сказал Джимми.

— Роуз очень серьезно относится к этой маленькой chiquita*, — пояснил Ворон, вынул пистолет, осмотрел и положил на место. — И нам лучше относиться к ней так же.

---

* Девочка (*исп.*).

— Ворон! — позвал Барри сдавленным хриплым голосом. — Подойди сюда!

Оставив коробку на попечение Грецкого Ореха, Ворон подошел к потному человеку на койке. Все тело Барри испещряли сотни ярких красных пятен, опухшие глаза превратились в щелочки, а волосы прилипли ко лбу. Ворон буквально чувствовал исходивший от него жар, но Китаец был намного сильнее Дедушки Флика. Он все еще не начал выпадать из цикла.

— Как вы там, ребята? — спросил Барри. — Ни у кого пока не поднялась температура? А пятна?

— Мы в полном порядке. Не думай о нас. Ты нуждаешься в отдыхе. Постарайся-ка лучше заснуть.

— Успею выспаться, когда подохну, а я еще жив. — Покрасневшие глаза Барри блеснули. — Я засек ее.

Ворон импульсивно схватил его ладонь, напомнил себе непременно вымыть руки с мылом, потом усомнился в целесообразности этого. Они дышали одним с ним воздухом и по очереди помогали ему добраться до унитаза.

— Так ты теперь знаешь, которая из трех девиц нам нужна? Можешь назвать имя?

— Нет.

— Она знает, что мы едем за ней?

— Нет. Перестань мучить меня вопросами и просто дай рассказать, что мне известно. Она думает о Роуз: так я ее и засек, — но только она не называет Роуз по имени. Для нее это «женщина в шляпе, с одним длинным зубом». — Барри отвернулся и откашлялся в пропитанный мокротой носовой платок. — Девчонка очень боится ее.

— И не зря, — мрачно сказал Ворон. — Что-нибудь еще?

— Сандвичи с ветчиной. Фаршированные яйца.

Ворон ждал пояснений.

— Я пока не до конца уверен... Кажется, она планирует отправиться на пикник. Вероятно, с родителями. И они хотят поехать... Это странно... Хотят поехать на игрушечном поезде.

Барри нахмурил брови.

— На каком еще игрушечном поезде? Откуда? Куда?

— Не знаю. Подъедем ближе, и я смогу все выяснить. Уверен, что смогу. — Ладонь Барри повернулась в руке Ворона и

с неожиданной силой сжала ее. — Она ведь может помочь мне, Папаша. Если я продержусь, а вы ее захватите... а потом подвергнете пыткам, чтобы извлечь немного пара... тогда, быть может....

— Все может быть, — кивнул Ворон, но, опустив глаза, вдруг увидел (на мгновение) кости в скрюченных пальцах Барри.

2

В ту пятницу Абра вела себя в школе необычайно тихо. И хотя ее всегда отличали подвижность, разговорчивость и веселая общительность, никого такая метаморфоза не удивила. Утром ее отец позвонил школьной медсестре и попросил передать учителям, чтобы те не слишком наседали на дочь. Абра рвалась на занятия, но накануне они получили очень плохие новости о состоянии здоровья ее прабабушки.

— И она очень переживает, — подчеркнул Дэйв.

Медсестра заверила, что все прекрасно понимает и передаст.

На самом деле странности в поведении Абры объяснялись ее попытками сконцентрироваться так, чтобы в одно и то же время присутствовать в двух разных местах. Это было все равно что одновременно хлопать себя по голове и гладить по животу. Поначалу трудно, а когда попрактикуешься — никаких проблем.

Часть ее должна была оставаться физически внутри тела, отвечая иногда в классе на какие-то вопросы (обычно Абра тянула руку, чтобы выйти к доске, но сегодня раздражалась, когда вызывали именно ее, сидевшую тише воды ниже травы), беседуя за обедом с подругами и отпрашиваясь у преподавателя физкультуры Ренни, чтобы пойти в библиотеку.

— У меня сегодня живот болит, — заявила она, что означало *у меня месячные*.

Столь же тихо она вела себя и в гостях у Эммы после школы, но здесь проблем не возникало. Эмма была из семьи книгочеев и сейчас в третий раз перечитывала «Голодные игры». Когда с

работы вернулся мистер Дин, он попытался вовлечь Абру в беседу, но быстро оставил эту затею и уткнулся в последний выпуск «Экономиста» — Абра отвечала на вопросы неохотно и односложно, а миссис Дин одарила мужа предостерегающим взглядом.

Абра смутно запомнила, как Эмма отложила книгу и предложила ненадолго выйти на задний двор, но по большей части ее сознание находилось в голове Дэна: она смотрела на все его глазами, через его руки осязала рычаги управления маленьким локомотивом «Хелен Ривингтон», ощущала вкус сандвича с ветчиной, который он ел, и лимонада, который пил. Когда Дэн обращался к ее отцу, с ним на самом деле разговаривала Абра. А что же доктор Джон? Он ехал в самом хвосте поезда, и потому доктора Джона как бы и *не было вовсе*. В кабине оставались только они двое. Отец с дочерью, которых сблизили печальные известия о Момо и которые стремились найти утешение друг в друге.

Иногда она начинала думать о той женщине в шляпе, которая замучила мальчика-бейсболиста до смерти, а потом слизывала его кровь своим искаженным жадным ртом. С этим Абра ничего не могла поделать, но считала, что едва ли приносит такими мыслями вред. Если Барри проникнет в ее сознание, страх перед Роуз покажется ему весьма естественным.

Она догадывалась, что едва ли смогла бы обвести вокруг пальца этого человека-локатора из Истинного Узла, будь он здоров, но болезнь окончательно подкосила его. Он не знал, например, что ей известно имя Роуз. Он не задался вопросом, почему девочка, которая сможет получить водительские права не раньше 2015 года, управляла поездом Игрушечного городка и вела его через лес к западу от Фрейзера. А если задался, то, видимо, решил, что поезд вообще не нуждался в машинисте.

Он думает, что поезд — это игрушка.

— ...В скрэббл?

— А? Что ты сказала? — Она посмотрела на Эмму, не сразу сообразив, где находится. Затем увидела в своих руках баскетбольный мяч. Ах да, задний двор! Они кидают мяч в кольцо.

— Я спросила, не хочешь ли ты поиграть со мной и с мамой в скрэббл. Тут жуткая скукотища.

— Ты выигрываешь, да?

— Все три партии! Где ты вообще витаешь?

— Извини. Просто я очень волнуюсь из-за Момо. Скрэббл — отличная идея.

Идея действительно оказалась как нельзя кстати. Эмма и ее матушка были самыми медленными игроками в Галактике и начали бы громко возражать, предложи им кто-то ставить таймер. Это дало бы Абре возможность как можно реже мысленно возвращаться сюда. Барри был болен, но не мертв, и если бы до него дошло, что Абра занимается телепатическим раздвоением личности, последствия могли оказаться катастрофическими. Он мог вычислить, где она находится на самом деле.

Теперь уже недолго. Уже скоро они сойдутся. Боже, сделай так, чтобы все прошло хорошо.

Пока Эмма расчищала стол в подвальной комнате отдыха, а миссис Дин устанавливала игровую доску, Абра извинилась и пошла в туалет. Ей и в самом деле туда хотелось, но сначала она воспользовалась случаем и быстро забежала в гостиную, чтобы посмотреть в полукруглое окно на улицу. Пикап Билли был припаркован на противоположной стороне. Он заметил шевеление штор и поднял большой палец. Абра ответила ему тем же. А затем та малая часть ее существа, которая оставалась здесь, зашла в ванную, в то время как основная продолжала сидеть в кабине «Хелен Ривингтон».

Мы устроим пикник, вкусно поедим, уберем за собой мусор, полюбуемся закатом и отправимся в обратный путь.

(*поедим, уберем, полюбуемся на закат, а затем*)

Неожиданно нечто неприятное ворвалось в ее мысли, причем с такой силой, что голова Абры откинулась назад. Мужчина и две женщины. На спине мужчины был вытатуирован орел, а у женщин татуировки красовались ниже пояса. Абра легко их разглядела, потому что все трое были обнажены и занимались сексом рядом с бассейном под глупое старомодное диско. Женщины фальшиво стонали от наслаждения. На что, черт возьми, она наткнулась?

Шок от того, что вытворяли эти люди, нарушил хрупкий баланс, и на секунду Абра целиком оказалась *в одном месте*, в доме Динов. Она осторожно взглянула еще раз и заметила, что происходившее у бассейна казалось несколько размытым. Неестественным. Почти призрачным. Но почему? Откуда эта нерезкость? Потому что Барри сам уже почти превратился в призрак и не хотел смотреть, как люди занимаются сексом у...

Эти люди вовсе не у бассейна, они в телевизоре.

Знал ли Барри Китаец, что она наблюдает, как он смотрит на видео какой-то порнографический фильм? Он сам и все остальные? Абра не была уверена, хотя сомневалась в этом. Но они не исключали такой возможности. О да! Если бы она проникла в сознание Барри, они попытались бы вывести ее из равновесия, заставить уйти или выдать свое присутствие. А может, и то и другое вместе.

— Абра! — донесся до нее голос Эммы. — Мы готовы!

А мы уже играем, причем в гораздо более опасную игру, чем скрэббл.

Нужно было восстановить равновесие, и как можно быстрее. Забыть о порнографии и паршивом диско. Она ехала в маленьком поезде. Она *управляла* маленьким поездом. Это устроили специально для нее. Она получала удовольствие.

Мы устроим пикник, вкусно поедим, уберем за собой мусор, полюбуемся закатом и отправимся в обратный путь. Я все еще побаиваюсь женщины в шляпе, но не очень, *потому что меня нет дома. Я еду в Клауд-Гэп со своим папой.*

— Абра! Ты что, провалилась?

— Уже иду! — откликнулась она. — Только вымою руки.

Я со своим папой. Я со своим папой, вот и все.

Посмотрев в зеркало, Абра прошептала:

— Держи эту мысль.

3

За рулем кемпера сидел Джимми Счетовод, когда они заехали в зону отдыха Бреттон-Вудз, расположенную совсем рядом с Эннистоном — городом, где жила девочка, создавав-

шая столько проблем. Но только ее там не было. По словам Барри, сейчас она находилась во Фрейзере — другом небольшом городке к юго-востоку от Эннистона. Отправилась на пикник с отцом. Старается спрятаться. Однако ей это не поможет.

Змеючка вставила в DVD-проигрыватель первый диск под названием «Приключения Кенни у бассейна».

— Если девчушка подсматривает за нами, то получит небольшой жизненный урок, — усмехнулась она и нажала кнопку воспроизведения.

Орех сидел рядом с Барри и вливал в него сок... по возможности. Барри начал выпадать из цикла. Он уже не воспринимал ни сок, ни ménage à trois* рядом с бассейном. А на экран смотрел только потому, что таковы были полученные им инструкции. Каждый раз, когда тело Барри вновь обретало полноценную форму, его стоны делались громче.

— Ворон, — позвал он. — Подойди ко мне, Папаша!

Ворон подскочил и отодвинул локтем Грецкого Ореха.

— Склонись ближе, — прошептал Барри, и — после некоторого колебания — Ворон выполнил просьбу.

Барри открыл рот, но следующий цикл начался прежде, чем он смог заговорить. Его кожа приобрела молочный оттенок, потом истончилась до прозрачности. Ворон видел его стиснутые зубы, глазницы, в которых держались полные боли глаза, и, самое ужасное, темные извилины мозга. Он ждал, держа руку, которая была уже не рукой, а сплетением костей. Словно откуда-то издалека доносились омерзительные, нескончаемые звуки диско. *Они снимались под наркотой*, подумал Ворон. *Иначе трахаться под такую музыку невозможно.*

Медленно, очень медленно Барри Китаец вернулся. На этот раз он даже не застонал, а вскрикнул. Лоб его покрывал пот, заливавший красные пятна, ярко-алые, словно капли крови.

Барри облизал губы и сказал:

— Слушай меня внимательно.

И Ворон стал слушать.

---

* Любовный треугольник (*фр.*).

4

Дэн сделал все от него зависевшее, чтобы очистить сознание и дать Абре возможность войти в него. Он так часто водил «Рив» в Клауд-Гэп, что теперь это получалось почти автоматически. Джон ехал сзади на площадке служебного вагона и вез оружие (два автоматических пистолета и охотничью винтовку Билли). С глаз долой — из сердца вон. Или почти. Полностью забыться не всегда получается даже во сне, а присутствие Абры было таким мощным, что немного пугало. Дэн даже подумал, что если она пробудет у него в мозгу достаточно долго и с такой же интенсивностью, то его любимым занятием может стать поход по магазинам за модными сандалиями и подходящими к ним аксессуарами. Плюс любовь к мальчикам из группы «Здесь и сейчас».

Немного помогало то, что в самый последний момент по ее настоянию Дэн взял с собой Попрыгунчика — старого плюшевого кролика.

— Это позволит мне лучше сосредоточиться, — сказала Абра, не имея ни малейшего понятия, что недочеловек по имени Барри Смит полностью бы ее понял. Он научился этому приему у Дедушки Флика и много раз пускал его в ход.

Также помогал и поток семейных историй, которым разразился Дэйв Стоун. Большинство из них Абра слышала впервые. И все равно Дэн сомневался, что их хитрость сработала бы, если бы тот, кому поручили разыскать Абру, не заболел.

— А остальные владеют даром локации? — спросил он.

— Женщина в шляпе могла бы сделать это через полстраны, — ответила Абра, — но она не вмешивается. — Ее лицо снова исказила не слишком приятная зубастая улыбка, заставившая девочку казаться намного старше своего возраста. — Роуз тоже боится меня.

Впрочем, присутствие Абры в голове Дэна не было непрерывным. Иногда он ощущал, как она покидала его сознание и отправлялась в другую сторону, чтобы — с величайшей осторожностью — прощупать мысли того, кто сделал когда-то большую глупость, примерив бейсбольную перчатку Брэдли Тревора. Она рассказала, что они сделали остановку в Старбридже (Дэн сразу понял, что речь идет о Стербридже), а потом уже не возвращались

на магистрали, двигаясь по второстепенным дорогам в сторону ярко пылавшего сигнала сознания Абры, который та подавала намеренно. Чуть позже они пообедали в придорожном кафе, никуда не торопясь, словно продлевая удовольствие в предчувствии близкого окончания путешествия. Они знали, куда она направляется, и ничего не имели против, потому Клауд-Гэп был подходящим для них уединенным местом. Им казалось, что она сама облегчает их задачу, но чтобы добыть эту информацию, Абре приходилось действовать деликатно и тонко, словно проводить нейрохирургическую операцию с помощью телепатического лазера.

Правда, случился и весьма неприятный момент, когда перед мысленным взором Дэна вдруг возникли откровенно порнографические образы — какой-то групповой секс у бассейна, — но они почти сразу померкли и пропали. Он предположил, что случайно залез в подсознание Абры, где, если верить доктору Фрейду, часто гнездятся самые грубые и примитивные наши мысли. Об этой ошибочной гипотезе ему еще предстояло пожалеть, но Дэн ни в чем себя не винил: он научился не влезать в самые интимные помыслы других людей.

Дэн вел поезд одной рукой, другая лежала на потрепанном плюшевом кролике, которого он держал на коленях. Густой лес, начинавший полыхать осенними красками, тянулся по обеим сторонам узкоколейки. Справа от Дэна, на так называемом кондукторском месте, не умолкал Дэйв, рассказывавший дочери семейные анекдоты и невзначай вытащивший из шкафа по меньшей мере один скелет.

— Когда вчера утром позвонила твоя мама, то сообщила мне, что в подвальном складе у Момо хранится сундук. Он помечен именем Алессандра. Ты же знаешь, кто это?

— Да. Бабушка Сэнди, — ответил Дэн. Господи, даже его голос звучал выше и моложе.

— Совершенно верно. Но есть нечто, чего ты скорее всего *не знаешь*, и если это так, я тебе ни о чем не рассказывал, идет?

— Договорились.

Дэн почувствовал, как в нескольких милях отсюда губы Абры скривились в улыбке. Перед ней лежали буквы из скрэббла: С П О Р Д Л А.

— Твоя бабуля Сэнди училась в университете штата Нью-Йорк в Олбани. А практику проходила учительницей в какой-то

школе. То ли в Вермонте, то ли в Массачусетсе, то ли в Нью-Гэмпшире. Я не помню. Но не прошло и половины из восьми недель, как она вдруг почему-то бросила учебу. Хотя какое-то время еще прожила в том же месте. Вероятно, перебиваясь случайными заработками. Вроде официантки. А уж как она любила концерты и всевозможные вечеринки! Она, что называется...

5

(*любила повеселиться*)

Это заставило Абру подумать о трех сексуальных маньяках у бассейна, кривлявшихся под замшелую мелодию диско. Фу! До чего же странными могли быть представления людей о том, что такое «повеселиться».

— Абра? — Голос миссис Дин. — Твой ход, солнышко.

Если это затянется, у нее случится нервный срыв. Насколько легче было бы ей сейчас одной дома, чтобы никто не беспокоил. Она попыталась предложить такой вариант отцу, но тот и слушать не захотел. Пусть даже под охраной мистера Фримана.

Она использовала уже лежавшую на доске букву Л, чтобы получилось слово «ДОЛЛАР».

— Так я и знала! Вот уж спасибо, подруга! Испортила мое слово, — сказала Эмма. Она придвинула доску к себе и стала изучать ее с таким напряженным вниманием, словно готовилась к выпускному экзамену. Это продлится минут пять, не меньше. А то и все десять. После чего Эмма выложит что-нибудь совсем простенькое — типа «ЛАМА» или «ДОЛГ».

Абра вернулась в «Рив». Рассказ отца заинтересовал ее, хотя она знала обо всем этом куда больше, чем он догадывался.

(*Абби? Ты меня*)

6

— Абби? Ты меня слушаешь?

— Конечно, — ответил Дэн. *Мне просто пришлось ненадолго отвлечься, чтобы сделать ход в игре.* — Это очень занятно.

— Так вот. Момо тогда жила на Манхэттене, и когда Алессандра навестила ее в июне, то была беременна.

— Мамой?

— Именно так, Абба-Ду.

— Значит, мама — *внебрачный ребенок*?

Она изобразила чрезвычайное удивление и, возможно, немного переиграла. Дэн, находившийся в странной позиции человека, одновременно участвовавшего в разговоре и подслушивавшего его, осознал нечто показавшееся ему трогательным и умилительно-комичным: Абра прекрасно знала, что ее мать родилась вне брака. Люси сама рассказала ей об этом около года назад. И сейчас Абра, как это ни странно, защищала неведение своего отца.

— Так и есть, милая. Но ведь это не преступление. Просто некоторые люди... Я даже не знаю, как сказать... Не понимают этого. У любого семейного древа бывают весьма необычные ответвления. И я не вижу причин скрывать это от тебя.

— Бабушка Сэнди погибла через пару месяцев после рождения мамы, так? В автомобильной аварии?

— Да. В тот день Момо сидела с Люси. Закончилось тем, что она ее и вырастила. Вот почему они всегда были очень близки, а твоя мама так огорчилась, когда Момо состарилась и начала сильно болеть.

— А кто тот мужчина, от которого забеременела бабушка Сэнди? Она рассказывала о нем?

— Это интересный вопрос, — ответил Дэйв. — Если Алессандра и призналась в этом Момо, та сохранила секрет. — Он вытянул руку. — Смотри, милая, мы почти приехали!

Они проехали указатель «КЛАУД-ГЭП, ЗОНА ОТДЫХА, 2 МИЛИ».

7

Команда Ворона остановилась в Эннистоне, чтобы заправить «виннебаго», но сделала это в самом начале Мейн-стрит, то есть по меньшей мере в миле от Ричлэнд-Корта. Когда они покидали город — за рулем сидела Змеючка, а DVD-проигрыва-

тель показывал эпос под названием «Общество ненасытных сестер», — Барри подозвал Джимми Счетовода.

— Вам, ребята, надо бы немного ускориться, — сказал Барри. — Они почти у цели. Место называется Клауд-Гэп. Я это говорил?

— Да, успокойся. — Джимми чуть было не похлопал Барри по руке, но вовремя спохватился.

— В считанные минуты они приступят к пикнику. Вот в этот момент вам и нужно их брать. Когда они будут есть.

— Мы так и поступим, — пообещал Джимми. — И как раз вовремя, чтобы добыть немного пара для тебя. Роуз не станет возражать.

— Не станет, — кивнул Барри, — но для меня уже слишком поздно. А вот для вас еще нет.

— О чем ты?

— Взгляни на свои руки.

Джимми опустил глаза и заметил первые пятна, расцветшие на мягкой белой коже под локтями. Красная смерть. От этого зрелища у него моментально пересохло во рту.

— О Боже, вот мне и конец, — простонал Барри, и внезапно его одежда опала, потому что тела в ней больше не было.

Джимми увидел, как он сглотнул... а потом его горло исчезло.

— Подвинься, — сказал Орех. — Пусти меня к нему.

— Допустим, пущу. И что ты сделаешь? Он же готов.

Джимми перебрался в переднюю часть кемпера и опустился на пассажирское сиденье, освобожденное Вороном.

— Поезжай по дороге четырнадцать А в объезд Фрейзера, — сказал он. — Так будет быстрее, чем через город. Ты выскочишь на Сако-Ривер-роуд....

Змеючка постучала пальцем по GPS-навигатору.

— У меня все запрограммировано. Думаешь, я слепая или тупая?

Но Джимми ее не слышал. Он знал только одно: ему никак нельзя умирать. Он слишком молод для смерти. Ведь назревала настоящая компьютерная революция. Он подумал о выпадении из цикла, о нестерпимой муке возвращений...

Нет. *Нет*. Это исключено. Совершенно невозможно.

Лучи вечернего солнца били в широкое лобовое стекло «винн-небаго». Красивый осенний закат. Осень вообще была любимым временем года Джимми, и он твердо намеревался остаться в живых и продолжать странствовать с Узлом и следующей осенью тоже. И следующей. И той, что придет потом. К счастью, он попал в нужную компанию. Папаша Ворон был смел, изобретателен и хитер. Истинным не раз случалось решать сложные задачи и прежде. Ворон проведет их через это испытание.

— Должен быть указатель на зону отдыха Клауд-Гэп. Не пропусти его. Барри говорит, они уже почти на месте.

— Джимми! У меня от тебя только голова разболелась! — рявкнула Змеючка. — Пойди отдохни. Мы там будем через час или даже меньше.

— Так поднажми, — сказал Джимми Счетовод.

Змеючка Энди усмехнулась и послушалась.

Они только-только выехали на Сако-Ривер-роуд, когда Барри Китаец выпал из цикла окончательно, оставив после себя пустую одежду. Еще теплую от сжегшей его лихорадки.

8

(*Барри мертв*)

Когда эта мысль Абры достигла Дэна, в ней не было ни малейшего испуга. Ни грана сочувствия. Только удовлетворение. Внешне Абра Стоун могла выглядеть обычной американской девочкой. Чуть симпатичнее одних, чуть умнее других (то есть большинства), но под поверхностью — причем не так уж далеко — пряталась молодая воительница с неистовой кровожадной душой. Дэн даже пожалел, что у нее нет братьев и сестер. Вот кого она готова была бы защищать даже ценой собственной жизни.

Он переключил двигатель на самую низкую передачу, когда состав вынырнул из леса и сбоку потянулся огороженный обрыв. Внизу в лучах закатного солнца воды Сако отливали чистейшим золотом. Крутые берега, поросшие деревьями, переливались отсветами оранжевого, красного, желтого и пурпурного пламени. Пушистые облака, медленно проплывавшие над головой, казалось, можно было потрогать.

Дэн остановил поезд у знака с надписью «СТАНЦИЯ КЛАУД-ГЭП» и выключил двигатель. Мгновение колебался, что теперь сказать, но Абра перехватила инициативу.

— Спасибо, что позволил мне управлять поездом, папа. А теперь давай устроим разбой. — Она только что выложила это слово в комнате у Динов. — То есть, я хотела сказать, пикник.

— Не могу поверить, что ты все еще голодна. Всю дорогу что-то жевала, — поддразнил ее отец.

— Но мне на самом деле хочется есть. Разве ты не рад, что у меня нет анорексии?

— Конечно же, рад, милая.

Краем глаза Дэн заметил, как Джон Долтон пересек поляну для пикников, низко опустив голову и бесшумно ступая по усыпанной сосновой хвоей земле. В одной руке он нес пистолет, в другой — винтовку Билли Фримана. Стоянку для автомобилей окружали деревья; быстро оглядевшись по сторонам, Джон скрылся за ними. Летом, в разгар сезона, автостоянка и столы для пикника непременно оказались бы забиты под завязку. Но в предвечерний час рабочего дня в конце сентября здесь не было никого, кроме них самих.

Дэйв посмотрел на Дэна. Дэн кивнул. И отец Абры — агностик по убеждениям, католик по семейным обстоятельствам — перекрестил воздух, а потом последовал за Джоном.

— Здесь так красиво, папа, — сказал Дэн. Его невидимая пассажирка разговаривала теперь с Попрыгунчиком, потому что, кроме старого кролика, больше никого не осталось.

Дэн усадил потертую одноглазую комковатую игрушку на один из столов, а потом вернулся к первому пассажирскому вагону за плетеной корзинкой для пикника.

— Все в порядке, — сказал он пустой поляне. — Я смогу сама донести ее, папа.

9

В комнате отдыха Динов Абра отодвинула назад свой стул и встала.

— Мне опять понадобилось в ванную. У меня что-то прихватило желудок. А потом, думаю, мне лучше будет пойти домой.

Эмма возмущенно закатила глаза, но миссис Дин преисполнилась сочувствием.

— О, милая, у тебя начались эти дела, так ведь?

— Да, и как-то неожиданно.

— У тебя есть все необходимое?

— В рюкзаке. Все в порядке. Извините меня.

— Ну конечно, — съязвила Эмма. — Уходи, пока выигрываешь. Ловко, ничего не скажешь.

— *Эмма!* — прикрикнула на нее мать.

— Ничего, миссис Дин. Мы квиты. Она выиграла у меня в мяч.

Абра поднялась наверх, приложив руку к животу, как она надеялась, не слишком наигранно. Выглянув наружу, снова увидела пикап мистера Фримана, но не стала терять времени на обмен жестами. Запершись в ванной, села на закрытую крышку унитаза. Какое облегчение, что не нужно играть несколько ролей сразу! Барри был мертв, Эмма с мамой сидит внизу, и теперь осталось всего две Абры: одна в этой ванной комнате и вторая в Клауд-Гэпе. Она закрыла глаза.

(*Дэн*)

(*я здесь*)

(*тебе больше не нужно притворяться мной*)

Она ощутила его облегчение и улыбнулась. Дядя Дэн старался изо всех сил, но он не был создан для девичьих ролей.

В дверь тихо и робко постучали.

— Эй, подруга! — Это была Эмма. — Ты в норме? Прости, что нагрубила.

— Ничего, но я все равно отправлюсь домой. Приму таблетку мотрина и лягу.

— А я думала, ты останешься у нас на ночь.

— Спасибо, все будет в порядке.

— Но разве твой отец не уехал?

— Я запру все двери, пока он не вернется.

— Ладно... Хочешь, я пойду к тебе?

— Нет, не стоит.

Ей хотелось быть одной, чтобы не скрывать торжества, когда Дэн, ее папа и доктор Джон разделаются с теми *тварями*.

А они непременно с ними разберутся. Теперь, после смерти Барри, остальные все равно что ослепли. Ничто не могло помешать свершиться справедливости.

10

Не было даже легкого ветерка, чтобы шуршать сухими листьями, и когда Дэн выключил двигатель «Рив», на поляне для пикников воцарилась почти полная тишина. Только приглушенное журчание речной воды внизу, крики ворон и шум приближающегося мотора. Они. Те, кого прислала женщина в шляпе. Роуз. Дэн открыл крышку корзины и взялся за рукоятку «Глока-22», которым снабдил его Билли. Где и как он раздобыл оружие, Дэн не знал и знать не хотел. Его волновало только то, что пистолет мог выпустить пятнадцать пуль без перезарядки. А если пятнадцати окажется мало, значит, у него будут большие неприятности. Перед внутренним взором Дэна возник призрачный образ отца. Джек Торранс улыбался своей обаятельной кривой улыбкой и словно говорил: *Если это не сработает, то уж и не знаю, что тебе посоветовать.* Дэн посмотрел на старую плюшевую игрушку Абры.

— Ты готов, Попрыгунчик? Надеюсь, что да. Надеюсь, мы оба с тобой готовы.

11

Билли Фриман низко пригнулся за рулем своего пикапа, но мгновенно встрепенулся, как только Абра вышла из дома Динов. Ее подруга Эмма осталась стоять в дверях. Девочки попрощались, хлопнув друг друга по ладони. Абра направилась к своему дому, стоявшему чуть дальше на другой стороне улицы. Этого *в плане не было*, и когда девочка бросила взгляд в сторону Билли, он вопросительно поднял руки.

Абра улыбнулась и снова показала ему большой палец. Она считала, что все в полном порядке, это Билли понял сразу и четко, но все же встревожился при виде девочки, разгули-

вавшей по улице в полном одиночестве, пусть эти уроды и находились в двадцати милях к югу отсюда. Она обладала огромной мощью и, вероятно, знала, что делала, но все-таки ей всего тринадцать.

Наблюдая, как она с рюкзаком через плечо идет к двери своего дома, стараясь нащупать в кармане ключ, Билли склонился и нажал кнопку бардачка. Там лежал его собственный «глок». Оружие он одолжил на время у старого знакомого — почетного члена «Дорожных святых» Нью-Гэмпшира. В молодые годы Билли частенько разъезжал с ними по округе, но полноправным байкером так и не стал. В общем и целом его это устраивало, хотя соблазн в свое время был велик. Чувство товарищества, плечо друга. Как он подозревал, именно это испытывали по отношению к алкоголю Дэн и Джон.

Абра проскользнула в дом и закрыла дверь. Билли не достал из бардачка ни оружие, ни телефон, но и крышку не захлопнул. Он не знал, было ли это то, что Дэнни называл сиянием, но его мучило дурное предчувствие. Абре следовало остаться у подруги.

Ей следовало держаться намеченного плана.

12

Они разъезжают на кемперах и «виннебаго», сказала Абра, и именно «виннебаго» остановился сейчас на стоянке, где заканчивалась дорога к Клауд-Гэпу. Дэн сидел и наблюдал, опустив руку в корзину для пикника. Сейчас, когда наступил решающий момент, он чувствовал себя достаточно спокойно. Он развернул корзину так, чтобы одним концом она смотрела в сторону только что прибывшего кемпера, и большим пальцем снял «глок» с предохранителя. Дверь «виннебаго» открылась, и предполагаемые похитители Абры высыпали наружу.

Еще она говорила, что все они носили странные имена, похожие на пиратские клички, но сейчас Дэн видел перед собой вполне нормальных людей. Мужчины в возрасте, из тех, что обычно видишь за рулем кемперов, и симпатичная молодая женщина, напомнившая Дэну чирлидеров, которые умудрялись

сохранять отличную фигуру и через десять лет после окончания школы, родив парочку детишек. Она вполне могла быть дочерью одного из приехавших вместе с ней мужчин. На мгновение Дэн засомневался. В конце концов, они находились в популярном туристическом месте, а сезон любителей осенних пейзажей в Новой Англии начинался со дня на день. Он надеялся, что Джон и Дэвид не откроют беспорядочную стрельбу, — будет ужасно, если жертвами станут ни в чем не повинные...

Но затем он заметил оскалившую ядовитые зубы гремучую змею на левой руке женщины и шприц в правой. Шедший рядом с ней мужчина тоже держал шприц. А у того, кто возглавлял группу, за поясом виднелся предмет, очень похожий на пистолет. Они остановились сразу за березовыми столбами, отмечавшими вход на поляну для пикника. Главарь окончательно развеял все сомнения Дэна, вытащив пистолет. Для обычного оружия он был слишком тонким.

— Где девчонка?

Той рукой, что не скрывалась в глубине корзины, Дэн показал на кролика Попрыгунчика:

— Он за нее. А ближе к ней вам все равно никогда не подобраться.

Мужчина, сжимавший в руке странный пистолет, был невысокого роста, с крупными залысинами и рыхловатым лицом бухгалтера. Над ремнем нависал приличных размеров живот. Одет он был в слаксы и футболку с надписью «ВРЕМЯ, ПРОВЕДЕННОЕ НА РЫБАЛКЕ, БОГ ВЫЧИТАЕТ ИЗ ЖИЗНИ».

— Могу я задать тебе вопрос, дорогуша? — спросила женщина.

Дэн удивленно вскинул брови.

— Конечно.

— Разве ты не устал? Разве тебе не хочется спать?

А ведь и в самом деле. Его веки моментально отяжелели, словно к ним привесили гирьки. Рука, сжимавшая пистолет, начала расслабляться. Еще секунда-другая, и он бы захрапел, опустив голову на изрезанную инициалами поверхность стола, но в этот момент раздался оглушительный крик Абры.

(*ГДЕ ВОРОН? Я НЕ ВИЖУ ВОРОНА!*)

13

Дэн дернулся, как засыпавший уже человек, которого внезапно напугали. Рука в корзине сжалась, «глок» выстрелил, выбив облачко осколков ивовых прутьев. Пуля никого не задела, но люди из «виннебаго» отскочили в разные стороны. Иллюзия сонливости мгновенно развеялась. Женщина со змеей и седой мужчина подались назад, зато вперед бросился тот, кто держал в руке странный пистолет.

— *Взять его! Взять его!* — кричал он.

— Получите, уроды! — заорал Дэйв Стоун. Он вышел из-за деревьев и открыл стрельбу. Большинство пуль ушло в сторону, но одна угодила Грецкому Ореху точно в шею, и врач Истинных повалился на сосновую хвою, выронив шприц.

14

Роль лидера Истинного Узла накладывала огромную ответственность, но имела свои преимущества — такие как гигантский «эрскрузер» Роуз, привезенный из Австралии за баснословную сумму, а потом переоборудованный для правостороннего движения. Другим преимуществом была возможность в любое время единолично занять всю женскую душевую кемпинга «Колокольчик». После нескольких месяцев, проведенных в дороге, ничто не доставляло такого удовольствия, как долгое пребывание под горячими струями в огромном, отделанном кафелем помещении, где можно было не только вытянуть руки в стороны, но и при желании потанцевать. И горячая вода не кончалась через четыре минуты.

Роуз особенно нравилось выключать свет и мыться в полной темноте. Она давно обнаружила, что так ей лучше думается, и именно по этой причине пошла в душ сразу после тревожного звонка по мобильному телефону, на который ответила около часа дня по горному времени. Она по-прежнему считала, что все идет нормально, но в ее мыслях стали проклевываться ростки сомнений, как сорняки-одуванчики на

прежде идеальной зеленой лужайке. Если девчонка оказалась еще хитрее, чем они ожидали, или у нее появились помощники...

Нет. Операция не могла сорваться. Бесспорно, она «парилка», и лучшая из всех, — но все же она ребенок. Ребенок *лохов*. В любом случае сейчас Роуз оставалось лишь ждать развития событий.

После пятнадцати минут освежающего душа она вышла из кабинки, вытерлась, завернулась в махровую банную простыню и направилась к своему кемперу, держа одежду в руках. Коротышка Эдди и Большая Мо наводили порядок рядом с мангалом после очередного великолепного обеда. Не их вина, что никому не хотелось есть, — еще у двоих Истинных появились эти проклятые красные пятна. Эдди и Мо помахали Роуз, и она как раз собиралась поднять руку, чтобы ответить на приветствие, когда у нее в голове словно взорвалась связка динамитных шашек. Она растянулась на земле, брюки и блузка выпали из рук, простыня развернулась.

Но Роуз ничего не замечала. Что-то случилось с участниками группы захвата. Как только в голове немного прояснилось, она принялась обшаривать карманы брюк в поисках своего сотового телефона. Никогда прежде она так сильно (и горько) не сожалела о том, что Папаша Ворон не обладал способностью принимать и посылать телепатические сигналы на большие расстояния. За редкими исключениями вроде самой Роуз этот дар почему-то доставался только лоховским «парилкам», таким как девчонка из Нью-Гэмпшира.

Эдди и Мо бежали к ней. За ними уже следовали Долговязый Пол, Тихоня Сари, Чарли Жетон и Сэм Арфа. Роуз нажала кнопку быстрого вызова. В тысяче миль от кемпинга телефон Ворона издал короткий гудок.

«Привет! Вы дозвонились до Генри Ротмана. Я не могу сейчас ответить на вызов, но если вы оставите краткое сообщение и номер своего...»

Хренов автоответчик! Это значило, что его телефон либо отключен, либо находится вне зоны действия сети. Роуз полагала, что второй вариант более вероятен. Стоя голой на коленях

в грязи, с пятками, впившимися в тыльную сторону бедер, Роуз ладонью с силой хлопнула себя по лбу.

Ворон, где же ты? Что ты делаешь? Что происходит?

15

Мужчина в слаксах и футболке выстрелил из своего странного пистолета в сторону Дэна. Раздалось шипение сжатого воздуха, и внезапно в спину Попрыгунчика вонзился дротик. Дэн вытащил из полуразвалившейся корзины «глок» и тоже выстрелил. На этот раз выпущенная им пуля попала «рыбаку» в грудь, и он, захрипев, повалился назад. Капли крови брызнули у него из спины.

Последней осталась Энди Штайнер. Она повернулась, заметила, что Дэйв Стоун растерянно замер на месте, и бросилась на него, зажав шприц в кулаке словно кинжал. Ее конский хвост раскачивался как маятник. Она громко кричала. Для Дэна ход событий будто замедлился, и все обрело ясность и четкость. Он заметил защитный пластиковый колпачок на игле шприца в руке женщины и успел подумать: *Что за нелепые клоуны?* Конечно, клоунами они отнюдь не были. Они были хищниками, добыча которых никогда прежде не сопротивлялась. И неудивительно, ведь они обычно нападали на ничего не подозревавших детей.

Дэйв лишь смотрел на безумную гарпию, летевшую на него. Вероятно, в его пистолете не осталось патронов — он выпустил всю обойму. Дэн поднял оружие, но стрелять не осмелился. Слишком велик был риск попасть не в татуированную женщину, а в отца Абры.

В этот момент из зарослей выбежал Джон, врезавшийся в спину Дэйву и буквально толкнувший его навстречу нападавшей. Ее крики (ярости? отчаяния?) вырвались из груди бурным выдохом и заглохли. Женщина и Дэйв упали. Шприц отлетел в сторону. Женщина поднялась на четвереньки, чтобы добраться до него, но Джон ударил ее в голову прикладом охотничьей винтовки Билли. Ударил в полную силу, какую придает человеку выброс адреналина в кровь. Раздался хруст сломанной че-

люсти. Лицо женщины перекосило влево, один глаз выпучился и уставился в никуда. Она опрокинулась навзничь и распласталась на спине. Ручейки крови показались из углов рта. Ее кулаки спазматически сжимались и разжимались, сжимались и разжимались.

Джон выронил винтовку и повернулся к Дэну с совершенно потрясенным видом.

— Я вовсе не хотел бить ее так сильно! Но Боже, я был *так напуган*!

— Лучше посмотри на того, с вьющимися волосами, — сказал Дэн. Он поднялся на ноги, которые казались странно длинными и непослушными. — Посмотри на него, Джон.

Джон посмотрел. Грецкий Орех лежал в луже крови, рукой пытаясь зажать простреленное горло. Он выпадал из цикла. Одежда на нем опала, потом снова раздулась. Кровь, струившаяся между пальцами, исчезла, затем потекла снова. То же самое происходило с самими пальцами. Мужчина напоминал безумный рентгеновский снимок.

Джон невольно отшатнулся назад, зажав ладонями рот и нос. Дэна по-прежнему не оставляло ощущение, что все происходит в замедленном темпе и с необычайной четкостью. Он увидел, как пропадают и появляются кровь и клочья светлых волос женщины на прикладе «ремингтона». Ему вспомнилось, как безумно мотался из стороны в сторону ее конский хвост, когда она

(*Дэн где Ворон ГДЕ ВОРОН???*)

мчалась на Дэйва. Абра говорила, что Барри выпадал из цикла. Теперь Дэн понял, что это означало.

— Тот, в футболке рыболова... С ним происходит то же самое, — сказал Дэйв Стоун. Его голос уже почти не дрожал, и Дэн решил, что теперь ясно, откуда у Абры столь жесткий характер. Но сейчас у него не было времени на подобные размышления. Абра уже во второй раз напомнила, что они еще не разделались со всей группой.

Дэн кинулся к «виннебаго». Дверь стояла открытой. Взбежав по ступенькам, он упал на покрытый ковром пол, ухитрившись при этом так удариться головой о ножку обеденного стола, что из глаз посыпались искры. *Почему ничего подобного никогда не*

происходит в кино? — успел подумать он и резко перевернулся, ожидая, что в него сейчас выстрелит, или врежется, или воткнет шприц тот, кто остался в тылу, обеспечивая прикрытие. Тот, кого Абра называла Вороном. В конце концов, они же не могли действительно проявить такую глупость и легкомыслие?

Но «виннебаго» был пуст.

По крайней мере *на первый взгляд.*

Дэн поднялся и прошел через крошечную кухню. Миновал откидную койку с мятым бельем, на которой недавно кто-то лежал. Мимоходом отметил, что кемпер провонял чем-то на редкость омерзительным, хотя кондиционер работал на полную мощность. Был здесь и стенной шкаф, но за открытой дверью виднелась только одежда. Дэн наклонился — никого. Добравшись до конца «виннебаго», он уперся в дверь туалета.

Опять как в кино, подумал Дэн и распахнул дверь, одновременно пригнувшись. Никого. И неудивительно. Если бы кто-то спрятался внутри, он был бы уже мертв. Задохнулся бы от зловония.

(*может здесь в самом деле кто-то умер может этот самый Ворон*)

Абра вернулась напуганная, посылая мощные сигналы, которые заглушали собственные мысли Дэна.

(*нет там умер только Барри ГДЕ ВОРОН НАЙДИТЕ ВОРОНА*)

Дэн вышел наружу. От мужчин, приехавших, чтобы похитить Абру, не осталось и следа — только одежда. Женщина — та, которая пыталась усыпить его, — еще жила, но и ей оставалось недолго. Она доползла до стола, на котором стояла поврежденная корзина для пикника, и теперь полулежала, опершись на скамью, обратив к Дэну, Джону и Дэйву свое перекошенное лицо. Вытекшая из носа и рта кровь напоминала испанскую бородку. Перед блузки стал ярко-алым. Когда Дэн приблизился, кожа на ее лице растаяла, а одежда опала, словно под ней остался только скелет. Не поддерживаемые больше плечами бретельки бюстгальтера повисли кольцами. Из мягких тканей остались только глаза, следившие за Дэном. Затем кожа возникла вновь, а под одеждой обозначились очертания плоти. Упавшие лямки бюстгальтера впились в плечи, причем левая перетянула змеиную пасть, словно заткнув ее и лишив возможности кусать,

Кости пальцев, которыми женщина придерживала сломанную челюсть, превратились в нормальную руку.

— Вы нас кинули, — неразборчиво выговорила Змеючка Энди. — Угодить в лоховскую ловушку! Поверить не могу!

Дэн указал на Дэйва.

— Вот этот лох — отец девочки, которую вы собирались похитить. Если интересно.

Змеючка сумела ухмыльнуться. Ее зубы тоже покрывала кровь.

— Думаешь, мне есть до этого дело? Для меня он всего лишь еще один козел с членом. Вы все одинаковы. Даже папа римский. Готовы сунуть свой хер куда попало. Ненавижу *мужчин*. Вам ведь непременно нужно победить, так ведь? Непременно...

— Где еще один? Где Ворон?

Энди закашлялась. В уголках рта показались кровавые пузыри. Когда-то она потерялась, а потом нашлась. Ее нашла в затемненном зале кинотеатра богиня с грозовой тучей черных волос. И сейчас, умирая, она бы не хотела ничего изменить. Годы со времени правления бывшего актера и вплоть до появления в Белом доме первого чернокожего президента стали лучшими в ее жизни, а та единственная ночь с Роуз, поистине магическая ночь, — самым запоминающимся событием. Энди радостно улыбнулась этому высокому красавчику. Было больно, но она справилась.

— Ворон? Он сейчас в Рино. Трахает лоховских стриптизерш.

Она снова начала исчезать. Дэн расслышал шепот Джона Долтона:

— О мой Бог! Только посмотрите на это. У нее мозговое кровотечение, и я его вижу.

Дэн подождал, не вернется ли женщина еще раз. В конце концов она вернулась, громко застонав сквозь стиснутые зубы. Похоже, выпадение из цикла было гораздо более болезненным, чем приведший к нему удар, но Дэн подумал, что может это исправить. Он убрал руку женщины, которой та поддерживала сломанную челюсть, и ухватился за нее. Почувствовал движение костей черепа, словно тянул за осколок разбитой и склеенной скотчем вазы. Теперь женщина уже не стонала, а громко крича-

ла, делая слабые попытки оттолкнуть Дэна, который не обратил на них никакого внимания.

— *Где Ворон?*

— *В Эннистоне!* — выкрикнула Змеючка Энди. — *Он сошел в Эннистоне! Пожалуйста, не причиняй мне боль, папочка! Умоляю, не надо. Я сделаю все, что ты пожелаешь!*

Дэн вспомнил рассказ Абры о том, что эти монстры творили с Брэдли Тревором в Айове, как пытали его и еще бог знает скольких детей, и почувствовал почти неудержимое желание взять и вообще оторвать этой суке всю нижнюю часть лица. А потом бить по голове ее же челюстью, пока она не растворится окончательно.

Но затем — как ни абсурдно это было, учитывая обстоятельства, — ему на память пришел мальчуган в футболке «Брейвз», тянувшийся к горке кокаина на глянцевой обложке журнала. *Саха,* сказал он. Эта женщина не имела с тем ребенком ничего общего. *Ничего!* Вот только повторять себе это оказалось бесполезно. Гнев Дэна внезапно ушел, оставив ощущение пустоты и слабости.

Не делай мне больно, папочка!

Он поднялся, вытер пальцы о рубашку и, ничего вокруг не замечая, направился к поезду.

(*Абра ты здесь*)

(*да*)

Уже без прежней паники. Хорошо.

(*нужно чтобы мама твоей подруги вызвала полицию и сообщила им что тебе угрожает опасность Ворон в Эннистоне*)

Дэну совсем не хотелось вмешивать полицейских в сверхъестественное по сути своей дело, но сейчас он не видел другого выхода.

(*но я не*)

Прежде чем она смогла закончить фразу, ее мысль заглушил мощный, исполненный женской ярости крик.

(АХ ТЫ, МАЛЕНЬКАЯ СУЧКА)

Внезапно женщина в шляпе вновь оказалась в голове Дэна, но только уже не во сне, а наяву: невероятно красивое обнажен-

ное создание с мокрыми волосами, пряди которых рассыпались по плечам словно щупальца Медузы. А затем ее рот открылся, и от красоты не осталось и следа. Теперь он видел лишь зияющее темное отверстие с единственным острым бесцветным зубом. Почти клыком.

(ЧТО ВЫ НАДЕЛАЛИ!)

Дэн пошатнулся, и ему пришлось опереться о стенку первого пассажирского вагона, чтобы сохранить равновесие. Мир внутри его головы перевернулся. Женщина в цилиндре пропала, и внезапно он оказался в окружении толпы людей с озабоченными лицами, и каждый спрашивал, все ли с ним в порядке.

Он вспомнил рассказ Абры, как перевернулся мир в тот день, когда она заметила снимок Брэдли Тревора в «Эннистон шопер»; как совершенно неожиданно оказалось, что она смотрит на все глазами женщины в шляпе, а та завладела ее взором. Теперь он понял. Это случилось снова, только на этот раз Абра захватила его с собой.

Роуз лежала на земле. Он заметил широкую полосу предвечернего неба. А окружавшие люди были, несомненно, членами ее банды детоубийц. Это видела Абра.

Однако оставался вопрос: что видела *Роуз*?

16

Змеючка выбивалась из цикла, но потом упрямо возвращалась. Было *больно*. В очередной раз придя в себя, она увидела мужчину, сидевшего рядом на коленях.

— Могу я чем-то вам помочь? — спросил Джон. — Я врач.

Несмотря на боль, Змеючка расхохоталась. Этот врач был одним из тех, кто только что убил доктора Истинных. И теперь он предлагал ей помощь. Гиппократ, наверное, в гробу перевернулся!

— Пусти мне пулю в лоб, придурок.

Подошел урод, прикончивший Грецкого Ореха, и встал рядом с доктором.

— Вы это заслужили, — сказал Дэйв. — Неужели вы думали, что я позволю вам выкрасть мою дочь? Пытать ее и убить, как того несчастного мальчика из Айовы?

Так им и об этом известно? Откуда же? Впрочем, теперь это не имело значения. По крайней мере для Энди.

— Вы режете свиней, коров, овец. Чем мы хуже?

— По моему скромному мнению, убийство человека — это далеко не то же самое, — заметил Джон. — Можете назвать меня сентиментальным глупцом.

Рот Змеючки был наполнен кровью и еще какими-то липкими обломками. Вероятно, зубами. Но и это уже не имело никакого значения. В конечном счете судьба, возможно, окажется более милостива к ней, чем к Барри. Все будет намного быстрее. Но одну мысль она все же хотела донести до них. Сделать так, чтобы они поняли.

— Настоящие люди — *это мы*, — выдавила она. — А вы — так... лохи.

Дэйв улыбнулся, но взгляд был жестким.

— И тем не менее это вы сейчас валяетесь на земле с грязью в волосах и кровью на одежде. Надеюсь, в аду вам понравится..

Змеючка почувствовала приближение очередного цикла: если повезет, последнего, — но пока цеплялась за свое тело.

— Вам никогда не понять того, что случилось со мной. Какой я была прежде. Или каково это — быть одним из нас. Нас осталось мало, и мы больны. У нас эпидемия...

— Я знаю, что у вас такое, — сказал Дэйв. — Простая корь. Что может быть глупее! От души надеюсь, что она вывернет ваш треклятый Узел наизнанку и сгноит.

— Мы не выбирали, какими стать, как и вы сами, — сказала Энди. — На нашем месте вы делали бы то же самое.

Джон медленно покачал головой:

— Ни за что. *Никогда*.

Змеючка снова начала выпадать. Но она успела произнести еще четыре слова:

— *Проклятые мужчины!* — И последним выдохом из растворявшегося рта: — *Проклятые лохи.*

После этого она исчезла окончательно.

17

Дэн подошел к Джону и Дэйву медленно и осторожно, опираясь руками на столы, чтобы не упасть. Сам того не замечая, он нес с собой старого кролика Абры. В голове прояснилось, но это оказалось сомнительным благом. Потому что сразу возникли проблемы.

— Нам надо возвращаться в Эннистон как можно быстрее. Я не могу достучаться до Билли. Я чувствовал его совсем недавно, а теперь он пропал.

— А Абра? — спросил Дэйв. — Что с Аброй?

Дэн не хотел смотреть на него — на лице Дэйва читался откровенный испуг, — но он себя заставил.

— Она тоже пропала. Как и женщина в шляпе. Они обе исчезли.

— И это значит?.. — Дэйв обеими руками ухватил Дэна за рубашку. — Что это значит?

— Я не знаю.

Он не лгал, и ему было страшно.

Глава 14

ВОРОН

1

Подойди ко мне, Папаша, позвал Барри Китаец. *Склонись ближе.*

Это было сразу после того, как Змеючка включила первый порнографический диск. И Ворон подсел к Барри, даже держал его за руку, пока умиравший сражался за жизнь, в очередной раз выпадая из цикла. А когда он временно вернулся...

Послушай меня. Она подсматривала, это точно. Когда порнуха только началась...

Объяснять такие вещи человеку, лишенному дара локации, оказалось сложно, тем более что объяснявший находился при смерти, но Ворон сумел уловить суть. Развратная троица у бассейна произвела на девочку необходимый шокирующий эффект, как и рассчитывала Роуз. Но шок заставил ее не только на время прервать наблюдение за ними. На несколько мгновений точки на внутреннем радаре Барри словно раздвоились. Она вроде бы оставалась на карликовом поезде вместе с отцом, направляясь к месту предполагаемого пикника, но испуг породил еще один призрачный образ, лишенный всякого смысла. В этой ипостаси она сидела на унитазе в туалете.

— Быть может, тебе привиделось какое-то ее воспоминание? — спросил Ворон. — Могло так случиться?

— Могло, — согласился Барри. — Лохи думают порой о самой странной чепухе. Скорее всего это действительно ничего не значит, но почти на минуту у нее словно образовалась сестра-близнец. Понимаешь?

Ворон не понимал, но все равно кивнул.

— И если это не воспоминание, то она, вероятно, затеяла с нами игру. Дай мне карту.

На экране ноутбука Джимми Счетовода была детальная карта Нью-Гэмпшира. Ворон перенес его на постель Барри.

— Вот где она находится. — Барри постучал пальцем по экрану. — На пути к этому их Клауд-Глену вместе с отцом.

— Гэпу, — поправил Ворон. — К Клауд-Гэпу.

— Плевать. — Барри переместил палец к северо-востоку. — А отсюда пришел призрачный сигнал.

Ворон развернул компьютер к себе и посмотрел на экран сквозь, несомненно, заразное пятно пота, посаженное пальцем Барри.

— Из Эннистона? Но ведь это ее родной город, Барри. Вероятно, там повсюду физические следы ее присутствия. Как мертвая кожа.

— Конечно. Воспоминания. Грезы наяву. Вся эта хренотень. Как я и сказал.

— И она уже пропала?

— Да, но... — Барри снова ухватил Ворона за запястье. — Если девчонка так сильна, как считает Роуз, есть вероятность, что она пытается обвести нас вокруг пальца, посылая свой голос из другого места.

— Ты когда-нибудь встречал «парилку», способную на такое?

— Нет. Но все когда-нибудь случается впервые. Я почти уверен, что она на поезде с отцом, а вот тебе предстоит решить, достаточно ли для наших целей моей почти-уверенности...

В этот момент Барри снова начал циклировать, и осмысленный разговор прервался. Теперь Ворону предстояло одному биться над сложнейшей задачей. Это была его операция, и он не сомневался, что справится с ней, но план принадлежал Роуз. Кроме того, она придавала этому делу огромное значение. Если он провалит его, расплачиваться придется долго.

Ворон проверил время. Три часа пополудни в Нью-Гэмпшире. Час дня в Сайдуайндере. В кемпинге «Колокольчик» заканчивался обед, и Роуз не могла быть слишком занята. Это и определило его дальнейшие действия. Он позвонил ей, готовый к тому, что она поднимет его на смех и назовет пугливым юнцом, но ошибся.

— Ты же понимаешь, что мы больше не можем полностью доверять суждениям Барри, — сказала она. — Но твоему чутью я верю. Что тебе подсказывает внутренний голос?

Внутренний голос не подсказывал ему ровным счетом ничего. Потому он и позвонил ей. Ворон откровенно признался в этом и стал ждать приговора.

— Я все же предоставлю тебе принять окончательное решение, — сказала Роуз. — Поступай как знаешь. Только не облажайся.

Спасибо за помощь, милая Роузи, подумал он... и от души понадеялся, что она не перехватила эту мысль.

Он сидел с телефоном руке, покачиваясь в такт движению «виннебаго», вдыхая испарения смерти, исходившие от Барри, и размышляя, когда первые красные точки появятся на руках, ногах и груди у него самого. Наконец он прошел вперед и положил руку на плечо Джимми.

— Когда въедешь в Эннистон, сделай остановку.

— Зачем?

— Я там сойду.

2

Папаша Ворон проводил глазами кемпер, отъехавший от заправки в конце Мейн-стрит Эннистона, борясь с искушением послать Змеючке мысленное сообщение (единственное, на что был способен), пока они не отъехали далеко: *Вернитесь за мной. Это было ошибкой.*

Но что, если нет?

Когда «виннебаго» скрылся из виду, Ворон посмотрел на кучку подержанных автомобилей, выставленных на продажу рядом с автомойкой, которая соседствовала с заправочной станцией. Чем бы ни закончилось дело в Эннистоне, ему понадобятся колеса, чтобы выбраться из города. В бумажнике Ворона лежало достаточно наличных для покупки любой машины, способной доставить его к заранее намеченному месту встречи на шоссе I-87 неподалеку от Олбани. Проблемой было только время. Потребуется не менее получаса на оформление сделки, но

сможет ли он позволить себе эти лишние тридцать минут? Пока он не убедится, что тревога оказалась ложной, придется импровизировать и пустить в ход все свое обаяние. Оно еще никогда его не подводило.

Но Ворон не пожалел времени, чтобы зайти в магазин при заправочной станции и купить себе бейсболку с эмблемой «Ред сокс». Когда попадаешь в штат, где все болеют за одну команду, делай вид, что ты тоже ее фанат. Он подумал было о солнцезащитных очках, но решил обойтись без них. Благодаря телевидению спортивный мужчина средних лет в темных очках теперь неизменно воспринимался некоторой частью населения Америки как наемный убийца. Хватит и бейсболки.

Он дошел по Мейн-стрит до здания городской библиотеки, рядом с которым Абра и Дэн когда-то держали свой первый военный совет. Ему не потребовалось даже наводить справки. В вестибюле стоял большой стенд с надписью «ПОЗНАКОМЬТЕСЬ С НАШИМ ГОРОДОМ» и с подробной картой, где был обозначен каждый мелкий закоулок. Ворон без труда отыскал улицу, на которой жила девочка.

— Отличная игра была вчера, верно? — спросил проходивший мимо мужчина с кипой книг в руках.

На мгновение Ворон растерялся, не понимая, о чем речь, а потом вспомнил о своей бейсболке.

— О да, великолепная игра, — ответил он, не отрывая взгляда от карты.

Убедившись, что болельщик «Сокс» удалился на достаточное расстояние, Ворон вышел из библиотеки. Кепка пригодилась, но вот желания обсуждать бейсбол он не испытывал. Тупая игра.

3

Ричлэнд-Корт — короткая улочка, застроенная типичными для Новой Англии коттеджами, — заканчивалась круговым разворотом. На выходе из библиотеки Ворон подобрал бесплатную газету «Эннистон шопер» и теперь стоял, прислонившись к

стволу удачно расположенного дуба, делая вид, что читает. Дерево служило хорошим укрытием, и это оказалось кстати, потому что поблизости был припаркован красный пикап, за рулем которого сидел какой-то мужчина. Машина выглядела сильно потрепанной, а в кузове виднелись инструменты и что-то вроде культиватора. Должно быть, водитель был местным садовником. В этой части города жили семьи, которые могли себе позволить наемную рабочую силу. Да, но почему он тогда просто торчит за рулем?

Уж *не охранник* ли это?

Теперь Ворон был доволен, что воспринял слова Барри всерьез и задержался здесь. Вопрос заключался в том, что ему предпринять? Как разобраться в ситуации? Он, конечно, мог снова позвонить Роуз, но, судя по последнему разговору, с тем же успехом мог бы проконсультироваться с магическим шаром.

Ворон все еще стоял, полускрытый стволом дуба, обдумывая следующий шаг, когда в дело вмешалось само Провидение, которое всегда помогало Истинному Узлу. Дверь одного из домов открылась, и наружу вышли девочки. Глаза у Ворона были столь же зоркие, как у его крылатого тезки, и он сразу узнал двух кандидаток, чьи фото Джимми распечатал со своего компьютера. Ту, что была в коричневой юбочке, звали Эмма Дин. Другую, в черных брюках, — Абра Стоун.

Он бросил взгляд на пикап. Водитель, мужчина в возрасте, который прежде сидел, низко склонившись к рулю, резко выпрямился. Глаза горят, хвост пистолетом. Настороже. Значит, она *действительно* пыталась обмануть их. Ворон пока не знал, которая из двух девочек была их мишенью, но не сомневался: его товарищи в «виннебаго» пошли по ложному следу.

Он достал сотовый телефон, но не стал пока набирать номер, наблюдая, как девочка в черных брюках идет наискосок через улицу. Подруга какое-то время смотрела ей вслед, а потом скрылась в доме. Девочка перешла на другую сторону Ричлэнд-Корт, и мужчина в пикапе поднял руки, словно спрашивая: что происходит? Она показала ему в ответ большой палец: *все отлично*. Чувство триумфа обожгло Ворона изнутри, как добрый стакан чистого виски. Ответ получен. «Парилкой» оказалась Абра

Стоун. Никаких сомнений. Именно к ней был приставлен охранник, старикан с отличным пикапом. Ворон преисполнился уверенности, что он и некая юная пассажирка преспокойно доберутся на этой машине до Олбани.

Он нажал кнопку быстрого вызова Змеючки, но не слишком удивился и не встревожился, когда на экране высветилась надпись «СБОЙ ВЫЗОВА». Клауд-Гэп считался красивейшим местом в округе, и никто не собирался уродовать пейзажи сотовыми вышками. Но ничего страшного. Если он сам не справится с престарелым охранником и со школьницей, то, как говорят полицейские, пора сдавать жетон. Он еще раз бросил взгляд на мобильник, а потом отключил его. В следующие двадцать минут он не собирался ни с кем беседовать, включая Роуз.

Его задание. Его ответственность.

При нем было четыре шприца: два в левом кармане куртки, два в правом. Нацепив на лицо самую обаятельную улыбку из арсенала Генри Ротмана (ту, с которой он снимал места в кемпингах или просил хозяев организовать для его товарищей интимную обстановку), Ворон вышел из-за дерева и зашагал по тротуару. В левой руке он все еще держал сложенный экземпляр «Эннистон шопер». Пальцы правой уже снимали в кармане колпачок с иглы шприца.

4

— Простите меня, сэр, но я, кажется, немного заплутал. Быть может, вы укажете мне направление?

Билли Фриман нервничал, волновался, понимал, что дело принимает нежелательный оборот, но все равно жизнерадостный голос и открытая, внушающая доверие улыбка подкупили его. Он потерял бдительность ровно на две секунды, и этого оказалось достаточно. Потянувшись к открытому бардачку, Билли почувствовал, как что-то ужалило его в шею.

Что это? Москит? — успел подумать он, а потом завалился на бок с закатившимися глазами.

Ворон открыл дверь и отодвинул водителя, голова которого стукнулась в стекло со стороны пассажирского сиденья. Обхва-

тил старика за ноги и снял их с педалей, на ходу захлопнув бардачок, чтобы крышка не мешала, потом скользнул за руль и закрыл дверь. Глубоко вздохнув, огляделся по сторонам, готовый ко всему, но реагировать оказалось не на что. Население Ричлэнд-Корт, видимо, все еще предавалось послеобеденному отдыху. Вот и славно!

Ключ торчал в замке зажигания. Ворон завел мотор, мгновенно ожило радио, разразившись песней Тоби Кейта во славу Америки и кружки хорошего пива. Когда он протянул руку, чтобы выключить радио, ужасающе яркая вспышка белого света на мгновение ослепила его. Ворон обладал более чем скромными телепатическими талантами, но был прочно связан с семьей, в некотором смысле представлявшей собой единый организм, и понял, что один из ее членов только что умер. Стало быть, Клауд-Гэп оказался не просто отвлекающим маневром. Это была гребаная засада.

Прежде чем он смог решить, что делать дальше, белая вспышка повторилась. После небольшой паузы слепящий свет возник в третий раз.

Неужели им пришел конец?

Боже милостивый, *всем трошм*? Но это же невозможно... Или он ошибался?

Он сделал глубокий вдох, потом еще один. Мысленно заставил себя смириться с тем фактом, что случилось самое страшное. Что ж, по крайней мере он знал, кого во всем винить.

Проклятую «парилку».

Он посмотрел на дом Абры. Внешне все выглядело спокойно. Хорошо, что сама судьба посылала ему предостерегающие знаки. Изначально он собирался въехать на подъездную дорожку, но теперь эта идея представлялась крайне неудачной. Он выбрался из кабины, склонился внутрь и ухватил бесчувственного старика за ворот рубашки и ремень, чтобы вновь перетащить на водительское место, затем быстро обыскал. Пистолета не нашлось. Жаль. Сейчас он не отказался бы от оружия. Хотя бы на некоторое время.

Ворон пристегнул старика ремнем, чтобы тот случайно не клюнул носом и не нажал клаксон. Потом неторопливо двинулся к дому девочки. Если бы он заметил, что она смотрит в окно,

если бы хоть одна шторка шелохнулась, Ворон бросился бы бежать, но ничего подобного не произошло.

Он по-прежнему не сомневался, что сумеет один справиться с работой, однако после трех белых вспышек эта мысль отошла на второй план. Ему хотелось сейчас одного: поскорее добраться до проклятой сучки, которая причинила им столько бед, и вытряхнуть из нее всю душу.

5

Абра словно в полусне вошла в прихожую. У Стоунов была комната для семейного отдыха, но они всегда чувствовали себя уютнее, собираясь на кухне. И она машинально отправилась туда. Там она встала, уперев руки в стол, за которым они с родителями столько раз завтракали, обедали или ужинали, и уставилась в окно над раковиной широко распахнутыми, но ничего не видящими глазами. На самом деле ее здесь не было. Она находилась в Клауд-Гэпе и наблюдала, как эти мерзкие люди выходят из своего «виннебаго»: Змеючка, Орех и Джимми Счетовод. Она узнала их клички через Барри. Но что-то было не так. Одного не хватало.

(*ГДЕ ВОРОН ДЭН Я НЕ ВИЖУ ВОРОНА!*)

Ответа не последовало, потому что Дэн, ее отец и доктор Джон были очень заняты. Они расправлялись с непрошеными гостями. По очереди. Первым погиб Грецкий Орех, которого завалил ее отец, — отличный выстрел! Потом Джимми Счетовод. И последней Змеючка. Смертельное ранение, нанесенное каждому из них, отдавалось в ее голове. Эти звуки, напоминавшие удары деревянного молотка по дубовой доске, были ужасны своей фатальностью, но не казались Абре неприятными. Потому что...

Потому что они это заслужили, убивая детей, и это был единственный способ остановить их. Но вот только...

(*Дэн, где Ворон? ГДЕ ВОРОН???*)

Теперь Дэн услышал ее. Слава Богу! Она видела «виннебаго». Дэн решил, что Ворон укрылся там, и, может, не ошибся. Но все же...

Она поспешила обратно в прихожую и выглянула в одно из окошек у входной двери. Тротуар был пуст, но пикап мистера Фримана стоял на прежнем месте. Она не могла разглядеть его лица, потому что от лобового стекла отражались солнечные лучи, но видела, что *он сидит за рулем*, а это означало полный порядок.

Вероятно.

(*Абра ты здесь?*)

Дэн. Как же хорошо было слышать его! Ей бы хотелось, чтобы сейчас он находился рядом, но и его присутствие в голове тоже действовало успокаивающе.

(*да*)

Она еще раз для порядка окинула взглядом пустой тротуар перед домом и машину мистера Фримана, потом проверила, заперла ли по возвращении домой замок, и двинулась в сторону кухни.

(*нужно чтобы мама твоей подруги вызвала полицию и сообщила им что тебе угрожает опасность Ворон в Эннистоне*)

Она замерла посреди прихожей. Ее рука принялась тереть губы. Дэн не знал, что она ушла из дома Динов. Да и откуда ему было знать? У него своих забот хватало.

(*но я не*)

Прежде чем она смогла закончить фразу, голову Абры пронзил мощный крик Розы-в-Шляпе, который смял и смел все ее мысли.

(АХ ТЫ МАЛЕНЬКАЯ СУЧКА ЧТО ВЫ НАДЕЛАЛИ!)

Знакомый коридор начал соскальзывать куда-то в сторону. В прошлый раз она была к этому готова. Сейчас ее застигли врасплох. Абра попыталась остановить происходящее, но не смогла. Ее дом исчез. Эннистон исчез. Она лежала на спине и смотрела в небо. Абра поняла, что потеря тех троих в Клауд-Гэпе в буквальном смысле сшибла Роуз с ног, и успела почувствовать злорадное удовлетворение. Она мучительно искала, чем защититься. Времени почти не осталось.

6

Тело Роуз распласталось на земле между душевыми и «Оверлук-холлом», но мыслями она целиком находилась в Нью-Гэмпшире, в голове девчонки. На этот раз никакой вооруженной копьем воительницы на белом коне. О нет! Теперь перед старушкой Роузи была лишь растерянная девчушка, а Роузи горела жаждой мести. Но убьет она мерзавку только в случае крайней необходимости. Слишком уж большую ценность представляла эта девочка, хотя Роуз непременно даст ей почувствовать на вкус то, что ожидает ее дальше. То, чего сегодня сполна вкусили товарищи Роуз. В умах лохов было столько податливых, уязвимых местечек, и уж она-то знала их все очень хоро...

(УБИРАЙСЯ СУКА ОСТАВЬ МЕНЯ В ПОКОЕ ИЛИ Я НА ХРЕН УБЬЮ ТЕБЯ!)

Перед глазами Роуз словно взорвалась светошумовая граната. Она дернулась всем телом и вскрикнула. Склонившаяся над ней Большая Мо в испуге отшатнулась. Роуз этого не заметила, она вообще никого не видела. Она снова недооценила эту девчонку. Роуз попыталась удержаться в голове поганки, но маленькая стерва постепенно выдавливала ее. Это было невероятно, это сводило с ума и пугало, но Роуз ничего не могла сделать. А потом дело и вовсе приняло скверный оборот. Она почувствовала, как помимо собственной воли тянется руками к лицу. И если бы Мо и Коротышка Эдди не удержали ее, маленькая мерзавка могла заставить Роуз выцарапать себе самой глаза.

Что ж, придется сдаться и временно отступить. Но прежде она успела кое-что заметить глазами девочки — и испытала колоссальное облегчение. Это был Папаша Ворон, державший в руке шприц.

7

Абре пришлось пустить в ход всю свою психическую силу, гораздо большую, чем понадобилась в тот день, когда она отслеживала Брэда Тревора, большую, чем она вообще когда-

либо использовала в своей жизни, но и этого едва хватило. Когда она уже начала думать, что ей не удастся изгнать женщину в шляпе из своей головы, мир вновь начал вращаться. И именно *она* вращала его, но это было сложно — как вращать гигантское каменное колесо. Небо и лица, смотревшие на нее сверху, пропали. На мгновение воцарилась полная тьма, когда она оказалась

(*между*)

в пустоте, а затем у нее перед глазами вновь возникла прихожая родного дома. Вот только у нее появилась компания. В проеме кухонной двери стоял мужчина.

Нет, не просто мужчина. Ворон.

— Привет, Абра! — сказал он, улыбнувшись, и бросился к ней.

Абру так вымотала схватка с Роуз, что она даже не попыталась мысленно оттолкнуть его. Она просто развернулась и побежала.

8

В моменты стресса Дэн Торранс и Папаша Ворон вели себя очень похоже, хотя ни тот ни другой так никогда и не узнали об этом. Вот и сейчас Ворон сразу ощутил внезапную ясность, словно события замедлились. Он успел заметить розовый резиновый браслет на левом запястье Абры и подумать, что она участвует в кампании по профилактике рака груди. Обратил внимание на рюкзак, резко сместившийся влево при ее движении вправо, и понял, что в нем полно книг. У него даже было время полюбоваться ее волосами, которые шлейфом летели за ней.

Он нагнал ее у двери, когда она пыталась открыть замок. Ворон обхватил ее левой рукой за шею и оттащил назад, почувствовав первую попытку — нерешительную и слабую — оттолкнуть его силой сознания.

Не целый шприц, это может убить ее, вряд ли она весит больше ста пятнадцати фунтов.

И Ворон сделал Абре инъекцию под ключицу, пока та извивалась в его руках. Ему не пришлось беспокоиться, что переусердствует, потеряет контроль над собой и всадит в нее слишком большую дозу, потому что она резко взмахнула левой рукой, ударила его по запястью и выбила шприц. Он упал и покатился по полу. Но Провидение любит Истинных. Ворон успел вколоть ей нужное количество наркотика. Он почувствовал, как ее мысленная хватка сначала ослабела, а потом сошла на нет. Ее руки обмякли. Она смотрела на него потрясенными бессмысленными глазами.

Ворон потрепал ее по плечу.

— А теперь мы поедем кататься, Абра. Ты познакомишься со многими новыми и очень интересными людьми.

Невероятно, но девочка сумела улыбнуться. Улыбка была пугающая, особенно для столь юного существа.

— Те монстры, которых ты называл своими друзьями, мертвы. С ними разде...

Последнее слово превратилось в бессвязный лепет, глаза Абры закатились, колени подогнулись. Ворону очень хотелось дать ей свалиться на пол — она это полностью заслужила, — но он сдержался и подхватил ее под руки. В конце концов, она была особо ценным имуществом.

Имуществом *Узла*.

9

В дом он пробрался через заднюю дверь, легко вскрыв бесполезный пружинный замок при помощи платиновой карточки «Американ экспресс» на имя Генри Ротмана, но уходить тем же путем Ворон не собирался. На заднем дворе не было ничего, кроме высокого проволочного забора в конце лужайки, за которым протекала река. Да и необходимое ему транспортное средство находилось в другом месте. Он перенес Абру через кухню в пустовавший сейчас гараж. Родители, вероятно, на работе... или в Клауд-Гэпе, празднуют победу над Энди, Джимми и Орехом. Но в данный момент ему было глубоко плевать; помощникам девчонки придется подождать. Настанет и их черед, но позже.

Тело Абры он спрятал под верстак, на котором лежали инструменты ее отца. Затем нажал кнопку, открывавшую ворота гаража, и вышел наружу, не забыв предварительно нацепить на лицо одну из улыбок Генри Ротмана. Ключом к выживанию в мире лохов было умение выглядеть в точности как они и всегда казаться приветливым. Ворон в этом деле собаку съел. Он быстро дошел до пикапа и снова сдвинул тело старика. Когда Ворон подъезжал к дому Стоунов, Билли качнуло, и его голова упала на плечо водителя.

— А ты, приятель, дружелюбный, как я погляжу, — сказал Ворон и рассмеялся, загоняя красный пикап в гараж. Его товарищи погибли, а сам он находился в крайне опасной ситуации, но за это полагалась неожиданная компенсация: он чувствовал себя живым и полным сил, каким не ощущал уже многие годы, а мир вокруг пылал всеми цветами радуги и гудел как линия высокого напряжения. Он захватил ее! Бог ты мой, ему это удалось! Невзирая на всю свою силу и хитрость, она угодила в его лапы. Оставалось только доставить ее Роуз. Как знак любви.

— Джекпот, — сказал он и грохнул кулаком по приборной панели.

Он стянул с Абры рюкзак и оставил его под верстаком, а девочку взял на руки и усадил на пассажирское место. Затем пристегнул обоих своих спутников. Ему пришло в голову свернуть старикану шею и бросить труп в гараже, но он передумал — этот тип мог еще пригодиться. При условии, что наркотик не прикончил его. Ворон проверил пульс, приложив палец к морщинистой шее: сердце билось медленно, но уверенно. С девчонкой вопроса не возникало — она прислонилась к окну, и можно было видеть, как от ее дыхания на стекле выступает легкий туман. Превосходно.

Ворон провел быструю инвентаризацию. Пистолета у него не было — Истинные никогда не возили с собой огнестрельное оружие, — но зато осталось два шприца, полных снотворного невероятной силы. Он не знал, надолго ли этого хватит, но приоритетом была девчонка. А потому от старика придется избавиться скорее рано, чем поздно. Ну и что? Лохом больше, лохом меньше...

Ворон достал мобильный телефон и вызвал Роуз. Уже хотел оставить сообщение, когда она ответила. Ее голос звучал медленно и неразборчиво. Словно у пьяной.

— Роуз? Что с тобой происходит?

— Эта девка вытянула из меня больше энергии, чем я ожидала, но сейчас уже все в порядке. Я не слышу ее. Скажи мне, что ты ее взял.

— Так и есть. Она сейчас крепко спит, но у нее есть приятели. Мне бы не хотелось с ними встречаться. Я сейчас же еду на запад, но у меня нет времени возиться с чертовыми картами. Необходим маршрут, который позволит мне миновать Вермонт и попасть в Нью-Йорк по второстепенным дорогам.

— Я поручу Подлизе немедленно заняться этим.

— И еще *немедленно* пошли кого-нибудь на восток мне навстречу, Роузи. Снабди их чем угодно, что поможет обуздать нашу мисс Динамит. У меня, кажется, осталось слишком мало наркотика. Взгляни, не оставил ли чего в своих запасах Орех. Он наверняка хранил *что-то такое*...

— Не надо учить, что мне делать, — резко оборвала она. — Подлиза займется координацией. Ты достаточно ориентируешься, чтобы тронуться в путь?

— Да. Роузи, дорогая, та поляна для пикника оказалась западней. Малютка провела нас как детей. Что, если ее друзья вызовут полицию? Я ведь буду ехать на старом «F-150» с пароч-кой зомби в кабине. С таким же успехом можно было бы написать у меня на лбу слово «ПОХИТИТЕЛЬ».

Но при этом он улыбался. Воцарилось молчание. Ворон сидел за рулем машины в гараже Стоунов, ухмылялся и ждал.

После долгой паузы Роуз сказала:

— Если увидишь позади машину копов или блокпост на дороге, задуши девчонку и высоси из нее как можно больше пара, пока она будет загибаться. А потом сдайся властям. Мы сумеем тебя вытащить, ты же знаешь.

Настала очередь Ворона задуматься. Через какое-то время он спросил:

— Ты уверена, что это единственно правильный выход из положения, дорогая?

— Уверена. — В ее голосе звучал металл. — Она в ответе за гибель Джимми, Ореха и Змеючки. Я скорблю по ним всем, но в особенности по Энди, потому что сама обратила ее и она только начала познавать вкус настоящей жизни. И Сари...

Роуз вздохнула и умолкла. Ворон тоже молчал. Сказать было нечего. В свои первые годы в Узле Энди Штайнер сменила многих женщин, и этому не стоило удивляться — пар оказывал на новичков возбуждающее действие. Но в последние десять лет они с Сарой Картер были неразлучной парой. В некотором смысле Энди больше напоминала дочку Тихони Сари, нежели любовницу.

— Сари безутешна, — сказала Роуз, — и Черноглазка Сьюзи убивается по Ореху. Эта маленькая дрянь ответит нам за каждого. Так или иначе, но ее лоховская жизнь окончена. Есть еще вопросы?

У Ворона вопросов не было.

10

Никто не обратил ни малейшего внимания на Папашу Ворона и его спящих пассажиров, когда они выехали из Эннистона и по главному шоссе Гранитного штата направились на запад. За считанными исключениями (востроглазыми пожилыми леди и любопытными детишками) лоховская Америка отличалась редкостной беспечностью и простодушием даже через двенадцать лет после вступления в Мрачную Эпоху Терроризма. «Заметил — сообщи!» — эффектный лозунг, ничего не скажешь. Но для начала следовало хоть что-то заметить.

К тому времени когда пикап пересек границу Вермонта, стемнело, и водители встречных машин отчетливо видели только фары «F-150» — Ворон намеренно включил дальний свет. Тощий Подлиза звонил уже трижды, сообщая информацию о маршруте. Большинство избранных им дорог были второстепенными, некоторые вообще отсутствовали на обычных картах. Подлиза сказал, что Дизель Дуг, Грязнуля Фил и Энни Фартук уже выехали. Они взяли «каприс» 2006 года, который выглядел невзрачно, но имел под капотом четыре сотни лошадок. Пре-

вышение скорости не составит проблемы — все трое стараниями покойного Джимми Счетовода имели удостоверения сотрудников спецорганов, которые выдержали бы самую тщательную проверку на подлинность.

Маленькие близнецы Горошинка и Стручок, используя имевшиеся в распоряжении Узла новейшие средства связи, отслеживали все полицейские радиообмены на северо-востоке страны. До сих пор никто и словом не обмолвился о вероятном похищении юной школьницы. Это была хорошая новость, хотя вполне ожидаемая. Приятели, которым хватило ума устроить коварную засаду, не могли не понимать, что случится с их любимицей, стоит им предать дело огласке или обратиться к властям.

Зазвонил еще один телефон, на этот раз приглушенно. Не отрывая глаз от дороги, Ворон перегнулся через своих спящих пленников, открыл бардачок и нащупал мобильник, принадлежавший, несомненно, старику. Поднес к глазам. Имя на экране не высветилось, а значит, звонивший не был занесен в список контактов. Но судя по коду, старикана вызывали из Нью-Гэмпшира. Один из дружков хотел убедиться, что с девочкой и ее охранником все в порядке? Похоже, что так. Ворон подумал, не ответить ли, но решил не делать этого. Позже он проверит, осталось ли голосовое сообщение. Оно могло содержать полезную информацию. А информация — это власть.

Когда же он снова перегнулся, чтобы положить телефон на прежнее место, его пальцы коснулись металла. Он бросил мобильник и вынул автоматический пистолет. Вот это подарок! Очень своевременная находка. Если бы старик очухался раньше времени, то мог выхватить оружие прежде, чем Ворон разгадал бы его намерения. Ворон сунул «глок» под сиденье и закрыл крышку бардачка.

Оружие, как известно, тоже давало власть.

11

Уже совсем стемнело, и по шоссе 108 они успели углубиться в отроги Зеленых гор, когда Абра зашевелилась. Ворон, все еще полный жизненных сил и кипучей энергии, был только рад это-

му. Прежде всего она вызывала у него острое любопытство. А кроме того, индикатор топлива показывал, что бак почти пуст, следовало его наполнить.

Но рисковать не следовало.

Ворон достал правой рукой из кармана один из двух оставшихся у него шприцев и положил себе на бедро. Дождался, чтобы глаза девочки — мутные и бессмысленные — открылись. Потом сказал:

— Добрый вечер, маленькая леди. Я Генри Ротман. Ты меня понимаешь?

— Никакой вы... — Она откашлялась, облизнула губы и попробовала еще раз: — Никакой вы не Генри. Вы Ворон.

— Значит, понимаешь. Это хорошо. Догадываюсь, у тебя сейчас в голове туман, и так будет еще некоторое время, потому что я этого хочу. Однако если будешь вести себя хорошо, мне не придется снова вырубать тебя. Это тебе тоже понятно?

— Куда мы едем?

— В Хогвартс, чтобы посмотреть международный турнир по квиддичу*. Я куплю тебе магический хот-дог и волшебную сладкую вату. Отвечай на вопрос. Ты будешь слушаться?

— Да.

— Столь быстрое согласие радует ухо, но, уж прости, я не до конца доверяю твоему обещанию. А потому позволь объяснить тебе нечто важное, прежде чем ты выкинешь какой-нибудь глупый фортель, о котором потом придется пожалеть. Видишь вот этот шприц?

— Да. — Голова Абры все еще упиралась в стекло, но она посмотрела на шприц. Ее глаза закрылись, потом очень медленно открылись. — Я хочу пить.

— Вне всяких сомнений, из-за наркотика. Но у меня нет при себе никаких напитков, мы немного торопились с отъездом...

— По-моему, у меня в рюкзаке есть сок.

Голос звучал хрипло. Она говорила тихо и медленно. Ее глаза закрывались, и она с трудом разлепляла веки.

— Боюсь, твой рюкзак остался в гараже. Но ты сможешь купить себе воды уже в следующем городе, если будешь вести

* Спортивная игра, описанная в книгах Д. Роулинг о Гарри Поттере.

себя как хорошая маленькая Златовласка. Если же предпочтешь строить из себя непослушную маленькую Златовласку, придется всю ночь глотать слюну. Ясно?

— Да...

— Если я почувствую, что ты полезла в мои мозги — да, я знаю, ты это можешь, — или ты попытаешься привлечь к нам внимание, когда мы остановимся, я сделаю укол этому престарелому джентльмену. Вместе с тем, что я ему уже вколол, это его прикончит. Это тоже понятно?

— Да, — ответила она, снова облизнула губы, затем потерла их рукой. — Не трогайте его.

— Все зависит только от тебя.

— Куда вы меня везете?

— Златовласка! Дорогая!

— Что?

— Заткнись и наслаждайся поездкой.

— Хогвартс, — пробормотала она. — Сладкая вата...

На этот раз ее веки опустились и больше не поднялись. Она начала слегка посапывать. Это был веселый, даже приятный звук. Ворон не думал, что она притворяется, но продолжал держать шприц у ноги старика. Так, на всякий случай. Как сказал Голлум о Фродо Бэггинсе: он коварный, наша прелесть. К подопечной Ворона это тоже относилось.

12

Абра не отключилась полностью; она могла слышать шум двигателя машины, но словно издалека. Звук словно плыл над ней. Это напомнило ей, как летом в жаркие дни они с родителями отправлялись на озеро Уиннипесоки. Примерно так можно слышать рокот лодочных моторов, если погрузить голову под воду. Она понимала, что ее похитили, осознавала, что должна сильно тревожиться по этому поводу, но ощущала лишь безмятежную умиротворенность, плавая между сном и бодрствованием. Хотя сухость во рту и горле была мучительной. Язык казался куском пыльного ковра.

Я должна что-то предпринять. Он везет меня к женщине в шляпе, и мне нужно действовать. Если не получится, они убьют меня, как убили мальчика-бейсболиста. Или сделают что-то еще более ужасное.

Она непременно что-то придумает. Но только сначала попьет. И поспит еще немного...

Шум мотора стал еще тише, и сквозь ее сомкнутые веки проник свет. Потом двигатель умолк, а Ворон принялся тыкать ее в ногу. Поначалу легонько, потом сильнее. Она почувствовала боль.

— Просыпайся, Златовласка. Потом выспишься.

Абра с трудом открыла глаза и поморщилась от яркого света. Машина стояла у ряда бензоколонок. Их освещали мощные флуоресцентные лампы. Она прикрыла глаза рукой. Теперь к жажде прибавилась головная боль. Это было похоже на...

— Что здесь такого смешного, Златовласка?

— А?

— Почему ты улыбаешься?

— Я только что сообразила, что со мной происходит. У меня страшное похмелье.

Ворон обдумал ее слова и тоже усмехнулся:

— Вероятно, так оно и есть. А ведь тебе даже не удалось сплясать с абажуром на голове вместо шляпы. Ты достаточно проснулась, чтобы воспринимать меня?

— Да.

Во всяком случае, ей так казалось. Но этот стук в голове! Невыносимо!

— Возьми вот это.

Он держал что-то перед ее лицом, выгнув левую руку, потому что в правой по-прежнему сжимал шприц, нацеленный в ногу мистера Фримана.

Она скосила глаза. Кредитная карточка. Абра взяла ее, подняв руку, которая показалась непривычно тяжелой. Глаза девочки снова начали закрываться, и Ворон влепил ей пощечину. Веки Абры широко распахнулись от неожиданности и шока. Ее еще никогда в жизни не били по лицу. По крайней мере взрослые. Впрочем, ее никогда и не похищали.

— Ой, больно же!

— Выходи из машины. Прочитай инструкцию на колонке — ты же умная девочка. Уверен, у тебя получится заправить полный бак. Потом вставь пистолет на место и возвращайся. Если сделаешь все как послушная маленькая Златовласка, я подвезу тебя к автомату с колой. — Он указал на дальний угол магазина. — Сможешь купить себе большую бутылку содовой или минералки. По-моему, я даже отсюда вижу, что там есть «Дасани». Но если ты будешь скверной маленькой Златовлаской, я прикончу старика, а потом зайду в магазин и пристрелю того мальчишку-кассира. Легко. У твоего друга был пистолет, который теперь попал в мои руки. Я захвачу тебя с собой, чтобы ты посмотрела, как пуля прошьет парню сердце. Так что все в твоей власти, тебе понятно? Я достаточно четко все объяснил?

— Да, — ответила Абра. Она немного проснулась. — А можно мне и минералку, и колу?

На этот раз его улыбка была искренней и действительно обаятельной. Вопреки обстоятельствам, вопреки головной боли и даже полученной пощечине Абре она понравилась. Вероятно, многие люди думали так же. Особенно женщины.

— Не жирно ли будет? Впрочем, жадность не всегда порок. Посмотрим, как будешь себя вести.

Она принялась отстегивать ремень безопасности. Справилась с третьей попытки. Потом взялась за дверную ручку. Но, прежде чем выйти, сказала:

— Прекратите называть меня Златовлаской. Вам известно мое имя, а мне — ваше.

Прежде чем он смог ответить, она захлопнула дверь и направилась к колонке (немного пошатываясь). Эта девочка обладала не только паром, но и отвагой. Ворон почти восхищался ею. Но учитывая судьбу Змеючки, Ореха и Джимми — именно что *почти*.

13

Поначалу Абре никак не удавалось прочитать инструкцию, потому что буквы двоились и качались перед глазами, но потом она догадалась прищуриться и зрение сфокусировалось. Ворон

пристально следил за ней. Она ощущала его взгляд словно две теплые гирьки на затылке.

(*Дэн?*)

Молчание, и неудивительно. Как она могла надеяться послать мысленное сообщение Дэну, если ей не под силу справиться с простейшей бензоколонкой? Никогда в жизни ее сияние не было таким слабым.

После небольшой возни ей удалось наконец включить насос, подававший бензин, хотя в первый раз она вставила карточку вверх ногами и была вынуждена повторить все сначала. Ей показалось, что бензин качался целую вечность, но резиновая накладка на пистолете сдерживала пары горючего, а от свежего ночного воздуха голова Абры немного прояснилась. Вверху сияли мириады звезд. Обычно они восхищали ее своей красотой и изобилием, но сегодня при взгляде на них она почувствовала только страх. Они были слишком далеко. С них не разглядеть Абру Стоун.

Когда бак наполнился, в окошке автомата появилась новая надпись, и она повернулась к Ворону.

— Вам нужна квитанция?

— Думаю, мы сможем обойтись без нее.

И снова эта поразительная улыбка, которая могла осчастливить любую вызвавшую ее женщину. Абра подумала, что у него отбоя не было от подружек.

Нет. Любовница у него только одна. Женщина в шляпе. Роуз. Если бы он завел себе другую, Роуз убила бы ее. Просто растерзала голыми руками.

Абра доплелась до пикапа и забралась внутрь.

— Молодец, — сказал Ворон. — Тебе причитается главный приз — кола *и* минеральная вода. Ну... что ты скажешь своему папочке?

— Спасибо, — вяло ответила Абра. — Но вы не мой отец.

— Но ведь я вполне мог бы им быть. Я очень ласков с маленькими девочками, которые знают, как себя вести. — Он подъехал к торговому автомату и вручил ей пятидолларовую бумажку. — Возьми мне фанту, а если ее нет, то колу.

— Вы пьете те же напитки, что и мы?

Он комично оскорбился.

— Когда вы нас колете, разве из нас не идет кровь? Когда вы нас щекочете, разве мы не смеемся?*

— Это из Шекспира, верно? — Она снова потерла губы. — Из «Ромео и Джульетты».

— Из «Венецианского купца», глупая, — поправил Ворон... но уже с улыбкой. — И ты наверняка не знаешь окончания цитаты.

Она помотала головой, что оказалось ошибкой. Приутихшая боль вновь дала о себе знать.

— Когда вы нас отравляете, разве мы не умираем? — Он постучал иглой шприца по ноге мистера Фримана. — Подумай об этом, пока будешь покупать напитки.

14

Он пристально наблюдал, как она управляется с торговым автоматом. Бензозаправка находилась в лесистой местности на окраине какого-то городка, и Ворон не мог исключать возможности, что она решит наплевать на старика и кинется в гущу зарослей. Воспользоваться пистолетом? Нет, пусть лежит. Он без труда догонит девчонку в ее нынешнем полусонном состоянии. Впрочем, на лес она даже не посмотрела. Скормила купюру автомату и по очереди получила напитки, задержавшись лишь для того, чтобы сразу приложиться к бутылке с водой. Потом она вернулась и подала Ворону фанту, но в машину не села, а ткнула рукой куда-то в сторону.

— Мне нужно в туалет.

Ворон испытал легкое замешательство. Этого он не предусмотрел, хотя должен был. Он ввел ей наркотик, и теперь организм хотел от него избавиться.

— Не могла бы ты немного потерпеть?

Он подумал, что через несколько миль сможет найти съезд с шоссе и остановиться. Пусть сделает свои дела за любым кустом. Пока ее макушка будет на виду, проблем не возникнет.

Но она покачала головой. Ну конечно.

---

* *Пер. П. Вейнберга.*

Ворон быстро обмозговал ситуацию.

— Так. Слушай внимательно. Можешь воспользоваться дамской комнатой, но только при условии, что она не заперта. В противном случае тебе придется отлить за магазином. Я не могу позволить тебе зайти внутрь, чтобы попросить у кассира ключ. Этот номер не пройдет.

— А если я присяду за магазином, вы, конечно, станете подсматривать, как последний извращенец.

— Там найдется какой-нибудь мусорный бак, за который ты сможешь зайти. Я, конечно, горю желанием полюбоваться на твою маленькую розовую попку, но ничего, как-нибудь перетерплю. А теперь залезай в машину.

— Но вы же только что сказа...

— Залезай, или я снова начну называть тебя Златовлаской.

Она села на свое место, и Ворон подогнал пикап вплотную к двери туалета, почти заблокировав ее.

— А теперь дай мне руку.

— Зачем?

— Делай что велят.

Она с огромной неохотой протянула ему ладонь. Он ухватился за нее. Увидев шприц, она попыталась отдернуть руку.

— Не пугайся. Я введу всего лишь каплю. Мы же не можем позволить дурным мыслям проникнуть в твою милую головку. Или тебе самой начать транслировать их. Укол я сделаю в любом случае. Стоит ли устраивать из этого драму?

Она перестала сопротивляться. Действительно, легче было уступить. Абра почувствовала что-то вроде комариного укуса, а потом Ворон отпустил ее руку.

— Теперь можешь отправляться. Сходи по-маленькому, но только быстро. Как пелось в старой песне, пока песочек сыплется в часах.

— Никогда не слышала такой песни.

— Ничего удивительного, если ты не можешь отличить «Венецианского купца» от «Ромео и Джульетты».

— А вы злой.

— Только когда меня вынуждают.

Она вышла из машины и помедлила, глубоко вдыхая ночной воздух.

— Абра?

Она посмотрела на него.

— Не вздумай запираться изнутри. Ты знаешь, кто первым пострадает от этого, не так ли?

И он потрепал Билли Фримана по ноге.

Она знала.

В ее голове, которая только-только начала проясняться, снова все заволокло туманом. Жуткий человек или, вернее, отвратительное *нечто*, прятавшееся за обаятельной улыбкой. И умное. Все продумало. Она толкнула дверь туалета, оказавшуюся незапертой. Хорошо, что ей не придется присаживаться на карачки в сорняках, — хоть в чем-то повезло. Абра вошла внутрь, захлопнула дверь и быстро сделала свои дела. Потом осталась сидеть на унитазе, низко опустив затуманенную голову. Она вспомнила, как сидела в туалете дома Эммы и имела глупость полагать, что все закончилось благополучно. Казалось, с той минуты прошла целая вечность.

Мне необходимо что-то предпринять.

Но ее снова одурманили.

(*Дэн*)

Она позвала, собрав последние силы... которых оказалось совсем мало. И сколько еще времени даст ей Ворон? Волна отчаяния захлестнула Абру, подрывая остатки желания сопротивляться. Сейчас ей хотелось только застегнуть брюки, сесть в пикап и снова заснуть. Но все же она попробовала еще раз.

(*Дэн! Дэн, пожалуйста!*)

И стала ждать чуда.

Но вместо ответа услышала лишь сигнал клаксона. Смысл его был предельно ясен: *время истекло*.

Глава 15

ПОДМЕНА

1

Ты вспомнишь то, о чем забыли.

После пирровой победы, одержанной при Клауд-Гэпе, эта фраза засела у Дэна в голове как бессмысленная песенка, которая привязывается и никак не хочет уходить, и ты обнаруживаешь, что мурлычешь ее, даже когда отправляешься в туалет посреди ночи. Эти слова тоже раздражали, но несли какой-то смысл. По не совсем ясной причине они ассоциировались с Тони.

Ты вспомнишь то, о чем забыли.

О том, чтобы воспользоваться «виннебаго» Истинного Узла и быстро добраться до своих автомобилей, которые они оставили на парковке Игрушечного городка в Общественном центре Эннистона, не могло быть и речи. Даже если бы они не опасались быть замеченными, не боялись оставить в кемпере следы своего пребывания, за которые могла ухватиться полиция, ни один из них не желал входить внутрь этой машины, и никому не пришло в голову даже обсуждать подобный вариант. «Виннебаго» насквозь пропах болезнью и смертью; он источал зло. У Дэна нашлась и еще одна причина. Он не знал, способны ли Истинные возвращаться в виде призраков, но не имел ни малейшего желания выяснять это.

Одежду погибших вместе с причиндалами для употребления наркотиков они бросили в Сако, где что-то сразу пошло ко дну, а что-то поплыло по течению в штат Мэн. В город они возвращались прежним путем — на поезде «Хелен Ривингтон».

Дэвид Стоун тяжело опустился на сиденье кондуктора, заметил, что Дэн по-прежнему держит старого игрушечного

кролика Абры, и протянул руку. Дэн охотно передал ему Попрыгунчика, отметив, что в другой руке отец Абры держал свой «блэкберри».

— Что вы собираетесь делать?

Дэйв посмотрел сначала на лес, протянувшийся по обе стороны узкоколейки, потом перевел взгляд на Дэна.

— Как только мы окажемся в зоне покрытия, я позвоню Динам. Если ответа не будет, я обращусь в полицию. Если *мне ответят*, но Эмма или ее мать сообщат, что Абра пропала, я обращусь в полицию. При условии, что они сами этого не сделали.

Его глаза были холодными, спокойными и отнюдь не приветливыми. Однако он держал свою тревогу (свой страх) за дочь под контролем, и Дэн испытал к нему уважение. Кроме того, это позволяло поддерживать с Дэйвом разумный разговор.

— Я считаю вас главным виновником случившегося, мистер Торранс. Это был ваш план. Ваш безумный план.

Не имело никакого смысла напоминать, что они все единогласно приняли этот безумный план. И объяснять, что затянувшееся молчание Абры пугало их с Джоном не меньше, чем ее отца. Но в целом Дэйв был прав.

Ты вспомнишь то, о чем забыли.

Еще одно воспоминание об «Оверлуке»? Похоже на то. Но почему именно сейчас? Почему здесь?

— Дэйв, ее почти *наверняка* похитили, — сказал Джон, который перебрался из хвоста поезда в первый вагон. Последние лучи закатного солнца пробивались сквозь листву и ложились на его лицо. — Если это так, подумай, к чему может привести твое обращение к властям. Как это скажется на судьбе Абры?

Благослови тебя Бог за эти слова, Джон, подумал Дэн. *Если бы нечто подобное произнес я, сомневаюсь, чтобы Дэйв стал меня слушать. Ведь в глубине души он все еще считает меня незнакомцем, который у него за спиной устроил заговор с его дочерью. Он никогда до конца не поверит, что не я втянул ее в эту жестокую авантюру.*

— А что еще нам остается? — спросил Дэйв, и его хрупкое спокойствие дало трещину. Он расплакался, прижимая к лицу кролика Абры. — Что я скажу жене? Что убивал людей в Клауд-Гэпе, пока один из этих маньяков похищал нашу дочь?

— Начнем с самого важного, — сказал Дэн. Он понимал, что лозунги из арсенала анонимных алкоголиков, вроде «доверься Господу» или «расслабься», едва ли окажут нужное воздействие на отца Абры. — Тебе действительно нужно позвонить Динам, как только появится связь. Уверен, ты дозвонишься, и окажется, что там все в порядке.

— И с чего ты так решил?

— Общаясь с Аброй в последний раз, я велел передать, чтобы мама ее подруги позвонила в полицию.

Дэйв часто заморгал.

— Это правда? Или ты сочинил это, чтобы прикрыть свою задницу?

— Я действительно просил ее об этом. Абра начала отвечать. Сказала: «Но я не...» — а потом контакт с ней прервался. Думаю, она хотела сообщить, что уже не в доме у Динов.

— Она жива? — Дэйв схватил Дэна за локоть холодными как лед пальцами. — Моя дочь еще жива?

— Я не могу установить с ней связь, но уверен, что жива.

— Конечно, что еще ты можешь мне сказать? — прошептал Дэйв. — Опять прикрываешь свою задницу.

Дэн сдержался. Если они начнут ругаться между собой, все шансы вернуть Абру будут упущены.

— Но в словах Дэна есть здравый смысл, — снова вмешался Джон. Хотя он был бледен, а его руки заметно дрожали, доктор старался говорить спокойным, уверенным голосом, каким всегда беседовал с пациентами. — Она нужна похитителям живой. Сейчас она их заложница. И потом, им нужна ее... Нужен...

— Им необходима ее сущность, — закончил Дэн. — То, что они называют паром.

— Есть и другое соображение, — сказал Джон. — Каким образом ты собираешься рассказать копам о людях, которых мы убили? Что они мерцали, пока не исчезли окончательно? А потом мы избавились от их... от их пожитков?

— Поверить не могу, что позволил вам втравить себя во все это. — Дэйв бездумно крутил в руках плюшевого кролика. Еще немного, и старая игрушка лопнет по швам. Дэн не был уверен, что выдержит это зрелище.

Джон между тем продолжал:

— Послушай, Дэйв. Сейчас ради своей дочери ты должен сохранять ясность мышления. Она впуталась в это дело, когда увидела снимок мальчика в «Шопере» и стала наводить о нем справки. И как только та, кого Абра называет женщиной в шляпе, узнала о ней, она уже не могла оставить Абру в покое. Я ничего не знаю о паре, и мне мало что известно о так называемом сиянии, но в одном я уверен: люди, с которыми мы имеем дело, свидетелей не оставляют. А в том, что касается мальчика из Айовы, твоя дочь и есть свидетель.

— Позвони Динам, но постарайся говорить спокойно, — сказал Дэн.

— Спокойно? *Спокойно?* — Он словно пытался произнести незнакомое шведское слово.

— Скажи, что хочешь спросить у Абры, не нужно ли чего-то купить по дороге домой: хлеба, молока — чего угодно. Если услышишь, что она уже ушла, поблагодари и прекрати разговор.

— И что потом?

Дэн не знал. Ему требовалось подумать. Подумать о том, о чем забыли.

Зато знал Джон.

— Потом попытайся связаться с Билли Фриманом.

Уже сгустились сумерки, и фары «Рив» отбрасывали на рельсы конусы света, когда телефон Дэйва поймал сигнал. Он позвонил Динам, по-прежнему с невероятной силой стискивая уже почти окончательно изуродованного кролика, по его лицу катились крупные капли пота. Тем не менее Дэн решил, что Дэйв вполне справился. Не могла бы Абби на минутку подойти к телефону и сказать, не нужно ли ему что-нибудь купить в ближайшем универсаме? О! Вот как? Она уже ушла? Хорошо, тогда он перезвонит ей домой. Он немного послушал, пообещал непременно выполнить просьбу миссис Дин и закончил разговор. После чего посмотрел на Дэна черными пятнами глаз, обведенными белыми кругами.

— Миссис Дин велела мне выяснить, как чувствует себя Абра. Очевидно, она ушла домой под тем предлогом, что у нее начались менструальные боли. — Он понурил голову. — Господи, а я даже не знал, что у нее вообще начались месячные. Люси мне ничего не сказала.

— Есть вещи, о которых отцам знать не обязательно, — ответил Джон. — Теперь звони Билли.

— Я не знаю его номера. — Он истерично хихикнул. — Ха! Мы отряд неудачников.

Дэн продиктовал ему номер по памяти. Деревья впереди начали редеть, и показались фонари, стоявшие вдоль Мейнстрит Фрейзера.

Дэйв набрал номер и прислушался. Потом дал отбой.

— Автоответчик.

Все трое молчали, пока «Рив» выезжал из леса и преодолевал последние две мили до Игрушечного городка. Дэн снова попытался связаться с Аброй, вложив в свое незримое послание всю доступную ему энергию, но ничего не услышал. Тот, кого называли Вороном, вероятно, нашел способ отключить ее. У женщины с татуировкой был шприц. Скорее всего Ворон тоже вооружился.

Ты вспомнишь то, о чем забыли.

Эта мысль поднималась из тех отдаленных глубин его сознания, где он хранил металлические ящики с ужасными воспоминаниями об «Оверлуке» и некоторыми из прежде населявших его призраков.

— Это был бойлер.

Дэйв посмотрел на него с сиденья кондуктора.

— Что?

— Так, ничего.

Система отопления «Оверлука» была древней. Давление требовалось сбрасывать вручную через регулярные интервалы времени, или оно продолжило бы расти до опасной точки, когда котел мог взорваться и разнести весь отель. Помешавшийся Джек Торранс забыл об этом, но его маленький сын вовремя получил предупреждение. От Тони.

Было ли это новым предупреждением или всего лишь навязчивой тенью из прошлого, навеянной стрессом и чувством вины? Ведь он *действительно* чувствовал себя виноватым. Джон был прав: Истинные в любом случае открыли бы охоту на Абру, — но эмоции неподвластны логике. Он разработал план, который провалился, и ему за это отвечать.

Ты вспомнишь то, о чем забыли.

Голос давнего друга, пытавшегося что-то объяснить ему, или всего лишь старый граммофон?

2

Дэйв и Джон отправились в дом Стоунов вместе. Дэн ехал следом в своей машине, радуясь возможности побыть одному и предаться размышлениям. Не то чтобы это очень ему помогло. Он был твердо уверен, что уцепился за нечто, причем за нечто весьма *реальное*, но только понимание, за что именно, никак не приходило. Дэн даже попытался вызвать на связь Тони, чего не делал с подросткового возраста, но потерпел неудачу.

Пикапа Билли на Ричлэнд-Корт не оказалось. Дэн понял, в чем тут дело. Группа захвата Истинного Узла приехала в «винебаго». Если они высадили Ворона в Эннистоне, тот остался без транспорта и нуждался в машине.

Дверь гаража стояла открытой. Дэйв на ходу выскочил из автомобиля Джона и кинулся внутрь, зовя Абру. Затем, ярко подсвеченный мощными автомобильными фарами, как актер на сцене, он поднял что-то с пола и издал нечто среднее между стоном и криком. Дэн припарковался рядом с Джоном и увидел, что это было: рюкзак Абры.

Дэну захотелось выпить — сильнее, чем в тот вечер, когда он звонил Джону со стоянки у обшарпанного бара, сильнее, чем когда-либо за все годы, что минули с того дня, когда он получил белый жетон на своей первой встрече анонимных алкоголиков. Ему страстно захотелось попросту развернуться и, не обращая внимания на крики, вернуться во Фрейзер. Там был бар под названием «Драчливый лось». Ему много раз доводилось проезжать мимо, и, как всякий завязавший алкоголик, он порой начинал воображать, каково там внутри. Какое разливное пиво? Что имеется в музыкальном автомате? Какие сорта виски есть? Как насчет симпатичных дам? Каков он будет на вкус — первый стаканчик? Напомнит ли о старых добрых временах? Даст ли ощутить, что твое место тут? Что ты наконец вернулся домой? Он сможет получить ответы хотя бы на некоторые вопросы, прежде

чем Дэйв Стоун вызовет копов, а копы доставят его в участок для допроса по делу об исчезновении некой девочки.

Настанет момент, сказал ему Кейси в один из первых нелегких дней, *когда твоя духовная защита даст глубокую трещину и единственным барьером между тобой и выпивкой останется Высшая сила.*

С Высшей силой у Дэна проблем не возникало, потому что он имел доступ к инсайдерской информации. Существование Бога никто еще не доказал, однако Дэн был хорошо осведомлен о наличии другого плана бытия. Как и Абра, он встречался с призрачными людьми. А значит, мог существовать и Бог. Дэн, заглядывавший одним глазком в потусторонний мир, даже считал наличие Бога весьма вероятным... Вот только что это за Бог, который не вмешивается в подобную мерзость?

Как будто этот вопрос никому до тебя не приходил в голову, подумал он.

Кейси Кингсли велел ему дважды в день становиться на колени, умоляя о помощи по утрам и вознося благодарность по вечерам. «Таковы первые три шага: я не могу, а Бог может, поэтому я предоставлю это ему. Не забивай себе этим голову».

Новичкам, не желавшим следовать его советам, Кейси неизменно рассказывал историю о кинорежиссере Джоне Уотерсе. В одном из его ранних фильмов, «Розовом фламинго», звездная дрэг-куин* Уотерса Дивайн съела кусочек собачьих экскрементов на загородной лужайке. Много лет спустя некий журналист задал Уотерсу вопрос: какой из эпизодов он считает величайшим в истории кинематографа? Немного подумав, режиссер вспомнил именно тот момент. «Всего лишь *кусочек* собачьего дерьма, — сказал он репортеру, — а сделал ее звездой».

А потому бухайтесь на колени и молите о помощи, нравится вам это или нет, заканчивал свой рассказ Кейси. *В конце-то концов, это всего лишь кусочек собачьего дерьма.*

Сидя за рулем, Дэн не мог встать на колени, но он сделал то, что всегда делал по утрам и вечерам: закрыл глаза и прижал ладонь к губам, символически преграждая путь ядовитой жидкости, отравившей двадцать лет его жизни.

Боже, помоги мне воздержаться от алко...

---

* Артист-мужчина, играющий женскую роль.

Он не закончил фразу, потому что на него снизошло озарение. Это было нечто сказанное Дэйвом на пути к Клауд-Гэпу. Это была яростная улыбка Абры (интересно, подумал Дэн, видел ли уже эту улыбку Ворон и если да, какое она произвела на него впечатление?). Но в первую очередь это было ощущение собственной кожи, прижавшей губы к зубам.

— О Боже, — прошептал он. Потом выбрался из машины, и у него подогнулись ноги. Он все же упал на колени, но тут же вскочил и побежал в гараж, где двое мужчин в траурном молчании разглядывали брошенный рюкзак Абры.

Дэн схватил Дэйва Стоуна за плечо.

— Позвони жене. Скажи, что мы едем повидаться с ней.

— Она захочет узнать, по какому поводу, — отозвался Дэйв. По его опущенным глазам и горестно искривленному рту было ясно, насколько он страшился этого разговора. — Она сейчас в квартире Четты. Я скажу ей... Черт! Что смогу я ей сказать? Даже не представляю.

Дэн стиснул плечо Дэйва сильнее и добился, чтобы тот посмотрел на него.

— Мы сейчас же едем втроем в Бостон, но только у нас с Джоном будет там еще одно дело.

— Какое дело? Я ничего не понимаю.

Зато понимал Дэн. Не все, но очень многое.

3

Они поехали на «сабербане» Джона. Дэйв занял пассажирское место. Дэн улегся на заднее сиденье, положив голову на подлокотник двери и опустив ноги на пол.

— Люси все допытывалась, что происходит, — говорил Дэйв. — Сказала, я ее пугаю. И естественно, она догадалась, что дело касается Абры, потому что в ней есть частичка того же таланта, которым обладает наша дочь. Как я всегда и подозревал. Пришлось заверить ее, что Абби осталась ночевать в доме Эммы. Знаете, сколько раз я лгал своей жене за все годы супружества? Можно пересчитать по пальцам одной руки, причем трижды я соврал о том, сколько проиграл в покер, когда ходил по четвер-

гам в гости к начальнику отдела. Но никогда ничего подобного. И уже через три часа придется признаться в этой лжи.

Впрочем, Дэн и Джон уже знали, что он сказал жене и как встревожил Люси отказ мужа обсудить все по телефону, потому что дело якобы было слишком важным и сложным. Оба сидели рядом на кухне, когда он звонил ей. Но сейчас ему необходимо было выговориться. *Поделиться*, на языке АА. Джон взял на себя роль внимательного слушателя, вставляя к месту «угу», «конечно» и «понятно».

В какой-то момент Дэйв замолк и оглянулся назад.

— Боже, неужели ты можешь сейчас спать? — спросил он Дэна.

— Я не сплю, — отозвался тот, не открывая глаз. — Я пытаюсь установить контакт с твоей дочерью.

Это сразу же оборвало монолог Дэйва. Теперь слышалось только шуршание шин по асфальту шоссе номер 16, по которому они ехали на юг, минуя множество мелких городков. Дорога была почти свободна, и Джон разогнался до шестидесяти миль в час, как только две полосы превратились в четыре.

Дэн не пытался вызвать Абру; он сомневался, что у него получится. Вместо этого он постарался полностью открыть свое сознание. Превратить себя в живую станцию прослушивания. Он никогда прежде этого не делал, и результат получился странным. Словно он надел на себя самые большие в мире наушники. В основном до него доносился равномерный низкий гул, который, как он предположил, был общим, слившимся воедино шумом многочисленных человеческих мыслей. Дэн находился в постоянной готовности различить ее голос в этом потоке, хотя и не слишком надеялся на успех. Но что еще ему оставалось?

И вскоре после того, как они миновали первый пункт оплаты на магистрали Сполдинг, примерно в шестидесяти милях от Бостона, он наконец засек ее.

(*Дэн*)

Очень тихо. Едва слышно. Дэн даже сначала подумал, что у него разыгралось воображение. Но все равно повернулся в нужную сторону, стараясь направить свою концентрацию одним узким мощным лучом. И сигнал повторился, на этот раз чуть громче. Он был подлинным. *Она* звала его.

(*Дэн, пожалуйста!*)

Ее действительно чем-то накачали, а Дэн никогда не делал ничего похожего на то, что предстояло сейчас... но Абра делала. С наркотиком или без, ей придется указать ему путь.

(*Абра толкай мне нужна твоя помощь*)

(*как помочь? что толкать?*)

(*нам надо поменяться*)

(*???*)

(*помоги мне повернуть мир*)

4

Сидевший на месте пассажира Дэйв рылся в поисках мелочи для очередного пункта оплаты, когда у него за спиной заговорил Дэн. Но только голос определенно принадлежал не Дэну.

— Дайте мне еще минуту. Мне надо поменять тампон!

«Сабербан» вильнул — это резко выпрямившийся Джон дернул рулем.

— Что за *дьявольщина*?

Дэйв отстегнул ремень безопасности и с коленями забрался на сиденье, повернувшись к лежавшему сзади мужчине. Глаза Дэна были полуприкрыты, но стоило Дэйву позвать Абру по имени, как веки распахнулись.

— Не надо, папа, не сейчас. Я должна помочь... Мне нужно постараться... — Тело Дэна изогнулось, рука потянулась ко рту, потерла губы движением, которое Дэйв видел тысячи раз, потом упала. — Скажи ему, что я просила не называть меня так. Скажи ему...

Голова Дэна клонилась набок, пока не уперлась в плечо. Он застонал. Его руки беспорядочно задергались.

— Что происходит? — крикнул Джон. — Как мне поступить?

— Я не знаю, — ответил Дэйв. Он ухватил беспомощно дергавшуюся руку и крепко сжал.

— Веди, — сказал Дэн. — Просто веди.

А потом человек на заднем сиденье начал выгибаться и выворачиваться. Абра закричала голосом Дэна.

5

Он установил связь, следуя по слабенькой ниточке ее мыслей. Увидел каменное колесо, которое представляла себе Абра, но она сама была слишком слаба и дезориентирована, чтобы повернуть его. Ей с трудом хватало сил поддерживать канал открытым. Только так он мог проникнуть в ее сознание, а она — в его. И все же Дэн пока в основном оставался внутри автомобиля, по обивке потолка которого то и дело пробегали отблески фар встречных машин. Свет... Темнота... Свет... Темнота.

Колесо оказалось невероятно тяжелым.

Внезапно откуда-то донесся стук, а потом голос:

— Давай же, Абра! Время уходит. Пора двигаться.

Это явно напугало ее, и она нашла немного дополнительной энергии. Колесо сдвинулось с места, втягивая Дэна в связывавшую их пуповину. Более странного ощущения он не испытывал никогда в жизни; его охватило возбуждение, несмотря на весь ужас ситуации.

Где-то в отдалении послышались слова Абры:

— Дайте мне еще минуту. Мне надо поменять тампон!

Крыша автомобиля Джона начала соскальзывать в сторону, *поворачиваться*. Воцарилась тьма. Дэну показалось, что это тоннель, и он успел подумать: *Если заблужусь здесь, то уже никогда не выберусь. Закончу дни в психиатрической клинике с диагнозом «необратимая кататония»*.

Но затем мир постепенно вернулся, только место было совершенно другое. «Сабербан» исчез. Дэн очутился в вонючем туалете с полом, покрытым грязным светло-синим кафелем. «ИЗВИНИТЕ, ВОДА ТОЛЬКО ХОЛОДНАЯ», — сообщала надпись над раковиной. А сам он сидел на унитазе.

Дэн не успел даже подумать о том, чтобы встать, когда дверь с грохотом распахнулась, расколов несколько старых плиток, и внутрь вошел мужчина. На вид ему было лет тридцать пять, иссиня-черные волосы зачесаны назад, лицо угловатое, но не лишенное жесткой красоты. В руке он держал пистолет.

— Какой еще тампон? — спросил он. — Где они у тебя? Неужто в кармане? А, Златовласка? Потому что твой рюкзачок остался очень далеко.

(*скажи ему что я просила не называть меня так*)

— Я же просила не называть меня так, — повторил Дэн.

Ворон замер, разглядывая девочку, которая сидела на унитазе, покачиваясь из стороны в сторону. Ее шатало от наркотика. Здесь все ясно. Но что у нее с голосом? Или это *тоже* результат наркотика?

— Почему ты так странно говоришь? Чужим голосом?

Дэн попытался пожать вместо девочки плечами, но сумел только дернуть одним. Ворон схватил Абру за руку и рывком поднял Дэна на ноги Абры. Было больно, и он вскрикнул.

Где-то очень далеко — за много миль отсюда — кто-то вскрикнул: «Что происходит? Как мне поступить?»

— Веди, — сказал он Джону, когда Ворон грубо вытаскивал его наружу. — Просто веди.

— О, я поведу, об этом можешь не беспокоиться, — заверил Ворон и запихнул Абру в кабину пикапа рядом с похрапывавшим Билли Фриманом. Затем он схватил ее за волосы, намотал прядь на свой кулак и дернул. Дэн закричал голосом Абры, понимая, что получается *не совсем похоже*. Очень близко, но все же не то. Ворон тоже уловил разницу, но не придал ей особого значения. Их могла бы разоблачить только женщина в шляпе, которая, сама того не желая, и научила Абру трюку с обменом сознаниями. — Но прежде чем мы отправимся дальше, нам надо кое о чем договориться. Не смей мне больше лгать. Еще раз соврешь папочке, и твой храпящий старикан превратится в кусок мертвого мяса. Причем я даже не стану тратить на него наркотик. Просто съеду на проселок и пущу ему пулю в живот. Так он будет умирать дольше. А тебе придется слушать его предсмертные крики. Это понятно?

— Да, — прошептал Дэн.

— Очень на это надеюсь, девочка, потому что дважды я повторять не буду.

Ворон захлопнул пассажирскую дверь и быстро направился к водительскому месту. Дэн закрыл глаза Абры. Он думал о ложках на дне рождения. О закрывавшихся и открывавшихся ящиках. Абра была физически слишком слаба, чтобы тягаться с мужчиной, который садился за руль и запускал двигатель, но

часть ее сохранила силу. Если бы только ему удалось найти эту часть ее сознания... Ту, что играла с ложками, двигала ящики и заставляла музыку звучать из воздуха... Ту, что могла писать мелом на доске, находясь в десятке миль от нее... Если бы обнаружить ее и взять под контроль...

Подобно тому как Абра когда-то нарисовала в воображении женщину-воина с копьем на белом скакуне, Дэн представил себе настенную панель управления с множеством кнопок и переключателей. Какие-то из них отвечали за движения ее рук и ног, какие-то заставляли пожимать плечами. Но были и другие, гораздо более важные. И он сможет ими воспользоваться, ведь у него в голове существовали похожие переключатели.

Пикап начал двигаться. Сначала сдал назад, потом развернулся. Еще через несколько секунд они снова выехали на шоссе.

— Это правильно, — сказал Ворон. — Спи. И о чем ты только думала в том туалете? Собиралась спрыгнуть в унитаз и спустить воду? Или...

Но Дэн уже почти не слышал его, потому что обнаружил необходимые рычаги. Совершенно особенные, с красными рукоятками. Он не знал, существуют ли они на самом деле, управляют ли способностями Абры или он просто затеял некую умственную игру сам с собой. Но попробовать стоило.

Включить сияние! — подумал он и потянул за все рычаги.

6

Пикап Билли Фримана уже отъехал на несколько миль от заправочной станции и катил на запад через спящий сельский Вермонт по шоссе 108, когда Ворон впервые почувствовал боль. Словно тонкая серебряная нить стянула ему левый глаз. Она была холодной и давила все сильнее. Он хотел дотронуться до нее, но не успел поднять руку, как нить уже скользнула правее, заморозив переносицу, словно укол новокаина. А потом оплела и правый глаз тоже. На него как будто нацепили металлический бинокль.

Или наглазники.

Затем в левом ухе раздался звон, а левая щека полностью онемела. Он повернул голову и увидел, что девочка смотрит на него. Глаза ее были широко раскрыты и не мигали. Ни малейшего признака сонливости. Если на то пошло, казалось, что это вообще не ее глаза. Они выглядели намного старше. Мудрее. И были такими же холодными, каким вдруг стало лицо самого Ворона.

(*останови машину*)

Ворон надел на иглу предохранительный колпачок и убрал шприц, но при нем оставался пистолет, который он достал из-под сиденья, когда решил, что девчонка слишком засиделась в сортире. Сейчас он хотел поднять его и нацелить на старика, чтобы заставить ее прекратить свои фокусы, но внезапно ощутил, что рука будто погрузилась в ледяную воду. А пистолет набрал вес: пять фунтов, десять, двадцать пять. И пока он пытался справиться с этим грузом, его правая нога соскользнула с педали газа «F-150», а левая рука повернула руль так, что пикап съехал с асфальта и покатился по земляной обочине, замедляясь, кренясь вправо к кювету.

— Что ты со мной делаешь?

— То, чего ты заслуживаешь, *папочка*.

Пикап врезался в поваленный ствол березы, переломил его пополам и остановился. Девчонка и старик были надежно пристегнуты, а вот Ворон забыл о своем ремне безопасности. Его швырнуло грудью на руль, и клаксон протяжно взвыл. Опустив взгляд, Ворон увидел, что пистолет медленно поворачивается в руке. К нему дулом. Этого просто не могло происходить на самом деле. Наркотик должен был полностью заглушить ее способности. *Ну конечно!* Наркотик свое дело *сделал*. Но что-то случилось в том туалете. Тот, кто смотрел на него этими холодными глазами, мыслил совершенно ясно.

И обладал ужасающей силой.

Роуз! Роуз! Мне нужна твоя помощь!

— Не думаю, что она тебя слышит, — послышался голос, который явно принадлежал не Абре. — У тебя, мерзавец, могут быть свои таланты, но телепатия в их число не входит. Поэтому с подружкой ты болтаешь по телефону.

Собрав все силы в кулак, Ворон начал поворачивать ствол «глока» в сторону девчонки. Теперь пистолет весил добрых пятьдесят фунтов. Сухожилия на шее Ворона натянулись как тросы. На лбу выступили капли пота. Одна скатилась в глаз, и Ворону пришлось сморгнуть ее.

— Я... застрелю... твоего приятеля, — выдавил он.

— Нет, — ответил человек, затаившийся под личиной Абры. — Я тебе этого не позволю.

Но Ворон заметил, что тот тоже начинает выбиваться из сил, и это вселило в него надежду. Он вложил всю оставшуюся энергию в то, чтобы направить дуло в грудь старика, и ему это почти удалось, но тут пистолет вновь стал поворачиваться в другую сторону. Маленькая сучка тяжело дышала. Но, черт возьми, его силы тоже были на исходе. Они пыхтели, как два марафонца, бок о бок приближавшиеся к финишу.

Мимо, даже не притормозив, проехала какая-то машина. Оба не обратили на нее внимания. Они не сводили глаз друг с друга.

Ворон ухитрился взяться за пистолет обеими руками. Стало чуть легче. Он начал одерживать верх. Слава Господу! Но эти глаза!

— Билли! — закричала Абра. — Билли, помоги хоть немного!

Билли захрипел. Его веки распахнулись.

— Что, черт возьми, проис...

На мгновение это отвлекло Ворона. Сила его рук чуть ослабла, и ствол немедленно принялся поворачиваться к нему. Пальцы обжигал ледяной холод, металлические обручи все плотнее сдавливали глазные яблоки, угрожая превратить их в желе.

Пистолет выстрелил, когда дуло смотрело между Вороном и Аброй, и пуля пробила отверстие в приборной панели прямо над магнитолой. Билли окончательно проснулся, беспорядочно замахав руками, как человек, которому приснился кошмарный сон. Одной рукой он угодил Абре в висок, другой — в грудь Ворону. Кабину пикапа наполнил голубой дымок и запах жженого пороха.

— Что это было? Что такое?..

— *Нет, сучка, нет!* — прорычал Ворон.

Он резко дернул ствол в сторону Абры и почувствовал, как ее хватка соскальзывает. Спасибо удару по голове. Ворон увидел отчаяние и ужас в ее глазах и испытал прилив злобной радости.

Придется убить ее. Нельзя дать ей еще один шанс. Но стрелять нужно не в голову. Только в живот. Чтобы потом всласть насосаться пара, которого в ней...

Плечо Билли врезалось Ворону в бок. Пистолет подскочил и снова выстрелил, пробив отверстие в крыше прямо над головой Абры. И прежде чем Ворон успел опустить дуло, две огромных руки легли поверх его ладоней. Он осознал, что прежде враг использовал против него лишь часть той мощи, которой владел в действительности. Паника высвободила новые — быть может, доселе неведомые самому обладателю — резервы. На этот раз пистолет с легкостью повернулся к Ворону, кости его запястий хрустнули, как пересохший тростник. На мгновение он увидел перед собой круглый черный глаз и успел подумать:

(*Роуз, я тебя лю*)

Яркая вспышка озарила кабину, а потом опустилась темнота. Четыре секунды спустя от Папаши Ворона не осталось ничего, кроме одежды.

7

Пароголовый Стив, Русская Баба, Горбун Дик и Жадина Джи убивали время за игрой в канасту*, сидя в «баундере», который делили друг с другом Жадина и Грязнуля Фил, когда до них донеслись вопли и крики. Эти четверо уже не первый день были на взводе — как и все остальные члены Узла, — а потому сразу бросили карты и поспешили к двери.

Все высыпали из своих кемперов, чтобы разобраться, что происходит, но замерли при виде Розы-в-Шляпе, стоявшей в ослепительном бело-желтом свете прожекторов, освещавших «Оверлук-холл». Ее глаза были дикими. Она рвала на себе воло-

* Карточная игра, появившаяся в Южной Америке в начале XX в.

сы, словно ветхозаветный пророк, которого посетило ужасное видение.

— *Эта маленькая сучка убила моего Ворона!* — визжала она. — *Теперь я сама убью ее! Я УБЬЮ ЕЕ И СОЖРУ ЕЕ СЕРДЦЕ!*

Потом она рухнула на колени и разрыдалась, закрыв лицо ладонями.

Истинные стояли как громом пораженные. Никто не знал, что говорить или делать. Наконец Тихоня Сари приблизилась к Роуз, но та с силой оттолкнула ее. Сари упала на спину, встала и снова подошла к Роуз. На этот раз та подняла глаза и увидела свою утешительницу — женщину, которая сама потеряла свою любовь в эту невыразимо ужасную ночь. Она обняла припавшую к ней Сари так крепко, что собравшиеся услышали хруст костей. Но Сари не подала виду, что ей больно, и через какое-то время они обе, опираясь друг на друга, поднялись на ноги. Роуз перевела взгляд с Тихони Сари на Большую Мо, потом на Толстуху Мэри и Чарли Жетона. Она словно видела их впервые в жизни.

— Пойдем, Роузи, — сказала Мо. — Ты пережила шок. Тебе нужно при...

— *НЕТ!*

Она отшатнулась от Тихони Сари и с силой ударила себя по щекам. От этой двойной пощечины с ее головы слетела шляпа. Роуз наклонилась, чтобы поднять ее, а когда снова оглядела собравшуюся вокруг группу Истинных, глаза ее уже не были столь безумными. Она вспомнила про Дизеля Дуга и тех, кого отправила навстречу Папаше и его пленнице.

— Мне нужно связаться с Дизом. Сказать ему, Филу и Энни, что они должны вернуться. Нам надо держаться вместе. Необходимо принять пар. Много пара. И как только насытимся, *мы рассчитаемся с этой сучкой*.

Но они лишь смотрели на нее с тревогой и неуверенностью. Вид этих испуганных глаз и тупо раскрытых ртов вызвал у Роуз новый приступ ярости.

— Вы сомневаетесь во мне? — Тихоня Сари снова подобралась к ней, но Роуз оттолкнула ее с такой силой, что та едва опять не упала. — Тот из вас, кто утратил веру в меня, пусть сделает шаг вперед.

— Никто не сомневается в тебе, — сказал Пароголовый Стив, — но не лучше ли нам будет просто забыть о ней? — Он говорил осторожно, избегая смотреть Роуз в глаза. — Если Ворон действительно погиб, то это уже пятая смерть. Мы никогда не теряли сразу пятерых в один день. Ни разу даже двоих не те...

Роуз сделала шаг вперед, и Стив тут же попятился, втянув голову в плечи, как ребенок, ожидавший наказания.

— Вы испугались маленькой девчонки-«парилки»? После стольких лет вы хотите впервые в нашей истории, трусливо поджав хвосты, бежать *от лоха*?

Ей никто не ответил, но Роуз прочитала правду в их глазах. Они действительно этого хотели. У них выдалось несколько удачных лет. Несколько лет сытости и довольства. Легкой добычи. А теперь они столкнулись с кем-то, кто не только обладал необычайными запасами пара, но и был силен, а главное — знал о них все. Знал, кто они и чем занимаются. И потому, вместо того чтобы расквитаться за Папашу Ворона — который вместе с Роуз провел их сквозь радости и невзгоды, — они действительно готовы были, как побитые собачонки, поджать хвосты и, подвывая, убежать, забиться в какой-нибудь темный угол. В тот момент ей хотелось поубивать их всех. Они почувствовали это и отступили от нее еще дальше.

Все, исключая Тихоню Сари, которая с отвисшей челюстью уставилась на Роуз словно загипнотизированная. Роуз вцепилась в ее тощие плечи.

— Нет, Роузи! — вскрикнула Мо. — Не причиняй ей боль!

— А что думаешь ты, Сари? Эта девчонка в ответе за смерть женщины, которую ты любила. Ты тоже хочешь бежать от нее?

— Не-е-е, — сказала Сари, посмотрев Роуз в глаза. Даже сейчас, в центре общего внимания, она казалась лишь серой тенью.

— Ты хотела бы отплатить ей за все?

— Угу, — ответила она, а потом добавила: — Месь!

Голос Сари был очень тихим, и она страдала дефектами речи, но ее услышали и поняли.

Затем Роуз оглядела остальных.

— А те из вас, кто не стремится к тому же, чего хочет Сари, кому проще распластаться на брюхе и уползти...

Она повернулась к Большой Мо и ухватила женщину за дряблую руку. Та взвизгнула от страха и неожиданности и попыталась высвободиться. Роуз силой удержала ее и воздела руку Мо над головой, чтобы видели все. Она была покрыта красными пятнами.

— Вы можете уползти вот от этого?

Они зароптали и отступили еще на несколько шагов.

— Мы уже носим это в себе, — сказала Роуз.

— Большинство из нас в порядке! — выкрикнула Милашка Терри Пикфорд. — Со мной, например, *все в полном порядке*! Ни единого пятнышка!

И она выставила свои гладкие руки на всеобщее обозрение.

Роуз обратила горящие, полные слез глаза в сторону Терри.

— Пока. Но надолго ли?

Терри не ответила и отвернулась.

Роуз обняла Тихоню Сари и оглядела остальных.

— Орех считал, что девочка — наш единственный шанс избавиться от болезни, пока она не скосила всех. Кто-нибудь знает другой метод? Если да, то пусть выскажется.

Все промолчали.

— Мы дождемся возвращения Диза, Энни и Грязнули Фила, а потом примем пар. Больше пара, чем когда-либо прежде. Мы опустошим все канистры.

Удивление и новая волна тревожных перешептываний. Неужели они подумали, что Роуз лишилась рассудка? Что ж, бесполезно их разубеждать. Истинный Узел уничтожала не только корь; его разъедал страх, что было гораздо хуже.

— Когда будем вместе, мы соберемся в круг. Мы станем сильнее. *Lodsam hanti.* Мы Избранные. Или вы забыли об этом? *Sabbatha hanti.* Мы — Истинный Узел, и мы выстоим. Повторите это вместе со мной. — Ее глаза впились в них. — *Повторяйте!*

И они подчинились, взявшись за руки и образовав круг: *Мы — Истинный Узел, и мы выстоим.* Проблеск решимости мелькнул в их глазах. Проблеск веры. Лишь у нескольких человек появились пятна; у них еще оставалось время.

Роуз и Тихоня Сари вошли в круг. Терри и Баба разомкнули руки, чтобы освободить им место, но Роуз вывела Сари

прямо в центр. Под мощными лучами прожекторов тела двух женщин отбрасывали множественные тени, похожие на спицы колеса.

— Когда мы станем сильны, когда вновь будем едины, мы найдем и схватим ее. Обещаю это как ваш лидер. И даже если ее пар не излечит болезнь, которая пожирает нас, мы прикончим эту...

В этот момент девочка заговорила у нее в голове. Роуз не могла видеть яростную улыбку Абры Стоун, но ощущала ее.

(*тебе не придется искать меня, Роуз*)

8

С заднего сиденья автомобиля Джона Долтона Дэн Торранс произнес голосом Абры пять четких слов:

— Я сама приду к тебе.

9

— Билли? *Билли!*

Билли Фриман посмотрел на девочку, голос которой звучал далеко *не по-девичьи*. Она раздвоилась, потом слилась в одно целое и снова раздвоилась. Он провел рукой по лицу. Веки отяжелели, а мысли словно слиплись в комок. Что случилось? День успел смениться ночью, и это явно была не та улица, на которой жила Абра.

— Кто стрелял? И кто насрал мне в рот? *Боже!*

— Билли, пора просыпаться. Тебе нужно...

Тебе нужно вести машину, хотел сказать Дэн, но Билли Фриман был не в состоянии сесть за руль. По крайней мере пока. Его глаза норовили закрыться, причем не всегда одновременно. Дэн ударил старика в бок локтем Абры, чем привлек его внимание, пусть и ненадолго.

Свет фар озарил кабину пикапа — приближался еще один автомобиль. Дэн затаил дыхание Абры, но и этот водитель поспешил миновать их, не притормозив. Быть может, это была

одинокая женщина или бизнесмен, слишком торопившийся домой. Плохой самаритянин, и это их устраивало, однако в третий раз удача могла изменить им. Сельские жители всегда отличались стремлением помочь друг другу. И любопытством.

— Только не спи, — сказал он.

— А *кто* ты такой? — Билли старался сфокусировать на девочке взгляд, но безуспешно. — У тебя точно голос не Абры.

— Это сложно объяснить. А пока сосредоточься на том, чтобы не заснуть.

Дэн выбрался из пикапа и, спотыкаясь, направился к водительской двери. Ноги Абры, показавшиеся ему такими длинными в день их первой встречи, в действительности оказались слишком коротки для него. Оставалось только надеяться, что ему не придется надолго к ним привыкать.

На сиденье лежала одежда Ворона. Его парусиновые туфли стояли на грязном коврике, и из каждой торчало по носку. Кровь и мозги, запятнавшие рубашку и пиджак, пропали, но оставили влажные пятна. Дэн собрал все в кучу, а потом, поразмыслив, добавил туда пистолет. Ему не слишком хотелось расставаться с оружием, но если их остановит полиция...

Он бросил сверток перед машиной и закидал опавшими листьями. Затем перетащил туда же кусок сломанного ствола березы, в которую врезался пикап, и прикрыл тайник. Работать руками Абры было нелегко, но он справился.

Затем он обнаружил, что не может просто сесть в машину: пришлось подтянуться, ухватившись за руль. А когда он окончательно устроился на месте водителя, понял, что ногами не достает до педалей. *Проклятие!*

Билли звучно всхрапнул и снова получил локтем в бок. Он открыл глаза и в недоумении огляделся.

— Где это мы? Тот парень что, чем-то накачал меня? Думаю, мне нужно еще поспать.

В какой-то момент отчаянной борьбы за пистолет так и не открытая бутылка фанты упала на пол. Дэн наклонился, подобрал ее, затем, положив руку Абры на пробку, помедлил, вспомнив, что происходит с любым газированным напитком, если его основательно встряхнуть.

Откуда-то донесся голос Абры,

(*отличная мысль*)

при этом она улыбалась, но без злости. Дэн подумал, что это хорошо.

10

Не позволяйте мне заснуть, попросила Абра губами Дэна, поэтому Джон сразу же съехал с шоссе в зону отдыха «Фокс ран» и припарковался как можно дальше от торгового центра. Там они с Дэйвом стали прогуливать тело Дэна вокруг машины, поддерживая под руки. Он напоминал пьяного на исходе бурной ночи — его голова то и дело падала на грудь, затем вновь поднималась. Оба по очереди допытывались, что произошло, что происходило сейчас и *где* это происходило, но Абра могла только мотать головой Дэна.

— Ворон сделал мне укол в руку, прежде чем отпустил в туалет. Остальное я плохо помню. Но тс-с-с... Мне надо сосредоточиться.

После третьего круга вокруг «сабербана» Джона рот Дэна скривился в улыбке, и он по-девичьи захихикал. Дэйв вопросительно посмотрел на Джона через плечо их неуклюжего спотыкающегося подопечного, но тот только недоуменно покачал головой.

— Отличная мысль, — сказала Абра. — Фанта.

11

Дэн взболтал бутылку и снял крышку. Струя оранжевой жидкости ударила в лицо Билли. Тот закашлялся и стал отплевываться, на время полностью проснувшись.

— Господи Иисусе, девочка! Зачем было делать это?

— Но ведь сработало, верно? — Дэн протянул ему все еще шипящую бутылку. — На, влей остальное внутрь. Извини, но тебе нельзя больше спать, как бы ни хотелось.

Пока Билли приканчивал бутылку, Дэн нашел рычаг регулировки положения сиденья. Потянул его одной рукой, другой подтаскивая себя к рулю. Сиденье рывком передвинулось вперед. Билли пролил на себя фанту (и произнес слова, которые взрослые мужчины избегают использовать в обществе юных особ женского пола из Нью-Гэмпшира), но теперь ноги Абры дотягивались до педалей. Почти дотягивались. Дэн включил передачу и медленно сдал назад, выруливая на дорогу. Когда колеса полностью оказались на асфальте, он издал вздох облегчения. Застряв на обочине глухой дороги в Вермонте, они вряд ли решат свои проблемы.

— Ты хотя бы знаешь, что делаешь? — спросил Билли.

— Не волнуйся. У меня большой опыт... хотя был перерыв, когда власти штата Флорида отобрали мои права. Я тогда находился в другом штате, но, оказывается, есть такая штука, как принцип взаимности. Ездить в пьяном виде запрещено на всей территории Соединенных Штатов, представляешь?

— Так ты Дэн?

— Виновен по всем пунктам, — ответил он, вытягивая шею, чтобы видеть дорогу.

Жаль, под рукой не оказалось какой-нибудь толстой книги: он подложил бы ее под задницу для удобства, — но придется потерпеть. Дэн включил передачу, и пикап тронулся.

— Как ты забрался в нее?

— Лучше не спрашивай.

Ворон что-то говорил (или только подумал об этом, Дэн сейчас не помнил таких деталей) о дороге к кемпингу, и примерно через четыре мили по шоссе 108 им попался съезд на проселок с деревянным указателем, приколоченным к сосне: «ЗАВЕТНЫЙ УГОЛОК БОБА И ДОТ». Если это не было дорогой к кемпингу, значит, их не существовало в природе. Дэн повернул руль рукой Абры, мысленно благодаря гениев инженерной мысли, придумавших гидроусилитель, и включил дальний свет фар. Но уже через четверть мили дорогу перегородила тяжелая цепь, снабженная куда менее гостеприимным знаком: «ВЪЕЗД ВОСПРЕЩЕН». Цепь выглядела надежной. Вероятно, Боб и Дот решили провести эти выходные вдали от своего «заветного уголка». Впрочем, и в четверти мили от шоссе Дэн по-

чувствовал себя в относительной безопасности. Их ожидала еще одна приятная неожиданность: дренажная труба, из которой сочилась струйка воды.

Дэн выключил фары и заглушил двигатель. Потом повернулся к Билли.

— Видишь ту трубу? Пойди и смой фанту с лица. И вообще освежись. Тебе надо окончательно прийти в себя.

— Но я уже проснулся, — заявил Билли.

— Пока не совсем. Постарайся не замочить рубашку. А потом причешись. Тебе предстоит появление на публике.

— Где мы сейчас?

— В Вермонте.

— А что с тем парнем, который похитил меня?

— Мертв.

— Вот это да! — воскликнул Билли. Но потом ему в голову пришла другая мысль. — А как же труп? Где ты его спрятал?

Уместный вопрос, однако Дэн был не в настроении вдаваться в подробности. Ему хотелось, чтобы все это поскорее закончилось. Он устал во всех смыслах этого слова.

— Трупа нет. Это все, что тебе нужно пока знать.

— Но все-таки...

— Не сейчас. Умойся, а потом пройдись несколько раз по дороге туда и обратно. Помаши руками, подыши полной грудью и сделай так, чтобы в голове окончательно прояснилось.

— У меня башка просто раскалывается от боли.

Дэна это не удивило.

— Когда ты вернешься, девочка, по всей вероятности, снова станет девочкой, а это значит, что машину придется вести тебе. Если почувствуешь, что достаточно протрезвел, отправляйся в ближайший городок, где есть мотель, и сними комнату. Ты путешествуешь со своей внучкой, понял?

— Да, — кивнул Билли. — Со своей внучкой. Абби Фриман.

— Как только заселитесь, сразу позвони мне на сотовый.

— Потому что ты уже будешь там... Там же, где сейчас остальные.

— Верно.

— Мы по уши в дерьме, приятель?

— Да уж, — кивнул Дэн. — И теперь наша задача — разгрести дерьмо.

— Ну ладно. А что за город у нас по пути?

— Понятия не имею. Только не угоди в аварию, Билли. Если поймешь, что голова все еще не работает и ты не сможешь спокойно проехать двадцать — тридцать миль, а потом заселиться в мотель, чтобы регистратор не вызвал полицию, то вам с Аброй лучше провести остаток ночи в кабине твоего пикапа. Неудобно, зато безопасно.

Билли открыл пассажирскую дверь.

— Дай мне десять минут, и я сойду за трезвого. Мне не впервой. — Он подмигнул сидевшей за рулем девочке. — Я же работаю на Кейси Кингсли, смертельного врага алкоголиков.

Дэн проводил его взглядом до трубы, а потом закрыл глаза Абры.

На стоянке у торгового центра «Фокс ран» Абра закрыла глаза Дэна.

(*Абра*)

(*я здесь*)

(*ты пришла в себя*)

(*почти*)

(*нам надо снова повернуть колесо и ты должна помочь*)

На этот раз у нее получилось.

12

— Можете отпустить меня, парни, — сказал Дэн своим нормальным голосом. — Я в полном порядке. Как мне кажется.

Джон и Дэйв отпустили его, готовые в любой момент подхватить снова, если он покачнется, но ничего подобного не случилось. Вместо этого он вдруг принялся ощупывать себя: волосы, лицо, грудь, ноги. Потом удовлетворенно вздохнул.

— Да, я вернулся. — Дэн огляделся по сторонам. — Где мы?

— Зона отдыха «Фокс ран», — ответил Джон. — Примерно в шестидесяти милях от Бостона.

— Отлично. Тогда пора трогаться дальше.

— А Абра? — спросил Дэйв. — Что с Аброй?

— Она жива, здорова и находится там, где следует.

— Единственное место, где ей *следует* находиться, — это наш дом, — возразил Дэн с изрядной долей негодования в голосе. — Ее спальня, где она может бесконечно переписываться с подругами или слушать этих тупых парней из «Здесь и сейчас» на своем айподе.

Но она действительно дома, подумал Дэн. *Если тело человека — его дом, то она вернулась туда.*

— Абра вместе с Билли, который обо всем позаботится.

— А что с тем подонком, который похитил ее? С Вороном?

Дэн замер у задней двери автомобиля Джона.

— Можете о нем забыть. Теперь мы должны думать только о Роуз.

13

Мотель «Краун» находился в Краунвилле, то есть уже в штате Нью-Йорк. Это была захудалая дыра с мигавшей неоновой вывеской «СВОБ ДНЫЕ Н МЕРА» и «КАБЕ НОЕ ТЕЛЕВ ДЕ ИЕ!». На стоянке для трех десятков машин было только четыре автомобиля. Мужчина за регистрационной стойкой напоминал расплывшуюся гору жира с конским хвостом, который доходил до середины спины. Он принял кредитную карту Билли, а потом выдал ему ключи от двух комнат, не отрывая взгляда от экрана телевизора, на котором две женщины страстно целовались на красном бархатном диване.

— Они соединяются? — спросил Билли. А потом уточнил, глядя на экран: — Я имею в виду, номера смежные?

— Да-да, смежные. Только отоприте дверь.

— Спасибо.

Билли проехал к номерам 23 и 24, где и припарковался. Абра свернулась на сиденье, положив под голову руку, и крепко спала. Билли отпер комнаты, включил свет и открыл дверь между номерами. Жилье он счел обшарпанным, но небезнадежным. Ему хотелось только поскорее заселиться и лечь спать. Жела-

тельно часиков на десять. Он редко ощущал свой возраст, но сегодня чувствовал себя очень старым человеком.

Абра открыла глаза, когда он уложил ее на кровать.

— Где это мы?

— В Краунвилле, штат Нью-Йорк. Здесь безопасно. Я буду в смежном номере.

— Я хочу к папе. И к Дэну.

— Скоро ты с ними встретишься, — сказал Билли, надеясь, что не ошибается.

Ее глаза закрылись, но потом распахнулись снова.

— Я разговаривала с той женщиной. С той *мразью*.

— Неужели? — Билли не сразу сообразил, о чем речь.

— Она знает, что мы сделали. Почувствовала. И ей было *больно*. — Глаза Абры на мгновение блеснули холодным светом. Билли ее взгляд напомнил луч солнца, внезапно пробивший плотную завесу облаков в конце морозного февральского дня. — И я очень рада этому.

— Тебе нужно поспать, милая.

Но луч холодного зимнего солнца продолжал сиять в глазах девочки.

— Она знает, что я иду.

Билли захотелось убрать прядь волос со лба Абры... Но что, если она его укусит? Странная мысль, вот только этот свет в ее глазах... У его матери порой бывал похожий взгляд, и это означало, что она потеряла терпение и кому-то сейчас крепко попадет.

— Утром ты почувствуешь себя намного лучше, — сказал он. — Я бы тоже хотел вернуться сегодня и уверен: твой папа тоже этого хочет, но только я сейчас не могу вести машину. Нам еще повезло, что я доехал сюда без приключений.

— Мне нужно поговорить с мамой и папой.

Собственные родители Билли, которых трудно было назвать образцовыми, давно умерли. И сейчас ему хотелось только одного — спать. Он с тоской посмотрел через открытую дверь на кровать в соседнем номере. Скоро, но не сейчас. Он достал свой мобильник и открыл его. После двух гудков Дэн ответил. Еще несколько секунд спустя Билли передал трубку Абре.

— Это твой папа.

Абра схватила телефон.

— Папа? *Папочка?* — Ее глаза сразу наполнились слезами. — Да, все хорошо... Прекрати, папа, со мной *действительно* все в полном порядке. Просто так хочется спать, что я едва... — Ее глаза вдруг расширились, словно ей в голову пришла неприятная мысль. — А у *вас-то* там все хорошо?

Она выслушала ответ. У Билли слипались веки, и ему стоило немалого труда держать их открытыми. Девочка теперь ревела в голос, но ему это принесло почти облегчение. Ручьи слез погасили тот странный свет в ее глазах.

Потом она вернула телефон.

— Это Дэн. Он хочет еще о чем-то поговорить с вами.

Билли приложил телефон к уху и стал слушать. Потом обратился к Абре:

— Дэн хочет знать, не ощущаешь ли ты присутствия других плохих людей, которые могли бы добраться до нас сегодня ночью.

— Нет. Думаю, Ворон должен был встретиться с кем-то, но они еще очень далеко. И они не могут определить, где находимся мы, — она широко зевнула, — без его наводки. Так что передайте Дэну, что мы в безопасности. И пусть постарается донести эту мысль до моего папы.

Билли передал ее слова. Когда он закончил разговор, Абра уже свернулась на кровати, прижав коленки к груди и чуть посапывая. Билли достал из стенного шкафа одеяло и укрыл ее, а потом подошел к входной двери и накинул цепочку. Подумал немного и подпер ручку изнутри стулом. *Береженого Бог бережет,* говаривал когда-то его папаша.

14

Роуз открыла сейф в тайнике под полом и достала одну из канистр. Все еще стоя на коленях между передними сиденьями «эрскрузера», она открыла крышку и приложила рот к зашипевшему клапану. Ее челюсть опустилась почти до уровня груди, и вся нижняя часть лица превратилась в темное отверстие, из которого торчал единственный огромный зуб. Ее глаза со вздер-

нутыми вверх уголками опустились вниз и потемнели. Лицо Роуз стало похоже на скорбную посмертную маску, из-под которой отчетливо проступал череп.

Она приняла пар.

Когда с этим было покончено, Роуз убрала канистру на прежнее место, а сама уселась за руль, глядя прямо перед собой. *Тебе не придется искать меня, Роуз, — я сама приду к тебе.* Вот что она сказала. Вот что она *осмелилась* сказать ей, Роуз О'Хара, Розе-в-Шляпе. Девочка не просто сильна — сильна и *мстительна*. И очень зла на нее.

— Что ж, приходи, дорогая, — произнесла Роуз. — И злись дальше. Чем злее ты будешь, тем больше наделаешь глупостей. Приходи повидаться с тетушкой Роуз.

Раздался треск. Она посмотрела вниз и обнаружила, что отломила нижнюю часть руля «эрскрузера». Пар давал силу. Ее руки кровоточили. Роуз отшвырнула зазубренный кусок пластика в сторону, поднесла ладони к лицу и принялась облизывать их.

Глава 16
ТО, О ЧЕМ ЗАБЫЛИ

1

Как только Дэн закрыл свой телефон, Дэйв тут же предложил:

— Давайте возьмем с собой Люси и отправимся за Аброй.

Дэн покачал головой:

— Она говорит, что у нее все хорошо, и я ей верю.

— Но надо помнить, что ей вкололи наркотик, — заметил Джон, — и она может мыслить не совсем рационально.

— Она мыслила достаточно рационально, чтобы помочь мне разделаться с тем, кого называла Вороном, — возразил Дэн, — и сейчас я в ней тоже не сомневаюсь. Дайте им отоспаться и вытнать из себя отраву, которой напичкал их этот сукин сын. Нам же нужно позаботиться о других вещах. И очень важных. Вы должны хоть немного мне довериться. Дэвид, ты скоро увидишься со своей дочерью. А сейчас слушай меня внимательно. Мы высадим тебя у квартиры бабушки твоей жены, чтобы вы вместе с Люси приехали к ней в больницу.

— Не знаю, поверит ли мне она, когда я расскажу ей обо всем, что сегодня произошло. Я и сам с трудом в это верю. .

— Скажи, что с рассказом лучше подождать, пока мы не соберемся все вместе, включая Момо.

— Едва ли нас к ней пустят. — Дэвид посмотрел на часы. — Время для посещений давно истекло, а она очень больна.

— Медицинский персонал обычно смотрит сквозь пальцы на соблюдение правил, когда речь идет о смертельно больных пациентах, — сказал Дэн.

Дэйв посмотрел на Джона, но тот только пожал плечами:

— Парень работает в хосписе. Думаю, в этом вопросе ему можно доверять.

— Но она, наверное, даже не приходит в сознание, — упорствовал Дэвид.

— Будем решать проблемы по мере их поступления.

— И вообще, какое отношение к этому имеет Четта? Она же ничего не знает!

— Уверен, что она знает гораздо больше, чем ты думаешь, — ответил Дэн.

2

Они высадили Дэйва у дома на Мальборо-стрит и проследили, как он поднялся по ступеням и позвонил в одну из квартир.

— У него вид маленького мальчика, который знает, что скоро ему придется снять штанишки и получить ремнем по голой попе, — заметил Джон. — Чем бы все ни обернулось, это тяжелое испытание для его брака.

— У стихийных бедствий нет виноватых.

— Попробуй втолковать это Люси Стоун. Ход ее мыслей будет примерно таков: «Ты бросил свою дочь одну, и свихнувшийся бандит выкрал ее». На каком-то уровне подсознания она всегда будет так думать.

— Абра может заставить ее изменить свое мнение. А что до нынешней ночи, мы сделали все от нас зависящее и, как мне кажется, справились совсем неплохо.

— Но еще не закончили.

— Даже близко не подошли.

Дэйв снова нажимал кнопку звонка и всматривался в небольшой коридор, когда двери лифта распахнулись и из него выскочила Люси Стоун. Лицо ее было измученным и бледным. Как только она открыла входную дверь, Дэйв начал что-то говорить. Люси тоже. Потом она впустила его внутрь — *втащила*, ухватив за обе руки.

— Бог ему в помощь, — тихо произнес Джон. — Это напомнило мне немало ночей в прошлом, когда я приходил домой пьяный в три часа утра.

— Теперь все зависит только от него. Либо он убедит ее, либо нет, — сказал Дэн. — А нам пора заняться другим делом.

3

Дэн Торранс и Джон Долтон приехали в центральную больницу штата Массачусетс около половины одиннадцатого. На этаже, где располагалось отделение реанимации, было пусто. Сдувающийся воздушный шарик с разноцветной надписью «ВЫЗДОРАВЛИВАЙ ПОСКОРЕЕ» вяло плыл вдоль потолка, отбрасывая на него медузообразную тень. Дэн подошел к стойке дежурных медсестер и представился сотрудником хосписа, в который предполагалось перевести мисс Рейнолдс, показав свое удостоверение из Ривингтона. Джона Долтона он назвал семейным доктором (натяжка, но не ложь).

— Нам необходимо оценить ее состояние накануне переезда, — сказал Дэн, — и двое членов семьи пожелали присутствовать. Это внучка мисс Рейнолдс и ее муж. Прошу простить за столь поздний визит, но иначе не получилось. Они оба уже скоро будут здесь.

— Я знакома со Стоунами, — сказала старшая медсестра. — Это очень милые люди. Люси так заботится о своей бабушке. Кончетта — необыкновенная личность. Я читала ее стихи. Они просто бесподобны. Но если вы ожидаете что-то услышать от нее самой, джентльмены, то вас ждет разочарование. Она впала в кому.

Ну, это нас не остановит, подумал Дэн.

— И к тому же... — Сестра с сомнением посмотрела на Джона. — Не знаю, следует ли мне говорить это...

— Продолжайте, — сказал Джон. — Я еще не встречал старшей медсестры, которая не знала бы, каков расклад.

Она улыбнулась ему в ответ, потом повернулась к Дэну.

— Я слышала только положительные отзывы о хосписе Ривингтон, но у меня есть сомнения, что Кончетту туда отправят.

Даже если она проживет до понедельника, едва ли стоит куда-то перевозить ее. Будет милосерднее дать ей спокойно закончить свои дни здесь. Простите, если я говорю лишнее.

— Ни в коей мере, — ответил Дэн, — и мы обязательно примем во внимание вашу точку зрения. Джон, спуститесь, пожалуйста, в вестибюль и проводите чету Стоун наверх, когда они приедут. Я могу начать без вас.

— Вы уверены?..

— Да, — ответил Дэн, бросая на него выразительный взгляд. — Полностью уверен.

— Она в девятой палате, — сообщила старшая медсестра. — Одноместная в дальнем конце коридора. Если я вам понадоблюсь, нажмите кнопку вызова.

4

На двери палаты номер девять действительно значилась фамилия Кончетты, но уже отсутствовали листы с рекомендациями по лечению, а показания монитора под потолком не внушали оптимизма. Дэна окружили знакомые запахи: освежителя воздуха, антисептика и неизлечимой болезни. Последний пел в его голове словно скрипка, способная издавать лишь одну высокую ноту. Стены палаты были увешаны фотографиями, на многих из которых присутствовала Абра всех возможных возрастов. На одном снимке группа малышей с широко раскрытыми ртами наблюдала, как фокусник достает из шляпы белого кролика. Дэн не сомневался, что фото сделали в тот знаменитый день рождения — в День ложек.

В окружении этих фотографий спала, приоткрыв рот, исхудавшая женщина с перламутровыми четками между пальцами. Оставшиеся на ее голове волосы были такими тонкими, что почти сливались с наволочкой подушки. Ее кожа, когда-то оливковая, пожелтела. Грудь под ночной сорочкой едва шевелилась. Дэну хватило одного взгляда на нее, чтобы понять: старшая медсестра действительно знала расклад. Будь здесь Аззи, он бы уже лежал, свернувшись, рядом с обитательницей комнаты, дожидаясь, когда придет Доктор Сон, чтобы возоб-

новить ночное патрулирование коридоров, где не было ничего, кроме тех таинственных вещей, которые доступны лишь кошачьему зрению.

Дэн присел на край кровати, отметив, что единственным препаратом, который еще вводился внутривенно, был физраствор. Помочь ей могло лишь одно лекарство, но в больничных аптеках его не держали. Трубка капельницы съехала. Дэн поправил ее. Потом взял женщину за руку и всмотрелся в ее лицо.

(*Кончетта*)

Ее дыхание на мгновение сбилось.

(*Кончетта вернитесь*)

Под тонкими потемневшими веками шевельнулись глазные яблоки. Должно быть, она вслушивалась; вероятно, видела свои последние сны. Скорее всего ей снилась Италия. Как она склоняется над колодцем во дворе дома и вытаскивает ведро, полное холодной чистой воды. А над головой сияет жаркое летнее солнце.

(*Абре нужно чтобы вы вернулись и мне тоже*)

Это было все, что он мог сделать, и Дэн не знал, достаточно ли этого окажется, пока глаза женщины не начали медленно открываться. Сначала они смотрели в пустоту, но постепенно в них появилось осмысленное выражение. Дэн видел такое прежде. Таинство возвращения сознания. Не в первый раз он задумался, откуда оно берется и куда уходит потом. Смерть была не меньшим чудом, чем рождение.

Рука, которую он держал, напряглась. Глаза посмотрели на Дэна, и Кончетта улыбнулась. Едва заметно, но улыбнулась.

— Oh mio caro! Sei tu? Come e possibile? Sei morto? Sono morta anch'io?.. Siamo fantasmi?

Дэн не говорил по-итальянски, но это не имело значения. Смысл ее слов отозвался у него в голове.

О, мой дорогой! Это ты? Как такое возможно? Ты мертв? А я?

И после паузы:

Мы стали призраками?

Дэн наклонился и прижался щекой к ее щеке.

Он что-то прошептал ей на ухо.

И через какое-то время она шепотом ответила ему.

5

Их разговор был коротким, но предельно содержательным. Кончетта говорила в основном по-итальянски. Под конец она подняла руку — пусть и с огромным трудом, но ей это удалось — и погладила его по заросшей щетиной щеке. Она улыбалась.

— Вы готовы? — спросил он.

— Si. Готова.

— Бояться совершенно нечего.

— Si. Знаю. Я рада, что вы пришли. Скажите мне еще раз, как вас зовут, signor.

— Дэниел Торранс.

— Si. Вы просто дар Божий, Дэниел Торранс. Sei un dono di Dio.

Дэну оставалось надеяться, что так и было.

— Вы дадите мне это?

— Si, конечно. Все, что угодно, если это нужно Абре.

— А я дам вам то, в чем нуждаетесь вы, Четта. Мы вместе выпьем из одного колодца.

Она закрыла глаза.

(*я знаю*)

— Вы просто заснете, а когда проснетесь...

(*все будет лучше чем прежде*)

Контакт оказался даже сильнее, чем в ночь ухода Чарли Хейеса, — он почувствовал это, когда мягко взял ее ладони в свои, ощутив прикосновение гладкой поверхности четок. Где-то огни гасли один за другим. И это было правильно. В Италии маленькая девочка в коричневом платье и сандалиях доставала холодную воду из колодца. Она очень походила на Абру, та девочка. Лаяла собака. Il cane. Ginata. Il cane si rotolava sull'erba. Лаяла и каталась по траве. Смешная Джината!

Кончетте было шестнадцать, и она была влюблена, или тридцать, и она писала стихи, сидя за кухонным столом душной квартиры в Куинсе, а с улицы доносились крики детворы; ей было шестьдесят, и она стояла под дождем, глядя на сотни тысяч ниспадающих нитей из чистейшего серебра. Она была своей матерью и своей правнучкой, и настало время для великой пе-

ремены, для начала великого путешествия. Джината каталась по траве, а огни

(*поторопитесь пожалуйста*)

гасли один за другим. Дверь открывалась,

(*поспешите пожалуйста пора*)

и из-за нее до них доносилось таинственное, ароматное дыхание ночи. Над ними светили все звезды, что были когда-либо.

Он поцеловал ее в холодный лоб.

— Все хорошо, сага. Вам нужно поспать. Сон принесет облегчение.

Потом он стал ждать ее последнего вздоха.

И дождался.

6

Он все еще сидел на том же месте, держа ее руки в своих, когда дверь палаты распахнулась и вошла Люси Стоун. Ее муж и педиатр ее дочери следовали за ней на некотором расстоянии, словно опасаясь, что их опалит огнем страха, ярости и злости, который окружал Люси мощной, почти видимой аурой.

Она вцепилась Дэну в плечо, вонзив ногти в плоть под рубашкой.

— Немедленно отойдите от нее. Вы ее не знаете. Вы не имеете никакого отношения к моей бабушке, равно как и к моей до...

— Говорите тише, — сказал Дэн не оборачиваясь. — Здесь скончался человек.

Бушевавший в Люси гнев мгновенно улетучился, и она както сразу расслабилась. Опустилась на край кровати рядом с Дэном и посмотрела на восковую камею, в которую превратилось лицо ее бабушки. Потом перевела взгляд на изможденное, небритое лицо мужчины, державшего мертвые руки, по-прежнему перевитые четками. Слезы крупными прозрачными каплями покатились по ее щекам.

— Я не могу понять и половины из того, что они говорят. Абру похитили, но теперь с ней все в порядке — как меня уве-

ряют — и она в мотеле с человеком по имени Билли. Сейчас они оба крепко спят.

— Да, так и есть, — подтвердил Дэн.

— Тогда избавьте меня от своей напыщенности, будьте любезны. Я оплачу Момо, как только увижусь с Аброй. Как только обниму ее. А сейчас я хочу знать... Я хочу... — Она осеклась, переведя взгляд с Дэна на свою покойную бабушку, а потом снова на Дэна. Муж стоял рядом. Джон закрыл дверь палаты номер девять и прислонился к ней. — Ваша фамилия Торранс? Вы Дэниел Торранс?

— Да.

Люси снова медленно перевела взгляд с неподвижного профиля бабушки на лицо мужчины, который был рядом, когда та умирала.

— Кто вы такой, мистер Торранс?

Дэн отпустил руки Четты и взял за руку Люси.

— Пойдемте со мной. Это недалеко.

Она покорно поднялась, по-прежнему всматриваясь в его лицо. Он подвел ее к распахнутой двери ванной, включил свет и указал на висевшее над раковиной зеркало. Они оба отражались в нем как на фотографии в рамке. Подобный ракурс оставлял очень мало поводов для сомнений. Точнее, рассеивал их полностью.

Дэн сказал:

— Мой отец был и вашим отцом, Люси. Я ваш сводный брат.

7

Уведомив старшую медсестру о смерти пациентки, они отправились в небольшую больничную часовню. Люси отлично знала, куда идти: хотя она сама не считала себя верующей, ей довелось провести там немало времени в раздумьях и воспоминаниях. Это было самое удобное место для размышлений, столь необходимых людям, чьи близкие находились на грани смерти. Сейчас часовня оказалась в их полном распоряжении.

— Давайте сразу все проясним, — сказал Дэн. — Верите вы мне или нет? Мы можем сделать тест ДНК, когда будет время, но только... есть ли необходимость?

Люси растерянно помотала головой, все еще не сводя глаз с лица Дэна. Она словно пыталась выучить его наизусть.

— Боже мой! Я никак не могу прийти в себя.

— Я сразу подумал, что ты мне кого-то напоминаешь, — сказал Дэйв Дэну. — Теперь понятно почему. Я бы и сам догадался, если бы... Ну, ты понимаешь...

— Если бы посмотрел со стороны, — подсказал Джон. — Абра знает об этом, Дэн?

— Конечно. — Дэн улыбнулся, вспомнив теорию родственной относительности.

— Она прочитала это в ваших мыслях? — спросила Люси. — Используя свою телепатию?

— Нет, потому что *я сам* ничего не знал. Даже такой одаренный человек, как Абра, не может прочитать то, чего не существует. Но в глубине души мы догадывались. Да что там! Мы даже говорили об этом. Если бы кто-то спросил, что мы делаем вместе, мы бы ответили, что я ее дядя. Которым я и являюсь на самом деле. Мне тоже следовало догадаться намного раньше.

— Вот так совпадение! — воскликнул Дэйв, качая головой.

— Ничего подобного. Это никак не назовешь обычным совпадением. Люси, я понимаю, насколько вы сбиты с толку и, быть может, сердиты на меня. Я расскажу вам все, что мне известно, но это займет некоторое время. Хотя теперь благодаря Джону, вашему мужу и Абре — причем ей в первую очередь — мы этим временем располагаем.

— По дороге, — сказала Люси. — Вы мне все расскажете по пути к Абре.

— Хорошо, — кивнул Дэн, — по дороге. Только сначала нам всем необходимо поспать хотя бы часа три.

Люси яростно замотала головой, прежде чем он успел закончить.

— Нет, сейчас же. Я должна увидеть ее, и как можно скорее. Неужели вы не понимаете? Она моя дочь, ее похитили, и *я просто должна увидеться с ней*!

— Да, ее похитили, но теперь она в полной безопасности, — сказал Дэн.

— Вы постоянно твердите об этом, но наверняка ничего не знаете.

— *Абра* говорит об этом, — возразил Дэн. — А она *знает наверняка*. Послушайте, миссис Стоун — Люси, — Абра сейчас спит, и она очень нуждается в спокойном сне.

Как и я сам. Мне предстоит долгое путешествие, и, полагаю, оно будет нелегким. Очень.

Люси присмотрелась к нему.

— Вы здоровы?

— Здоров. Просто очень устал.

— Мы все устали, — вмешался Джон. — Это был тот еще день... Такого стресса я не испытывал никогда в жизни. Что за приключение!

Он рассмеялся, но тут же прижал ладони ко рту, как мальчишка, сказавший неприличное слово.

— Я не могу даже позвонить ей, чтобы услышать ее голос, — сказала Люси. Теперь она говорила медленно, словно излагая сложную заповедь. — Потому что ей необходимо отоспаться и избавиться от воздействия наркотика, который тот человек... тот, кого вы назвали Вороном... вколол ей.

— Скоро, — сказал Дэн. — Очень скоро вы увидитесь с ней.

Он положил ладонь на ее руки. Секунду казалось, что Люси стряхнет ее. Но вместо этого она стиснула его руку в ответ.

— Начать свой рассказ я смогу уже по пути в квартиру вашей бабушки. — Дэн с трудом поднялся на ноги. — Нам пора ехать.

8

Он успел рассказать, как один запутавшийся человек ехал на автобусе из Массачусетса на север и как, едва он пересек границу Нью-Гэмпшира, избавился от последней в своей жизни бутылки спиртного, бросив ее в мусорный бак с надписью «ВСЕ, ЧТО ВАМ БОЛЬШЕ НЕ НУЖНО, ВЫ МОЖЕТЕ ОСТАВИТЬ ЗДЕСЬ». Как его невидимый друг детства Тони вдруг заговорил

с ним после долгих лет молчания, когда автобус въехал во Фрейзер. *Это место для тебя*, сказал Тони.

Отсюда Дэн перенес свое повествование к тем временам, когда он был еще не Дэном, а Дэнни (иногда — доком, как в мультике) и не мог обойтись без Тони. Тони помогал ему справиться не только с сиянием. Существовало нечто и более важное. Например, его отец-алкоголик, глубоко несчастный и потенциально опасный человек, которого они с мамой очень любили — не в последнюю очередь за его недостатки.

— Он обладал ужасным характером, и не требовалось телепатии, чтобы понять, когда им овладевала злость. Обычно если он был пьян. Я, например, знаю, что он накачался спиртным в тот вечер, когда застал меня в своем кабинете разбрасывающим бумаги. В тот раз он сломал мне руку.

— Сколько тебе было лет? — спросил Дэйв. Они с женой ехали на заднем сиденье.

— По-моему, четыре. А может, и того меньше. Еще у него была привычка: разозлившись, он начинал тереть рукой губы. — Дэн продемонстрировал. — Вам, случайно, не попадался никто с такой же манерой выражать свои чувства?

— Абра, — сразу же сказала Люси. — А я-то считала, что у нее это от меня.

Она подняла правую руку ко рту, потом перехватила левой и опустила на колено. Дэн видел, как Абра делала то же самое, когда они впервые встретились рядом с публичной библиотекой Эннистона.

— Я думала, что и характер у нее тоже мой, — продолжала Люси. — Я ведь бываю иногда... слишком резкой, что ли.

— А я вспомнил об отце, как только заметил, что Абра трет себе губы, — сказал Дэн, — но не придал этому значения, потому что мои мысли были тогда заняты более важными проблемами. А потом забыл.

Ему пришел на память Уотсон, главный механик «Оверлука», который показал отцу ненадежный бойлер в подвале отеля. «Следи за ним, — сказал тогда Уотсон, — потому что давление ползет вверх». Но Джек Торранс в самый ответственный момент забыл о предупреждении. И только по этой причине Дэн остался в живых.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что именно мелкая привычка навела тебя на мысль о нашем родстве? В таком случае ты проявил чудеса дедукции, особенно если принять во внимание, что внешне похожи только мы с тобой, а у тебя с Аброй мало общего, поскольку она унаследовала черты отца. — Люси помедлила в задумчивости. — Но разумеется, вас с Аброй роднит другая семейная черта. Дэйв сказал, вы называете ее сиянием. *Вот как* ты обо всем догадался, верно?

Дэн покачал головой.

— В год гибели отца я подружился с одним человеком. Его звали Дик Холлоран. Он работал в «Оверлуке» поваром. Дик тоже был наделен даром сияния и сказал мне, что очень многие люди владеют им, пусть и в крайне слабой степени. Он был прав. На своем жизненном пути я встречал немало людей, которые сияли — кто сильнее, кто слабее. Взять, к примеру, того же Билли Фримана. Именно поэтому он сейчас с Аброй.

Джон направил «сабербан» на небольшую стоянку позади дома Кончетты. Какое-то время никто не двигался. Несмотря на тревогу за дочь, Люси заворожил этот исторический рассказ. Дэну необязательно было видеть ее, чтобы понять это.

— Но если не сияние, то что же?

— Когда мы ехали на игрушечном поезде в сторону Клауд-Гэпа, Дэйв упомянул, что ты нашла в подвале у Кончетты некий сундук.

— Да. Сундук моей матери. Я и понятия не имела, что Момо сохранила какие-то ее вещи.

— Дэйв рассказал нам с Джоном, что твоя матушка любила от души повеселиться.

Вообще-то Дэйв рассказал это Абре через телепатический мост, но сейчас Дэн решил, что его новообретенной сводной сестре лучше преподнести другую версию. По крайней мере пока.

Люси метнула в Дэйва полный упрека взгляд, каким обычно одаривают излишне болтливых спутников жизни, но промолчала.

— Он рассказал также, что когда Алессандра бросила университет штата Нью-Йорк в Олбани, она как раз проходила учительскую практику в одной из школ то ли Вермонта, то ли Массачусетса. А мой отец преподавал английский язык и лите-

ратуру в Вермонте, пока его не выгнали с работы за избиение ученика. Школа находилась в Стовингтоне. По словам моей мамы, он тоже вел тогда разгульный образ жизни. И сегодня, как только я убедился, что Абра и Билли вне опасности, у меня появилась возможность припомнить некоторые даты. Все вроде бы совпадало, но потом я понял, что если кому-то и известна вся правда, то только матери Алессандры Андерсон.

— Она *знала*? — спросила Люси, подавшись вперед и положив руки на консоль между передними сиденьями.

— Не все, да и времени у нас почти не было. Она не запомнила название школы, где отрабатывала практику твоя мама, но знала, что она находилась в Вермонте. И знала, что у дочери завязался роман с преподавателем, которого назначили ее куратором. По воспоминаниям Кончетты, он писал прозу, причем публиковался. — Дэн сделал паузу. — Как мой отец. Всего несколько рассказов, но некоторые в солидных изданиях вроде «Атлантик мансли». Кончетта не пыталась выяснить его имя, а Алессандра не спешила называть его, но если вы найдете в сундуке ее университетские записи, то, уверен, обнаружите, что ее куратором был Джон Эдвард Торранс.

Он зевнул и посмотрел на часы.

— Давайте пока закончим на этом. Поднимемся наверх. Три часа сна, а потом отправимся на север штата Нью-Йорк. Дороги еще будут свободны, и мы доберемся до места очень быстро.

— Ты можешь поклясться мне, что Абра в безопасности? — спросила Люси.

Дэн кивнул.

— Хорошо. Я готова подождать. Но только три часа. Что же до сна...

Она невесело рассмеялась.

9

Когда они вошли в квартиру Кончетты, Люси сразу же направилась к микроволновой печи на кухне, установила таймер и показала Дэну. Он понимающе закивал, не переставая зевать во весь рот.

— Да-да, ровно в три тридцать утра мы выдвигаемся отсюда.

Она с мрачным видом посмотрела на него.

— Знаешь, я борюсь с искушением уехать без вас. Сию же минуту.

Дэн улыбнулся:

— А мне кажется, тебе интересно дослушать мою историю до конца.

Она уныло кивнула:

— Да. Меня удерживает только это, а также понимание, что моей дочери необходим сон для избавления от токсинов. А теперь ложись, пока не уснул прямо на полу.

Дэн и Джон заняли кровати в гостевой комнате. В ней все — от обоев до мебели — говорило о том, что ее держали для одной особенной маленькой гостьи, однако, видимо, к Четте заглядывала не только она, потому постелей оказалось две.

Когда они уже лежали в темноте, Джон спросил:

— Ведь это не просто совпадение, что отель, где ты жил ребенком, тоже находился в Колорадо? Я прав?

— Прав.

— И Истинный Узел расположился рядом с тем городом?

— Верно.

— А отель был про́клятым местом?

Призрачные люди, подумал Дэн и ответил:

— Да.

И тут доктор Джон сказал то, что поразило Дэна и на время даже заставило забыть о сне. Дэйв был прав: труднее всего разглядеть то, что находится прямо у тебя под носом.

— Мне кажется, в этом есть смысл... если поверить в то, что рядом с нами живут сверхъестественные существа, которые питаются нами. Злое место будет привлекать таких же злых созданий. Они почувствуют себя там как дома. Как думаешь, у Узла есть подобные базы в других уголках страны? Другие... я не знаю... насиженные места?

— Уверен, что есть. — Дэн прикрыл глаза ладонью. У него ныло все тело, болела голова. — Послушай, Джонни, мне бы искренне хотелось продолжить этот увлекательный мальчишес-

кий разговор на сон грядущий, но нам действительно нужно поспать.

— Извини, но... — Джон приподнялся на локте. — При других обстоятельствах ты бы и сам рванул туда прямо из больницы, как того хотела Люси. Потому что Абра дорога тебе не меньше, чем собственным родителям. Ты думаешь, что она в безопасности, но ведь можешь и ошибаться.

— Я не ошибаюсь. — Он надеялся, что прав. А надеяться его вынуждал тот простой факт, что он не мог отправиться туда немедленно. Если бы она находилась непосредственно в Нью-Йорке — другое дело. Но ехать предстояло далеко, и он должен был поспать. Все его тело молило об этом.

— Что с тобой творится, Дэн? Ты ужасно выглядишь.

— Ничего. Очень устал, вот и все.

А потом он провалился. Сначала во мрак, а потом в запутанный кошмарный сон, в котором он бегал по бесконечным коридорам, а его преследовала некая Фигура, размахивавшая тяжелым деревянным молотком, крушившая оклеенные обоями стены и вышибавшая из них облачка штукатурки. *Иди сюда, маленький говнюк!* — кричала Фигура. *Иди сюда, жалкий щенок, и получи по заслугам!*

Вдруг рядом с ним оказалась Абра. Они сидели на скамейке перед публичной библиотекой Эннистона в лучах сентябрьского солнца. Она держала его за руку. *Все хорошо, дядя Дэн. Все ведь закончилось хорошо. Перед смертью твой отец сумел справиться с той Фигурой. Ты не должен...*

Дверь библиотеки открылась, и на улицу вышла женщина. Ее голову окружало облако черных волос, на котором чудом держалась лихо перекошенная шляпа. Как по волшебству.

— Вы только посмотрите, кто здесь! — сказала она. — Это же сам Дэн Торранс — человек, укравший деньги у бедной женщины, пока она спала, и бросивший ее ребенка на верную гибель.

Она улыбнулась Абре, показав единственный зуб. Длинный и острый как штык.

— А как он поступит с тобой, маленькая красотка? Ты задумывалась, как он поступит *с тобой*?

10

Люси разбудила его ровно в три тридцать, но помотала головой, когда он дернулся, чтобы поднять Джона.

— Пусть поспит еще немного. И мой муженек пусть пока храпит на диване. — Она улыбнулась. — Знаешь, мне это напоминает сцену в Гефсиманском саду. Когда Иисус упрекает Петра: «Так ли не могли вы один час бодрствовать со Мною?»* По-моему, я цитирую точно. Но упрекнуть Дэвида у меня язык не повернется. Ему тоже досталось. И он тоже видел это. Пойдем. Я приготовила яичницу. У тебя такой вид, что еда явно не помешает. Ты тощий как палка. — И после паузы добавила: — Брат мой.

Дэн не был голоден, но пошел за ней в кухню.

— Что такого видел Дэйв?

— Я разбирала бумаги Момо. Нужно было хоть чем-то себя занять, чтобы время прошло быстрее. И услышала шум в кухне.

Она взяла его за руку и подвела к стойке между плитой и холодильником. На ней стоял ряд старомодных аптекарских стеклянных банок, и та из них, в которой хранился сахар, оказалась опрокинута. По рассыпавшимся кристалликам была выведена надпись:

Со мной все ОК
Снова иду спать
Люблю ВАС
☺

Несмотря на отвратительное самочувствие, Дэн вспомнил доску в своей комнате и не смог сдержать улыбку. Так типично для Абры.

— Вероятно, она достаточно проснулась, чтобы сделать это, — сказала Люси.

— Не думаю, — возразил Дэн.

Люси подняла глаза от плиты, где накладывала в тарелку яичницу.

---

* Мф. 26:40.

— *Это ты* разбудила ее. Она услышала твою тревогу.

— Ты и в самом деле так думаешь?

— Да.

— Ладно, садись... — Она запнулась. — Садись, Дэн. Мне надо привыкать обращаться к тебе по имени. Сядь и поешь.

Дэн не чувствовал голода, но его организм нуждался в топливе. И он подчинился.

11

Она сидела напротив него, потягивая сок из последней бутылки, которую Кончетте Рейнолдс доставили из магазина «Дин-энд-Делука».

— Опытный мужчина, у которого проблемы с алкоголем. Восхищенная молоденькая девушка. Вот как я это вижу.

— Мне тоже видится что-то похожее. — Дэн поковырялся вилкой в тарелке с яичницей.

— Кофе? Мистер... Дэн?

— Да, пожалуйста.

Она прошла мимо стойки с рассыпанным сахаром к кофеварке.

— Он женат, но по работе часто бывает на различных вечеринках, где полным-полно молоденьких студенток. И либидо разыгрывается пропорционально количеству выпитого, когда музыка становится все громче, а утро все ближе.

— Примерно так, — согласился Дэн. — Вероятно, раньше мама ходила на эти вечеринки, но потом появился ребенок, а денег на сиделку не было.

Она поставила перед ним чашку кофе, и он взялся за него, не дав ей времени спросить, не нужно ли ему молока.

— Спасибо. Короче говоря, между ними завязался роман. Встречались они скорее всего в каком-нибудь мотеле. Им уж точно не приходилось заниматься этим на заднем сиденье его машины. У нас был старый «фольксваген-жук». Там не справилась бы даже пара цирковых акробатов.

— Ночной перепихон, — сказал Джон, входя на кухню. Его волосы стояли дыбом. — Так это раньше называли. А больше яичницы не найдется?

— Сколько угодно, — ответила Люси. — Абра прислала нам сообщение. Оно на стойке.

— В самом деле? — Джон подошел ближе, чтобы прочитать записку. — И это действительно она?

— Да. Я узнаю ее почерк где угодно.

— Бог ты мой, так можно лишить телефонные компании дохода.

Люси не улыбнулась.

— Садись и поешь, Джон. У тебя десять минут. А потом я разбужу Спящую красавицу, что храпит на диване.

Она села за стол.

— Продолжай, Дэн.

— Не знаю, питала ли она иллюзии, что отец бросит ради нее семью, и едва ли ты обнаружишь ответ на этот вопрос среди бумаг в ее сундуке. Разве что там найдется дневник. Мне известно только со слов Дэйва и Кончетты, что какое-то время она жила там. Быть может, на что-то надеясь, может, продолжая веселиться, а может, то и другое сразу. Но к тому моменту, когда она узнала, что беременна, надежды должны были улетучиться. Насколько я понимаю, мы тогда уже перебрались в Колорадо.

— Как ты думаешь, твоя мама догадывалась об этом?

— Не знаю. Но у нее наверняка возникали подозрения. Он слишком часто являлся домой под утро с помятым лицом. Она не была дурой и понимала, что пьяницы не ограничиваются азартными играми и не просто так суют купюры в вырезы кофточек хорошеньких официанток в барах.

Она погладила его по руке.

— Ты плохо себя чувствуешь? У тебя изможденный вид.

— Со мной все в порядке. Но не ты одна пытаешься все это переварить.

— Мама погибла в автомобильной катастрофе, — сказала Люси. Она отвернулась от Дэна, уставившись на доску для заметок, висевшую на холодильнике. В самом центре красовалась фотография Кончетты с Аброй, которой на вид было года четыре. Взявшись за руки, они шли через поляну, заросшую ромашками. — За рулем сидел мужчина намного старше ее. Пьяный. Они ехали очень быстро. Момо не хотела рассказывать мне обо всем этом, но годам к восемнадцати я вытащила из нее некото-

рые подробности. Когда я спросила, была ли мама тоже пьяна, Четта ответила, что не знает. Сказала, что полицейские не проверяют на состояние опьянения пассажиров, погибших в авариях. Только водителей.

Она вздохнула.

— Не важно. Давай отложим семейные истории на другой день. Лучше расскажи, что произошло с моей дочерью.

И он рассказал. В какой-то момент повернулся и увидел Дэйва Стоуна, стоявшего в дверях кухни, заправляя рубашку в брюки и не сводя с Дэна глаз.

12

Дэн начал с того, как Абра связалась с ним, поначалу используя в качестве посредника Тони. Затем рассказал о том, как Абра узнала о существовании Истинного Узла: о кошмарном видении мальчика-бейсболиста.

— Я помню тот ее дурной сон, — сказала Люси. — Она разбудила меня своим криком. Это случалось и прежде, но до этого ее два или три года не мучили кошмары.

Дэйв нахмурился.

— А почему я ничего не помню об этом?

— Потому что ты тогда уехал на конференцию в Бостон. — Она снова повернулась к Дэну. — Скажи мне, правильно ли я понимаю. Эти люди на самом деле вовсе не люди. Они... Кто они? Какие-то вампиры?

— В известной степени да. Они не спят днем в гробах и не превращаются при свете луны в летучих мышей. Их не пугают распятия и чеснок. Но они паразиты и определенно не люди.

— Люди не исчезают бесследно, когда умирают, — добавил Джон.

— Вы действительно видели это своими глазами?

— Да. Все трое.

— Как бы то ни было, — продолжал Дэн, — членов Истинного Узла не интересуют обычные дети, а только те, кто наделен сиянием.

— Такие, как Абра, — сказала Люси.

— Да. И они пытают их, прежде чем убить. Для очистки пара. Так объясняет это Абра. Как самогонщики.

— Значит, они хотят... вдохнуть ее пар, — размышляла вслух Люси, — потому что она обладает даром сияния.

— Не просто даром, а *великим* даром. Я фонарик. Абра прожектор маяка. И она теперь *знает о них*. Знает, кто они такие.

— Есть еще кое-что, — сказал Джон. — То, что мы сделали с теми похитителями в Клауд-Гэпе... Роуз винит во всем Абру, и не важно, кто именно расправился с ее соратниками.

— А чего она ждала? — раздраженно спросила Люси. — Они не знают, что такое самооборона? *Выживание?*

— Роуз знает только одно, — ответил Дэн. — Есть некая маленькая девочка, которая посмела бросить ей вызов.

— Бросить вызов? Но как?

— Абра связалась с Роуз телепатически. И сказала ей, что сама придет.

— *Что?*

— Это все ее характер, — тихо сказал Дэйв. — Я сотни раз говорил ей, что она напрашивается на неприятности.

— Она и *близко* не подойдет к той женщине или к ее подельникам-детоубийцам! — решительно заявила Люси.

А Дэн подумал: *Верно... но не совсем.* Он взял Люси за руку. Та хотела отстраниться, но передумала.

— Ты должна понять, это просто, — сказал он. — *Они теперь ни перед чем не остановятся.*

— Но...

— Никаких «но» быть не может, Люси. При других обстоятельствах Роуз еще могла бы отступить и затаиться — это старая и опытная волчица, — но есть еще один фактор.

— Какой же?

— Они больны, — сказал Джон. — По словам Абры, это обычная корь. Они могли подцепить ее от того мальчика по фамилии Тревор. Я даже не знаю, как это назвать: карой небесной или иронией судьбы.

— *Обычная корь?*

— Я знаю, это кажется пустяком, но, поверь, все очень серьезно. Ты же слышала о том, что в прежние времена многие дети умирали от кори. Так вот, для Истинного Узла она тоже смертельна. Эта болезнь способна попросту стереть их с лица земли.

— Вот и отлично! — воскликнула Люси. Появившаяся на ее лице злая улыбка была хорошо знакома Дэну.

— Но они думают, что особый пар Абры может исцелить их, — сказал Дэйв. — Пойми, дорогая. Это не просто дело чести. Для той сучки речь идет о жизни и смерти. — Он помолчал, а потом добавил, потому что эти слова нужно было произнести: — Если Роуз дать такую возможность, она съест нашу дочь заживо.

13

— Но где они? Где искать этот Истинный Узел? — спросила Люси.

— В Колорадо, — ответил Дэн. — В кемпинге с невинным названием «Колокольчик» рядом с Сайдуайндером.

О том, что кемпинг находится на том самом месте, где он когда-то чуть не погиб от рук собственного отца, Дэн упоминать не хотел. Это только вызвало бы новые вопросы и крики об очередном совпадении. Сам он прекрасно знал, что совпадений не бывает.

— В Сайдуайндере наверняка есть полицейский участок, — сказала Люси. — Давайте позвоним туда и привлечем к этому делу местные власти.

— И что же мы им скажем? — мягко, рассудительно спросил Джон.

— Ну... Что...

— Даже если убедить копов проверить кемпинг, — сказал Дэн, — они обнаружат там лишь группу пожилых американцев. Безобидных любителей жизни на колесах, которые обожают показывать всем подряд фотографии своих внуков. И документы у них окажутся в полном порядке, от ветпаспортов до купчей на земельный участок. Оружия полицейские там не найдут, потому что Узел не держит пистолетов. Впрочем, для этого понадобится ордер на обыск, который не выпишет ни один судья — нет никаких оснований. Настоящее оружие Истинных находится здесь. — Дэн постучал себя пальцем по лбу. — Ты станешь сумасшедшей леди из Нью-Гэмпшира, Абра — твоей сбежавшей из дома сумасшедшей дочерью, а мы — вашими свихнувшимися друзьями.

Люси стиснула ладонями виски.

— Поверить не могу, что такое возможно.

— Если ты пороешься в архивах, то, вероятно, обнаружишь записи о том, какую щедрость Истинный Узел — не от своего имени, разумеется, — проявил к одному небольшому городку в штате Колорадо. Как говорится, не гадь там, где ешь. И тогда в трудные времена у тебя найдется множество друзей.

— Эта мерзость существует уже очень давно, — добавил Джон. — Ведь так? Потому что этот пар еще и продлевает им жизнь.

— Абсолютно уверен, что так и есть, — сказал Дэн. — И как добропорядочные американцы, они все это время упорно делали деньги. Заработали достаточно, чтобы смазать куда более крупные колеса, чем те, что вращаются в Сайдуайндере. На уровне штата. Возможно, на федеральном уровне.

— И эта Роуз... Она ни перед чем не остановится.

— Нет. — Дэн вспомнил свое видение. Сбитая набок шляпа. Разверстая пасть. Единственный зуб. — Она всем сердцем жаждет получить твою дочь.

— У женщины, которая живет тем, что убивает детей, *не может быть сердца*, — сказал Дэйв.

— Оно у нее есть, — возразил Дэн. — Только черное.

Люси резко поднялась на ноги.

— Все. Хватит с нас разговоров. Я хочу отправиться к дочери *немедленно*. Пусть каждый воспользуется туалетом, потому что до мотеля мы поедем без остановок.

— У Кончетты есть компьютер? — спросил Дэн. — Если есть, мне необходимо кое-что быстро посмотреть.

Люси вздохнула.

— Он в ее кабинете, и, думаю, тебе не придется долго ломать голову над паролем. Но если ты там застрянешь больше чем на пять минут, мы уедем без тебя.

14

Роуз лежала на постели, напряженная как струна, вибрирующая от пара и ярости.

Она слышала, как без четверти два завелся мотор. Пароголовый Стив и Русская Баба. Без двадцати четыре — еще один. Ма-

ленькие близнецы Горошинка и Стручок. С ними была Милашка Терри Пикфорд, без сомнения, встревоженно высматривавшая Роуз в заднее окно. Большая Мо просила взять ее с собой — *умоляла*, — но они ей отказали, потому что она уже заразилась.

Роуз могла их остановить, но зачем утруждаться? Пусть на своей шкуре испытают, каково жить в Америке самим по себе, без вечной поддержки и защиты Истинного Узла в кемпинге и на дороге. *Особенно после того как я велю Тощему Подлизе заблокировать их кредитные карты и опустошить банковские счета*, подумала она.

Подлиза не мог полностью заменить Джимми Счетовода, но с такой задачей он справится. И Подлиза не сбежит. Он будет ей верен. Как и все остальные, кто хоть чего-то стоит... или *почти все*. Грязнуля Фил, Энни Фартук и Дизель Дуг возвращаться не собирались. Они дружно решили отправиться искать счастья где-нибудь на юге. Диз убедил их, что Роуз больше нельзя доверять, и вообще — настало время разрубить Узел.

Что ж, удачи тебе, мой милый мальчик, подумала она, сжимая и разжимая кулаки.

Разрубить Узел было *ужасной* идеей, но, с другой стороны, прополка всегда идет на пользу. Пусть слабые сбегут, а больные подохнут. Когда маленькая сучка тоже погибнет и они надышатся ее паром (Роуз больше не питала иллюзий, что ее можно будет держать как пленницу), оставшиеся два-три десятка человек обретут невиданную мощь. Она искренне оплакивала гибель Ворона, зная, что настоящей замены ему не найти, но Чарли Жетон будет из кожи вон лезть, только бы занять его место. Как и Сэм Арфа... Горбун Дик... Жирдяйка Фэнни и Долговязый Пол... Жадина Джи, которая пусть и не блещет умом, зато предана душой и телом.

Кроме того, когда лишние сбегут, запасов пара хватит на более долгое время, а дозы можно будет увеличить. Им понадобится сила. Огромная сила.

Приди же ко мне, маленькая стерва, думала Роуз. *Посмотрим, хватит ли твоей мощи, когда против тебя выступят две дюжины Истинных. Проверим, на что ты способна, оказавшись одна против нас всех. Мы наедимся твоим паром и упьемся кровью. Но сначала вдоволь насладимся криками.*

Роуз смотрела во тьму, слушая удалявшиеся звуки моторов беглецов, тех, кто перестал верить.

В ее дверь тихо и робко постучали. Роуз несколько мгновений не отвечала, обдумывая ситуацию, потом спустила ноги на пол.

— Войдите!

Она была голой, но не сделала даже попытки прикрыть наготу, когда внутрь проскользнула Тихоня Сари — бесформенная фигура в просторной фланелевой ночной рубашке, с мышиного цвета челкой, почти застилавшей глаза. Как обычно, казалось, что Сари здесь нет, хотя она находилась совсем рядом.

— Мне глусно, Лоус.

— Знаю, милая. Мне тоже грустно.

На самом деле никакой грусти она не испытывала — только злость, — но это звучало весьма уместно.

— Я скутаю по Энди.

Да, конечно, по Энди. В миру — Андреа Штайнер. Девушка, которую родной отец насиловал, пока она не свихнулась, задолго до того как ее подобрал Истинный Узел. Роуз вспомнила, как наблюдала за ней в тот день в кинотеатре и как позже она сумела проложить себе дорогу в ряды Истинных на чистой силе воли. Змеючка Энди непременно осталась бы. Змеючка прошла бы сквозь любое пламя, если бы Роуз сказала ей, что это необходимо для Истинного Узла. Она протянула руки, Сари бросилась к ней и прижалась головой к груди.

— Бес нее я хошу умеле.

— Нет, дорогая, не надо таких мыслей. — Роуз уложила миниатюрное тело в постель и крепко обняла. Сари, казалось, состояла из одних костей, стянутых кожей. — А теперь скажи мне, чего ты хочешь на самом деле.

Под кромкой серой челки по-звериному блеснули глаза.

— Месь!

Роуз поцеловала ее в одну щеку, потом в другую и, наконец, прильнула к тонким сухим губам. Затем чуть отстранилась и сказала:

— Да, месть! И ты получишь шанс отомстить. А сейчас открой рот, Сари.

Тихоня послушно подчинилась. Их губы снова сомкнулись, и Роза-в-Шляпе, все еще переполненная паром, вдохнула часть его в горло Сари.

15

Стены в кабинете Кончетты покрывали записки: напоминания самой себе, отрывки стихов и письма, на которые уже никто и никогда не ответит. Дэн ввел в компьютер четыре буквы пароля, запустил «Файрфокс» и набрал в «Гугле» «кемпинг "Колокольчик"». У них даже оказался свой сайт, но не слишком информативный — вероятно, потому, что владельцы кемпинга не слишком стремились завлечь к себе гостей: место служило укрытием для них самих. Но фотографий было достаточно много, и Дэн изучал их с тем жадным любопытством, с которым люди обычно рассматривают неожиданно найденные старые семейные альбомы.

Отеля «Оверлук» давно не существовало, но он узнавал пейзажи. Когда-то, незадолго до того, как первые бураны отрезали их на зиму от внешнего мира, они с матерью и отцом стояли на широкой террасе перед входом (которая казалась еще просторнее, после того как с нее унесли все шезлонги и плетеную мебель) и смотрели вниз, на длинный пологий склон лужайки. В дальнем ее конце, куда нередко прибегали порезвиться олени и антилопы, стояло теперь простое длинное здание, «Оверлук-холл». Там, как гласила подпись, постояльцы кемпинга могли поесть, поиграть в бинго, а по вечерам пятницы и субботы потанцевать под живую музыку. По воскресеньям проводились церковные службы, для чего приезжали священники из Сайдуайндера.

Прежде чем все завалил снег, отец подстригал траву на лужайке и подравнивал живую изгородь, которая была там в то время. Он еще сказал, что ему доводилось подравнивать заросли некоторым дамочкам. Я шутку не понял, но мама рассмеялась.

— Та еще шуточка, — тихо сказал он.

На других снимках были современные места для кемперов, оснащенные газом и электричеством. Были отдельные здания с мужскими и женскими душевыми таких размеров, что смогли бы обслужить крупную стоянку трейлеров вроде «Маленькой Америки» или «Педрос саут». Была и детская площадка. (Дэн спросил себя, видели ли дети, игравшие там сейчас, странные вещи, как это случилось с Дэнни «Доком» Торрансом на площадке «Оверлука»?) Для взрослых имелось поле для софтбола

и шаффлборда, пара теннисных кортов и участок для игры в бочче.

Но никакого роке. Ничего похожего. Больше никогда.

Посреди склона — где прежде располагались звери живой изгороди «Оверлука» — тянулся ряд белоснежных спутниковых тарелок. А на гребне холма, где, собственно, и стоял когда-то отель, была деревянная платформа, к которой вела длинная лестница. Это место, теперь принадлежавшее властям штата Колорадо, называлось «Крышей мира». Постояльцам кемпинга «Колокольчик» предлагалось взобраться на самый верх или прогуляться по горным тропам позади платформы совершенно бесплатно. «Тропы рекомендованы только тем, кто имеет опыт горного туризма, зато «Крыша мира» открыта для всех желающих без каких-либо ограничений. Незабываемые виды!» — гласил текст под снимком.

Дэн в этом не сомневался. Из ресторана и бального зала отеля «Оверлук» действительно открывались незабываемые виды... пока окна не завалил снег. К западу виднелись высочайшие вершины Скалистых гор, пронзавшие небо словно пики. А на востоке можно было разглядеть даже Боулдер. Да что там Боулдер! Денвер и Арваду в особенно ясные дни.

Итак, власти штата забрали этот участок себе, и неудивительно. Кто захотел бы там что-нибудь построить? Гнилое место, это было ясно и без телепатии. Но Истинные подобрались к нему вплотную, и Дэн почему-то не сомневался, что заезжие гости кемпинга — обычные туристы — редко возвращались во второй раз или рекомендовали «Колокольчик» друзьям. *Злое место будет привлекать таких же злых созданий,* сказал Джон. А если так, то справедливо и обратное: оно будет отталкивать хороших людей.

— Дэн? — позвал Дэйв. — Наш автобус отправляется.

— Еще минута!

Он закрыл глаза и подпер ладонью лоб.

(*Абра*)

Его голос мгновенно разбудил ее.

Глава 17
МАЛЕНЬКАЯ СТЕРВА

1

За окнами мотеля «Краун» царила темнота, и до рассвета оставалось еще не меньше часа, когда дверь номера 24 открылась и наружу вышла девочка. Сгустился плотный туман, и мир почти исчез. На девочке были черные брюки и белая блузка. Волосы она собрала в хвостики, и обрамленное ими лицо казалось совсем юным. Она глубоко дышала, и влажная прохлада, разлитая в воздухе, чудесным образом облегчала мучившую ее головную боль, но не могла унять боли душевной. Момо умерла.

И в то же время, если верить дяде Дэну, она ушла не совсем — просто переместилась куда-то в другое место. Может, стала одним из призрачных людей, а может, нет. В любом случае у нее сейчас не было времени размышлять об этом. Как-нибудь позже она, наверное, сможет все хорошенько обдумать.

Дэн поинтересовался, спит ли Билли. Да, спит, ответила она, и очень крепко. Через открытую дверь между номерами она могла видеть ступни и ноги мистера Фримана под одеялом, слышать его размеренный храп. Словно лодочный мотор на холостых оборотах.

Дэн спросил, пыталась ли Роуз или кто-то из ее окружения проникнуть в ее сознание. Нет. Она бы заметила. Ее ловушки по-прежнему ждали незваных гостей. Роуз прекрасно это известно.

Он спросил, есть ли в ее комнате телефон. Да, телефон был. И дядя Дэн объяснил Абре, что ей нужно сделать. Все было очень просто. Пугали только слова, которые она должна была сказать

той ужасной женщине в Колорадо. Но ей хотелось их произнести. Какая-то часть ее существа страстно желала этого с того самого момента, как она услышала предсмертные крики мальчика-бейсболиста.

(*ты поняла, что за слово нужно повторять?*)

Да, конечно.

(*потому что ты должна довести ее до белого каления знаешь что это*)

(*да знаю*)

Заставь ее взбеситься. Пусть на стенку лезет от злости.

Абра стояла и дышала туманом. Дорога, по которой они приехали, превратилась в узкую полоску, а деревьев по другую ее сторону словно не существовало. Как и офиса мотеля. Иногда ей хотелось самой стать такой, такой же белой и непроницаемой изнутри. Но редко. В глубине души она никогда не жалела о своих способностях.

Когда Абра почувствовала, что готова — насколько это вообще было возможно, — она вернулась в свой номер и закрыла смежную дверь, чтобы не потревожить сон мистера Фримана, если придется говорить громко. Изучила инструкции на телефоне, набрала 9 для выхода на внешнюю линию, а потом связалась со справочной, чтобы выяснить номер «Оверлук-холла» в кемпинге «Колокольчик» близ Сайдуайндера, штат Колорадо. *Я мог бы дать тебе их основной номер,* сказал Дэн, *но по нему ты пообщаешься только с автоответчиком.*

Телефон долго звонил в том месте, где ели и играли гости кемпера. Дэн предупредил, что так и будет, и велел ждать до упора. В конце концов, там было на два часа раньше. Наконец трубку сняли и недовольный голос сказал:

— Алло! Если вам нужен офис, то вы ошиблись но...

— Мне не нужен офис, — перебила Абра, надеясь, что ускорившееся сердцебиение никак не отразилось на ее голосе. — Я звоню Роуз. Розе-в-Шляпе.

Пауза.

— Кто спрашивает?

— Абра Стоун. Вам знакомо мое имя, не так ли? Я та девочка, которую она разыскивает. Скажите ей, что я перезвоню через пять минут. Если она подойдет, мы поговорим. Если нет, пере-

дайте ей, что она смело может отправляться в жопу. Больше звонить я не стану.

Абра повесила трубку, а потом опустила голову, спрятала покрасневшие щеки в ладони и начала глубоко дышать.

2

Роуз пила кофе за рулем своего «эрскрузера», поставив ноги на тайник с канистрами пара, когда в дверь постучали. Визит в столь ранний час мог сулить только новые неприятности.

— Да, войдите, — сказала она.

Это был Долговязый Пол, в халате поверх детской пижамы с гоночными машинками.

— Телефон-автомат в «Холле» начал звонить. Сначала я не *хотел снимать трубку. Думал, кто-то ошибся номером, да и занят* был — готовил кофе в кухне. Но он все звонил. Пришлось подойти. Это была та девчонка. Она хочет поговорить с тобой. Сказала, что перезвонит через пять минут.

Тихоня Сари села в постели, моргая глазами под спутанной челкой, завернувшись в одеяло как в шаль.

— Иди к себе, — сказала ей Роуз.

Сари безмолвно подчинилась. Роуз видела через лобовое стекло, как она босиком ковыляет к «баундеру», который прежде делила со Змеючкой.

Эта девчонка!

Вместо того чтобы сбежать подальше и спрятаться, маленькая стерва принялась ей названивать. Стальные нервы. Ее ли это идея? Верится с трудом.

— А ты-то как оказался на кухне в такой час?

— Не мог уснуть.

Роуз повернулась к нему. Стареющий высокий мужчина с редеющими волосами. На кончике его носа сидели бифокальные очки. Такой легко мог затеряться в толпе лохов. Однако он обладал своеобразным талантом. Он не умел усыплять, как Змеючка, и не владел способностями к локации, как Дедушка Флик, зато мог быть чрезвычайно убедительным. Если он предлагал лоху влепить пощечину своей жене — или незнакомцу, —

его просьба выполнялась моментально. Каждый из членов Узла обладал каким-то даром — это помогало решать многие проблемы.

— Покажи мне свои руки, Пол.

Он со вздохом задрал рукава пижамы и халата до сморщенных локтей. Красные пятна.

— Когда они появились?

— Первую пару заметил вчера днем.

— Температура поднялась?

— Да. Немного.

Она посмотрела в честные, доверчивые глаза, и ей захотелось обнять его. Многие сбежали, а вот Пол остался с ней. Как, впрочем, и большинство. Их точно хватит, чтобы справиться с маленькой стервой, вздумай она сунуть сюда свой нос. Что она, судя по всему, и собиралась сделать. Все-таки в тринадцать лет девчонки *полные дуры*.

— С тобой все будет хорошо, — сказала она.

Он снова вздохнул.

— Надеюсь, что так. Ну а если нет — я прожил отличную жизнь.

— Чтобы я больше не слышала подобных разговоров! С каждым, кто остался со мной, все будет в порядке. Я это обещала, а я всегда исполняю свои обещания. А теперь послушаем, что хочет сказать наша маленькая подружка из Нью-Гэмпшира.

3

Менее чем через минуту после того, как Роуз устроилась на стуле рядом с большим пластмассовым барабаном для бинго (и с чашкой остывающего кофе поблизости), телефон затренькал, заставив ее подпрыгнуть от неожиданности. Она позволила ему прозвонить еще пару раз, а потом сняла трубку и мелодично сказала:

— Ну здравствуй, дорогая! Ты могла бы побеседовать со мной и мысленно. Не пришлось бы тратиться на звонок по межгороду.

Чего на самом деле сучке делать, конечно же, не следовало. Не только Абра Стоун умела расставлять ловушки в своем сознании.

— Я приду за тобой, — сказала девочка. Ее голос был таким юным, таким свежим! Роуз представила, сколько пара можно выдавить из этой свежести, и испытала жгучую жажду.

— Да, ты уже говорила. Но ты уверена, что действительно хочешь этого, дорогуша?

— Ты будешь там, если я приду? Или я застану только твоих дрессированных крыс?

Роуз ощутила, как в ней начинает закипать злоба. Сейчас это было вовсе ни к чему, но она вообще никогда не бывала приветливой по утрам.

— А почему бы, собственно, и нет, дорогуша? — Она сохраняла спокойный, чуть снисходительный тон. Как мать, беседующая с капризным ребенком (по крайней мере Роуз так это себе представляла — она сама никогда не была матерью).

— Потому что ты труслива.

— Любопытно было бы узнать, на чем основано это утверждение? — спросила Роуз. Ее интонация не изменилась — пренебрежительная, слегка удивленная, — но рука крепче стиснула трубку и плотнее приложила к уху. — Мы же ни разу не встречались.

— Еще как встречались! Я заставила тебя сбежать из моей головы, как побитую собачонку. И ты убиваешь детей. Только трусы способны на такое.

Тебе не следует оправдываться перед ребенком, сказала себе Роуз мысленно. *Особенно перед лохом*. Но услышала, как произносит:

— Ты же ничего не знаешь о нас. Ни кто мы, ни что вынуждены делать ради выживания.

— Вы — кучка жалких трусов, вот вы кто, — ответила маленькая стерва. — Вы считаете себя одаренными и очень сильными, но умеете только жрать и жить долго. Вы похожи на гиен. Убиваете слабых и сбегаете. Трусы!

Презрение в ее голосе кислотой разъедало слух Роуз.

— Это неправда!

— А ты главарь трусов. Трусливая из трусливых. Ты ведь сама не поехала за мной, верно? Испугалась? Решила отправить вместо себя других.

— Мы будем говорить как цивилизованные люди или...

— Цивилизованные? Цивилизованные люди не убивают детей, чтобы похитить их сознание. Что в тебе цивилизованного, ты, старая трусливая шлюха? Ты отправляешь своих друзей делать грязную работу, а сама прячешься за их спинами. Но в уме тебе не откажешь. Потому что они все мертвы.

— Ты глупая маленькая сучка! Что ты вообще можешь понимать? — Роуз вскочила на ноги. Бедром задела край стола и разлила кофе, струйка которого потекла под барабан. Долговязый Пол выглянул из кухни, увидел ее лицо и поспешил ретироваться. — Кто из нас трус? Не ты ли сама, а? Ты можешь говорить мне все это по телефону, но никогда не решишься повторить свои слова мне в лицо!

— А сколько вас будет, когда я приеду? — язвительно спросила Абра. — Сколько, старая ты уродина?

Роуз не ответила. Ей следовало овладеть собой, и она прекрасно это понимала. Но слышать такое от девчонки-лоха, нахватавшейся в школе грязных словечек... которая знала про Узел много. *Слишком* много.

— Ты осмелишься встретиться со мной один на один? — спросила маленькая стерва.

— А ты проверь! — выплюнула Роуз.

На другом конце воцарилась тишина, а когда девочка заговорила снова, в ее голосе звучали нотки сомнения:

— Один на один? Нет, тебе слабо. Трусливая курица вроде тебя никогда на такое не осмелится. Даже если ей будет противостоять ребенок. Ты лгунья и обманщица. Внешне красивая, но я-то видела твое настоящее лицо. Ты трусливая потасканная шлюха, и ничего больше.

— А ты... Ты...

Но она поперхнулась словами. Небывалая ярость начала душить ее изнутри. К ярости примешивался шок, потому что ее — Розу-в-Шляпе — довела до такого состояния маленькая девочка, которая пока еще ездила только на велосипеде и до

последних недель думала лишь о том, когда же наконец у нее вырастет грудь.

— Но я, возможно, дам тебе шанс, — сказала Абра. Невероятная самоуверенность и безрассудство. — Конечно, если ты примешь вызов, я размажу тебя по полу. Остальные меня не волнуют, они и так уже подыхают. — Она рассмеялась. — Подавились мальчиком-бейсболистом. Он бы обрадовался!

— Если ты придешь, я убью тебя, — ответила Роуз, одной рукой ухватив себя за горло, ритмично сжимая и разжимая пальцы. Позже на тех местах появятся синяки. — А попытаешься скрыться, я найду тебя. И тогда перед смертью ты будешь долго кричать.

— Я не собираюсь бежать, — сказала девочка. — И мы еще посмотрим, кому из нас придется кричать.

— Сколько человек *ты* притащишь с собой, дорогуша?

— Я буду одна.

— Не верю.

— А ты прочитай мои мысли, — предложила девчонка. — Или тоже слабо?

Роуз промолчала.

— Ну разумеется. Ты же помнишь, что было в последний раз. Я дала тебе попробовать твое собственное лекарство, и тебе оно не пришлось по вкусу. Ведь так? Гиена. Детоубийца. *Трусиха.*

— Не смей... называть меня... так.

— Там у вас на склоне есть одно место. Смотровая площадка. Называется «Крыша мира». Я проверила в Интернете. Будь там в пять часов вечера в понедельник. Но приходи одна. Если приведешь еще кого-то, если твои дружки не останутся в этом здании, пока мы с тобой будем решать свои проблемы, я об этом узнаю. И немедленно уеду.

— Я тебя найду, — повторила Роуз.

— Думаешь? — Она *издевалась.*

Роуз закрыла глаза и увидела девчонку. Абра корчилась на земле, во рту у нее копошились ядовитые осы, а из глаз торчали раскаленные колья. *Никто не смеет со мной так разговаривать. Никогда.*

— Допускаю, что ты *действительно* меня найдешь. Но сколько членов твоего вонючего Узла доживет до этого момента? Дюжина? Десяток? Может, трое или четверо?

Эта мысль уже посещала саму Роуз. Но чтобы ребенок, с которым она никогда не встречалась, сумел прийти к тому же выводу? Оскорбительно.

— А ведь Ворон знал Шекспира, — сказала вдруг маленькая стерва. — Он мне цитировал его, перед тем как я его убила. Я тоже немного знакома с его творчеством, хотя в школе мы проходили только «Ромео и Джульетту». Однако наша учительница мисс Франклин раздала нам распечатки с наиболее известными строками из других произведений. Вроде «Быть или не быть?» или «Для меня же это было греческой тарабарщиной»*. Ты знала, что это Шекспир? Я — нет. Тебе неинтересно?

Роуз молчала.

— Впрочем, понимаю, тебе сейчас не до Шекспира, — продолжала Абра. — Ты только и думаешь, как бы разделаться со мной. Не нужно читать твои мысли, чтобы догадаться.

— На твоем месте я бы бежала, — задумчиво отозвалась Роуз. — Сбежала бы как можно дальше и как можно быстрее, перебирая своими детскими ножками. Тебя бы это не спасло, но хоть прожила бы чуть дольше.

Однако Абра не унималась.

— Там была еще одна цитата. Что-то про наткнуться на свой заряд. Мисс Франклин объяснила, что речь идет о бомбе на палочке. Думаю, именно это с вами и случилось. Вы наглотались не того пара, втянули заряд, и теперь он взорвался. — Она помедлила. — Ты еще слушаешь, Роуз? Или уже сбежала?

— Приходи ко мне, дорогая, — сказала Роуз. Она уже окончательно успокоилась. — Хочешь встретиться на смотровой площадке? Там я и буду тебя ждать. Мы вместе полюбуемся видом. И выясним, кто из нас сильнее.

И она отключилась, не дав сучке ничего ответить. Она позволила вывести себя из равновесия, но все же последнее слово осталось за ней.

А может, и нет. Потому что одно слово, которое девчонка повторила множество раз, продолжало назойливо звучать у нее в голове как заевшая пластинка.

Трусливая. Трусливая. Трусливая.

---

* У. Шекспир. Юлий Цезарь. Акт I, сцена II. *Пер. П. Козлова.*

4

Абра аккуратно положила трубку телефона. Потом посмотрела на нее, даже погладила пластмассовую поверхность, которая была горячей от ее руки и влажной от пота. А затем, совершенно неожиданно, разразилась громкими и бурными рыданиями. Они ураганом пронеслись по ее телу, стиснув судорогой живот. Все еще плача, она бросилась в ванную, встала на колени перед унитазом, и ее стошнило.

Когда она вернулась в комнату, в проеме двери возникла фигура мистера Фримана в рубашке навыпуск. Его волосы стояли дыбом.

— Что стряслось? Тебе все еще плохо от наркотика?

— Нет.

Он подошел к окну и всмотрелся в завесу тумана.

— Это связано *с ними*? Они едут сюда?

Не в состоянии говорить, она лишь выразительно покрутила головой, и ее хвостики метнулись в разные стороны. Это *она* ехала к ним — и *это* ее и пугало. Она боялась.

Не только за себя.

5

Роуз некоторое время сидела, стараясь дышать ровно и глубоко. Почувствовав, что полностью взяла себя в руки, окликнула Долговязого Пола. Через секунду или две его голова появилась в проеме кухонной двери. Встревоженная физиономия вызвала у Роуз слабую улыбку.

— Опасаться нечего. Можешь войти. Я тебя не укушу.

Он вошел и сразу заметил разлитый кофе.

— Сейчас вытру.

— Оставь. Кто у нас теперь лучший радар?

— Ты, Роуз, — без колебаний ответил он.

Но Роуз не собиралась даже близко подбираться к сознанию маленькой стервы.

— А кроме меня?

— Как сказать... После смерти Дедушки Флика и Барри... — Он задумался. — У Сью есть некоторые способности, как и у Жадины Джи. Но лучший радар теперь у Чарли Жетона, я считаю.

— Он заболел?

— Вчера был здоров.

— Пришли его сюда. Я сама вытру кофе, пока буду ждать. Запомни важную вещь, дружище Пол: кто нагадил, тому и убирать.

Когда он ушел, Роуз еще немного посидела, сцепив пальцы под подбородком. К ней вернулась ясность мышления, а вместе с ней и способность строить планы. Кажется, им лучше сегодня не принимать пар. Это подождет до утра понедельника.

Наконец она встала, взяла с кухни рулон бумажных полотенец и убрала за собой.

6

— Дэн! — Теперь это был Джон. — Нам действительно пора ехать.

— Уже иду, — отозвался он. — Только ополосну лицо холодной водой.

Он прошел по коридору, слушая Абру и кивая головой, словно племянница могла его видеть.

(*мистер Фриман спрашивает из-за чего я плакала и почему меня стошнило что ему сказать*)

(*скажи что когда мы приедем нам понадобится его пикап*)

(*потому что мы едем дальше на запад*)

(... *ну* ...)

Это оказалось сложно, но она поняла. Ее понимание не было облечено в слова, да и не нуждалось в этом.

Рядом с раковиной в ванной располагалась подставка, на которой стояло несколько зубных щеток в упаковке. На ручке самой маленькой из них — уже распакованной — разноцветными буквами было написано имя АБРА. А на стене висела малень-

кая табличка с изречением: «ЖИЗНЬ БЕЗ ЛЮБВИ ЧТО ДЕРЕВО БЕЗ ПЛОДОВ». Он несколько секунд разглядывал ее, вспоминая, имелось ли нечто подобное в программе общества «Анонимные алкоголики». Но в голову пришло только: *Если сегодня ты не способен никого любить, попытайся хотя бы никого не обидеть.* Не совсем одно и то же.

Он включил холодную воду и несколько раз тщательно умылся, взял полотенце и поднял взгляд к зеркалу. Сейчас рядом не было Люси — только Дэн Торранс, сын Джека и Уэнди, которые всегда считали его своим единственным ребенком.

Лицо Дэна покрывали мухи.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

«КРЫША МИРА»

Глава 18
ПУТЬ НА ЗАПАД

1

Из событий субботы Дэну запомнился вовсе не путь от Бостона до мотеля «Краун», потому что четверо ехавших в машине Джона людей не разговаривали. Их молчание было не враждебным или неловким, а обессиленным — так молчат те, кому многое необходимо обдумать и почти нечего сказать. Зато в памяти остался момент их прибытия к месту назначения.

Дэн знал, что она ждет, потому что поддерживал с ней связь, общаясь уже привычным для них способом: полусловами, полуобразами. Когда они подъехали, она сидела на заднем бампере старого пикапа Билли. Заметив машину, Абра вскочила и замахала рукой. В этот момент облака разошлись и на землю пробился луч утреннего солнца, озаривший девочку, словно сам Бог хотел хлопнуть ее по ладони.

Люси вскрикнула. Она отстегнула ремень безопасности и открыла дверь, не дожидаясь, пока Джон остановит автомобиль. Через пять секунд она крепко обнимала дочь, целуя в макушку, потому что лицо Абры плотно прижималось к материнской груди. Теперь солнце озаряло их обеих.

Мать и дочь снова вместе, подумал Дэн. Улыбка, появившаяся на его лице, вызвала странное ощущение. Видимо, потому, что он давно не улыбался.

2

Люси и Дэвид, конечно же, хотели увезти Абру домой в Нью-Гэмпшир. Дэн не видел в этом никакой проблемы, но теперь,

когда они собрались вместе, предстоял серьезный разговор. Толстяк с конским хвостом снова дежурил за стойкой, однако смотрел не порнушку, а бои без правил. Он с радостью продлил аренду номера 24, и ему было плевать, останутся ли они на ночь. Билли съездил в городок Краунвилл и привез пару больших коробок с пиццей. После того как все устроились, Дэн и Абра по очереди рассказали о том, что уже произошло, а затем изложили дальнейшее развитие событий. Если план сработает.

— Нет, — сразу же заявила Люси. — Это слишком опасно. Причем для вас обоих.

Джон грустно усмехнулся:

— Самое опасное — проигнорировать этих... этих существ. Ведь Роуз ясно дала понять, что если Абра не придет к ней, то она придет за Аброй.

— Она зациклилась на Абре, — добавил Билли, вынимая из коробки кусок пиццы с пеперони и грибами. — Для сумасшедших такое характерно. Об этом много раз говорили в передаче «Доктор Фил».

Люси с упреком посмотрела на дочь.

— Ты сама ее довела. И поступила очень опрометчиво. Но когда Роуз обдумает ситуацию...

Люси замолкла, хотя никто ее не прерывал. Скорее всего, подумал Дэн, сама услышала, как невероятно звучит ее предположение.

— Они не остановятся, мама, — сказала Абра. — *Она* ни за что не остановится.

— Абра будет в безопасности, — сказал Дэн. — Существует колесо. Не знаю, как это лучше объяснить. Если что-то пойдет не так, если мы потерпим неудачу, Абра сможет воспользоваться этим колесом, чтобы исчезнуть. Выйти из игры. Она мне обещала.

— Это правда, — подтвердила Абра. — Я дала такое обещание.

Дэн пристально посмотрел ей в глаза.

— И ты сдержишь слово, не так ли?

— Да, — ответила она твердо, хотя и с неохотой. — Сдержу.

— Мы не должны забывать и о других детях, — сказал Джон. — Теперь уже никто не узнает, скольких погубил Истинный Узел. Вероятно, сотни.

А Дэн подумал, что, если они действительно существовали так долго, как предполагала Абра, счет, по всей видимости, следовало вести на тысячи. И добавил:

— И сколько еще станут их жертвами, даже если они оставят в покое Абру.

— Это при условии, что их не погубит корь, — с надеждой возразил Дэйв и повернулся к Джону. — Ведь ты сам сказал, что такое возможно.

— Они потому и хотят заполучить меня, что считают мой пар *лекарством* от их кори, — заметила Абра. — Придурки!

— Следите за своим языком, мисс, — сказала Люси, но както рассеянно. Она достала из коробки последний кусок пиццы, посмотрела на него и положила на место. — Сейчас мне нет дела до других детей. Меня волнует судьба Абры, и только. Знаю, это звучит ужасно, зато честно.

— Ты бы так не думала, если бы видела все те снимки в «Эннистон шопер», — возразила Абра. — Я никак не могу их забыть. Иногда они мне снятся.

— Если у этой женщины есть хотя бы немного мозгов, она догадается, что Абра не приедет к ней в одиночку, — размышлял вслух Дэйв. — Каким образом? Прилетит в Денвер и возьмет напрокат машину? Это в тринадцать-то лет? — И добавил, улыбнувшись дочери: — Придурки.

Ему ответил Дэн:

— После событий в Клауд-Гэпе Роуз прекрасно известно, что Абра пользуется поддержкой друзей. Но ей невдомек, что по меньшей мере один из них тоже сияет. — Он посмотрел на Абру. Та кивнула. — Послушайте, Люси, Дэвид. Я считаю, что вместе с Аброй мы сможем положить этому ужасу конец. Мы уничтожим эту... — Дэн поискал подходящее слово, но только одно показалось ему правильным: — ...чуму. А поодиночке...

Он покачал головой.

— И вообще, кто сможет мне помешать? — вспыхнула Абра. — Ни вы, ни Дэн. Вы можете запереть меня в комнате, но мою голову вам запереть не удастся.

Люси метнула в нее Особо Строгий Взгляд, который матери приберегают для непослушных дочерей. Прежде он всегда безотказно действовал на Абру, в каком бы воинственном располо-

жении духа она ни находилась. Но сейчас девочка спокойно встретила взгляд матери. И не просто спокойно, а с грустью, от которой у Люси похолодело сердце.

Дэйв взял жену за руку.

— Думаю, это необходимо сделать.

В комнате воцарилось молчание. Его нарушила Абра:

— Ну, раз никто не хочет последний кусок пиццы, я его забираю. *Умираю* от голода.

3

Они детально обсудили план несколько раз подряд. Иногда переходили на повышенные тона, но в итоге все важнейшие пункты были согласованы. Кроме, как выяснилось, одного. Когда они покидали мотель, Билли наотрез отказался сесть в «сабербан» Джона.

— Я поеду с тобой, — заявил он Дэну.

— Билли, поверь, я очень благодарен тебе за заботу, но это дурная идея.

— Мой пикап, мои условия. Кроме того, неужели ты один сможешь добраться отсюда до гор в Колорадо к понедельнику? Не смеши меня. Ты выглядишь как дерьмо на палочке.

— В последнее время я неоднократно это слышал, — заметил Дэн, — но никто не сформулировал это так изящно.

Билли даже не улыбнулся.

— Я могу помочь тебе. Я старик, но еще не покойник.

— Возьми его с собой, — сказала Абра. — Он прав.

Дэн внимательно посмотрел на нее.

(*ты знаешь что-то Абра*)

Ответ пришел быстро.

(*нет я* предчувствую *что-то*)

Для Дэна этого было достаточно. Он протянул руки, и Абра крепко обняла его, прижавшись щекой к груди. Дэн мог бы простоять так целую вечность, но все же отпустил ее и отступил на шаг.

(*дай мне знать когда подберешься к ним близко дядя Дэн и я приду*)

(*только легкими прикосновениями помни*)

Вместо слов она послала ему картинку: датчик дыма, попискивающий, потому что нужно сменить батарейку. Она все помнила.

Пока они шли к машине, Абра сказала отцу:

— По дороге надо купить открытку с пожеланием скорого выздоровления. Джули Кросс сломала вчера запястье во время футбольной тренировки.

Он нахмурился.

— Как ты об этом узнала?

— Просто узнала, — ответила она.

Он мягко потянул ее за хвостик.

— Ты и в самом деле могла заниматься этим все время, верно? Не пойму только, зачем нужно было скрываться от нас, Абба-Ду.

Дэн, который тоже вырос с сиянием, мог бы ответить на этот вопрос.

Иногда родителей нужно оберегать.

4

И они разъехались в разные стороны. Внедорожник Джона отправился на восток, а пикап Билли, с хозяином за рулем, — на запад.

— Ты достаточно хорошо себя чувствуешь, чтобы вести машину, Билли? — спросил Дэн.

— После того как отоспался прошлой ночью? Да я сейчас мог бы доехать до самой Калифорнии, дорогой.

— Ты знаешь, куда нам надо попасть?

— Когда я покупал в городе пиццу, заодно прихватил и атлас автомобильных дорог.

— Значит, ты уже тогда все решил? И знал, что мы планируем сделать?

— Ну как тебе сказать... Да, кое-что почувствовал.

— Как только захочешь, чтобы я тебя сменил, дай знать, — сказал Дэн и быстро уснул, прислонив голову к стеклу пассажирской двери. Во сне он погружался в глубины неприятных образов. Сначала это были животные из ограды «Оверлука»,

которые двигались, когда на них никто не смотрел. За ними последовала миссис Масси из номера 217, которая нахлобучила на себя лихо сдвинутый набок цилиндр. Опускаясь, он вновь стал свидетелем «битвы при Клауд-Гэпе». Только на этот раз, ворвавшись внутрь «виннебаго», он обнаружил там Абру, лежавшую на полу с перерезанным горлом, и стоявшую над ее телом Роуз с окровавленной опасной бритвой. Роуз увидела Дэна, и нижняя часть ее лица распахнулась в отвратительной ухмылке, посреди которой торчал единственный длинный зуб. *Я предупреждала, что этим все кончится*, сказала она. *Но она не хотела слушать. Дети так редко слушают.*

А еще ниже наступила кромешная тьма.

Проснувшись, он увидел сумерки, сквозь которые бежала прерывистая белая разделительная полоса.

— Сколько я проспал?

Билли посмотрел на часы.

— Достаточно долго. Стало получше?

— Да.

Это было полуправдой. У него прояснилось в голове, а вот желудок причинял адскую боль. Учитывая то, что Дэн увидел в зеркале сегодня утром, удивляться не приходилось.

— Где мы?

— В ста пятидесяти милях к востоку от Цинциннати. Ты проспал две заправки. И здорово храпишь.

Дэн выпрямился на сиденье.

— Так мы уже в *Огайо*? Боже! А который час?

Билли снова сверился с часами.

— Четверть седьмого. Никаких проблем. Машин почти нет, и дорога сухая. Видать, с нами едет ангел.

— Все равно надо найти мотель. Ты должен поспать, а мне отчаянно хочется отлить.

— Еще бы!

Билли свернул с шоссе после очередного указателя на заправочную станцию, закусочную и мотель. Он зашел в «Уэндиз» и купил бургеры, пока Дэн посещал мужской туалет. Когда они вернулись в пикап, Дэн надкусил свой двойной гамбургер, сунул его обратно в пакет и начал осторожно потягивать кофейный молочный коктейль. Против него желудок не протестовал.

Билл был шокирован.

— Друг мой, тебе нужно хорошенько поесть. Да что с тобой такое?

— Думаю, пицца на завтрак была плохой идеей. — И, поскольку Билли все еще не сводил с него глаз, добавил: — Коктейль — в самый раз. То, что мне сейчас нужно. Смотри на дорогу, Билли. Мы не сможем помочь Абре, если окажемся в больнице.

Пять минут спустя Билли остановился под навесом «Фэйрфилд инн», над которым мигала неоновая надпись «СВОБОДНЫЕ НОМЕРА», заглушил двигатель, но наружу не вышел.

— Раз уж я рискую вместе с тобой жизнью, шеф, то хочу знать, чем ты болен.

Дэн хотел было ответить, что Билли рискует жизнью исключительно по собственной инициативе, но решил, что это несправедливо. Он объяснил. Билли слушал молча, с круглыми глазами.

— Иисус Христос, попрыгунчик божий! — воскликнул он, когда Дэн закончил.

— Быть может, я ошибаюсь, — заметил Дэн, — но в Новом Завете не упоминается, чтобы Иисус когда-либо прыгал. Впрочем, он мог делать это еще ребенком. Дети любят прыгать. Ты не хочешь пойти снять для нас комнату? Или мне этим заняться?

Билли не пошевелился.

— Абра в курсе?

Дэн помотал головой.

— Но ведь она могла узнать.

— Могла, но не стала. Абра понимает, что нельзя подсматривать чужие мысли, особенно мысли тех, кто тебе дорог. И она не лезет ко мне в голову, как не подглядывает в спальню своих родителей, когда те занимаются любовью.

— И ты тоже жил по этим же правилам, когда был мальцом?

— Да. Иногда ты невольно что-то замечаешь — тут уж ничего не поделаешь, — но сразу отводишь взгляд.

— С тобой все будет в порядке, Дэнни?

— Какое-то время. — Он вспомнил ленивых мух, ползавших по его губам, щекам и лбу. — Достаточно долго.

— А потом?

— Вот потом и будем об этом беспокоиться. Живи сегодняшним днем. Давай заселяться. Нам нужно будет выехать пораньше.

— Ты связывался с Аброй?

— У нее все хорошо, — улыбнулся Дэн.

По крайней мере пока.

5

На самом деле у Абры все обстояло не так уж гладко.

Она сидела за своим письменным столом с наполовину прочитанным томиком «Мастерового» в руке, стараясь не смотреть в сторону окна, чтобы не увидеть лица некой персоны, глядящей на нее. Она знала, что у Дэна проблема, понимала, что он не хочет, чтобы она знала, но с величайшим трудом удерживалась от соблазна заглянуть в его сознание, несмотря на давнее правило не трогать ЛЖВ — личную жизнь взрослых. Сдерживали ее два соображения. Во-первых, нравилось ей это или нет, но она ничем не могла ему помочь. А во-вторых (и этот сдерживающий фактор был решающим), он мог почувствовать, как она роется у него в голове. И расстроиться.

К тому же наверняка он заблокировал эти мысли, думала она. *Он это умеет. Он сильный.*

Хотя не такой сильный, как она сама... или, если говорить о сиянии, не такой яркий. Она вполне могла вскрыть запертые ящики в его сознании и заглянуть внутрь, но понимала, что это может быть опасно для них обоих. Никакой конкретной причины думать так у нее не было — просто предчувствие, как в случае идеи взять с собой на запад мистера Фримана. Но своим предчувствиям Абра привыкла доверять. И вообще не исключено, что эта штука могла помочь Дэну. Абра на это надеялась. «Кто верит и надеется, тот к цели на ласточкиных крыльях долетит»* — еще одна цитата из Шекспира.

А ты сама не смей смотреть в окно. Даже не думай!

Нет. Конечно, она не станет этого делать. Ни за что. Никогда. Поэтому она посмотрела и увидела Роуз, ухмылявшуюся

* У. Шекспир. Ричард III. Акт V, сцена II. *Пер. А.В. Дружинина.*

из-под небрежно сдвинутой набок шляпы. Увидела ее пышные волосы, и бледную фарфоровую кожу, и темные сумасшедшие глаза, и ярко-алые губы, за которыми прятался тот ужасный зуб. Тот *клык*.

Ты умрешь, вопя от боли, сучка.

Абра закрыла глаза и напряженно подумала,

(*тебя нет тебя нет тебя нет*)

а потом открыла. Ухмыляющееся лицо пропало. Но оно никуда не делось. Где-то высоко в горах — на «Крыше мира» — Роуз думала о ней. И ждала.

6

В мотеле на завтрак был шведский стол. Под непрерывным наблюдением Билли Дэн демонстративно съел немного овсяных хлопьев и йогурт. Билли выглядел довольным. Пока он общался с регистратором, Дэн зашел в мужской туалет в холле. Оказавшись в кабинке, запер дверь, упал на колени и изверг в унитаз все, что только что съел. Непереваренные хлопья и йогурт плавали в розовой пене.

— Порядок? — спросил Билли, когда Дэн вернулся к стойке.

— Полнейший, — ответил Дэн. — Поехали.

7

Если верить атласу Билли, от Цинциннати до Денвера примерно двести миль. Сайдуайндер находился еще в семидесяти пяти милях к западу, и к нему вела извилистая дорога, местами проходившая над крутыми обрывами. В то воскресенье Дэн попытался сесть за руль, но быстро утомился и вновь передал управление машиной Билли. Он заснул, а когда проснулся, солнце уже клонилось к закату. Они находились в Айове, где жил когда-то покойный Брэд Тревор.

(*Абра?*)

Он опасался, что огромное расстояние затруднит или даже блокирует мысленное общение, но она ответила сразу, и голос

ее звучал с привычной силой: будь она радиостанцией, вещала бы на сотне тысяч ватт. Она сидела у себя в комнате за компьютером, расправляясь с каким-то очередным школьным заданием. Дэна позабавил и опечалил тот факт, что на коленях у нее лежал Попрыгунчик — все тот же потертый кролик. В стрессовой ситуации она снова превратилась в маленькую Абру. По крайней мере в эмоциональном смысле.

Когда связь установилась, она уловила его тревогу.

(*не волнуйся за меня со мной все в порядке*)

(*это хорошо потому что тебе предстоит сделать важный звонок*)

(*да знаю а* у вас *все нормально*)

(*все отлично*)

Она ему не поверила, но не стала задавать вопросов, и это его полностью устраивало.

(*вы уже купили*)

Абра послала картинку.

(*пока нет воскресенье магазины закрыты*)

Еще одна картинка, которая заставила его улыбнуться. «Уолмарт»... под вывеской «ГИПЕРМАРКЕТ АБРЫ».

(*в гипермаркете такого не купишь мы найдем подходящий магазин*)

(*да поняла*)

(*ты помнишь что должна ей сказать?*)

(*да*)

(*она постарается втянуть тебя в долгую беседу не позволяй ей*)

(*не позволю*)

(*потом свяжись со мной чтобы я не волновался*)

Само собой, он будет волноваться.

(*свяжусь я люблю тебя дядя Дэн*)

(*я тоже тебя люблю*)

Он отправил ей поцелуй. Абра прислала в ответ свой: огромные красные губы, как в мультфильмах. Он почти почувствовал их прикосновение к своей щеке. А потом она пропала.

На него пристально смотрел Билли.

— Ты ведь только что общался с ней, верно?

— Да. Смотри на дорогу, Билли.

— Хорошо, хорошо. Ты как моя бывшая жена.

Билли включил поворотник, вышел в левый ряд и обогнал огромный неуклюжий кемпер «Флитвуд пэйс эрроу». Дэн уставился на него, гадая, кто сидит внутри и смотрят ли они сквозь тонированные стекла.

— Я хочу отмахать еще миль сто, прежде чем мы остановимся на ночь, — сказал Билли. — Тогда, по моим подсчетам, завтра у нас будет не меньше часа, чтобы купить необходимое и успеть в горы к намеченному шоу. Но выехать придется еще до рассвета.

— Отлично. Ты понял, как все будет?

— Я понял только, как вы это *спланировали*. — Билли снова посмотрел на него. — Будем надеяться, что у них нет биноклей, а если есть, то они ими не воспользуются. Как считаешь, у нас есть шанс вернуться живыми? Говори правду. Если ответ отрицательный, то на ужин я закажу себе самый большой бифштекс, какой ты когда-либо видел. «Мастеркард» может потребовать последний кредит с моих родственников, которых у меня, кстати, нет. Если не считать бывшей, но она отказалась бы поссать на меня, если бы я загорелся.

— Мы вернемся, — сказал Дэн, но без особой уверенности. Он слишком плохо себя чувствовал.

— Точно? Но я все равно не откажусь от хорошего куска мяса на ужин. А ты?

— Думаю, с меня хватит супа. Простого бульона. — При мысли о томатном или грибном супе-пюре у него сводило желудок.

— Хорошо. Тогда почему бы тебе не поспать еще немного?

Дэн знал, что не сможет заснуть, каким бы усталым и больным себя ни чувствовал, пока Абра общается с древним монстром в обличье красивой женщины, но ему все же удалось задремать. Сон его был неглубоким, однако кошмары никуда не делись. Сначала он увидел «Оверлук» (с лифтом, который глубокой ночью сам по себе ездил по этажам), а потом племянницу. На этот раз Абру душили обрывком электрического кабеля. Она смотрела на Дэна вытаращенными обвиняющими глазами. И в них легко читалась мысль: *Ты же обещал, что поможешь. Говорил, что спасешь. Так где же ты?*

8

Абра продолжала откладывать то, что предстояло сделать, пока не поняла, что скоро мама начнет загонять ее в постель. Она не собиралась утром в школу, но ей предстоял очень важный день. И вероятно, бесконечно долгая ночь.

Чем дольше откладываешь, тем хуже, сага mia.

Так говорила Момо. Абра посмотрела на окно, страстно желая увидеть в нем не Роуз, а прабабушку. Это было бы так славно!

— Мне страшно, Момо, — сказала она. Потом два раза глубоко вздохнула, взялась за свой айфон и набрала номер «Оверлук-холла» в кемпинге «Колокольчик». Трубку снял мужчина. Абра сказала, что хочет поговорить с Роуз, и он попросил ее представиться.

— Вам отлично известно, кто я такая, — заявила Абра и — как надеялась, с назойливым любопытством — спросила: — А вы уже заболели, мистер?

Мужчина (это был Тощий Подлиза) ничего на это не ответил, но она расслышала его смутное бормотание. И буквально через секунду трубку взяла Роуз, теперь полностью владевшая собой.

— Привет, дорогуша. Ты где?

— В пути, — сказала Абра.

— Неужели? Это хорошая новость, дорогуша. Стало быть, если я проверю номер, у него не будет кода Нью-Гэмпшира?

— Конечно, будет, — ответила Абра. — Потому что я звоню с мобильного телефона. Добро пожаловать в двадцать первый век, старая сука.

— Что тебе надо? — резко спросила Роуз.

— Убедиться, что ты не забыла правила игры, — сказала Абра. — Я приеду к вам завтра в пять. На старом красном пикапе.

— Кто тебя привезет?

— Мой дядя Билли.

— Один из тех, кто устроил засаду?

— Он был со мной, когда нас похитил Ворон. Перестань задавать вопросы. Заткнись и слушай.

— Как грубо, — вздохнула Роуз.

— Он припаркуется в конце стоянки у объявления «В ДНИ ПОБЕД ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМАНД ИЗ КОЛОРАДО ДЕТИ ЕДЯТ БЕСПЛАТНО».

— Как я понимаю, ты детально ознакомилась с нашим сайтом. Очень мило с твоей стороны. Или, быть может, все сделал твой дядя? Он, видимо, не робкого десятка, если взялся стать твоим шофером. Он брат твоего отца или матери? Семьи лохов — мое хобби. Я составляю родословные.

Она постарается вытянуть из тебя информацию, предупреждал Дэн, и как в воду глядел.

— Какое из двух слов ты не поняла? «Заткнись» или «слушай»? Ты хочешь встречи или нет?

Ответа не последовало. Только выжидательное молчание. *Жутковатое* молчание.

— С парковки нам будет видно все: кемпинг, «Холл» и «Крышу мира» на вершине холма. Мы с дядей рассчитываем увидеть наверху тебя, а остальных не должно быть видно *нигде*. Пусть сидят в этом вашем «Холле», пока мы будем выяснять с тобой отношения. В главном зале. Это ясно? Дядя Билли, конечно, не поймет, если их там не будет, но зато я пойму сразу. Засеку хоть одного — и мы сразу же уедем.

— Твой дядя останется в машине?

— Нет. В машине останусь *я*, пока мы не убедимся, что все чисто. Потом он вернется и сядет в пикап, а я отправлюсь к тебе. Мне совсем не хочется, чтобы он приближался к такой, как ты.

— Хорошо, дорогая. Все будет так, как ты хочешь.

Нет, не будет. Ты лжешь.

Но Абра тоже лгала, так что в какой-то степени они были квиты.

— Мне нужно задать тебе всего один важный вопрос, милая, — весело сказала Роуз.

Абра чуть не спросила, что за вопрос, но вовремя вспомнила совет дяди. Своего *настоящего* дяди. Один вопрос, потом еще один, и еще...

— Подавись им, — ответила она и дала отбой. У нее задрожали руки. Потом ноги и плечи.

— Абра?

Мама. Стоит у лестницы. *Она тоже что-то чувствует. Самую малость, но чувствует. Материнский инстинкт или сияние?*

— Солнышко, у тебя все хорошо?

— Все прекрасно, мамочка! Собираюсь ложиться спать!

— У тебя десять минут, а потом мы поднимемся, чтобы поцеловать тебя на ночь. Надень пижаму.

— Обязательно.

Если бы они только догадывались, с кем я сейчас общалась, подумала Абра. Но они понятия об этом не имели. Родители лишь питали иллюзию, будто им известно, что происходит на самом деле. Она находилась в своей спальне, каждая дверь, каждое окно в доме было заперто, и, по их мнению, это полностью обеспечивало ее безопасность. Так считал даже ее отец, который собственными глазами видел Истинный Узел в действии.

Вот Дэн знал все. Она зажмурилась и вышла с ним на связь.

9

Дэн и Билли остановились у очередного мотеля. От Абры вестей не поступало. Это было плохо.

— Да ладно, шеф, — сказал Билли. — Давай зайдем внутрь и...

И тут она появилась. Слава Богу!

— Помолчи минутку, — попросил Дэн и стал слушать. Две минуты спустя он снова повернулся к Билли, который подумал, что улыбка сделала друга похожим на прежнего Дэна Торранса.

— Это была она?

— Да.

— Как все прошло?

— Абра говорит, что все хорошо. Мы в деле.

— Про меня спрашивали?

— Только с какой стороны ты ее родственник. Послушай, Билли, мне кажется, что с дядей мы ошиблись. Ты выглядишь *слишком* старым, чтобы быть братом Люси или Дэвида. Когда завтра поедем в магазин, купи себе солнцезащитные очки. С огромными стеклами. А бейсболку натяни на уши, чтобы закрывала волосы.

— Может, мне сразу купить мужскую краску для волос?

— Сейчас не время острить, старый пердун.

Билли усмехнулся:

— Хорошо. Давай снимем комнату и поедим. Ты выглядишь получше. Глядишь, и аппетит проснется.

— Только бульон, — возразил Дэн. — Не хочу испытывать удачу.

— Черт с тобой, пусть будет бульон.

Дэн съел целую тарелку, хотя и очень медленно, и, памятуя о том, что через двадцать четыре часа все это так или иначе закончится, удержал съеденное в организме. Они заказали ужин в номер Билли, а потом Дэн растянулся на ковре. В таком положении желудок болел чуть меньше.

— Что это? — спросил Билли. — Дурацкая йога?

— Вот именно. Научился, когда смотрел мультики про мишку Йоги. Теперь повтори мне все от начала и до конца.

— Да я все помню, шеф, не переживай. Ты стал совсем как Кейси Кингсли.

— Какой кошмар. А теперь давай повторяй.

— Абра начнет подавать сигналы в районе Денвера. Если у них остался кто-то на перехвате, они будут знать, что она едет. И что она уже близко. Мы прибываем в Сайдуайндер пораньше — не в пять, а в четыре, — едем по шоссе в сторону кемпинга, но минуем ту дорогу, что ведет к нему. Они не заметят пикап, если только не выставят наблюдателя у шоссе.

— Это вряд ли. — Дэн вспомнил очередной афоризм АА: *Мы не властны над людьми, местами и обстоятельствами. Как* и в большинстве перлов завязавших алкоголиков, в нем было на семьдесят процентов правды и на тридцать дерьма. — В любом случае мы не можем предусмотреть все. Продолжай.

— Примерно в миле дальше по дороге есть площадка для пикников. Ты там бывал пару раз со своей матушкой, пока снег не запер вас всех в отеле. — Билли вдруг запнулся. — Только ты и она? А твой отец?

— Он был занят. Работал над пьесой. Дальше.

Постепенно Билли добрался до конца. Дэн внимательно слушал. Потом кивнул:

— Хорошо. Вижу, ты все усвоил.

— А что я говорил? Теперь можно вопрос?

— Конечно.

— Завтра после полудня ты еще будешь в состоянии пройти целую милю пешком?

— Буду.

У меня нет выбора.

10

Они действительно выехали очень рано — в четыре часа утра, то есть задолго до рассвета — и вскоре после девяти уже видели впереди заслонявшее горизонт облако. Часом позже, когда стало ясно, что это вовсе не облако, а синевато-серая горная гряда, они сделали остановку в Мартенвилле, штат Колорадо. На его короткой (и почти пустой) Мейн-стрит Дэн приметил даже не то, что надеялся увидеть, а нечто куда более подходящее: магазин детской одежды под названием «Детские вещи». Через полквартала располагалась аптека, к которой примыкал пыльный ломбард и салон «Видеоэкспресс». («МЫ ЗАКРЫВАЕМСЯ. ПОЛНАЯ РАСПРОДАЖА ПО БРОСОВЫМ ЦЕНАМ!» — сообщала надпись на витрине последнего.) Дэн отправил Билли в аптеку за солнцезащитными очками, а сам переступил порог «Детских вещей».

В этом заведении царила атмосфера унылой безнадежности. Он оказался единственным клиентом. Здесь провалился чей-то хороший план, скорее всего из-за конкуренции крупных торговых центров в Стерлинге или Форт-Моргане. Зачем покупать товары в местной лавчонке, когда, проехав всего ничего, можно приобрести значительно более дешевые брюки и платья для школьников? Пусть и сшитые в Мексике или Коста-Рике. Кому до этого дело?

Усталая женщина с усталыми глазами устало улыбнулась Дэну. Спросила, может ли она ему чем-то помочь. Дэн ответил, что может. Но когда сообщил ей, в чем именно нуждается, ее глаза округлились.

— Понимаю, просьба необычная, — сказал Дэн, — но если пойдете мне навстречу, заплачу наличными.

Он получил желаемое. В маленьком убыточном магазинчике в стороне от оживленных магистралей слово на букву «н» имело магическое действие.

11

На подъезде к Денверу Дэн установил связь с Аброй. Он закрыл глаза и представил колесо, хорошо знакомое им обоим. У себя в Эннистоне Абра сделала то же самое. Сейчас все оказалось намного легче. Открыв глаза, он увидел перед собой пологую лужайку за домом Стоунов, спускавшуюся к реке Сако, воды которой сверкали в лучах послеполуденного солнца. Перед взором Абры предстала панорама Скалистых гор.

— Ух ты, дядя Билли, до чего же они красивые, верно?

Билли покосился на сидевшего рядом спутника. Дэн закинул ногу на ногу в совершенно несвойственной ему манере и покачивал ступней. Его щеки слегка порозовели, а взгляд прояснился и стал таким, каким не был на протяжении всей их поездки на запад.

— Верно, золотце. Они очень хороши, — сказал Билли.

Дэн улыбнулся и закрыл глаза. Но стоило ему вновь распахнуть их, как все приметы здоровья, привнесенные Аброй, снова померкли. Как цветок, который забыли полить, подумал Билли.

— Ну как?

— Бип, — ответил Дэн. Он улыбнулся своей привычной изможденной улыбкой. — Как датчик дыма, в котором нужно сменить батарейку.

— Думаешь, они уловили его?

— Очень надеюсь, что да, — ответил Дэн.

12

Роуз расхаживала перед своим «эрскрузером», когда прибежал Чарли Жетон. Этим утром Истинные приняли пар, весь, кроме последней канистры, которую Роуз оставила в сейфе, а если учесть, что несколько дней назад она уже получила дозу, сидеть ей совершенно не хотелось.

— Что такое? — спросила она. — Мне нужны только хорошие новости.

— Я засек ее. Тянет на хорошую новость? — Чарли, тоже на взводе, схватил Роуз за руки и закружил, ее волосы взметнулись вверх. — Я *засек* ее! На несколько секунд, но это точно она.

— Ты видел ее дядю?

— Нет, она любовалась на горы сквозь лобовое стекло. Сказала, что они очень красивые...

— Они действительно очень красивые, — кивнула Роуз. Ее губы начали расползаться в улыбке. — Ты согласен, Чарли?

— Вот и дядя с ней согласился. Они едут, Роузи! Они в самом деле едут сюда!

— Она тебя заметила?

Чарли отпустил Роуз и нахмурился.

— Не могу точно сказать... Дедушка Флик знал бы наверняка...

— А самому тебе как показалось?

— Вероятно, нет.

— Тогда мне этого достаточно. Отправляйся в какое-нибудь укромное место, где тебя никто не потревожит. Сядь и слушай. Если — *когда* — засечешь ее снова, сообщи мне. Не хочу потерять ее след. Если нужен еще пар, только скажи. Я приберегла немного.

— Нет-нет, все в порядке. Я буду слушать. Я буду *так* слушать! — Диковато рассмеявшись, Чарли Жетон кинулся прочь. Роуз сомневалась, что он сам знает, куда бежит, но это не имело значения. Главное, чтобы он слушал.

13

К полудню Дэн и Билли добрались до подножия Флатиронов. Глядя на приближавшиеся Скалистые горы, Дэн думал о тех долгих годах, когда старался держаться от них подальше. Это, в свою очередь, напомнило ему какое-то стихотворение о том, как ты мог годами убегать от себя, но все равно под конец оказывался в номере мотеля с голой лампочкой под потолком и револьвером на столе.

Поскольку времени у них было предостаточно, они свернули с шоссе и заехали в Боулдер. Билли проголодался. Дэн есть

не хотел... но им владело любопытство. Билли остановился у «Сабвея» и спросил, что купить Дэну.

— Ничего не надо, — покачал головой тот.

— Ты уверен? Тебе предстоит много чего сделать.

— Поем, когда все закончится.

— Что ж...

Билли зашел в «Сабвей» и купил себе огромный «баффало чикен». Дэн успел пообщаться с Аброй. Колесо повернулось.

Бип.

Когда Билли вернулся, Дэн кивнул на его завернутый сандвич и попросил:

— Подожди немного. Пока мы в Боулдере, мне хотелось бы кое-куда наведаться.

Через пять минут они были на Арапахо-стрит. В двух кварталах от района с обветшалыми барами и кафе Дэн попросил Билли остановиться.

— Теперь жуй своего цыпленка. А я отлучусь ненадолго.

Дэн вышел из пикапа и остановился на потрескавшемся тротуаре, глядя на обшарпанный четырехэтажный дом с рекламой в одном из окон: «ОДНОКОМНАТНЫЕ КВАРТИРЫ ПО СТУДЕНЧЕСКИМ РАСЦЕНКАМ». Лужайка почти облысела. Сквозь трещины в асфальте пробивались сорняки. А ведь он сомневался, что вообще найдет это место. Думал, что Арапахо-стрит превратилась в фешенебельный район, где жила обеспеченная молодежь, пившая кофе в «Старбаксе», проверявшая свои странички в «Фейсбуке» по двадцать раз на дню и писавшая в «Твиттер» как одержимая. Но ничего не изменилось. Арапахо-стрит выглядела в точности такой, какой он ее запомнил.

К нему подошел Билли с остатками сандвича в руке.

— Нам еще ехать семьдесят пять миль, Дэнни. Пора затащить наши задницы на перевал.

— Хорошо, — сказал Дэн, но продолжал стоять и смотреть на дом с облупившейся зеленой краской. Когда-то здесь жил маленький мальчик; однажды он сидел на бордюре как раз в том месте, где сейчас стоял Билли Фриман, жующий свой сандвич. Маленький мальчик дожидался возвращения папы, который поехал договариваться о работе и проходить собеседование с менеджером отеля «Оверлук». У мальчика был игрушечный

планер из бальзового дерева, вот только крыло треснуло, но мальчик не огорчался. Когда папа вернется домой, он все починит с помощью изоленты и клея. А потом, возможно, они пойдут вместе запускать его. Его отец был страшным человеком, но как же маленький мальчик любил своего папу!

— Я жил тут с матерью и отцом до того, как мы перебрались в «Оверлук», — сказал Дэн. — Выглядит не очень.

Билли пожал плечами:

— Мне доводилось бывать в местах и похуже.

За годы странствий в местах похуже побывал и сам Дэн. Взять хотя бы, к примеру, квартирку Дини в Уилмингтоне.

Он указал налево.

— В той стороне располагалось несколько баров. Помню, один назывался «Дырявый барабан». Похожс, модернизация этот район обошла стороной, так что он, должно быть, все еще там. Когда мы с отцом проходили мимо, он всегда останавливался и смотрел в окно, а я чувствовал, как же ему хочется зайти внутрь. От его жажды *даже мне* хотелось пить. Я долгие годы пил, чтобы утолить эту жажду, но она неутолима. Мой отец это знал.

— Но ты все равно любил его.

— Да, любил.

Он снова посмотрел на запущенный, жалкий жилой дом. Не очень, но Дэн невольно задумался, как могла сложиться их жизнь, если бы они тогда остались здесь. Если бы «Оверлук» не заманил их в свою ловушку.

— Он был и хорошим, и плохим, а я любил его за все сразу. Бог мне в помощь, но я все еще его люблю.

— Все дети такие, — заметил Билли. — Любят своих отцов, надеясь на лучшее. А что еще остается? Все, Дэн. Заканчивай. Если мы собираемся сделать свое дело, самое время отправляться дальше.

Через полчаса они оставили Боулдер далеко позади и уже взбирались к вершинам Скалистых гор.

Глава 19

ПРИЗРАЧНЫЕ ЛЮДИ

1

Хотя уже приближался закат — по крайней мере в Нью-Гэмпшире, — Абра продолжала сидеть на ступеньке заднего крыльца, глядя вниз, на реку. Попрыгунчик расположился рядом на крышке бака для компоста. Люси и Дэвид вышли и сели по обе стороны от нее. Джон Долтон наблюдал за ними из кухни, держа в руке чашку с остывшим кофе. Черный докторский саквояж он пристроил на стойку, но в нем не было ничего, что могло бы пригодиться нынешним вечером.

— Тебе нужно зайти в дом и поужинать, — сказала Люси, прекрасно зная, что Абра не захочет (а возможно, попросту не сможет) ничего съесть, пока все не закончится. Но рутина придает уверенность. Внешне обстановка выглядела вполне обыденной, а опасность находилась более чем в тысяче миль отсюда, и Люси было легче, чем ее дочери. Прежде у Абры была прекрасная кожа — ровная и гладкая, как у младенца, — но сейчас на крыльях носа появилась россыпь угрей, а на подбородке вскочили уродливые прыщи. Обычная игра гормонов, предвестница полового созревания — так хотелось думать Люси, потому что это было нормальным. Однако стресс тоже вызывал угри. Кроме того, лицо дочери казалось бледным, под глазами залегли тени. Она выглядела почти такой же больной, как Дэн, медленно забиравшийся в пикап мистера Фримана, когда Люси видела его в последний раз.

— Не могу сейчас отвлекаться на ужин, мама. Нет времени. Все равно мой желудок ничего не удержит.

— Как долго еще ждать, Абби? — спросил Дэйв.

Она не смотрела ни на него, ни на нее. Абра смотрела только на реку, но Люси знала, что ее она тоже не видит. Их дочь находилась далеко. Там, где они ничем не могли ей помочь.

— Недолго. Поцелуйте меня и уходите в дом.

— Но... — начала Люси, а потом осеклась, когда Дэвид помотал головой. Коротко, но выразительно и жестко. Она вздохнула, взяла Абру за руку (какая же она холодная!) и губами прижалась к левой щеке. Дэвид поцеловал дочь в правую. — Помни, что сказал Дэн, — не удержалась Люси. — Если что-то пойдет не так...

— Идите в дом. Оставайтесь там. Когда начнется, я возьму Попрыгунчика и положу себе на колени. И как только я это сделаю, вам ни в коем случае нельзя будет прерывать меня. *Что бы ни происходило.* Иначе вы можете погубить дядю Дэна, а возможно, и Билли тоже. Я могу упасть, словно в обмороке, но это не будет обмороком, а потому не реагируйте и не позволяйте доктору Джону трогать меня. Просто оставьте меня в покое до тех пор, пока все не закончится. Думаю, Дэн знает место, где мы сможем с ним встретиться.

— Ей-богу, не понимаю, как это может сработать, — сказал Дэйв. — Эта женщина, Роуз, сразу увидит, что нет никакой маленькой девочки...

— Вам лучше уйти в дом *немедленно*, — прервала его Абра.

И они выполнили ее просьбу. Люси умоляюще посмотрела на Дэйва; в ответ тот снова помотал головой и пожал плечами. Все трое встали у кухонного окна, обнявшись, глядя на девочку, которая сидела на ступеньке, сцепив руки на коленях. Ничто вокруг не предвещало опасности. Повсюду царили мир и покой. Но стоило Люси увидеть, как Абра — ее любимая доченька — протянула руку за Попрыгунчиком и положила старую игрушку себе на колени, она застонала в голос. Джон стиснул ей плечо. Дэвид крепче ухватил ее за талию, а она в страхе вцепилась ему в руку.

Пожалуйста, пусть с моей дочерью все будет хорошо. Если что-то должно произойти... что-то плохое... пусть это случится со сводным братом, которого я едва знаю. Но только не с ней.

— Все будет хорошо, — сказал Дэйв.

Она кивнула:

— Конечно, будет. Конечно.

Они наблюдали за девочкой на ступеньке. Люси понимала, что, если даже попытается окликнуть Абру, ответа не получит. Абры здесь уже не было.

2

Билли и Дэн добрались до съезда к базе Истинного Узла в Колорадо без двадцати четыре по горному времени, то есть с хорошим запасом. Над въездом на мощеный проселок возвышалась деревянная арка с надписью «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В КЕМПИНГ «КОЛОКОЛЬЧИК»! ОСТАНЬСЯ У НАС, ПУТНИК!» А вот стоявший рядом с дорогой знак был не столь гостеприимным: «ЗАКРЫТО ДО ДАЛЬНЕЙШЕГО УВЕДОМЛЕНИЯ».

Билли проехал мимо, не снижая скорости, но пристально осматривая окрестности.

— Никого не заметил. Даже на лужайках, хотя кто-нибудь вполне мог спрятаться за каким-то сараем. Господи, Дэнни, ты выглядишь просто ужасно!

— Хорошо, что конкурс «Мистер Америка» будет только в конце года, — ответил Дэн. — Еще миля или даже меньше. Ищи указатель к живописным видам и площадке для пикников.

— А если там кто-то дежурит?

— Не дежурит.

— Откуда такая уверенность?

— Оттуда, что ни Абра, ни ее дядя Билли никак не могут знать о существовании этой зоны отдыха. Они же здесь никогда не бывали. А про меня Узлу ничего не известно.

— Будем надеяться.

— Абра сообщает, что все находятся там, где им и положено быть. Она проверяла. А сейчас помолчи немного, Билли, мне необходимо подумать.

Ему нужно было подумать о Холлоране. На протяжении нескольких лет после той проклятой зимы в «Оверлуке» Дэнни Торранс и Дик Холлоран часто общались между собой. Иногда лично, чаще — мысленно на расстоянии. Дэнни любил маму, но

существовали вещи, которых она не понимала и не могла понимать. Например, сейфы. Те самые, куда ты запирал в уме опасные штуки, которые порой привлекало сияние. Впрочем, они не всегда помогали. Он, например, несколько раз пытался создать такой сейф для своего пьянства, но все его попытки с треском провалились (возможно, потому, что он *хотел* потерпеть неудачу). Зато с миссис Масси и Хорасом Дервентом...

Теперь в его сознании хранился еще и третий сейф, но он был вовсе не столь надежный, как те, что Дэн создавал ребенком. Потому что он стал слабее? Или потому что находившееся в ящике в корне отличалось от глупых призраков, открывших охоту на маленького мальчика? А может, по обеим причинам сразу? Этого он не знал. Чувствовал только, что ящик дал течь. Если он его откроет, то может погибнуть. И все же...

— О чем это ты? — спросил Билли.

— А? — Дэн огляделся. Ладонь он прижимал к животу, который теперь нестерпимо болел.

— Ты только что сказал: «Выбора нет». Что ты имел в виду?

— Не обращай внимания.

Они как раз добрались до места, и Билли свернул к площадке для пикников. Они увидели скамейки и каменные мангалы для барбекю. Дэну это напомнило Клауд-Гэп. Не хватало только реки.

— Просто... если что-то пойдет не так, прыгай в машину и гони отсюда к чертовой матери.

— Ты думаешь, это поможет?

Дэн не ответил. Его живот был охвачен огнем.

3

Вскоре после четырех часов пополудни в тот понедельник в конце сентября Роуз поднялась на «Крышу мира» вместе с Тихоней Сари.

На Роуз были узкие джинсы, которые подчеркивали красоту ее длинных стройных ног. Несмотря на прохладу, Тихоня Сари надела только светло-голубое домашнее платье, доходившее ей до середины толстых икр, обтянутых противоварикозными чул-

ками. Роуз остановилась, чтобы взглянуть на мемориальную доску, привинченную к гранитной стеле у подножия лестницы, три дюжины ступеней которой вели к смотровой площадке. Текст гласил, что на этом месте находился знаменитый отель «Оверлук», сгоревший до основания примерно тридцать пять лет назад.

— Здесь испытываешь очень сильные чувства, правда, Сари?

Та кивнула.

— Ты ведь слышала о горячих источниках, которые бьют прямо из-под земли?

— Угу.

— Очень похоже. — Роуз наклонилась, чтобы принюхаться к траве и полевым цветам. Под их ароматами явственно ощущался железистый запах старой крови. — Мощные эмоции и чувства — ненависть, страх, презрение, похоть. Эхо совершенных убийств. Не пища для нас — слишком старое, — но действует освежающе. Потрясающий букет. *Просто бьет в голову.*

Сари промолчала, но не сводила с Роуз глаз.

— А *эта штука*, — Роуз обвела рукой деревянное сооружение, к которому вели ступени, — напоминает виселицу. Не хватает только люка в полу.

Сари опять ничего не сказала. По крайней мере вслух. Но ее мысль

(*нет веревки*)

была достаточно четкой.

— Это верно, любовь моя, но одна из нас и без веревки останется болтаться здесь навсегда. Или я, или та маленькая стерва, которая посмела сунуть нос в наши дела. Видишь это? — Роуз указала на небольшой зеленый сарай футах в двадцати от них.

Сари кивнула.

К ремню Роуз крепилась маленькая сумочка на «молнии». Она расстегнула ее, порылась внутри, достала ключ и вручила Сари. Та направилась к сараю, высокая трава шуршала, соприкасаясь с плотными чулками телесного цвета. Ключ подошел к замку. Когда Сари открыла дверь, хлынувшие внутрь солнечные лучи озарили помещение размерами чуть больше уборной. Там хранились газонокосилка и пластиковое ведро, в котором лежа-

ли серп и грабли. У задней стены стояли лопата и мотыга. Больше там не оказалось ничего, и спрятаться было негде.

— Войди туда, — сказала Роуз. — Посмотрим, на что ты способна.

Сейчас, накачанная паром, ты просто обязана удивить меня.

Как и каждый член Истинного Узла, Тихоня Сари обладала своим маленьким талантом.

Она вошла в тесный сарай, принюхалась и сказала:

— Пыльно.

— Черт с ней, с пылью. Давай увидим, что ты умеешь. Или, точнее, *не увидим*, как я надеюсь.

Потому что в этом и заключался дар Сари. Она не могла стать невидимой (этого не умел никто), но могла *потускнеть*, чему очень способствовали ее неброское лицо и фигура. Она повернулась к Роуз, потом посмотрела на свою тень. И чуть подвинулась в сторону. Едва заметно, на полшажка. Ее тень слилась с тенью от ручки газонокосилки. Сари замерла — и сарай опустел.

Роуз зажмурилась, потом широко распахнула глаза — и увидела Сари, стоявшую рядом с косилкой, скромно скрестив руки на поясе, как застенчивая девушка, которая надеется, что ее пригласят танцевать. Роуз посмотрела на горы, а когда снова повернулась к сараю, он опять опустел — превратился в крошечный склад инструментов, где и спрятаться-то негде. При ярком солнечном свете была видна лишь одна тень — от ручки газонокосилки. Вот только...

— Прижми локоть, — сказала Роуз. — Я его вижу. Прижми самую малость.

Тихоня Сари выполнила просьбу и на мгновение действительно исчезла. Роуз не могла увидеть ее, пока не сконцентрировалась. А ведь она знала, что Сари там. Когда придет время — а ждать осталось недолго, — маленькой стерве ни за что ее не разглядеть.

— Очень хорошо, Сари! — сказала она со всей доступной ей теплотой в голосе. — Возможно, мне и не понадобится твоя помощь. Но если ты будешь нужна, пусти в ход серп. И думай об Энди. Поняла?

При упоминании Энди уголки губ Сари печально опустились. Она посмотрела на лежавший в ведре серп и закивала.

Роуз подошла к сараю и взяла замок.

— Сейчас я закрою тебя внутри. Маленькая сучка засечет тех, кто будет в «Холле», но не тебя. Я в этом уверена. Потому что ты у нас Тихоня, верно?

Сари снова кивнула. Свое прозвище она заслужила.

(*а как же?*)

— Замок? — с улыбкой спросила Роуз. — Об этом не думай. Думай только о том, чтобы быть неподвижной. Неподвижной и тихой. Ты меня понимаешь?

— Угу.

— А про серп все поняла? — Роуз не доверила бы Сари пистолет, даже если бы он у нее был.

— Селп. Угу.

— Если я сама с ней справлюсь — а с таким количеством пара внутри наверняка так оно и будет, — ты посидишь здесь, пока я тебя не выпущу. Но если услышишь мой крик... Дай подумать... Если я закричу: *Не вынуждай меня наказывать тебя!* — это будет означать, что мне нужна твоя помощь. Я сделаю так, чтобы она повернулась к тебе спиной. И ты знаешь, что случится потом, верно?

(*я поднимусь по ступенькам и*)

Но Роуз качала головой:

— Нет, Сари. Тебе не придется подниматься. Она не доберется до платформы.

Роуз не хотела терять драгоценный пар даже сильнее, чем упускать возможность самостоятельно расправиться с маленькой стервой... заставить ее страдать. Долго страдать. Но осторожность никогда не помешает. Уж *очень сильна* девчонка.

— Так какого крика ты будешь ждать, Сари?

— Не вынустай меня накасыва!

— И о чем ты будешь в этот момент думать?

Глаза под лохматой челкой блеснули.

— Месь!

— Правильно. Ты будешь мстить за Энди, которую убили приятели этой сучки. Но только по моему сигналу, потому что я хотела бы все сделать сама.

Роуз стиснула кулаки, и ногти глубоко впились в багровые отметины на ее ладонях.

— Но если я тебя позову, *иди*. Не мешкай и не останавливайся, пока не вонзишь серп ей в шею и не увидишь, как его конец вышел из ее проклятого горла.

Глаза Сари вновь блеснули.

— Угу.

— Отлично. — Роуз поцеловала ее, потом закрыла дверь и вернула на место навесной замок. Положила ключ в сумочку и прислонилась к двери.

— Послушай меня, дорогая. Если все пройдет хорошо, ты получишь первый пар. Обещаю. И это будет такой пар, какого ты прежде никогда не пробовала.

Потом Роуз вернулась к смотровой платформе, сделала несколько глубоких вдохов и начала подниматься по ступенькам.

4

Дэн стоял, упершись руками в стол для пикника, опустив голову и закрыв глаза.

— Поступать так — чистой воды безумие, — сказал Билли. — Мне надо идти с тобой.

— Ты не можешь. У тебя хватит своих забот.

— А если ты потеряешь сознание на полпути? И как ты справишься с целой бандой? Судя по твоему виду, ты бы и против пятилетнего малыша двух раундов не продержался.

— Думаю, что очень скоро почувствую себя намного лучше. И сильнее. Берись за дело, Билли. Ты помнишь, где припарковаться?

— В дальнем конце стоянки, где плакат, что детей кормят бесплатно, когда команды из Колорадо выигрывают.

— Точно. — Дэн поднял голову и увидел огромные темные очки, которые нацепил Билли. — И натяни бейсболку как можно ниже. По самые уши. Ты должен выглядеть молодым.

— Я знаю один трюк, который сделает меня еще моложе. Если получится...

Дэн его не слышал.

— Осталось еще кое-что.

Он выпрямился и раскинул руки. Билли обнял его, желая стиснуть друга покрепче, но не осмеливаясь.

— Абра дала дельный совет. Я бы ни за что не добрался сюда без твоей помощи. А теперь займись своими делами.

— А ты своими, — ответил Билли. — Мне нужен машинист, чтобы вести поезд в Клауд-Гэп на День благодарения. Рассчитываю на тебя.

— Буду только рад, — сказал Дэн. — Такой железной дороги нет ни у одного мальчишки.

Билли смотрел, как он медленно бредет, прижимая ладони к животу, в сторону указателя на дальнем конце площадки. Указатель представлял собой две деревянные стрелки. Одна смотрела на запад, где располагался Пауни-Лукаут. Вторая — на восток. «К КЕМПИНГУ "КОЛОКОЛЬЧИК"», — сообщала она.

По этой тропе и двинулся Дэн. Еще какое-то время Билли видел его сквозь желтую листву осин, видел, как он с трудом идет, превозмогая боль, низко наклонив голову. А потом он исчез.

— Позаботься о моем мальчике, — произнес Билли, сам не зная, к кому обращается — к Богу или Абре, — но сейчас это не имело значения: оба были слишком заняты, чтобы отвечать на просьбы таких, как он.

Вернувшись к пикапу, он достал из кузова девочку с голубыми фарфоровыми глазами и жесткими светлыми волосами. Она почти ничего не весила, потому что скорее всего была полой.

— Как жизнь, Абра? Надеюсь, тебя не очень растрясло в пути?

На ней была футболка с эмблемой «Колорадо рокиз» и синие шорты. Обуви не нашлось, да она ей и не требовалась. Эта девочка — всего лишь манекен, купленный в захудалом магазине детской одежды в Мартенвилле, — не умела ходить. Но зато ее ноги сгибались в коленях и Билли без труда усадил «Абру» на место пассажира. Он пристегнул ее ремнем, начал закрывать дверь, потом потрогал шею манекена. Оказалось, она тоже двигалась. Он отошел в сторону, чтобы взглянуть на результат сво-

их трудов. Получилось неплохо. Казалось, девочка рассматривает что-то на коленях. Или просит сил перед грядущей схваткой. Совсем неплохо!

При том условии, что у них нет биноклей.

Он сел за руль пикапа и подождал, давая Дэну больше времени. Надеясь, что тот не отключился где-то по пути к кемпингу «Колокольчик».

Без четверти пять Билли завел мотор и поехал назад той же дорогой.

5

Вопреки усиливавшейся боли в животе Дэн шагал вперед. Ощущение было такое, словно у него внутри завелась крыса, которая не просто грызла ему кишки, но еще и горела при этом. Если бы тропа поднималась, а не спускалась, он бы ее не осилил.

Без десяти пять он миновал поворот и остановился. Впереди осины кончались и начиналась ухоженная лужайка, спускавшаяся к теннисным кортам. За кортами виднелась стоянка для кемперов и длинное бревенчатое здание «Оверлук-холла». Потом снова начинался подъем. И на том месте, где когда-то стоял отель, на фоне яркого неба вырисовывалась высокая деревянная платформа, «Крыша мира». Когда Дэн увидел ее, у него мелькнула та же мысль,

(*виселица*)

что посетила Розу-в-Шляпе. Наверху у перил ограды вырисовывался одинокий силуэт человека, глядевшего в сторону парковки для гостей кемпинга. Женский силуэт. Со сбитым набок цилиндром.

(*Абра ты здесь?*)

(*здесь Дэн*)

Спокойно и громко. Отлично.

(*они слышат тебя?*)

Он ощутил подобие легкой щекотки в мозгу — ее улыбку. Злую улыбку.

(*если не слышат значит они глухие*)

Это было хорошо.

(*тебе нужно прийти ко мне сейчас но помни уговор если я скажу уходи ТЫ УЙДЕШЬ*)

Абра не ответила, и не успел он повторить, как она уже оказалась рядом с ним.

6

Стоуны и Джон Долтон беспомощно смотрели, как Абра соскальзывала, пока ее голова не легла на верхнюю ступень террасы, а ноги не распластались внизу. Попрыгунчик выпал из расслабившихся пальцев. Она не выглядела заснувшей или потерявшей сознание. Ее уродливая поза напоминала скорее кому или даже смерть. Люси рванулась к дочери. Дэйв и Джон удержали ее.

Она сопротивлялась.

— Отпустите меня! Я должна ей помочь!

— Ты не сумеешь, — сказал Джон. — Только Дэн способен сейчас помочь ей. Они должны помочь друг другу.

В глазах Люси отражалось бешенство.

— Она хотя бы дышит? Ты можешь определить?

— Дышит, — заверил Дэйв, хотя его голос прозвучал неубедительно даже для него самого.

7

Как только Абра присоединилась к нему, боль, терзавшая его с самого Бостона, ослабла. Но Дэн не испытал особого облегчения, потому что теперь Абра тоже страдала. Он читал это по ее лицу наряду с удивлением, которое она испытывала, оглядывая комнату, где они находились. В ней стояла двухъярусная кровать, стены были обиты сучковатыми сосновыми досками, а пол застлан ковриком с узором в виде шалфея и кактуса. На ковре и нижней постели валялись дешевые игрушки. На небольшом письменном столе лежали книжки и пазл из крупных фрагментов. В дальнем углу пощелкивал и шипел радиатор.

Абра подошла к столу и взяла одну из тоненьких книжек. На обложке был нарисован ребенок на трехколесном велосипеде, за которым бежала маленькая собачонка. Книжка называлась «Учимся читать с Диком и Джейн».

Дэн подошел к ней со смущенной улыбкой.

— Девочку на обложке зовут Салли. Дик и Джейн — ее брат и сестра. А пес — Джип. Одно время они были моими лучшими друзьями. Моими единственными друзьями, наверное. Если не считать Тони, конечно.

Она положила книжку и повернулась к нему.

— Что это за *место*, Дэн?

— Воспоминание. Здесь прежде находился отель, и в этой комнате жил я. А сейчас это точка, где нам легче всего встретиться. Ты же видела колесо, которое вращается, когда ты перемещаешься в кого-то другого?

— Да.

— Здесь его центр. Его ступица.

— Жаль, мы не можем остаться в этой комнате. В ней я чувствую себя... в безопасности. Но мне не нравится *вот это*. — Абра кивнула на высокие застекленные двери. — Они здесь не к месту. — Она посмотрела на Дэна почти с упреком. — Их ведь не было здесь на самом деле? Когда ты был ребенком?

— Нет. В моей комнате окон не было вообще, а дверь вела в квартиру смотрителя. Я кое-что изменил. Мне пришлось. Ты знаешь почему?

Она посмотрела на него очень серьезно.

— Потому что тогда было тогда, а сейчас есть сейчас. Прошлое ушло, пусть оно и определяет настоящее.

— Я сам не смог бы сказать лучше, — ответил он с улыбкой.

— Тебе и не нужно было. Ты об этом подумал.

Он подвел ее к двери, которой никогда не существовало. Сквозь стекло они видели лужайку, теннисные корты, «Оверлук-холл» и «Крыщу мира».

— Я вижу ее, — выдохнула Абра. — Она там, наверху, но не смотрит в нашу сторону.

— И прекрасно, — сказал Дэн. — Милая, тебя мучает боль?

— Да, — ответила она, — но мне все равно. Потому что...

Ей не пришлось заканчивать фразу. Он все понял, и Абра улыбнулась. Это единение, возникшее между ними, было замечательным. Пусть оно и сопровождалось болью — самых разных видов, — это было чудесно.

— Дэн?

— Да, солнышко.

— Там призрачные люди. Я их не вижу, но чувствую. А ты?

— Я тоже.

Он чувствовал их многие годы. Потому что прошлое определяет настоящее. Дэн обнял Абру за плечи, а ее рука обвилась вокруг его пояса.

— Что нам делать теперь?

— Ждать Билли. Надеюсь, он не задержится. А потом все должно произойти очень быстро.

— Дядя Дэн?

— Слушаю тебя, Абра.

— Что у тебя внутри? Это не призрак. Это больше похоже... — Он почувствовал ее дрожь. — Больше похоже на *монстра*.

Он ничего не сказал.

Она выпрямилась во весь рост и отстранилась от него.

— Смотри! Вот там!

Старый «форд» заезжал на стоянку для гостей кемпинга.

8

Роуз стояла, упершись руками в располагавшееся на уровне пояса ограждение платформы, и всматривалась в заезжавший на парковку пикап. Пар обострил ее зрение, но теперь она все равно жалела, что не захватила с собой бинокль. Наверняка они валялись где-то в кладовке, для гостей, желавших понаблюдать за птицами. Так почему же она не взяла один из них?

Потому что тебе приходилось думать о многих других вещах. Болезнь... Крысы, бегущие с корабля... Гибель Ворона от рук этой маленькой стервы...

Да, это верно — тысячу раз верно, — однако ей все равно следовало вспомнить о бинокле. На мгновение она задумалась, не могла ли забыть о чем-то другом, не менее важном, но сразу

отбросила эту мысль. Она по-прежнему оставалась хозяйкой положения, полной пара. Охотница, готовая накинуться на свою жертву. События развивались в точности по плану. Скоро девчонка поднимется сюда, потому что ее так и раздувает от глупой подростковой самоуверенности и гордости за свои необычайные таланты.

Но я держу ситуацию под полным контролем. Если не справлюсь с тобой одна, призову на помощь остальных Истинных. Они сейчас все вместе в главном зале, потому что тебе показалось, что это хорошая идея. Но только ты кое-чего не учла. Когда мы вместе, мы — единое целое, мы — Истинный Узел. И это превращает нас в огромную батарейку. Вся эта мощь окажется в моем распоряжении, когда я того пожелаю.

А уж если и это не поможет, останется Тихоня Сари. Наверное, она уже сейчас сжимает рукоятку серпа. Пусть Сари не блещет умом, зато она безжалостна, смертоносна и — когда поймет задание — совершенно послушна. К тому же у нее есть личный мотив желать, чтобы труп маленькой стервы распростерся у подножия смотровой платформы.

(*Чарли*)

Чарли Жетон отозвался мгновенно. Обычно его сигнал был слабым и неустойчивым, но сейчас, поддерживаемый энергией остальных собравшихся в «Холле», Чарли говорил громко и отчетливо, почти захлебываясь от возбуждения.

(*я ловлю ее сигнал постоянно и четко как и мы все она совсем рядом ты тоже должна чувствовать ее присутствие*)

Роуз его чувствовала, хотя по-прежнему старалась блокировать свое сознание, чтобы сучка не проникла в него и не устроила погром.

(*не важно просто скажи всем быть наготове если мне понадобится помощь*)

Ей ответили сразу несколько голосов, перекрывая друг друга. Они были готовы. Даже больные рвались помочь по мере сил. Она их обожала.

Роуз вгляделась в светловолосую девочку в машине. Та смотрела вниз. Что-то читала? Собирала волю в кулак? Или молилась лоховскому Богу? Впрочем, это не имело значения.

Иди ко мне, маленькая сучка. Иди к тетушке Роуз.

Но первым из машины вышел ее дядя. Как сучка и обещала. Чтобы все проверить. Он обогнул капот пикапа, двигаясь медленно, осматриваясь по сторонам. Склонился к пассажирскому окну, что-то сказал своей спутнице и отошел от пикапа немного подальше. Посмотрел на «Холл», потом повернулся к четко вырисовывавшейся на фоне неба платформе... И помахал рукой. Этот наглый простофиля помахал ей рукой!

Роуз не помахала в ответ. Она нахмурилась. Дядя! Почему родители отправили с ней какого-то дядю, а не привезли сучку сами? И если уж на то пошло, почему вообще разрешили ей сюда приехать?

Она убедила их, что выхода нет. Объяснила: если не приеду к ней, она сама явится за мной. Вот как обстояло дело. Просто и ясно.

Вроде бы все сходилось, но Роуз тем не менее ощущала нарастающую тревогу. Она позволила сучке выбрать условия схватки. То есть в каком-то смысле дала возможность манипулировать собой. Но она разрешила ей это только потому, что игра шла на ее поле, а сама Роуз приняла все меры предосторожности. А еще потому, что была зла. Очень зла.

Она внимательнее присмотрелась к мужчине на стоянке. Он все еще ходил кругами, заглядывая то туда, то сюда, чтобы убедиться, что Роуз одна. Вполне разумно. Она бы и сама так поступила, но откуда же взялась свербящая мысль, что на самом деле он лишь тянет время? Вот только зачем?

Роуз вгляделась еще пристальнее, сосредоточившись на походке мужчины. Она решила, что он вовсе не так молод, как ей показалось на первый взгляд. Он двигался как человек в возрасте, страдающий артритом. И почему девчонка не шевелится?

Роуз почувствовала первый укол настоящей тревоги.

Что-то явно было не так.

9

— Она смотрит на мистера Фримана, — сказала Абра. — Нам нужно идти.

Он распахнул дверь, но затем помедлил. В ее голосе было что-то...

— В чем проблема, Абра?

— Пока не поняла. Быть может, ложная тревога, но мне это не нравится. Она всматривается в него *слишком пристально*. Нам надо спешить.

— Но сначала мне нужно кое-что сделать. Соберись и постарайся не испугаться.

Дэн закрыл глаза и перенесся в специальную кладовую на самых задворках своего сознания. Если бы речь шла об обычном складе и реальных ящиках, они бы уже покрылись толстым слоем пыли. Но две металлические коробки, которые он установил там еще ребенком, выглядели как новенькие. А почему бы и нет? Они ведь были плодом воображения. Над третьим сейфом — самым новым — витала легкая аура. *Неудивительно, что мне так плохо*, подумал Дэн.

Однако именно этот сейф он пока трогать не собирался. Дэн открыл самую старую коробку, приготовившись к сюрпризам... но сюрпризов не последовало. В сейфе, тридцать два года удерживавшем миссис Масси, осталась лишь кучка темно-серого пепла. Зато во втором ящике...

Он понял, как глупо было просить Абру не пугаться.

Абра завизжала.

10

На ступенях задней террасы дома в Эннистоне Абра начала дергаться всем телом. Ее ноги спазматически подрагивали, ступни отбивали чечетку, рука — прыгавшая, словно вытащенная на берег рыба, — отшвырнула многострадального плюшевого кролика.

— *Что с ней?* — воскликнула Люси.

Она бросилась к двери. Дэвид не пошевелился, словно парализованный видом бьющейся в припадке дочери, и только Джон успел правой рукой поймать Люси за талию, а левой перехватить повыше груди. Она яростно отбивалась.

— Отпусти меня! Мне нужно быть с ней!

— Нет! — закричал Джон. — *Нет, Люси! Ты не должна этого делать!*

Она бы, наверное, сумела вырваться, но Дэвид опомнился и помог удержать ее.

Люси сдалась и посмотрела на Джона.

— Если она там умрет, я отправлю тебя за решетку.

Потом перевела неприязненный взгляд на мужа.

— А тебя я никогда не прощу.

— Она успокаивается, — заметил Джон.

И действительно, конвульсии сначала ослабели, а потом прекратились. Но щеки Абры были мокрыми от слез, катившихся из-под закрытых век. В лучах закатного солнца они блестели на ресницах словно драгоценные камни.

11

В спальне из детства Дэнни Торранса — комнате, сохранившейся только в его памяти, — Абра крепко прижалась к Дэну, спрятав лицо у него на груди. Потом спросила приглушенным голосом:

— Это чудовище... оно ушло?

— Да, — ответил Дэн.

— Клянешься памятью мамы?

— Клянусь.

Она подняла голову, сначала посмотрев ему в глаза, чтобы убедиться в правдивости его слов, а потом оглядев комнату.

— Эта *улыбка*... — Ее передернуло.

— Думаю... он просто был рад вернуться домой, — сказал Дэн. — Но, Абра, ты должна взять себя в руки. Нужно действовать прямо сейчас. Время на исходе.

— Со мной все хорошо. Но только... А если он вернется?

Дэн подумал о металлическом ящике. Он был открыт, но его снова можно было закрыть. Особенно с помощью Абры.

— Мне почему-то кажется, что ему самому не захочется больше иметь с нами никаких дел, милая. А теперь пойдем. И помни: если я скажу тебе немедленно возвращаться в Нью-Гэмпшир, *ты подчинишься*.

Она снова не ответила, и у них не оставалось времени на споры. Время почти вышло. Дэн шагнул за стеклянную дверь и

оказался на тропе. Абра держалась рядом, но утратила плотную телесную оболочку, которой обладала в воображаемой комнате из детства Дэна, и начала мерцать.

Здесь она сама почти призрак, подумал Дэн. И снова осознал риск, которому она себя подвергала. Ему не хотелось даже размышлять о том, каким слабым был сейчас ее контроль над собственным телом.

Двигаясь быстро, но не бегом — это могло привлечь внимание Роуз, а ведь им предстояло преодолеть по меньшей мере семьдесят ярдов, прежде чем махина «Оверлук-холла» укроет их от нее, — Дэн и его призрачная спутница пересекли лужайку и прошли по выложенной каменной плиткой дорожке между теннисными кортами.

Только когда они оказались у черного хода на кухню, здание «Холла» полностью заслонило их от платформы. Громко шумела вытяжка, из мусорных баков пахло тухлятиной. Дэн проверил дверь и обнаружил, что она не заперта, но чуть помедлил.

(*они все здесь?*)

(*да все кроме Роуз она поторопись Дэн нужно торопиться потому что*)

Глаза Абры, мерцающие, как у детей в старых черно-белых фильмах, широко распахнулись от отчаяния.

— Она знает: что-то не так.

12

Роуз полностью переключила внимание на девчонку, которая по-прежнему сидела на пассажирском месте в пикапе, чуть склонив голову и не шевелясь. Абру словно не интересовало, чем занят ее дядя — если это *был* ее дядя, — и она даже не пыталась выйти из машины. Тревожная сигнализация в голове Роуз уже не попискивала, а завывала полицейской сиреной.

— Эй! — Голос мужчины со стоянки разнесся в разреженном горном воздухе. — Эй ты, старуха! Смотри, что я умею!

Ее взгляд метнулся к нему, и она в изумлении пронаблюдала, как он воздел руки над головой и исполнил шаткое колесо. Роуз подумала, что он непременно грохнется на задницу, но на

асфальт упала только его бейсболка, открыв тонкие седые волосы старика, которому перевалило за семьдесят. Или даже за восемьдесят.

Роуз снова посмотрела на девочку в кабине, которая даже не шелохнулась и не подняла голову. Ее совершенно не волновало более чем странное поведение «дяди». И внезапно в мозгу Роуз словно раздался щелчок, и она поняла то, о чем ей следовало догадаться сразу, если бы это не было столь безумным: ей подсунули манекен.

Но ведь она здесь! Чарли Жетон засек ее, ее засекли все собравшиеся в «Холле». Они там вместе и не могли...

Все вместе в «Холле»? В одном помещении? И разве сама Роуз это придумала? Нет. Это придумала...

Роуз бросилась к лестнице.

13

Все прочие члены Истинного Узла столпились у двух окон, выходивших на стоянку, и тоже имели возможность полюбоваться, как Билли Фриман исполняет колесо впервые за сорок лет (в последний раз он проделывал это в пьяном виде). Петти Китаянка даже рассмеялась.

— Вы только посмотрите...

Стоя спиной к кухонной двери, они не видели ни вошедшего в зал Дэна, ни мерцавшую рядом с ним девочку. Дэн успел заметить две кучи одежды на полу и сделал вывод, что корь Брэдли Тревора продолжала свою работу. Затем он снова ушел в себя — ушел очень глубоко — и добрался до третьего ящика, того, что подтекал. И открыл крышку.

(*Дэн что ты делаешь*)

Он наклонился вперед, уперся руками в бедра, чувствуя, как его желудок разъедает расплавленный металл, и выпустил последний вздох старой поэтессы, который она с готовностью подарила ему с предсмертным поцелуем. Из его рта вырвался длинный язык розового тумана, который, соприкоснувшись с воздухом, стал густо-красным. Сначала Дэн не мог сосредото-

читься ни на чем, кроме облегчения: ядовитые останки Кончетты Рейнолдс наконец-то покинули его тело.

— *Момо!* — отчаянно вскрикнула Абра.

14

Глаза Роуз широко распахнулись. Сучка пробралась в «Холл».

И с ней был кто-то еще.

Она прыгнула в голову этого человека, не успев подумать. Обыскивая. Не обращая внимания на признаки большого пара, лишь пытаясь остановить его прежде, чем он осуществит свои намерения. Игнорируя кошмарную мысль о том, что уже может быть слишком поздно.

15

Все члены Истинного Узла обернулись на крик Абры. Кто-то — это был Долговязый Пол — воскликнул:

— Что за *чертовщина*?

Красный туман плавно принял очертания женской фигуры. Мгновение — не более — Дэн смотрел в клубящиеся глаза Кончетты. Он заметил, какие они молодые. Все еще слабый и полностью сосредоточившийся на этом призраке, он не почувствовал, как к нему в сознание кто-то вторгся.

— *Момо!* — снова выкрикнула Абра, протягивая вперед руки.

Быть может, сотканная из облака женщина посмотрела на нее. Быть может, даже улыбнулась. Затем очертания Кончетты Рейнолдс пропали, а туман поплыл к сбившимся в кучу Истинным, которые вцепились друг в друга, напуганные и растерянные. Дэну показалось, что красное вещество походило на кровь, растекавшуюся в воде.

— Это тоже пар, — сообщил он им. — Вы, подонки, жили за счет него. А теперь пришла пора сдохнуть.

С самого начала, когда только родился этот план, Дэн понимал, что если события не будут развиваться достаточно быстро, он вряд ли увидит, чем завершится дело. Но он даже представить себе не мог, что все произойдет так стремительно. Вероятно, сыграла свою роль и уже ослабившая некоторых из них корь, потому что одни продержались дольше других. Тем не менее все было кончено в считанные секунды.

Они выли у него в голове как гибнущие волки. Эти звуки привели в ужас Дэна — но не его спутницу.

— *Отлично!* — крикнула Абра, потрясая в их сторону кулаками. — *Что, вкусно? Нравится моя Момо? Достаточно ли она хороша? Ешьте, не стесняйтесь! ЕШЬТЕ ВСЕ БЕЗ ОСТАТКА!*

Они начали выбиваться из цикла. Сквозь красный туман Дэн увидел, как двое обнялись и прижались лбами друг к другу, и, несмотря на то что они сделали — на то, кем они были, — эта сцена растрогала его. Он видел, как губы Коротышки Эдди прошептали: «Я люблю тебя», — видел, как Большая Мо начала отвечать, а потом их не стало, лишь одежда упала на пол. Все происходило очень быстро.

Дэн повернулся к Абре, чтобы сказать, что пора заканчивать, но тут Роза-в-Шляпе начала кричать, и на несколько мгновений — пока Абре не удалось блокировать ее — вопли ярости и безумного горя заглушили все остальное, даже испытанное им чувство облегчение, что боль ушла. Как он надеялся, вместе с раком. Впрочем, убедиться в этом он сможет, лишь посмотрев на себя в зеркало.

16

Роуз уже подбежала к ступеням, которые вели вниз с платформы, когда смертоносный туман окутал Истинный Узел и бренные останки прабабушки Абры молниеносно сделали свое губительное дело.

Агония белой вспышкой пронзила ее. Крики изрешетили мозг шрапнелью. Стоны умиравших Истинных заставили померкнуть воспоминания о гибели поискового отряда в Клауд-Гэпе и Ворона в Нью-Йорке. Роуз отшатнулась, словно ее уда-

рили дубинкой, врезалась в перила и повалилась на доски. Где-то вдалеке какая-то женщина — судя по дрожащему голосу, старуха — монотонно повторяла: *«Нет, нет, нет, нет, нет»*.

Это же я. Больше просто некому. Я осталась совершенно одна.

Не девочка стала жертвой излишней самоуверенности, а сама Роуз. Она вспомнила слова

(*наткнуться на свой заряд*)

маленькой сучки. Ее обожгло гневом и отчаянием. Друзья, товарищи, вместе с которыми она так долго странствовала, — все погибли. Были отравлены. За исключением трусов, успевших сбежать, Роза-в-Шляпе осталась единственной выжившей из членов Истинного Узла.

Но нет! Не совсем так. Была еще Сари.

Лежа на досках платформы, дрожа под вечерним небом, Роуз мысленно дотянулась до нее.

(*как ты*)

Ответ был полон растерянности и ужаса.

(*я в порядке... но Роуз... неужели все... разве могло...*)

(*не важно Сари помни что ты должна сделать ты помнишь*)

(*«не вынуждай меня наказывать тебя»*)

(*хорошо Сари очень хорошо*)

Только бы девчонка теперь не сбежала... Только бы совершила ошибку и попыталась закончить убийственную работу, которую начала...

А она так и поступит. Роуз была уверена в этом. Кроме того, в сознании спутника сучки она увидела достаточно, чтобы понять две вещи: каким образом они сумели устроить эту бойню и как обратить их связь против них самих.

Гнев придавал огромную силу.

Как и детские воспоминания.

Роуз с трудом поднялась на ноги, бездумно нацепила цилиндр под привычным лихим углом и подошла к перилам. Мужчина из пикапа смотрел на нее снизу, но она не обратила на него внимания. Этот уже сыграл свою предательскую роль. С ним можно разделаться и потом. Сейчас же она целиком сосредоточилась на «Оверлук-холле». Девчонка находилась там, но одновременно и очень далеко. В кемпинге Истинных

присутствовал ее фантом. Настоящим, реальным человеком, который противостоял Роуз, был мужчина, ей не знакомый, но тоже обладавший паром. Его голос прозвучал в ее сознании холодно и ясно.

(*привет Роуз*)

Поблизости располагалось место, где девчонка прекратит призрачно мерцать. Где предстанет во плоти. Где ее можно будет убить. Пусть Сари покончит с мужчиной-«парилкой», но не раньше, чем этот мужчина своими руками разделается с маленькой сучкой.

(*здравствуй Дэнни привет малыш*)

Переполненная паром, она вновь проникла в его сознание и увлекла к центру колеса под едва слышные крики ужаса и недоумения Абры, которая последовала за ними.

И когда Дэн оказался там, где хотела Роуз, застигнутый врасплох и не успевший выставить защиту, она влила в него всю свою ярость. Влила, как вливают пар.

Глава 20

ЦЕНТР КОЛЕСА, «КРЫША МИРА»

1

Дэн Торранс открыл глаза. Солнечный свет резко ударил в них, а потом и в его больную голову, угрожая воспламенить мозг. Он испытывал небывалое похмелье. Рядом раздавался громкий храп: отвратительный, раздражающий звук, какой могла издавать только очередная пьяная девица, свалившаяся не с того конца радуги. Дэн повернул голову и посмотрел на женщину, лежавшую на спине в одной с ним постели. Он смутно узнавал ее. Темные волосы, разметавшиеся по подушке. Огромная футболка с эмблемой «Атланта брейвз».

Всего этого нет. Меня здесь нет. Я в Колорадо. Я рядом с «Крышей мира», и мне надо довершить начатое.

Женщина повернулась, открыла глаза и уставилась на него.

— Боже, как башка трещит! — сказала она. — Принеси мне кокса, папочка. Он в гостиной.

Дэн смотрел на нее с удивлением и нарастающей злостью. С яростью, возникавшей на пустом месте, но ведь так всегда и бывало. Ярость — это вещь в себе, тайна, завернутая в загадку.

— Кокс? Но кто его купил?

Она улыбнулась, продемонстрировав единственный бесцветный зуб. Теперь он узнал ее.

— *Ты сам* и купил, папочка. А теперь неси его сюда. Как только у меня пройдет голова, я славно тебя отстрахаю.

Непостижимым образом он вернулся в ту задрипанную квартирку в Уилмингтоне и лежал, голый, рядом с Розой-в-Шляпе.

— Что ты наделала? Как я здесь оказался?

Она откинула голову и рассмеялась.

— Разве тебе здесь не нравится? А должно бы: я всю обстановку позаимствовала из твоей памяти. А теперь делай что тебе велят, придурок. Тащи сюда этот хренов порошок.

— Где Абра? Что ты сделала с Аброй?

— Я ее убила, — равнодушно ответила Роуз. — Она так волновалась за тебя, что отбросила всякую защиту, и я разорвала ее от глотки до пупка. Конечно, не смогла всосать столько пара, сколько хотелось бы, но все же успела...

Мир вокруг стал огненно-красным. Дэн вцепился ей в горло и начал душить. Одна лишь мысль билась в его сознании: *Жалкая сука, теперь ты получишь по заслугам, жалкая сука, пей свое лекарство, жалкая сука, пей до дна.*

2

Мужчина-«парилка» был силен, но его пару не хватало мощной сочности, которой обладала девчонка. Он стоял, расставив ноги и опустив голову. Его плечи напряглись, а пальцы стискивались все крепче — типичная поза человека, обезумевшего от желания убивать. Гнев делал мужчин легкой добычей.

Отследить его мысли оказалось невозможно, потому что их залило красным. Но это было не страшно, все шло отлично, девчонка находилась именно там, куда Роуз и хотела заманить ее. В шоке и растерянности она последовала за ними к центру колеса. Но шок и растерянность продлятся не долго: скоро сучка станет задушенной сучкой. Скоро она превратится в мертвую девчонку, наткнувшуюся на свой заряд.

(*дядя Дэн остановись это не она*)

Она, она самая, подумала Роуз, напрягаясь еще сильнее. Зуб вылез у нее изо рта и впился в нижнюю губу. Кровь заструилась по подбородку и попала на футболку. Но она не ощутила этого, как не чувствовала порывов ветра с гор, развевавших ее пышные волосы. *Это я. Ты был моим папочкой. Папочкой в баре. Я заставила тебя опустошить свой бумажник и купить целую кучу дрянного кокаина, а теперь наступило утро и меня следует наказать. Разве не так ты хотел поступить, когда проснулся рядом с пьяной*

шлюхой в Уилмингтоне? Разве не так ты поступил бы, *будь в тебе хоть немного храбрости? А потом разделался бы и с ее вонючим сынком. Но ты не смог. Вот твой отец знал, что следует делать с тупыми непослушными бабами, как прежде знал и его папаша. Порой женщине следует прописать по первое число. Она должна принять...*

Раздался рев двигателя приближавшегося автомобиля. Но это не имело значения, как и боль в ее нижней губе, как вкус собственной крови во рту. Девчонка задыхалась, конец близился. А потом мысль, громкая, как раскат грома, взорвалась в голове Роуз. Чудовищный рев:

(*МОЙ ОТЕЦ НИЧЕГО НЕ ЗНАЛ!*)

Она все еще пыталась очистить сознание от этого крика, когда пикап Билли Фримана врезался в опору деревянной платформы, сбив Роуз с ног и отправив в полет ее шляпу.

3

Это была не квартирка в Уилмингтоне. Он стоял посреди своей давно исчезнувшей спальни в отеле «Оверлук» — там, где находился центр колеса. И проснулся он не с Дини и даже не с Роуз.

Перед ним была Абра. Он сомкнул пальцы у нее на горле, и ее глаза вылезали из орбит.

На мгновение она снова начала меняться — Роуз предприняла еще одну попытку проникнуть в его мозг, скормить ему больше злобы, подлить масла в огонь. Но потом что-то случилось и она пропала. Хотя должна была вернуться.

Абра кашляла и не сводила с него глаз. Он ожидал, что ее парализует шок, но для человека, которого только что чуть не задушили, она выглядела удивительно спокойной.

(*что ж... мы знали что это будет непросто*)

— Я не мой отец! — крикнул ей Дэн. — *Я не мой отец!*

— И это хорошо, — ответила Абра. Она даже улыбнулась. — У тебя кошмарный характер, дядя Дэн. Думаю, мы *действительно* родственники.

— Но я чуть не убил тебя, — сказал Дэн. — Все, достаточно. Тебе пора выйти из игры. Возвращайся в Нью-Гэмпшир сейчас же.

Она помотала головой.

— Мне придется... совсем ненадолго... но сейчас я нужна тебе здесь.

— Это приказ, Абра.

Она упрямо сложила руки на груди и не сдвинулась с места.

— О Господи. — Он провел рукой по волосам. — Ты та еще штучка.

Абра взяла его за руку.

— Мы закончим это вместе. А теперь идем. Пора выбираться из этой комнаты. Как выяснилось, она мне совсем не нравится.

Их пальцы переплелись, и спальня, в которой он жил ребенком, растворилась.

4

Дэн успел разглядеть капот пикапа Билли, смятый об один из толстых столбов, которые поддерживали платформу «Крыши мира»; из разбитого радиатора шел пар. Он увидел манекен, изображавший Абру, которой свисал из пассажирского окна с нелепо заломленной назад рукой. Видел он и самого Билли, пытавшегося открыть водительскую дверь, которую при ударе заклинило. По щеке старика текла кровь.

Кто-то схватил его за голову. Сильные руки пытались сломать ему шею. Затем вмешалась Абра, отбросив Роуз прочь. Девочка подняла глаза.

— Придумай что-нибудь еще, старая трусливая сука.

Роуз стояла у перил, глядя вниз и пристраивая на голове свою мерзкую шляпу.

— Тебе понравились руки дядюшки на собственной шее? Получила удовольствие? Что теперь ты о нем думаешь?

— Это был не он, а ты.

Роуз улыбнулась окровавленным ртом.

— Ничего подобного, дорогуша. Я лишь использовала то, что спрятано у него внутри. Впрочем, ты сама все знаешь, потому что похожа на него.

Она отвлекает наше внимание, подумал Дэн. *Но от чего? Уж не от этого ли?*

Рядом стоял маленький зеленый сарай — то ли уличный туалет, то ли склад для инструментов.

(*не могла бы ты*)

Заканчивать фразу не пришлось. Абра повернулась к сараю и сосредоточилась. Замок скрипнул, сломался и упал в траву. Дверь распахнулась. Внутри не было ничего, кроме садового инвентаря и старой газонокосилки. Дэну почудилось чье-то присутствие, но он решил, что это нервы. Когда они с Аброй снова посмотрели вверх, Роуз скрылась из виду. Отошла от перил.

Билли сумел наконец открыть дверь пикапа. Вылез, покачнулся, но устоял на ногах.

— Дэнни! С тобой все хорошо? — И после паузы: — Это Абра? Боже, ее почти и не разглядеть.

— Послушай, Билли. Ты можешь пойти в «Холл»?

— Наверное, да. А что с теми, кто там сидит?

— Их больше нет. И хорошо бы тебе отправиться туда прямо *сейчас*.

Билли не спорил. Он ковылял вниз по склону, пошатываясь как пьяный. Дэн указал на лестницу, ведущую к смотровой платформе, и вопросительно поднял брови. Абра покачала головой

(*именно это ей и нужно*)

и повела Дэна в обход «Крыши мира». Они достигли точки, откуда стала видна макушка цилиндра на голове Роуз. Зеленый сарай оказался у них за спиной, но он теперь мало волновал Дэна, ведь внутри никого не было.

(*Дэн мне придется на минутку вернуться нужно*)

Перед его мысленным взором предстало поле, заросшее подсолнухами, которые вдруг разом раскрылись. Ей необходимо физически подзарядиться. Что ж, это было хорошо. Это было правильно.

(*иди*)

(*я вернусь как только*)
(*иди Абра со мной ничего не случится*)
Если повезет, к ее возвращению все уже будет кончено.

5

В Эннистоне Джон Долтон и Стоуны увидели, как Абра глубоко вздохнула и открыла глаза.

— Абра! — позвала ее Люси. — Все закончилось?

— Еще нет, но уже скоро.

— Что с твоей шеей? Это синяки?

— Мама, оставайся на месте! Мне необходимо вернуться. Я еще нужна Дэну.

Она потянулась за Попрыгунчиком, но не успела взять старого плюшевого кролика в руки, как ее глаза снова закрылись, а тело замерло.

6

Осторожно выглянув через перила, Роуз увидела, что Абра исчезла. Маленькая сучка могла находиться здесь лишь ограниченное время; потом ей требовалась подзарядка. Ее присутствие в кемпинге «Колокольчик» мало чем отличалось от присутствия в зале супермаркета в тот день, только было намного мощнее. А все почему? Потому что ей помогал этот мужчина. Придавал ей *дополнительную энергию*. И если его убить, а девчонка вернется...

Устремив на него взгляд, Роуз крикнула:

— На твоем месте, Дэнни, я бы сбежала. Не вынуждай меня наказывать тебя!

7

Тихоня Сари так сосредоточилась на происходившем на «Крыше мира», так напрягла уши и каждую крупицу своего не слишком развитого интеллекта, что даже не сразу поняла: в са-

рае появился кто-то другой. Сначала ее насторожил запах. Гниения. Но не мусора. Повернуться она не осмеливалась, потому что дверь сарая была открыта и тот мужчина все еще мог заметить ее. Она продолжала стоять неподвижно, сжимая рукоятку серпа.

Сари слышала, как Роуз предложила мужчине сбежать, и в этот момент дверь сарая неожиданно начала закрываться. Сама по себе.

— Не вынуждай меня наказывать тебя! — воскликнула Роуз.

Для Сари это был условный сигнал выскочить наружу и всадить серп в шею невыносимой мерзкой девчонки. Но поскольку та куда-то исчезла, придется довольствоваться этим мужчиной.

Вот только прежде чем она смогла пошевелиться, холодные пальцы обвились вокруг кисти руки, в которой она держала серп. Обвились и плотно сомкнулись.

Она повернулась — теперь, когда дверь снова закрылась, ей ничего не стоило это сделать, — и зрелище, представшее перед ней при тусклом свете, пробивавшемся в сарай сквозь щели, исторгло сдавленный крик даже из ее молчаливого рта. В какой-то момент, когда она полностью сконцентрировалась на происходящем снаружи, в сарай успел проникнуть труп. Его улыбающееся хищное лицо казалось беловато-зеленым, как испорченное авокадо. Глаза почти вывалились из орбит. Костюм покрывал слой застарелой плесени, но... разноцветные конфетти на плечах выглядели совершенно новыми.

— Отличная вечеринка, не так ли? — спросил он, растягивая губы в очередной улыбке.

Сари снова закричала и вонзила серп ему в левый висок. Изогнутое лезвие проникло глубоко в голову и застряло, но не показалось ни капли крови.

— Поцелуй нас, дорогуша, — попросил Хорас Дервент. Между его губами показались извивающиеся белые остатки языка. — Я так давно не был с женщиной.

Когда гниющие губы коснулись губ Сари, его пальцы сомкнулись у нее на горле.

8

Роуз заметила, как закрылась дверь сарая, услышала крик и поняла, что теперь действительно осталась в полном одиночестве. Очень скоро — вероятно, уже через несколько секунд — сюда вернется девчонка, и тогда их будет двое против нее одной. Этого нельзя было допустить.

Она посмотрела вниз на мужчину и призвала всю силу недавно принятого пара.

(*задуши сам себя СЕЙЧАС ЖЕ*)

Его руки поползли вверх, но слишком медленно. Он боролся, и весьма успешно, что привело Роуз в бешенство. Она готовилась к битве с маленькой сучкой, но этот лох был уже немолод. Остававшийся у него пар не мог представлять для нее проблемы.

И все же она побеждала.

Его руки поднялись до груди... плеч... и, наконец, горла. Там они задрожали — Роуз слышала, как тяжело он дышит. Она нажала сильнее, и его пальцы сомкнулись, перекрывая трахею.

(*вот так ты назойливый ублюдок а теперь дави, дави... ДАВИ, ДА...*)

Она почувствовала удар. Не кулака — скорее сжатого воздуха. Огляделась, но никого не увидела. Лишь на мгновение что-то блеснуло и исчезло. Роуз отвлеклась не более чем на три секунды, но этого оказалось достаточно для потери концентрации, и когда она снова выглянула через перила, девчонка вернулась.

Сейчас она ощутила не воздух, а руки — пара больших и пара маленьких. Они уперлись в нижнюю часть спины Роуз и толкали. Сучка и ее взрослый приятель работали вместе — чего Роуз и стремилась не допустить. Страх змейкой начал извиваться у нее в желудке. Она попыталась отойти от перил, но не смогла. Вся энергия теперь уходила на то, чтобы держаться на ногах, и без помощи других членов Узла хватит ее ненадолго. Совсем ненадолго.

Если бы не тот удар... Но ведь это был не он и не она...

Одна из рук неожиданно оторвалась от ее спины и сбила с головы шляпу. Роуз просто взвыла от унижения — никто и никогда не осмеливался трогать ее цилиндр. *Никто!* И ей удалось

собраться с силами, чтобы, пошатываясь, отойти от края ближе к центру платформы. Но рука вернулась на место и ее вновь стали толкать вперед.

Она посмотрела на них сверху вниз. Мужчина даже закрыл глаза, сосредоточившись так усердно, что у него на шее выступили сухожилия, а по щекам, как слезы, струился пот. А вот безжалостные глаза девчонки были широко распахнуты. Она смотрела прямо на Роуз. И улыбалась.

Роуз изо всех сил подалась назад, но как будто уперлась спиной в каменную стену. И эта стена двигалась, неумолимо толкая ее вперед, пока перила не впились ей в живот. Послышался скрип дерева.

На мгновение ей пришла в голову мысль попробовать договориться. Предложить девочке создать союз, новый Узел. Объяснить, что, вместо того чтобы умереть в 2070 или 2080 году, Абра Стоун может прожить тысячу лет. *Две* тысячи. Но что толку?

Все подростки считают себя бессмертными.

А потому она не стала ни договариваться, ни молить о пощаде, а дерзко выкрикнула:

— *Пошли вы к дьяволу! Пошли к дьяволу вы оба!*

Жуткая улыбка девочки стала еще шире.

— О нет, — ответила она. — К дьяволу сейчас отправишься *ты сама*.

Перила уже не скрипели. Раздался оглушительный треск, похожий на выстрел, и Роза-без-Шляпы полетела вниз.

9

Она врезалась в землю головой и сразу начала выпадать из цикла. Ее голова торчала на сломанной шее под безумным углом (*как ее шляпа*, подумал Дэн). Он держал Абру за руку — которая тоже пульсировала, перемещаясь между ступеньками террасы ее дома и «Крышей мира». Они вместе наблюдали за агонией Роуз.

— Тебе больно? — спросила Абра умиравшую женщину. — Надеюсь, что больно. Очень больно.

Губы Роуз растянулись в усмешке. Ее человеческие зубы исчезли — остался лишь единственный бесцветный клык. Над ним плавали глаза, напоминавшие живые голубые камни. А потом она пропала.

Абра повернулась к Дэну. Она все еще улыбалась, но ее улыбка больше не была злой.

(*я боялась за тебя боялась что она может*)

(*ей это почти удалось но кто-то вмешался*)

Он указал вверх, где на фоне неба виднелись сломанные перила. Абра посмотрела туда, потом снова повернулась к Дэну, заинтригованная. В ответ он лишь покачал головой.

Теперь указала она, только не вверх, а вниз.

(*был когда-то фокусник в похожей шляпе который называл себя Великим Мистерио*)

(*а ты подвесила ложки к потолку*)

Она кивнула, но не подняла глаз. Она по-прежнему разглядывала шляпу.

(*ты должен избавиться от нее*)

(*как*)

(*сожги ее мистер Фриман говорит он бросил курить но это неправда я почувствовала запах в его пикапе там должны найтись спички*)

— Это нужно сделать, — сказала она. — Сделаешь? Обещай, что сделаешь.

— Обещаю.

(*я люблю тебя дядя Дэн*)

(*я тоже тебя люблю*)

Абра обняла его. Он обнял ее в ответ. И как только он это сделал, ее тело превратилось в дождь. Потом в туман. Потом исчезло.

10

На ступеньке задней террасы дома в Эннистоне, штат Нью-Гэмпшир, в сгустившихся сумерках, которые уже переходили в ночь, маленькая девочка села, потом поднялась на ноги и покачнулась, словно могла лишиться чувств. Но упасть ей было не

суждено — родители тут же оказались рядом и вместе внесли ее в дом.

— Со мной все хорошо, — сказала им Абра. — Можете меня отпустить.

Они бережно отпустили ее. Дэвид Стоун остался поблизости, готовый подхватить ее, если она пошатнется, но Абра уже стояла уверенно.

— А что с Дэном? — спросил Джон.

— Он в полном порядке. Вот мистер Фриман разбил свой пикап — ему пришлось, — и у него порез. — Она провела рукой сбоку по лицу. — Но, мне кажется, ничего серьезного.

— А эти? Из Истинного Узла?

Абра поднесла ладонь к губам и дунула на нее.

— Их больше нет. — И тут же спросила: — Что у нас на ужин? Я страшно проголодалась.

11

«Полный порядок», конечно же, был натяжкой. Дэн вернулся к пикапу, занял водительское сиденье и перевел дух, чтобы собраться с мыслями.

Мы здесь в отпуске, решил он. *Мне захотелось проведать знакомые места в Боулдере. А потом мы заехали сюда, чтобы полюбоваться видом с «Крыши мира», но в кемпинге никого не оказалось. Я несколько увлекся и поспорил с Билли, что смогу подобраться на пикапе прямо к платформе. Но не рассчитал скорость и не справился с управлением. Врезался в одну из опор. Очень сожалею о случившемся. Это был глупейший поступок с моей стороны.*

Ему придется заплатить крупный штраф, но была и светлая сторона: проверку на алкоголь он пройдет без малейших проблем.

Дэн заглянул в бардачок и обнаружил банку с бензином для зажигалок. Самой зажигалки не было — ее Билли наверняка носил в кармане брюк, — зато нашлись две початые книжицы спичек. Он вернулся к шляпе и основательно полил ее бензином, чтобы она промокла насквозь. Потом присел на корточки, зажег

спичку и бросил внутрь перевернутого цилиндра. Шляпа сгорела быстро, но он все равно переместился на подветренную сторону и дождался, чтобы от нее остался лишь пепел.

Запах стоял отвратительный.

Подняв голову, Дэн увидел, что к нему направляется Билли, вытирая рукавом окровавленное лицо. Пока они вместе затаптывали пепел, чтобы не осталось ни искорки, которая могла бы воспламенить сухую траву, Дэн поделился с другом легендой, которую они сообщат полиции Колорадо, когда та прибудет сюда.

— Мне придется заплатить за ремонт этой деревяшки, и держу пари, с меня сдерут кучу денег. Хорошо, что у меня есть сбережения.

— А кто будет сдирать с тебя деньги? — усмехнулся Билли. — От Истинного Узла осталось только тряпье. Я проверил.

— К несчастью, — объяснил Дэн, — «Крыша мира» является собственностью великого штата Колорадо.

— Вот те на! — удивился Билли. — Едва ли это справедливо, учитывая, какую услугу ты сегодня оказал штату Колорадо и всему миру. А где Абра?

— Вернулась домой.

— Хорошо. И все закончилось? На самом деле закончилось?

Дэн кивнул.

Билли разглядывал оставшийся от шляпы пепел.

— Сгорела в один момент. Почти как в кино.

— Думаю, она была очень старой.

И исполненной магии. Черной магии.

Дэн вернулся к машине и уселся за руль, чтобы рассмотреть свое лицо в зеркале заднего вида.

— Увидел что-то лишнее? — спросил Билли. — Так всегда шутила моя матушка, когда заставала меня за разглядыванием своей физиономии в зеркале.

— Нет, — ответил Дэн, улыбаясь устало, но искренне. — Абсолютно ничего.

— Тогда давай позвоним в полицию и сообщим о нашей аварии, — предложил Билли. — Обычно я копов не жалую, но сейчас не откажусь от их компании. Жутковатое местечко. — Он

пристально посмотрел на Дэна. — Здесь полно призраков, верно? Потому они здесь и устроились.

Да, именно поэтому. Но не только Эбенезер Скрудж знал, что есть хорошие призраки, а есть плохие. Прежде чем направиться к «Оверлук-холлу», Дэн задержался и посмотрел на «Крышу мира». И не слишком удивился, увидев мужчину, стоявшего рядом со сломанными перилами. Мужчина поднял руку, сквозь которую просвечивала вершина горы Пауни, и послал воздушный поцелуй, запомнившийся Дэну с детства. Он хорошо его помнил. Потому что это был их ежевечерний ритуал.

Пора спать, док. Крепких снов. Пусть тебе приснится дракон. Утром мне все расскажешь.

Дэн знал, что заплачет, но не сейчас. Время еще не пришло. Он поднес руку к губам и послал ответный поцелуй.

Еще мгновение он смотрел на то, что осталось от его отца. Потом поспешил вслед за Билли на парковку. Добравшись туда, снова обернулся.

Площадка на «Крыше мира» была пуста.

ПОКА ТЫ НЕ ЗАСНЕШЬ

Если СТРАШНО, борись со страхом и выздоравливай.

Поговорка анонимных алкоголиков

ГОДОВЩИНА

1

Полуденные субботние встречи во Фрейзере считались одной из старейших традиций АА в Нью-Гэмпшире. Начало им положил в 1946 году Толстяк Боб Д., который лично знал основателя Программы Билла Уилсона. Толстяк Боб давно покоился в могиле, пав жертвой рака легких: первые алкоголики, сумевшие завязать, принимались дымить как фабричные трубы, и теперь новичкам традиционно говорили держать рот на замке, а пепельницу пустой. Тем не менее по субботам всегда собиралось много людей. А сегодня мест вообще не было, потому что после официальной части ожидались пицца и торт. Так обычно праздновали годовщины, и в этот день один из членов АА отмечал пятнадцатилетие трезвого образа жизни. В ранние годы он был известен как Дэн или Дэн Т., но слухи о его работе в местном хосписе постепенно стали общим достоянием (журнал, издававшийся АА, не зря назывался «Сплетник»), и теперь его чаще именовали Доком. Поскольку точно так же обращались к нему в детстве родители, Дэн находил прозвище забавным... в хорошем смысле. Жизнь была колесом, которое непрерывно крутилось — и неизменно возвращалось к исходной точке.

По просьбе Дэна сегодня председательствовал настоящий доктор по имени Джон, и встреча текла своим чередом. Они посмеялись, когда Рэнди М. поведал историю о том, как его вырвало прямо на копа, в последний раз задержавшего его за вождение в нетрезвом виде; смех стал громче, когда Рэнди сообщил, что через год узнал, что тот полисмен сам был участником Программы. Мэгги М. плакала, когда рассказывала («дели-

лась»), как суд снова отказался вернуть ей опеку над двумя детьми. Последовали обычные штампы — время лечит, стремись и добьешься, не оставляй надежды, и чудо произойдет. Постепенно плач Мэгги стих, сменившись тихими всхлипами. Как обычно, раздался хор голосов: «Высшая сила повелевает отключить его!» — когда у кого-то зазвонил мобильный телефон. Девушка, у которой сильно дрожали руки, пролила кофе — встречи без хотя бы одной пролитой чашки были редкостью.

Без десяти час Джон Д. пустил по кругу корзинку («Мы финансируем себя сами за счет добровольных пожертвований»), а потом спросил, нет ли у кого объявлений. Тревор К., открывший встречу, поднялся и, как обычно, попросил, чтобы ему помогли прибраться на кухне и расставить стулья. Потом Иоланда В. взялась за раздачу жетонов, вручив два белых (двадцать четыре часа без выпивки) и один пурпурный (пять месяцев). Как обычно, она закончила словами:

— Если вы сегодня удержались от выпивки, самое время поаплодировать себе и Высшей силе.

Они охотно это сделали.

Когда аплодисменты смолкли, Джон сказал:

— Мы празднуем в этот день пятнадцатую годовщину. Попрошу выйти ко мне Кейси Кея и Дэна Ти.

Собравшиеся снова зааплодировали, когда Дэн медленно вышел вперед, стараясь не обгонять Кейси, который теперь передвигался с помощью трости. Джон передал Кейси медальон с числом XV, и тот поднял его над головой для всеобщего обозрения.

— Вот уж никогда не думал, что этот парень продержится так долго, — сказал он, — потому что он с самого начала был АА. Я имею в виду — абсолютным алкоголиком.

Все исполнительно рассмеялись этой старой шутке. Дэн тоже улыбнулся, но его сердце колотилось. Он хотел только одного: пройти через это и не опозориться. В последний раз ему было так страшно, когда он смотрел в глаза Розе-в-Шляпе на «Крыше мира» и отчаянно пытался не задушить себя собственными руками.

Поторопись, Кейси. Умоляю. Иначе я распрощаюсь либо с решимостью, либо с завтраком.

То ли Кейси все-таки обладал зачатками сияния, то ли (что вероятнее) прочел нечто в глазах Дэна, но быстро свернул свое выступление.

— Однако этот малый опроверг мои опасения и вылечился. Из семи пьяниц, которые к нам приходят, шестеро возвращаются за стойку бара. А вот ради седьмого, во имя этого чуда, мы с вами и живем. Одно из таких чудес сейчас стоит рядом со мной. Реальное, как сама жизнь. Вот твоя награда, Док. Ты ее заслужил.

Он передал медальон Дэну. На мгновение тому показалось, что он выскользнет из его похолодевших пальцев и упадет на пол. Но Кейси сомкнул ладонь Дэна над медальоном, прежде чем это случилось. А потом крепко обнял, прошептав на ухо:

— Еще год продержался! Надо же, сукин ты сын!

Потом Кейси проковылял в дальнюю часть зала, где ему полагалось почетное место среди ветеранов. Дэн остался один перед аудиторией, сжимая в кулаке свою пятнадцатилетнюю награду так сильно, что на запястье проступили сухожилия. Собравшиеся алкоголики смотрели на него, ожидая услышать положенную речь: рассказ об опыте, силе и надежде.

— Пару лет назад... — начал Дэн, но вынужден был остановиться, чтобы прочистить горло. — Пару лет назад, когда я пил однажды кофе с тем хромоногим джентльменом, который усаживается на свое место, он спросил меня, сделал ли я Пятый шаг. А именно: признался ли перед Богом, самим собой и другими во всех дурных поступках, которые совершил. Я сказал ему, что признался в большинстве из них. Для парней, у которых нет наших с вами проблем, этого, вероятно, было бы достаточно... потому мы и называем их нормальными людьми.

Послышались смешки. Дэн сделал глубокий вдох, убеждая себя, что если уж справился с Роуз и ее Истинным Узлом, то справится и сейчас. Однако это было совсем другое. Здесь он из Дэна-героя превращался в Дэна-мерзавца. Прожив достаточно долго, он, конечно, понимал, что мерзавец есть в каждом из нас, но эта мысль не слишком помогала ворошить на публике собственное грязное белье.

— Но он сказал мне, что есть один дурной поступок, который я никак не могу выбросить из головы, потому что слишком

стыжусь его и не хочу никому о нем рассказывать. И посоветовал сделать это. Напомнил о том, что мы слышим на каждой встрече: нельзя исцелиться, пока остаются секреты. И предрек, что если я не поделюсь с кем-то своей тайной, то однажды неизбежно снова окажусь за стойкой бара со стаканом в руке. Я правильно излагаю, Кейс?

В дальнем конце зала Кейси закивал в ответ, сложив руки на набалдашнике своей трости.

Дэн почувствовал жжение в глазах — это подступали слезы — и подумал: *Боже, помоги мне пройти через это без слез. Умоляю тебя!*

— Но я не прислушался к его совету. Годами я твердил себе, что в этом своем подлом поступке не признаюсь никогда и никому. Но теперь понял, что он прав. И если я снова начну пить, то умру. Вот только умирать мне совсем не хочется. У меня как раз появились новые причины, чтобы жить долго. И потому...

Слезы потекли. Проклятые слезы! Но отступить он уже не мог. Дэн смахнул их свободной рукой.

— Вы все помните, что сказано в Обещаниях, верно? Что мы научимся не сожалеть о прошлом и не станем желать захлопнуть дверь в него. Извините меня за грубость, но это ложка дерьма в бочке правды. Я до сих пор сожалею о многом, однако пришло время открыть дверь в прошлое, пусть мне этого очень не хочется.

Они ждали. Даже две дамы, раскладывавшие пиццу по бумажным тарелкам, стояли в дверях кухни и смотрели на Дэна.

— Незадолго до того как бросить пить, я однажды утром проснулся рядом с женщиной, которую подцепил в баре. Мы были у нее дома. Она жила в нищете. А поскольку у меня самого ничего не было, я понял, что мы дошли до такого состояния по одной и той же причине. Вы все прекрасно знаете, о чем речь. — Он пожал плечами. — Бутылка. Сначала она берет немного, потом побольше, а под конец забирает все оставшееся.

Эту женщину звали Дини. Я не многое запомнил о ней, но имя осталось в моей памяти. Одевшись, я ушел, но сначала забрал у нее все деньги. Однако, как выяснилось, у нее все-таки было что-то, чего не имел я, потому что, роясь в ее бумажнике, я оглянулся и увидел ее сына. Совсем еще малыша в подгузнике.

Той ночью мы с его матерью купили кокаин, и его остатки лежали на столе. Малыш увидел его и потянулся к нему. Он думал, что это сахар.

Дэн снова вытер глаза.

— Я убрал порошок и положил его так, чтобы ребенок не смог до него дотянуться. Хотя бы это я сделал. Но затем сунул ее деньги себе в карман и ушел оттуда. Сейчас я отдал бы все, чтобы загладить вину, но сделанного не воротишь.

Женщины, стоявшие в дверях, скрылись на кухне. Некоторые в аудитории посматривали на часы. У кого-то громко заурчало в животе. И глядя на сидевшую перед ним сотню алкоголиков, Дэн вдруг осознал удивительную вещь: то, что он совершил, не вызвало ни у кого из них отвращения. Это даже их не изумило. Они слышали рассказы и пострашнее. *Они сами* совершали гораздо более чудовищные поступки.

— Вот и все, — сказал он. — Конец истории. Спасибо, что выслушали.

Прежде чем раздались привычные в таких случаях аплодисменты, один из ветеранов с задних рядов выкрикнул традиционный вопрос:

— Так как же ты сумел добиться этого, Док?

Дэн улыбнулся и традиционно ответил:

— Просто жил сегодняшним днем.

2

После молитвы, пиццы и шоколадного торта с огромным числом XV Дэн проводил Кейси до его «тойоты-тундры». Начался снег с дождем.

— Весна в Нью-Гэмпшире, — хмуро сказал Кейси. — Чудесная погодка, ничего не скажешь.

— О, дождь и туман, о, снежный буран, о, ветра студеный вой! Автобус промчал и брызги подъял, накрыв меня с головой, — продекламировал Дэн.

Кейси уставился на него.

— Только не говори, что сам только что это придумал.

— Нет, конечно. Эзра Паунд. Когда ты наконец перестанешь увиливать и займешься своим тазобедренным суставом?

Кейси ухмыльнулся.

— В следующем месяце. Я загадал: если ты решишься рассказать свой секрет, я решусь на операцию. — Он помолчал. — Хотя твой секрет оказался полной фигней. Ты сам-то это понял, Дэнни?

— Да, и это стало для меня открытием. Мне представлялось, что все разбегутся от меня с криками. А они просто слушали, жрали пиццу и шепотом разговаривали о погоде.

— Даже если бы ты признался, что убил свою слепую бабушку, они бы все равно остались на пиццу и торт. Дармовщина.

Он открыл дверь машины.

— Подсоби-ка мне, Дэнни.

Дэн помог ему сесть за руль.

Кейси поерзал на сиденье, устраиваясь удобнее.

— Когда вытаскиваешь что-то наружу, оно всегда оказывается меньше, чем ты думал, — сказал он. — Надеюсь, ты донесешь эту мысль до своих подопечных.

— Да, о Мудрейший!

Кейси грустно посмотрел на него:

— Иди в жопу, солнышко.

— Вообще-то я собирался вернуться назад и помочь со стульями.

Так он и поступил.

ПОКА ТЫ НЕ ЗАСНЕШЬ

1

В этом году на день рождения Абры не было ни воздушных шариков, ни фокусника. Ей исполнилось пятнадцать.

Зато вся округа сотрясалась от рок-музыки, гремевшей из уличных динамиков, которые установил Дэйв Стоун — при активной поддержке Билли Фримана. Взрослые ели торт и мороженое, запивая все это кофе в кухне Стоунов. Молодежь оккупировала семейную комнату отдыха в подвале и заднюю лужайку. Судя по крикам, вечеринка удалась. Около пяти они начали расходиться по домам, и только Эмма Дин, лучшая подруга Абры, осталась на ужин. Сама Абра, неотразимая в красной юбке и блузке в цыганском стиле с открытыми плечами, буквально светилась от радости. Когда Дэн преподнес ей в подарок браслет с амулетами, она вскрикнула от восторга, обняла его и поцеловала в щеку. От нее пахло духами. *Это* было что-то новенькое.

Позже, когда Абра вызвалась проводить *Эмму домой и они*, оживленно болтая, зашагали по дорожке, Люси склонилась к Дэну. У нее обозначились новые морщины вокруг рта и в уголках глаз, а в волосах появилась первая седина. Абра, казалось, уже забыла про Истинный Узел. Дэн думал, что Люси это никогда не удастся.

— Так ты поговоришь с ней? О тарелках?

— Я как раз собирался пойти на задний двор, чтобы полюбоваться закатом над рекой. Быть может, ты пришлешь ее ко мне, когда она вернется от Динов?

Люси восприняла его слова с облегчением, и, как показалось Дэну, Дэйв тоже. Для них дочь навсегда останется загад-

кой. Но стоило ли говорить им, что для него она тоже загадка? Едва ли.

— Удачи тебе, шеф, — сказал Билли.

На ступеньке задней террасы, той самой, где когда-то лежала Абра, к Дэну присоединился Джон Долтон.

— Я оказал бы моральную поддержку, но, думаю, тебе придется справиться самому.

— А ты не пытался с ней побеседовать?

— Пытался. Люси попросила.

— И ничего не получилось?

Джон пожал плечами:

— Она предпочитает молчать.

— В ее возрасте я вел бы себя точно так же, — заметил Дэн.

— Но ты никогда не разбивал вдребезги все тарелки в старинном буфете своей матери.

— У моей матери не было буфета.

Он спустился по склону лужайки Стоунов и встал, глядя на Сако, которую закат превратил в сверкающую алую змею. Уже скоро горы заслонят последние солнечные лучи и воды реки станут серыми. Там, где раньше стоял проволочный забор, призванный удержать ребенка от опасного желания изучить реку поближе, теперь росла живая изгородь. Дэйв снял ограду в прошлом октябре, посчитав, что Абра и ее друзья больше не нуждались в защите, — все они плавали как рыбы.

Но разумеется, этим опасности не исчерпывались.

2

Воды реки уже выцвели до бледно-розового — пепла розы, — когда к Дэну спустилась Абра. Ему не требовалось оглядываться, чтобы почувствовать ее присутствие или узнать, что она прикрыла голые плечи свитером. Весенними вечерами воздух в Нью-Гэмпшире остывал стремительно, даже когда снега уже в помине не было.

(*мне очень понравился браслет, Дэн*)

Теперь она редко называла его дядей.

(*я рад*)

— Они хотят, чтобы ты поговорил со мной о тарелках, — сказала она. Произнесенные вслух слова были полностью лишены теплоты мыслей, а свои мысли она закрыла. После милой и искренней благодарности она закрылась от него. Теперь это давалось ей легко, и с каждым днем она совершенствовалась. — Или я не права?

— А *ты сама* не хочешь поговорить об этом?

— Но я же извинилась перед ней. Сказала, что сделала это не нарочно. Хотя, кажется, она мне не поверила.

(*я верю*)

— Потому что ты *знаешь*. А они — нет.

Дэн промолчал и послал одинокую мысль:

(*?*)

— Они мне никогда не верят! — взорвалась она. — Это так несправедливо! Я понятия не имела, что на глупой вечеринке у Дженнифер будет спиртное, и сама ничего не пила! А она все равно посадила меня под этот чертов домашний арест *на целых две недели*!

(*???*)

Молчание. Воды реки стали совсем серыми. Он рискнул посмотреть на нее и увидел, что она внимательно разглядывает свои кроссовки — красные, в цвет юбки. Ее щеки теперь тоже были в цвет юбки.

— Ну хорошо, — сказала наконец Абра, и хотя она все еще избегала встречаться с ним взглядом, в уголках ее рта обозначился намек на улыбку. — Тебя не обманешь. Да, я сделала глоток, просто чтобы попробовать. Думаю, она учуяла запах, когда я вернулась домой. И знаешь что? Мне совершенно не понравилось. Вкус *просто отвратительный*!

Дэн ничего не ответил. Если бы он сказал, что и ему первый глоток спиртного показался отвратительным, что и он тоже не придал ему никакого значения, она бы решила, что это обычная взрослая чушь. Морализаторство не поможет детям не взрослеть. И не научит их, как делать это правильно.

— Я в самом деле вовсе не хотела бить ее тарелки, — сказала она уже совсем тихо. — Это получилось случайно, я же говорила. Просто я пришла *в такое бешенство*!

— Это с тобой часто случается, — заметил он, вспомнив, как Абра стояла над умирающей Розой-в-Шляпе.

«Тебе больно? — спросила Абра существо, которое выглядело как обычная женщина (за исключением, конечно, того жуткого зуба). — Надеюсь, что больно. Очень больно».

— Ты собираешься читать мне нотации? — И презрительно добавила: — Потому что именно этого *ей* и хочется.

— У меня кончился запас нотаций, но я мог бы рассказать тебе историю, которую слышал от своей мамы. Она о твоем прадедушке о стороны Джека Торранса. Послушаешь?

Абра пожала плечами. *Валяй рассказывай, и покончим с этим.*

— Дон Торранс не работал в хосписе, как я, но был санитаром в больнице. Ближе к концу жизни он вынужден был ходить, опираясь на толстую трость, потому что попал в автомобильную аварию и повредил ногу. И однажды за ужином он избил тростью свою жену. Без всякого повода — просто пришел в бешенство. Он сломал ей нос и поранил голову. А когда она упала на пол, поднялся и принялся молотить ее почем зря. По словам мамы, которая слышала это от отца, он забил бы ее до смерти, если бы Бретт и Майк — они приходились мне дядями — не сумели оттащить его в сторону. Когда приехал врач, твой прадедушка стоял на коленях рядом с ней, достав свою аптечку, и пытался как-то помочь. Он заявил, что жена случайно упала с лестницы. И твоя прабабушка — Момо, которую ты никогда не встречала, — подтвердила его слова. И ее дети тоже.

— *Почему?* — выдохнула Абра.

— Потому что они его боялись. А гораздо позже — Дона уже не было в живых — твой дед сломал мне руку. Затем, в отеле «Оверлук», который стоял на том самом месте, где сейчас расположена «Крыша мира», твой дед чуть не забил до смерти мою маму. Только он использовал не трость, а тяжелый деревянный молоток, но суть от этого не изменилась.

— Я поняла.

— Прошли годы, и в одном баре в Сент-Питерсберге...

— Довольно! Я же сказала, что *поняла*! — Ее трясло.

— ...я сам избил незнакомого мужчину бильярдным кием, потому что он посмеялся над моим промахом. После этого сын

Джека и внук Дона провел тридцать дней в арестантской робе, убирая мусор с обочин Сорок первого шоссе.

Она отвернулась и заплакала.

— Что ж, спасибо, дядя Дэн. Спасибо, что испортил...

В его голове возникла картинка, моментально заслонившая вид на реку: обугленный и дымящийся праздничный торт. При других обстоятельствах это было бы смешно, но не сейчас.

Он мягко взял ее за плечи и развернул к себе.

— Тут нечего понимать. В этом нет смысла. Это не более чем семейная история. Твоя семейная история. И как сказал бессмертный Элвис Пресли, это твоя крошка, тебе ее и качать.

— Не понимаю.

— Ты можешь однажды начать писать стихи, как Кончетта. А можешь столкнуть кого-то еще в пропасть силой своего сознания.

— Я бы никогда этого не сделала... Но Роуз это заслужила! — Абра повернула к нему мокрое от слез лицо.

— Это бесспорно.

— Но тогда почему же мне это снится? Почему мне хочется все вернуть? Она бы *убила* нас, так почему мне хочется все вернуть?

— Что именно ты хотела бы вернуть? Убийство как таковое или полученное от него удовольствие?

Абра понурила голову. Дэну очень хотелось обнять ее, но он сдержался.

— Никаких нотаций, никаких моралей. Просто разговор родственных душ. И глупые советы взрослых людей. А ты уже стала совсем взрослой. Поэтому тебе так тяжело. Трудно приходится всем подросткам. Но ведь у них нет твоего дара. Твоего оружия.

— Так что же мне делать? Что я могу сделать? Иногда меня охватывает такая злость... И не только *на нее*, но и на учителей, на одноклассников, которые считают себя такими крутыми, что дальше некуда... на тех, кто смеется, если ты не блещешь в спорте или носишь неправильную одежду...

Дэн припомнил совет, который дал ему однажды Кейси.

— А ты сходи на свалку.

— Что? Как это? — Она уставилась на него.

Он отправил картинку: Абра при помощи своих экстраординарных способностей — которые, как ни трудно в это было поверить, еще не достигли пика — переворачивает старые холодильники, крушит телевизоры, расшвыривает стиральные машины. А над головой кружат перепуганные чайки.

Она поняла и захихикала.

— Неужели это поможет?

— Уж лучше свалка, чем буфет твоей матери.

Она наклонила голову и посмотрела на него веселыми глазами. Они снова стали друзьями.

— Но ее тарелки были таким *убожеством*.

— Так ты попробуешь?

— Непременно, — ответила она с таким видом, словно дождаться не могла, когда же попадет туда.

— И еще кое-что.

Она снова стала серьезной.

— Тебе необязательно становиться тряпкой.

— Приятно это слышать.

— Просто помни, как опасна ты бываешь в гневе. А потому...

У него зазвонил мобильный телефон.

— Тебе стоит ответить.

Он вскинул брови.

— Ты знаешь, кто это?

— Нет, но, кажется, звонок важный.

Дэн достал телефон и посмотрел на экран. «РИВИНГТОН».

— Это Клодетта Албертсон, Дэнни. Ты можешь приехать?

Он быстро перебрал в памяти гостей хосписа, значившихся сейчас на его доске.

— Аманда Рикер? Или Джефф Келлог?

Оказалось, речь шла о другом человеке.

— Если можешь приехать, то лучше поторопись, — сказала Клодетта. — Пока он еще в сознании. — И после некоторого колебания добавила: — Он спрашивал о тебе.

— Я приеду.

Хотя если все действительно так скверно, он не доживет до моего появления.

Дэн дал отбой.

— Мне нужно ехать, милая.

— Хотя это вовсе не твой друг. Хотя ты его не любишь.

Абра выглядела задумчивой.

— Да, несмотря на все это.

— Как его зовут? Я не поняла.

(*Фред Карлинг*)

Он отправил ей имя, а потом обнял крепко-крепко-крепко. Абра ответила ему тем же.

— Я постараюсь, — сказала она. — Я буду стараться изо всех сил.

— Знаю, — кивнул он. — Ты все сделаешь как надо. Абра, я так тебя люблю.

— Я рада, — отозвалась она.

3

Когда через сорок пять минут он приехал в хоспис, Клодетта ждала его в дежурке. Он задал вопрос, который столько раз задавал прежде:

— Он еще с нами?

Словно они ждали автобуса.

— Да, но на грани.

— В сознании?

Она махнула рукой.

— То отключается, то приходит в себя.

— А что Аззи?

— Сидел там какое-то время, но смылся, когда пришел доктор Эмерсон. Сейчас Эмерсон у Аманды Рикет. Аззи вернулся, как только он ушел.

— Нет транспорта, чтобы доставить его в больницу?

— Это невозможно. Крупная авария на Сто девятнадцатом шоссе на границе штата, у Касл-Рока. Столкнулись четыре машины. Много пострадавших. Там четыре «скорые» и вертолет. Некоторых из них еще можно спасти. А вот Фреда...

Она передернула плечами.

— Что произошло?

— Ты же знаешь нашего милейшего Фреда. Любитель продукции быстрого питания. «Макдоналдс» — его второй дом.

Иногда он смотрит по сторонам, когда перебегает Кранмор-авеню, иногда нет. Считает, что все водители обязаны пропускать его. — Она наморщила нос и высунула язык, словно маленький ребенок, которого заставили съесть что-то очень невкусное. Вроде брюссельской капусты. — Такая у него *позиция*.

Дэн знал пристрастия Фреда и его *позицию*.

— Вот и поскакал за очередным чизбургером на вечер, — продолжала Клодетта. — Женщину, которая его сбила, копы забрали в участок. Говорят, она была так пьяна, что ее ноги не держали. А Фреда перенесли сюда. У него все лицо всмятку, раздроблена грудная клетка, сломан таз, а одну ногу почти напрочь оторвало. Если бы Эмерсон не совершал как раз в это время обход, Фред умер бы сразу. Мы оказали ему первую помощь, остановили кровотечение, но даже если бы Фред был в лучшей форме... А наш дорогой друг от нее далек, как ты знаешь... — Она снова пожала плечами. — Эмерсон обещает, что за ним все-таки пришлют «скорую», как только разберутся с хаосом у Касл-Рока. Но только, по-моему, будет уже поздно. Эмерсон вслух этого, конечно, не скажет, но уж Азрилу я верю. Тебе лучше пойти к нему сейчас, если ты вообще собираешься это сделать. Я же знаю, вы с ним были на ножах...

Дэн вспомнил синяки, оставленные санитаром на руке бедняги Чарли Хейеса. *Печально.* Так отреагировал Карлинг, удобно откинувшись на стуле и пожирая мятные пастилки, когда Дэн сообщил ему о смерти старика. *Но ведь за этим их сюда и привозят.*

А теперь самого Фреда поместили в ту же палату, где умер Чарли. Воистину жизнь — колесо, и оно всегда возвращается к исходной точке.

4

Дверь апартаментов имени Алана Шепарда была приоткрыта, но Дэн все равно вежливо постучался. Он из коридора услышал хриплое, свистящее и булькающее дыхание Фреда Карлинга, но оно совершенно не беспокоило Аззи, свернувшегося в изножье кровати. Карлинг лежал на резиновой простыне в одних

покрытых кровью трусах, сплошь перевязанный бинтами, сквозь которые во многих местах уже проступили красные пятна. Его лицо было обезображено, тело — перекручено по меньшей мере в трех направлениях.

— Фред! Это Дэн Торранс. Ты слышишь меня?

Уцелевший глаз приоткрылся. Дыхание стало прерывистым. Раздался сиплый вдох, который мог означать «да».

Дэн зашел в ванную, смочил полотенце для лица теплой водой и выжал его. Сколько раз ему приходилось проделывать это прежде! Когда он вернулся к постели Карлинга, Аззи поднялся, потянулся, изящно выгнув спину, как все кошки, и спрыгнул на пол. Мгновение спустя он выскользнул наружу, чтобы продолжить вечерний обход. Теперь Аззи немного прихрамывал. Он был очень пожилым котом.

Дэн присел на край кровати и осторожно вытер влажным полотенцем ту часть лица Карлинга, которая осталась сравнительно целой.

— Боль очень сильная?

Снова выдох со свистом. Левая рука Карлинга представляла собой спутанный клубок переломанных пальцев, поэтому Дэн взял его за правую.

— Тебе не надо ничего говорить вслух, просто думай.

(*нет сейчас уже не очень*)

Дэн кивнул:

— Хорошо. Это хорошо.

(*но мне страшно*)

— Бояться совершенно нечего.

Он увидел шестилетнего Фреда, плывущего по Сако вместе с братом, Фред поддерживал рукой слишком большие для него плавки, которые перешли к нему по наследству, как и почти все другие вещи. Он увидел его пятнадцатилетним, целующим девушку в кинотеатре под открытым небом, вдыхающим аромат ее духов, касающимся ее груди, желая, чтобы этот вечер никогда не кончался. В двадцать пять лет он вместе с «дорожными святыми» ехал на пляж в Хамптоне, оседлав «Харлей эф-экс-би», накачанный бензедрином и красным вином, а день был таким славным, и все таращились, когда «святые» проносились мимо своим хромированным караваном, грохоча на всю округу, — на-

стоящий фейерверк жизни. Потом Дэн увидел квартиру, в которой Карлинг жил — до нынешнего момента — со своим псом Брауни. Простая дворняга, но до чего сообразительная. Порой он запрыгивал к Фреду на колени, и они вместе смотрели телевизор. Судьба Брауни тревожила Фреда, потому что пес напрасно будет ждать возвращения хозяина, обычной прогулки и миски собачьих консервов.

— Не беспокойся о Брауни, — сказал Дэн. — Я знаю девочку, которая с удовольствием возьмет его себе. Она моя племянница, и у нее сегодня день рождения.

Карлинг посмотрел на него единственным глазом. Хрип в его дыхании становился все громче — такой звук издает двигатель, в который попала грязь.

(*ты можешь мне помочь... пожалуйста док... помоги мне*)

Да. Он мог помочь. Это было его призванием, тем, ради чего он и был создан. В Ривингтоне воцарилась тишина, полнейшая тишина. Где-то рядом открывалась дверь. Они подошли к последней черте. Фред Карлинг смотрел на него. Спрашивая: *что?* Спрашивая: *как?* Но все было предельно просто.

— Тебе нужно всего лишь заснуть.

(*не бросай меня*)

— Не брошу, — сказал Дэн. — Я буду здесь. Я останусь, пока ты не заснешь.

Он стиснул руку Карлинга в своих ладонях. И улыбнулся.

— Пока ты не заснешь, — повторил он.

1 мая 2011 г. — 17 июля 2012 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

Первой книгой, которую я написал для издательства «Скрибнер», был роман «Мешок с костями», вышедший в 1998 году. Желая помочь новым партнерам, я отправился в турне, которое было частью рекламной кампании романа. И во время одной из сессий раздачи автографов некий мужчина спросил: «Послушайте, а как сложилась дальнейшая судьба того мальчугана из "Сияния"?»

Этот вопрос уже не раз задавал себе я сам наряду с другим интересным вопросом: что произошло бы с непутевым отцом Дэнни, если бы он обратился за помощью к обществу «Анонимные алкоголики», а не пытался вести образ жизни, который члены АА называют «трезвостью через силу»?

Подобно идеям романов «Под Куполом» и «11/22/63», эта мысль навязчиво преследовала меня. Время от времени — мылся ли я в душе, смотрел телевизор или ехал куда-то по шоссе — я ловил себя на том, что прикидываю, сколько лет сейчас могло быть Дэнни Торрансу и куда его забросила жизнь. Не говоря уж о его матери — еще одном в общем-то неплохом человеке, оставшемся в живых после волны разрушений, произведенных Джеком Торрансом. Уэнди и Дэнни, если использовать современный жаргон, были «созависимыми» — то есть людьми, связанными чувствами любви и ответственности с членом своей семьи, который не в состоянии преодолеть дурные привычки. А в 2009 году один из моих друзей из числа завязавших алкоголиков подбросил мне фразу, которая звучала так: «Когда созависимый тонет, у него перед глазами проносится чужая жизнь».

Эти слова показались мне горькой истиной, а не забавной шуткой, и, думаю, именно тогда роман «Доктор Сон» был обречен на появление. Мне требовалось во всем разобраться.

Испытывал ли я робость, берясь за эту книгу? Да, и еще какую! «Сияние» — один из тех романов, которые читатели неизменно упоминают (наряду со «Жребием», «Кладбищем домашних животных» и «Оно») как мою книгу, напугавшую их больше остальных. Не стоит забывать и о киноверсии Стенли Кубрика, которую многие запомнили — по не совсем ясным для меня причинам — как один из самых страшных фильмов ужасов. (Если вы видели только фильм, но не читали роман, обязан вас предупредить, что «Доктор Сон» является продолжением именно книги, которая, по моему мнению, и есть Подлинная История Семьи Торранс.)

Мне бы хотелось верить, что я по-прежнему умею хорошо делать свое дело, однако *невозможно* создать нечто более впечатляющее, чем произведение, оставшееся в чьей-то памяти как самая жуткая история, и *я нисколько не преувеличиваю*, особенно если речь идет о памяти молодого и восприимчивого человека. Так, например, было создано по меньшей мере одно очень хорошее продолжение «Психо» Альфреда Хичкока («Психо IV» режиссера Мика Гарриса, с Энтони Перкинсом в роли Нормана Бейтса), но люди, посмотревшие его или одну из других подобных попыток, только качали головами и говорили: *нет-нет, гораздо хуже, даже сравнения быть не может*. А все потому, что они помнят, как впервые глазами Джанет Ли увидели отдергивающуюся занавеску душа и блеск смертоносной стали. Никакое продолжение с этим не сравнится.

Но люди меняются. И человек, написавший роман «Доктор Сон», очень непохож на преисполненного благих намерений алкоголика, который создал «Сияние». Их объединяет только стремление рассказать читателям захватывающую историю. И я получил искреннее удовольствие, вновь разыскав Дэнни Торранса и описав его приключения. Надеюсь, что доставил удовольствие и вам тоже. Если это так, Мой Верный Читатель, то мы расстаемся друзьями.

Прежде чем проститься, позвольте выразить признательность тем, кто этого заслужил.

Нэн Грэм, редактору книги. *Заслуженное* спасибо тебе, Нэн.

Чаку Верриллу, моему агенту, который продал книгу. Это само по себе важно, но он к тому же отвечал за меня на телефонные звонки и поил меня с ложечки успокоительным. Подобные услуги неоценимы.

Рассу Дорру, который занимался проверкой фактов, но если в книге что-то не так, виноват в этом только я — значит, я что-то не понял. Расс — прекрасный фельдшер, и нордический монстр вдохновения, и веселый малый.

Крису Лоттсу, который подкидывал мне итальянские фразы по мере необходимости. Привет, Крис.

Рокки Вуду, моему ходячему справочнику по роману «Сияние», напоминавшему мне имена и даты. Он также снабдил меня информацией обо всех домах на колесах и кемперах, какие только существуют в природе (в том числе самом крутом из них, «эрскрузере» Роуз). Рокки знаком с моим творчеством лучше, чем я сам. Загляните как-нибудь на его сайт. Он все время обновляется.

Моему сыну Оуэну, прочитавшему книгу и предложившему важные правки. Именно он настоял, что мы должны увидеть, как Дэн опустился на, используя терминологию АА, самое «дно».

Моей жене, которая тоже прочитала роман «Доктор Сон» и помогла сделать его лучше. Я люблю тебя, Табита.

Приношу благодарность всем читателям моих книг. Желаю вам долгих дней и приятных ночей.

А напоследок — предостережение: путешествуя по дорогам Америки, присматривайтесь ко всем этим «виннебаго» и «баундерам».

Никогда не знаешь, кто может находиться внутри. Или *что*.

Бангор, штат Мэн

СОДЕРЖАНИЕ

Предварительные вопросы
Сейф 11
Гремучая змея 31
Мама 46

Часть первая. Абра
Глава 1. Добро пожаловать в Игрушечный городок 65
Глава 2. Плохие числа 100
Глава 3. Ложки 115
Глава 4. Доктор Сон на вызове 149
Глава 5. Истинный Узел 165
Глава 6. Странное радио 187

Часть вторая. Пустые дьяволы
Глава 7. «Вы меня не видели?» 219
Глава 8. Теория относительности Абры 247
Глава 9. Голоса наших умерших друзей 274
Глава 10. Хрупкие узоры 290
Глава 11. Тоуми 25 320
Глава 12. Они называют это паром 353

Часть третья. Вопросы жизни и смерти
Глава 13. Клауд-Гэп 377
Глава 14. Ворон 405
Глава 15. Подмена 429
Глава 16. То, о чем забыли 458
Глава 17. Маленькая стерва 484

Часть четвертая. «Крыша мира»
Глава 18. Путь на запад 497
Глава 19. Призрачные люди 517
Глава 20. Центр колеса, «Крыша мира» 540

Пока ты не заснешь
Годовщина 555
Пока ты не заснешь 561

Послесловие автора 571

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Кинг Стивен

ДОКТОР СОН

Роман

Ответственный редактор *Л. Кузнецова*
Редакторы *К. Егорова, С. Тихоненко*
Ответственный корректор *И. Мокина*
Компьютерная верстка *С. Клещёв*
Технический редактор *О. Панкрашина*

Подписано в печать 30.01.2018.
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Усл. печ. л. 30,24.
Доп. тираж 4000 экз. Заказ № 1214.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 39
Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru
ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, жулдызды гүлзар, д. 21, 1 құрылым, 39 белме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН BOOKSM.RU
BOOKSM.RU МАГАЗИН-ПОЧТА

16+

Стивен Кинг — один из самых популярных писателей нашего времени.
Его читают подростки и взрослые, женщины и мужчины — все, кто стремится лучше понять себя и других, а также изменчивый и непредсказуемый мир, в котором мы живем.
Стивену Кингу подвластны все жанры: он — автор великолепных романов, потрясающих повестей и блистательных рассказов.
Среди шедевров Мастера — полное мистики и саспенса «Сияние», приоткрывающая тайны человеческого сознания «Мертвая зона», удивительно трогательная и в то же время невероятно жесткая «Зеленая миля», леденящая кровь «Кэрри», «жемчужина» фэнтези «Темная Башня» и многое-многое другое...

Легендарный роман Стивена Кинга «Сияние», вышедший в 1977 году, перевели на все языки мира и неоднократно экранизировали (наиболее известен вошедший в фонд мирового кинематографа фильм Стенли Кубрика с блистательным Джеком Николсоном в главной роли). И вот теперь Стивен Кинг вновь возвращается к своим героям, представляя бесчисленным поклонникам продолжение «Сияния» — поразительный роман «Доктор Сон».

Дэнни Торранс, сын писателя, уничтоженного темными силами отеля «Оверлук», до сих пор тяготится своим необычайным даром. Ведь способность «сиять» вновь и вновь напоминает ему о трагических событиях, пережитых в детстве и едва не сломавших ему жизнь.

На плаву Дэнни поддерживает лишь работа в хосписе, где его способности помогают облегчить пациентам мучительную боль. Но однажды к Дэну приходит двенадцатилетняя девочка Абра, которая излучает «сияние» невероятной, немыслимой силы. И девочке этой угрожает смертельная опасность — на нее объявлена настоящая охота.

Дэн Торранс — единственный, кто может ее

3-199
Доктор Сон (Кинг)
9785170995578 ВК
412 руб.

...ние культового романа «Сияние»!

...зошел самого себя!

«Booklist»